Digitized by the Internet Archive
in 2024

https://archive.org/details/russkaya-mysl-1880_1880_3

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

edited by

C. H. VAN SCHOONEVELD

Indiana University

171/3

1969

MOUTON

THE HAGUE · PARIS

IN COOPERATION WITH EUROPE PRINTING, VADUZ

Russkaia Mysl'

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Godovii Kniga

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА III.

МОСКВА.

1880.

Редакція и контора Русской Мысли: Малая Дмитровка, д. Роледеръ.

Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская улица, д. Кушнеревой.

Printed in Germany

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Ренегатъ. Восточная повѣсть Словацкаго. Пер. П. Козлова. . 1
II. Великій расколъ. Истор. повѣсть. Д. Мордовцева. XII—XIV. . . 13
III. Между вѣчностью и минутой. Романъ. М. Іогеля, часть I, главы I—X. 52
IV. Изъ недавняго прошлаго. Разсказъ Н. Северина. 128
V. Морозъ и весна. Стихотвор. Л. Пальмина

Русская жизнь.

VI. Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ. О. Миллера. . 1
VII. Боярская дума древней Руси. В. Ключевскаго. Гл. III. . . . 45
VIII. Наше земство и народная школа. С. Миропольскаго. I—II. . . 75

IX. Изъ Гёте. Стихотвореніе Л. Пальмина.

Славянскіе народы.

X. Голосъ изъ Угорской Руси 1
XI. Помаки. И. Г. 25

XII. На далекой окраинѣ. Стихотвореніе.

Науки и искусства.

XIII. Синтезъ ученій объ экономической политикѣ. Ив. Иванюкова. Гл. II. 1
XIV. Антропологическіе очерки. Д. Анучина 45

XV. *** Стихотвореніе.

XVI. **Библіографія.**

Г. Алексѣевъ. Макіавелли, какъ политическій мыслитель. Москва. 1880. В. Гольцева.

Значеніе крестьянъ въ русскомъ обществѣ во время Русской Правды и разнообразныя названія крестьянъ въ XII—XV в.в. Историко-критическій очеркъ И. Кальнева. Одесса. 1879. *a.*

Уложеніе царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и земскій соборъ 1648—1649 гг. Рѣчь на торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета. 5 ноября 1879 г. Г. Загоскина. Казань. 1879. α.

Gesammelte kleine Schriften von I. C. Bluntschli. 1 Band. Aufsätze über Recht und Staat. Nordlingen. 1879. B. Y.

Краузе. Эразмъ Дарвинъ. Съ предисловіемъ Чарльса Дарвина Л. 1879. (Erasmus Darvin. By E. Krause Translated from the German by W. S. Dallas with a preliminary Notice by Charles Darvin. Portrait und Woodcust. L. Murray, 1879).

XVII. **Внутреннее обозрѣніе** 18

XVIII. **Земство.**

1. Земское обозрѣніе 36
2. Одно изъ земствъ Приволжскаго края. Очеркъ. Б. Н. Н. . . 57

XIX. Политическое обозрѣніе 74

XX. Объявленія.

Въ конторѣ Редакціи, въ Москвѣ, на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Роледеръ, находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова. Очерки и разсказы. Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Л. И. Пальмина—Сны на яву. Собраніе стихотвореній. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли). Избранныя стихотворенія. Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Подписчики «Русской Мысли» пользуются при покупкѣ этихъ изданій 20% уступки.

Въ **Апрѣльской** книгѣ начнется печатаніе романа **гр. Е. А. Сальасъ: „Сонъ на Невѣ“** или **„Петербургское Дѣйство“.**

Только что мы окончили печатаньемъ настоящую книжку, какъ прочли передовыя статьи № 79 и 80 «Московскихъ Вѣдомостей»....

Оскорблялъ ли когда-нибудь, кто-нибудь въ русской печати русское общество такъ, какъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ сказанныхъ номерахъ? Осмѣливался ли кто нибудь бросать въ лицо всей русской интеллигенціи, что она «орудіе для вражеской крамолы, злоумышляющей противъ Россіи, противъ русскаго народа....»? И противъ кого еще? Не даромъ же фраза оканчивается нѣсколькими точками. Кто дерзалъ у насъ въ печати всенародно обвинять въ этомъ и не одну только ту интеллигенцію, которая служитъ непосредственнымъ представителемъ русской общественной мысли, но и ту, которая «примыкаетъ къ правительству» и будто бы «пасуетъ передъ крамолою», обвинять и «законную» (оффиціальную?) «печать, которая» будто бы «перемигивается съ крамольниками», и даже набрасывать тѣнь подозрѣнія на само «правительство» (должно полагать, въ лицѣ высшихъ агентовъ Верховной Власти), «которое», по словамъ Московскихъ Вѣдомостей, «борется, не борется съ крамолою».

Неужели все это пройдетъ даромъ и не будетъ обузданъ этотъ оскорбительный для всего русскаго общества, наглый, сумасшедшій крикъ распаленной инквизиціоннымъ жаромъ фантазіи? Неужели можетъ безвозбранно гулять и разноситься по Россіи этотъ голосъ, всенародно объявляющій и русскую интеллигенцію, и русскую печать, и русское правительство орудіями враговъ народа? Не есть ли это воззваніе къ народнымъ страстямъ?! Не есть ли это злобный призывъ къ анархіи, только идущій съ другаго конца?! Не есть ли это скрывшійся подъ маску консерватизма анархическій нигилизмъ?!

Откройте ваши карты, г. редакторъ.

Если вся интеллигенція больна, если она лживо «кричитъ о себѣ какъ о здоровой силѣ, на которую должно опереться пра-

вительство въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ», если «законные органы печати перемигиваются съ крамолой», если «само правительство борется, не борется съ разрушительными силами»: такъ гдѣ же спасеніе? Въ васъ, что ли, г. народный трибунъ, руководящій «Московскими Вѣдомостями»? Укажите же положительный путь къ спасенію. Отъ васъ мы слышали только слова призыва къ казнямъ и террору, да огульныя обвиненія въ содѣйствіи врагамъ народа. Говорите прямо, чего вы хотите. Вѣдь вести къ разрушенію государственнаго порядка можно съ двухъ сторонъ. Если подпольная крамола избрала своимъ орудіемъ возбужденіе народныхъ массъ и противъ образованнаго общества, и противъ правительства;—не то же ли самое вы дѣлаете, объявляя предъ тѣмъ же народомъ и общество, и правительство орудіями враговъ его? Ни ихъ, ни ваши цѣли намъ неизвѣстны.

Неужели противъ всего этого не подниметъ свой голосъ оскорбленное русское общество и не заглушитъ энергическимъ протестомъ и выраженіями своего негодованія этотъ сумасбродный набатъ, только разжигающій народныя страсти?

Мы увѣрены, что на наши слова «Московскія Вѣдомости» отвѣтятъ цѣлымъ градомъ клеветъ, ругательствъ, злобныхъ инсинуацій, или выраженіемъ напускнаго высокомѣрнаго презрѣнія къ нашимъ словамъ: но мы не отвѣтимъ имъ ни на что, ибо препирательство съ такимъ органомъ печати немыслимо ни для кого, кто хоть сколько нибудь уважаетъ себя.

РЕНЕГАТЪ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ

Словацкаго.

Посвящ. А. С. Кольцову.

Исповѣдь монаха.

I.

Подъ рясой черной, въ кельѣ душной,
Кончаю я тяжелый путь
И покидаю свѣтъ бездушный;
Мятется духъ, слабѣетъ грудь....
Подъ головой моею камень;
На немъ усну. Вокругъ меня
Темнѣетъ-гаснетъ жизни пламень;
Какъ пальма степи вяну я.
Съ душою полною гордыни
Когда-то силенъ и могучъ—
Я былъ вождемъ сыновъ пустыни,
Меня лелѣялъ счастья лучъ.
Внимая голосу свободы,
Глядя на неба звѣздный рой,
Я забывалъ тоску невзгоды,
Мирился съ горькой нищетой.
Когда отчаянье порою
Томило душу—я скрывалъ
Свои страданья; лишь рукою
Бывало стисну я кинжалъ.

Гордился я своимъ булатомъ;
Стальной кинжалъ сверкалъ огнемъ;
На лезвеѣ писалъ я златомъ,
Какъ въ книгѣ пишешь ты перомъ.

II.

Разъ, погруженный въ размышленье,
Я ѣхалъ, подлѣ—никого....
Какъ вдругъ плѣнительное пѣнье
Коснулось слуха моего.
Тревожа сонъ степи безлюдной,
Тотъ гимнъ божественный въ горахъ
Звучалъ торжественно и чудно
И на землѣ, и въ небесахъ.
Къ нему восторженно я мчался;
И вотъ все ближе, громче онъ....
Колоколовъ волшебный звонъ
Во мракѣ ночи раздавался.
Молились иноки; во храмъ
Вошелъ я въ страхѣ и смятеньи;
Горѣли свѣчи, лилось пѣнье,
Кругомъ носился ѳиміамъ.
На стѣнахъ звѣзды золотыя
Горѣли въ отблескахъ зари....
Волнами свѣта облитые
Блестѣли ярко алтари....
Стройнѣе пальмъ колонны храма
Стояли, золотомъ горя....
Вдругъ въ свѣтлыхъ волнахъ ѳиміама
Небесный ликъ увидѣлъ я.
То ангелъ былъ: одѣтъ лучами
По храму тихо онъ летѣлъ
И лучезарными очами
Мнѣ въ душу тёмную глядѣлъ....
Творя горячее моленье,
Суля надежду, онъ парилъ....
Я палъ во прахъ:—съ того мгновенья
Я вѣрѣ предковъ измѣнилъ.

III.

Ты говоришь, что это счастье;
Но я съ тѣхъ поръ бѣду узналъ....
Съ тѣхъ поръ горячаго участья
Ни въ комъ, нигдѣ я не встрѣчалъ.
Меня клянутъ друзья и братья;
Меня гнететъ отца проклятье;
Онъ такъ сказалъ:—«Ты мнѣ не сынъ;
Отнынѣ чуждъ сынамъ пророка,
Уйди отъ нихъ, уйди далёко
Скитайся по свѣту одинъ»!
И вотъ я гасну одинокій.....

IV.

Святой невинностью сіяя,
И безмятежна, и свѣтла,
Межъ нами Зара молодая,
Какъ роза вешняя цвѣла....
Волшебный образъ милой Зары
Глубоко въ душу мнѣ запалъ....
Любви плѣнительныя чары
Тогда впервые я узналъ.
Я Зарѣ, въ сладкомъ упоеньи,
Въ душѣ своей воздвигнулъ храмъ
И расточалъ предъ ней моленья,
Курилъ предъ нею ѳиміамъ....
Въ ея душѣ, какъ перлъ безцѣнный,
Свою я душу схоронилъ....
Одной мечтѣ благословенной
Я жизнь и думы посвятилъ....
Земную жизнь и кущи рая,
Все былъ бы я готовъ отдать,
Чтобъ только, страстно замирая,
Ее къ груди своей прижать....
Лишь къ ней одной душа лежала;
Когда, бывало, въ часъ ночной
Она свѣтила созерцала,

Я говорилъ, объятъ тоской,
Томимый ревностью напрасной:
«Я ихъ завидую судьбѣ.
«О, не гляди на нихъ такъ страстно:
«Ихъ не могу я дать тебѣ»!...

V.

Какъ тяжело воспоминанье
О полныхъ счастья, свѣтлыхъ дняхъ,
Когда въ душѣ одно страданье,
Когда слеза дрожитъ въ глазахъ;
Не долго счастье насъ ласкало—
Увы! пробилъ разлуки часъ;
Тоску и скорбь душа узнала,
Надъ нами буря пронеслась....
Подобный зареву пожара,
Заката лучъ, блѣднѣя, гасъ,
Когда плѣнительная Зара
Сошлась со мной въ послѣдній разъ.
Блѣднѣй, чѣмъ снѣжныя вершины,
Стояла предо мной она;
Какой тоски, какой кручины
Была душа ея полна!
Она сказала мнѣ, рыдая:
На вѣкъ должны разстаться мы....
Тебя зоветъ страна иная,
Ты ищешь свѣтъ—мы дѣти тьмы....
Ты жизнь мою сгубилъ до срока,
Я скоро вѣкъ окончу свой;
Ты измѣнилъ сынамъ пророка,
Уйди отъ насъ—ты намъ чужой....
Прости прости! я не забуду,
Что ты меня одну любилъ,
И за тебя молиться буду,
Чтобы пророкъ тебя простилъ....
Съ тѣхъ поръ я жизнь влачу уныло;
Тяжелый крестъ судьбой мнѣ данъ;
Я смерть зову—одна могила
Излечитъ боль сердечныхъ ранъ....

VI.

Однажды, степью проѣзжая,
Съ пути я сбился.... вѣрный конь
Упалъ на прахъ, изнемогая—
Въ его очахъ потухъ огонь....
Склонивъ главу, махая гривой,
Песокъ копытами онъ рылъ,
Ища воды нетерпѣливо....
Въ немъ угасалъ остатокъ силъ....
Ручей студеною волною
Отъ смерти насъ спасти бы могъ;
Увы! безбрежной пеленою
Кругомъ лежалъ одинъ песокъ.
Насъ смерть звала въ свои объятья;
Надежды лучъ въ душѣ угасъ;
Напрасны стоны и проклятья,—
Для насъ насталъ кончины часъ....
Въ степи безводной нѣтъ спасенья....
Намъ не видать родныхъ долинъ....
Вдругъ вижу ѣдетъ въ отдаленьи
Въ одеждѣ бѣлой бедуинъ.
И беззаботный, и веселый,
Онъ пѣсню родины поетъ;
Верблюдъ, подъ ношею тяжелой,
Качаясь, медленно идетъ;
Дрожа я всадника догналъ:
«Хаджи, Господь тебя послалъ!
«Я гибну здѣсь; спаси меня,
«Напой усталаго коня.
«Воды коню, воды немного!...
«Воскреснетъ онъ—и за тебя
«Молить я вѣчно буду Бога....»
Надежду свѣтлую губя,
Онъ, полонъ гордаго презрѣнья,
Сказалъ: «гяуръ, не жди спасенья!...
Воды измѣнннку не дамъ:
Умри злодѣй!».... Къ моимъ ногамъ,
Покрытый кровью, всадникъ палъ:
Не промахнулся мой кинжалъ;

Чалма упала съ бедуина,
Лицо открылось; Боже мой,
Какая страшная картина
Предстала вдругъ передо мной!...
Тоской и ужасомъ объятый
Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ:
Въ убитомъ я роднаго брата,
Въ нѣмомъ отчаяньи, узналъ.

VII.

Уныло льется плачъ народа
О смерти падшаго вождя;
Теперь изъ царственнаго рода
Въ живыхъ одинъ остался я.
Родныхъ проклятья и угрозы
Мнѣ муки вѣчныя сулятъ....
Я слезы лью, но эти слезы
Ихъ память свѣтлую чернятъ.
Моя душа тоской объята;
Меня мучительные сны
Тревожатъ.... грозный призракъ брата
Я увидалъ среди луны....
Смѣнилось страшное видѣнье:
Я увидалъ лицо отца;
Оно дышало жаждой мщенья,
Дышало злобой безъ конца....
Исчезли призраки могилы
И Зара стала предо мной,
Изъ глазъ ея, съ тоской унылой,
Слеза струилась за слезой,
Она дарила мнѣ участье....
Я вспомнилъ грезы прежнихъ дней....
Увы, волшебный призракъ счастья
Не дастъ покой душѣ моей!...

VIII.

Передо мною въ смертный часъ
Встаютъ прошедшаго картины....

Старикъ, ты помнишь ли? на насъ
Напали ночью бедуины....
Со всѣхъ сторонъ враги неслись
Непобѣдимою ватагой....
Пылая гордою отвагой,
Они въ обитель ворвались....
Неровны были наши силы,
Но, защищая храмъ святой,
Мы поклялися лечь въ могилы....
Въ главѣ враговъ былъ вождь сѣдой;
Онъ имъ указывалъ рукой
На украшенья алтаря;
Безумной злобою горя,
Ужъ онъ схватилъ сосудъ съ Дарами;
Его ударилъ я крестомъ;
Онъ только разъ взмахнулъ руками
И палъ, какъ будто Божій громъ
Его сразилъ; скользнула чаша
Изъ рукъ его. Я закричалъ:
«Враги бѣгутъ—побѣда наша!»—
Потомъ на трупъ мой взоръ упалъ;
Лежалъ старикъ; струею алой
Лилася кровь съ его лица;
О Боже! что со мною стало,
Когда я въ немъ узналъ отца!...

IX.

Вотъ жизнь моя; съ тоской мученья
Проснулась боль душевныхъ ранъ.
Пускай въ рукахъ символъ спасенья;
Но все жъ храню я талисманъ,
Храню какъ память о пустынѣ:
То милой даръ, послѣдній даръ.
Онъ мнѣ оплотомъ и святыней;
Онъ полонъ чудныхъ, свѣтлыхъ чаръ.
Въ немъ сладко дремлетъ мысль пророка;
Не бойся!—эта мысль чиста;
Какъ лучъ сіяющій Востока,
Она достойна и Христа:

«Съ молитвой нѣтъ тоски и горя;
«Молитвой рай душѣ готовь;
«Дари за ненависть любовь;—
«Взгляни на раковину моря:
«Въ мученьяхъ вѣкъ кончая свой,
«Она убійцамъ, умирая,
«Бросаетъ жемчугъ дорогой».
А я всю жизнь провелъ страдая
Отъ злобы ближнихъ и друзей....
А ты, монахъ, ты, гнѣва полный,
Стоишь суровый и безмолвный
И мраченъ блескъ твоихъ очей;
Возьми, возьми стихи Корана
Лиши страдальца талисмана,
Сорви его съ груди моей....
Когда, порою, сынъ пророка
Стихи Корана отдаетъ,
Онъ слышитъ ангела полетъ,
Онъ слышитъ стонъ его глубокій:
На вѣкъ заступника лишенъ,
Измѣнникъ въ скорби погибаетъ.
Монахъ! до слуха долетаетъ
Какой-то грустный, тихій стонъ.

X.

Тѣнь Зары.

1.

Ты услыхалъ мой стонъ унылый...
Златые сны минувшихъ дней
Въ тебѣ воскресли съ новой силой
И образъ свѣтлый, образъ милый
Душѣ представился твоей....

2.

Ты позабылъ стихи Корана,
Пророка гнѣва не боясь;

Не измѣняй сынамъ Ирана,
Храни святыню талисмана,
Вонми пророку, въ смертный часъ!

3.

Припомни: пламенныхъ явленій
Пустыня свѣтлая полна;
По ней несется рядъ видѣній;
Я въ нихъ живу, какъ эти тѣни,
Неуловима и блѣдна.

4.

Я на лучѣ, дрожащемъ, свѣта
Къ тебѣ примчалась въ часъ ночной;
Любовью грудь моя согрѣта;
Лицо, съ улыбкою привѣта,
Сіяетъ прежнею красой.

5.

Холоднымъ призракомъ могилы
Я не пришла тебя пугать;
Свѣтла, какъ ангелъ легкокрылый,
Хочу по-прежнему, мой милый,
Тебя лелѣять и ласкать.

6.

Плѣнять желаніемъ объята,
Глаза я вспрыснула росой;
Лице горитъ лучемъ заката
И кудри полны аромата,
Какъ розы раннія весной.

7.

Ужъ близокъ часъ послѣдней муки;
А близъ тебя монахъ сидитъ
И крестъ твои сжимаютъ руки;
Онъ намъ сулитъ тоску разлуки,
Разлукой вѣчною грозитъ.

8.

Отбрось его! падетъ преграда
И ты со мной сойдешься вновь
Въ странѣ, гдѣ нѣга и прохлада,
Гдѣ мирно царствуетъ отрада,
Гдѣ счастье вѣчно, какъ любовь.

9.

Тамъ зеленѣютъ кущи рая;
Инаго солнца грѣетъ лучъ;
Сіяетъ тамъ луна иная,
Цвѣты растутъ не увядая,
Потокъ прозраченъ и пѣвучъ.

10.

Презрѣвъ людское самовластье,
Мы полетимъ въ страну тѣней
И тамъ, вкушая сладострастье,
Душѣ найдемъ восторгъ и счастье
Вдали отъ свѣта и людей.

11.

Твой часъ насталъ; слабѣютъ силы....
Ты все молчишь, а смерть зоветъ....
Прости на вѣкъ... прости, мой милый!..
И на землѣ, и за могилой
Разлука вѣчная насъ ждетъ!»...

—

Изчезла! въ сердцѣ смутный страхъ..
Возьми мой крестъ!... Уйди монахъ!
Твоихъ моленій мнѣ не надо....
Въ святомъ сосудѣ дай мнѣ яда,
Но возврати мнѣ талисманъ.

Исповѣдникъ.

Молись! за свѣтлое видѣнье
Ты принялъ сонъ воображенья,
Больной мечты пустой обманъ.

XI.

Я согрѣшилъ.... прости меня;
Здѣсь душно мнѣ; здѣсь давятъ цѣпи...
Отдай мнѣ быстраго коня,
Отдай мнѣ ширь родимой степи!...
Мой конь скакалъ среди степей,
Неуловимый и крылатый;
Онъ несся облака быстрѣй....
Воды коню! хоть съ кровью брата!..
Монахъ, минувшіе года,
Какъ привидѣнья предо мною,
Стоятъ бурливою рѣкою,
Они промчались безъ слѣда...
Блаженъ, кто жизнью наслаждался;
А я кончаю тяжкій путь
И не успѣлъ, такъ быстро мчался,
Въ тѣни прохладной отдохнуть...

XII.

Разлуки съ жизнью часъ печальный
Насталъ, исполненъ тяжкихъ мукъ;
Я слышу пѣсни погребальной
Унылый, безнадежный звукъ.
Кадила волны аромата
Бросаютъ; блещетъ храмъ святой;
Монахи молятся за брата,
Который вѣкъ кончаетъ свой;
Но нѣтъ любви, нѣтъ сожалѣнья
Въ молитвѣ той; у алтаря
И ихъ сердца, и ихъ моленья
Хладнѣе стѣнъ монастыря.

XIII.

Въ оазисъ свѣтлый и душистый
Неси меня!... здѣсь ноетъ грудь;
Тамъ нѣгой дышетъ воздухъ чистый,
Среди цвѣтовъ легко заснуть.

Растетъ тамъ дерево *), вѣтвями
Оно подъ сѣнь свою манитъ;
Увидя путника, листами
Съ любовью нѣжной шелеститъ;
Зоветъ къ себѣ, дрожитъ отъ счастья,
Когда прохожій подойдетъ;
Тамъ и въ лѣсу найдешь участье
А здѣсь все холодно, какъ ледъ.

XIV.

Когда на вѣкъ закрою очи,
Могильнымъ холодомъ объятъ,
Пускай по мнѣ, во мракѣ ночи
Съ тоской колокола звучатъ....
Быть можетъ, степью проѣзжая,
Пустыни сынъ услышитъ звонъ;
Вождя измѣну вспоминая,
Отъ дремоты очнется онъ;
Прочтетъ съ любовью стихъ Корана,
Съ проклятьемъ вспомнитъ обо мнѣ
И снова, мчась среди тумана,
Задремлетъ сладко на конѣ.

Перев. **П. Козловъ.**

---

*) Въ оазисахъ растетъ дерево, которое имѣетъ ту особенность, что листья его дрожатъ, когда кто нибудь подходитъ къ нему.

Великій расколъ.

Историческое повѣствованіе.

XII.

Въ то утро, когда въ Москвѣ начался судъ надъ Никономъ, врагъ его, непримѣримѣйшій изъ всѣхъ враговъ, Аввакумъ, сидѣлъ на охапкѣ соломы, брошенной на земляномъ полу въ углу арестантской келейки подмосковнаго монастыря Николы на Угрѣшѣ и, положивъ на правое колѣно измятый клочокъ синей бумаги, писалъ что-то деревянною палочкою, мокая въ стоявшій на полу глиняный черепочекъ.

И Аввакумъ многое пережилъ въ эти послѣдніе два года. Онъ сидѣлъ въ заточеніи то въ томъ, то въ другомъ монастырѣ, мужественно отгрызаясь отъ всѣхъ своихъ враговъ, вымучился полтора года въ тягчайшей ссылкѣ на Мезени, терпя холодъ, голодъ и побои, былъ разстриженъ и теперь привезенъ въ Москву тоже на судъ вселенскихъ патріарховъ.

Тюрьма, въ которой онъ теперь томился, представляла кубическую каменную коробку въ сажень длины и ширины, съ узенькимъ оконцемъ за желѣзною рѣшеткою съ острыми зубьями. Въ этой каменной коробкѣ ничего не было—ни стола, ни скамьи, ни кровати; вмѣсто всего этого въ углу брошена была охапка соломы, на которой и сидѣлъ расколоучитель. По сырымъ стѣнамъ виднѣлась позеленѣвшая плесень, мѣстами прохваченная морозомъ и заиндевѣвшая; оконце тоже промерзло такъ, что если бъ въ него и солнце заглянуло, то оно не въ силахъ было бы пробить своими лучами эту сплошную льдину, въ которую превратилось стекло. На одной изъ стѣнъ каменной коробки, въ переднемъ углу, виднѣлось подобіе большаго осьмиконечнаго кре-

ста и грубое изображеніе руки съ двуперстнымъ сложеніемъ: эти символы Аввакумъ выцарапалъ въ каменной стѣнѣ своими когтями, которые отросли у него, какъ у собаки.

Аввакумъ много, почти неузнаваемо, измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его у Морозовой, а потомъ у Ртищевыхъ вмѣстѣ съ Симеономъ Полоцкимъ. Сѣдые, длинные и курчавые волосы его были острижены, какъ у арестанта: это была уже не поповская, не иконная голова, а простая колодницкая. Но тѣмъ рельефнѣе теперь выступала ея угловатость и ширококостность; въ этой ширококостности темени и затылка и въ этой сдавленности и вогнутости лобной кости сказывалось желѣзное упрямство монomана, фанатически преданнаго мрачному, суровому идеалу непоколебимой выносливости. Онъ былъ одѣтъ въ дырявый нагольный тулупъ, изъ-подъ котораго виднѣлись ноги, обутыя въ лапти и пестрыя онучи, перевитыя мочалками. По временамъ онъ задумывался, клалъ палочку, замѣнявшую ему перо, на черепокъ, и согрѣвалъ дыханіемъ закоченѣвшіе отъ мороза пальцы. Но это повидимому не помогало: по холодной тюрьмѣ распространялся только паръ отъ дыханія, но теплѣе не дѣлалось.

— Господи! дунь на руцѣ мои дыханіемъ Твоимъ! страстно обращался онъ къ кресту, выцарапанному имъ въ стѣнѣ. — Ты пещь огненную охладилъ нѣкогда въ Вавилонѣ дуновеніемъ Твоимъ: согрѣй нынѣ дыханіемъ Твоимъ божественнымъ персты моя, да прославлю имя Твое, многомилостиве!

И онъ снова нагибался и чертилъ палочкой по бумагѣ, разложенной на правомъ колѣнѣ. А потомъ началъ бормотать про себя вслухъ написанное:

«Анисьюшка! чадо мое духовное! азъ есмь изможденъ отъ грѣхъ моихъ и отъ холоду въ темницѣ моей и не могу о себѣ молитвы чисты со благоговѣйнствомъ приносити. Ей! не притворяся говорю, чадо! Не молюся, а кричу ко Господу, скучу, что собачка-песикъ на морозѣ. Пальцы мои въ льдины обращаются, все развалилося во мнѣ, душа перемерзла моя, на сердцѣ снѣгъ, на устахъ иней. Поддержи мою дряхлость ты, младая отроковица, стягни плетью духовною душу мою, любезная моя! Утверди малодушіе мое, Богомъ избранная — вздохни и прослезися о мнѣ!».

Онъ помолчалъ и снова сталъ дышать въ застывшія ладони. По щекамъ его текли слезы:...

— Дунь, Господи! согрѣй меня! вить солнце и огнь пекель-

ный въ Твоихъ рукахъ! опять закричалъ онъ страстно, глядя на крестъ.

Потомъ опять нагнулся къ бумагѣ и сталъ читать: «Слушай-ка, Аниська! о племени своемъ не больно пекись: комуждо и безъ тебя промышленникъ Богъ, и мнѣ, мерзлой псицѣ. Забудь, что ты боярышня, знатнаго роду; и умѣешь ли ты молоть муку? Мели рожь въ жерновахъ, да на сестеръ хлѣбы пеки или въ пекарни шти вари, да сестрамъ и больнымъ разноси. Да имѣй послушаніе къ матери Меланіи, не разсуждай о величествѣ сана своего, яко боярышня, богачка и сановница—отрицайся мысли сея и оплюй ее! Плюй на все, что не отъ Бога!»....

Онъ положилъ бумагу въ сторону, поднялся съ соломы и упалъ на колѣни....

— Вергни ко мнѣ солнце сюда: — Тебѣ все возможно! дуни лѣтомъ въ темницу мою! молился онъ.

За окошкомъ тюрьмы послышался скрипъ саней, бубенчики и звяканье упряжи...

— Охъ! ужли это она! вскочилъ онъ въ волненіи.—Она!— ея чѣпи гремятъ....

Сани проѣхали на монастырскій дворъ. Аввакумъ всталъ и шагалъ изъ угла въ уголъ по своей каменной коробкѣ, то и дѣло поднимая глаза къ выцарапанному въ углу кресту.

Черезъ нѣсколько минутъ за дверью послышался шорохъ и скрипъ отмыкаемаго ржаваго замка. Аввакумъ лихорадочно прислушивался къ этимъ звукамъ и крестился. Скоро дверь завизжала на петляхъ и тяжело раскрылась.

— Входите, матушка благодѣтельница, послышался голосъ за дверью.

— Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ! зазвучалъ серебряный голосокъ, отъ котораго Аввакумъ вздрогнулъ.

— Аминь! аминь! трикраты аминь! крикнулъ онъ восторженно.

Въ дверяхъ показалось бѣлое, зарумянившееся отъ мороза личико. Оно выглядывало изъ подъ чернаго платка, которымъ повязана была голова, и казалось личикомъ молоденькой чернички. Боярыня Морозова — это была она — робко, со страхомъ и съ какимъ-то благоговѣніемъ переступила черезъ порогъ и, стремительно подвинувшись впередъ, съ тихимъ стономъ упала ницъ передъ Аввакумомъ и, всплеснувъ руками, припала лицомъ къ лаптямъ, прикрывавшимъ его ноги.

— Охъ свѣтъ мой! охъ батюшка! мученикъ Христовъ! страстно лепетала она, обнимая онучи своего учителя.

А онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, силился приподнять ее, тоже бормоча безсвязно: «Встань—подымись, мой свѣтикъ, дочушка моя! Дай взглянуть на тебя, благословить тебя, чадо мое богоданное! Самъ Богъ послалъ тебя.... Вонъ я, смрадный песъ, молился Ему, Свѣту, вылъ до него: «вергни-де въ темницу мою солнце, дуни на мя, окоченѣлаго»—и Онъ послалъ ко мнѣ солнушко теплое — тебя, свѣтикъ мой! — Встань-же, прогляни солнушко Божье! И, приподнявъ ее, онъ крестилъ ея лицо, глаза, голову, плечи, повторяя восторженно: «буди благословенна—буди благословенно лице твое, очи твои, глава твоя—буди вся благословенна и преблагословенна»! — А она ловила его обѣ руки, цѣловала ихъ, цѣловала его плечи, овчину, которою онъ былъ прикрытъ, и страстно шептала: «батюшка! батюшка! святой! не чаяла я тебя видѣть! касатикъ мой»!

За Морозовой, медленно, осторожно переступая черезъ порогъ, какъ-бы ощупывая ногами землю и пытливо высматривая изъ-подъ чернаго клобука, надвинутаго до бровей, маленькими рысьими глазками, вошла въ келью старая монашенка съ большимъ узломъ на лѣвой рукѣ. Она, гремя чотками, сдѣлала нѣсколько широкихъ крестовъ въ уголъ и, низко поклонившись Аввакуму, коснувшись двумя пальцами земли, протянула руку подъ благословеніе. Аввакумъ перекрестилъ ее, положилъ свою горсть на ея горсть, какъ-бы вкладывая въ эту горсть нѣчто очень цѣнное, а монашенка поцѣловала его руку.

— Здравствуй, матушка Меланія! здравствуй, звѣзда незаходимая благочестія! все также восторженно проговорилъ Аввакумъ.

Старица Меланія—эта «звѣзда незаходимая благочестія»—была дѣйствительно самымъ крупнымъ свѣтиломъ своего вѣка и своего общества: умная, энергическая, съ необыкновеннымъ запасомъ воли и самообладанія, неутомимая въ преслѣдованіи своихъ идеаловъ, но въ то же время осторожная, замкнутая въ себѣ, когда того требовали обстоятельства, сильная словомъ, когда она такъ сказать обнажала свой языкъ, острый, какъ бритва и ядовитый, какъ зубы мѣдянки, смѣлая и рѣшительная, когда требовался натискъ, чтобы сломить препятствія, знавшая все, что дѣлалось въ Москвѣ, проникавшая всюду, какъ воздухъ и, какъ воздухъ, неуловимая,— старица Меланія была всесильнымъ и невидимымъ центромъ «древляго благочестія»: это былъ воевода въ юпкѣ, воевода невиди-

мыхъ ратей, которыя однако держали въ рукахъ, хотя тайно, всю Москву и далекія окраины. Старица Меланія была сильнѣе Никона, которому у нея слѣдовало поучиться борьбѣ съ сильными противниками и умѣнью побѣждать и держать ихъ въ повиновеніи. Она была могущественнѣе самого Алексѣя Михайловича, который, сломивъ Никона, не могъ сломить стараго дерева—«древляго благочестія», главою котораго и игемономъ была матушка Меланія. Всѣ тайные приверженцы старины,—а такими почти поголовно были всѣ московскіе люди, начиная отъ стоявшихъ у престола и кончая стоявшими у корыта монастырской пекарни, всѣ московскія женщины, начиная отъ царицы Марьи Ильинишны и ея ближнихъ боярынь и боярышень и кончая молоденькими черничками,—всѣ находились въ негласномъ «послушаніи» у матушки Меланіи, были ея слѣпыми орудіями, которыя «свою грѣшную волю въ конецъ отсѣкли, какъ червивый хвостъ у собаки». Строгая, фанатичная до изувѣрства, руководившая всѣми, помыкавшая даже такими личностями, какъ Аввакумъ, она однако не пошла бы съ ними проповѣдывать на площадь, а, какъ полководецъ, посылала ихъ въ огонь, на висѣлицы, на костры, а сама оставалась въ сторонѣ. И они же, эти безумцы, умирая въ страшныхъ мученіяхъ, благословляли матушку Меланію; они же просили палачей или кого-либо изъ присутствовавшихъ при истязаніи ихъ и при казни такъ или иначе довести до свѣдѣнія «матушки», что они умерли твердо, мученически, не поступившись ни однимъ перстомъ, ни одною «аллилуіею», ни священнымъ *азомъ*.

Матушка Меланія была уже очень стара; но живучесть и энергія свѣтились, какъ фосфоръ въ ея рысьихъ глазкахъ, которые ни на кого прямо не смотрѣли, хотя видѣли каждаго насквозь, будучи повидимому обращены молитвенно горѣ или сокрушенно долу. Лба ея также никто не видалъ за клобукомъ, а брови смотрѣли какимъ-то навѣсомъ надъ глазами, подъ которымъ эти послѣдніе прятались отъ посторонняго взора, какъ воробьи подъ крышей отъ дождя.

Послѣ первыхъ привѣтствій Аввакумъ усадилъ своихъ гостей на соломѣ, а самъ опустился противъ нихъ на колѣни. Морозова съ ужасомъ и дрожью осматривала страшное помѣщеніе. Матушка же Меланія одобрительно осматривала промерзшія стѣны, шепча какъ-бы про себя: «радуюсь, радуюсь за Аввакумушку—экой благодати сподобился, счастливчикъ.»

— Ну что у васъ въ городѣ слышно, миленькія? спросилъ Аввакумъ.

— Патріархи вселенскіе пріѣхали,—нонѣ Никона судятъ, сказала Морозова.

— Греческіе волки пріѣхали нашего медвѣдя судить, пояснила матушка Меланія.

— Добро! А какъ они сами, судьи-то, крестются? спросилъ Аввакумъ.

— Щепотью—сама видѣла, отвѣчала матушка Меланія.

— Еретики! звѣри нестрообразные!—Аввакумъ такъ и вскочилъ.

— А у царицы государыни сказывали, робко начала Морозова,—что и тебя, свѣта, патріархи судить будутъ.

— Добро! Я ихъ научу креститься! восторженно произнесъ фанатикъ, сверкая глазами.—Для того и съ Мезени меня привезли сюда—травить греческими собаками. Мало того, что бороду у меня отрѣзали и власы остригли, какъ у непотребной дѣвки.... вонъ всего оборвали, что собаки—одинъ хохолъ оставили какъ у поляка на лбу.... Да добро! мнѣ же на руку: меня возятъ по градамъ и селамъ, а я кричу вездѣ, обличаю ихъ, нестрообразныхъ звѣрей, а люди божіи слушаютъ меня да поучаются, да плачутъ.... Еще не то будетъ, когда удавить меня повелятъ, либо сжечи тѣло мое похотятъ: крикну я тогда на весь свѣтъ и голосъ мой до трубы архангела не умолкнетъ. Я что!—земля, грязь; пущай ихъ тѣло мое жгутъ, жилы вытягиваютъ—больненько-таки, да за то вѣнецъ мученическій получу, а дѣткамъ своимъ православнымъ крикну: «смотрите-де, дѣтушки, вонъ съ какимъ крестомъ до Бога иду! и вы-де за мной, не лѣнитесь!»—Что-жъ! они думаютъ меня морозомъ напужать—вонъ въ какую баньку посадили, мало не скостенѣлъ; а какъ взвылъ къ Батюшкѣ-Свѣту: «дунь на меня тепломъ—пошли солнышко»:—Онъ, Милосердый, и послалъ, да не одно, а два солнышка—это васъ-то миленькія мои.... И тепло мнѣ стало, охъ какъ тепло!

Фанатикъ дѣйствительно разгорѣлся внутреннимъ огнемъ и забылъ холодъ, отъ котораго онъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ буквально костенѣлъ.

— А мы тебѣ, Аввакумушко, и въ самъ-дѣль тепленькаго привезли, сказала мать Меланія, указывая на узелъ:—государыня царица, да вотъ дочушка твоя духовная, Ѳедосѣюшка (она указала на Морозову), наготовили тебѣ приданаго что невѣстѣ:

и сапожки тепленьки, и чулочки, рукавички съ варежками изъ козья пуху, да и шубеечку лисью мяконьку.

— Спасибо, матушкѣ царицѣ—добра она, миленькая, добра что ангелъ божій! Да и тебѣ исполать, дочушка моя! кланялся онъ Морозовой.—А я на соборъ хочу вотъ такъ пойти, да и ко Господу въ свѣтлу горенку постучусь въ семъ же одѣяніи: онъ. Батюшка-Свѣтъ, и нищихъ примаетъ.

Морозова благоговѣйно смотрѣла на него. Вліяніе этого человѣка окончательно преобразило ее: она стала вся самоотверженіе. Богатый домъ свой она обратила въ общественную богадѣльню: странники, нищіе, юродивые, больные—не выходили изъ ея дому. Она ухаживала за больными и гнойными, сама своими нѣжными руками обмывала ихъ ужасныя язвы, сама кормила ихъ. Нѣжное, пухлое боярское тѣло она облекла власяницею, до того колючею, что тѣло ея горѣло и болѣло, какъ отъ огня.

— Нѣту, Аввакумушко,—еще раненько тебѣ ко Господу идти. замѣтила мать Меланія: поживи еще съ дѣтками своими, поучи ихъ да порадуйся ими. Вонъ и Ѳедосѣюшка наша надѣла на себя брачныя одежды.—Она взглянула на Морозову.

Молодая боярыня вспыхнула.

— Что ты говоришь, матушка? удивленно спросилъ Аввакумъ.

— Говорю: Ѳедосѣюшка боярыня къ вѣнцу нарядилась, повторила старуха.

Аввакумъ оглянулъ Морозову, которая сидѣла вся пунцовая, готовая расплакаться отъ стыда.

— Что ты, матушка! защищалась она.—Къ чему это?

— Къ тому, что твой батюшка духовный все должонъ знать.... Ѳедосѣюшка-боярыня власяницу надѣла, обратилась старуха къ Аввакуму:—да думаетъ и ангельскій образъ пріяти.

Глаза Аввакума засвѣтились радостью.—«Слава тебѣ Господи, Создателю нашъ! говорилъ онъ восторженно: не одна Анисьюшка-боярыня на боярство свое наплевала, къ нищей братіи пристала и ангельскому чину пріобщилася.... Что боярство передъ ангелы!—А вотъ и дочушка моя Ѳедосѣюшка туда-жъ возревновала, золотая моя! Иди, иди ко ангеламъ—благо ти будетъ въ томъ вѣцѣ.... А я Анисьѣ тутъ многонько-таки настрочилъ: снеси ей, матушка,—пускай не забываетъ меня.

И Аввакумъ, доставъ изъ-подъ соломы исписанный листокъ, подалъ его матери Меланіи.

Дверь кельи неожиданно отворилась и на порогѣ показалась рослая фигура мужчины въ собольей шубѣ и высокой шапкѣ. Открытое лицо съ русою бородою и сѣрыми глазами смотрѣло привѣтливо. При видѣ его и молодая боярыня, и старая черница встали съ своихъ соломенныхъ сидѣній.

— Здравствуй, Аввакумъ! сказалъ вошедшій.—Здравствуй, матушка боярыня Ѳедосья Прокопьевна! Здравствуй, мать Маланья!

Всѣ отвѣтили поклонами на привѣтствіе пришедшаго, который былъ никто иной, какъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, входившій въ то время въ силу и извѣстный своимъ пристрастіемъ ко всему новому и иноземному.

— Я къ тебѣ отъ великаго государя, обратился Матвѣевъ къ Аввакуму. — Великій государь указалъ сказать тебѣ, Аввакуму, что нонѣ у насъ на Москвѣ вселенскіе патріархи: святители-де прибыли къ намъ ради Никонова неистовства и установленія церкви—и ты бы-де, Аввакумъ, соединился съ святителями во всемъ.

— Не соединюсь я съ ними ни въ чемъ! рѣзко отвѣчалъ фанатикъ: ни въ перстномъ сложеніи, ни въ *азѣ*. Умру, а не соединюсь съ отступниками.

— Да какіе жъ они отступники? въ чемъ и отъ кого отступились? спросилъ Матвѣевъ.

— Ахъ, Артемонъ, Артемонъ! по обыкновенію страстно заговорилъ фанатикъ.—Знаю я, тебѣ все равно, какъ ни молись: ты и въ костелъ пойдешь, и крыжъ ляцкой поцѣлуешь....

— Для чего его не поцѣловать?—не его цѣлую, а Христа.

— Добро! тебѣ все едино—что святая библія, что твой «Василіологіонъ», что евангеліе, что «Мусы» еллинскія. Ишь напечаталъ на соблазнъ людемъ! А люди оттого гибнутъ: вонъ сколько ужъ замучили нашихъ-то! Али такъ ко Христу приводятъ, какъ вы приводите — кнутомъ да висѣлицей, да огнемъ! Чудно мнѣ! какъ въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицей вѣру утвердить хотятъ! Гдѣ это видано? Токмо у язычниковъ. А апостолы развѣ такъ учили? Мой Христосъ не приказалъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Господь сказалъ ученикамъ: «шедше проповѣдите языкомъ — иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ». Видишь!—волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ огнемъ жечь, да на висѣлицѣ вѣшать. Чудно право! ослѣпли что-

ли всѣ, что ничего не видятъ. Эки Діоклетіаны новые явились, словно мы въ Римѣ при Неронѣ живемъ, либо въ Персидѣ. Да что много говорить! Значитъ, такъ надо у Господа: аще бы не были борцы, не бы даны были вѣнцы. Ну, давайте намъ вѣнцы, вѣнчайте насъ. Кому охота вѣнчаться мученическимъ вѣнцомъ, не почто ходить далеко, въ Персиду, либо въ Римъ къ Неронамъ да Діоклетіанамъ: у насъ и дома, на Срѣтенкѣ, свой Римъ, свой Вавилонъ. А! нутко, правовѣрне! стань на Красной площади, либо въ Кремлѣ, нарцы имя Христово, подыми руку да перекрестися знаменіемъ Спасителя нашего двумя персты, яко же пріяхомъ отъ святыхъ отецъ—вотъ тебѣ и мученическій вѣнецъ, царство небесное дома родилось — не почто за нимъ ходить въ Персиду къ Діоклетіану мучителю. Ишь умники! ученые-ста! Христу палачей въ ученики дали, да приставовъ немилостивыхъ, да стрѣльцовъ: учите-де кнутомъ да тюрьмой! Эхъ, не глядѣлъ бы! Такъ ужъ вы и евангеліе перемѣните, благо крестъ перемѣнили: «иже-де вѣру имать и крестится щепотью—спасенъ будетъ, а не крестится никоніанскою щепотью—ино того засѣку, повѣшу, изжарю».... Такъ-бы слѣдовало Христу сказать. Эхъ!— А я вотъ неученъ человѣкъ, гораздо несмысленъ, да то знаю, что все, что церкви отъ святыхъ отецъ предано есть, свято есть и неприкосновенно: не тронь и *аза*, а тронешь *азъ*, за нимъ и все трогать станутъ — на то люди — люди. И вотъ я, яко же пріяхъ, держу до смерти, и *азъ* удержу, хоть меня повѣсьте. До насъ оно положено, такъ и мни оно такъ вѣчно, во вѣки вѣкомъ!— А то на—переучивать кнутомъ стали — эки апостолы! А люди погибаютъ, а кровь неповинная льется, а церкви пустуютъ, христіяне прячутся по вертепомъ, да по пропастемъ земнымъ, какъ въ оно время, при мучителяхъ римскихъ.... Эко времячко, Господи Боже!

Аввакумъ даже всплеснулъ руками. Морозова стойла блѣдная, не спуская глазъ съ своего учителя и съ ужасомъ иногда взглядывая на Матвѣева. Мать Меланія, съ потупленными глазами и съ наклоненною головою, казалось, застыла отъ страху. И Матвѣевъ стоялъ изумленный, не въ силахъ остановить страстной рѣчи фанатика.

— Такъ что жъ мнѣ доложить великому государю? удалось ему, наконецъ, вставить свое слово.—Соединишься съ вселенскими патріархами?

— Не соединюсь во вѣки! отвѣчалъ изувѣръ.—Доложи великому государю, что мы сами за него, батюшку, умолимъ Господа, и за него, свѣта, и за царицу, и за его царство. А имъ, грекамъ, какое до насъ и до него дѣло? Своего царя проторговали туркамъ и нашего проглотить сюды приволоклися? Такъ и доложи великому государю: я, протопопъ Аввакумъ, не сведу съ высоты небесныя рукъ, дондеже Богъ не отдастъ намъ нашего царя, благочестивѣйшаго и тишайшаго Алексѣй Михайловича всея Русіи.

— Напрасно упрямствуешь, сказалъ Матвѣевъ.

Аввакумъ вспылилъ.

— Упрямствую и буду упрямствовать! Слышишь! я хочу вѣнца — я соскучился объ вѣнцѣ! Вотъ уже сколько лѣтъ ищу его, а вы мнѣ не даете — дайте скорѣй! Рубите голову, надѣвайте на нее вѣнецъ нетлѣнный, а грѣховное и мерзкое туловище долой! Будетъ — потаскалъ я его: хочу одинъ вѣнецъ носить безъ туловища.... А вы оставайтесь съ туловищами да въ шапкахъ изъ звѣриной шкуры.... Такъ и доложи—ни слова не выкидай, ни аза!

Матвѣевъ безнадежно махнулъ рукой и вышелъ, бормоча: «пустосвяты»!

XIII.

Черезъ день было второе засѣданіе вселенскаго собора.

Никонъ вошелъ въ столовую избу медленно, едва передвигая ноги и тяжело опираясь на посохъ. Онъ казался угнетеннымъ, подавленнымъ. За день голова его посеребрилась еще болѣе и ему, видимо, тяжело было держать ее на плечахъ.

Когда онъ кланялся царю и патріархамъ, то съ трудомъ поднимался отъ полу.

Царь снова всталъ съ своего мѣста и остановился противъ патріарховъ. Онъ былъ блѣденъ.

— Святая и пречестная двонце! вселенстіи патріарси! началъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Бранясь съ митрополитомъ Газскимъ, писалъ Никонъ въ грамотѣ къ Константинопольскому патріарху, якобы все православное христіанство отъ восточной церкви отложилось къ западному костелу,—и то онъ писалъ ложно: святая соборная восточная церковь имѣетъ Спасителя нашего Бога, многоцѣлебную ризу и многихъ святыхъ московскихъ чудотворцевъ мощи, и никакого отлученія не бывало: держимъ и

вѣруемъ по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ истинно.

Онъ остановился и оглянулъ весь соборъ. Затѣмъ, возвыся голосъ, съ особенною силою выкрикнулъ:

— Бьемъ челомъ, чтобъ патріархи отъ такого поношенія православныхъ христіанъ очистили!

И царь поклонился до земли. Буря пронеслась по собору — застонала столовая изба. Всѣ упали ницъ со стономъ: «смилуйтесь! очистите, святѣйшіе патріархи! снимите позоръ со всей россійской православной земли»!

Сотни головъ лежали на землѣ и молились, какъ въ церкви, громко, со стономъ, съ крикомъ. Это была потрясающая картина— и Никонъ не выдержалъ, зашатался: это все стонало противъ него, искало его погибели.

И въ этотъ самый моментъ капризная память его словно волшебствомъ нарисовала передъ нимъ другую картину. На полу, при слабомъ освѣщеніи лампады, бьется молодая женщина, хватая и цѣлуя его ноги. Она умоляетъ его остаться съ нею, не бросать ее, не уходить въ невѣдомый путь, гдѣ ждетъ его невѣдомая доля. А онъ не внимаетъ мольбамъ и рыданіямъ женщины: его манитъ именно этотъ невѣдомый путь, эта невѣдомая доля— и онъ уходитъ, оставивъ на полу плачущую женщину. Это была его жена.... Теперь онъ извѣдалъ эту невѣдомую долю: высоко, охъ, какъ высоко она поставила его и вонъ до чего довела.... А не лучше ли бы было въ той, прежней, скромной долѣ?... Да ужъ теперь не воротить ее: между тою долею и этою стоятъ тридцать лѣтъ и три года....

— Это дѣло великое! громко произнесъ чей-то голосъ, и Никонъ очнулся: это говорилъ Макарій, патріархъ антіохійскій.— Это дѣло великое; за него надобно стоять крѣпко. Когда Никонъ всѣхъ православныхъ христіанъ еретиками назвалъ, то онъ и насъ также назвалъ еретиками, будто мы пришли еретиковъ разсуждать.... А мы въ московскомъ государствѣ видимъ православныхъ христіанъ. Мы станемъ за это Никона патріарха судить и православныхъ христіанъ оборонять по правиламъ.

Алексѣй Михайловичъ взглянулъ на дьяка Алмаза, и тотъ на цыпочкахъ приподнесъ царю какія-то бумаги.

— Вотъ три письма, сказалъ царь, въ нихъ Никонъ самъ отрекся отъ патріаршества,—называетъ себя *бывшимъ* патріархомъ.

Патріархи взяли письма. Никонъ молчалъ, не поднимая головы.

— Въ законахъ написано, громко произнесъ Макарій: кто уличится во лжи трижды, тому впредъ вѣрить ни въ чемъ не должно. Никонъ патріархъ объявился во многихъ лжахъ, и ему ни въ чемъ вѣрить не подобаетъ. Кто кого оклеветалъ, подвергается той же казни, какая присуждена обвиненному имъ неправедно. Кто на кого возведетъ еретичество и не докажетъ, тотъ достоинъ—священникъ низверженія, а мірской человѣкъ проклятія.

А Никонъ все молчалъ. Передъ нимъ все валялась отвергнутая имъ женщина, ломая руки: «Микитушка! лучше ли тебѣ будетъ тамъ, безъ меня? Найдешь ли ты тамъ свое счастье и спасенье?»—«Охъ, нашелъ—нашелъ больше чѣмъ искалъ, нашелъ цѣлое царство—и потерялъ его; а теперь не найду и того, что было тогда, давно»....

Царь тихо подошелъ къ Макарію антіохійскому и подалъ развернутый листъ, и другой—переводъ его на греческій языкъ.

— Письмо Никона о поставленіи новаго патріарха на его мѣсто, сказалъ онъ кланяясь.

Макарій взглянулъ на листъ—онъ раньше читалъ его и хорошо помнилъ—и передалъ Паисію александрійскому. Тотъ взялъ, поднялъ свои мертвыя, синеватыя вѣки на листъ, потомъ на Никона, и снова опустилъ глаза.

Никонъ стоялъ по прежнему безмолвно, ни на кого не глядя, и тихо качалъ головой, какъ бы отрицая все, что вокругъ него происходило, или какъ бы созерцая никому невидимые образы.

— Когда Теймуразъ царевичъ былъ у царскаго стола, снова началъ неугомонный Макарій, — то Никонъ прислалъ человѣка своего, чтобъ смуту учинить. А въ законахъ написано: а кто между царемъ учинитъ смуту, и тотъ достоинъ смерти....

— Смерти, глухо раздалось по собору.

А Никонъ все качалъ головою, какъ бы ничего не слыша; да онъ и не слыхалъ: онъ былъ не здѣсь—его смущенная мысль бродила въ прошломъ, среди дорогихъ видѣній молодости.

— А кто Никонова человѣка ударилъ, и того Богъ проститъ, потому что подобаетъ такъ быть.

Это все говорилъ Макарій. При послѣднихъ словахъ онъ повелъ своими восточными, молочно-синеватыми бѣлками по собору и остановилъ ихъ на полномъ лицѣ Хитрово. Хитрово вспыхнулъ. Макарій всталъ и издали осѣнилъ его крестомъ, а потомъ снова

перенесъ свои бѣлки на царя, стоявшаго рядомъ съ Никономъ въ положеніи подсудимаго.

— Архіепископа сербскаго Гавріила били Никоновы крестьяне въ селѣ Пушкинѣ, и Никонъ обороны не далъ, продолжалъ свое обвиненіе Макарій.—Да онъ же, Никонъ, въ соборной церкви, въ алтарѣ, во время литургіи съ нѣкотораго архіерея снялъ шапку и бранилъ всячески за то, что не такъ кадило держалъ. Да онъ же, Никонъ, на ердань ходилъ въ навечеріи Богоявленія, а не въ самый праздникъ—и то ему, Никону, вина!

Никонъ не слушалъ падавшихъ на его голову обвиненій. Онъ прислушивался къ чему-то другому.... «Микитушка!—охъ!—суженый мой! не покидай меня, младешеньку, горькою вдовицей—Микитушка! вспомни какъ спознались мы съ тобой, вспомни совыканье наше, какъ ты рѣзвы ноженьки мои цѣловалъ.... не покидай меня, соколъ ясный—у насъ еще будутъ дѣтушки».... И бѣлокурая голова колотится объ полъ, хрустятъ тонкіе пальцы на ломаемыхъ рукахъ.... «Будутъ дѣти».... А ему мало этихъ дѣтей, ему нужны милліоны дѣтей—и бояръ, и князей, и царей—чтобы всѣ были его дѣтьми.... И они были—всею Русью верховодилъ онъ.... И вдругъ сорвалось!

Онъ зашатался и упалъ бы, если бъ не поддержалъ его оторопѣвшій царь вмѣстѣ съ крестоносителемъ.

— Охъ, Господи! помилуй насъ!

— Божій судъ.... Господь дунулъ на него гнѣвомъ своимъ, пронесся ропотъ по собору.

Блѣднаго, шатающагося Никона вывели.... Соборъ былъ прерванъ.

По Москвѣ пошли зловѣщіе слухи. Говорили, что во время собора, въ трескучій морозный день, слышенъ былъ громъ съ небеси и земля зашаталась. Бояре видѣли, какъ Господь Богъ дунулъ на Никона, и Никонъ упалъ замертво. Разгнѣванный Господь продолжалъ дуть на Москву, и оттого сталъ такой морозъ, какого не бывало, какъ и Русь стоитъ: птицы не могли летать по аеру, падали и замерзали; съ колокольни Ивана Великаго метлами сметали замерзшихъ воробьевъ, голубей и галокъ; изъ лѣсу въ Москву забѣгали волки и забирались отъ морозу въ сѣни, въ дома, въ церковныя сторожки. На небѣ стояло три багровыхъ солнца и ни одно не грѣло отъ холоднаго дуновенія божія—задулъ Господь теплоту ихъ. Москва рѣка треснула поперекъ и въ тре-

щину изъ-подо льда выплывала мертвая, убитая морозомъ рыба. Когда люди выходили изъ Успенскаго собора, то видѣли, какъ на паперти стоялъ босикомъ юродивый и плакалъ, и слезы тотчасъ же замерзали и падали на помостъ, стуча какъ горохъ либо крупный жемчугъ. Все это не къ добру, все это за грѣхи.... Стрѣлецкому сотнику, что съ прочими стрѣльцами поставленъ былъ у Никольскихъ воротъ къ помѣщенію Никона, упалъ на шапку мертвый бѣлый волохатый голубь.... Говорили, что и Никонъ, послѣ того какъ на него божьимъ гнѣвомъ дунуло, лежитъ при смерти—безъ языка....

Но слухи были невѣрны, какъ въ томъ скоро и убѣдились бояре и архіереи: не отнялся еще языкъ у Никона, не задуло гнѣвомъ божіимъ его мощнаго духа:—онъ прислалъ къ царю сказать, что готовъ вновь стать съ нимъ рядомъ на судъ не только патріарховъ, но и самого Всемогущаго Бога, у котораго въ рукахъ тысящи лѣтъ яко день единъ, а престолы и царства—яко прахъ и паутина.

Царь опять созвалъ соборъ. По собору мгновенно прошелъ гулъ и ропотъ: бояре и архіереи шопотомъ передавали другъ другу, что «чадушко»-то еще «неистовѣе» сталъ—такъ и рветъ, и мечетъ.

Дѣйствительно, патріархъ явился на соборъ еще болѣе заряженнымъ.—«Такъ отъ него и пышетъ полымя», разсказывали стрѣльцы, стоявшіе у него у воротъ на караулѣ. Проходя мимо стрѣлецкаго сотника, того, что былъ уже напуганъ паденіемъ на шапку мертваго голубя, онъ такъ на него глянулъ, что сотникъ, и безъ того ожидавшій худа, задрожалъ и упалъ ницъ передъ крестомъ, головою на мерзлую землю, а стрѣльцы со страху шептали—кто: «святъ-святъ», а кто: «чуръ-чуръ меня!—сгинь, исчезни!»

И царь видимо съ тревогою ожидалъ послѣдняго отчаяннаго боя. Онъ обводилъ смущеннымъ взоромъ то правыя, то лѣвыя скамьи собранія, то останавливалъ его на патріархахъ, и особенно на Паисіѣ.... «Мертвецъ мертвецомъ», думали, казалось, выразительные глаза царя:—«мощи сущія—а судія вселенной». Когда, по звяканью на дворѣ прикладовъ стрѣлецкихъ ружей и сабель, можно было догадаться, что ведутъ Никона, царь тревожно обратился къ патріархамъ.

— Никонъ пріѣхалъ въ Москву, торопливо заговорилъ онъ, и на меня налагаетъ судьбы божіи за то, что соборъ пригово-

рилъ и велѣлъ ему въ Москву пріѣхать не съ большими людьми. Когда онъ ѣхалъ въ Москву, то по моему указу у него взятъ малый, Ивашка Шушера, за то, что онъ въ девятилѣтнее время къ Никону носилъ всякія вѣсти и чинилъ многую ссору. Никонъ за этого малаго меня поноситъ и безчеститъ—говоритъ: царь-де и меня мучитъ, велѣлъ-де и отнять малаго изъ-подъ креста... Если Никонъ на соборѣ станетъ объ этомъ говорить, то вы, святѣйшіе патріархи, вѣдайте; да и про то вѣдайте, что Никонъ передъ поѣздкою нынѣ въ Москву исповѣдовался, пріобщался и масломъ освящался.

«Патріархи подивились гораздо», говоритъ объ этомъ Алмазъ Ивановъ, который велъ протоколъ соборный; но въ этотъ моментъ за дверью послышался шумъ и гнѣвный голосъ Никона.

— А ты крестъ-отъ неси высоко, чинно, истово! это тебѣ не лопата! кричалъ онъ на ставрофора, которымъ былъ не любимецъ его, Иванушка Шушера, сидѣвшій подъ карауломъ, за приставы, а новый, приставленный царскими слугами соглядатай.— На немъ Христа распяли, и меня ищутъ распяти!

Многіе вздрогнули отъ этого голоса.... «Неистовъ, буенъ, аки мескъ», шептались на скамьяхъ.

Никонъ вступилъ въ столовую избу шумно, высоко поднявъ голову и шибко стуча посохомъ, словно старшина на сходкѣ передъ заартачившимися мужиками. Онъ не глянулъ, а сыпанулъ искрами по собору, не поклонился, а метнулъ поклоны, не крякнулъ, а рыкнулъ, встряхнувъ гривой по львиному. Всѣ ждали бури.

Паисій медленно приподнялъ свои мертвыя вѣки и губы его зажевали беззвучно. Макарій повелъ по собору огромными бѣлками, какъ бы успокоивая робкихъ.

— Никонъ! послышался тихій, дрожащій голосъ Паисія. — Ты отрекся отъ патріарша престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины.

Голова и руки говорившаго дрожали. Никонъ посмотрѣлъ на него, какъ смотрятъ на маленькаго ребенка.

— Я не отрекался съ клятвою, сказалъ онъ отрывисто: я засвидѣтельствовался небомъ и землею и ушелъ отъ государева гнѣва.... И теперь иду куда великій государь изволитъ—благое по нуждѣ не бываетъ.

— Многіе слышали, какъ ты отрекся отъ патріаршества съ клятвою, настаивалъ Паисій, между тѣмъ какъ Макарій молчалъ, уставившись своими большими глазами на подсудимаго.

— Это на меня затѣяли, отрицалъ подсудимый.—А коли я негоденъ, то куда царское величество изволитъ, туда и пойду.

— Кто тебѣ велѣлъ писаться патріархомъ Новаго Іерусалима? ввязался Макарій.

— Не писывалъ и не говаривалъ! обрѣзалъ Никонъ, метнувъ въ полоборотъ глазами на вопрошавшаго.

Сидѣвшій недалеко одинъ архіерей заторопился, покраснѣлъ и зашуршалъ бумагой, вынимая ее изъ подъ мантіи.

— Вотъ тутъ написано—твоя рука, робко заговорилъ архіерей, поднося Никону бумагу.

— Моя рука—развѣ описался, нѣсколько смущенно отвѣчалъ послѣдній.

Но тутъ же, чувствуя себя какъ бы пойманнымъ нѣсколько, уличеннымъ, онъ заупрямился еще болѣе, и, стукнувъ посохомъ, полуоборотился къ царю.

— Слышалъ я отъ грековъ, что на александрійскомъ и антіохійскомъ престолахъ иные патріархи сидятъ, сказалъ онъ раздраженно:—чтобъ государь приказалъ свидѣтельствовать—пусть патріархи положатъ евангеліе.

Восточные глаза Макарія метнули искры и онъ выпрямился на мѣстѣ.

— Мы патріархи истинные, не изверженные, и не отрекались отъ престоловъ своихъ! сказалъ онъ рѣзко.—Развѣ турки безъ насъ что сдѣлали.... Но если кто дерзнулъ на наши престолы беззаконно, по принужденію султана, тотъ не патріархъ — прелюбодѣй! А святому евангелію быть не для чего — архіерею не подобаетъ евангеліемъ клятися.

И Никонъ вспылилъ, подзадоренный словами Макарія и въ особенности его невыносимыми глазами.

— Отъ сего часа свидѣтельствуюсь Богомъ, что не буду передъ патріархами говорить, пока константинопольскій и іерусалимскій сюда не будутъ! закричалъ онъ, отступая назадъ.

— Какъ ты не боишься суда Божія! невольно воскликнулъ тотъ архіерей, что сейчасъ уличилъ его подписью — это былъ Иларіонъ рязанскій. — И вселенскихъ-то патріарховъ безчестишь!

Заволновался и весь соборъ. Лица казались возбужденнѣе, гнѣвные взгляды и возгласы учащались. Поднялся Макарій и окинулъ весь соборъ блестящимъ взоромъ.

— Скажите правду про отрицаніе Никоново съ клятвою! воскликнулъ онъ.

— Никонъ клялся — говорилъ: коли-де буду патріархъ, то анаѳема-де буду! клялся истинно! закричало нѣсколько голосовъ.

Но упрямецъ все еще не корился: онъ повидимому вызывалъ глазами всѣхъ на бой.

— Я назадъ не поворачиваюсь и не говорю, что мнѣ быть на престолѣ патріаршескомъ, настаивалъ онъ: — а кто по мнѣ будетъ патріархъ, тотъ будетъ анаѳема! Такъ я и писалъ къ государю, что безъ моего совѣта не поставлять другаго патріарха. Я теперь о престолѣ ничего не говорю — какъ изволитъ великій государь и вселенскіе патріархи.

А великій государь все стоялъ неподвижно. Лицо его поминутно то вспыхивало, то блѣднѣло, отражая на себѣ и въ глазахъ всѣ перипетіи борьбы, которая велась на его глазахъ и въ которой принимало участіе все его существо, вся душа, взволнованная и потрясенная. Онъ чувствовалъ, что бой на исходѣ, но тѣмъ больше сжималось его сердце, въ предчувствіи, что послѣдуетъ что-то недоброе, слишкомъ тягостное.... Но надо стоять до конца на этой угнетающей душу вселенской литургіи, на которой отпѣвалась его сокрушенная обстоятельствами горькая дружба съ его нѣкогда «собиннымъ» другомъ.

Да, исходъ борьбы.... Патріархи велятъ читать правила помѣстныхъ соборовъ.

«Кто покинетъ престолъ волею, безъ навѣтовъ», возглашалъ Иларіонъ рязанскій,—«тому виредъ не быть на престолѣ».

— Эти правила не апостольскія! прерываетъ его Никонъ,— онъ неутомимъ въ борьбѣ:—эти правила и не вселенскихъ соборовъ и не помѣстныхъ;—я этихъ правилъ не принимаю и не внимаю!

— Эти правила приняла церковь, возражаютъ ему.

— Ихъ въ россійской кормчей нѣтъ! кричитъ Никонъ. — А греческія правила непрямыя, ихъ патріархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики.... А я не отрекался отъ престола — это на меня затѣяли!

— Наши греческія правила прямыя! не выдержали оба патріарха.

— Когда онъ отрекался съ клятвою отъ патріарша престола, то мы его молили, чтобъ не покидалъ престола, вмѣшался еще одинъ архіерей, тверской: — но онъ говорилъ, что разъ отрекся

и больше не будетъ патріархомъ, а коли-де ворочусь, то буду анаѳема.

— Неправда! затѣя!

— Никонъ говорилъ, что обѣщалъ быть на патріаршествѣ только три года, возвысилъ голосъ Родіонъ Стрѣшневъ, вставая и встряхивая молодецки русыми кудрями.

— Затѣя! ложь!

— Не затѣя!

— Затѣя!... Я не возвращаюсь на престолъ.... Воленъ великій государь.

— Никонъ писалъ великому государю, что ему не подобаетъ возвратиться на престолъ, яко псу на своя блевотины! долбанулъ тщедушный дьякъ Алмазъ своимъ здоровымъ голосомъ, подымаясь надъ кипами бумагъ и харатейныхъ свитковъ.

— Затѣю говоритъ дьякъ! огрызнулся подсудимый въ сторону Алмаза Иванова.—Не токмо меня, и Златоуста изгнали неправѣдно!

— Экой-ста Златоустъ! послышалось среди бояръ.—Не Златоустъ, а буеустъ!

Никона это окончательно взорвало. Онъ, казалось, позеленѣлъ.

— Ты, царское величество, грубо обратился онъ, влѣво,— ты девять лѣтъ вразумлялъ и училъ предстоящихъ тебѣ въ семъ сонмищѣ, а они все-таки не умѣютъ ничего сказать. Вели имъ лучше бросить на меня камни—это они съумѣютъ! А учить ихъ будешь хоть еще девять лѣтъ—ничего отъ нихъ не добьешься!... Когда на Москвѣ учинился бунтъ, то и ты, царское величество, самъ неправду свидѣтельствовалъ, а я, испугавшись, пошелъ отъ твоего гнѣва.

Эти рѣчи и тишайшаго взорвали. Онъ вспыхнулъ.

— Непристойныя рѣчи, безчестя меня, говоришь! На меня бунтомъ никто не прихаживалъ, а что приходили земскіе люди, и то не на меня—приходили бить челомъ мнѣ объ обидахъ.

Голосъ царя сорвался. Соборъ превратился въ бурю, когда Алексѣй Михайловичъ, тяжело дыша, какъ-бы просилъ защиты у собора. Со всѣхъ сторонъ заревѣли голоса и застучали посохи.

— Какъ ты не боишься Бога! непристойныя рѣчи говоришь и великаго государя безчестишь!

— Въ срубъ его, злодѣя!

— Медвѣжиной обшить его, да псами затравить!

— Вотъ я его, долгогриваго!

Макарій повелъ по взволнованному собранію своими огромными бѣлками, и крики смолкли.

— Для чего ты клобукъ черный съ херувимами носишь и двѣ панагіи? спросилъ онъ подсудимаго.

— Ношу черный клобукъ по примѣру греческихъ патріарховъ.... Херувимовъ ношу по примѣру московскихъ патріарховъ, которые носили ихъ на бѣломъ клобукѣ.... Съ одною панагіею съ патріаршества сшелъ, а другая—крестъ—въ помощь себѣ ношу.

Онъ говорилъ задыхаясь. Онъ чувствовалъ, что для него все кончается, почва уходитъ изъ-подъ ногъ и потолокъ и небо рушатся на него. Архіереи что-то разомъ говорили, но онъ ихъ не слушалъ, а махалъ головою, какъ бы отмахиваясь отъ мухъ.

— Знаешь ли ты, что александрійскій патріархъ есть судія вселенной? снова обратился къ нему Макарій.

— Тамъ себѣ и суди! съ досадою, небрежно отвѣчалъ подсудимый: ему повидимому все надоѣло, онъ усталъ—скорѣй бы лишь все кончилось.... Въ Александріи и Антіохіи нынѣ нѣтъ патріарховъ: александрійскій живетъ въ Египтѣ, антіохійскій въ Дамаскѣ.

— А когда благословили вселенскіе патріархи Іова митрополита московскаго на патріаршество, въ то время гдѣ они жили?

— Я въ то время не великъ былъ, неохотно отвѣчалъ подсудимый.

— Слушай правила святыя.

— Греческія правила непрямыя—печатали ихъ еретики!

— Хотя я и судія вселенной, но буду судить по Номоканону.... Подайте Номоканонъ! неожиданно сказалъ Паисій, но такъ громко, что всѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ.

Макарій взялъ со стола книгу и высоко поднялъ ее надъ головою, какъ въ церкви.

— Вотъ греческій Номоканонъ!

Потомъ, поцѣловавъ ее, передалъ Паисію, который также поцѣловалъ ее и обратился къ собору съ вопросомъ:

— Принимаете ли вы эту книгу яко праведную и нелестную?

— Принимаемъ! принимаемъ! раздались голоса.

— Приложи руку, что нашъ Номоканонъ еретическій, и скажи именно, какія въ немъ ереси? настаивалъ Макарій.

— Не хочу!

— Подайте россійскій Номоканонъ! продолжалъ Макарій своимъ сильнымъ, звучнымъ голосомъ.

Алмазъ Ивановъ, торопливо шагая, принесъ требуемую книгу.

— Онъ неисправно изданъ при патріархѣ Іосифѣ! огрызнулся Никонъ, жестомъ отстраняя книгу.

— Скажи сколько епископовъ судятъ епископа и сколько патріарха? добивалъ его Макарій.

— Епископа судятъ двенадесять епископовъ, а патріарха вся вселенная!

— Ты одинъ Павла епископа извергъ не по правиламъ.

Тутъ вступился царь, желая скорѣе кончить этотъ томительный споръ.

— Вѣришь ли ты всѣмъ вселенскимъ патріархамъ? спросилъ онъ кротко.—Они подписались своими руками, что антіохійскій и александрійскій пришли по ихъ согласію въ Москву.

Никонъ сурово посмотрѣлъ на бумагу, поданную ему царемъ, заглянулъ на подписи.

— Рукъ ихъ не знаю, пробурчалъ онъ.

— Истинныя то руки патріаршескія! окатилъ его Макарій своимъ поглядомъ, котораго Никонъ не могъ выносить.

— Широкъ ты здѣсь! зарычалъ онъ: какъ-то ты отвѣтъ дашь предъ константинопольскимъ патріархомъ! Широкъ-ста!

Опять сорвались голоса со всѣхъ сторонъ: «Какъ ты Бога не боишься!... великаго государя безчестишь и вселенскихъ патріарховъ и всю истину во лжу ставишь!... Повѣсить тебя мало!»...

Развязка близилась.

— Возьмите отъ него крестъ! обратился Макарій къ архіереямъ.

Никонъ бросился-было за крестомъ, который всегда передъ нимъ носили, схватилъ за руку ставрофора; но въ это время порывисто встало нѣсколько бояръ съ видомъ угрозы, и крестъ очутился въ рукахъ Илларіона рязанскаго. У Никона опустились руки. Снова выступилъ Макарій.

— Писано бо есть: по нуждѣ и діаволъ исповѣдуетъ истину, а Никонъ истины не исповѣдуетъ.

— Аминь! аминь! послышалось въ рядахъ.

Никонъ стоялъ опустивъ голову. Голова эта тряслась. Для него все кончилось.

— Чего достоинъ Никонъ? раздался среди наставшей тишины голосъ Паисія.

— Да будетъ отлученъ и лишенъ священнодѣйствія, отвѣчали въ одинъ голосъ греческіе архіереи.

— Чего достоинъ Никонъ? повторили вопросъ русскимъ архіереямъ.

— Да будетъ отлученъ и лишенъ священнодѣйствія, отвѣчали и русскіе.

Встали оба патріарха. Всталъ и весь соборъ. Настала тишина—слышно было только, какъ за окнами ворковали голуби. Потухшіе глаза Паисія блеснули и упали на Никона.

— Отселѣ, Никонъ, не будеши патріархъ, и священная да не дѣйствуеши, но будеши яко простый монахъ, возгласилъ онъ громко, отчетливо.

— Аминь! загудѣло по собору.

. . . . . .

Черезъ нѣсколько минутъ Никонъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ Воскресенскаго монастыря, проходилъ соборной площадью, направляясь къ Архангельскому подворью. Сзади шелъ взводъ стрѣльцовъ. На отлученномъ патріархѣ все еще было патріаршее одѣяніе, но впереди уже не было ставрофора съ крестомъ. Никонъ ступалъ медленно, тяжело опираясь на посохъ и опустивъ голову. Казалось, что въ нѣсколько часовъ онъ одряхлѣлъ и осунулся. Голова продолжала трястись: въ этой трясучей головѣ, казалось, постоянно гвоздила мозгъ неотвязчивая, какъ муха, мысль—«нѣтъ, нѣтъ, не патріархъ!».

Толпившійся на площади народъ сталъ было подходить къ нему подъ благословеніе; но Никоновы монахи знаками показывали, чтобы не подходили, а самъ онъ подтверждалъ то же страшною головою, которая продолжала, казалось, говорить: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!»....

Въ ближайшей группѣ послышался слабый стонъ: то плакала какая-то женщина. Никонъ взглянулъ въ ту сторону и его глаза встрѣтились съ плачущими глазами женщины. Глаза эти, большіе и сѣрые съ поволокой отъ слезъ, отѣненные монашескимъ клобукомъ, смотрѣли на Никона съ молитвенной любовью и благоговѣніемъ, смотрѣли съ такой нѣжностью и скорбью, что Никонъ затрепеталъ: склонный вѣрить въ чудесное и непостижимое, посѣщенный неоднократно въ соніяхъ, какъ ему вѣрилось, видѣніями и знаменіями, онъ принялъ и эти глаза за видѣніе.... Это были глаза ангела, представшаго ему въ образѣ своего же чина—ангельскаго, иноческаго, и посланнаго ему милосерднымъ небомъ въ

подкрѣпленіе и утѣшеніе.—Но гдѣ онъ прежде видѣлъ эти глаза? А онъ ихъ видѣлъ—это несомнѣнно; онъ ихъ знаетъ давно.... Въ моменты величайшаго торжества его жизни, во время торжественныхъ служеній въ Архангельскомъ и Успенскомъ соборахъ, на большихъ царскихъ выходахъ, во время крестныхъ ходовъ, во время іорданскаго водосвятія, наконецъ, въ недѣлю ваій, когда онъ, бывало, сопровождаемый всею Москвою, шествовалъ на жребятѣ ослѣ, вѣдомомъ царскою рукою,—*эти* глаза—онъ помнитъ это—постоянно смотрѣли на него изъ толпы, и если даже онъ не видѣлъ ихъ, не смотрѣлъ въ ту сторону, то все-таки невольно чувствовалъ, что *эти* глаза смотрѣли на него, слѣдили за нимъ. Чьи это были глаза—онъ не зналъ и не могъ узнать, потому что они также неожиданно исчезали въ толпѣ, какъ неожиданно и появлялись среди тысячъ другихъ глазъ и головъ, обращенныхъ къ нему.... Онъ и тогда, въ годы своего могущества и славы, думалъ, что это—глаза его ангела-хранителя, и подчасъ трепеталъ ихъ и любилъ въ то же время.... Потомъ онъ долго, очень долго не видалъ этихъ глазъ: лѣтъ девять они ему не показывались, съ того самаго момента, какъ онъ сошелъ съ патріаршества и удалился въ Воскресенскій монастырь. И онъ думалъ уже, что ангелъ-хранитель покинулъ его, отошелъ, и онъ все ждалъ, что вотъ-вотъ, какъ его опять призовутъ всею Москвою на патріаршій престолъ, умолятъ его слезами и колѣнопреклоненіемъ, когда и царь всенародно покается предъ нимъ въ обидѣ и огорченіи,—эти глаза опять явятся ему.... И вдругъ они явились теперь!—они явились въ моментъ самаго глубокаго его униженія, въ моментъ позорнаго извержения его изъ сонма святителей церкви, они явились ему, поруганному и оплеванному, ему, выведенному изъ преторіи Пилата на всенародное позорище!... Они явились подкрѣпить его.... Онъ снова глянулъ туда, гдѣ явились плачущіе глаза ангела; но плачущихъ глазъ уже не было тамъ: онъ увидѣлъ только спину высокой черницы, которая припала лицемъ къ ладонямъ и плакала.... видно было, какъ отъ рыданій тряслись ея плечи....

И его голова еще болѣе заходила ходенемъ: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ», тряслась она—«нѣтъ, нѣтъ»....

Въ этотъ моментъ онъ увидѣлъ нѣсколькихъ вооруженныхъ стрѣльцовъ, которые вели въ Кремль какого-то человѣка. По наружности и одѣянію его сразу можно было признать за грека. Онъ былъ мертвенно блѣденъ и съ ужасомъ оглядывался по сто-

ронамъ. Увидавъ Никона, онъ невольно остановился и растерянно взглянулъ ему въ глаза.... «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ», казалось отвѣчала на это трясущаяся голова Никона.... Грекъ моментально вынулъ что-то изъ-подъ полы. Блеснулъ длинный ножъ въ воздухѣ.

— За тебя умираю, великій патріархъ! застоналъ онъ, и не успѣли стрѣльцы кинуться къ нему, какъ онъ всадилъ ножъ себѣ въ сердце по самую рукоятку, захрипѣлъ и упалъ навзничъ съ торчащею изъ бока рукояткою ножа, раскинувъ широко руки, на которыхъ еще трепетали корчившіеся въ судорогахъ пальцы.

— Батюшки! послышалось въ толпѣ: зарѣзался! за Никона зарѣзался грекъ!

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ», съ ужасомъ тряслась голова Никона, какъ-бы отрицая обвиненіе толпы:—«нѣтъ!—нѣтъ»!

XIV.

На слѣдующій день Москвѣ опять предстояло тѣшиться зрѣлищемъ. Зрѣлища идутъ непрерывно одно за другимъ съ самаго лѣта. Въ сентябрѣ прошлаго года Москва встрѣчала гетмана Брюховецкаго, глазѣла на невиданныхъ хохлатыхъ черкасъ, на ихъ рогатыхъ воловъ, украшенныхъ лентами, и потомъ, до самой весны почти, москвичи видѣли этихъ усатыхъ хохловъ почти каждый день, бѣгали глядѣть на нихъ какъ на медвѣдей, иногда укали на нихъ, какъ на звѣрей, не со злости, а добродушно, любя и тѣшась по-московски. А тамъ встрѣчали вселенскихъ патріарховъ, что пріѣхали изъ самой турской земли, народъ все черномазъ, волосатъ и зѣло свирѣпъ, съ вотъ-этакими глазищами и вотъ-этакими бѣлыми бѣльмами:—все греки да арапы изъ самой Аравіи,—и молодцы изъ Охотнаго да Обжорнаго рядовъ опять бѣгали за ними словно весной за Ярилой, да улюлюкали отъ радости словно на волковъ. А тутъ привезли Никона—и за нимъ бѣгали, не смотря даже на то, что бояре велѣли сломать мостъ у Никольскихъ воротъ, гдѣ остановился Никонъ, потому что у Никольскихъ воротъ не было ни проходу, ни проѣзду отъ сѣрыхъ чапановъ, нагольныхъ тулуповъ, да однорядокъ.

А тутъ новыя зрѣлища «двуперстниковъ» да «сугубоаллилуйцевъ» стали возить въ Чудовъ изъ разныхъ монастырей, да остроговъ. Есть на что поглядѣть! Одни юродивые какихъ колѣнъ не выкидываютъ Христа-ради во время этихъ процессій! Одинъ Ѳедя Божій человѣкъ чего стоитъ! А Аѳанасьюшко слезоточивый и слезонеизсякаемый кладезь божественный?!

Сегодня прошелъ слухъ, что Аввакума протопопа, великаго учителя вѣры, повезутъ на соборъ вселенскихъ патріарховъ. Москва заволновалась. Съ утра народъ валилъ къ Кремлю: и молодцы рядскіе, и черная сошка, и посадскіе малые людишки, и почтенные бородачи гостинной статьи, любившіе потолковать о двуперстномъ и иномъ, богомерзкомъ, сложеніи, и о треклятой «трегубой аллилуіи» и о «хожденіи посолонь», и о «метаніи поклоновъ», именно все о такихъ высокихъ предметахъ, на которыхъ міръ стоитъ,— все это толкалось и гудѣло по Красной да по Соборной кремлевской площадямъ.—«Осрамитъ ихъ Аввакумушко-свѣтъ—осрамитъ всѣхъ»! слышались голоса.—«Гдѣ не осрамить!—осрамитъ!— Куда имъ, арапамъ, этакую святость-то понять—аллилую-ту нашу матушку, либо персты-тѣ!—Въ единомъ, чу, перстѣ спасенье, въ двухъ перстахъ, чу, этому спасенью и смѣты нѣту, а въ трехъ, чу, перстахъ—пагуба, адъ кромѣшной»—«Что и говорить!—а хуть бы на счетъ этого самаго *аза*,что они еретики, у Христа отняли! и какъ ихъ громомъ не убило! Шутка-ли! сказано: «Сына Божія, рожденна, *а* не сотворенна»; а они, злодѣи, этотъ *азъ*-отъ у Христа украли: говорятъ—«рожденна, не сотворенна».... А! не злодѣи-ли!—«Братцы»! слышится межъ молодцами изъ рядовъ: «Христа обокрали»!—«Что ты»!—«Пра! *азъ* у ево украли»!— «Батюшки! гдѣ украли? али церковь подломали»?—«Подломали—у Спаса на Куличкахъ»....

— Везутъ! везутъ! закричали дальнѣйшія группы.

Рядскіе молодцы, забывъ свой испугъ на счетъ того, что, какъ вотъ сейчасъ сказывали сами хозяева, старые купцы—что Христа-де обокралъ кто-то, *азъ* у ево, Батюшки, злодѣи уворовали, а что это за *азъ* такой, молодцы не знали—не то риза золота, не то вѣнчикъ съ камнями самоцвѣтными, какъ вонъ на Иверской Матушкѣ,—молодцы, забывъ про этотъ невѣдомый *азъ*, со всѣхъ ногъ метнулись туда, гдѣ кричали: «везутъ! везутъ»!

Дѣйствительно, изъ-за головъ толпы показалась дуга, перевитая краснымъ кумачнымъ поясомъ, а въ просвѣтъ подъ дугой, выше лошадиной головы, проглядывала сѣдая человѣческая голова, не покрытая шапкой, постоянно клапявшаяся направо и налѣво. Это везли Аввакума. Онъ ѣхалъ стоя въ саняхъ, опираясь лѣвою рукою на плечо стрѣльца, сидѣвшаго за кучера, а правую поднявъ высоко надъ головою съ вытянутыми указательнымъ и среднимъ пальцами. Вокругъ саней, запряженныхъ въ одну лошадь, шли стрѣльцы съ ружьями и съ испугомъ и благоговѣніемъ

смотрѣли на конвоируемаго ими арестанта. Лицо Аввакума дышало фанатическою энергіею. Сѣдые, остриженные подъ чубъ волосы, стоявшіе стойма, казалось кричали вмѣстѣ съ широко-раскрытымъ ртомъ, изъ котораго въ морозный воздухъ вмѣстѣ съ выкрикиваньями вылеталъ паръ клубами. Неровно выстриженная сѣдая борода дѣлала это страшное лицо еще болѣе изувѣрскимъ.

— Православные! слышалась издали неистовая проповѣдь фанатика:—не покоряйтеся троеперстному сложенію!.. троеперстное сложеніе—еретицкое: его выдумали хохлы съ турскими наемниками, да арапами!.. троеперстное сложеніе—антихристова печать, геенна огненная, огнь неугасимый, плачь и скрежетъ зубомъ!... Крестится вотъ какъ, православные! вотъ какъ—истово.

И рука съ двумя вытянутыми пальцами поднималась еще выше и торчала въ воздухѣ, какъ знамя. Въ толпѣ также поднимались и размахивались руки съ протянутыми двумя пальцами и ожесточенно колотили по лбамъ, животамъ и по плечамъ гостиныхъ людей и рядскихъ молодцовъ. Головы также неистово встряхивались, и ропотъ одобренія и благоговѣнія все болѣе и болѣе усиливался. Всѣ толпились взглянуть на великое свѣтило старой, истинной вѣры.

Когда толпа нѣсколько пораздвинулась по мѣрѣ движенія саней, то впереди показалась фигура пляшущаго мужика. Безъ шапки, съ полусѣдою всклоченною головой, съ растрепанною бородой съ просѣдью, въ одной, длинной, какъ у татарина, синей канифасной рубахѣ, безъ пояса, безъ штановъ—мужикъ босыми ногами мялъ снѣгъ, выплясывая по замерзлой землѣ. Не смотря на морозъ и на не по сезону легкій костюмъ пляшущаго, съ лица его катился потъ градомъ. Лицо это выражало смѣсь дикости и наивнаго добродушія.

— Веселыми ногами—скакаша, играша—людіи Божіи святіи! приговаривалъ пляшущій.—Веселись, православные! нонѣ у насъ праздникъ—свадьба—веселіе веліе! Аввакумушко, свѣтикъ нашъ, нонѣ вѣнчается! Беретъ онъ себѣ невѣсту прекрасную, жену богатую, свѣтъ-матушку Алиллую Сугубую... А вѣнецъ-отъ онъ беретъ краше вѣнца царскаго—вѣнецъ мученическій... Веселись, православные!—веселыми ногами—скакаша—играша—эхъ ну!

— Господи! ишь его, какъ веселится Ѳедя-божій человѣкъ...

— Святая душа—и морозъ его не беретъ—безъ портовъ и босикомъ радуется.

— Ѳедя-божій человѣкъ! а-Ѳедя! обращается къ пляшущему купчина; ты что безъ портокъ?

— Такъ надоть! отвѣчалъ юродивый, дико глядя на купчину:— Христосъ безъ портокъ ходилъ...

— Ай-ай-ай! ну и отрѣзалъ же! дивились гостиные люди: оно и точно—Христосъ штановъ не носилъ, какъ малыя дѣти, анделы невинные—такъ и они, святые люди... нну!

А Аввакумъ, медленно двигаясь на своихъ дровняхъ, какъ на тріумфаторской колесницѣ, продолжалъ выкрикивать благимъ матомъ: «Вотъ такъ крестись православный народъ, вотъ такъ! А еретикамъ не покоряйся, аллилуію не трегубь! Діонисій Ареопагитъ говоритъ: со ангелы славословимъ тако: «аллилуія, аллилуія, слава тебѣ, Боже!» А не трегубо лаемъ, что псы по римскому распутству... не покоряйся еретикамъ!

Народъ и испуганно, и благоговѣйно, смотрѣлъ на фанатика. А юродивый продолжалъ отплясывать, отъ скоковъ и круженья переходя въ присядку.

— Што ты-гдѣ ты! што ты-гдѣ ты!—не обуты—не одѣты!

Вдругъ онъ остановился, закрылъ лицо руками и громко заплакалъ.

— О-о-о-о! спаси и помилуй, Господи, великаго государя царя и великаго князя Лексѣй Михайлыча всея Русіи! О! спаси его отъ троеперстнаго сложенія, помилуй его отъ трегубой аллилуи! о-о! причиталъ онъ жалобно.

— Спаси, Господи, раба своего, великаго государя, и отврати лице его отъ погибельной нестрозвѣриной ереси Никонишки окаяннаго, сатанина внука! возглашалъ съ своей стороны и Аввакумъ.—Молитесь, православные, за великаго государя!

— Въ это время впереди послышался звонъ цѣпей и визгъ по снѣгу полозьевъ. Показались вершники на коняхъ и въ высокихъ шапкахъ. На морозномъ солнцѣ блеснулъ высокій, чистый какъ зеркало кузовъ кареты. Солнце заиграло на позолотѣ кареты, на стеклахъ и на серебрѣ лошадиной сбруи.

— Боярыня Морозова ѣдетъ во дворецъ! послышалось въ толпѣ.

Морозова ѣхала съ обыкновенною своею пышностью, шестеркою богатыхъ коней, окруженная сотнею челяди. У оконъ кареты, на боковыхъ крыльяхъ, стояло по юродивому. Въ рукахъ у нихъ были мѣшки съ деньгами, которыя они тутъ же и раздавали народу.

Поровнявшись съ санями Аввакума, карета Морозовой остановилась, шибко зазвенѣвъ цѣпями, которыми украшена была богатая наборная упряжъ изъ кованаго серебра. Остановились и сани. Изъ окна кареты, изъ-за уголка приподнятой зеленой тафты выглянуло хорошенькое личико боярыни.

— Здравствуй, матушка Ѳедосья Прокопьевна, дочушка моя духовная! закричалъ протопопъ.—Вѣнчаться ѣду во дворецъ — благослови жениха, свѣтикъ мой,—будь посаженой матерью.

Онъ хотѣлъ было вылѣзть изъ саней, чтобъ подойти къ окну кареты, но стрѣльцы не пустили его.

— Нельзя, святой отецъ,—не приказано, почтительно останавливали его.

— Ну ладно, дѣтушки,—Богъ съ вами; вы подъ началомъ ходите, творите волю пославшаго васъ, сказалъ Аввакумъ покорно.—Эй, Ѳедюшка! подь сюда! крикнулъ онъ юродивому.

Юродивый подбѣжалъ къ санямъ.

— Давай пригоршню.

Юродивый подставилъ пригоршню. Аввакумъ перекрестилъ ее: «во имя Отца и Сына.... неси боярынѣ»...

Юродивый крѣпко сжалъ пригоршню, какъ бы боясь упустить что-либо, точно тамъ у него сидѣлъ воробей.

— Не просыплю—не просыплю благодать Божію, бормоталъ онъ, и понесъ сжатую пригоршню къ каретѣ Морозовой.

Та подняла окно. Пригоршня юродиваго всунулась въ карету, разжалась тамъ, и жаркія, влажныя губы молоденькой боярыни поцѣловали корявыя ладони юродиваго, отъ которыхъ несло навозомъ.

Народъ, рядскіе молодцы и почтенное купечество дивовались и умилялись, разинувъ рты и помавая головами, созерцая такое святое дѣло.

Сани двинулись дальше, къ Кремлю. Карета послѣдовала за ними.

Въ Кремлѣ, у дворцовыхъ воротъ, сани остановились. На встрѣчу имъ вышелъ стрѣлецкій полуголова и принялъ Аввакума изъ саней. Онъ былъ въ томъ же одѣяніи, въ какомъ мы въ послѣдній разъ видѣли его въ монастырской кельѣ, въ заточеніи. На прощаньи юродивый поцѣловалъ его въ руку и какъ-то пытливо глянулъ ему въ глаза, которые по прежнему свѣтились энергіею.

— Мотри же, женишокъ,—крѣпко люби свою невѣсту, Алилуію-свѣтъ Сугубовну... а вѣнецъ-отъ будетъ у-у какой! лучше царсково...

— Добро... только покажи мнѣ вѣнецъ-отъ, я за нимъ на край свѣта потопчусь!

Полуголова и стрѣльцы повели его къ столовой избѣ. Соборъ былъ уже на мѣстѣ. Патріархи возсѣдали на своихъ сидѣньяхъ рядомъ съ царемъ, а царь высился и блисталъ золотомъ, камнями и золотнымъ платьемъ на своемъ государевомъ мѣстѣ. Въ ласковыхъ глазахъ его блеснуло что-то вродѣ слезы и жалости, когда онъ увидалъ худаго, оборваннаго и обезображеннаго стрижкой Аввакума, смѣло переступившаго порогъ избы, гдѣ собрался соборъ. На лицахъ патріарховъ и прочихъ грековъ выразилось глубокое изумленіе. Бояре также смотрѣли ласково и жалостливо; только архіереи глядѣли хмуро и непривѣтливо.

Вступивъ въ палату, Аввакумъ прежде всего глянулъ въ передній уголъ. Увидавъ тамъ нѣсколько образовъ новаго письма и шестиконечный крестъ, онъ сурово отвернулся и глядя на потолокъ, трижды перекрестился истово, двуперстно, широко, отъ упрямаго лба до самаго подбрюшія. Потомъ, повернувшись къ царю, три раза поклонился ему до земли. Ни патріарховъ, ни весь остальной соборъ онъ не удостоилъ даже кивкомъ.

— Аввакумъ! поклонись святѣйшимъ вселенскимъ патріархамъ! ласково сказалъ царь.

Аввакумъ глянулъ на царя и, замѣтивъ доброе выраженіе его глазъ, отвѣчалъ: «по слову и указу великаго государя земно кланяюсь»—и поклонился до земли.

— Поклонись и всему освященному вселенскому собору, снова сказалъ царь.

— По указу великаго государя кланяюсь, опять отвѣчалъ упрямецъ, и поклонился на обѣ стороны въ поясъ.

Настала тишина. Дьякъ Алмазъ Ивановъ, по обыкновенію, шуршалъ бумагою, нагибая свое пергаментное лицо то къ той, то къ другой харатьѣ. Макарій антіохійскій перенесъ свои бѣлки на Аввакума.

— Аввакумъ! громко сказалъ онъ: покоряешься ли послѣднему помѣстному московскому соборному рѣшенію о новоисправленныхъ книгахъ?

— Не покоряюсь! рѣзко отвѣчалъ Аввакумъ.

— А тѣ исправленія истинныя:—для чего не покоряешься?

— Истинныя! крикнулъ фанатикъ, и глаза его метнули искры. — Въ томъ ли истина, что Никонъ все перемѣнилъ? — И крестъ на церкви и на просфорахъ перемѣнилъ — въ латынскій крыжъ обратилъ.... И внутри олтаря молитвы іерейскія откинули, и ектеніи перемѣнили, въ ектеніи ни вѣсть чего напихали, и въ крещеніи духу лукавому молиться велятъ: «да не снидетъ-де со крещающимся, молимся тебѣ, Господи, духъ лукавый».... А я духу лукавому въ глаза плюю.... И около купели противъ солнца, а не посолонь лукавый ихъ водитъ, и церкви ставятъ противъ солнца и при вѣнчаніи противъ солнца же водятъ—это ли истина?! А въ крещеніи не отрицаются сатаны: дѣти они его, что-ли, коли сатаны не отрицаются? Али это истина?

— Да этого въ новыхъ книгахъ нѣтъ, что ты плетешь, вмѣшался Питиримъ, тотъ, что и Никона злилъ.

— Плетешь ты, а не я! пуще прежняго крикнулъ фанатикъ:—Никонишко, адовъ пёсъ, наблевалъ, а вы блевотину его ѣдите—щепотью креститесь....

Макарій остановилъ его горячность. — «Постой, Аввакумъ», сказалъ онъ: — «ты это не истинно говоришь: вся наша Палестина, и серби, и албансы, и волохи, и римляне, и ляхи—всѣ тремя персты крестятся; одинъ ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты—такъ не подобаетъ».

Аввакумъ, услыхавъ, что патріархъ его не задрастъ, какъ задралъ было Питиримъ, нѣсколько успокоился. Взглянувъ на царя, онъ увидалъ, что тотъ смотритъ на него ласково по прежнему. Паисій тоже поглядывалъ на него съ старческимъ добродушіемъ—это охладило фанатика.

— Вселенстіи учителіе! началъ онъ спокойнѣе:—Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и ляхи съ нимъ же погибли:— до конца враги быша христіаномъ, на черкасахъ-казакахъ что на волахъ ѣздили, церкви Божіи жидамъ въ аренду отдали—оле проклятаго лядскаго безумія!... И у васъ, въ Турской землѣ и въ Палестинѣ и въ Египтѣ—православіе пестро: отъ насилія турскаго Магмета немощни есте стали.... А вы сами впредъ пріѣзжайте-ка къ намъ на Москву учиться: у насъ Божіею благодатію самодержавство (и онъ взглянулъ на Алексѣя Михайловича— тотъ ему милостиво улыбнулся)—никакого Магметки мы не боимся—плевать на него и на римскаго папежа!... У насъ на Руси, до Никона отступника, у благочестивыхъ князей и царей пра-

вославіе было чисто и непорочно, аки дѣвство, и церковь не мятежна и не растлѣна. Никонъ волкъ съ братомъ своимъ Фармагѣемъ бѣсомъ и съ отцомъ своимъ Люциферомъ и съ дѣдомъ сатаною велѣли тремя персты креститься, а первые наши пастыри крестились двѣма персты, и московскіе святители тако жъ. и казанскіе Гуріе и Варсонофіе—всѣ молились двѣма персты.

Онъ остановился, чтобъ перевести духъ. На нѣкоторыхъ изъ старыхъ бояръ видимо подѣйствовали его слова:—вѣдь всѣ они воспитались на двуперстіи—всѣхъ ихъ манила старина—и Аввакумъ чувствовалъ, что за плечами его стоятъ милліонныя рати, начиная отъ князей и бояръ и кончая послѣднимъ смердомъ. у котораго и вѣра-то вся въ двухъ пальцахъ.

Этимъ перерывомъ воспользовался Питиримъ.

— Что ты о святителяхъ плетешь? сказалъ онъ презрительно:—они и съ двуперстіемъ, и съ троеперстіемъ были бы святы.... Только они были люди неученые, грамотѣ не умѣли....

Аввакума опять взорвало.

— Ты вотъ ученъ—грамотникъ! огрызнулся онъ.—Кочергой тебя бабы учили....

— Они греческаго языка не разумѣли, какъ и ты, мужикъ....

— Ты, баба, много разумѣешь по еллински—развѣ сморкаться только трюмя персты.... Мнѣ съ тобой и говорить-то зазорно.

Онъ было повернулся, чтобы уйти; но остановился, замѣтивъ, что архіереи смотрѣли на него съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

— Чистъ азъ есмь! крикнулъ все болѣе и болѣе раздражавшійся фанатикъ, котораго самолюбіе шибко было задѣто:—и чистымъ ухожу, и прахъ отъ ногъ своихъ отрясаю, по писанному: лучше единъ творяй волю Божію, нежели тьмы беззаконныхъ.... А вы всѣ беззаконники!

Архіереи возмутились этими послѣдними словами. Многіе вскочили съ мѣстъ. Приставъ подвинулся къ упрямцу, чтобъ остановить его.

— Возьми! возьми его! забывшись, закричали нѣкоторые: онъ всѣхъ насъ обезчестилъ.

Приставъ схватилъ его за руку. Питиримъ и Иларіонъ приблизились къ нему съ угрожающими жестами.

— Постойте! не бейте! закричалъ фанатикъ:—апостолъ Павелъ пишетъ: таковъ намъ подобаше архіерей—преподобенъ. незлобивъ.... А вы, убившіе человѣка, какъ литургисать станете?

Это напоминаніе заставило опомниться взволнованныхъ архіереевъ. Они сѣли. Аввакумъ стоялъ посреди собора и тяжело дышалъ. Капли пота катились по его лицу. Ноги его видимо дрожали—тутъ сказывалось и душевное волненіе, и слѣды многолѣтнихъ ссылокъ, тюремной истомы и голода, надломившихъ эту желѣзную натуру.

Оглянувшись затѣмъ кругомъ и не видя на чемъ бы ему можно было сѣсть, онъ понятился къ дверямъ и повалился на бокъ.

— Посидите вы, а я полежу—по апостольски, сказалъ онъ задорно.

Бояре засмѣялись.

— Дуракъ мужланъ — и святѣйшихъ патріарховъ не почитаетъ, и великаго государя срамитъ, замѣтилъ Питиримъ.

— Вы великаго государя срамите на весь міръ, а не мы, огрызался лежа упрямецъ:—мы уроди Христа-ради, а вы славни яко солнце въ лужѣ; вы въ чести и виссонѣ, мы же безчестни и въ сермягѣ; вы сильни стрѣльцами, мы же немощни со Христомъ, да сугубою алиллуею.

— Для чего сугубая, а не трегубая, яко подобаетъ святой Троицѣ? спросилъ Макарій.

— Для чего? Али вы забыли Діонисія Ареопагита? У него прямо сказано, какъ славословятъ Господа небесныя силы: по алфавиту, глаголетъ—едино *аль* Отцу, другое *аль* Сыну, третье *аль* Духу Святому.... До Василія Великаго въ церкви пѣли тако ангельское славословіе: «аллилуія, аллилуія, аллилуія!» А Василій велѣлъ пѣть двѣ ангельскія славы, а третью человѣческую, сице: «аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже»! Мерзко Богу трегубое аллилуія....

Со скамьи среди монаховъ и архіереевъ поднялся высокій чорный клобукъ съ нѣсколько симитическимъ типомъ лица, и приблизился къ Аввакуму. Въ рукахъ онъ держалъ книгу въ бѣломъ, пожелтѣвшемъ отъ времени переплетѣ. Это былъ знакомый уже намъ ученый украинецъ, Симеонъ Полоцкій, учитель маленькой царевны Софьи Алексѣевны.

— Вотъ древній харатейный служебникъ, сказалъ онъ, раскрывая книгу и поднося ее къ лицу Аввакума:—тутъ аллилуія поется трижды.

— Что ты мнѣ тычешь въ глаза свою хохлацкую книгу! вскинулся на него фанатикъ:—мало ли какъ у васъ, у хохловъ,

поютъ, да намъ, московскимъ людямъ, ваше хохлацкое пѣнье не указъ.... Охочи вы, хохлы, соваться не въ свое дѣло: сидѣли бы у себя дома, а у насъ бы не мутили вѣрой.... Отъ васъ, отъ каждаго, крыжомъ папежскимъ воняетъ....

— Не говори такъ, Аввакумъ, спокойно замѣтилъ Полоцкій.—А наши Кіевскіе Печерскіе Угодники?

— То не ваши, а наши....

Симеонъ Полоцкій пожалъ плечами и возвратился на свое мѣсто.

— То-то ловки вы! продолжалъ Аввакумъ. — И какъ васъ великій государь терпитъ? Послѣ самъ увидитъ царское величество, что пустилъ козловъ въ россійскій вертоградъ, да будетъ ужъ поздно.... Вонъ и нонѣ пресвѣтлую царевну Софью Алексѣевну разнымъ планидамъ «да кентрамъ» научаютъ замѣстъ перстнаго сложенія,—и Богъ вѣсть что изъ царевны выйдетъ....

Въ столовую избу, тихо, чуть слышно ступая мягкими козловыми сапогами, вошелъ низенькій, лысый, съ большою сѣдою бородою бояринъ. Онъ прежде всего перекрестился въ передній уголъ, и Аввакумъ, зорко слѣдившій за его рукою, замѣтилъ, что пришедшій бояринъ крестился двуперстно—глаза у Аввакума блеснули,—потомъ бояринъ низко поклонился царю, патріархамъ и всему собору.

— Ты что, Прокопій? тревожно спросилъ его царь.

— Отъ великой государыни царицы и великой княгини Марьи Ильишны съ грамоткой въ вашему царскому пресвѣтлому величеству, почтительно отвѣчалъ съ присвистомъ беззубый бояринъ.

— Подай.

Бояринъ прошуршалъ козловыми сапогами, снова поклонился и подалъ царю свиточекъ, перевязанный голубою ленточкой. Царь развернулъ свиточекъ, пробѣжалъ его, щурясь и улыбаясь, раза два, поглядѣлъ на Аввакума, снова улыбнулся и спряталъ свиточекъ въ карманъ.

— Охъ ужъ эти бабы, тихо, продолжая улыбаться, прошепталъ онъ про себя, а потомъ, обращаясь къ старому боярину, громко сказалъ:—хорошо, Прокопій, ступай: доложи царицѣ, что великій-де государь милостивъ....

Бояринъ, шурша мягкимъ козломъ, вышелъ. Царь, окинувъ собраніе привѣтливымъ взоромъ, остановился на Аввакумѣ.

— Аввакумъ! сказалъ онъ съ едва замѣтною улыбкой.

Аввакумъ вскочилъ съ полу и быстро приблизился къ царю.

— Что изволитъ приказать великій государь рабу своему?

— Вотъ что, Аввакумъ: ты нонѣ недомогаешь, я вижу.... Поди отдохни, да подумай о томъ, что тебѣ нонѣ святѣйшіе патріархи сказывали, а послѣ поговоримъ.... А то и мнѣ нонѣ недосугъ за государскими дѣлами....

— Что мнѣ, великій государь, думать? смиренно отвѣчалъ онъ: шестьдесять лѣтъ думаю объ одномъ—о вѣнцѣ мученическомъ.... За нимъ пришелъ сюда—и безъ него не уйду.

По лицу царя пробѣжала тѣнь. Онъ строго посмотрѣлъ на упрямца.

— Я не Діоклетіанъ, сказалъ онъ недовольнымъ голосомъ.

— И я не Юліанъ отступникъ—не отступлюсь отъ двуперстія! отвѣчалъ фанатикъ.

— Добро.... Ино ступай пока....

— Не уйду, пока вѣнца не дашь!

Добрые глаза царя сверкнули. Онъ глянулъ на бояръ.—«Уведите его!»—Бояре кинулись къ Аввакуму. Тотъ не давался. Его взяли подъ руки и увели силою.

— Вѣнца хочу! вѣнецъ дайте! доносился изъ сѣней голосъ фанатика.

XV.

Два главныя дѣйствующія лица въ нашемъ повѣствованіи—Никонъ и Аввакумъ—невольно напрашиваются на сравненіе.

И тотъ и другой—борцы сильные, съ желѣзною волею. Одному почти всю жизнь везло счастье, да такое, какое рѣдко кому выпадаетъ на долю въ исторіи, и только подъ конецъ жизни сорвалось, потому что это самое счастіе, слѣпое, какъ его называютъ, ослѣпило и своего любимца. Другаго всю жизнь колотили—буквально колотили—сначала свои прихожане за его страстную, безумную ревность къ вѣрѣ и ея буквальной и внѣшней обрядности, били такъ, что онъ по цѣлымъ часамъ лежалъ бездыханно, а лишь только приходилъ въ память—опять лѣзъ на стѣну съ своими страстными обличеньями; потомъ его били воеводы, отгрызали у него пальцы, сѣкли плетьми; потомъ билъ его бояринъ Шереметевъ и топилъ въ Волгѣ; цѣлыхъ семь лѣтъ колотилъ его воевода Пашковъ, волоча по снѣгамъ Сибири и Дауріи — и все за ревность и неподатливость въ своихъ правилахъ. Никонъ нѣсколько лѣтъ самовластно правилъ всею

Россіею, жилъ въ царской роскоши, считался «собинным» другомъ царя. Аввакумъ почти всю жизнь былъ нищимъ, какъ апостолъ. Въ то время, когда у Никона находилась въ рукахъ власть, онъ казался человѣкомъ съ гранитною волею; но едва власть ускользнула изъ рукъ—онъ раскисъ и измельчалъ: онъ то-и дѣло, находясь въ изгнаніи, клянчилъ у царя съѣстнаго: то проситъ онъ «рыбки и икорки», «малины да вишенки», то жалуется, что кирилловскіе монахи присылаютъ ему на ѣду грибовъ «такихъ скаредныхъ и съ мухоморами, что и свиньи ихъ не станутъ ѣсть», то опять плачется, что рыбу ему прислали «сухую, только голова да хвостъ», «стяги говяжьи и полти свиныя—на смѣхъ»; что платьемъ и обувью онъ обносился, а «портной-швечишко неумѣющій»; то, наконецъ, надоѣдаетъ царю, что кирилловскіе монахи «смѣются и поругаются мнѣ, будто я у нихъ въ монастырѣ всѣ коровы пріѣлъ» и т. п. Аввакумъ выдержалъ себя до конца—до мученическаго костра, на который онъ всходилъ, крестясь двумя перстами, а когда охваченъ былъ пламенемъ и уже задыхался, то и изъ пламени поднималъ руку съ двуперстнымъ сложеніемъ и кричалъ свой послѣдній смертный наказъ, чтобъ крестились *такъ*....

Что особенно поражаетъ въ Аввакумѣ—это необыкновенная цѣльность характера, источникомъ которой была такая глубина вѣры, что она дѣйствительно могла ворочать горами. И оттого, когда Никона, въ несчастіи, покинули всѣ, исключая одного Иванушки Шушеры, за Аввакумомъ шли тысячи, и не только шли за нимъ, чтобы послушать его страстной проповѣди, а шли на костры, на висѣлицы, на удавленіе, на самосожженіе, на вырѣзыванье языковъ, или медленно умирали въ острогахъ, подземныхъ ямахъ и срубахъ, не поступаясь ни на іоту изъ того, что имъ завѣщалъ Аввакумъ. Личный характеръ первыхъ учителей раскола объясняетъ намъ и его историческую живучесть. Всѣ нелѣпости, какія онъ разсказываетъ въ своемъ житіи, и разсказываетъ съ глубокою вѣрою въ то, что они были—всѣ эти изгнанія бѣсовъ, всѣ эти чудеса, какъ его ангелъ въ темницѣ щами кормилъ, какъ саженный ледъ на Байкалѣ разступался, чтобъ напоить его, какъ Богородица въ рукахъ бѣса мяла и отдала его Аввакумову духовнику, какъ отрѣзанные языки у его учениковъ выростали въ ночь,—весь этотъ сумбуръ онъ поднялъ до высоты раскольническаго евангелія, окрасивъ его, какъ яркою киноварью, своею собственною кровью и скрѣпивъ ужасною смертью

Гусса—на кострѣ. А эти-то люди и оставляютъ по себѣ глубокій слѣдъ въ исторіи.

Не таковъ былъ Никонъ.

Черезъ недѣлю послѣ осужденія его на соборѣ, его, по повелѣнію царя, призвали въ крестовую церковь, что находилась на воротахъ Чудова монастыря. Проходя Кремлемъ, по площади, онъ упорно смотрѣлъ въ землю, какъ бы ища чего-то потерянаго и не глядя на толпы москвичей, далеко снявшихъ шапки при видѣ нѣкогда грознаго патріарха. Онъ и теперь еще патріархъ: патріаршій клобукъ и богатая панагія такъ и плачутъ на солнцѣ брильянтовыми слезами. Никонъ думалъ о томъ, что его ждетъ, и, казалось, не слыхалъ сдержаннаго рокотанья голосовъ, говорившихъ о немъ, жалѣвшихъ его.... Передъ нимъ уже не несли креста и онъ не благословлялъ народъ, какъ было прежде....

«Микитушка—охъ!—о-о-охъ!» послышалось ему въ толпѣ, и онъ невольно вздрогнулъ, продолжая упорно глядѣть въ землю и трясти головой.

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ», казалось твердила упрямая, разшатанная буйная головушка:—«Это мнѣ привязилось.... Кому звать меня Микитушкой»?...

«Микитушка-свѣтикъ!» послышалось опять, явственнѣе, ближе.

Онъ глянулъ.... Опять изъ толпы глядятъ *тѣ* глаза—глаза ангела.... «Всемилостивый! что-жъ это такое!... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ»!...

Почти ничего не видя, онъ вступилъ въ сѣни крестовой. Въ ушахъ его раздавалось: «Микитушка-свѣтикъ»..... Дверь отворилась, и онъ вмѣстѣ съ клубами морознаго воздуха очутился въ церкви. Свѣчи ярко горятъ, слѣпятъ глаза. Онъ перекрестился.... Опять тѣ же глаза.... нѣтъ, это глаза Богородицы, но такіе строгіе, не милующіе.... За что же»!...

Онъ оглядѣлся. Патріархи и архіереи стояли въ саккосахъ. Онъ искалъ глазами царя, но царя не было въ церкви. Желтѣлось одно пергаментное лицо—лицо Алмаза Иванова—не въ саккосѣ.

Никонъ дважды поклонился въ поясъ патріархамъ и сталъ по лѣвую сторону западныхъ дверей.... Послышался дребезжащій голосъ Паисія, который что-то благословлялъ. Затѣмъ началось чтеніе—выписка изъ соборнаго дѣянія—такая длинная.... Слухъ Никона ловилъ сначала одинъ лишь гулъ голоса чтеца, который отдавался въ сводахъ церкви, словно колотился объ нихъ, же-

лая вырваться на волю, улетѣть высоко, до неба.... Потомъ Никонъ сталъ вслушиваться въ слова: все это онъ давно-давно слышалъ, много разъ слышалъ....

«Микитушка-свѣтикъ....» Да, это приверзилось ему. Кто могъ называть его такъ? И кто зналъ, что онъ «Микитушка», Никита?—Всѣ знали только, что онъ Никонъ.... Только *она* знала и звала его такъ — «Микитушкой» — жена.... Но она поди давно умерла: больше тридцати лѣтъ прошло какъ они, онъ и она, постриглись и разошлись на вѣки.... А какъ она плакала, валялась въ ногахъ—не пускала его.... Да, у нея такіе были глаза, какъ у этого невѣдомаго ангела.... Какъ онъ любилъ когда-то эти свѣтлые, дѣтскіе глаза, какъ любилъ цѣловать ихъ.... А она, бывало, закрестъ ихъ и улыбается:—«тютю, говоритъ, сѣло твое солнышко, Микитушка — тютю — бай-бай....» А онъ ихъ цѣлуетъ.... «Солнышко—солнышко—выгляни въ окошечко—твои дѣтки плачутъ....» А она и глянетъ—брызнетъ свѣтомъ.... то-то молодость, глупость!...

«Проклиналъ россійскихъ архіереевъ въ недѣлю православія мимо всякаго стязанія и суда», возглашалъ Макарій вины Никона.

«Покинутіемъ престола заставилъ церковь вдовствовать восемь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ».

«Ругаяся двоимъ архіереомъ, одного называлъ Анною, другаго Каіафою».

«Изъ двоихъ бояръ одного называлъ Иродомъ, другаго Пилатомъ».

«Когда былъ призванъ на соборъ по обычаю церковному, то пришелъ не смиреннымъ обычаемъ и не переставалъ порицать патріарховъ, говоря, что они не владѣютъ древними престолами, но скитаются внѣ своихъ епархій, судъ ихъ уничижилъ и всѣ правила среднихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по седьмомъ вселенскомъ, всячески отвергъ».

«Номоканонъ назвалъ книгою еретическою, для того что напечатанъ въ странехъ западныхъ».

«Въ письмахъ къ патріархамъ православнѣйшаго государя обвинилъ въ латинствѣ, называлъ мучителемъ неправеднымъ, уподоблялъ его Іеровоаму и Оссіи, говорилъ, что синклитъ и вся россійская церковь преклонились къ латинскимъ догматамъ: но порицающій стадо, ему врученное—не пастырь, а наемникъ».

«Архіерея одинъ самъ собою низвергъ».

«По низложеніи, съ Павла, епископа коломенскаго, мантію снялъ и предалъ на лютое біеніе, архіерей оный сошелъ съ ума и погибъ безвѣстно—звѣрями-ли заѣденъ, или въ водѣ утонулъ, или другимъ какимъ невѣдомымъ образомъ погибъ».

«Отца своего духовнаго повелѣлъ безъ милости бить, и мы, патріархи, сами язвы его видѣли».

«Живя въ монастырѣ Воскресенскомъ, многихъ людей, иноковъ и бѣльцевъ наказывалъ не духовно, не кротостію за преступленія, но мучилъ мірскими казнями, кнутомъ, палицами, иныхъ на пыткѣ жегъ....»

Никонъ повидимому не слушалъ что̀ ему читали. Не все ли ужъ равно! Онъ только качалъ головой; но это качанье было не произвольное: оно осталось у него до самой смерти, какъ бы постоянно служа отвѣтомъ на гвоздившую его мысль — нѣтъ — нѣтъ—зачѣмъ жизнь?—для чего она была?—развѣ это жизнь?—нѣтъ—нѣтъ!...»

— Подойди сюда, Никонъ! проскрипѣлъ голосъ Паисія.

Никонъ машинально подошелъ къ царскимъ вратамъ, гдѣ стояли оба патріарха.

Макарій дрожащими руками снялъ съ осужденнаго клобукъ и панагію.

— Отселѣ не будеши патріархъ....

— Знаю! слышалъ! оборвалъ его Никонъ, къ которому, казалось, теперь только воротилось сознаніе.

— Живи тихо и безмятежно....

— Знаю и безъ вашего поученія какъ жить....

Глаза его упали на клобукъ, что̀ сейчасъ сняли съ него, а потомъ перенеслись на синеватые бѣлки Макарія и сверкнули гнѣвомъ.

— А жемчугъ-отъ съ клобука и съ панагѣи, что̀ съ меня сняли, по себѣ раздѣлите — достанется вамъ жемчугу золотниковъ по пяти-по шти, да золотыхъ по десяти, сказалъ онъ съ горькою иронією.—Вы султанскіе невольники, бродяги—бродите всюду за милостынею, чтобъ было чѣмъ заплатить дань султану....

Онъ остановился. Грудь его тяжело дышала. Голова затряслась еще больше—всѣ смущенно ждали послѣдняго взрыва....

— Эко-на! откуда взяли вы эти законы? зачѣмъ дѣйствуете здѣсь тайно, что̀ воры, въ монастырской церкви, безъ царя, безъ думы, безъ народа! заговорилъ онъ хрипло.—судороги давили его

горло. — Меня упросили принять патріаршество при всемъ народѣ.... Я согласился, видя слезы народа, слыша страшныя клятвы царя.... Поставленъ я въ патріархи въ соборной церкви, предъ всенароднымъ множествомъ.... А если теперь захотѣлось вамъ осудить насъ и низвергнуть, то пойдемъ въ ту же церковь, гдѣ я принялъ пастырскій жезлъ, и если окажусь достойнымъ низверженія, то подвергните меня чему хотите....

Онъ не могъ дольше говорить—ему перехватило горло. Онъ только безнадежно вскинулъ глазами на верхъ царскихъ вратъ, гдѣ на цѣпочкѣ висѣлъ и колебался золотой голубокъ.... Ему казалось, что колебалась вся церковь, и стѣны, и полъ....

— Тамъ ли, здѣсь ли—все равно, едва слышно сказалъ Паисій. — А что нѣтъ здѣсь его царскаго величества — на то его воля.

И старикъ молча подозвалъ къ себѣ греческаго монаха, стоявшаго неподалеко. Тотъ подошелъ и низко наклонилъ голову. Паисій снялъ съ него клобукъ и, поднявшись на цыпочки при помощи этого же монаха, надѣлъ его на опущенную голову Никона: какъ эта голова, такъ и руки Паисія одинаково дрожали. На лицахъ архіереевъ и архимандритовъ, присутствовавшихъ въ церкви, отражались то жалость, то стыдъ, то нескрываемое злорадство. Алмазъ Ивановъ усиленно моргалъ своими чернильными пятнышками на харатейномъ лицѣ.

Дольше тянуть эту тягостную сцену было невозможно. Макарій антіохійскій своими выразительными глазами показалъ, что пора увести его.... Два воскресенскіе монаха приблизились и тихо взяли подъ руки своего низверженнаго владыку. Онъ глянулъ на нихъ, какъ бы ничего не сознавая, и тихо побрелъ съ амвона, оступаясь на ступенькахъ его и не поднимая головы.

Его вывели на крыльцо. Охваченный морознымъ воздухомъ, онъ разомъ пришелъ въ себя и поднялъ голову. Народъ, столпившійся у саней и разгоняемый стрѣльцами, снялъ шапки... «У него не взяли патріаршаго посоха», слышался шопотъ.—«И монатья патріарша на емъ—значитъ, онъ патріархъ».—«Толкуй!» «Что толкуй!—али повылазило тебѣ!»

Вышли и два архимандрита, изъ которыхъ одинъ былъ тотъ, котораго мы видѣли въ Соловкахъ,—Сергій.

У саней Никонъ остановился и обвелъ толпу глазами.

— Никонъ! Никонъ! сказалъ онъ громко: съ чего это все приключилось тебѣ?—Не говори правды, не теряй дружбы!... Коли

бы ты давалъ богатые обѣды и вечерялъ съ ними—не случилось бы этого съ тобою.

Онъ сѣлъ въ сани и перекрестился. Сани двинулись. За санями шелъ Сергій; за нимъ—стрѣльцы и народъ.

— Далекъ путь до Господа, сказалъ какъ бы про себя низверженный патріархъ.

— Молчи-молчи, Никонъ! закричалъ ему Сергій.

Никонъ оглянулся. Рядомъ съ санями шелъ его экономъ.

— Скажи Сергію, что коли онъ имѣетъ власть, то пусть придетъ и зажметъ мнѣ ротъ, сказалъ онъ эконому.

Экономъ приблизился къ Сергію и, глядя ему въ глаза, сказалъ громко: «Коли тебѣ дана власть, поди и зажми ротъ святѣйшему патріарху».

— Какъ ты смѣешь называть патріархомъ простаго чернеца! закричалъ на него Сергій.

Въ толпѣ послышался ропотъ. Раздались негодующіе голоса.

— Что ты кричишь! особенно рѣзко выдался одинъ голосъ: имя патріаршее дано ему свыше, а не отъ тебя, гордаго.

Стрѣльцы тотчасъ же схватили этого смѣльчака.

— Блаженни изгнаніи правды ради! вздохнулъ Никонъ.

— Микитушка—Микитушка—о-о-охъ! послышался стонъ въ толпѣ.

Никонъ глянулъ по тому направленію, откуда вырвался стонъ, и задрожалъ. *Ты* глаза, которые онъ считалъ глазами ангела, были близко и смотрѣли на него съ невыразимой тоской и любовью. Только это были глаза не ангела, а просто монахини, уже пожилой, высокой и нѣсколько сгорбившейся. Лицо ея было необыкновенно бѣло и нѣжно, не смотря на рѣзкія морщины, какъ-бы паутиной заткавшія это бѣлое лицо, а чорный монашескій клобукъ еще ярче оттѣнялъ его бѣлизну.

— Микитушка! касатикъ мой! благослови меня!

Никонъ узналъ монахиню. Это была его жена, та прекрасная подруга его молодыхъ лѣтъ, съ которою онъ разлучился назадъ тому три десятилѣтія... Отъ нея остались только глаза, да и тѣ, казалось, смотрѣли изъ могилы....

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕЖДУ ВѢЧНОСТЬЮ И МИНУТОЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ I.

Глава I.

Стояла глухая, тоскливая, осенняя пора; давно уже стемнѣло; вихрь ненастный, то пронзительно взвизгивая, то плаксиво завывая, обдавалъ прохожихъ и проѣзжихъ расплывчатою массою своихъ первыхъ, снѣжныхъ пылинокъ. Прогремитъ карета, продребезжитъ Ванька, какъ-бы силясь обогнать самую непогодицу, промелькнетъ, какъ тѣнь, закутанная фигура прохожаго, и опять все тихо и пустынно. Въ этотъ-то именно вечеръ, когда огонь жилья манилъ всякаго представленіями тепла и уюта, зданіе Московскаго Университета, что на Большой Никитской, особенно печально и угрюмо смотрѣло на улицу своими большими, неосвѣщенными окнами, — будто все вымерло въ немъ или забылось сномъ тягостнымъ, непробуднымъ. Лишь въ двухъ крайнихъ угольныхъ окнахъ отъ времени до времени мелькалъ огонекъ.... Мелькнетъ подобно звѣздочкѣ, высвободившейся изъ-за облака, и опять исчезнетъ, точно утонетъ въ глубинѣ комнаты.—То былъ огонь свѣчи, стоявшей на столикѣ близъ постели, покоившейся въ подушкахъ, еще очень молодой женщины, Александры Игнатьевны Бояриновой. Уже истекалъ четвертый годъ, какъ Александра Игнатьевна слегла вслѣдствіе несчатныхъ родовъ и, приподнимаясь при посторонней помощи лишь для пріема пищи и питья, ни на одинъ часъ не покидала постели. Указывая на недостатокъ воздуха, упадокъ силъ, на общее невыносимо тревожное состояніе,

она никогда не жаловалась на какое либо исключительное, мѣстное страданіе. Врачи и профессора медицины не только отказались спасти ее отъ неминуемой смерти, но даже не могли точно опредѣлить болѣзни. Спокойно и безропотно несла Александра Игнатьевна свой тяжкій жребій, и ея выразительные свѣтлосѣрые глаза туманились слезою лишь при взглядѣ на измученнаго состраданіемъ къ ней мужа, да на молчаливаго, не по возрасту печальнаго, первенца Васю.... И тогда, чуть примѣтно перебирая своими блѣдными, изсохшими губами, молила она Создателя,—хотя-бы на одинъ мѣсяцъ, на одну недѣлю, на одинъ день возвратить ей бодрость и силы, чтобъ могла поцѣлуемъ молодымъ, нѣжнымъ, отблагодарить за уходъ и ласку мужа, чтобъ могла прижать къ сердцу своего мальчугу Васю.—Къ постели подошла высокая, слегка согбенная старушка. Безъ малѣйшаго шороха опустила она на столикъ металлическій подсвѣчникъ и, отсчитавъ изъ пузырька въ рюмку 20 капель какой-то зеленоватой жидкости, заслонила свѣтъ отъ глазъ больной зеленымъ абажуромъ. Александра Игнатьевна, казалось, была въ полузабытьѣ. Густая темнорусая коса, окаймляя маленькій изжелтоблѣдный лобъ, откинувшись влѣво отъ головы, покрывала подушки волнистыми, разбитыми прядями. Темныя, долгія рѣсницы чернѣли въ глубокихъ впадинахъ подъ глазами; тонкія, слегка сдвинутыя брови, впалыя щеки, блѣдныя, какъ-бы безкровныя губы сжатаго рта, на груди скрещенныя пальцъ о пальцъ, исхудалыя руки, громче жалобы и стона говорили о ея нѣмыхъ страданіяхъ.

— Куля, а Куля! звала межъ тѣмъ старушка, пріотворивъ дверь изъ спальни въ дѣтскую. Изъ глубины дома донесся громкій, визгливый смѣхъ.

— Ишь ты, халда откормленная.... Прости, Господи!... Ей и горя мало! окрысилась старушка и, миновавъ комнату, пошла по направленію раздававшагося все громче и громче смѣха. Ни звукъ, ни шелестъ, ни тихое ровное дыханіе, ничто не изобличало въ дѣтской присутствія живаго существа; но едва старушка успѣла переступить за порогъ, какъ изъ полуосвѣщеннаго угла комнаты, съ глубокаго и развалистаго кожаннаго кресла, бойко соскочилъ мальчикъ лѣтъ девяти. Онъ выпрямился, потянулся, одернулъ края своей фланелевой, темнокоричневой рубашки, окаймленной по вороту и подолу черной бархоткой и, легко приподнявшись на носки, скользнулъ въ спальню матери. Одиноко и тоскливо мерцалъ свѣтъ за зеленымъ абажуромъ. Мертво было у постели.

Даже самый вихрь на улицѣ, какъ бы утомленный своимъ безсильнымъ злорадствомъ, угомонился и замолкъ.

Прокравшись къ кровати матери, мальчикъ остановился у ея ногъ. Боясь дохнуть и шелохнуться, онъ робко заглянулъ ей въ лицо, заглянулъ и, содрогнувшись отъ плечъ до пятъ, опять скрылся за высокою спинкою массивной кровати.

Ни то сонъ, ни то полузабытье попрежнему владѣли ею.

Губы сжаты, руки скрещены, лишь напряженнымъ тяжелымъ дыханіемъ раздвигались ноздри, да отъ времени до времени, слегка колебля одѣяло, вздрагивала исхудалая грудь; но вотъ еще крѣпче охвативъ другъ друга, хрустнули пальцы блѣдныхъ рукъ, разомкнулись сжатыя губы, чуть примѣтная краска оживила лицо.

— Мама! подаваясь всѣмъ станомъ тихо окликнулъ онъ мать. Александра Игнатьевна какъ-то сжалась, съежилась, глухой стонъ вырвался изъ ея груди, и опять исчезла краска съ изжелтоблѣднаго лица.

— Мама! поникнувъ тоскливо и еще тише повторилъ онъ; но видно напрасно ждалъ на этотъ разъ отъ матери отвѣта.

Нѣтъ не взглянетъ она на него своими кроткими, сѣрыми глазами, не проведетъ по волнистой, темнорусой головкѣ дрожащею рукою, не перекреститъ, не окликнетъ и даже няню не спроситъ о немъ.... Замкнутая въ своихъ страданіяхъ, встревоженная и смущенная видѣніями полузабытья, въ эти минуты Александра Игнатьевна была дѣйствительно чужда ему. Бывали, однако, дни, въ которые она, возвращаясь къ полному сознанію, могла говорить, хотя тихимъ, прерывистымъ голосомъ, и, всѣхъ награждая, всѣхъ радуя своею кроткою улыбкою, оживленно уносилась въ мечты своего лучшаго будущаго. Тогда она звала его къ себѣ, разспрашивала:—гулялъ-ли онъ вчера, молился-ли, ложась спать, за себя, за нее, за папу, здоровъ-ли, не скучаетъ-ли, и о чемъ разсказывала ему говорунья няня?... Оживлялась мать, оживлялся и онъ.... Трепетно билось, согрѣтое материнскою лаской, сердце малютки, свѣтились радостью большіе, темносѣрые глаза, и на алыхъ губахъ полнаго овальнаго личика, какъ-бы отраженіемъ отрадной улыбки ея блѣдныхъ губъ, играла его младенчески счастливая улыбка. Но чѣмъ оживленнѣе становилась Александра Игнатьевна, тѣмъ съ большимъ страхомъ слѣдили за нею окружающіе. Въ быстромъ, лихорадочномъ потокѣ надеждъ и предположеній Александры Игнатьевны, слово перебивалось словомъ, мысль путалась мыслію.... Ею тогда овладѣвало состояніе

бреда:—то гуляла она съ Васею по Малой Никитской, то каталась съ нимъ въ роскошномъ экипажѣ по улицамъ ярко иллюминованнаго Парижа, то трепетной рукою сводила по узкой, скользской лѣстницѣ въ сырое подземелье рыцарскаго замка, гдѣ, подъ мрачными сводами, отрывала *кладъ чести, славы и богатства*, дѣлая его наслѣдіемъ уже *безсмертнаго при жизни втораго первенца*.... Вдругъ и разомъ замирало порывистое слово, руки падали, какъ плети, утомленною головой склонялась Александра Игнатьевна на высокія подушки, и между ею и Васею разстилалась бездна, бездна холодная и мрачная, подобная той, что жизнь отдѣляетъ отъ могилы.

Въ дѣтской послышался шорохъ, Вася встрепенулся, осмотрѣлся, сдѣлалъ шагъ назадъ и, дрогнувъ, какъ-бы отъ укола, смѣло приблизился къ изголовью матери.... Въ спальню вошла та же согбенная старушка въ сопровожденіи лѣниво и переваливисто шагавшей за нею широкоплечей, краснощекой Кули....

—Ахъ, попрыгунъ, попрыгунъ.... Точно стрекоза, прости Господи! ворчала старушка, минуя Васю.

— Матушка Александра Игнатьевна, склоняясь надъ изголовьемъ больной и какъ-бы втягивая въ себя звуки голоса, проговорила она.

Александра Игнатьевна чуть примѣтно шелохнулась.—Вася лихорадочно слѣдилъ глазами за матерью.

— Александра Игнатьевна, матушка, лѣкарство.... нѣсколько громче настаивала старушка. Александра Игнатьевна тихо потянулась. Яркая краска вспыхнула въ лицѣ Васи.

— Матушка, Александра Игнатьевна, пора лѣкарство принять.... уже во весь голосъ повторила она.

— Мама! радостно крикнулъ Вася.

Александра Игнатьевна медленно приподняла отяжелѣвшія вѣки и ея, какъ-бы туманомъ подернутые глаза, неподвижно остановились на крайнемъ шарикѣ рѣзной краснаго дерева кровати.

— Куля! что-жъ ты ротъ-то разинула.... Подыми подушки.

Акулина осторожно приподняла подушки.

Старушка перелила лѣкарство изъ рюмки въ столовую ложку и, поднеся ее къ губамъ больной, слегка коснулась ложкой крѣпко стиснутыхъ зубъ. Александра Игнатьевна разжала губы, проглотила влитую ей въ ротъ жидкость, кашлянула и, не вымолвивъ ни слова, опять погрузилась въ свое оцѣпенѣніе.... Старушка печально покачала головою.

— Господи, Господи, да будетъ Твоя святая воля! широко крестясь, проговорила она, засвѣтила ночникъ, сняла абажуръ, погасила свѣчу и, прошептавъ надъ Александрой Игнатьевной какую-то молитву, вышла изъ спальни.

— Вася, а Вася! окликнула она, войдя въ дѣтскую. Вася не отзывался.

— Ишь шалунъ.... И лба не перекрестишь, а онъ нырнетъ себѣ какъ рыбка въ рѣчку, и поминай, какъ звали, въ слухъ размышляла она, внимательно осматриваясь. Въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, при тускломъ освѣщеніи просторной дѣтской одною нагорѣлою сальною свѣчею, чуть примѣтно чернѣла темно-коричневая его рубашка.

— Батюшка, Василій Андреевичъ, чево ты уткнулся? тревожно спрашивала она, стараясь поднять съ кресла вцѣпившагося въ него обѣими ручонками Васю. Глухія, судорожныя рыданія были ей отвѣтомъ.

— Ахъ, ты мой родимый! Дитятко ты мое ненаглядное, солнышко ты мое красное.... И чаво ты это опять?... Христосъ надъ тобою. Поднимика-сь головку-то.... Я потру тебѣ шейку твою лебединую.

Закрасивѣвшіеся глаза его опухли, лицо горѣло, какъ въ огнѣ.

— Полно, золотой ты мой, полно, брилліантовый, успокоивала старушка; а ребенокъ рыдалъ все громче и громче....

— Фу, стыдъ какой. Полно плакать, пригожій мой. Вѣдь ты мущина, а не баба, не Акулька.... Прости Господи.... Слезы, что роютъ, ими не умилостивишь гнѣва Божія! Постойка-сь!... Я тебѣ воды святой испить дамъ!

Вася вынулъ изъ ридикюля, пристегнутаго къ кушаку рубашки, платокъ, провелъ имъ по смоченному слезами лицу и, осторожно опустивъ его въ ридикюль, уныло склонилъ курчавую головку на ладонь слегка дрогнувшей, слабой руки.—

— Натко-сь.... Испей.... да и полно.... А то никогда никакой сказки не буду сказывать.

— Нѣтъ, будешь! сквозь слезы улыбаясь возразилъ Вася.

— Будь уменъ, то и буду, а будешь плакать, слезами Бога гнѣвить, да папеньку тревожить, то и не стану.

— Больше не буду, няня! чуть слышно отозвался онъ.

— Я и знаю, что ты у меня умникъ, поощрила старушка, усаживаясь въ кресло.

Вася обвилъ своими ручонками морщинистую, длинную шею старухи и, притянувъ къ себѣ ея голову, тихо поцѣловалъ.

— Няня!

— Что моя радость?

— Будетъ-ли мама жить?

— И что это ты родимый мой, Господь съ тобой! И кто это тебѣ вколотилъ въ умную головушку такія несуразныя мысли?! Господь покаралъ, Господь и помилуетъ! Волосъ съ головы человѣческой не спадетъ безъ воли Божіей, ни токмо, что человѣкъ.... И не гнѣви ты Создателя мыслями такими.... Видно совершили родители ея, или кто изъ кровныхъ, великій грѣхъ!... Альбо сама она, такъ и послалъ ей Богъ испытаніе тяжкое.... Будемъ молитвы наши возносить къ престолу Всевышняго и пошлетъ ей Господь здоровья и счастья, на многіе годы!...

— А какъ-же, няня, тотъ, знаешь такой большой, съ бородою, страшный такой!... Я слышалъ, какъ онъ говорилъ папѣ, что мама не будетъ жить.

— Это дохтуръ-то? И, родимый мой, знаютъ-то они много, а понимаютъ, не накажи Богъ, какъ мало. За то имъ Богъ и умъ омрачаетъ, что слишкомъ много о себѣ помышляютъ!... Вотъ засвѣчу-ка я лампадочку во славу Божію, а ты, родимый мой, выкинь-ка изъ головки всѣ эти дохтурскія рѣчи, да и памятуй одно, что отъ Бога все и ничего безъ Него.

— Богъ все и ничего безъ Него, слышалось еще Васѣ....

— Няня, а няня, а какъ-же, тотъ страшный, что сказалъ, что мама не будетъ жить.... Онъ тоже отъ Бога?

— Отъ Бога, родимый мой, отъ Бога.

— Какъ же отъ Бога, а неправду говоритъ?

— А потому и говоритъ неправду, что забылъ Бога, а Богъ и отшатнулся отъ него.

— А зубки у меня болятъ, няня, тоже отъ Бога?

— Отъ Бога, радость моя.

— За что же это Богъ наказываетъ меня, няня?

— А за то вотъ, когда папу не послушаешь или меня, старуху, обидишь.

— Я всегда слушаю папу, няня....

— Нѣтъ не всегда. Папа не велитъ ходить тебѣ къ мамѣ, если мама не покличетъ, а ты все идешь.... Вотъ и сегодня тоже...

Доводы няни вполнѣ убѣдили Васю. Онъ теперь видѣлъ, что дѣйствительно все отъ Бога, и ему страшна стала эта невидимая, непрерывно карающая сила, этотъ рокъ, подвергающій страданіямъ и маму, и папу, и его, Васю, за малѣйшее уклоненіе отъ своихъ велѣній.... И ему уже казалось, что онъ снова въ спальнѣ, снова видитъ блѣдное, исхудалое лицо матери, распластанное, какъ бы бездыханное, молодое тѣло ея.... Вотъ содрогнулась, съежилась, скорчилась, застонала и надъ нею поднялась высокая, костлявая фигура Бабы-яги, непремѣнной спутницы почти всѣхъ сказочныхъ преданій старушки няни. Глаза у нея горятъ огнемъ дикимъ, волоса стоятъ дыбомъ, руки, что желѣзныя грабли, то вьется она, какъ змѣя, то подплясываетъ въ злобной радости, какъ свекровь неумолимая, то играетъ надъ головою несчастной клюкою своею желѣзною. «За что же, за что эти страданія!... И это все Богъ, все отъ Бога!» мелькнуло у Васи. Онъ закрылъ рукою глаза и, содрогнувшись всѣмъ тѣломъ, забрался въ самую глубь кресла....

Теперь хотѣлось ему спросить няню.—есть-ли на ряду съ Богомъ злымъ, Богъ добрый и почему Богъ его, и мамы, и папы такой злой Богъ?... Онъ желалъ и въ то же время не смѣлъ. А вдругъ Богъ услышитъ, что онъ назвалъ его злымъ Богомъ и прогнѣвится, и опять мама, какъ вчера и третьяго дня не приласкаетъ его, не приголубитъ, милымъ мальчугой своимъ не назоветъ, и опять на цѣлую ночь заболятъ у него капризные зубки....

— Слава Тебѣ Господи, слава Тебѣ! Слава Тебѣ Царица Небесная! — широко крестясь, полнымъ голосомъ проговорила старушка....

Злобно ударилъ вихрь въ стекла оконныя, взвился, понесся, завылъ, застоналъ въ трубѣ надъ печкою.... Нервная дрожь непріятною зыбью пробѣжала въ зубахъ у Васи....

— Няня!—робко окликнулъ онъ.

— Что дорогой мой?

— Мнѣ страшно.... Сядь возлѣ меня, разскажи сказку.... Да не страшную, няня.

— Сейчасъ пригожій мой, сейчасъ родимый! сказала няня опять осѣнивъ себя троекратнымъ крестнымъ знаменіемъ, и одинъ за другимъ сдѣлавъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, подошла къ креслу.... Вася порывисто протянулъ ей на встрѣчу холодную, какъ ледъ, руку. Она сжала ее въ своей морщинистой рукѣ, отвернулась, быстро отерла ладонью катившіяся по лицу слезы....

— Ну-же няня, что-жъ ты сказочку?

— Сейчасъ, ненаглядный мой, сейчасъ, пригожій!

— Не страшную, няня! опять на-скоро предварилъ Вася и, забившись въ самый уголъ кресла, устремилъ на «Алену» Никоновну сосредоточенный взглядъ своихъ большихъ темносѣрыхъ глазъ....

— Ну слушай, пригожій, слушай, слушай да не моргай, кушай да не обкушивайся, смѣйся да не закатывайся!

Долго въ эту ночь, далеко за полночь, слушалъ Вася говорливой няни сказки и все не могъ успокоиться, все не могъ заснуть, все также лихорадочно вслушивался, то въ малѣйшій шорохъ въ спальнѣ, то въ зловѣщій стонъ вихря разыгравшейся непогодицы.

Глава II.

Наступившее утро предсказывало еще болѣе ненастный день. Вихрь стихъ, въ воздухѣ потеплѣло, но разрозненныя облака предшествующей ночи, сплотившись въ темно-сѣрую массу, нависли надъ Москвою и, спускаясь все ниже и ниже, окутали ее своимъ мглистымъ, сѣрымъ саваномъ....

Такъ весьма часто, человѣкъ безпечный и веселый въ своей лѣтней порѣ, переступивъ въ область глубокой осени, сближаетъ брови, сжимаетъ губы, столь недавно освѣщеннаго улыбкою лица и, окинувъ бѣглымъ взглядомъ сферу идей, цѣлей и надеждъ, парализованныхъ имъ же самимъ, все безотраднѣе и безотраднѣе смотритъ въ даль непригляднаго будущаго. Но нельзя быть дальше, какъ былъ отъ подобныхъ мыслей Андрей Петровичъ Бояриновъ, мужъ Александры Игнатьевны. Любящій, скромный въ своихъ желаніяхъ, умѣренный въ тратахъ и требованіяхъ къ жизни, онъ всегда былъ далекъ отъ всякихъ отвлеченностей. «Отъ идей, говаривалъ онъ, какъ отъ козла, нѣтъ ни шерсти, ни молока». И вотъ едва лишь пріятель его, Иванъ Никаноровичъ Курлатовъ, послѣ сытнаго обѣда за чашкою кофе и дорогой сигарой, начиналъ любезничать, заигрывать съ которымъ-либо изъ этихъ козловъ, какъ Бояриновъ нетерпѣливо перебивалъ его: «эхъ полно, Иванъ Никифоровичъ, и когда ты это, какъ неразумный ребенокъ, перестанешь ловить воздухъ руками?... Лучше посовѣтуй, какъ ухитриться съ шестью тысячами купить хотя маленькое

имѣніе? Быть можетъ, свѣжій воздухъ, спокойствіе и нѣкоторый достатокъ оживятъ и поддержутъ мою бѣдную Лину!» «Да, это конечно!... Если бы у меня были въ данную минуту, я-бы съ радостью, но»—отыгрывался Курлатовъ.... И по правдѣ, что̀ ему было за дѣло до того, что несчастная страдалица его пріятеля, какъ лѣтомъ, такъ и зимою задыхалась въ спертомъ воздухѣ четырехъ стѣнъ своей тюрьмы—комнаты, что отъ взгляда на нее болѣло и надрывалось сердце Андрея Петровича.... Вѣдь отъ этого не худѣли его рысаки, не превращалась дорогая гаванская сигара въ рижскую грошевку.... Курлатовъ отыгрывался, а Андрея Петровича все-жъ таки съ каждымъ днемъ, все лихорадочнѣе и лихорадочнѣе преслѣдовала мысль во что̀ бы ни стало пріобрѣсти имѣніе... Она его тревожила днемъ, безпокоила ночью и въ это ненастное утро съ какою-то особою силою налетла на него. Сжигая папиросу за папиросой, чего, чего не передумалъ возбужденный Андрей Петровичъ.... Ему представлялось, что онъ уже купилъ имѣніе,—около 100 душъ, много земли, много лѣса, хорошенькая усадьба.... И вотъ, теперь въ виду веселаго, уютнаго домика, съ террасами и балкономъ, обвитыми плющемъ, на шелковистой лужайкѣ подъ густой сѣнью столѣтняго дуба, за круглымъ столикомъ, покрытымъ бѣлою, какъ снѣгъ, скатертью, пилъ чай со своею Линою, игривою и беззаботною, какъ въ ту лучшую пору, пору счастья и здоровья.... А вотъ и Вася.—«Мама, мама»: кричитъ, подбѣгая.—«вотъ тебѣ земляники.... И тебѣ, папа»—какъ бы спохватившись, добавляетъ онъ.... Раздался звонокъ....

— Алексѣй Михайловичъ Новосвѣтовъ, доложилъ лакей.

— Проси, проси! поспѣшно отвѣтилъ Андрей Петровичъ.

— Да нечего и просить, когда я уже здѣсь.... Вотъ китайщина! говорилъ, между тѣмъ, входя въ кабинетъ неслышными, дробными шажками Новосвѣтовъ.

— Весьма радъ, Алексѣй Михайловичъ, весьма радъ!... Бояриновъ видимо оживился.

— Вотъ такъ, еще на конѣчку! Да какой же вы чудакъ, батинька, еслибъ я не былъ увѣренъ, что вы будете рады, такъ и не пріѣхалъ-бы! Маленько рано, кажется.... Всего 10.... Впрочемъ, я это собственно, чтобы побесѣдовать съ вашей супругою.... Вѣдь больные въ эти часы всегда наиболѣе доступны изслѣдованію.... Ну что, какъ барынька ночь провела?

— Эту ночь, благодаря Бога, спокойно.... Я пріѣхалъ въ три. Тогда, какъ и теперь сонъ ея былъ тихъ и дыханіе свободно....

— Знаки хороши, но.... заглазно судить трудно, серьезно замѣтилъ Новосвѣтовъ.

Алексѣй Михайловичъ принадлежалъ къ категоріи тѣхъ немногихъ, которымъ жизнь отъ колыбели и до могилы непрерывно шлетъ свои улыбки. Средняго роста, широкоплечій, скорѣе полный, чѣмъ худой, въ высшей степени подвижной и ловкій, всегда веселый и оживленный, онъ, по собственному опредѣленію, столь же легко и неслышно вносилъ себя и выносилъ изъ дома въ домъ, сколь свободно и непримѣтно становился душою своего кружка. Кто зналъ Новосвѣтова, тотъ и любилъ его, а если иной, подчасъ, по столь свойственной намъ слабости, забрасывать камешки въ чужой огородъ, и метнетъ въ его сторону, то тутъ же и стушуется подъ давленіемъ общаго молчанія. Алексѣю Михайловичу на видъ было лѣтъ 45. Не смотря на сѣдину, блескомъ своихъ въ высшей степени оживленныхъ, черныхъ глазъ, онъ могъ соперничать въ успѣхѣ надъ женщиною съ любымъ юношей.... На высокомъ открытомъ лбѣ лежалъ отпечатокъ серьезной думы, а двѣ мягкія, чуть-чуть примѣтныя складки въ углахъ рта, какъ бы дрожали тонкою насмѣшкой....

— Давно-ли слегла ваша супруга? спросилъ Новосвѣтовъ послѣ короткой паузы.

— Уже скоро четыре года.

— Четыре года!... Что же находятъ въ ней доктора?

— Да, все.... Одни ракъ, другіе худосочіе, третьи малокровіе, четвертые пораженіе спиннаго мозга, пятые расширеніе какихъ-то сосудовъ.

— Словомъ, чего хочешь, того просишь! перебилъ Новосвѣтовъ. Такъ что теперь она представляетъ изъ себя живую аптеку всевозможныхъ медикаментовъ или ядовъ, отравлявшихъ ее изо дня въ день.... Славно!

— Батюшка, Андрей Пятровичъ, къ барынѣ пожалуйте, останавливаясь у порога двери, отрапортовала Алена Никоновна.

— Смиловался надъ нами Господь!... разговариваютъ.... добавила она радостно.... Бояриновъ вспыхнулъ.

— Извините Алексѣй Михайловичъ я сообщу, подготовлю, бѣгло проговорилъ онъ, подходя къ дверямъ спальни....

Александра Игнатьевна полусидѣла, припавъ спиною на высоко приподнятыя подушки. Исхудалая и желто-блѣдная шея и

лицо казались еще блѣднѣе и желтѣе отъ упадавшаго на нихъ дневнаго свѣта. По подушкамъ, плечамъ и рукамъ разбились слежавшіяся пряди шелковистой косы.

Сосредоточивъ на Васѣ напряженный взглядъ слабыхъ, мутныхъ, нѣкогда оживленныхъ и блестящихъ глазъ, она какъ будто замерла въ наслажденіи и наслажденію этому, казалось, не было, и не будетъ конца.... Что ей было въ эти минуты до самой себя, до своей немочи.... Она видѣла свою жизнь и свое будущее въ блестящихъ глазахъ Васи, любовалась яркой краской въ его оживленномъ радостью лицѣ и такъ тепло ей было, такъ сладостно замирало ея изстрадавшееся сердце.... Вася чувствовалъ настроеніе матери...; уже не разъ съ его полныхъ, алыхъ губокъ готовъ былъ сорваться вопросъ: здорова-ли, мама, встанешь-ли сегодня, будешь-ли кушать со мною и папой за однимъ столомъ; но что-то сдерживало его, и онъ, смущенный молчаніемъ матери и этимъ, чѣмъ-то, невѣдомымъ, всесильнымъ, не только словомъ, но даже движеніемъ, вздохомъ боялся нарушить господствующую тишину.

— Лина! чуть слышно окликнулъ жену Андрей Петровичъ. Оторгнутая отъ своихъ мечтаній голосомъ мужа, она дрогнула, какъ можетъ вздрогнуть здоровый человѣкъ только отъ внезапнаго выстрѣла.

— Я, Лина, я, поспѣшно успоилъ ее мужъ.

— Т.... т.... ты.... и легкая, едва примѣтная краска мгновенно оживила лицо больной. Здрав....ствуй....

— Какъ ты себя чувствуешь, Лина?

— Хорошо.... такъ.... я.... долго.... спала.

— Ну и слава Богу.... Теперь будешь здорова.

— Встану.... я.... Андрей?

— Еще бы и даже скоро. Куплю имѣніе.... Чистый воздухъ подкрѣпитъ тебя, и еще какъ будемъ съ тобою отплясывать мазурку.... Лише прежняго.

Александра Игнатьевна хотѣла улыбнуться, но вмѣсто улыбки ея блѣдныя губы сложились въ болѣзненную гримасу. Андрей Петровичъ отвернулся.... На его глазахъ блеснули слезы.

— Лина.... Можно ввести къ тебѣ моего добраго пріятеля Алексѣя Михайловича Новосвѣтова?

— За... чѣмъ?

— Онъ хочетъ видѣть тебя.

— Н....нѣтъ! проговорила она рѣзко.

— Отчего?

— Онъ.... докторъ. Из....мучитъ.... Пусть Божья.... воля!

— Нѣтъ не докторъ, а учитель. Я пригласилъ его къ Васѣ, и желалъ-бы, чтобы ты познакомилась съ нимъ.

— Хоро-шо!

— Алексѣй Михайловичъ пожалуйте.

Новосвѣтовъ вошелъ.

— Вы.... учитель?

— Совершенно такъ! почтительно кланяясь, подтвердилъ онъ.

— Вотъ.... Вася.... любите его.

Вася тревожно посмотрѣлъ на Новосвѣтова.

— Не смущайтесь, молодой человѣкъ! Я не кусаюсь, будемъ друзьями, пріободрилъ его Новосвѣтовъ, протягивая руку.

— Котикъ, милый, слегка дрогнувшимъ голосомъ, проговорила Александра Игнатьевна. Вѣра въ Бога.... Любовь.... къ.... ближнему, продолжала она, медленно переводя взглядъ съ Васи на Новосвѣтова.

— Конечно! весело отозвался Алексѣй Михайловичъ. Вы въ этомъ смыслѣ можете вполнѣ положиться на меня. Но во всякомъ случаѣ, позвольте мнѣ, сударыня, въ виду систематическаго и наиболѣе глубокаго развитія въ вашемъ сынѣ этихъ добрыхъ началъ, найдти въ васъ ближайшую и самую естественную моимъ заботамъ о немъ союзницу. Что будетъ значить мое слово безъ вашего теплаго назидательнаго примѣра, безъ вашего теплаго, непосредственнаго къ ребенку отношенія, оживляющаго и любовь, и вѣру. Будетъ съ нимъ то же, что съ растеніемъ безъ почвы.... Взойдетъ, распустится, поблекнетъ и завянетъ.

— А если.... меня.... не станетъ, отозвалась Александра Игнатьевна, поникнувъ головой.

Новосвѣтовъ громко засмѣялся. Больная вздрогнула, быстро подняла голову и ея глаза встрѣтились съ веселыми, оживленными глазами Алексѣя Михайловича.

— Вы простите мнѣ, сударыня, мой смѣхъ. Быть можетъ, онъ вовсе не у мѣста.... Но на этотъ разъ будьте великодушны ко мнѣ, какъ буду я снисходителенъ и терпѣливъ къ вашему сыну.... Ваша мнительность разсмѣшила меня.... Прежде всего я магнитизеръ, человѣкъ, одаренный способностью однимъ взглядомъ познавать настроеніе ближняго. Такъ позвольте-же коснуться мнѣ руки вашей, выслушать вашу грудь и я опредѣлю вамъ со всею точностью чрезъ сколько времени вы будете такъ-же здоровы, какъ я въ данную минуту.

Странное впечатлѣніе производилъ Новосвѣтовъ на Александру Игнатьевну. Громкій голосъ, беззаботный смѣхъ, бойкое слово, привѣтливая, радушная улыбка, сосредоточенный взглядъ какъ-бы ласкающихъ черныхъ глазъ, оживляли, бодрили ее. Вотъ уже четыре года, какъ въ окружающемъ ее полумракѣ, она ничего не слышала, кромѣ сдержанныхъ вздоховъ и рыданій, ничего не видѣла, кромѣ печальныхъ лицъ близкихъ ей, по ней страдающихъ людей, и теперь впервые столкнувшись лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, полнымъ вѣры и надежды, она изъ минуты въ минуту, подымалась все выше и выше надъ угнетавшими ее призраками смерти. Такъ подъ его благотворнымъ вліяніемъ разсѣявалось мрачное настроеніе больной, подобно тому, какъ въ лѣтнюю пору, тонкія прозрачныя облака, съ едва уловимою глазомъ быстротою, разбѣгаются вокругъ полуденнаго солнца. Александра Игнатьевна вдругъ и съ необычайною для нея силою, потянулась къ Новосвѣтову.

— Спа....сите! надорваннымъ голосомъ вскрикнула она.

— Отчего спасти васъ? быстро подходя къ кровати отозвался Новосвѣтовъ. Не спасти, а только подкрѣпить, поставить на ноги.... Чтобы весною, срывая вмѣстѣ съ вами по полямъ и лугамъ незабудки, слетать изъ нихъ вѣнки вашему красавцу Васѣ!

И сколько страданія, сколько мольбы сказалось въ глазахъ ея, болѣзненно сосредоточенныхъ на Новосвѣтовѣ. Не смотря на все хладнокровіе Алексѣя Михайловича, рука его, протянутая къ рукѣ больной, дрогнула. Онъ внимательно высчиталъ пульсъ, выслушалъ грудь, и съ веселою улыбкою подойдя къ Андрею Петровичу, сказалъ ему:

— Когда недѣли черезъ четыре пойдете съ женой на первую прогулку, не забудьте прихватить меня.

Ни одно слово Алексѣя Михайловича не ускользало отъ чуткаго вниманія Александры Игнатьевны, и она испытывала теперь то же, что испытываетъ каждый изъ насъ, постепенно переходя отъ холодящаго кровь и члены мороза, отъ непроглядnаго сумрака ночи, въ область теплоты и свѣта.—Пульсъ работалъ дѣятельнѣе, сердце билось чаще, свѣжѣе и глубже становилось дыханіе, какая-то особая теплота распространялась въ организмѣ, и все отъ вліянія сильнѣйшаго изъ жизненныхъ элексировъ, элексира надежды. Первое время болѣзни, ее еще не покидала надежда на выздоровленіе и полную радостей жизнь. Но,

вотъ уже второй годъ, какъ въ предсмертномъ холодѣ совершеннаго оцѣпенѣнія всѣхъ своихъ жизненныхъ силъ и способностей, мысль о смерти, то являясь въ дикомъ образѣ, на столько-же мрачной, насколько всевластной силы, грозила оторвать ее отъ самыхъ дорогихъ и близкихъ ей людей, оторвать и бросить во что-то темное, безвыходное, хладное, какъ сама могила, то улыбалась ей, звала ее къ себѣ, какъ избавительница отъ непрерывной пытки.—А теперь.... Она видѣла этого человѣка, она слышала его, вѣрила ему, вѣрила, что черезъ четыре недѣли поднимется, наконецъ, оживится, окрѣпнетъ. И эта пора, пора радости и счастья, увлекая ее все глубже и глубже въ область самыхъ свѣтлыхъ представленій, уже открыла ей возможность видѣть себя опять рука объ руку съ дорогимъ ей человѣкомъ, любоваться и радоваться, ласкать и лелѣять своего милаго котика,—ея гордость и надежду....

Бояриновъ и Новосвѣтовъ внимательно вглядывались въ выраженіе лица больной. Слегка поникнувъ, вполнѣ отдавшись своимъ свѣтлымъ думамъ и мечтамъ, она какъ будто бы не замѣчала ихъ, не замѣчала даже Васи, все это время не отступавшаго ни на шагъ отъ ея кровати и проявлявшаго себя лишь въ непрестанно-вопросительномъ взглядѣ то на мать, то на отца и Новосвѣтова. «Что съ тобою, мама? О чемъ ты думаешь?» или: «Папа.... Алексѣй Михайловичъ, что съ мамой? Что вы о ней думаете?» спрашивали робкіе взгляды волнуемаго страхомъ и надеждою, ребенка.

И среди этого общаго затишья, непостижимаго и въ то же время всѣхъ охватившаго тревожно-выжидательнымъ настроеніемъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кровати, особенно опредѣлительно выразился строгій, рѣзкій профиль, высокой худощавой Алены Никоновны. «Да будетъ Его святая воля», какъ бы говорили ея сжатыя, старчески-сухія губы, на груди скрещенныя, морщинистыя руки.

Вася нечаянно взглянулъ на няню, взглянулъ и дрогнулъ тѣмъ страхомъ чего-то недобраго, какимъ обыкновенно вздрагивалъ, слушая ея нескончаемыя, всегда грозныя, сказки....

Подъ окнами, откуда-то, какъ будто бы изъ-подъ земли или изъ-за глубокой дали поднялся неопредѣленный гулъ: ни то заунывное пѣніе, ни то внезапно поднявшійся вой разозлившейся непогодицы. Всѣ разомъ, однимъ мигомъ, глянули въ окна. Дрогнувъ, какъ бы отъ укола, вскинула и Александра Игнатьевна

своими отяжелѣвшими вѣками.... Все ближе и ближе.... Вотъ какъ будто дисканты поднялися въ воздухѣ, то вдругъ покрыли ихъ басы, пока, наконецъ, подъ самыми окнами не слились въ одну общую, сердце надрывающую, погребальную мелодію....

— Со святыми упокой, прошептала у окна «Алена» Никоновна, осѣняя себя крестомъ, размашистымъ крестомъ,—православнымъ....

И потянулась похоронная процессія.

— Хо....ро....нятъ, съ удивительною отчетливостью и рѣзкостью проговорила Александра Игнатьевна. Бояриновъ и Новосвѣтовъ быстро подошли къ кровати.

— Хо...ро...нятъ.... Зачѣмъ!... Зачѣмъ.... родиться.... любить.... и.... вдругъ.... Нѣтъ, нѣтъ!... Андрей, котикъ! Я.... я.... жить хочу!... и Александра Игнатьевна задохнулась, конвульсивно вытянулась....

— Ахъ.... Тутъ.... тутъ.... болитъ.... давитъ.... воздуха нѣтъ.... воз.... надорванно крикнула, и ея голова, съ исчезнувшими подъ вѣками зрачками глазъ, скатилась съ подушекъ. Вася дико вскрикнулъ; Новосвѣтовъ быстро схватилъ графинъ съ водою и началъ лить на голову потерявшей сознаніе Александры Игнатьевны.

Она дрогнула, какъ-то сократилась и, снова вытянувшись, разразилась въ истерическихъ рыданіяхъ.

— Выдержала! тихо сказалъ Новосвѣтовъ.—До чего можно довести организмъ! еще тише добавилъ онъ.

Александра Игнатьевна рыдала все чаще и чаще.

— Успокойте ее! говорилъ блѣдный, какъ смерть, Бояриновъ.

— Пусть, пусть, чѣмъ больше слезъ, тѣмъ меньше давленія на грудь и сердце.

Блѣдный, дрожащій, съ широко раскрытыми глазами, Вася, казалось, остолбенѣлъ около матери.

Александра Игнатьевна потянулась, зѣвнула, сначала рѣзко и отрывисто, а затѣмъ цѣлымъ рядомъ, все протяжнѣе и тише.

— Заснетъ, быть можетъ. Это былъ кризисъ. А вотъ этого молодаго человѣка, указывая на Васю, уберите.

— Меня? чуть слышно вскрикнулъ Вася.

— Да, васъ, улыбаясь, отвѣтилъ Новосвѣтовъ.

— Нѣтъ! вспыхивая, возразилъ онъ:—я умру, но не уйду отъ мамы.

Новосвѣтовъ внимательно посмотрѣлъ на него.

— Ну что? тревожно спросилъ Бояриновъ, переступая порогъ кабинета.

— По вашимъ разсказамъ я представлялъ себѣ ея положеніе болѣе опаснымъ.

— А этотъ припадокъ?... Вѣдь, это почти предсмертная агонія?

— О, далеко нѣтъ.... Это нервный спазмъ. Одно только вѣрно, ее измучили до послѣдней степени....

— Такъ вы надѣетесь, Алексѣй Михайловичъ?

— Надо принять разумныя мѣры, но въ положеніи ея не вижу пока ничего угрожающаго.

Бояриновъ вздохнулъ....

— Она страдаетъ разстройствомъ спиннаго мозга и вслѣдствіе этого раздражительна до призраковъ. Это страданіе сначала было чисто физическимъ, затѣмъ, благодаря крайнему изнуренію и мрачной обстановкѣ, оно осложнилось угнетеннымъ состояніемъ духа.... Отсюда и прежде всего.... Перенести ее въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, чтобы она была совершенно ограждена отъ случайностей, подобныхъ сегодняшней; обставить предметами, по возможности, разнообразными, и все въ яркихъ цвѣтахъ. Смѣнить полутраурную рубашку Васи цвѣтною. Не давать больной говорить много, тѣмъ болѣе вдаваться въ отвлеченности, или же увлекаться черезъ-чуръ радужными картинами будущаго, перебивая ее въ такомъ случаѣ разсказами изъ міра городскихъ сплетенъ, вызывающихъ скорѣе смѣхъ, чѣмъ негодованіе. Наконецъ, предписать этой старушкѣ забыть объ ея вздохахъ и оставить при себѣ мистическое міросозерцаніе подъ страхомъ удаленія изъ дома. Это одно изъ первыхъ и самыхъ необходимыхъ условій.... Помилуйте, чего стоитъ только ея сухая, какъ бы восковая фигура, и мнѣ кажется, я почти увѣренъ, что она вліяетъ не только на нее, больнаго и крайне впечатлительнаго по ея настоящему положенію, ребенка, но даже и на Васю. Затѣмъ-съ вспомогательныя средства.... Обвертываніе утромъ и вечеромъ въ холодныя простыни, и я дамъ капли. Потрудитесь давать три раза въ день по три капли. Пища пока крѣпкій бульонъ. Да еще освѣтить комнату висячею лампою и при томъ ярко. Положеніе серьезно, но вовсе не опасно и при указанныхъ условіяхъ, я....»

— Папа, перебилъ Вася, приподнявъ уголъ портьеры, заслоняющей спальню отъ кабинета.

— Что голубчикъ? живо отозвался Андрей Петровичъ.

— Мама заснула.... Такъ тихо, тихо....

— Ну и слава Богу.... А ты поди сюда, посиди съ нами, а то еще разбудишь маму.... Виноватъ, онъ перебилъ васъ, Алексѣй Михайловичъ.

— Да.... Такъ, при указанныхъ мною условіяхъ, я надѣюсь, что недѣли черезъ три-четыре она непремѣнно поправится, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы перемѣнить кровать на кресло.

Вася, взглянувъ мелькомъ на Новосвѣтова, все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Ему, видимо, хотѣлось подойти къ нему, и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то тревожное, непреодолимое удерживало его.

— Извините меня, быстро подходя, красный по самыя уши, проговорилъ Вася.

— Въ чемъ, маленькій другъ мой? удивился Новосвѣтовъ.

— Я разсердился, что вы хотѣли увести меня отъ мамы, сказалъ: «нѣтъ!» и вдругъ мнѣ стало жаль васъ, мнѣ показалось, что я васъ такъ обидѣлъ, и Вася поднялъ на Новосвѣтова глаза, полные слезъ. — А вы такъ добры были къ мамѣ! добавилъ онъ, чуть слышно.

Алексѣй Михайловичъ горячо поцѣловалъ его.

— Какой вы славный мальчикъ, Вася. Теперь вѣрите, что я не сержусь на васъ?

— Вѣрю, отвѣтилъ Вася, улыбаясь сквозь слезы. Обращеніе Васи удивило и еще болѣе того смутило Андрея Петровича. Онъ вспомнилъ, что среди заботъ и тревогъ дня, не только ни разу не обратился къ нему, но даже не поздоровался съ нимъ. И теперь ему на столько же хотѣлось исправить свою ошибку, на сколько онъ опасался въ высшей степени для него загадочнаго настроенія ребенка.

— Вася.

— Что, папа?

— Ты хорошо спалъ эту ночь?

— Да.

— А зубки не болѣли у тебя?

— Нѣтъ, папа. Боженька смиловался надо мною....

— Папа, вдругъ оживленно обратился онъ, вѣдь мама правду сказала.... Зачѣмъ это люди умираютъ. Хоро.... нятъ. И какъ она это сказала! Какъ холодно, страшно было.

— Такъ Богу угодно, милый.

— Отчего это Богъ такой немилостивый? робко проговорилъ онъ, какъ бы самъ про себя.

— Немилостивый? Почему немилостивый?... живо перебилъ Новосвѣтовъ.

— А вотъ мама.... бѣдная.... У меня зубки болятъ.... Люди умираютъ.... Все отъ Бога, чуть слышно добавилъ онъ.

— И кто же вамъ сказалъ, что это все отъ Бога?

— Няня, поднимая головку, удостовѣрилъ Вася.

— Это неправда. И мама, и зубки болятъ отъ простуды, отъ неосторожности, а вовсе не отъ Бога.

— Такъ няня говоритъ, защищался онъ.

— Ну такъ говоритъ неправду.

— Няня всегда говоритъ правду, горячо вступился Вася, и опять вспыхнулъ.

Новосвѣтовъ, молча, посмотрѣлъ на Бояринова. Андрей Петровичъ слушалъ и не вѣрилъ ушамъ своимъ. И съ каждымъ словомъ ребенка онъ смущался все болѣе и болѣе. Озабоченный болѣзнью жены, занятый службою, онъ какъ бы забылъ о сынѣ и, ограничивая всѣ отношенія къ нему разсѣяннымъ поцѣлуемъ или вопросомъ: «Какъ спалъ ночь, да не болятъ ли зубы»—лишь теперь сознался въ какой степени былъ виноватъ передъ нимъ. Да и могъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ думать, чтобы въ головѣ девятилѣтняго мальчика не только разрѣшались, но даже и могли зарождаться подобные вопросы.

— До свиданія! быстро вставая, проговорилъ Новосвѣтовъ.

— До свиданія! Сердечно благодарю васъ, Алексѣй Михайловичъ, возвращаясь къ окружающему и быстро протягивая руку Новосвѣтову, спохватился Бояриновъ.

— Прощайте, до свиданія маленькій фанатикъ! свѣтло улыбаясь и ласково цѣлуя Васю, проговорилъ Новосвѣтовъ.

— Какъ, какъ вы сказали? живо переспросилъ Вася.

— Маленькій фанатикъ, смѣясь повторилъ Новосвѣтовъ.

— Маленькій фанатикъ, мысленно переповторилъ Вася и пошелъ въ спальню.

— Что, батинька, призадумались? надѣвая шубу обратился къ Бояринову Алексѣй Михайловичъ, и его губы передернулись чуть-чуть замѣтною насмѣшливою улыбкою.

— Призадумался, улыбаясь, отозвался Андрей Петровичъ.

— Да вѣдь вамъ некогда, ужъ предоставьте его лучше мнѣ.

— Вамъ? Шутя, или серіозно?

— Есть, Андрей Петровичъ, въ жизни вещи, къ которымъ я никогда не позволялъ и не позволю себѣ относиться шутя.

Бояриновъ опять смутился.

— До вечера! оправилъ его Новосвѣтовъ, завертываясь въ шубу.

— Няня, что такое значитъ фанатикъ? спрашивалъ уже, между тѣмъ, въ дѣтской Вася.

— Фонарикъ! ненаглядный мой.

— Нѣтъ няня, не фонарикъ, а фанатикъ?

— Фанатикъ? недоумѣло повторила Алена Никоновна. Этого уже не знаю.... Знать книжка какая-нибудь.... А вотъ фонарики, дорогой мой, такъ это вотъ, что на улицѣ горятъ, разъяснила Алена Никоновна и крайне довольная, что вышла изъ затруднительнаго положенія, громко чмокнула Васю, «въ самыя, самыя значитъ, что ни на-есть розовыя губки».

Нельзя было точнѣе опредѣлить настроеніе Васи, какъ опредѣлилъ Новосвѣтовъ, назвавъ его маленькимъ фанатикомъ.

Крайне чуткій и впечатлительный отъ природы, онъ, непрерывно переходя отъ отчаянія къ надеждѣ, отъ усиленнаго напряженія всѣхъ духовныхъ и физическихъ его силъ до совершеннаго изнеможенія, постоянно находился въ томъ лихорадочно-возбужденномъ состояніи, которое развивало его воображеніе въ прямой ущербъ и здравому пониманію вещей, и столь необходимому въ эти годы физическому развитію. И такъ, уже съ колыбели жизнь сказалась страхомъ и страданіемъ за больную мать въ младенческомъ его сердцѣ, а тутъ еще у изголовья изнемогающей матери поднимается сухощавая, какъ бы восковая фигура Алены Никоновны, всегда мрачной, и суровой, съ ея суевѣріемъ, бабой-Ягой и другими мрачными образами сказочнаго міра.

И вотъ ни у себя дома, ни въ гостяхъ у бабушки, среди кузинъ сверстницъ, ни въ саду въ кружкѣ сотоварищей, не могъ онъ отрѣшиться отъ угнетавшихъ его впечатлѣній.

Всегда сдержанный и молчаливый, не по дѣтски печальный, онъ оживлялся лишь на нѣсколько минутъ, и затѣмъ, еще глубже прячась въ самого себя, уходилъ отъ игръ, издали, застѣнчиво всматриваясь въ веселыя лица играющихъ и оставаясь чуждымъ и ихъ младенческимъ забавамъ, и беззаботному ихъ смѣху. «И почему это такъ?... Почему имъ такъ весело, а ему такъ скучно? Почему всѣ такіе счастливые?... И бабушка, и тетушка, и сестры, а мама моя такая несчастная»? и опять слеза непрошенная застилала ему глаза.

— Э, полно Вася, что ты точно иглу проглотилъ?!.. смѣясь говорила ему, веселая, разбитная дѣвочка, кузинка Наташа, стараясь втянуть его въ общія игры.

— Пусти.... Пусти, съ какимъ-то необъяснимымъ страхомъ возражалъ Вася, вырываясь. И опять страннымъ казалось ему, почему его никто не понимаетъ, почему только у него одного такъ болитъ, такъ стонетъ сердце. Почему?... Почему?... «Такъ Богу угодно»! «Такъ Богу угодно»? «Да гдѣ же этотъ Богъ»? задается Вася. «Вездѣ, отвѣчаетъ Алена Никоновна.... И въ помыслахъ, и въ словахъ, и въ дѣяніяхъ нашихъ».

И вотъ Вася боится, боится шалить, боится говорить, боится думать даже.... И не было лишенія, не было жертвы, которую бы не принесъ онъ, лишь бы удовлетворить требованіямъ этой невидимой, но всегда грозной и вездѣсущей силы, лишь бы умилостивить Бога, лишь бы спасти маму и папу, и себя самого отъ этихъ нескончаемыхъ страданій.—Скажи ему Алена Никоновна, чтобы онъ молился, молился до устали, до изнеможенія, и онъ бы сталъ молиться и пять, и шесть часовъ, молиться до обморока.... Между нимъ и Богомъ одна посредница—Алена Никоновна. Она лишь знаетъ, ей одной лишь извѣстно, что грѣшно и что надлежитъ, что доблестно и что порочно. Не было суевѣрія, хотя бы самаго дикаго, самаго несообразнаго, которое бы со словъ Алены Никоновны не представлялось ему истиною. И онъ принималъ эту истину тепло, съ вѣрою, всѣмъ сердцемъ, дѣлая ее неотъемлемымъ достояніемъ своего младенческаго міросозерцанія.... Змій Горыновичъ не былъ для него олицетвореніемъ понятія злодѣя того времени, а былъ дѣйствительнымъ, живымъ Зміемъ Горыновичемъ, со всѣмъ множествомъ его смертоносныхъ, кровь холодившихъ головъ и жалъ, точно также, какъ Баба-Яга. Костяная Нога, всегда была жива, всегда могла явиться и поразить невзгодами, новыми бѣдствіями и его, и папу, и бѣдную маму.

Вымышленные герои и героини народной фантазіи, этой непосредственной воспитательницы Алены Никоновны, ихъ успѣхи и пораженія, ихъ старанія и радости составляли дѣйствительную жизнь Васи, тогда какъ дѣйствительная жизнь представлялась ему туманнымъ, отдаленнымъ призракомъ. Но этотъ сказочный міръ Алены Никоновны не былъ простымъ вымысломъ. Онъ имѣлъ свою основу въ былинахъ историческаго прошлаго отечественной народности, свои вѣрованія въ ея православіи, свою силу и доблесть въ дружеской поддержкѣ сыновъ единой, великой, право-

славной семьи, свою душу въ нравахъ и обычаяхъ народныхъ, словомъ, ея сказки, согрѣтыя горячею вѣрою, оживленныя любовію къ родному народу и его завѣтнымъ стремленіямъ, олицетворяли русскаго человѣка отъ колыбели его исторіи и до настоящихъ дней во всемъ освѣщеніи его выносливой натуры, на столько же безпечной въ неподвижномъ покоѣ, на сколько отважной и устойчивой въ борьбѣ среди лишеній, тяжкихъ испытаній и невзгодъ его историческихъ судебъ.

Онъ не зналъ еще этого человѣка, ни разу не столкнулся съ нимъ лицомъ къ лицу, не могъ и не пытался составить самое представленіе о немъ, но уже, такъ сказать, чувствовалъ его въ себѣ, любилъ его задушевное, простое, и сжатое, и сильное слово и удаль въ немъ безконечную, и даже его безпечное «авось».... Таково было настроеніе Васи въ его девять лѣтъ.

Глава III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. 28 Мая... Верстахъ въ 15-ти, 16-ти отъ Москвы, опираясь на рѣзныя съ позолотою чугунныя перила сквознаго балкона какъ бы выточеннаго изъ дерева дома, въ древне-русскомъ стилѣ, нѣсколько дамъ направляли свои бинокли на зеленѣющій холмъ противуположнаго берега рѣки Сѣтуни, отдѣляющей ихъ имѣніе отъ помѣстья ближайшаго сосѣда и новаго владѣльца сельца Андреяновки, Андрея Петровича Бояринова.

Было знойно... Ни единаго облачка на свѣтло-голубомъ горизонтѣ, ни малѣйшаго шелеста, никакой бесѣды среди стройно-величавыхъ, гордыхъ въ своемъ покоѣ, липъ, елокъ и сосенъ, охватывавшихъ своими вѣтвями боковыя части этого дома, и терявшіеся за нимъ и вокругъ него, среди густой зелени, домики и павильоны.... Чѣмъ дальше отступало солнце, тѣмъ легче охватывалъ глазъ, тѣмъ свободнѣе и глубже проникалъ онъ въ открывавшееся передъ нимъ пространство мѣстности въ высшей степени оживленной, какъ бы волновавшейся во всемъ разнообразіи переходовъ отъ зеленаго ковра ближайшаго берега рѣки до утопавшихъ въ глубокой дали лѣсовъ, и робко таившихся, отъ солнечнаго зноя, въ зелени садовъ своихъ, крестьянскихъ хатъ и хатенокъ. Но во всемъ этомъ пространствѣ и не смотря на все его разнообразіе, особенно рѣзко и опредѣлительно выступалъ холмъ Андреяновской усадьбы. Теряясь въ долинѣ рѣки Сѣтуни по

зеленѣющему ковру, отчетливо вырисовывалась торная, узкая дорожка. То извиваясь, какъ змѣйка, то выпрямляясь, подобно бѣлой лентѣ, подымалась она все выше и выше, по направленію небольшаго, какъ видно только что отстроеннаго, усадебнаго домика. По этой-то дорожкѣ теперь непрерывно мелькали экипажи. Не смотря на всю близость разстоянія, глазъ не могъ проникнуть во внутрь этого домика, какъ на смѣхъ обращеннаго, всѣми своими пятью фронтовыми окнами къ балкону заинтригованныхъ дамъ, и любопытство ихъ съ каждою минутою раздражалось все больше и больше. Но, вотъ дверь на правую террасу широко распахнулась и группа мальчиковъ и дѣвочекъ, спустившись съ лѣстницы, разсыпалась по зеленому газону площадки сада.... Видно, того только и дожидались дѣвки съ парнями. Не прошло и минуты, какъ крутой, отвѣсный склонъ широкой дорожки на скорую руку среди порослей березъ и сосны разбитаго сада, дорожки, соединявшей усадебный домикъ съ берегомъ Сѣтуни, запестрѣлъ разноцвѣтными ихъ нарядами, лентами, ленточками, сарафанами, кумачевыми красными рубахами....

Лѣвая и правая террасы, газонъ и дорожки оживились родными и друзьями Бояриновыхъ.

— Вася, Вася! крикнулъ Андрей Петровичъ.

— Я тутъ, папа, звонко отвѣтилъ онъ, выскакивая изъ-за кустарника въ сопровожденіи шумной толпы мальчиковъ и дѣвочекъ... Наташа, съ трудомъ переводя духъ ближе всѣхъ бѣжала къ нему. Глаза Васи блистали радостью, лице горѣло яркимъ румянцемъ.

Поселяне подходили все ближе и ближе... Вотъ они уже почти у газона....

Андрей Петровичъ, взявъ за руку Васю, встрѣтилъ ихъ.

— Вотъ мой сынъ, а вашъ баринъ... Любите и жалуйте, обратился онъ къ нимъ слегка дрогнувшимъ голосомъ.

Барчукъ, барчукъ! перешептывались дѣвушки...

Зазвенѣли рюмки на подносахъ, то сталкиваясь, то разбѣгаясь, какъ бы чокаясь другъ съ дружкой...

— Челомъ тебѣ бьемъ, баринъ, тебѣ и матушкѣ, барынѣ, Александрѣ Игнатьевнѣ, и барчуку нашему, Василію Андреевичу... Прими хлѣбъ съ солью на здоровье и многихъ лѣтъ веселье, привѣтствовалъ межъ тѣмъ высокій, статный, лысый, сѣдобородый, староста Максимъ, выступая изъ среды крестьянъ.

— На здоровье, да на веселье! загалдѣли крестьяне почтительно склоняясь.

— Спасибо братцы! Пейте-жъ, веселитесь, чѣмъ больше выпьете, тѣмъ и намъ веселья больше будетъ, громко отозвался Андрей Петровичъ. Алена Никоновна, ну-ка тряхни стариной! крикнулъ онъ.

— Эй вы, братцы, други почтенные, все кумовья, да родичи близкіе, и вы дѣвицы красныя, молодцы разудалыя, вы чего стоите рты порозинувши!.. Вы возьмите по чарочкѣ зелена вина, выпьемъ за здоровье, да за веселье, какъ во первыхъ, матушки барыни, Александры Игнатьевны, да во вторыхъ батюшки барина, Андрея Пятровича, да и въ третьихъ за красное солнышко наше, Василія Андреевича!

Быстро опустѣли рюмки... Толпа выдвинулась, оживилась.

— Заходили чарочки по столику, разбѣжалися по рученькамъ, завела Алена Никоновна, подбоченясь лѣвою рукою, и залпомъ выпивая свою чарку...

Ей жги, жги, жги, говори,
Ей жги, жги, говори!

весело подхватилъ хоръ.

— Согрѣшила окаянная... Вы простите, мои кровные! Выходите молодицы, выходите молодцы, ловко выводя носками, наступала она на толпу.

Толпа зашевелилась, раздвинулась... Вышелъ парень, въ кумачевой рубахѣ, въ черныхъ плисовыхъ шароварахъ, плисовой поддевкѣ... Никитка, старостинъ сынъ... Онъ снялъ свою круглую съ павлиновыми перьями шапочку, низко поклонился и, загнувъ еще лише, на самый бекрень, ловко ударилъ по струнамъ балалайки.

Выходите, дѣвки красны,
Выходите, молодцы...
На зеленый лужокъ,
Въ игры разныя играть....
Въ игры разныя играть.

подхватилъ хоръ, то ударая въ бубны, то позвякивая ими высоко надъ головами....

Мы потѣшимъ молодца,
Да боярскаго сынка....
Пѣснью звонкою,
Пѣснью громкою.
Пѣснью звонкою,
Пѣснью громкою.

подхватилъ хоръ:.

Пѣснью громкою,
Да молодецкою....

Дзинь, дзинь, дзинь,... Бумъ, бумъ, бумъ. отдавалось на балконѣ.

— Ахъ, какъ весело! вскрикнула дѣвочка лѣтъ 11-ти, радостно ударяя въ ладоши. Завитые въ локоны, свѣтло-русые волосы, разбѣжавшись по спинѣ и плечамъ дѣвочки, какъ бы ласкали ея продолговатое, оживленное личико. Большіе, голубые глазки, бойко перебѣгали съ лица на лицо разсѣявшейся по газону группы дѣтей. Младенчески беззаботная улыбка такъ и замерла, оживленная и радостная, на полуоткрытыхъ, ярко алыхъ губкахъ.

— Мама, пусти меня туда, къ нимъ, къ этимъ дѣтямъ, какъ бы говорила ея стройная, тонкая, изящно одѣтая фигурка, слегка перегнувшись черезъ перила.

— А что! хочется? спросила ее дама среднихъ лѣтъ, маленькаго роста, горбатая, но съ лицомъ оживленнымъ въ высшей степени выразительными голубыми глазами.

— Хочется, мама!... отвѣтила дѣвочка, отбросивъ за плечи разметавшіяся кудри, и раскраснѣвшись пуще прежняго.

Стоявшій все это время за нею, молча и безучастно, средняго роста брюнетъ въ генеральскомъ мундирѣ, осторожно взялъ ее за талію и, слегка приподнявъ, поцѣловалъ въ полуоткрытыя губки разгорѣвшагося отъ удовольствія личика.

— Огонь ты у меня будешь, огонь! проговорилъ онъ, тихо проводя рукою по шелковистымъ кудрямъ ея.

— А ты, Соня, ты желала-бъ тамъ быть? обратился онъ къ дѣвушкѣ лѣтъ 16-ти-17-ти, ни разу еще не оторвавшей своего бинокля отъ усадебнаго домика.

— Я? протяжно проговорила она, широко раскрывъ свои прекрасные, черные глаза...

— И когда вы это перестанете. смѣшить меня странностью своихъ предположеній... Mon cher рёге?.. Точно мнѣ восемь лѣтъ, добавила она, усмѣхнувшись.

— Будто вы такая серіозная... положительная, отводя бинокль, обратилась къ ней владѣлица помѣстья, баронесса Роденъ, женщина лѣтъ 50-ти, высокая, полная, съ веселою улыбкою, съ маленькими, бойкими, сѣрыми глазами.

— Положительная или нѣтъ, но я все-жъ-таки не нахожу ничего забавнаго, ничего интереснаго въ этихъ сельскихъ картинахъ.... Въ нихъ есть что-то мѣщанское! добавила она тихо, и тонкія губы ея краснваго рта сложились въ презрительную усмѣшку, ярче словъ выразившую ея мысль.

— Какъ это что-то мѣщанское? медленно спросила озадаченная баронеса.

— Конечно, горячо перебила дѣвушка. И этотъ убогій домикъ, сирый и одинокій, въ его пять окошечекъ, сплюснутый въ одну линейку, какъ залежавшійся калачъ.... И это недоступное моему понятію сліяніе.... Посмотрите, посмотрите, оживленно подхватила она, указывая биноклемъ на газонъ.... Тутъ и ихъ владѣльцевъ, скороспѣлыхъ баръ, дѣти, тутъ и крестьянское отрепье.... Смѣсь, сбродъ.... закончила она, вспыхнувъ отъ подбородка до ушей, какъ будто во всемъ этомъ видѣла себѣ что-то чужое, враждебное.

Баронесса порывисто замигала.

— А что ты скажешь, Софья, горячо вступился генералъ, если этотъ сбродъ, эти люди въ отрепьяхъ, черезъ два, много три года, будутъ такими же свободными собственниками, какъ и мы, ихъ настоящіе владѣльцы.

— Громки бубны за горами.... Это будетъ, когда насъ не будетъ, порѣшила Софья и, гордо откинувъ голову, какъ бы еще выше поднялась надъ этой толпой, этими крестьянскими отрепьями. И между тѣмъ, такъ говоря, она не отрывала бинокля, съ любопытствомъ наблюдая картину мѣщанскаго удовольствія скороспѣлыхъ баръ. Но даже она, эта гордая Софья, думается мнѣ, оживилась бы иными мыслями, инымъ настроеніемъ, если-бъ могла перенестись въ этотъ отрадный мірокъ, гдѣ въ тѣ часы люди были счастливы, какъ дѣти.

Андрей Петровичъ Бояриновъ праздновалъ полное осуществленіе завѣтной мечты своей — быть владѣльцемъ своего плодоноснаго клочка земли, съ чистымъ воздухомъ, съ ширью и раз-

дольемъ въ лугахъ, рощахъ и лѣсахъ. Онъ праздновалъ кромѣ того выздоровленіе, столь счастливый исходъ канувшихъ въ вѣчность страданій, дорогой ему Лины и день рожденія мальчуги Васи....

Праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ. Изъ глубины сада доносились охриплые голоса черезъ чуръ разгулявшихся крестьянъ.

Хороводъ разсѣялся; дѣвушки, разсыпавшись по газону, щелкали орѣхи, кусали пряники и перебрасывались шуточками съ отдыхавшими на другой сторонѣ парнями. Дѣти то по одиночкѣ, то попарно, то цѣлыми группами сустились, перерѣзая садъ и вкось, и впрямь, и не зная и зачѣмъ, и для чего.

— Ребята, казачка! крикнулъ Новосвѣтовъ. И изъ-подъ привычныхъ, бѣглыхъ пальцевъ дворовыхъ музыкантовъ Новосвѣтова, то разсыпаясь мелкою дробью, то замирая, какъ-бы въ изнеможеніи, поструились звуки столь дорогаго, столь близкаго сердцу народнаго танца.

Все зашевелилось, забѣгало, задвигалось.

— Сюда, ненаглядный мой, сюда, настаивала Алена Никоновна....

— Постой, няня, постой.... Коля, Наташа, Вася, Миша.... Да гдѣ-жъ вы?... Подите скорѣе, а то ничего не увидите.... Вотъ какіе зѣваки! волновался онъ.

— Здѣсь, здѣсь! отвѣчали они въ разноголосицу, ловко проскальзывая чрезъ ряды сгустившейся толпы.

— Раздайтесь, ребята, раздайтесь! крикнулъ кто-то въ толпѣ. — Никитка идетъ!

Никитка, какъ видно, былъ завзятый запѣвало и плясунъ, и, въ этомъ отношеніи, ему всѣ единодушно высказывали предпочтеніе.... Онъ повелъ глазами, пріосанился, подбоченился....

— Что-жъ, Марфушка, выступай, задорно подмигивая, обратился онъ въ толпу.

Толпа зашевелилась, и полная, широкоплечая, краснощекая дѣвушка вылетѣла, какъ бомба, въ самый центръ хоровода.

— Ха, ха, ха!... загрохотали забавники.

— Ишъ озорники.... Не стану! оскорбилась Марфуша, и Никитка снова стоялъ одинъ.

— Эвно!... Что-жъ это за порядки! Доколь-же эфто такъ стоять будемъ?

— Аннушку, Аннушку! крикнули въ толпѣ.

— Она молодица.... Ей и надоть! вторили другіе, и изъ толпы вышла средняго роста стройная женщина лѣтъ 18 или 19. Темносиняя шелковая косынка крѣпко держала свѣтлорусую косу, разобранную проборомъ отъ лба къ затылку; бѣлая, легкая рубаха, по концамъ рукавовъ, по борту у шеи и вдоль груди изукрашеная разноцвѣтными коймами, повязанная кушакомъ по таліи, отлично вырисовывала ея статную, развитую фигуру.... Большіе темнокаріе глаза, густыя пушистыя брови, подвижныя ноздри задорно вздернутаго носика, сообщали ей тѣ преимущества, благодаря которымъ она пользовалась славою первой красавицы въ околодкѣ....

То замирая, то разсыпаясь бойкою дробью, струились звуки казачка.

Никитка ждалъ.... А Аннушка какъ будто и забыла, какъ будто приросла къ своему мѣсту.... И глаза всѣхъ сосредоточились на ней. Далеко, какъ нельзя быть дальше, казалось, были и ея мысли, и ея чувства отъ веселыхъ, кровь и нервы волнующихъ, звуковъ разудалой плясовой.... Ни кровинки въ лицѣ поникшей головы.... Но, вотъ, она какъ будто надумалась, шелохнулась, подбоченилась и, сверкнувъ вызывающе блестящими глазами на Никитку, изъ-подъ густыхъ бровей, медленно, то легко склоняясь на правую руку, и обѣгая взорами лѣвую часть толпы, то перегибаясь всѣмъ станомъ на лѣвую, выступила по борту хоровода. Никитка приподнялся на носки, выпрямился, встряхнулъ свѣтлорусыми кудрями и, заложивъ ладонь правой руки за затылокъ, подбоченившись лѣвою, лихо пошелъ навстрѣчу Аннушкѣ. Вася лихорадочно слѣдилъ за обоими, и ему казалось, что это не былъ танецъ, но какой-то поединокъ, въ которомъ Аннушка и Никитка, во что-бы то ни стало хотятъ порѣшить другъ съ другомъ. Но вотъ они встрѣтились.... Аннушка развела руками, подняла ихъ вѣнкомъ надъ головою и, взявъ прямую въ центрѣ хоровода, чуть-чуть колеблясь изъ стороны въ сторону, бойко отошла на противоположный конецъ круга.

Аг.... аг.... аг.... ага.... играла музыка. Аннушка слегка приподняла переднюю часть сарафана, чуть-чуть повела правымъ плечомъ, потомъ лѣвымъ и, содрогнувшись отъ плечъ до пятъ, какъ бы играя носками вытянутыхъ, маленькихъ ножекъ, бойко встрѣтилась съ изумленнымъ Никиткой....Встрѣтилась, вспыхнула, тряхнула плечами, и еще лише отступивъ, замерла на прежнемъ мѣстѣ.

Аг.... ага.... ага.... ага.... играла музыка. Аннушка выступила правымъ носкомъ, выступила лѣвымъ и, описавъ въ воздухѣ рукою полукругъ, какъ-бы застыла на мѣстѣ, въ своемъ полупоклонѣ. Не замѣтивъ этой пріостановки, Никитка мелкой дробью разсыпался навстрѣчу. Аннушка тихо усмѣхнулась.

— Ха, ха, ха!... подхватила толпа.

Никитка пріостановился и, сообразивъ свою неловкость, растерянно отступилъ на прежнее мѣсто.

— Браво, браво! неслось отовсюду.

— А! что братъ, взялъ?! острили парни.

Никитка отчаянно тряхнулъ кудрями и разсмѣявшись, снова подбоченился.

Теперь Аннушка горѣла, глаза ея сверкали, подвижныя ноздри красиваго носика трепетно вздрагивали....

— Охъ!... Охъ!... Охъ! весело, будто бы задыхаясь, оттягивалъ голосомъ Никитка, молодецки подступая къ ней на каблукахъ.

— Ужъ ты молодецъ и по-о-одожди, подожди, дожди, дожди, дожди, дожди.... подъ тактъ, вздрагивая плечами то какъ-бы сжимая, то раздавая ихъ во всю ширь, запѣла Аннушка въ отвѣтъ и, лукаво подмигнувъ Никиткѣ лѣвою бровью, легко переступая съ носка на носокъ, опять пошла бортомъ хоровода.

— Ох-та, ох-та, ох-та, подпѣвала она въ тактъ, какъ-бы поддразнивая Никитку.

— Отъ, шельма, отъ! раздавались въ толпѣ восторженные клики.

Несмолкаемое браво гремѣло съ террасы. Вася забылся. Голову ему кружило, сердце громко стучало въ груди, какъ будто танцовали не только Никитка съ Аннушкой, а всѣ, всѣ, и этотъ хороводъ и эта толпа, и самый усадебный домикъ, и онъ самъ, Вася, главнымъ образомъ и лише всѣхъ.

— Ахъ—ахъ—ахъ! тихо подпѣвалъ онъ то Никиткѣ, то Аннушкѣ.

— Не помню, Андрей Петровичъ, чтобы когда нибудь былъ я въ такомъ отрадномъ настроеніи духа, обратился Новосвѣтовъ къ Бояринову.

— Это потому, Алексѣй Михайловичъ, что вы чувствуете, сознаете себя творцомъ нашего счастья, а въ такія минуты человѣкъ любитъ всѣхъ и все, даже самые враги его представляются

ему милыми шалунами, и Бояриновъ крѣпко пожалъ руку Новосвѣтова. Его глаза заволоклись слезою.

— Пойдемъ къ Александрѣ Игнатьевнѣ, чуть слышно отозвался Новосвѣтовъ.

— Къ Александрѣ Игнатьевнѣ, раздалось въ ушахъ Васи.

— Ахъ, мама.... спохватился онъ и что-то кольнуло его въ сердце. «Какой я гадкій», подумалось ему, и онъ подбѣжалъ къ террасѣ, за нимъ и его кузины....

— Держите, держите его! кричала Надя, весело играя въ воздухѣ своими золотисто-русыми кудрями.

Александра Игнатьевна сидѣла въ глубомъ вольтеровскомъ креслѣ, въ томъ самомъ, въ уголкѣ котораго, робко прижавшись, пролилъ онъ, ея Котикъ, такъ много слезъ по ней, своей страдалицѣ, мамѣ. Свѣтлосинее файевое платье легко обхватывало ея похудалыя, узкія плечи, пышная, темнорусая коса, едва держась на шпилькахъ, казалась больше самой головы, глаза какъ будто стали меньше, лице округлилось и слегка зарумянилось. Лишь дѣтски маленькая, исполненная синими жилками рука, рѣзче всего напоминала о пережитыхъ ею, еще столь недавно, страданіяхъ.

— Мама.... Весело? спросилъ Вася, подбѣгая къ креслу.

— Когда тебѣ весело, то и мнѣ весело.... милый! тихо добавила она и приблизивъ къ себѣ его волнистую головку, поцѣловала въ пылавшій лобъ.

— А мнѣ-то какъ весело, мама. Ахъ, какъ весело! И какъ я люблю всѣхъ, всѣхъ, мама.... И тебя, и папу, и его, указывая на Новосвѣтова, и ихъ, и всѣхъ, и всѣхъ. А все отъ того, что ты здорова, мама.... Мама, позволь поцѣлую? и не дожидая разрѣшенія, Вася, звонко поцѣловалъ мать.

Яркій румянецъ покрылъ щеки Александры Игнатьевны.

— Бѣдный мальчикъ!... Онъ по правдѣ, какъ будто только родился сегодня. До сихъ поръ его сердце, благодаря мнѣ, гадкой, не знало радости! обратилась Александра Игнатьевна къ Новосвѣтову, слегка дрогнувшимъ голосомъ. Все вы и все вамъ, взволнованно добавила она.

— Полноте, Александра Игнатьевна.... Все отъ причины причинъ.... Не родился, а возродился и пусть вся его жизнь будетъ свѣтла, какъ свѣтелъ сегодняшній день!

— Да! жизнь хороша кому въ ней судьба—мать, а не мачиха! вдумчиво, какъ бы соображая будущее сына, проговорила Боярinova.

Какъ пошелъ молодецъ,
Какъ пошелъ удалецъ
Вдоль улицѣ въ конецъ!

запѣвалъ опять неутомимый Никитка, выступая теперь въ хороводѣ передъ Марфушкой.

Вдоль по улицѣ въ конецъ!

подхватилъ хоръ.

Еще долго Андреяновскій холмъ среди мрака ночи красовался и игралъ своими разноцвѣтными огнями, долго гремѣла въ немъ музыка, долго въ усадебномъ домикѣ веселился Вася съ кузинками своими, долго и громко раздавались въ тишинѣ ночной звонкіе бубны... Уже всѣ заснули въ усадьбѣ баронессы Роденъ, лишь русая дѣвочка, затаивъ дыханіе, у открытаго окна, въ легкой, какъ воздухъ, рубашечкѣ, все еще чутко прислушивалась къ отдаленному гулу.... «Дзинъ, дзинъ, дзинъ.... Бумъ, бумъ, бумъ» изрѣдка доносилось до нея.... Вотъ и бубны стихли, а бѣлая маленькая фигурка, чуть-чуть примѣтная, все еще дрожала, какъ тѣнь, на рѣзномъ подоконникѣ....

Странная, видно, была она дѣвочка... И зачѣмъ такъ трепетно билось сердце въ ея неразвитой груди? Куда струились младенческія мысли?...—Къ холму-ли Андреяновскому, или къ той звѣздочкѣ, что такъ ярко горѣла на высокомъ горизонтѣ?...

— Ужъ ты молодецъ и по-о-о-дожди, подожди, дожди, дожди, дожди, жди, жди, жди, раздавалось еще въ ушахъ сладко засыпавшаго Васи.

Глава ІУ.

Вася, возвратившись во второй половинѣ августа въ Москву, чувствовалъ себя далеко не такимъ, какимъ былъ онъ отъѣзжая. И отецъ и мать, и Алена Никоновна радовались на него. — Онъ пріободрился, повеселѣлъ, сталъ внимательнѣе всматриваться въ окружающія его явленія. Его маленькій мірокъ значительно расширился, освѣтился. Въ немъ нашла себѣ любовь игривая, всегда оживленная кузинка Наташа. Въ немъ нашли себѣ младенческій, радушный пріютъ и Аннушка, и Никитка, и самый хороводъ, и вся эта привольная, радостная, деревенская обстановка. Онъ теперь не скучалъ одинъ, какъ прежде. Оставаясь

одинъ, онъ уходилъ въ свою «милую, милую деревню», и снова раздавались, какъ бы въ немъ самомъ, звонкіе бубны; снова Никитка и Аннушка стояли въ поединкѣ лицомъ другъ къ другу; снова гремѣло съ террасъ оживленное громкое «браво»; снова улыбалась ему, снова заигрывала съ нимъ шаловливая Наташа. И онъ опять смотрѣлъ такъ долго, долго въ ея глубокіе, темносиніе глаза; опять, смѣясь, игралъ рукой въ ея шелковистыхъ вьющихся темнокаштановыхъ кудряхъ; опять чувствовалъ въ своей рукѣ ея горячую, нѣжную ручку; опять болталъ съ нею... и весело, легко становилось на сердцѣ при этихъ воспоминаніяхъ. Онъ видѣлъ ее еще только вчера, увидитъ въ слѣдующее воскресенье, а тамъ, тамъ.... 22 октября, мелькало ему и, торопливо вытянувъ изъ ридикюля свое маленькое портмонэ, онъ съ новымъ удовольствіемъ и чуть-ли ни въ сотый разъ пересчитывалъ приготовленные ей на подарки рублевики... Онъ вообще любилъ дарить и, когда ему было еще не болѣе трехъ, четырехъ лѣтъ, съ особеннымъ удовольствіемъ, переѣзжая на своемъ деревянномъ конѣ изъ спальни матери въ дѣтскую и изъ дѣтской опять въ спальню, привозилъ ей въ даръ свои игрушки, платки, словомъ все, что только попадало ему подъ руку.... Если же Александра Игнатьевна, соскучившись необходимостью улыбаться ему при каждомъ новомъ подаркѣ, переставала обращать на нихъ вниманіе, то онъ огорчался и, бросивъ коня, уходилъ въ свой кабинетъ, то есть забивался въ самую глубь огромнаго, вольтеровскаго кресла, гдѣ и пребывалъ надутый и печальный до той поры, пока она сама не приходила къ нему поправить свою невольную ошибку.

21 октября, часовъ въ 12 утра, въ передней Новосвѣтовыхъ раздался громкій звонокъ.

— Это ты, Вася! крикнулъ Алексѣй Михайловичъ изъ глубины кабинета.

— Я, я.... Алексѣй Михайловичъ, и если-бъ вы только знали, какъ радъ, что засталъ васъ дома, вы такъ, такъ мнѣ нужны! начавъ въ залѣ, скороговоркой досказалъ онъ уже въ кабинетѣ.

— Ну, здравствуй-же... Вѣдь вотъ егоза.... Входитъ и не здоровается!

— Ахъ здравствуйте! протягивая застывшую руку, спохватился Вася. Прежде всего.... началъ онъ, важно откинувъ свою волнистую головку.

— Прежде всего надо оттерѣть тебѣ руки, вѣдь онѣ совсѣмъ окоченѣли, перебилъ его Новосвѣтовъ, оттирая широкой ладонью обѣ руки Васи.

— Чаю не хочешь-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, Алексѣй Михайловичъ, некогда!

— А что, должно быть морозъ не свой братъ! а?

— У!... Такъ и щипетъ, но за то солнце такое яркое, яркое....

— И ты такой румяный, румяный.... весело перебилъ Новосвѣтовъ.

— Ну такъ слушайте, Алексѣй Михайловичъ, не отрывая рукъ, началъ онъ съ оттѣнкомъ той же важности. Во первыхъ мама и папа безпокоятся,—здоровы ли вы и почему такъ долго не были, а во вторыхъ.... и Вася, сдвинувъ плечи, даже зажмурился отъ удовольствія, которое предвкушалъ въ этомъ «во вторыхъ». Во вторыхъ, повторилъ онъ многозначительно, у меня до васъ просьба.... большая.... большая.... и секретъ!

— Даже секретъ?!

— Даже секретъ! утвердилъ Вася и внимательно осмотрѣлся.

— Чего же ты ищешь?

— Я смотрю, что бы кто не подслушалъ.... Ну слушайте же.... понизивъ голосъ до шопота, продолжалъ онъ: завтра рожденіе кузинки Наташи.... Мама мнѣ подарила одинъ рубль, папа тоже одинъ рубль и бабушка давно, давно еще въ именины 2 рубля.... Теперь я хочу купить Наташѣ корзинку съ конфектами.... хорошую!... Но такъ, чтобъ никто не зналъ, кромѣ папы, мамы и васъ... У мамы голова болитъ, папы дома нѣтъ, вотъ я и пришелъ просить, чтобы вы поѣхали со мною.... Да!... Алексѣй Михайловичъ, да милый!?

— А если нѣтъ?

— Нѣтъ, Алексѣй Михайловичъ, пожалуйста!

— Ну хорошо.... Когда же, сейчасъ?

— Сейчасъ, Алексѣй Михайловичъ, сейчасъ.

Человѣкъ внесъ и поставилъ на столъ двѣ чашки кофе.

— Вотъ выпьемъ кофе и поѣдемъ.

— А вы еще не кушали, Алексѣй Михайловичъ?

— Нѣтъ, голубчикъ!

— А если мы опоздаемъ?

— Чего?

— Да купить!

— Полно, мой другъ, это можно хотя и вечеромъ, а вотъ, чтобы тебѣ не долго казалось, ты и самъ выкушай.

Вася попробовалъ.

— Что же ты?

— Нѣтъ, не хочется.

— Да вѣдь ты-же не будешь сытъ корзинкой.

— Пока не куплю, не могу ни пить, ни ѣсть! Алексѣй Михайловичъ, вдругъ принимая серьезный видъ, обратился онъ: Какъ вы думаете?

— Что, голубчикъ? спросилъ Новосвѣтовъ, прожевывая булку.

— Отчего это меня, вотъ сейчасъ, какъ я шелъ къ вамъ такъ больно, больно ударило кускомъ снѣга, вотъ сюда, прямо въ ухо.... Я такъ испугался!

— Да откуда, сверху?

— Да, сверху.

— Галка лапой спихнула! Это часто бываетъ.

— Галка! почти вскрикнулъ изумленный Вася.

— Да, галка! удостовѣрилъ Новосвѣтовъ.

— Да чего это она? и онъ задумался.

— Кто? проглатывая кофе, переспросилъ Новосвѣтовъ.

— Да галка-то?

— Галка-то.... Какъ чего?... А ты развѣ думаешь, что она непремѣнно хотѣла попасть въ тебя!... Ничуть.... Ты только проходилъ въ то время, какъ она, желая удержаться на крышѣ, оперлась о кусокъ снѣга, кусокъ сорвался, а она скользнула, испугалась, каркнула и улетѣла.

— Каркнула, каркнула!—оживленно подхватилъ Вася.

— Ну вотъ видишь.

— А я-то глупый, весело, какъ бы сбросивъ съ себя какое-то бремя, перебилъ Вася, — думалъ, что это Богъ ударилъ меня за Надю.

— Какъ за Надю? въ свою очередь изумился Новосвѣтовъ.

— Да, за Надю.... Надя больше меня балуетъ, чѣмъ Наташа, а я подарилъ ей въ день рожденія коробку въ два рубля, а Наташѣ скопилъ четыре, разъяснилъ онъ и, опустивъ глаза, зарумянился.

— Это не хорошо!... Надо быть справедливымъ, а Богъ тутъ не при чемъ!

— Да вѣдь Богъ во всемъ.

— Богъ далъ намъ свободу и не вмѣшивается въ наши дѣла. А во всемъ, это значитъ въ правилахъ.

— Какъ это въ правилахъ?

— А вотъ, напримѣръ, нельзя выходить на морозъ въ той одеждѣ, въ которой ты въ комнатѣ, и вотъ если ты теперь выйдешь въ рубашечкѣ, то простудишься; у тебя заболитъ голова или зубки, потому что ты нарушилъ установленное Богомъ правило.... Понялъ?

— Понялъ! вслухъ, медленно сообразилъ Вася.

— Ну поѣдемъ!

— Ѣдемъ, ѣдемъ, соскакивая со стула, подхватилъ Вася, и между тѣмъ нельзя было не замѣтить, что между нимъ и корзинкою, еще нѣсколько минутъ тому назадъ, наполнявшею всего его, стало что-то, отнявшее у него право на цѣлостное обладаніе оживленною и въ высшей степени впечатлительною природою мальчика....

— И онъ вовсе не живетъ однимъ сердцемъ, думалось Новосвѣтову, когда, садясь въ свои щегольскія сани, онъ окутывалъ ноги Васи теплымъ пледомъ....

Тревожно провелъ Вася наступающую ночь. Вотъ заснетъ, какъ будто, крѣпко и на долго, но вдругъ застонетъ, поднимется на колѣна, заглянетъ подъ салфетку, которой прикрылъ онъ бонбоньерку и, убѣдившись, что она стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, опять прильнетъ пылающею головою къ холодному концу подушки.... А тутъ Наташа радостная, оживленная.... То смотритъ на него своими черными, глубокими глазами, смотритъ и какъ будто смѣется надъ нимъ, то потянетъ къ себѣ за руку, своею теплою, нѣжною, какъ бархатъ, рукою.... Притянетъ, поцѣлуетъ.... Такъ сладко, сладко... Поцѣлуетъ, оттолкнетъ, и опять засмѣется. «Да неужели, да, въ самомъ дѣлѣ!... Ха, ха, ха», раздается въ его ушахъ, ея звонкій, серебристый смѣхъ, и снова дрогнетъ, снова проснется....

Рано поднялся Вася въ день рожденія кузинки Наташи. Еще Алена Никоновна не успѣла и лба перекрестить, «отъ сна возставши»—а онъ уже шелохнулся въ кровати и, быстро поднявшись, весело заглянулъ въ окружавшій полумракъ ранняго, зимняго утра....

— Няня, который часъ?

— И что ты это, радость моя, чаво всполошился еще и пѣтухи-то не пропѣли.... Спи, голубчикъ мой, почивай! Чаво такую рань дѣлать будешь?

— Нѣтъ, няня, пора! и не слушая дальнѣйшихъ возраженій, онъ, тихо вздрагивая знобомъ ранняго пробужденія, сталъ спѣшно обуваться.... Совсѣмъ одѣтый, съ бонбоньеркой въ рукахъ, въ 10 часовъ уже нетерпѣливо ожидалъ пробужденья матери.

— Мама, мама, пора, опоздаемъ! рѣшительно настаивалъ онъ.

Александра Игнатьевна сладко потянулась.

— Пора же, мама, ты забыла.... Сегодня рожденье кузинки Наташи, мы опоздаемъ.

— Который же часъ?

— Да уже скоро 11, мама.

— Одиннадцать?... Подыми сторы, милый.

— Няня, иди скорѣй! Мама встала.... торопилъ онъ уже у порога дѣтской.

— Ахъ, сайга, сайга, ужъ разбудилъ, и маменьки-то покоя не даешь! ворчала она.

— Вася, поди сюда! кликнула Александра Игнатьевна.

— У, да какой ты сегодня прелестный, точно въ самомъ дѣлѣ женихъ кузинки Наташи!

Вася дѣйствительно былъ очень милъ въ это утро. Большіе глаза его сіяли блескомъ лихорадочнаго оживленія; яркимъ румянцемъ горѣло лицо; алѣли самыя уши. Зачесаные назадъ темнокаштановые волосы, какъ бы ласкали, нѣжили, его волнующуюся радостными думами головку.... Александра Игнатьевна нѣжно поцѣловала его.

— Вася, что это у тебя такія горячія губы.... Ужъ не жаръ-ли?

— Нѣтъ, мама, нѣтъ, я совсѣмъ здоровъ.... Это такъ! испугался онъ.

— А дай-ка руку, и рука холодна, какъ ледъ.

— Это такъ, мама, такъ, право такъ! засуетился Вася, почти со слезами на глазахъ.

— Алена Никоновна, хорошо онъ спалъ?

— Хорошо, матушка барыня, какъ завсегда.

— Да что же это у него, какъ будто жарокъ маленькій?

— Жарокъ!... И что вы это матушка барыня.... Тьфу, тьфу, тьфу..., крестясь, отплевывалась Алена Никоновна. Господи помилуй.... Какой жарокъ, матушка!... Это такъ въ немъ, кровь горитъ.... Горячъ ужъ оченно значитъ. Сегоднясь, съ самаго утра, еще и пѣтухи-то какъ слѣдуетъ не пропѣли, а ужъ онъ заегозилъ!... Ужъ и ёгозилъ, ёгозилъ, ёгозилъ, ёгозилъ, точно

въ день Христовъ.... Сапоги себѣ чистить, рубашечку тоже самъ, то въ коробку эфту самую заглянетъ, то въ залъ побѣжитъ, и меня-то старую съ толку сбилъ, съ ногъ скрутилъ.... Подай ему то, подай ему эфто, не то сѣтовала, не то подтрунивала Алена Никоновна. Да онъ завсегды такой! порѣшила она.

— Онъ завсегда такой! какъ-то особенно громко и вѣско отозвалось въ Александрѣ Игнатьевнѣ, и страшно ей вдругъ стало, и жаль своего Васю.... Страшно за него, страшно за это непрерывно возбужденное настроеніе, за ту чуткость, за ту порывистость, съ которыми онъ воспринималъ и горе, и радость, и всякое новое впечатлѣніе.... Но.... что-жъ она могла сдѣлать съ этимъ?... Вѣдь нельзя же переродить его. Вѣдь это уже отъ Бога!... И, сладко потянувшись при новой мысли о вечерней пулькѣ, она весело приказала подать себѣ чашку чаю....

Глава У.

Тревожная ночь выпала на долю Александры Игнатьевны.

Слабо мерцалъ огонекъ въ разноцвѣтной у образницы лампадѣ. Поникнувъ сѣдою головою, съ красными отъ слезъ глазами, стояла у изголовья Васи смущенная Алена Никоновна. Александра Игнатьевна, казалось, сердцемъ считая удары сердца въ груди Васи, зорко слѣдила за малѣйшею перемѣною въ немъ. Что же такое съ нимъ, съ этимъ страннымъ ребенкомъ, еще столь недавно здоровымъ, радостнымъ, веселымъ? Что повергло его въ эту лихорадочную дремоту, что зажгло въ немъ кровь такими яркими пятнами на лицѣ, что воспалило голову, что заставило такъ сильно биться пульсъ въ его раскинутыхъ рукахъ? Чѣмъ больше думала она, тѣмъ больше волновалась. Нѣтъ, причины не находила и намека.... «Ужъ не съ глазу-ли?» и ей живо представилась старуха Мясоѣдова, умиленно, со слезами на ея кошачьихъ глазахъ, смотрящая на Васю и съ приторной нѣжностью повторяющая: «У, какой милый, пригожій!...»

— Алена Никоновна, ужъ не сглазила-ли его эта отвратительная старушенка Мясоѣдова, чуть слышнымъ шопотомъ спросила Александра Игнатьевна.

— Сглазила, матушка барыня, сглазила.... Вотъ не сойдти мнѣ съ эфтаго мѣста, если не сглазила.... Нагдысь тоже, какъ была у насъ, ужъ цаловала, цаловала, миловала, миловала, а къ

вечеру-то опять былъ жарокъ.... Умыла на утрось съ уголька.... На томъ все и покончилось.

Вася вдругъ метнулся, глухо простоналъ, рука приподнялась и тутъ-же, будто онѣмѣвъ, пала на грудь.

Александра Игнатьевна содрогнулась. Алена Никоновна, быстро склонившись надъ кроваткой, осѣнила его крестнымъ знаменіемъ.

— Сглазила, сглазила толсторожая, сглазила, видѣли, матушка барыня, какъ плеснанулси, точно рыбка въ водѣ.... Такъ завсегды бываетъ съ глазу. Дайкась спрысну.

— И что ты, няня, развѣ можно!?.. Еще испугаешь, слабо возразила Александра Игнатьевна.

— И что вы это, матушка барыня.... Грѣхъ какой!... Да развѣ святое вредитъ.

— Нѣтъ ужъ пожалуйста.... Не позволю теперь.

— Ну на утрось, проговорила Алена Никоновна голосомъ, въ которомъ звучали и укоръ и досада на Александру Игнатьевну, за ея невѣріе и сожалѣніе, что такъ бы, молъ, вотъ взяла-бъ, да и вспрыснула-бы. Александра Игнатьевна тихо поднесла руку къ полуоткрытымъ губамъ опять дрогнувшаго Васи.... Дыханіе было горячо, будто ожгло ей руку. «Ухъ, какой сильный жаръ», проговорила она, и опять взволновалась, опять задумалась. «Ни съ того, ни съ сего.... Вотъ такъ себѣ, здорово живешь» и теперь ей стало досадно, что вмѣсто того, чтобъ быть съ нимъ, засѣла играть въ карты и даже ни разу не вышла посмотрѣть на него. «Но что же было дѣлать, когда такъ упорно не шло»?!

— Пики, душенька, слышится ей опять сладенькій голосокъ Мясоѣдовой.—«И когда вы устанете играть», проворчала Наталья Игнатьевна.... А тутъ, какъ разъ прикупъ.... Тузъ, король, дама трефъ.... Тузъ, король самъ пять червей.... И вдругъ двѣ пики въ талонѣ.... Ну какъ было не купить.... Однако все же таки не могу понять, какъ могла проиграть эту игру. И Александра Игнатьевна даже повернулась на стулѣ, такъ непріятно ей было вспомнить эти двѣ пики въ талонѣ.

— Мама, мама.... рѣзко вскрикнулъ Вася.

— Что, голубчикъ, что? встрепенулась Александра Игнатьевна.

— Господи помилуй, Господи помилуй, крестя кровать, простонала Алена Никоновна.

И опять все тихо.

— Ахъ какъ.... Ната, Ната, проглатывая *ша*, шепталъ онъ.

— Что онъ бредитъ.... совсѣмъ теряясь, проговорила Александра Игнатьевна.

— Бредитъ, матушка барыня, бредитъ, утвердила Алена Никоновна.

— Боже мой, Боже.... Что я буду дѣлать.... Ужъ не послать-ли за Новосвѣтовымъ?... И Андрей Петровичъ, какъ насмѣхъ, не ѣдетъ такъ долго.

Александра Игнатьевна опять склонилась надъ кроватью. Теперь дыханіе было ровнѣе, сонъ казался глубже. Въ передней раздался звонокъ. Александра Игнатьевна чутко вслушалась. Въ гостиной отчетливо раздались шаги Андрея Петровича.

— Что такое съ нимъ? Вѣдь онъ по утру былъ совершенно здоровъ? входя въ дѣтскую, шопотомъ сказалъ онъ.

— Да, а теперь вотъ, сильный жарокъ, даже какъ будто бредитъ. Я хотѣла уже послать за Алексѣемъ Михайловичемъ.... Да надѣюсь обойдется.

Онъ коснулся головы.... горяча.... Потрогалъ пульсъ.... тревоженъ....

— Да отъ чего, что бы это такое?

— Я думаю не съ глазу-ль, Андрей!

— Фу, глупости какія! даже вспылилъ Андрей Петровичъ.

— Посмотримъ что завтра.... Надо пораньше послать за Алексѣемъ Михайловичемъ. Пойдемъ спать.

— Пойдемъ.... Ты что сдѣлалъ сегодня?

— Такая досада.... Представь себѣ, въ 10 часовъ былъ въ выигрышѣ около 40 рублей, кончилъ тѣмъ, что проигралъ 42.... Проклятые 8 червей подкузмили. Ну да наверстаю, вздохнувъ. утѣшился онъ.

— Вотъ и мнѣ тоже 8 червей, оживилась Александра Игнатьевна. Представь себѣ.... Тузъ, король, дама трефъ, тузъ, король самъ пять червей, ничего не купила и проиграла.

— На три козыря?

— Да, на три козыря, безъ одной, 90 копѣекъ проиграла. Да я вообще не люблю играть съ Мясоѣдовой, такъ везетъ ей всегда.

— Такъ и не играй.

— Завтра звала, будто пожаловалась Александра Игнатьевна.

— И ты поѣдешь?

— Поѣду.

— Вотъ охота.... Терпѣть не могу эту бабу: всѣхъ любитъ, за всѣхъ молится, а въ сущности больше, чѣмъ мы, грѣшные, любитъ только саму себя.

— Я бы не поѣхала.... Да нельзя.... Другой разъ позовешь не пріѣдетъ.... И зѣвай цѣлый вечеръ.

— Да какъ же Вася-то?

— Что ты Андрей, я надѣюсь, онъ поправится.

— Ну какъ знаешь, сладко потягиваясь, согласился Бояриновъ.

Глава VI.

Въ 9 часовъ утра наступившаго дня, сѣрый конь Новосвѣтова, какъ вкопанный, остановился у дверей Бояриновыхъ. Видно часто приходилось ему рыть снѣгъ нетерпѣливою ногою у этого многоэтажнаго дома.

— Господа встали?

Баринъ всталъ-съ, а барыня еще почиваютъ.

— А Василій Андреевичъ?

— Встали-съ! Уже и чай откушали.

— Такъ стало здоровъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.... Няня говорила, что голова у нихъ болитъ и глаза очень красны.... Самъ видѣлъ.—Прикажите доложить-съ?

— Скажите барину, что я у Василія Андреевича, и, сбросивъ шубу на руки лакея, Алексѣй Михайловичъ темнымъ коридоромъ прямо изъ передней направился въ комнату Васи.... Сидя спиной къ двери, онъ что-то внимательно читалъ въ книгѣ дѣтскихъ разсказовъ.... Подлѣ Алена Никоновна вязала свой нескончаемый чулокъ. Перебѣгая со спицы на спицу, все выше и выше по тканямъ чулка, опережали другъ друга ея костлявые, морщинистые пальцы.

— Здравствуй, Вася....

— Ахъ, Алексѣй Михайловичъ!... здравствуйте, милый, милый Алексѣй Михайловичъ, нервно пожимая его широкую ладонь обѣими руками, радовался Вася.... и густымъ румянцемъ покрылось лицо его.

Новосвѣтовъ внимательно взглянулъ на него.— Подъ глазами красныя полосы, въ зрачкахъ кровянились чуть чуть примѣтныя синеватыя змѣйки.

Обрадовалась и Алена Никоновна.

— Батюшка, Алексѣй Михайловичъ! говорила она, вставая и откланиваясь. Смиловался надъ нами Господь!... А ужъ вчерась-то не накажи Господи, какъ разболѣлся и сегодня все на головку жалится.

— О нѣтъ, няня, я здоровъ.

— Какъ здоровъ.... Ишь глазки-то точно у кролика.

— Это такъ, Алексѣй Михайловичъ, такъ, я право здоровъ, совсѣмъ здоровъ, настаивалъ Вася.

— Да я и вижу, что ты совершенно здоровъ, Вася, успокоилъ его Новосвѣтовъ.

— И что вы это, батюшка, Алексѣй Михайловичъ, куды-жъ здоровъ. Всю ноченьку, какъ въ огнѣ горѣлъ. Всплескается.... Да какъ застонетъ.... Жалобно, жалобно, ажно за сердце схватитъ. Барыня всю ноченьку надъ нимъ проплакала.

— Мама? испуганно вскрикнулъ Вася.

— Да, маменька, удостовѣрила Алена Никоновна.

— Бѣдная мама, и онъ вспыхнулъ, такъ стало жаль ему ее. Какой я глупый, добавилъ онъ чуть слышно.

— Полно голубчикъ, это нянѣ такъ приснилось.

— Что вы это, батюшка, меня больно за дуру считаете.... Еще благодареніе Господу не совсѣмъ изъ ума выжила, обидчиво перебила Алена Никоновна.

— Вы бы лучше оставили насъ Алена Никоновна, мнѣ съ Васею и поговорить, и заняться нужно, насколько смогъ мягко предложилъ Новосвѣтовъ.

— Слушаю-сь, слушаю-сь, батюшка, Алексѣй Михайловичъ... Ужъ ни въ первой вамъ прогонять меня старую. Видно заслужила. И на томъ спасибо вамъ, батюшка, уплетаясь изъ комнаты, ворчала Алена Никоновна.

Вася быстро схватилъ Новосвѣтова за руку.

— Алексѣй Михайловичъ! Позвольте ей остаться, чуть слышно проговорилъ онъ.

— Няня.... Да, вы оставайтесь, крикнулъ ей вслѣдъ Новосвѣтовъ, но Васи уже не было.—Онъ пустился за нею въ погоню.

— Няня, няня, не сердись, милуня!... Дай поцѣлую, и, охвативъ обѣими руками морщинистую шею старухи, онъ поцѣловалъ ее въ правую щеку, потомъ въ лѣвую, въ лобъ, въ глаза....

— И полно-ѣ, мой непаглядный, полно-ѣ, пригожій, тихо его устраняя, чуть слышно отозвалась растроганная до слезъ старуха. Сердце-то у тебя, родимый, что брыліянтъ свѣтозарный....

Алена Никоновна какъ будто скрала у Новосвѣтова его собственную о Васи мысль въ эту минуту. Онъ отвернулся. Ему было совѣстно теперь взглянуть прямо въ глаза Васи. Онъ какъ будто боялся въ нихъ укора себѣ за обиду нѣжнолюбимой няни. Что за чуткость сердца, какая утонченность воспріятія.... Бѣдный ребенокъ! И можно-ль быть спокойнымъ за него, можно-ль мечтать о счастьи съ такимъ сердцемъ? Сколько разъ самые близкіе, даже самые расположенные къ нему люди, безъ намѣренія необдуманнымъ словомъ, какъ кинжаломъ пронзятъ его, это бѣдное, прежде радости страданіе познавшее сердце, и подъ вліяніемъ этихъ мыслей Алексѣй Михайловичъ съ грустью остановилъ свой глубоко сосредоточенный взглядъ на Васѣ.

— Пойдемте-жъ, Алексѣй Михайловичъ.

— А, пойдемъ, дорогой мой, пойдемъ, протягивая руку Васѣ, очнулся Новосвѣтовъ. Не одинъ же онъ будетъ въ самомъ дѣлѣ, какъ я былъ и остался одинъ, задумался онъ опять, проходя изъ дѣтской въ залъ темнымъ корридоромъ рука объ руку съ Васей....

— Алексѣй Михайловичъ.... Добраго утра! обрадовался ему Андрей Петровичъ.—Ну что? Какъ находите Васю?

— Ничего! молодецъ молодцомъ! Васъ какъ Богъ носитъ, Андрей Петровичъ?

— Вчера проигрался.... Ну да вздоръ.... Еще наверстаю.

Андрей Петровичъ торопливо посмотрѣлъ на часы.

— До свиданія, Алексѣй Михайловичъ.... Будь умникъ Вася! обратился онъ и, на ходу поцѣловавъ его, исчезъ за дверью.

— Къ вамъ, въ кабинетъ можно? крикнулъ ему вслѣдъ Новосвѣтовъ.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе.

— Теритъ не могу пріемныхъ комнатъ, входя въ кабинетъ, обратился Новосвѣтовъ къ Васѣ. Въ нихъ все какъ будто по казенной надобности.... Стулья въ шеренгу, кресло противъ кресла. Передъ столомъ диванъ, а надъ диваномъ зеркало.... И все это такъ равнодушно, такъ чопорно смотритъ, какъ будто смѣется и надъ серьезной мыслею, и надъ веселымъ смѣхомъ.

— Я самъ не люблю этихъ комнатъ, Алексѣй Михайловичъ. Да и какъ скучно въ нихъ!... По вечерамъ такъ темно.... Вчера я заглянулъ туда и даже испугался.

— Пугаться-то чего же?

— Да такъ и самъ не знаю.... Алексѣй Михайловичъ?

— Что, голубчикъ?

— Что сонъ—это правда?

То-есть какъ это—правда?

— То-есть все то, что видишь во снѣ, то такъ и бываетъ? робко проговорилъ онъ.

— Полно! какъ тебѣ не стыдно спрашивать такой вздоръ, Вася? Если бы сны говорили намъ впередъ, то мы бы всегда могли знать, что будетъ и черезъ годъ и черезъ два, а вотъ мы даже не знаемъ, что будетъ съ нами черезъ минуту.

— А какъ же это, когда видишь, то какъ будто бы все такъ и есть?

— Такъ кажется, милый.

Вася задумчиво покачалъ головою.

— А что? Развѣ ты видѣлъ какой-нибудь сонъ?

— Видѣлъ, чуть слышно откликнулся онъ и, содрогнувшись, закрылъ лицо руками.

— Что-жъ ты видѣлъ? Разскажи!

— Да я не съумѣю, Алексѣй Михайловичъ.

— Ну попытайся.... разскажи, какъ можешь.

— Это было ночью, началъ Вася, нервно потирая рука объ руку. Началъ и остановился.

— Ну!

— Такъ страшно!... Даже и вспомнить страшно, чуть слышно проговорилъ онъ.

— Фи, Вася, да не будь же такою бабою.... Ну можно-ли даже сновъ бояться!?

— Это было ночью, опять началъ Вася свой разсказъ. Въ саду у бабушки въ деревнѣ.... Вотъ какъ сейчасъ вижу.... Домъ тети Наташи, окно на верху, на столѣ свѣчка.... Я одинъ на террасѣ.... Темно такъ, что не видно ни лавочекъ, ни цвѣтовъ.... А цвѣты тамъ такіе были хорошіе, розовые, красные, всякіе....

Вася опять пріостановился.... Алексѣй Михайловичъ, опустивъ глаза, сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этой пріостановки.

— Вдругъ шорохъ, продолжалъ Вася, и его голосъ примѣтно дрогнулъ, и на лавочкѣ, подъ самымъ окномъ вся бѣлая, вся, вся бѣлая Наташа!... только волоса черные.... Я сначала было испугался, а потомъ подумалъ, что это на ней вѣрно бѣлыя кофта и юбка, и сбѣжалъ къ ней.... Смотрю.... Да, она! такая скучная,

какъ всегда бываетъ, когда поссорится съ кѣмъ-нибудь или когда обидитъ ее тетя Юля.... Мнѣ ее стало такъ жаль, такъ жаль.... Я и спрашиваю: Наташа, что съ тобою? А она вдругъ какъ захохочетъ, да такъ, что мнѣ даже страшно стало.... Никогда еще я не слышалъ, чтобъ она такъ хохотала.... Я хотѣлъ поймать ее за руку.... Она отъ меня.... Я за нею, она отъ меня.... Она въ рощу, я въ рощу... Наташи больше не видно.... Вдругъ стало темно, темно.... Только слышу, какъ сухія сучья трещатъ подъ ногами.... А остановиться все таки немогу.... Будто несетъ меня кто-то.... и слышу, какъ за мною гонятся, хотятъ остановить меня.... Вотъ съ одной стороны, съ другой, со всѣхъ сторонъ.... Такъ жутко, жутко.... Въ ушахъ свиститъ вѣтеръ.... А я все бѣгу, да бѣгу.... И чего, чего только мнѣ тутъ не чудилось.... И змѣй-то Горыновичъ и баба-Яга Костяная нога и гады, и дикіе звѣри страшною тучей за мной.—Вася увлекся... Глаза оживились, лицо покрылось густымъ румянцемъ. Онъ крѣпко сжалъ рукою колѣно Алексѣя Михайловича, и, порывисто вздохнувъ, продолжалъ.—Не помню я дальше, что было со мною, не помню, какъ попалъ я въ волны какой-то рѣчки.... Я поплылъ. Да, я поплылъ за нею.... На противоположномъ берегу стояла она.... Опять вся въ бѣломъ.... Глаза горѣли, какъ звѣзды небесныя... Я сталъ тонуть.... Вода душила, тянула ко дну. А Наташа такъ близко, близко, у самаго берега. Наташа! Наташа, спаси меня!... Ахъ, какъ надоѣлъ ты мнѣ, Вася, отвѣтила она, едва слышно, сильно дрогнувшимъ голосомъ, досказалъ онъ;... поникъ, на рѣсницахъ набѣжали слезы.

— Полно, голубчикъ! Чему-жъ тутъ такъ огорчаться.... Навѣрно поссорился за что-нибудь вчера съ кузиной Наташей? сказалъ Новосвѣтовъ.

Но Вася еще ниже поникнулъ головой. У него дрогнулъ подбородокъ, нервно задвигались челюсти и слезы, одна другой крупнѣй, покатились по лицу.

— Полно, милый, полно Вася! Ну что-жъ тутъ такаго, чтобы такъ могло печалить тебя? Вчера поссорился, завтра помиришься!

— О, никогда, никогда! дрожа точно въ лихорадкѣ, горячо перебилъ Вася. Я такъ долго ждалъ, такъ радовался.... Я изъза нея обидѣлъ моихъ бѣдныхъ, добрыхъ кузинокъ, и вдругъ она же.... О, нѣтъ, нѣтъ, я никогда не стану больше надоѣдать ей.... и слезы не дали ему кончить. Онѣ опять закипѣли въ груди, сжали горло, дождемъ брызнули изъ глазъ. Алексѣй Михайловичъ вспомнилъ Васю: какимъ онъ былъ третьяго дня, его лихорадочное

нетерпѣнье, его восторгъ надъ бонбоньеркой, его радость при мысли объ улыбкѣ удовольствія Наташи и такъ сжалось сердце въ немъ самомъ подъ вліяніемъ этаго живаго, глубокаго младенческаго горя. Но онъ подавилъ въ себѣ вздохъ, и, принужденно улыбаясь, опять сталъ успокоивать его, все еще надѣясь, если не разсѣять, то, по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько подавить въ немъ гнетущее чувство разочарованія въ расположеніи къ нему столь любимой имъ кузинки.

— Да если бъ даже!... Неужели ты, Вася, больше всѣхъ на свѣтѣ любишь Наташу?... Неужели тебѣ изъ-за нея не жаль огорчать и мать, и отца, и твою добрую няню, и всѣхъ твоихъ кузинокъ и меня, твоего вѣрнаго друга?!...

Вася дрогнулъ, точно отъ укола, соскочилъ со стула, сквозь слезы посмотрѣлъ ему въ глаза, улыбнулся и, обвивъ его шею руками, припавъ на грудь, опять заплакалъ.

Глава VII.

Вася рѣшительно отшатнулся отъ кузинки своей Наташи и лишь только черезъ нѣсколько дней удалось, наконецъ, Новосвѣтову узнать отъ него, что именно послужило поводомъ къ этому, столь неожиданному и странному раздору. Наташа приняла бонбоньерку съ восторгомъ. Долго любовалась ею, нѣсколько разъ поблагодарила его. Оживленно и радостно промелькнули для него часы ея привѣтливыхъ къ нему улыбокъ, игривыхъ шутокъ, смѣха. Но къ обѣду пріѣхалъ дальній родственникъ ихъ бабушки, Марьи Кондратьевны Щебринской, Толь Бернсдорфъ, мальчикъ лѣтъ 14, красивый, стройный пажъ, и Наташа не только забыла бонбоньерку, но даже и его, Васю. Онъ нѣсколько разъ подходилъ къ ней, заговаривалъ; но она или дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его, или еще начинала подтрунивать. Толь тоже сталъ смѣяться надъ нимъ. «Мнѣ стало обидно», со слезами на глазахъ говорилъ Вася. «Я отошелъ къ кузинкамъ, и уже больше не подходилъ къ Наташѣ. Но часу въ 12 вечера, не задолго передъ ужиномъ, она поссорилась за что-то съ Толей и ушла на верхъ. Я за нею. Я засталъ ее въ слезахъ надъ моею бонбоньеркой. У меня такъ, такъ заболѣло сердце, такъ стало жаль бѣдную Наташу. Что бы я далъ въ эту минуту побить этого противнаго Тольку.—Милая, милая, что съ тобою?—Ахъ, отстань!

какъ надоѣлъ ты мнѣ, Вася! и, стукнувъ на меня каблукомъ объ полъ, она ушла въ другую комнату.... Послѣ этого я уже не помню.... ничего, ничего не помню, что было со мною», глухимъ голосомъ, чуть слышно договорилъ онъ.

Алексѣй Михайловичъ, не смотря на все свое участіе къ Васѣ, не смотря на весь свой страхъ за него, не предусмотрѣлъ и десятой доли тѣхъ послѣдствій, какія имѣла для его будущности эта, повидимому, совершенно ничтожная драма его почти еще младенческой жизни.

Онъ измѣнился совершенно. Опять заскучалъ, опять обособился, замкнулся, опять чрезъ какой-то туманъ сталъ смотрѣть въ глаза окружающему.

Александра Игнатьевна встревоженная, раздосадованная на Наташу за своего бѣднаго Котика, въ слѣдующее-же воскресенье, въ присутствіи своей матери, Марьи Кондратьевны и сестры, рѣзко упрекнула её въ столь черной къ нему неблагодарности. Наташа вспылила, выбросила бонбоньерку и, обозвавъ Васю «мелюзгой, нюней», стала избѣгать даже сходить внизъ, когда онъ бывалъ у нихъ. И Вася пересталъ бывать. Онъ теперь сидѣлъ все дома и дома.

Андрей Петровичъ былъ озабоченъ дѣлами службы, хлопоталъ по имѣнію. Въ 9 часовъ онъ вставалъ, молча и спѣшно цѣловалъ Васю въ голову, пилъ чай и уходилъ на службу. Въ 3 возвращался обѣдать. За столомъ говорить вредно, не о чемъ, да и чѣмъ можетъ онъ занять ребенка, или что этотъ послѣдній можетъ сообщить ему интереснаго. Послѣ обѣда Андрей Петровичъ отдыхалъ. Александра Игнатьевна, лукаво прищурившись, въ свою очередь, находила, что и ей не мѣшало-бъ призадуматься. Послѣ отдохновенія, заботливо отсыпавъ двѣ ложки чаю и отсчитавъ нѣсколько кусковъ сахару для Васи и няни, Александра Игнатьевна, вполнѣ довольная памятью о сынѣ, уѣзжала къ Марьѣ Кондратьевнѣ или княгинѣ Елизаветѣ Петровнѣ, или какой другой сосѣдкѣ дамѣ съиграть пулечку въ преферансъ, а Андрей Петровичъ уже спѣшилъ въ клубъ или театръ. Да о чемъ же, въ самомъ дѣлѣ, и задумываться надъ нимъ, Васею, въ его возрастѣ, чего еще отъ него хотѣть, или что наблюдать въ немъ, совершенномъ ребенкѣ. «Не сидѣть же мнѣ надъ нимъ, какъ курицѣ надъ яицами», отвѣчала Александра Игнатьевна Андрею Петровичу, если ему случайно приходило на умъ замѣтить ей, что Вася ужъ большой мальчикъ и что не мѣшало бы ей побольше обращать на него

свое вниманіе.—«Одѣтъ, обутъ, накормленъ, въ комнатѣ и сухо, и тепло, въ кроваткѣ мягко».

Васѣ минуло одиннадцать лѣтъ. Благодаря вниманію къ нему Алексѣя Михайловича Новосвѣтова, онъ хорошо читалъ, писалъ безъ особо грубыхъ ошибокъ по-русски и по-французски, зналъ четыре правила ариѳметики, ветхій и новый завѣты, даже въ сжатомъ конспектѣ древнюю исторію. Живыя способности Васи радовали Новосвѣтова; но въ часы занятій всецѣло преданный ихъ предмету, Алексѣй Михайловичъ, въ свою очередь, далекъ былъ отъ сознанія дѣйствительнаго настроенія Васи, отъ волненій и желаній, наполнявшихъ его младенческій мірокъ.

Съ 11 лѣтъ, кругъ занятій его значительно расширился. — Теперь никто безъ гимназіи и университета не можетъ выдти въ люди, сообщилъ однажды Андрей Петровичъ женѣ и на другой же день Васѣ взяли учителя нѣмецкаго и французскаго языковъ и другихъ предметовъ. Утро незамѣтно мелькало въ его жизни. Напившись чаю, онъ весело принимался за уроки, быстро усвоивалъ ихъ; съ краскою волненія въ лицѣ, боясь за ошибку, отвѣчалъ Новосвѣтову или своему учителю, и еще съ большимъ оживленіемъ подъ ихъ руководствомъ шелъ впередъ. Но едва кончался обѣдъ, Вася начиналъ скучать и скукѣ его, казалось, не будетъ конца. Алена Никоновна въ эту пору дня была по прежнему его вѣрнымъ и единственнымъ товарищемъ. Ее безпокоила, томила эта скука; но, не смотря на всѣ старанія, бѣдная, всѣмъ сердцемъ преданная старуха, ничѣмъ не могла развлечь ребенка.... Въ домѣ мертвая тишина. Ни голоса поднять, ни пробѣжать.

— Маменька съ папенькой отдыхать изволятъ.—Дай Богъ здоровья, отъ времени до времени прошамкаетъ Алена Никоновна, съ любовью подбирая лоскутокъ къ лоскутку, пожалованные матушкою барынею, ситцевые обрѣзки. — Вотъ на одно, вотъ на другое.

Но Васю не радуетъ, не забавляетъ это одѣяло изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ.... Оно даже надоѣло ему, онъ и не смотритъ, а отойдетъ, бывало, къ окну, сядетъ, запрокинетъ курчавую головку на раскрытую ладонь, запрокинетъ и задумается такъ глубоко, глубоко.

— Чаво это ты, Вася, опять уткнулся? окликнетъ Алена Никоновна. Вотъ поднтка-съ, посмотри.... какіе хорошіе лоскутки-то маменька мнѣ пожаловала.

— Скучно, отвѣтитъ Вася и даже не взглянетъ на няню.

— Ну такъ въ садъ пойдемъ.

— Пойдемъ, няня.

Пойдутъ. Въ саду мальчики, бойко перебрасываясь снѣжками, играютъ въ казаки-разбойники.

— Вася, Вася! кричатъ отовсюду. Вася какъ будто оживится, приметъ участіе, а Алена Никоновна сядетъ себѣ на лавочку, смотритъ да радуется, какъ отъ движенья и снѣжковъ разрумянится онъ. Но не пройдетъ и 15 минутъ, а Вася ужъ опять подлѣ и равнодушно смотритъ на шумную, веселую, неутомимую толпу шалуновъ-сверстниковъ, и не манитъ и не тянетъ его къ ней больше.

— Что ты опять, родимый, пріунылъ, закручинился?

— Надоѣло, пойдемъ домой!

— Пойдемъ! Папаша съ мамашей, я чай, встали. Утѣшаетъ Алена Никоновна.

Оказывается дѣйствительно встали; но не надолго остается Вася въ ихъ обществѣ.

— Мама, ты дома сегодня? спроситъ Вася.

— Нѣтъ, милый, у Анны Николаевны.

— А вернешься поздно?

— Поздно, ты не жди.... Я не люблю, когда ты долго не почиваешь.... Это вредно.

Не пройдетъ получаса, а ужъ мамы опять нѣтъ, какъ будто и не было. Темно въ просторныхъ комнатахъ.... Лишь въ дѣтской, то ярко вспыхнетъ, то затлится фитиль нагорѣлой сальной свѣчи.... А няня то опять копошится съ лоскутками своими излюбленными, то карты возметъ, раскинетъ, улыбнется, призадумается. Видно, она пытаетъ судьбу свою горемычную. Скучно Васѣ.... Соскочитъ, къ двери подбѣжитъ, откроетъ, взглянетъ въ гостиную.... Темно въ ней, въ этой просторной, пустой комнатѣ.... Лишь блѣдною полосою, скользя по паркету, пробѣгаетъ слабый свѣтъ уличнаго фонаря.

— Не ходи туда, Вася.... бузюка, предостережетъ Алена Никоновна. Вася дверь закроетъ, отскочитъ, такъ чего-то жутко ему станетъ и опять, какъ въ младенческіе годы, зажмется онъ въ уголокъ своего просторнаго кресла, въ тотъ самый уголокъ, что изъ часа въ часъ былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ его горячихъ по матери-страдалицѣ слезъ.... А тогда она, мама, хоть и больна была, а все онъ ее видѣлъ, все, бывало, чаще его прилас-

каетъ, приголубитъ.... Теперь же нѣтъ, вовсе нѣтъ.... ее, мамы и папы нѣтъ.... Все будто дремлетъ, все мертво вокругъ.

— Няня, да брось ты свои скучныя карты.... хоть разскажи мнѣ опять какую-нибудь сказочку.

И начнетъ няня.... Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Говоритъ, увлекается.... Но не тотъ ужъ Вася, что былъ въ младенческіе годы. Не оживляются ужъ больше глаза, не играетъ взволнованная кровь на спокойномъ лицѣ, не вздрагиваетъ, не замираетъ сердце. «Шелъ долго-ли.... коротко-ли шелъ.... Стоитъ передъ нимъ избушка на курьихъ ножкахъ.... Ей, ты, избушка, избушка, лицевой сторопой стань передо мной, какъ листъ передъ травой»... И знаетъ ужъ Вася напередъ, что избушка перевернется, что въ ней, въ этой избушкѣ, за прялкою сидитъ костлявая, сѣдая Баба-яга костяная нога.... Знаетъ, что поможетъ она ему, князю молодому, въ скорбяхъ его превеликихъ.... Всю сказку отъ начала до конца, слово въ слово, самъ знаетъ, и не изумляетъ его больше, не страшитъ, не радуетъ сказка старая.

Проходили мѣсяцы за мѣсяцами, а Вася все скучалъ и скучалъ и эта ни чѣмъ необъяснимая тоска стала оказывать видимое вліяніе на его здоровье. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ, сталъ въ высшей степени нервенъ. Новосвѣтовъ безпокоился все болѣе и болѣе, но не смотря на самое зоркое наблюденіе надъ нимъ, на разспросы, не могъ добраться до причины. Вася ничего не скрывалъ, ни въ чемъ не таился. Онъ просто самъ не понималъ своего настроенія. Ему чего-то хотѣлось, чего-то недоставало, а чего? Вотъ этого-то именно онъ и не зналъ. Какъ-то, въ одинъ изъ долгихъ, зимнихъ вечеровъ, Алексѣй Михайловичъ совершенно неожиданно заѣхалъ къ Бояриновымъ. Андрея Петровича и Александры Игнатьевны, по обыкновенію, не было дома. Проходя черезъ залъ, онъ уже заслышалъ громкій голосъ Васи.—Онъ не то читалъ вслухъ, не то что-то кому-то горячо доказывалъ, не-то декламировалъ. Алексѣй Михайловичъ, ускоривъ шагъ, вошелъ.

«Онъ вдоль Днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ;
Нашелъ, настигъ, но прежня сила
Питомцу битвы измѣнила»,

стоя спиною къ дверямъ восторженно декламировалъ Вася.

«И Руси древній удалецъ
Въ пустынѣ свой нашелъ конецъ».

И голосъ его дрогнулъ, порвался, замеръ точно потонулъ въ глубинѣ безотчетной скорби надъ погибшимъ Рогдаемъ.

— Вася! тихо окликнулъ Новосвѣтовъ.

Вася вздрогнулъ, быстро огляпулся.

— Алексѣй Михайловичъ!... голубчикъ, и, радостно бросившись на встрѣчу, онъ обнялъ его, горячо поцѣловалъ.

— Что, братъ!... Видно Пушкинъ-то писалъ лучше насъ съ тобою!

— Ахъ, и не говорите! Прелесть, прелесть, что такое. Какъ читаешь, то вдругъ станетъ и холодно, и страшно, а то опять такъ свѣтло, такъ радостно. И онъ былъ блѣденъ. Его глаза лихорадочно блестѣли.—Если бы у меня было много такихъ книгъ, я бы день и ночь просиживалъ надъ ними. Вѣдь они живые, совсѣмъ живые: Руслапъ, Рогдай, Людмила, Форлафъ. Я ихъ чувствую, я ихъ вижу....

— А хочешь, я тебѣ буду много, много доставлять такихъ книгъ?

— Что вы, Алексѣй Михайловичъ, милый!

— Ужъ вѣрно! Только дай мнѣ слово, что ты по прежнему будешь хорошо заниматься, а читать только по вечерамъ.

— О, еще-бы, Алексѣй Михайловичъ, да я еще лучше буду заниматься.

Усадивъ Новосвѣтова въ свое историческое вольтеровское кресло, Вася, радостный, нервно оживленный, пустился въ мечты о своемъ лучшемъ, свѣтломъ будущемъ.—Алексѣй Михайловичъ увлекся самъ. Онъ теперь въ немъ, какъ бы второй разъ переживалъ свою собственную, безвозвратно утраченную юность.

Алексѣй Михайловичъ понялъ, наконецъ, чего такъ безотчетно, такъ лихорадочно-тоскливо искалъ себѣ Вася. — *Волненія.* — Опять.... опять тѣхъ сильныхъ и глубокихъ ощущеній, что въ свои младенческіе годы изо дня въ день переживалъ онъ у изголовья умирающей матери, подъ обаяніемъ волшебныхъ тѣней сусвѣрной фантазіи Алены Никоновны! Этотъ міръ его манилъ, ему улыбался, его привлекалъ къ себѣ, какъ нѣчто чудесное, необъяснимое, то полное ужаса, скорби, слезъ, то полное жизни, полное свѣта, и радостное и счастливое.... И могла-ль при такомъ настроеніи удовлетворить его эта повседневная, тихая и однообразная обстановка? Онъ тосковалъ въ ней, онъ стремился бѣжать отъ нея.

Вася росъ, крѣпъ, развивался и съ каждымъ новымъ днемъ свѣтлѣлъ его внутренній міръ, съ каждымъ вновь прочитаннымъ произведеніемъ, все новые и новые образы населяли его фан-

тазію. Они въ немъ жили и онъ ихъ чувствовалъ, видѣлъ, съ ними говорилъ, себя самого воображалъ то тѣмъ, то другимъ изъ нихъ. Страдалъ ихъ горемъ, волновался. Всѣми силами души своей боролся противъ зла, противъ обмана и такъ легко, такъ радостно становилось у него на сердцѣ, когда счастьемъ улыбалась жизнь его образамъ.

Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна были первыми его друзьями. Онъ зачастую бесѣдовалъ съ ними и всякій разъ съ одинаковымъ участіемъ вздыхалъ надъ такъ внезапно осиротѣвшимъ, убитымъ горемъ старикомъ. Онъ ихъ любилъ всѣмъ сердцемъ и если бы они дѣйствительно были живы, какъ жили въ немъ, онъ бы каждый день бывалъ у нихъ, хотя на нѣсколько минутъ, и такъ грустно становилось ему при мысли, что ихъ ужъ нѣтъ и никогда не будетъ. — «А хорошіе были, славные, добрые, честные», думалъ онъ и ему казалось, что они опять живы и зовутъ его на вареники подъ сметаной.

Къ Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу онъ относился равнодушнѣе и даже смѣялся надъ ними, но какъ скоро вспоминалъ ихъ ссору изъ за слова: «гусакъ», то они снова стояли передъ нимъ и онъ невольно возмущался ихъ распрею изъ-за столь «незначущаго» слова.

«Ради чего тѣ жили, изъ-за чего эти спорили?!» съ грустью раздумывалъ онъ и такъ охотно уходилъ въ тѣ минуты на вечера на хутора, или же въ степи казачьи. Во весь ростъ поднимался передъ нимъ грозный Тарасъ Бульба и, содрагаясь отъ плечъ до пятъ, онъ невольно покланялся въ немъ мощному типу былыхъ временъ.... Но вотъ блѣднѣлъ Тарасъ Бульба и открывался новый міръ!... Міръ лихорадочный, порывистый, страстный.... Міръ чаръ, міръ гармоніи, міръ нѣги, міръ чудныхъ картинъ, міръ чарующихъ, дивныхъ звуковъ.... Рогдай, Русланъ, Людмила.... и черноокая грузинка, и плѣненная княжна.... Онъ забывался, онъ горѣлъ, и опять.... опять, какъ живая, передъ нимъ стройная, гибкая Наташа.... Шелковистыя кудри ласкаютъ ей, своими пышными волнами, и грудь, и плечи, далеко ниже таліи вьются по спинѣ.... и то смотритъ она на него изъ-подъ долгихъ рѣсницъ темносиними глазами, то зоветъ его къ себѣ, то лукавитъ, смѣется надъ нимъ. И снова то страхомъ, то надеждой бился въ его пятнадцатилѣтнемъ сердцѣ этотъ загадочный, полный чарующей нѣги, взглядъ.

Глава VIII.

Наступило 22-е октября 186. года.—день семнадцатилѣтія Наташи. Съ 6 часовъ всполошилась усердная дворня Марьи Кондратьевцы Щебринской.... Лакеи натирали полы, оправляли драпировку, снимали чахлы, сметали пыль. Дворецкій, коренастый, лысый Семенъ, съ маленькими, точно щелки, свѣтлосѣрыми, плутовскими глазками, рука объ руку съ своей достоуважаемою супругою, Агафьею Максимовною, убиралъ чайный столъ. Востроглазая, худенькая, миловидная Лиза, любимица Наташи, старательно и даже съ нѣкоторою нѣжностью выправляла складки легкаго, какъ воздухъ, бѣлаго платья ея яркой звѣздочки, боярышни Натальи Алексѣевны. По всему было видно, что боярышня Наталья Алексѣевна всему дому законъ. Не долго наслаждалась семейнымъ счастьемъ ея мать. Марья Игнатьевна Щебринская, со своимъ, на столько же ограниченнымъ, на сколько богатымъ, мужемъ, отставнымъ генералъ-лейтенантомъ Алексѣемъ Петровичемъ Загорскимъ.... Избалованная и капризная до крайности, настойчивая и въ послѣдней степени раздражительная, она на 7 мѣсяцѣ супружества не стѣснилась мѣтко и звонко коснуться лица отставнаго генералъ-лейтенанта своею прелестною бѣлою, какъ снѣгъ, и нѣжною, какъ бархатъ, ручкою, за его, какъ оправдывалась впослѣдствіи передъ матерью, черезъ чуръ грубую выходку животной ревности, и затѣмъ, давъ ему съ своей стороны полную отставку, заняла комфортабельное помѣщеніе въ домѣ матери, Марьи Кондратьевны Щебринской. На 10-мъ мѣсяцѣ у Марьи Игнатьевны родилась дочь Наталья. Всецѣло преданная свѣту и его интригамъ, она нашла самымъ умѣстнымъ и не совсѣмъ безвыгоднымъ, со всею дочернею нѣжностью, поручить ее ласкающему и всегда бдительному уходу своей матери, Марьѣ Кондратьевнѣ.

Марья Кондратьевна прослезилась.

— Вѣдь 18 васъ, Машурочка, на свѣтъ Божій вывела.... И твою, 19-ю, авось, Господь поможетъ на ножки поставить.... Генералъ-то твой хотя бы порадоваться пріѣхалъ!... Козелъ, право, козелъ, да еще дикій!... добродушно сердилась она.

А генералъ пріѣхалъ и ни одна слеза сбѣжала по морщинистымъ щекамъ изъ погашенныхъ временемъ, да послѣднимъ горемъ, глазъ на отвислые сѣдые усы. — «Вамъ поручаю», чуть

слышно отнесся онъ къ Марьѣ Кондратьевнѣ и, поцѣловавъ у ней руку, благословилъ Наташу, скорыми шагами вышелъ изъ дѣтской, чтобы никогда больше не возвращаться въ нее, никогда не видѣть въ Наташѣ живаго безотраднаго напоминанія своего, на столько же сладостнаго, мимолетнаго, на сколько обманчиваго, счастья.

Веселымъ, игривымъ, безпечнымъ ребенкомъ росла Наташа. Какъ измѣнчивая южная природа, то радуетъ она бывало и бабушку, и тетокъ, и кузинъ сверстницъ своимъ серебристымъ, раскатистымъ смѣхомъ, то вдругъ за обѣдомъ, или чайнымъ столомъ, ни съ того, ни съ сего надуетъ свои розовыя губки: «хасю, стобы тетя Натася на фольтепіянахъ играла».—Что ты, Наташокъ, теперь не время, защищается Наталья Игнатьевна.—«Теперь хасю!» повторяетъ Наташа, всныхивая. — «Ну, Наташа, сыграй!... Охота тебѣ раздражать ребенка!» упрекаетъ Марья Кондратьевна; Наташа чувствуетъ свою силу и еще болѣе крѣпнетъ въ своемъ капризѣ. «Хасю, хасю!» повторяетъ она уже настойчиво и нервно, и тетушка Наталья Игнатьевна, волей-неволей, отправляется «играть на фольтепіянахъ»....

На 6-мъ году жизни Наташи Марья Игнатьевна Загорская, подкошенная раннею смертью, навсегда покинула паркетъ, оставивъ въ наслѣдство дочери роскошный гардеробъ, массу цѣнныхъ безделушекъ и разстроенное имѣніе.... Съ этой поры любовь всѣхъ въ домѣ къ Наташѣ, усиливаясь состраданьемъ къ ней, ея сиротству, симпатіями къ памяти покойной матери, доходитъ до обожанія и день ея семнадцатилѣтія, конечно, долженъ былъ быть днемъ радостнымъ, свѣтлымъ, днемъ, на всегда памятнымъ Марьѣ Кондратьевнѣ, ея роднымъ и друзьямъ....

Черная стрѣлка огромныхъ, стародавнихъ, стѣнныхъ часовъ стояла уже на половинѣ одиннадцатаго, когда въ залъ мягкою, неслышною поступью вошла воспитательница Наташи. — Вѣра Павловна Нелидова. Судя по широтѣ плечъ вполнѣ законченнаго, развитаго стана, по едва примѣтнымъ складкамъ слегка подтянутой подъ глазами тонко-прозрачной кожи, ей нельзя было дать менѣе 22-хъ, 23-хъ лѣтъ. Свѣтлосѣраго, шерстянаго репса платье свободно обхватывало довольно тонкую талію ея средней по росту фигуры. Свѣтлорусая, роскошная, зачесанная безъ пробора вверхъ, коса, точно готовая разсыпаться, пышнымъ валомъ лежала на головѣ. Ни серегъ, ни броши, ни браслета, словомъ никакого украшенія.

Подойдя къ окну, она разсѣянно заглянула во дворъ и въ тотъ-же мигъ глубокій взглядъ ея темносѣрыхъ глазъ принялъ сосредоточенно-вдумчивое выраженіе. Ее, видимо, что-то волновало, и чѣмъ глубже вдумывалась въ себя, въ свое прошлое, въ свое настоящее, тѣмъ ближе сходились тонкія брови ея умѣренно-полнаго, оживленнаго нѣжнымъ румянцемъ лица.... Вотъ какъ-то поникла, вздохнула и, чутко прислушившись, внимательно осмотрѣвшись, осторожно достала изъ кармана смятый, снизу до верха исписанный мелкимъ почеркомъ листокъ бумаги. Опять осмотрѣлась, выправила, пробѣжала послѣднія его строки и нервно скомкавъ, еще торопливѣе засунула въ карманъ. Холодная, презрительная усмѣшка передернула теперь ея судорожно-сжавшіяся губы.... Изъ гостинной донесся легкій шорохъ. Вѣра Павловна оглянулась. Портьера слегка отдѣлилась отъ косяка дверей гостиной и въ тотъ же мигъ опять упала на косякъ.

— Кто тамъ?—Отвѣта не было.

— Вѣра Павловна быстро подошла, отдернула портьеру.

— Это вы Nicolas!... Чего-жъ вы прячетесь?!

— Я не прячусь, Вѣра Павловна.... Я прогуливаюсь, смущенно продолжая отступать въ глубину гостинной, едва слышно отозвался красный по самыя уши, стройный и красивый юноша подпрапорщикъ.

— Прогуливаетесь?! Странно! по новому методу спиной впередъ, сквозь смѣхъ, уже видимо забавляясь его смущеньемъ, пытала она. — И давно изволите?

— Давно, и онъ не смѣлъ теперь взглянуть ей въ глаза.

— Не ужели вы подсматривали? слегка вспыхнувъ, уже серьезно спросила Вѣра Павловна.

—О, нѣтъ, нѣтъ. Вѣра Павловна!... Клянусь честью, что нѣтъ! это было такъ, случайно.

— Ну, pardon. Только пожалуйста, чтобы подобные случаи не повторялись, сухо проговорила она. — Ну и довольно объ этомъ! Вы гдѣ были вчера вечеромъ, Nicolas? уже мягче спросила она.

— У Толи Бернсдорфъ, Вѣра Павловна, глубоко вздохнувъ, точно сбросивъ съ себя пудовики, охотно отозвался подпрапорщикъ.

— Какъ, развѣ онъ въ Москвѣ?

— Онъ уже дня три здѣсь.

— А у насъ сегодня будетъ?

— Хотѣлъ!... Непремѣнно даже.

Вѣра Павловна была, видимо, недовольна, этимъ сообщеніемъ. Ея брови сошлись. По лицу скользнула только чуть примѣтная гримаска.

— Утромъ или вечеромъ?

— И утромъ, и вечеромъ, робко отвѣтилъ подпрапорщикъ и опять вспыхнулъ, какъ будто онъ виноватъ былъ въ томъ, что Бернсдорфъ намѣренъ былъ провести у нихъ цѣлый день.

Вѣра Павловна усмѣхнулась и, быстро повернувшись, вышла изъ гостиной. Подпрапорщикъ, оставшись одинъ, опять вздохнулъ и, пробормотавъ сквозь зубы: «Какимъ же однако дуракомъ я вышелъ» досадливо звякнулъ шпорою о шпору.

Это былъ двоюродный братъ Наташи,—Николай Загорскій. Въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ его обыкновенно звали красною дѣвицею. Крайне робкій и застѣнчивый, онъ останавливалъ на себѣ общее вниманіе глубиною и мягкостію выраженія своихъ въ высшей степени кроткихъ голубыхъ глазъ.

Глава IX.

— Лиза опусти шторы! говорила, между тѣмъ, Наташа, переходя изъ спальни въ свой хорошенькій будуаръ, и закрывая глаза отъ яркаго солнечнаго свѣта длинными пальцами нѣжной, тонкой руки.

— И полноте, барышня, темно будетъ!

— Говорю тебѣ, Лиза, повторила Наташа слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Да не сами чесаться-то будете!... Вѣдь мнѣ не видно то, барышня.

— Спустить шторы! и она вспыхнула отъ подбородка до ушей. Лиза быстро опустила.

— Вѣчно разсуждаешь, добавила уже спокойнѣе Наташа и ея лицо оживилось веселой улыбкой, какъ будто она говорила ею себѣ черезъ зеркало: «И полно, Наташа, какъ не стыдно тебѣ такъ злиться»?

Наташа еще ближе подошла къ зеркалу, провела по стеклу платкомъ, дунула, еще разъ провела, за тѣмъ, отступивъ шага на два, скрестила руки и, слегка откинувъ голову, широко раскрытыми, подернутыми поволокой темными глазами взглянула на себя.

— Вотъ такъ Екатерина Великая всегда смотрѣла, когда всходила на тронъ, мелькнуло ей.... Но тутъ-то именно, на этой самой мысли, она вдругъ недовольно сдвинула брови. Фай! Какая ты сегодня фяка!... Наташа!... Глаза красные, носъ припухъ....

— Лиза, отчего это у меня глаза красные?

— Не знаю, барышня!

— А носъ отчего распухъ?

— Оттого, что уткнувшись въ подушку всегда почивать изволите!

— Уткнувшись! передразнила Наташа, и ея ало-нѣжныя, пересмѣивающіяся губы сложились въ недовольную гримаску.

Еще разъ дунула на зеркало, опять провела по немъ платкомъ, опять посмотрѣла въ него, какъ будто ей все не вѣрилось, что носъ дѣйствительно распухъ.

— Барышня, да садитесь-же чесаться-то.... Вѣдь бабушка, тетушка, всѣ васъ уже ждутъ давно.

— И пусть ждутъ! и она пресерьезно провела пальцами отъ основанія носа до ноздрей.

— Ахъ ты, Господи, Боже мой, ворчала Лиза.

— Ну что опалъ, Лиза?

— Опалъ, барышня, опалъ.... Уже садитесь!

— Да, ты врешь! Побожись!

— Ей Богу опалъ, барышня.... Садитесь-же!

Наташа, наконецъ, усѣлась, запрокинула голову, и едва только гребенка коснулась ея волосъ, какъ раздумье овладѣло ею и видно было, что ея чувства, ея мысли, унеслись куда-то въ даль, даль чуждую и Лизѣ, и ея дѣлу, и даже припухшему носу. Лицо то оживлялось улыбкою, то дѣлалось спокойнымъ и строгимъ даже, то въ вызванной гримаскѣ отражало досаду. Какими-же думами, какимъ желаніемъ волновалась она именно теперь, въ ея 17 лѣтъ. Ясно было, какъ свѣтелъ былъ день, что не мимолетною думкою она то радовалась, то раздражалась, что это былъ цѣлый рядъ мыслей, возникшихъ отъ какихъ либо надеждъ или желаній, быть можетъ, и туманныхъ, и крайне неустойчивыхъ, но, во всякомъ случаѣ, навѣянныхъ прошлымъ, и лишь только вызванныхъ какимъ-нибудь внѣшнимъ, случайнымъ явленіемъ.

— Хасю, стобы тетя Натася на фолтопьянахъ иглала, капризно, настойчиво требовала она, и тетя играла.

— Не хочу учиться! рѣшаетъ нѣсколько позже, и книги безапелляціонно приговариваются потворницею бабушкою валяться въ пыли на горкахъ и подъ горками.

Такъ росла Наташа, изо дня въ день, мѣняя вкусы и цвѣта, и не разъ тетушка Наталья Игнатьевна, грустно покачивая головою, какъ-бы говорила самой себѣ: «А жаль.... дѣвочка такъ и пропадетъ не за понюхъ табаку». «Да что жъ вы-то», подстрекали ее окружающіе. «Я-то! еще грустнѣе задавалась она. Я послѣдняя спица въ колесницѣ».... И вотъ бабушка потворствуетъ, тетушка на столько-же не глупая, на сколько сдавленная деспотизмомъ матери, вздыхаетъ, да при томъ еще такъ, чтобы этого, оборони Господи, кто не замѣтилъ; кузины забавляютъ, весь домъ раболѣпствуетъ; она, Наташа, творитъ себѣ свою волю по прежнему, и внѣ сомнѣнія ее ожидала бы грустная доля матери,— быть игрушкою модъ и куклою свѣтскихъ предразсудковъ, если бы совершенно случайно Марьѣ Кондратьевнѣ не взбрѣло на умъ взять къ ней въ наставницы Вѣру Павловну Нелидову.

Вѣра Павловна привязалась къ Наташѣ, полюбила въ ней ея пылкое сердце, ея игривую, оживленную головку, и то подъ непосредственнымъ руководствомъ, то по ея совѣту и подъ руководствомъ другихъ лицъ ей удалось освѣтить пытливый умъ Наташи довольно богатыми свѣдѣніями.

Наташа развивалась шутя, играючи и тутъ, какъ во всемъ, сохраняя за собою право своего капризнаго «хочу».

— Фу! Вѣра Павловна, какая глупая наука эта географія!... Учишь, учишь, а ничего не остается....Я попрошу бабушку разсчитать учителя и заброшу несносную книжонку!... негодовала она, краснѣя съ каждымъ словомъ все больше и больше, какъ будто и учитель географіи, и сама географія, были ея личными врагами....

— Вы совершенно правы, ma chère amie!... Не все ли равно знать, что въ Россіи двѣ столицы, Москва и Петербургъ, или же думать, что въ Москвѣ столица — Петербургъ, а въ Парижѣ столица — Франція?... Или, спокойно продолжала она, не отрывая глазъ отъ работы, напримѣръ, что такое Испанія? и Вѣра Павловна задумчиво приложила къ губамъ конецъ иголки. Маленькій-ли клочекъ земли, или большое море, а, можетъ быть, какая-нибудь особенная рыба?

— Вы смѣетесь, Вѣра Павловна, горячо перебивала Наташа.

— Ни мало.... Чему-жъ тутъ смѣяться?... Развѣ вы первая это сказали?... Помните, мы читали комедію Фонъ-Визина «Не-

дорослъ», слюнявый такой!... Все ѣстъ и спитъ.... то онъ тоже не хотѣлъ учить географію, потому, говоритъ, что извощики есть, такъ довезутъ и безъ эфтой науки!... Ну, а вы женщина, вамъ и тѣмъ болѣе простительно.

Наташа покраснѣла и, не поднимая глазъ, вышла изъ комнаты.

— Вы напрасно, Вѣра Павловна, сравнили меня съ идіотомъ, сказала она на другой день и съ слѣдующаго же урока занятія по предмету географіи пошли отлично. Вскорѣ послѣ происшествія съ географіею вышелъ казусъ съ ариѳметикою. Но эта бѣдная наука не была такъ счастлива, какъ географія, и, не смотря на всѣ доводы и убѣжденія Вѣры Павловны, такъ таки и пала предъ безусловнымъ—«не хочу».

Но не всѣ науки были въ немилости у Наташи, и между ними первыя мѣста принадлежали исторіи и литературѣ. Не одинъ разъ забывала она для нихъ обѣденное время, не одну безсонную ночь провела надъ ихъ раскрытыми страницами.

То игривость, столь свойственная ея возрасту, то сосредоточенная вдумчивость, какъ бы чуждая ей, навѣянная какимъ-нибудь стороннимъ, внѣ ея стоявшимъ вліяніемъ, составляли отличительную черту характера Наташи. Этимъ вліяніемъ, прежде всего, была Вѣра Павловна, и какъ первая подруга, и какъ ближайшая воспитательница. Достаточно было самаго поверхностнаго взгляда на Вѣру Павловну, чтобы подмѣтить, что ни веселый ея нравъ, ни оживленный умъ не давали ей на столько силы, чтобы освободиться отъ гнета пережитаго ею, глубоко прочувствованнаго, несчастія. Теперь, казалось, вся ея жизнь была въ Наташѣ; но, не смотря на частыя бесѣды съ нею, она ни разу не коснулась своего прошлаго, ни разу даже намекомъ не выдала ей отъ чего страдало, чѣмъ угнеталось ея молодое сердце.

Человѣкъ не понимаетъ горя другихъ людей. Онъ дорогъ только самъ себѣ и дорожитъ только тѣмъ, что непосредственно затрогиваетъ его индивидуальную природу.... И потому не разъ говаривала она Наташѣ: «смѣшными мнѣ кажутся люди въ ихъ склонности дѣлиться горемъ съ окружающими.... Можетъ быть, и въ моей жизни было что либо.... Но я никому не довѣряла и едва ли когда либо сдѣлаю это!»

Наташа требовала, просила, умоляла.... Ее интересовало это прошлое Вѣры Павловны, какъ нѣчто живое и въ высшей степени загадочное; но твердое «нѣтъ» заставило ее, наконецъ, отказаться отъ самой мысли,—когда либо проникнуть ея тайну. «Ахъ, какая

ы странная дѣвочка, Наташа!... Прилипли, какъ пчела къ меду.... «Какое было у васъ горе, Вѣра Павловна? Какое горе.... Разскажите!...» Ну, да развѣ вы понимаете, что такое горе?! Вы, избалованный, безпечный ребенокъ!»

Наташа обижалась, а Вѣра Павловна все жъ таки была права, совершенно права. Горе понимаетъ лишь тотъ, кто его испытывалъ, а гдѣ же было Наташѣ, взлелѣянной общею любовью, понять чужое горе? Какъ могла прочувствовать она горе, то самое горе, что сдавливаетъ грудь, что туманитъ голову, что болью жгучею угнетаетъ сердце, становится между нами и всѣмъ, что радовало и волновало насъ, однимъ ударомъ разрушаетъ прошлое и какъ бы разъ навсегда отнимаетъ у насъ права на лучшее будущее.

Какъ ни часто повторяла Вѣра Павловна слово — горе, но оно оставалось для Наташи лишеннымъ всякаго содержанія, и изъ всего того, что она слышала отъ своей наставницы, она лишь сознала, что какъ бы ни было тяжело и досадно, никогда не слѣдуетъ настроеніе свое дѣлать достояніемъ другихъ людей, потому что эти другіе не поймутъ ея, Наташи горя, какъ она не пойметъ ихъ и лишь только посмѣются надъ нею.

«А въ самомъ дѣлѣ, что такое горе? допытывалась она уже у самой себя. Бабушка выронила спицу изъ чулка и досадуетъ, горюетъ, готова побить несчастную Агашку за то, что она ищетъ, ищетъ и все не находитъ.... Вотъ это—бабушкино горе!... Тетушкина Жужу натерла себѣ лапку, натерла и взвизгиваетъ, а тетушка ходитъ, да вздыхаетъ!... Вотъ и Жужу, и тетушка въ горѣ!.. Кузины плачутъ изъ-за того, что имъ меньше дали пирожнаго, чѣмъ мнѣ.... Ихъ горе!—додумалась Наташа, додумалась и разсмѣялась. Какъ это глупо, чужое горе! и ея тонкія губы сложились въ презрительную усмѣшку.

Однажды, читая путевыя записки Карамзина, Наташа громко разсмѣялась.

— Чему вы смѣетесь, Наташа?—спросила Вѣра Павловна, отрывая глаза отъ работы.

— Да какъ-же, этотъ Карамзинъ, великій писатель, онъ, по моему, просто чудакъ!... У него тоже все горе.... Бѣдный!... Точь въ точь тетушка съ ея охрипшей Жужу!... То горюетъ что не можетъ путешествовать, то горюетъ, что уѣхалъ и чуть-ли не на первой же станціи передъ трактирными карикатурами выплакиваетъ сердце свое...., то выбѣгаетъ изъ кареты и готовъ

лобызать землю изъ-за того лишь, что увидѣлъ зеленую лужайку!... Вотъ глупое горе и глупое сердце! порѣшила она, отбрасывая книгу.

— Однако, Вѣра Павловна, вѣдь есть же причины, болѣе серьезныя, вызывающія горе? Вотъ напримѣръ.... Вы молчите, скрываете даже отъ меня, а вѣдь у васъ есть горе, и притомъ такое, что мучитъ васъ, тревожитъ.

— У меня нѣтъ и не было горя, рѣзко перебила Вѣра Павловна, еще ниже склоняя голову надъ пяльцами.

— Ну, положимъ.... Но вѣдь есть же у другихъ людей, и не всѣ же они горюютъ отъ того, что Жужу расцарапала лапку, и что въ двухъ верстахъ отъ Базеля есть зеленая лужайка!... настаивала неугомонная Наташа.

— Да, конечно.... Обманъ, нужда, оскорбленія, насилія и многія другія явленія жизни рождаютъ горе.... Ихъ всѣхъ не охватить одною мыслею.... Вотъ ужъ коль такъ хотите знать женскую долю, женское горе, прочтите нѣсколько произведеній изъ историческихъ судебъ русской женщины и вы узнаете тамъ, что такое горе!

Черезъ нѣсколько дней, не смотря на всѣ возраженія возмутившейся Натальи Игнатьевны, лишь только недавно, не смотря на ея 40 слишкомъ лѣтъ, позволившей себѣ прочитать очеркъ историческихъ судебъ русской женщины. Наташа прочла ихъ, прочла жадно, лихорадочно.... И, съ каждою новою страницею, все рельефнѣе и живѣе обрисовывался передъ нею блѣдный обликъ невѣжественной, робкой, забитой, ни кѣмъ незнаемой русской женщины въ ея высокихъ теремахъ, за тридесятью замками, да за тридесятью ключами.... Русскій человѣкъ не спрашиваетъ сердца дѣвичьяго, онъ покупаетъ его или беретъ насиліемъ; запираетъ жену, какъ преступницу, въ высокій теремъ, вѣшаетъ надъ изголовьемъ плётку шелковую и, обращаясь къ лѣсамъ, говоритъ: Благослови, Боже, оные лѣса въ онь-же родятъ розги на долгія времена! «Боже, Боже, какой позоръ!» воскликнула Наташа, вспыхивая, и ей уже казалось, что это она, Наташа, выходитъ замужъ, что это надъ ея изголовьемъ вѣшаетъ молодой мужъ учительницу—плётку. И нервный холодъ мелкою зыбью пронизалъ ее.

— Какая мерзость!... Неужели это было когда-нибудь, Вѣра Павловна?

— Да вѣдь это не сказки, а именно быль.

— Быль! тихо повторила Наташа, закрывая лицо книгой, какъ будто ей было совѣстно смотрѣть въ глаза окружающему.

«Вянетъ до времени,
Все выносящаго русскаго племени,
Многострадальная мать! читала она дальше.
— Какъ понять это выраженіе, Вѣра Павловна?

«Вянетъ до времени,
Все выносящаго русскаго племени,
Многострадальная мать!»

— Да такъ, въ прямомъ смыслѣ.... Что и теперь почти то же, что прежде!

— Что вы говорите, Вѣра Павловна! Да гдѣ-же теперь эти терема, эти плётки, эти умычки, гдѣ, наконецъ, найдете теперь такихъ дуръ, которыя бы позволили мужчинѣ, какъ прежде, обращаться съ собою такъ, какъ въ наши дни никто не позволитъ себѣ относиться даже къ животному? горячилась она. Вотъ посмотрите, какъ тетя Наташа относится къ Жужу!... Да она готова выцарапать глаза тому, кто осмѣлился бы коснуться пальцемъ ея курчаваго друга!... Такъ неужели-же найдутся на свѣтѣ мужчины, которымъ женщина меньше значитъ, меньше заслуживаетъ ихъ ласки, вниманія и уваженія, чѣмъ какая-нибудь курносая Жужу!

Вѣра Павловна тихо разсмѣялась.

— Чему же вы смѣетесь, Вѣра Павловна?

— Вашему сравненію, ma chère amie и.... пожалуй.... вашему ребячеству.

— Это почему?

— Такъ неужели, въ самомъ дѣлѣ, серьезно, вы можете думать, что женщина когда-нибудь можетъ быть настолько счастлива, какъ Жужу?... Да никогда, никогда! и она оживилась, вспыхнула.

— Какъ?! вставая, изумилась Наташа.

— Да такъ!... Что надо для счастья Жужу?.... Ложка бульона, кусокъ мяса, кусокъ сахара.... А для женщины, мало-мальски развитой, развѣ этого достаточно?... Кромѣ стола и удобства, развѣ мы, женщины, не нуждаемся въ тепломъ, сочувственномъ отношеніи избраннаго нами мужчины, не только къ намъ, нашей ласкѣ, но и къ нашимъ любимѣйшимъ занятіямъ?... Наконецъ, смѣшно сказать, а это такъ.... Жизнь во всемъ обрѣзала Наталью Игнатьевну, и Жужу не только забава ей, но даже и цѣль всего суще-

ствованія... а женщина?..О, Боже мой! сколько я видала примѣровъ... Ни больше, ни меньше, какъ забава мужчины, какъ его развлеченіе въ свободные отъ занятій часы и притомъ забава до той поры ласкающая его воображеніе, пока не становится между нимъ и новою его забавою.... и Вѣра Павловна, сверкнувъ на Наташу своими темно-сѣрыми глазами, глухо разсмѣялась. — Развѣ невниманіе любимаго нами человѣка, грубое слово, оскорбительное къ намъ отношеніе, и притомъ весьма часто умышленно оскорбительное, не та же плётка?... О, право! иногда эта плётка въ наши дни бьетъ насъ сильнѣе, нежели плётка о три и семь концевъ.... добавила она какъ бы про себя.

Если бъ Наташа слушала Вѣру Павловну только ухомъ, то, быть можетъ, ей показалось бы и страннымъ, и смѣшнымъ все то, что говорила ей Вѣра Павловна, но отъ ея возбужденнаго, чуткаго вниманія не ускользнули ни подавленный голосъ, ни нервный смѣхъ, ни лихорадочный блескъ глазъ ея наставницы, и съ каждою минутою, съ каждымъ словомъ, все глубже и глубже проникаясь настроеніемъ Вѣры Павловны, она уже какъ бы видѣла передъ собою этотъ невѣдомый обликъ мужчины-забавника.. Онъ то ласкался къ ней, то издѣвался надъ нею.—И ей становилось то холодно, то жарко. «Такъ вотъ въ чемъ горе Вѣры Павловны, мелькнуло ей теперь... Когда... гдѣ... онъ... этотъ злодѣй забавникъ?...» Вотъ вопросы, дрожавшіе на губахъ Наташи, но ей было жаль Вѣры Павловны, жаль даже намекомъ передать ей, что она проникла истинную причину ея горя и, медленно склонивъ голову на раскрытыя ладони, она внимательно, зорко взглянула на Вѣру Павловну, какъ бы желая въ ней.—въ выраженіи ея глазъ, въ улыбкѣ грустной и сосредоточенной, прочитать все то, что такъ сильно желалось узнать....

— Вѣра Павловна!

— Что?

— Что такое мужчина?

— Воръ!

— Какъ воръ?

— Да такъ таки, совсѣмъ просто!... Воръ отъ той самой минуты, какъ сознательно входитъ въ соприкосновеніе съ женщиною; а мы, женщины... наше сердце, наше доброе имя, наше положеніе, и даже наше матеріальное достояніе, если его имѣемъ, предметы кражи.

— Не понимаю, Вѣра Павловна!

— А вотъ поживете, такъ и поймете!

— Нѣтъ, вы разъясните, Вѣра Павловна!

И въ ея голосѣ уже слышалось нетерпѣливое «хочу».

— Ласковымъ словомъ, нѣжнымъ взглядомъ онъ по первому же пріему похищаетъ у насъ то, что намъ дороже всего въ жизни, что составляетъ нашу отраду и нашу прелесть,—наше честное чувство... А затѣмъ онъ уже силенъ надъ нами, какъ левъ надъ овцою, онъ холоденъ, какъ ледъ, и равнодушенъ, какъ мраморъ, и къ нашему чувству, и къ нашему положенію... Мы-же... мы довѣрчивы до глупости, до идіотизма... Мы, согрѣтыя и оживленныя всѣми лучшими стремленіями нашей природы, отдаемся ему всецѣло, слѣпо!... Въ концѣ концовъ онъ дѣлаетъ съ нами то же, что дворецкій съ апельсиномъ, изъ котораго всѣ соки выжаты въ крюшонъ... От-бра-сы-ваетъ! поникая надъ пяльцами, чуть слышно дабавила Вѣра Павловна. Наташа вздрогнула.

«От-бра-сы-ваетъ»! еще раздавалось въ ней, и каждый слогъ этого страшнаго для нея, въ тѣ минуты, расчлененнаго слова, прерывистою нервною зыбью холодилъ ей кровь.

— Fi! Какіе-же гадкіе, эти мужчины! проговорила она, закрывая глаза рукою.

«Да это онъ мучилъ Вѣру Павловну, онъ отбросилъ ее» опять мелькнуло ей.

Она встала, приблизилась къ Вѣрѣ Павловнѣ, положила свою руку на похолодѣлые концы пальцевъ ея руки и, поцѣловавъ въ голову, быстро отошла отъ пялецъ.... Вѣра Павловна вышла изъ комнаты.

«Бѣдная, подумала Наташа ей вслѣдъ. Какъ она страдаетъ и плачетъ, навѣрное плачетъ... по ночамъ въ тихомолку, чтобы никто не подмѣтилъ ея горя, чтобы никто не посмѣялся надъ нею... Сколько разъ, бывало, читаешъ до двухъ часовъ, до трехъ часовъ ночи, а она все не спитъ, все съ открытыми глазами, все смотритъ и смотритъ куда-то въ даль и отъ времени до времени вздыхаетъ, такъ тихо и такъ глубоко!.. Бѣдная Вѣра Павловна... Такъ вотъ горе... Мужчина рождаетъ горе... А онъ, ея мужчина, и въ усъ себѣ не дуетъ... Живетъ себѣ гдѣ-нибудь припѣваючи... Здѣсь, въ Россіи, или тамъ, во Франціи... Fi... Гадкій какой, какъ бы я желала его побить... Да такъ крѣпко... крѣпко, и Наташа даже вспыхнула, такъ дѣйствительно хотѣлось ей побить этого неизвѣстнаго мужчину Вѣры Павловны, въ Россіи или во Франціи...

За дверью раздались легкіе шаги. Наташа быстро провела рукою по лицу, какъ-бы этимъ надѣясь изгладить, стерѣть съ него выраженіе и гнѣва и участія...

— Мнѣ бы хотѣлось, Наташа, обратилась Вѣра Павловна, мелькомъ глянувъ ей въ лицо своими влажными, глубокими глазами. Мнѣ бы хотѣлось, повторила она, и насмѣшливая улыбка заиграла на ея полныхъ, алыхъ губахъ,—болѣе точно опредѣлить характеръ отношеній мужчины къ женщинѣ. Вы помните басню Крылова, «Ворона и Лисица?»

— Помню, Вѣра Павловна.

— Ну, вотъ, вотъ,... Такъ мужчина, это лисица, и притомъ всегда, а женщина-ворона, но не всегда... Быть или не быть вороной зависитъ отъ нея самой. А сыръ, это—наша внѣшность, наша физическая красота, а, иногда, и наша невинность, наша простосердечность... Ее тоже любятъ мужчины, какъ лисица любитъ сыръ. Вся цѣль ихъ жизни, по отношенію къ намъ, отнять у насъ нашъ сыръ. Припомните, лисица проситъ спѣть ворону, хотя отлично знаетъ, что у вороны нѣтъ голоса, но собственно для того, чтобы ворона, запѣвъ, выронила свой сыръ, а она, лисица, подберетъ и скушаетъ... И дальше... «Ворона каркнула во все воронье горло... Сыръ выпалъ... съ нимъ-то и была плутовка такова». Лисья тактика—мужчинъ тактика. Чѣмъ болѣе мы имъ не вѣримъ, тѣмъ горячѣе они увѣряютъ насъ, льстятъ намъ, прикидываются искренними и приписываютъ намъ такія качества и чары, какими мы вовсе не обладаемъ, но едва мы каркнемъ пѣснь любви во все воронье наше горло, какъ они жадно схватываютъ нашъ сыръ, пожираютъ его и съ легкимъ пожатіемъ руки, съ едва слышнымъ adieu, отскакиваютъ отъ насъ съ быстротою резиноваго мяча, брошеннаго о твердое тѣло... Вы не можете сомнѣваться, Наташа, что я отъ искренняго сердца желаю вамъ добра.... Вамъ ужъ почти 17 лѣтъ. Еще мѣсяцъ съ чѣмъ нибудь, съ нѣсколькими днями, и вы явитесь передъ мужчиной во всѣмъ освѣщеніи вашей очаровательной, какъ первая роза, красоты. И сколько рукъ, сколько рукъ потянутся за вами... Тогда, если не буду видѣть васъ, вспомните меня, вѣрьте мнѣ, вѣрьте, какъ въ Евангеліе во все, что говорю вамъ теперь, что буду повторять, на чемъ буду настаивать.... никогда не вѣрьте мужчинамъ... и Вѣра Павловна, какъ-бы призывая къ порядку взволнованныя мысли, положила холодную руку на свой пылающій лобъ.

— Такъ мужчина и воръ, и лжецъ? сдвигая брови, тихо спросила Наташа.

— И воръ, и лжецъ... И прежде всего лжецъ передъ своею собственною совѣстью, которую онъ пытается увѣрить, что воровство вовсе не безчестный поступокъ, и что женщина и создана-то собственно для того, чтобы онъ, мужчина, пользуясь ея довѣрчивостью, искренностью и чистосердечіемъ, водилъ ее за носъ.

— Такъ значитъ въ любви нѣтъ счастья, Вѣра Павловна?

— По моему, нѣтъ.

— А какъ-же въ романахъ?..

— Въ романахъ... Да вѣдь романы собственно и пишутъ для того, чтобы въ нихъ ни слову не вѣрили.

— Ну, а въ исторіи, Вѣра Павловна?.. Возьмите, напримѣръ, хотя рыцарскій періодъ... Каждый рыцарь, охраняя честь и доброе имя дамы своего сердца, считалъ ея улыбку для себя отрадой и по одному слову, по мановенію руки, такъ сказать, готовъ былъ жертвовать даже жизнью... Ахъ, какъ свѣтло, какъ хорошо было тогда, Вѣра Павловна! оживленно вскрикнула Наташа, остановивъ на Вѣрѣ Павловнѣ блестящій взглядъ своихъ оживленныхъ глазъ.

— Да... Пусть это было... Но попробуйте-ка теперь съ любымъ мужчиной поговорить объ этомъ времени... Онъ вамъ презрительно улыбнется, пожметъ плечами и, процѣдивъ сквозь зубы: «болѣзнь вѣка», посмотритъ на васъ или какъ на идіотку, или какъ на ребенка... Нѣтъ, Наташа, прошло рыцарское время, прошло и никогда не вернется. Впрочемъ, конечно, счастье безусловное не существуетъ, оно не мыслимо, никогда не существовало; но счастье относительное зависитъ болѣе или менѣе отъ самой женщины, но оно выигрывается не иначе, какъ борьбою изо дня въ день и изъ часа въ часъ. Какъ воздухъ необходимъ для существованія, какъ крылья нужны птицѣ, чтобъ подниматься въ поднебесную высь, такъ и женщинѣ борьба, чтобы быть независимою... Это— наша стихія, наша доля, какъ доля слабыхъ вообще... Хотите спастись отъ оскорбленій, хотите быть свободною и довольною, смотрите, повторяю вамъ, на мужчину не какъ на друга, а какъ на врага. Намъ даны для борьбы средства, и средства надежныя... Это ловкость и хитрость, или то, что, обыкновенно, называютъ кокетствомъ. За вами ухаживаетъ Петръ, и онъ, допустимъ, вамъ нравится, а вы все жъ таки знайте, что вы для него,

быть можетъ, ни больше, ни меньше, какъ игрушка его самолюбія, какъ забава мимолетнаго увлеченія, и смотрите на Ѳедора. Онъ вздыхаетъ, блѣднѣетъ, худѣетъ, и все проситъ руки, а вы ему палецъ, одинъ только палецъ... вотъ этотъ, самый маленькій, и Вѣра Павловна слегка коснулась мизинца правой руки Наташи.

Наташа весело разсмѣялась.

— Право, Наташа, не смѣйтесь! серьезно продолжала Вѣра Павловна.... Онъ все смотритъ на васъ и, кажется, ничего не видитъ, кромѣ васъ, а вы.... пожалуй, бросьте ему взглядъ, но такъ, мелькомъ, чтобы онъ былъ въ полной увѣренности, что вы взглянули на него лишь только потому, что вамъ больше не на что было взглянуть. И тогда, о, тогда онъ вашъ рабъ, ваша ворона, которую вы можете заставить летѣть и на сѣверъ, и на югъ, и на западъ, и на востокъ, даже, пожалуй, спуститься въ самую преисподнюю.

Теперь въ свою очередь разсмѣялась Вѣра Павловна.... отрывисто, нервно.

— Это вѣчная игра, и притомъ игра, исходъ которой не на столько зависитъ отъ счастья, на сколько отъ умѣнья и сдержанности играющаго.... Онъ ставитъ вамъ рубль, а вы ставьте ему грошъ.... Ставьте, завлекайте, но не увлекайтесь, и вы всегда выиграете! и Вѣра Павловна замолкла.... спокоенъ и серьезенъ былъ ея видъ.

Разговоръ прервался. Наташа задумалась и вдругъ звонко, весело разсмѣялась.

— Что съ вами? изумленно спросила Вѣра Павловна.

— И тогда, о, тогда онъ моя ворона! отвѣтила Наташа, и опять разсмѣялась еще звонче, еще веселѣе.... Разсмѣялась, и вдругъ ея тонкія губы почти сошлись другъ съ другомъ; отлетѣла игривая улыбка; по всему лицу скользнула, какъ бы незванная, легкая тучка, не то досада, не то сожалѣніе. Раздался-ль въ ней опять глухимъ, отдаленнымъ эхомъ отрывистый, нервный смѣхъ Вѣры Павловны, дрогнуло-ль сердце ея сожалѣніемъ къ горю, къ сдержаннымъ страданіямъ, сказавшимся въ этомъ смѣхѣ, или стало досадно, что пѣтъ уже болѣе рыцарей, нѣтъ этихъ людей.... людей дивной красоты, заботливыхъ и нѣжныхъ, мужественныхъ и отважныхъ до самопожертвованія.... Но какъ въ морскомъ теченіи волна покрывается волною съ бы-

строгою, лишающею возможности уловить, гдѣ кончается первая, гдѣ настигаетъ ее вторая, такъ теперь мысль перебивалась мыслью въ кипучемъ потокѣ то игривыхъ, то печальныхъ думъ крайне впечатлительной Наташи.... Но вотъ опять, опять улыбка....

— Вѣра Павловна, я нашла, право нашла, оживленно сказала она.

— Что же вы нашли?

— Земное счастье.

— Земное счастье? глянувъ на Наташу улыбающимися глазами, переспросила Вѣра Павловна.

— Ну, да, земное счастье, нетерпѣливо-настойчиво повторила она.

— Кто-жъ эти невѣдомые счастливцы?

— Это.... Это тетушка Юля и дядюшка Хомякъ.

— Какая вы шалунья, Наташа!

— Въ чемъ же я-то, Вѣра Павловна, виновата? —Ну развѣ, по правдѣ, это не счастье? Сидятъ всегда рядомъ, выѣзжаютъ вмѣстѣ, въ стуколку играютъ тоже вмѣстѣ, ссорятся, положимъ, часто, но лишь для того, чтобы помириться, и мирятся, чтобы опять поссориться.... Затѣмъ тетушка Юля улыбнется дядюшкѣ Хомяку, а дядюшка Хомякъ улыбнется тетушкѣ Юлѣ.... Прелестно!

— Прелестно!... Tout-a-fait à la Пульхерія Ивановна и Афанасій Ивановичъ.

— Вотъ, вотъ! Какъ двѣ капли воды.... Начинаютъ съ того, что кушаютъ, ссорятся, цѣлуются, кушаютъ и играютъ въ стуколку, опять кушаютъ, и, наконецъ, почиваютъ.... Почиваютъ, кушаютъ и словомъ снова тѣ же вещи съ другаго конца, и она громко разсмѣялась.

— Вѣра Павловна!

— Ну, что еще, мой шаловливый другъ?

— Еще? повторила Наташа вдумчиво, какъ-бы пытаясь сознать волновавшее ее желаніе.

— Какъ должно быть отрадно бороться, Вѣра Павловна! Бороться!... Да, прелесть!... Но не съ такими, конечно, какъ дядюшка Хомякъ.... Въ немъ нѣтъ ни воли, ни убѣжденій.... Тряпка тряпкой!.. А съ людьми сильными, смѣлыми, своенравными.... Да не съ однимъ, а съ десятью, двадцатью, тридцатью.... Чтобы они, какъ одинъ человѣкъ, были моими рабами, слѣпыми исполнителями моего «хочу».... Вотъ какъ бабушка, тетушка, Лиза,

Семенъ.... Ахъ какъ это весело, весело! и раскраснѣвшееся лицо Наташи, оживленное и радостное, скрылось въ раскрытыхъ ладоняхъ.

— Fi, какое ребячество, Наташа!

— Ребячество!... Ничуть, Вѣра Павловна!... Это—жизнь!... Я такъ хочу и такъ будетъ! тихо и вѣско добавила она.

— Да развѣ вы, и въ самомъ дѣлѣ, готовитесь быть Екатериной Великой? смѣясь перебила Вѣра Павловна.

Наташа вспыхнула.

— Екатерина Великая управляла десятками милліоновъ людей, Вѣра Павловна, а у меня, повторяю вамъ, будетъ лишь кружокъ въ нѣсколько десятковъ лицъ сильныхъ, вліятельныхъ, и я буду управлять чрезъ нихъ окружающею средою.... Гдѣ бы-то ни было.... Ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, такъ хотя-бы въ какомъ-нибудь Владимірѣ. Вспомните! Вы мнѣ сами говаривали не разъ: лучше быть первою въ деревнѣ, чѣмъ послѣднею въ большомъ городѣ.... Да и, наконецъ, гдѣ-бъ я не была, я не буду послѣднею.

Вѣра Павловна хорошо знала, что возражать Наташѣ въ такую минуту значило подлить масло въ огонь и она молчала съ холоднымъ и строгимъ выраженіемъ на лицѣ, какъ будто ей было совершенно безразлично, что думаетъ и думала по этому поводу она, Наташа, и даже, что съ нею будетъ, если станетъ поступать такъ, какъ говорила теперь.

— Что же вы молчите, Вѣра Павловна?

— А что-жъ я буду говорить?

— Ну, что вы объ этомъ думаете?

— Да, ничего.... И что я могу думать, или какъ помочь.... Вѣдь у васъ свои желанія, свои убѣжденія.... Вы все понимаете и знаете лучше меня, ну такъ и дѣлайте, и поступайте такъ, какъ взбредетъ на умъ вашему своенравному «хочу»!

— Ну, вотъ, Вѣра Павловна, это—не отвѣтъ!... Я еще никогда не оскорбляла вашего мнѣнія, и, кажется, вы можете высказать мнѣ вашъ взглядъ.

— Я вамъ скажу одно!... Мнѣ жаль васъ! еще ниже опуская голову надъ пяльцами, какъ бы желая скрыть дѣйствительную мысль, которую могли выдать ея выразительные глаза, тихо отозвалась Вѣра Павловна.

— Жаль?!

— Да, жаль.... васъ и вмѣстѣ съ вами себя, своихъ лучшихъ надеждъ и своего прошлаго, посвященнаго вамъ со всѣмъ желаніемъ добра.

— То-есть какъ же это, Вѣра Павловна?... Я право не понимаю!... Быть можетъ, я оскорбила васъ!... Такъ простите меня.

— Оскорбили?... Ни-чуть!... Я слишкомъ люблю васъ, Наташа, чтобъ относиться къ вамъ раздражительно. Я люблю въ васъ и вашъ пытливый, оживленный умъ, и ваше пылкое сердце.... Но мнѣ страшно, страшно за ваше будущее.... Я смущаюсь и вашею восторженностью, и крайнею неуступчивостію вашихъ желаній.... Въ пять минутъ перваго вы хотите горькаго, а въ десять минутъ того же часа со всею настойчивостію избалованнаго ребенка требуете себѣ сладкаго.... Капризъ замѣняетъ въ васъ волю, фантазія управляетъ разсудкомъ. А человѣкъ въ жизни, безъ устойчивыхъ стремленій и безъ власти даже надъ самимъ собой, все равно, что сухой листокъ въ осеннюю пору.... Куда понесетъ его вѣтеръ, тамъ и свернется онъ стиснутый, сдавленный.... Моя совѣсть, Наташа, свободна отъ упрека, но моему сердцу не легче отъ этого.... Вотъ уже три года, что я при васъ, и борьба съ вашимъ капризнымъ «хочу» составляла за все это время и теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, составляетъ мою заботу, но увы!... Это утро вполнѣ убѣдило въ тщетности моихъ усилій.... Я только что развивала передъ вами свой взглядъ на жизнь, только что доказывала, и, казалось, вы согласились со мною, что жизнь, это—игра, и, притомъ, игра хитрая, сложная, что все въ ней зависитъ отъ ловкости и сдержанности, что нужно ставить на рубль грошъ, и тогда лишь только можете надѣяться остаться въ выигрышѣ, а вы вдругъ тутъ же, сейчасъ же, еще не замерли звуки моего голоса, проектируете игру, въ которой ближайшее же будущее должно уже видѣть вашу погибель!

«Страшно за васъ, страшно за ваше будущее.... Жизнь—игра, игра хитрая, сложная.... Вмѣсто воли—капризъ, вмѣсто разсудка—фантазія.... Погибель.... Да, ваше ближайшее будущее уже видитъ вашу погибель!» Кружилось и мѣшалось въ головѣ Наташи, и она опять скорѣе чувствовала, чѣмъ слышала Вѣру Павловну.... Она чувствовала на себѣ ея пытливый, сосредоточенный взглядъ, слышала ея какъ бы пророческій голосъ, и минута отъ минуты ей становилось все страшнѣй и страшнѣй.... Все громче и чаще, все отчетливѣе и яснѣе билось сердце въ

груди, а тутъ еще строгое, серьезное выраженіе лица Вѣры Павловны, холодное и замкнутое, какъ сама невѣдомая жизнь....

— Погибель! примѣтно поблѣднѣвъ, тихо проговорила она. Погибель! повторила опять, какъ бы пытаясь проникнуть въ смыслъ и значеніе этого страшнаго ей слова....

— Да, подтвердила Вѣра Павловна. И вы неизбѣжно погибнете, мой чудный ребенокъ, продолжала она, оживляясь, если рѣшитесь осуществить вашъ дикій проектъ, если поставите на карту ваше самолюбіе.... Безъ самолюбія человѣкъ—тряпка, точно также, какъ въ своемъ крайнемъ развитіи это—одна изъ опаснѣйшихъ страстей нашихъ. А вы, Наташа, вы, какъ это ни грустно, живое воплощеніе этого чувства и, поставляя его на карту, вы поставите себя, всю, какъ вы есть, въ зависимость отъ цѣлой массы всевозможныхъ случайностей.... Ну развѣ это не значитъ рискнуть и головой, и сердцемъ?! Не думайте, что такъ легко побѣдить мужчину.... У нихъ тоже есть свое самолюбіе и свой лисій хвостикъ.... Вамъ будутъ льстить, за вами будутъ увиваться толпою; но едва только замѣтятъ, что вы играете, шутите или, что они ни больше ни меньше какъ забава вашего женскаго тщеславія, одинъ за другимъ отступятъ отъ васъ.... И тогда-то, раздосадованная и оскорбленная, во всей силѣ вашего упрямаго «хочу», вы, увеличивая ставку за ставкой, ничего не пощадите! Они же осмѣютъ васъ, осмѣютъ ваше доброе имя, подломятъ положеніе.... И, Боже мой, какъ жалки вы будете, Наташа, отброшенная, осмѣянная! проговорила Вѣра Павловна, закрывая глаза руками, какъ будто она уже видѣла ее, Наташу, отброшенною, осмѣянною....

— Нѣтъ, нѣтъ, Вѣра Павловна!.. Отъ этой минуты никогда болѣе не будетъ меня манить эта дикая мысль, вспыхнувъ по самыя уши, горячо отозвалась Наташа.

— И это искренно, обдуманно, Наташа?....

— Искренно и обдуманно, Вѣра Павловна, и она тихо сжала ея руку своею похолодѣлою рукою.

Но не увлекалась-ли сама Вѣра Павловна, когда засыпая въ наступившую ночь, была горда надеждой развить и укрѣпить въ Наташѣ власть надъ собою?...

Глава X.

Жизнь, это—игра и притомъ азартная игра, въ которой выигрываетъ тотъ, кто меньше ставитъ; борьба, борьба изо дня въ день, борьба, въ которой сила всегда торжествуетъ надъ слабостью.... рѣшила Наташа, и чѣмъ ближе знакомилась она съ исторіей и литературой, чѣмъ внимательнѣе слушала Вѣру Павловну, тѣмъ глубже и сознательнѣе поклонялась этой слѣпой, торжествующей силѣ.—«Сила?!»—задавалась она. «Это нѣчто чудесное, свѣтлое, какъ сводъ небесный, озаренный солнечными лучами, глубокое, какъ дно морское.» — «А слабость?... Слабость,—это бабушка надъ ея нескончаемымъ чулкомъ, тетушка, постоянно вздыхающая надъ Жужу, тетушка Юля въ ея горѣ надъ проиграннымъ рублемъ. Словомъ, женщина!—Ай, ай, какъ скверно быть женщиной! Впрочемъ, и женщина можетъ быть силой.... А Екатерина Великая и другія ей подобныя? успокаивала она себя.—Я....я тоже хочу и буду силой!... Мужчина самъ бываетъ весьма часто слабъ.... Вотъ слабый Ремъ палъ отъ руки сильнаго Ромула, дядюшка Хомякъ, да и мало-ли?! Fi, дядюшка Хомякъ!... Развѣ это мужчина?. .» и ея лицо оживилось презрительной усмѣшкой.—Вася тоже.... Ну какой изъ него выйдетъ мужчина!... Нервный, слабый.... Или кузинка Надя.... Ахъ какая она глупая дѣвочка! Разрюмилась о томъ, вдругъ, что Ромулъ построилъ Римъ на землѣ, обагренной кровью, павшаго отъ руки его брата, Рема.... Да развѣ можно создать новое, не разрушивъ предварительно стараго, отжившаго, одряхлѣвшаго?... А Толя?—мелькнуло ей, и, какъ живой, поднялся стройный, красивый, мужественный обликъ Бернсдорфа. Гдѣ онъ?!.. Что съ нимъ?!.. и она слегка вспыхнула, вздохнула, задумалась. А глаза-то глаза-то какіе.... голубые, голубые.... то нѣжные какъ бархатъ, то вдругъ холодные, какъ сталь.... Прелесть!... А что, если бы онъ былъ моимъ мужемъ? мелькнуло ей.—Мужемъ такой мальчикъ-то, да еще троюродный братъ?! Fi, Наташа, какая ты глупая дѣвочка! и она увидѣла въ зеркалѣ свою, относящуюся къ ней же самой насмѣшливую улыбку.—По правдѣ, за кого лучше выйдти,—за штатскаго или за военнаго?—подумалось опять Наташѣ. Прежде загадаю на военнаго» и, зажмуривъ глаза, она стала тихо подводить указательный палецъ правой руки къ соотвѣтствующему пальцу лѣвой руки.... Лиза громко разсмѣялась.

— Барышня, а барышня, что это вы въ жмурки играете?!..

— Ахъ.... отстань! Какая ты скучная, Лиза!

Пальцы сошлись. «Выходить за военнаго, а лучше за штатскаго.... Что толку за военнаго? Офицеры и солдаты будутъ ему козырять.... А мнѣ-то что?! Вотъ отецъ былъ тоже военный.»— И темное облачко чуть скользнуло по ея лицу. Было ли ей жаль отца или просто досадно, что ни разу не видѣла его и не знаетъ-былъ ли онъ сильный или слабый.—Нѣтъ, выйду за штатскаго и притомъ за губернатора, непремѣнно за губернатора!... Пріѣзжаемъ *въ нашу* губернію, всѣ власти являются къ мужу, всѣ дамы на слѣдующій же день представляются мнѣ.... Такъ всегда.... Да иначе я не буду съ ними знакома. На всѣхъ балахъ и вечерахъ, въ театрѣ и собраніяхъ я.... звѣзда первой величины.... Всѣ во мнѣ заискиваютъ, всѣ за мною ухаживаютъ, потому что мужъ, это—я.... Значитъ, я—губернія.... Какъ сказалъ Людовикъ XIV, L'état c'est moi!... Такъ я скажу, губернія, это—я! Ахъ, какъ весело! вслухъ сообразила она.

— Ну, и слава Богу, что весело! охотно согласилась Лиза.

— Боже мой!... Да замолчишь ли ты, Лиза, какъ надоѣла!

— А тутъ, вдругъ, тетушка Юля съ ея длиннымъ, предлиннымъ носомъ.... Я ее не узнаю.... Mes dames, говорю, что эта за бомба въ юбкѣ? и Наташа громко разсмѣялась. Вдали Толя стоитъ у колонны... мраморной, непремѣнно мраморной.... Блѣдный, печальный.... Я подхожу къ нему.... Протягиваю руку.... Его рука холодна, какъ ледъ.... сдвинуты брови, взглядъ его холоденъ, какъ сталь.... Милый, подумала Наташа, подумала и покраснѣла.

— Mademoiselle Nathalie, etes vous prête? громко окликнула Вѣра Павловна, входя въ будуаръ.

— Pas encore, Вѣра Павловна, mais tout de suite je serai à vos ordres.

— Прежде всего, продолжала Вѣра Павловна, цѣлуя Наташу, поздравляю васъ со днемъ вашего рожденія и отъ всего сердца желаю, чтобы судьба ваша была свѣтла, какъ свѣтелъ сегодняшній день.... Посмотрите въ окно! Сама природа, какъ будто, улыбается вамъ въ яркихъ лучахъ своего солнца....

— Merci!... Гдѣ вы, Вѣра Павловна, тамъ и природа.... Это какъ будто ваша вторая жизнь! улыбаясь, отозвалась Наташа.

— А бабушка шлетъ вамъ, вотъ эту бездѣлушку и проситъ васъ надѣть ее прежде, чѣмъ вы сойдете внизъ, и Вѣра Павловна подала Наташѣ жемчужное ожерелье.

— Какъ это мило! оживленно воскликнула Наташа.

— Какая славная бабушка, милая бабуся! шептала она.

— Да, она васъ очень любитъ.

— Любитъ.... Любитъ и балуетъ. Какъ пріятно когда балуютъ.

— S'il vous plait!... Я даже люблю смотрѣть, когда Наталья Игнатьевна балуетъ Жужу.... Жужу, говоритъ.... милая Жужу, жизнь моя, Жужу! И такъ нѣжно, нѣжно, едва касаясь, надвигаетъ ей на шею черезъ мордочку какой-нибудь новый, пунцовый въ бантикахъ и съ бубенчиками ошейникъ, смѣясь сопоставила Вѣра Павловна....

— Браво, Вѣра Павловна!... Voilà une belle idée!... Жужу—въ ошейникѣ, я—въ ожерельѣ. Ну право я бы разсердилась на васъ за это лестное сравненіе, если бы ожерелье не наполняло всю меня, всю, всю, какъ есть.... Посмотрите! Посмотрите, какой чудный рельефъ.... Отъ синевы жемчужинъ моя шея кажется еще бѣлѣе и нѣжнѣе.

Вѣра Павловна посмотрѣла такимъ взглядомъ, какъ будто сказала: «Наташа, какой вы ребенокъ! И мнѣ жаль, право жаль, что вы имъ такъ-таки на всю жизнь и останетесь, что не говори, какъ не сопротивляйся.

— Что же вы молчите?... Вамъ не нравится?! Fi, Вѣра Павловна, какая вы рыба! и, сложивъ ожерелье на туалетный столъ, Наташа отступила шага на два, скрестила руки, слегка склонила голову направо, подняла брови, вытянула лицо и, глянувъ на ожерелье, какъ бы замерла надъ нимъ оплакивающимъ взглядомъ.

Вѣра Павловна разсмѣялась

— Браво, M-elle Nathalie.... Теперь, это—я!

— Да, это вы въ вашемъ взглядѣ на эти вещи. Вы именно такъ на нихъ смотрите.... Вялымъ взглядомъ, съ иронической улыбкой на губахъ, но я право теряюсь и не знаю чѣмъ мой жемчугъ такъ провинился передъ вами, что вы даже въ такой день не хотите подѣлиться со мною моимъ удовольствіемъ, слегка вспыхнувъ, упрекнула Наташа.

— А мнѣ, Наташа, вы думаете не пріятно ваше удовольствіе? Но я вижу не васъ и не вещь отдѣльно отъ васъ, а ваше отношеніе, вашу радость къ этой жемчужной бездѣлушкѣ.... Казалось бы, пустое.... Что тутъ важнаго?... Что у ребенка заискрились глазки на блестящую игрушку?... Что же вы дуете

губки, Наташа?!.. Да, вы ребенокъ и такъ должно быть по вашему возрасту. Но мнѣ страшно, чтобъ вы на всю жизнь не остались ребенкомъ!... Вы впечатлительны, нервны, самолюбивы.... Сегодня вамъ нравится ожерелье, завтра серьги, послѣзавтра брошь, а тамъ это все надоѣло, подай новое. Такъ мало по малу зародится и разовьется въ васъ къ этимъ, подчасъ, недоступнымъ по средствамъ бездѣлушкамъ тяга, особая, непреодолимая тяга, а въ ней-то и ключъ къ вамъ, къ вашему сердцу, къ самой независимости вашей.... Мужчина поможетъ вамъ тогда.... Вѣдь онъ отъ колыбели привыкъ видѣть въ женщинѣ забаву и ничего не можетъ быть ему пріятнѣе, какъ превратить ее въ покорную себѣ Жужушку.... И вдругъ вы, Наташа, гордый и развитой ребенокъ, пока чистый въ побужденіяхъ своихъ, какъ сама природа, превратитесь.... Fi, пусть мысль умретъ, какъ быстро родилась! и Вѣра Павловна содрогнулась, закрыла глаза рукою, какъ будто что-то непріятное скользнуло передъ нею.—Ахъ, если-бъ вы знали, Наташа, еслибъ вы могли прочувствовать, какъ глубоко я презираю этихъ Жужушекъ, этихъ рабынь мишурнаго блеска! Да и, наконецъ, внѣ всякаго отношенія къ мужчинѣ, женщина по моему недостаточно уважаетъ себя, если думаетъ найти себѣ силу и опору въ этихъ украшеніяхъ. Чѣмъ выше натура, тѣмъ она естественнѣе, тѣмъ ближе къ природѣ. Вы мѣтко уловили, Наташа, природа, дѣйствительно, мой первый другъ, а въ ней второй мой, настолько же юный, насколько своевольный, вы!... Вы моя отрада и мое смущеніе!... При впечатлительности и несдержанности вашей, все зависитъ отъ первыхъ движеній вашихъ. Вы одинаково имѣете задатки быть и другомъ, и врагомъ природы.... А врагамъ природа метитъ жестоко! тихо говорила Вѣра Павловна и быстро подошла къ Наташѣ.

Наташа видимо волновалась. То вдругъ глаза ея загорались и она какъ будто собиралась съ силою возражать Вѣрѣ Павловнѣ, то опускались ея долгія рѣсницы.... и тогда Наташа олицетворяла собою лишь чуткое, нервное вниманіе.

— Вѣдь я люблю себя, Наташа!... Но была глупа.... Глупа, какъ оборони васъ Богъ.... Лѣсть моя сѣта, чуть слышно добавила Вѣра Павловна.

Наташа вспыхнула, опустила голову, какъ будто ей страшно было даже взглядомъ смутить это невѣдомое прошлое Вѣры Павловны.

— Да, овладѣвая собою снова, продолжала Вѣра Павловна,— я люблю васъ, Наташа, люблю въ васъ возродившійся свѣтъ моихъ собственныхъ надеждъ и желаній.... Я-бъ хотѣла васъ поднять надъ собою, поставить неизмѣримо выше себя, и тогда сердцемъ, переполненнымъ слезами отрады, поклониться вамъ, какъ идеалу, какъ мечтѣ моего завѣтнаго, невозвратнаго прошлаго! и Вѣра Павловна замолкла, склонилась. Лицо ея горѣло, грудь волновалась, на рѣсницахъ дрожали слезы....

Теперь горячая, какъ огонь, цѣловала Наташа ея руки, щеки, лобъ и, быть можетъ, впервые въ жизни чужія слезы не были ей смѣшными слезами, чужое горе—смѣшнымъ горемъ.

Вѣра Павловна тихо отвела отъ себя Наташу и нервными шагами заходила по комнатѣ.

— Вѣра Павловна, чуть слышно обратилась къ ней Наташа, снимая ожерелье,—вашъ голосъ опять звучитъ во мнѣ пророческимъ голосомъ.... Я никогда не буду носить, ни серегъ, ни колецъ, ни этого ожерелья!

— Нѣтъ! протягивая ей руку, твердо отозвалась Вѣра Павловна. Странно, смѣшно сознать.... Оно, это ожерелье ваше, теперь дорого мнѣ самой. Много необъяснимаго въ жизни, Наташа.... Надѣньте его, надѣньте сейчасъ-же, и пусть оно вамъ всегда, въ особенности въ часъ тяжелый, въ часъ безотрадный, когда меня не будетъ подлѣ васъ, напомнитъ вамъ эти чудныя минуты! и, взявъ ожерелье со стола, Вѣра Павловна сама его надѣла на Наташу.

— А теперь, я принесу вамъ, и мой маленькій, и скромный подарокъ.

Наташа осталась одна. Ей казалось теперь, что ожерелье это было подаркомъ не бабушки, а Вѣры Павловны, и ея подаркомъ, и ея благословеніемъ. Она вздохнула. Боже, Боже мой! Какъ прекрасна жизнь!... Но жизнь ли это или сонъ?!.. Чудный, свѣтлый, лучезарный.... А Вѣра Павловна?... О, это сила, да еще какая сила! думалось ей.

Вѣра Павловна внесла въ комнату маленькую подушку.

Наташа взглянула, и лицо ея загорѣлось румянцемъ живѣйшаго удовольствія.

— Мегсі. Вѣра Павловна,—цѣлуя ее, проговорила она,— тѣмъ болѣе мнѣ это дорого, что это ваша работа, и будетъ всегда, всю жизнь служить мнѣ напоминаніемъ вашей нѣжной заботли-

вости обо мнѣ. И когда успѣвали вы работать, что я даже и не подозрѣвала?

— Ночью.... Когда вы спали, а мои мысли уносились въ ваше будущее....

По темно-зеленому бархатному фону подушки извивались двѣ широкія ленты: розовая и бѣлая. Ихъ украшали надписи, на первой—серебряными, а на второй—золотыми нитками. На первой было написано: «Наташѣ Загорской въ ея 17 лѣтъ отъ искренняго друга, Вѣры Павловны Нелидовой» годъ и число. На второй: «Изъ трехъ словъ мой завѣтъ: «скромность, гуманность и самообладаніе».

— Скромность, гуманность и самообладаніе, громко прочла Наташа.

— Гуманность. повторила она вдумчиво, что такое гуманность, Вѣра Павловна?

— На столько же строгое отношеніе къ самой себѣ, на сколько сочувственное и снисходительное къ слабостямъ окружающихъ.

— Да вѣдь съ ними надо-же бороться?!

— Да, когда они угрожаютъ намъ, эти слабости, не раздражаться противъ нихъ.

— M-elle Nathalie, бабушка спрашиваетъ васъ, когда. наконецъ, вы сойдете? раздался у лѣстницы голосъ Николая.

— Сейчасъ, Nicolas! Ахъ. въ самомъ дѣлѣ какъ я долго! очнулась Наташа.

— Лиза! Да что-жъ ты платье? нетерпѣливо крикнула она....

Наташа одѣлась.... То было бѣлое гренадиновое платье, изящно отдѣланное голубыми лентами и пуговицами, отъ самой вырѣзки у шеи до борта подола. Строгое, если можно такъ выразиться, въ таліи, свободное въ плечахъ, оно отлично обрисовывало высокую, гибкую фигуру Наташи. Бѣлое, какъ снѣгъ, кружевное жабо, постепенно возвышаясь отъ начала вырѣзки къ ушамъ, заставляло ее нести голову значительно выше противъ того, какъ обыкновенно она ее держала. Широкіе рукава съ тѣмъ же валансьеномъ, нѣсколько ниже локтя открывали всю кисть ея умѣренно-полной, нѣжной руки. Темные, снизу вверхъ зачесанные, матоваго отлива, волоса, увѣнчивая голову высокимъ, пышнымъ валомъ, казалось. каждую минуту грозили разсыпаться и охватить плечи, спину, грудь Наташи своими роскошными прядями. Она подошла къ трюмо, взглянула, взглянула и отступила. какъ будто увидѣла вмѣсто себя, что-то необычайное, чудесное.

Но вотъ опять приблизилась, опять взглянула и тихая, радостная улыбка замерла на ея губахъ. «Да, внѣ всякаго сомнѣнья, да!... Это я, какъ бы говорила эта улыбка.—Она забыла, забыла все, что еще нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, то радуя, то огорчая, волновало и заботило ее. Забыла, что жизнь, это—игра, игра азартная и опасная, что мужчина воръ и льстецъ, а женщина—его жертва, что нѣтъ ужъ больше рыцарей и рыцарскаго обожанья, забыла бабусю, забыла ожерелье, забыла Толю, Васю, и даже Вѣру Павловну, словомъ все, все и все, какъ будто вся жизнь была минута, и при томъ эта самая, настоящая минута, минута сладостнаго сознанія своей красоты и силы.

— Наташа! окликнула Вѣра Павловна.

Наташа вздрогнула, оглянулась. Глаза ея искрились, лицо горѣло яркимъ румянцемъ.... Обѣими руками сжала она руки Вѣры Павловны и вдругъ разсмѣялась, разсмѣялась тѣмъ сдержаннымъ, глубокимъ, радостнымъ смѣхомъ, какимъ смѣется лишь юность, юность взлелѣянная и обласканная и людьми, и самою природою...

— Хочу быть первою.... Хочу и буду! сказала она нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

— Хочу, могу и буду.... Буду, потому что могу быть! говорила теперь ея гордо приподнятая головка.

Вѣра Павловна, страшась за будущее Наташи, ожидающее ее, смущенная и встревоженная, угадала ея мысли при такомъ взглядѣ на жизнь, предвидя ея разочарованія и неудачи. Вѣра Павловна въ то же время любовалась ею, радовалась ея восторженностью, и, унося воспоминаніемъ въ свое болѣе свѣтлое, лучшее прошлое, когда и она сама парила еще въ мірѣ грезъ и мечтаній, все глубже и глубже отрѣшалась отъ самой мысли поставить ее снова въ болѣе тѣсныя, обыденно житейскія рамки.

— Пусть, сказала она себѣ, и ея лицо, выразительное и доброе, какъ бы отраженіемъ восторженнаго настроенія Наташи, оживилось радостною улыбкою.

М. Іогель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ недавняго прошлаго.

«Унеси меня въ станъ погибающихъ
«За великое дѣло любви».

....Сдѣлалось вдругъ такъ тихо, что я проснулся. Ни свистковъ, ни толчковъ, ни пыхтѣнія паровоза, ни стука. Поѣздъ стоялъ. Я оглянулся кругомъ: кондуктора не было видно, всѣ пассажиры спали, свѣчи въ фонаряхъ догорѣли и погасли, мерцалъ только одинъ несчастный огарокъ надъ толстымъ бариномъ въ енотовой шубѣ, который храпѣлъ на весь вагонъ; но свѣтъ отъ этого огарка былъ такъ ничтоженъ, что тѣни, наполнявшія наше отдѣленіе, казались отъ него еще гуще, чернѣе и удлинялись безконечно.

Кондукторъ не являлся, спутники мои не просыпались, спросить о причинѣ остановки было не у кого. Я приподнялъ уголъ занавѣски у окна и провелъ рукой по пушистому снѣгу, которымъ было покрыто стекло: подъ снѣгомъ оказался толстый слой льда.... Нечего было и мечтать о томъ, чтобъ увидѣть что нибудь изъ окна, и только по мертвой, тишинѣ, царившей вокругъ, да по полнѣйшему отсутствію суетни, сопровождающей обыкновенно встрѣчу поѣзда на станціи, можно было догадаться, что остановка наша случайная и что вблизи нѣтъ никакого жилья. Любопытство такъ меня замучило, что я поднялся съ мѣста и началъ осторожно пробираться къ выходу. Пройдти никого не обезпокоивъ, между выдвинутыми для спанья скамейками, разложенными подушками и вытянутыми во всѣ стороны руками и ногами, оказалось довольно труднымъ дѣломъ, однако мнѣ удалось достигнуть довольно благополучно цѣли и, сдѣлавъ послѣднее усиліе, я потянулъ къ себѣ занидевѣвшую металлическую ручку, но тотчасъ же принужденъ былъ захлопнуть дверь, такимъ пронзительнымъ, холоднымъ вѣтромъ пахнуло на меня.

Тьма была непроглядная. Кругомъ, на далекое пространство, разстилалась степь. Ужъ по одному вою вьюги легко было убѣдиться въ этомъ; только въ степи завываетъ она съ такими долгими, тоскливыми переливами, съ такими взрывами ярости, только въ степи возможно такое полнѣйшее затишье въ промежуткахъ между этими взрывами.

Прошло еще минутъ двадцать. Буря стихла на время. Я опять посмотрѣлъ въ окно. Вокругъ вагоновъ началась возня, мимо замерзшихъ стеколъ замелькали тусклые, красноватые огоньки.... Это дорожные служителя осматриваютъ вагоны при свѣтѣ фонарей. По мѣрѣ того, какъ огоньки эти передвигались съ мѣста на мѣсто, я мысленно слѣдилъ за неуклюжими фигурами въ полушубкахъ и въ башлыкахъ, пригибающихся къ каждому колесу и оси, чтобъ осмотрѣть—все ли въ порядкѣ. Обыкновенно, вслѣдъ за такимъ осмотромъ, поѣздъ снова пускается въ путь, но на этотъ разъ ничего подобнаго не произошло,—прошло еще съ полчаса, а мы все продолжали стоять на мѣстѣ.

Наконецъ, дверь вагона отворилась и вошелъ кондукторъ. На мой вопросъ, гдѣ мы, и почему остановились, онъ отвѣчалъ, что полотно дороги такъ занесено мятелью, что надо переждать, пока не расчистятъ путь.

Для насъ, степняковъ, это—дѣло самое обыкновенное, противъ котораго только люди, лишенные всякаго философическаго смысла, способны роптать и возмущаться.

— Сколько же времени мы здѣсь простоимъ? продолжалъ я допытываться.

— Да кто ее знаетъ! Можетъ часа три, а можетъ быть и больше. До деревни не близко, когда еще дойдутъ.... Да и ночь къ тому же,—весь народъ спитъ.

— Но въ такомъ случаѣ намъ не поспѣть къ поѣзду изъ Р—ни?

— Гдѣ поспѣть! онъ насъ ждать не станетъ.

— Такъ какъ же?

— Да также-съ.

Возражать было нечего. Это «также-съ» было очень краснорѣчиво и означало неминуемую и почти суточную остановку въ Т—вѣ.

Кондукторъ вставилъ новыя свѣчи въ фонари и вышелъ въ другое отдѣленіе. Сосѣди мои продолжали спать. Огоньки, мелькавшіе вдоль поѣзда, давно исчезли и снова все кругомъ замерло.

Вьюга удалялась куда-то; промежутки между ея взрывами дѣлались все продолжительнѣе и продолжительнѣе, завываніе вѣтра жалостливѣе, протяжнѣе и отдаленнѣе.... Мало по малу все смолкло и водворилась та мертвенная, мрачная тишина, что царитъ въ безлунныя ночи между необъятными пространствами чернаго неба и степью, окутанной бѣлымъ саваномъ снѣговъ.

Именно эта степь и тишина, порою прерываемая воемъ мятели, и грезились мнѣ въ слѣдующую за тѣмъ ночь, которую волей-неволей приходилось проводить въ Т—вѣ.

Опять увидѣлъ я себя среди снѣжной пустыни, но не въ тѣсномъ вагонѣ и не во мракѣ: сугробы, облитые мягкимъ лунимымъ блескомъ, принимали красивыя фантастическія формы, въ переливахъ унылой пѣсни вьюги не было ничего тоскливаго, все яснѣе и яснѣе слышались слова этой пѣсни, все ближе и ближе звучали таинственные голоса....

Я проснулся; серебристые призраки снѣговъ исчезли, но звуки не смолкали, напротивъ того, они начали раздаваться еще явственнѣе, еще ближе, надъ самымъ моимъ ухомъ.

Кровать моя стояла у запертой двери, сквозь щели которой пропизывались длинныя полосы свѣта; а перегородка, отдѣлявшая меня отъ сосѣдей (суда по голосамъ ихъ было двое, мужчина и женщина), была такъ тонка, что не слышать того, что они говорили, не было никакой возможности. Къ тому же, они не стѣснялись и бесѣдовали между собой довольно громко. Они пріѣхали сюда вѣроятно недавно. Когда наканунѣ вечеромъ, измученный и прозябшій, я вошелъ въ отведенный мнѣ номеръ, корридорный объявилъ мнѣ, что сосѣдняя комната никѣмъ не занята. Впрочемъ, я и самъ могъ убѣдиться въ этомъ когда мимоходомъ заглянулъ въ нее. Комната была такая же маленькая какъ и моя, въ одно окно и такая узкая, что между диваномъ, приставленнымъ къ двери, за которой я спалъ, и кроватью промежутокъ былъ очень тѣсный. Сквозь щели ко мнѣ проникалъ, не только свѣтъ отъ свѣчей, зажженныхъ сосѣдями, но также душистый паръ отъ завареннаго ими чая, запахъ отъ сигары, которую они курилъ и тонкій ароматъ духовъ, которымъ было пропитано ея платье и вещи, по всей вѣроятности, раскиданныя въ безпорядкѣ по комнатѣ. По однимъ этимъ духамъ, да по шелесту чего-то шелковаго, ленъ или юбки, можно было догадаться, что на диванѣ сидитъ женщина молодая. Звукъ ея голоса,

нѣжный и немного надтреснутый, какая-то особенная сдержанная порядочность въ интонаціи и въ выраженіяхъ, наконецъ, выборъ этихъ выраженій, вызывало въ умѣ представленіе чего-то безконечно хрупкаго, болѣзненнаго, молодаго и изящнаго. Мужчина, съ которымъ она бесѣдовала, съ первыхъ произнесенныхъ имъ словъ, показался мнѣ старше ея. Голосъ у него былъ тоже очень симпатичный, но порой, когда онъ, забывшись, возвышалъ его, въ немъ звучали ноты, выдающія привычку повелѣвать и сильную, страстную волю.

Когда я началъ прислушиваться къ ихъ разговору, онъ уже былъ въ полномъ разгарѣ. Они, повидимому, не догадывались о моемъ присутствіи, а если имъ и сказали, что сосѣдній съ ними номеръ занятъ, не трудно было и забыть объ этомъ.... я спалъ такъ крѣпко и имъ такъ много надо было передать другъ другу, не мудрено было забыть о всемъ остальномъ въ мірѣ....

Нарушить ихъ бесѣду, дать имъ понять какимъ-нибудь движеніемъ, что они не одни, теперь, когда, безъ сомнѣнія, самое главное, близкое и интимное уже высказано, было бы жестокой неловкостью съ моей стороны. Пусть лучше они никогда не узнаютъ о томъ, что бесѣда ихъ имѣла невольнаго, посторонняго слушателя.... Врядъ ли мы когда-нибудь встрѣтимся, а если и встрѣтимся, думалъ я, мнѣ всегда можно будетъ не узнать моихъ сосѣдей.... О слышанномъ мною я буду вспоминать, какъ объ странномъ сновидѣніи, пригрезившемся мнѣ послѣ пятнадцатичасоваго пребыванія въ вагонѣ, занесенномъ въ степи мятелью.

Вотъ чѣмъ успокоивалъ я мою немножко смущенную совѣсть, вслушиваясь въ бесѣду сосѣдей и пытаясь дополнить воображеніемъ то представленіе объ ихъ характерѣ, отношеніяхъ между собою и даже лѣтахъ и наружности, которое невольно создавалось въ моемъ умѣ, при ближайшемъ знакомствѣ съ выраженными ими мыслями и чуствами.

Я сказалъ, что по тону и выраженіямъ моихъ сосѣдей легко было составить себѣ довольно ясное понятіе о чуствахъ, связывающихъ ихъ между собою. Между ними, кромѣ дружбы, была и большая короткость, обличавшая давнишнее знакомство. Они говорили другъ другу «ты», но онъ не былъ ни ея мужемъ, ни любовникомъ, ни отцомъ, ни братомъ. Между ними не существовало тѣхъ обязательныхъ отношеній, которыя заставляютъ людей часто видѣться, болѣе или менѣе аккуратно переписываться и отдавать другъ другу отчетъ въ поступкахъ и намѣреніяхъ....

Нѣтъ, съ этой женщиной онъ, можетъ быть, подолгу не встрѣчался, подолгу не думалъ объ ней, но выдавались такія минуты въ его жизни, когда онъ многимъ бы пожертвовалъ, чтобъ имѣть счастье припомнить съ нею вмѣстѣ все пережитое и выстраданное. Вчера, приближаясь къ Т—ву, на него, по всей вѣроятности, напала такая минута: онъ вспомнилъ, что она живетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города, и наудачу послалъ ей депешу съ просьбой выѣхать къ нему на встрѣчу.

Она пріѣхала и они такъ обрадовались другъ другу, что порѣшили провести время вмѣстѣ до слѣдующаго поѣзда. Но поѣздъ опоздалъ по случаю мятели, пришлось искать убѣжища на ночь въ гостинницѣ. Когда онъ пришелъ въ ея номеръ, чтобъ поболтать и напиться чаю, онъ не думалъ засиживаться у нея до утра; но ему надо было такъ много разсказать ей и хорошаго и дурнаго!

Дурнаго больше. Счастливыхъ людей не выслушиваютъ съ такимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ, съ такою глубокою симпатіею какъ та, что звучала въ ея голосѣ, когда она прерывала его какимъ-нибудь вопросомъ или замѣчаніемъ; въ бесѣдѣ со счастливыми людьми не взвѣшиваютъ такъ тщательно значеніе каждаго слова, не отступаютъ въ нерѣшительности передъ извѣстными выраженіями изъ боязни разбередить незажившую рану!

Впрочемъ, онъ, повидимому, давно привыкъ угадывать ея мысли и сомнѣнія по выраженію ея глазъ или улыбки и спѣшилъ подсказывать ихъ, замѣчая при этомъ, что опасенія ея напрасны, что онъ теперь относится совершенно равнодушно къ воспоминаніямъ о пережитыхъ испытаніяхъ.

Но она ему не вѣрила и продолжала обходить тѣ вопросы, которые, какъ ей казалось, должны до сихъ поръ нестерпимо больно отзываться въ его сердцѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, прервала она на полусловѣ начатый разсказъ о какой-то исторіи, случившейся съ нимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ которой онъ безпрестанно возвращался, съ капризнымъ упорствомъ человѣка, желающаго во что бы-то ни стало испытать степень своей твердости и самообладанія.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что лучше скажи, какъ ты туда попалъ? Кто тебѣ подалъ эту мысль?

Онъ засмѣялся. Смѣхъ у него былъ очень симпатичный, веселый и беззаботный, какъ у ребенка.

— Я отправился туда изъ мести, а также изъ самолюбія.... Какъ видишь, мотивы у меня были не совсѣмъ благовидные.

Наступило молчаніе. Онъ шумно отодвинулъ стулъ, на которомъ сидѣлъ и началъ прохаживаться большими, твердыми шагами по комнатѣ. Потомъ онъ снова къ ней подошелъ и спросилъ:

— Развѣ ты не слышала про депешу, которую я получилъ отъ А—ва?

Она отвѣчала, что была тогда въ Италіи и ничего не знаетъ.

— Вотъ что мнѣ телеграфировали: «Помолитесь Богу, подумайте и если рѣшитесь, поѣзжайте на помощь Ч—ву. Вы намъ тамъ нужны». Можешь себѣ представить, какъ подѣйствовало на меня такое приглашеніе? Это была одна изъ тѣхъ минутъ въ жизни, которыя никогда не забываются, изъ-за которыхъ, какъ бы не былъ человѣкъ нравственно убитъ, уничтоженъ, стертъ съ лица земли, достаточно одной такой минуты, чтобъ воскресить его къ новой жизни и дѣятельности, заставить его почувствовать новую силу въ нервахъ, новое стремленіе идти впередъ, все дальше и выше, не взирая ни на какія преграды, клеветы и неудачи....

Голосъ его дрогнулъ и оборвался. Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Въ тотъ же день я отвѣчалъ, что отъ всей души благодарю за честь, сдаю должность и, черезъ три дня, буду въ Москвѣ.

Все это случилось такъ быстро, что онъ опомнился и началъ разсуждать только въ вагонѣ и отъѣхавши на довольно дальнее разстояніе отъ столицы. До тѣхъ поръ, нервы его были въ такомъ возбужденномъ состояніи, что онъ чувствовалъ только радость, глубокую, свѣтлую радость, что его вспомнили, что онъ снова понадобился, что ему снова представляется случай послужить Россіи. О родственныхъ намъ народахъ, объ ихъ исторіи, задачахъ и бѣдствіяхъ, онъ имѣлъ тогда самое смутное, самое сбивчивое понятіе, но онъ сознавалъ, что цѣль, для которой онъ идетъ отдавать свою жизнь, достойна такой жертвы.—Чего же больше?

Хорошо, что между обѣдами съ торжественными спичами и шумными проводами съ громкими, восторженными криками, ему удалось найти удобную минуту для покупки русско-турецко-сербскаго словаря и тактику Левицкаго. Эти двѣ книжечки сослужили ему впослѣдствіи великую службу.

Въ Бѣлградѣ, онъ узналъ о мѣстѣ нахожденія *генерала*, одѣлся въ сербскій мундиръ и пустился въ дальнѣйшій путь. На описаніи главной квартиры сосѣдъ мой останавливался очень долго.

Такое множество воспоминаній тѣснилось въ его умѣ, что ему, повидимому, было довольно трудно распредѣлять ихъ по порядку и рѣчь его выходила довольно сбивчивая; но страстная и сильная, она производила глубокое впечатлѣніе. Въ этой рѣчи, въ особенности въ началѣ ея, преобладало не столько желаніе представить извѣстныя событія въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, сколько потребность подѣлиться вынесенными испытаніями съ близкимъ существомъ: вся она состояла изъ горькихъ признаній чисто личнаго свойства, но каждое слово будило въ воображеніи цѣлый рядъ знакомыхъ событій и родныхъ сердцу картинъ, каждое вскользь упомянутое имя—какой-нибудь близкій образъ изъ прошлаго.... изъ того прошлаго, что такъ еще недавно волновало насъ тоской, страхомъ и надеждой, а затѣмъ, такъ быстро и безслѣдно было погребено и забыто подъ наплывомъ тяжкихъ, растлѣвающихъ душу чувствъ—безсильной злобы и досады на обманутыя мечты и не сбывшіяся ожиданія! Какъ живой вставалъ передъ глазами тотъ священный уголокъ на югѣ Европы, гдѣ рѣкой лилась славянская кровь, куда русскій мужикъ отсылалъ свой послѣдній грошъ и на который цѣлыхъ два года въ тоскливомъ ожиданіи были устремлены взоры всего русскаго народа.

Вспоминались также и люди, которыхъ мы провожали туда, и тѣ, что вернулись оттуда, а еще больше тѣ, что тамъ остались.... Грозная, великая картина, одна изъ славнѣйшихъ въ нашей исторіи, прошла въ ту ночь передъ моими глазами, точно въ чудной панорамѣ, озаренной съ одной стороны собственными воспоминаніями, а съ другой, страстною рѣчью участника кровавой драмы, значеніе которой мы оцѣнить еще не можемъ, потому что слишкомъ къ ней близки, слишкомъ за-живо зацѣпила она каждаго изъ насъ, потому, однимъ словомъ, что намъ «за деревьями еще не видать лѣса».

— Наконецъ, доѣхали мы до вершины лѣснаго плоскогорья, разсказывалъ мой сосѣдъ.—Мой «кочеяшъ» указалъ на равнину, съ бѣлѣвшимися вдали тремя домиками и объявилъ, что это Дели-градъ. При этомъ имени, во мнѣ загорѣлось то же самое восторженное настроеніе, которое я испыталъ при отъѣздѣ изъ Москвы, когда, подъ впечатлѣніемъ поцѣлуевъ духовенства и безчисленнаго множества знакомыхъ и незнакомыхъ людей, я проходилъ по платформѣ къ вагону, среди несмолкаемаго гула толпы, махающей шапками. Въ ушахъ звенѣли отрывки прощальныхъ рѣчей, перемѣшиваясь съ торжественными звуками только что отслу-

женнаго молебна, въ глазахъ мелькали растроганныя лица, со всѣхъ устъ срывались благословенія и пожеланія, во всѣхъ взглядахъ сверкали слезы, свѣтлыя и восторженныя, читалась надежда и упованіе.... И это былъ народъ, именно тотъ народъ, который мы привыкли называть «сѣрымъ народомъ».... Никогда еще не былъ я къ нему такъ близокъ, никогда не любилъ я его такъ, какъ въ эту минуту!...

Онъ нетерпѣливо подгонялъ своего возницу, жадно всматриваясь въ мелькавшіе передъ нимъ лагери, напоминающіе цыганскіе таборы. Войники съ исхудалыми лицами, изнуренные лихорадкою и тифомъ, похожіе скорѣе на нищихъ, чѣмъ на солдатъ, поломанныя телѣги, скелето-образные волы, безпорядочныя кучки комордженъ съ ружьями безъ замковъ, утлые навѣсы, державшіеся какимъ-то чудомъ на погнувшихся жердяхъ, отъ которыхъ несло гнилью и подгорѣвшимъ саломъ; остовы павшихъ лошадей и воловъ, почтовая станція съ флагомъ «Краснаго Креста» и, наконецъ, какія-то траншеи съ волчьими ямами и засѣками, служащими, судя по запаху, вовсе не для военныхъ цѣлей.

Такъ разсуждалъ онъ теперь; но тогда глаза его видѣли совсѣмъ другое: тогда онъ не замѣчалъ ни хаоса, ни безпорядочности арміи,—сильно бьющееся сердце летѣло къ одной только цѣли, къ завѣтному домику, въ которомъ должна была произойти его встрѣча съ народнымъ героемъ. Мысль объ этой встрѣчѣ затмѣвала въ немъ всѣ прочія чувства. Наконецъ, телѣжка остановилась у воротъ невысокаго забора, за которымъ стоялъ скромный одноэтажный домъ: эта была главная квартира дѣйствующей арміи. На террасѣ стоялъ молодой человѣкъ въ адъютантской формѣ. Пріѣзжій подошелъ къ нему.

— Позвольте узнать, когда можно представиться главнокомандующему?

— Подождите, процѣдилъ сквозь зубы адъютантъ и скрылся куда-то.

Проходитъ болѣе получасу; на крылечко выходитъ другой офицеръ.

— Позвольте безпокоить вопросомъ, когда....

Но на этотъ разъ его обрываютъ еще суше и торопливѣе.

— Ничто не разуме, объявляетъ офицеръ, проходя мимо и не удостоивая его взглядомъ.

На душѣ съ каждой минутой дѣлается холоднѣе; тоскливое чувство одиночества и предчувствіе чего-то недобраго, все силь-

нѣе и сильнѣе охватываетъ сердце. Солнце подымается выше и выше, становится нестерпимо жарко. Усталость отъ длиннаго, утомительнаго пути и голодъ даютъ себя чувствовать и натянутые съ ранняго утра нервы начинаютъ поддаваться.... Въ головѣ тяжесть, во всѣхъ членахъ нестерпимый ломъ, грудь тѣснитъ такъ, что дыханіе спирается и все та же мысль, неотвязная и несносная, какъ жужжаніе невидимаго комара, мысль объ одиночествѣ, о безполезности, о невозможности чего-нибудь добиться, дождаться.... Чтобъ отогнать эту мысль, онъ прошелся по двору и началъ вслушиваться въ говоръ сербскаго караула, пытаясь уловить смыслъ рѣчи полуроднаго языка, какъ вдругъ движеніе часовыхъ заставляетъ его оглянуться: въ ворота входилъ дряхлый, едва державшійся на ногахъ полковникъ. Его классически подбритые бакенбарды выдавали въ немъ «Николаевскаго» служаку.

Можетъ быть, этотъ окажется доступнѣе и привѣтливѣе.

— Позвольте спросить, когда можно представиться?....

Но замѣтивъ, что полковникъ подноситъ руку къ своему уху, пріѣзжій пріостанавливается.

Впрочемъ, на этотъ разъ онъ нашелъ снисходительнаго собесѣдника и если бъ только полковникъ не былъ такъ глухъ, отъ него можно было бы добиться кое-какихъ свѣдѣній относительно здѣшнихъ порядковъ. Почтенный ветеранъ спросилъ у него съ любезной улыбкой: чѣмъ онъ можетъ ему служить?

При этомъ, онъ тщетно старался пріосаниваться и выпрямлять согнутую лѣтами спину, немилосердно коверкая русскую рѣчь на остзейскій ладъ.

— Желалъ бы узнать, какимъ образомъ можно представиться главнокомандующему; я цѣлый день здѣсь жду и не могу добиться этой чести, повторилъ свой вопросъ мой сосѣдъ.

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало, но за то полковникъ завелъ длинную рѣчь о самомъ себѣ; началъ разсказывать, что онъ тоже добровольцъ, когда-то командовалъ полкомъ, потомъ вышелъ въ отставку....

— Ну, а тутъ народъ, святая война, не вытерпѣлъ и пріѣхалъ на свой счетъ.... Вы, конечно, на счетъ славянскаго комитета? А я скопилъ кое-что на русской службѣ, долженъ быть признателенъ, на свой собрался....

А въ заключеніе онъ прибавилъ давно ожидаемую фразу:

— Хотите представиться? Я сейчасъ доложу.... очень, очень радъ!

Съ этими словами оригинальный добровольцъ, молодцовато переводя руку отъ уха къ козырьку, съ видимымъ трудомъ заковылялъ дальше и началъ подыматься на роковое крылечко.

— Минутъ черезъ десять меня ввели въ пріёмную комнату. Комната эта была уставлена опрокинутыми ящиками вмѣсто стульевъ, и столами, сколоченными изъ простыхъ досокъ, за которыми нѣсколько писарей усердно скрипѣли перьями. Тутъ кипѣла большая дѣятельность, поминутно врывались адъютанты, посыльные, ординарцы, кто со словеснымъ приказаніемъ, кто съ депешами или съ пакетомъ. Всѣхъ принималъ и отпускалъ щеголевато одѣтый и расторопный штабъ-офицеръ, съ выхоленными до фатовства красивыми усами....

Съ пріѣзжимъ никто не заговаривалъ, никто не обращалъ на него вниманія. Въ этой толпѣ, тѣсно сплоченной общими интересами и короткимъ знакомствомъ, между этими людьми, понимающими другъ друга на полусловѣ, разговаривающими больше знаками и непонятными намеками, ему сдѣлалось еще тоскливѣе, чѣмъ на дворѣ. Здѣсь отчужденіе казалось еще ощутительнѣе. Съ тяжелымъ сознаніемъ, что онъ совсѣмъ чужой и лишній, тоскливо ждалъ онъ, скромно прижавшись къ стѣнѣ, до тѣхъ поръ, пока усатый офицеръ не провозгласилъ громкимъ, начальническимъ голосомъ:

— Господа, представляющіеся офицеры, потрудитесь становиться! Сейчасъ выйдетъ начальникъ штаба.

Пишущіе и суетившіеся вышли и въ комнатѣ осталось человѣкъ десять не больше. Всѣ встали въ одну шеренгу.

— Я мелькомъ и не безъ любопытства взглянулъ на «господъ представляющихся», продолжалъ мой сосѣдъ: — у однихъ былъ робкій и приниженный видъ, у другихъ нѣсколько нахальный и размашистый, благодаря винному подпорью. Ни единой личности, съ которой захотѣлось бы сойтись или заговорить.... Минуты ожиданія тянулись томительно долго. Наконецъ, явился начальникъ штаба. Важной, нѣсколько театральной поступью и высоко приподнимая голову, какъ вообще всѣ люди маленькаго роста, желающіе импонировать, началъ онъ подходить къ каждому изъ насъ. Лицо у него было истомленное, глаза сонные и распухшіе, одежда неряшливая и перемятая. Растрепанные волосы торчали смѣшными и безпорядочными вихрами. Вяло и съ оттѣнкомъ презрѣнія, обратился онъ ко мнѣ къ первому:

— Что вамъ угодно?

Отвѣчаю, что такой-то, желаю поступить въ сербскую армію и прошу чести быть представленнымъ главнокомандующему.

— Вы изъ фронта?

— Пять лѣтъ въ отставкѣ, но на службѣ командовалъ полкомъ.

Съ каждымъ моимъ словомъ выраженіе его лица дѣлалось угрюмѣе и холоднѣе.

— По вашему чину вамъ будетъ трудно дать соотвѣтствующее мѣсто, впрочемъ, это зависитъ отъ главнокомандующаго, произнесъ онъ сухо и отрывисто.

Я хотѣлъ было объяснить, что вопросъ, чѣмъ мнѣ быть, не имѣетъ для меня значенія; но стоило ли распространяться съ человѣкомъ, которому прежде всего нужно выспаться, затѣмъ умыться, а ужъ потомъ отнестись болѣе или менѣе сочувственно къ пылкимъ порывамъ субъекта, примчавшагося сюда служить святому дѣлу.

Съ остальными добровольцами разговоръ былъ еще короче. Имъ всѣмъ было объявлено, что генералъ приметъ представляющихся на дворѣ, передъ своимъ отъѣздомъ на позицію.

Опять ждать! Длиненъ показался этотъ часъ моему сосѣду и восторженное настроеніе духа неудержимо таяло подъ раскаленными лучами солнца. Вскорѣ дворъ главной квартиры запестрѣлъ самой разнообразной толпой.... Тутъ были офицеры, пріѣхавшіе съ позиціи, доктора, конвой съ лошадьми для предстоящей поѣздки главнокомандующаго и до восьмидесяти добровольцевъ, только что прибывшихъ изъ Бѣлграда пѣшкомъ. Это были простые люди въ самыхъ разнородныхъ одеждахъ. Большая часть изъ нихъ состояла изъ солдатъ, меньшая—изъ крестьянъ, купцовъ, чиновниковъ. Между ними было также нѣсколько человѣкъ изъ духовнаго званія.

Принявъ нѣкоторое подобіе фронта, усталые и запыленные съ похода, люди эти смотрѣли съ безмолвною и сосредоточенною серьезностью на группы стоящихъ и прохаживающихся передъ ними развязныхъ офицеровъ сербской арміи. Эти волонтеры, изъ простыхъ людей, производили отрадное впечатлѣніе. Пьяныхъ между ними не было ни одного и всѣ они казались проникнутыми до глубины души той высокой идеей, которая привела ихъ сюда.

— Глядя на нихъ дѣлалось стыдно за малодушное нетерпѣніе, съ которымъ я переносилъ испытанія, выпавшія на мою

долю въ это достопамятное утро, сознавался мой сосѣдъ.—Обидное равнодушіе, съ которымъ меня встрѣтили мои будущіе сослуживцы, напыщенная надменность начальства, даже такія неудобства, какъ голодъ и усталость, такъ жестоко мучившіе меня нѣсколько минутъ тому назадъ, всѣ эти непріятности начали мало по малу ослабѣвать и стушевываться, такъ что, когда, наконецъ, настала желанная минута и раздалась команда караула: «пушки на рамена!», вслѣдъ за которой главнокомандующій показался изъза угла, чувство невольнаго благоговѣнія охватило все мое существо. По привычкѣ къ военной дисциплинѣ я превратился въ неподвижный столбъ; но внутренній голосъ не переставалъ взывать: привѣтъ тебѣ, желанный вождь! Да какой-же ты простой! Какъ симпатично улыбается твое загорѣлое лицо! Однако, ты славный солдатикъ, какъ крѣпко сложенъ!.. Не даромъ родной народъ тебя знаетъ и въ тебя вѣритъ!

Желанный вождь не на него одного, а на всѣхъ произвелъ сильное и хорошее впечатлѣніе, не взирая на то, что ни на кого не обратилъ особеннаго вниманія, а для перваго знакомства ограничился коротенькой, прочувствованною рѣчью, въ которой благодарилъ добровольцевъ за то, что они пришли помогать ему, увѣряя при этомъ, что они ему нужны и что онъ ждалъ ихъ. Затѣмъ, былъ отданъ приказъ явиться на слѣдующій день и всѣ были распущены... куда глаза глядятъ.

Началось скитаніе по кафанамъ съ цѣлью найдти пристанище и что-нибудь поѣсть; но ни того, ни другаго не отыскивалось. Въ кафанахъ даже хлѣба для пришлаго человѣка не находилось.

— Снова начала разбирать меня злость и досада, откровенно сознавался мой сосѣдъ своей снисходительной слушательницѣ.— Я вспомнилъ солдатиковъ, мимо которыхъ проѣзжалъ сегодня утромъ. Они сидѣли версты за двѣ отсюда, у опушки лѣса и варили что-то въ котелкѣ. Еле передвигая ноги отъ голода и усталости, я побрёлъ въ ту сторону и нашелъ ихъ на томъ же мѣстѣ, и за тѣмъ же занятіемъ. Обмѣнялись обычнымъ привѣтствіемъ: Здорово, ребята! Здравія желаемъ, ваше б-діе! И началось угощеніе....

Ему такъ хотѣлось ѣсть, что даже варево, кипѣвшее въ ихъ котелкѣ, показалось ему вкуснымъ. Это былъ супъ изъ баранины, приправленный перцомъ такъ обильно, что безъ привычки не было никакой возможности его глотать, такъ немилосердно дралъ онъ ротъ. Кое-какъ насытившись, надо было подумать о ночлегѣ.

Ихъ ждали, ихъ увѣряли, что они нужны, а, между тѣмъ, никто не позаботился даже объ томъ, чтобъ предоставить имъ необходимое—пищу и какой бы то ни было кровъ на ночь... Было съ чего расхандриться.

— Даже совѣстно дѣлалось за чувство озлобленія и досады, которыя шевелились у меня въ душѣ. Какая-то напала тоска, недостойная жалость къ себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ припоминались мечты о самопожертвованіи, о мести и славѣ, съ которыми я сюда стремился, и больно дѣлалось за постыдное малодушество, больно и страшно за будущее... Все чаще и чаще мелькалъ въ умѣ вопросъ: зачѣмъ я сюда пріѣхалъ? На что я гожусь? Неужели та высокая идея, подъ впечатлѣніемъ которой я сюда явился, нуждается въ поощреніи въ родѣ любезнаго вниманія со стороны совершено незнакомыхъ мнѣ людей и такой пустой поддержки, какъ обѣдъ и постель? Какой же я солдатъ послѣ этого? Но отвѣта на эти вопросы не отыскивалось: кругомъ все было чуждо, холодно и враждебно и, казалось, навсегда останется такимъ....

Пробродивъ безъ цѣли до вечера, его снова машинально потянуло къ главной квартирѣ, какъ вдругъ, на пути къ ней ему повстрѣчался знакомый офицеръ. Человѣкъ этотъ когда-то служилъ подъ его начальствомъ, но никогда не было между ними, ни дружбы, ни даже короткаго знакомства; теперь же пришлось и этой встрѣчѣ радоваться; офицеръ состоялъ при штабѣ главнокомандующаго, у него была отдѣльная палатка, въ которой можно было провести ночь.

Когда они вошли въ эту палатку, она была биткомъ набита пьющимъ и играющимъ въ карты народомъ. На предложеніе перекинуться карточкой-другой, онъ на отрѣзъ отказался, но гостепріимствомъ хозяина воспользовался не безъ наслажденія. Гостепріимство это ограничилось угломъ на голой землѣ, но послѣ нравственныхъ и физическихъ мукъ, вынесенныхъ въ этотъ день, даже и такой уголъ показался ему великою благодатью. Онъ подложилъ себѣ подъ голову чье-то сѣдло, валявшееся тутъ же, и тотчасъ же заснулъ крѣпкимъ, мертвымъ сномъ.

Когда онъ проснулся часа черезъ два, шумный говоръ смолкъ, кругомъ было темно и тишина нарушалась только храпомъ хозяина. Снова заснуть въ смрадномъ, душномъ воздухѣ, пропитанномъ табачнымъ запахомъ и винными парами, не было никакой возможности, надо было во чтобы то ни стало выбраться отсюда. Чтобъ никого не безпокоить, онъ тихонько приподнялъ

готъ край холста, у котораго лежалъ, и выползъ на свѣжій воздухъ.

Непроглядная тьма дохнула ему холодомъ въ лицо и въ душу. Ощупью добрался онъ до забора, сѣлъ на завалепку и началъ думать. Ночь была тихая, южная ночь, съ глубокимъ чернымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, необыкновенно большими и ясными. Кругомъ все спало. Вдали, на горѣ, сверкали огоньки турецкаго бивуака.... Невеселыя мысли давили сердце.... Врагъ былъ такъ близко, а все родное такъ далеко, далеко!... Воспоминанія изъ давно прошедшаго безпорядочными обрывками налетали на душу, смущая воображеніе мучительными сомнѣніями, тяжкими, какъ кошмаръ, жгучими, какъ совѣсть....

— И знаешь ли, о чемъ продумалъ я тутъ до разсвѣта? спросилъ мой сосѣдъ у своей слушательницы. Мнѣ, Богъ знаетъ почему, начали вспоминаться сцены изъ дальняго прошлаго, продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта. — Я увидѣлъ себя маленькимъ ребенкомъ въ спальнѣ матери. Въ углу большой кіотъ, уставленный образами въ ризахъ.... Восковыя свѣчи, пожелтѣвшія отъ времени, вербы, перевязанныя цвѣтными лентами и цвѣтами, большія просвирки.... Помнишь, тѣ просвирки, что богомолки приносили намъ, возвращаясь изъ путешествій по разнымъ святымъ мѣстамъ?... Мнѣ мерещился трепетный блескъ зажженной лампадки.... красноватый огонекъ дрожитъ и переливается въ золотѣ и серебрѣ вѣнчиковъ, на фольгѣ и пестрыхъ разноцвѣтныхъ лентахъ, и освѣщаетъ, своимъ мерцающимъ свѣтомъ, то ту, то другую черту суровыхъ и мрачныхъ ликъ, таинственно выглядывающихъ изъ разукрашенныхъ ризъ... Спалъ ли я въ ту ночь, грезились ли мнѣ призраки изъ дальняго прошлаго во снѣ или на яву,—этого я не могу сказать, одно только было ясно, это—то, что воображеніе унесло меня далеко отъ настоящаго....

— Мнѣ было пять лѣтъ; мать сидѣла на большомъ креслѣ передъ кіотомъ и держала меня на колѣняхъ. Я чувствовалъ на себѣ ея любящій взглядъ... милый, нѣжный голосъ шепталъ мнѣ на ухо: «ты долженъ говорить правду, одну только правду, безъ утайки... Видишь этотъ огонекъ? Онъ тотчасъ же потухнетъ, если ты солжешь.»

— Помнишь, какъ мы твердо были увѣрены въ томъ, что оно именно такъ и будетъ, что огонекъ въ маминой лампадкѣ погаснетъ, если мы солжемъ? Помнишь, съ какимъ таинствен-

нымъ трепетомъ мы посматривали на кіотъ, разсказывая ей приключенія дня? Какъ мы старались припомнить малѣйшія подробности нашихъ дѣтскихъ шалостей и ссоръ, какъ жутко дѣлалось при мысли, что огонекъ погаснетъ, если мы какъ-нибудь, даже неумышленно, исказимъ истину? Помнишь, помнишь? спрашивалъ онъ у своей слушательницы.

Онъ смолкъ въ ожиданіи отвѣта и съ минуту тишина въ ихъ комнатѣ нарушалась только потрескиваніемъ дровъ въ затопленной печкѣ. Наконецъ, она отвѣтила на его вопросъ. Говорила она тихо, медленно, подолгу останавливаясь передъ нѣкоторыми словами.

— Я помню... И знаешь ли что я тебѣ скажу? Не смѣйся, пожалуйста; но право же, я и теперь иногда испытываю это ощущеніе, когда приходится слышать ложь или присутствовать при какомъ-нибудь нагломъ обманѣ. Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ всегда дѣлается страшно, такъ вотъ и кажется, что даромъ то пройдти не можетъ, что вотъ, вотъ сейчасъ, случится что-нибудь... сверхестественное... Однимъ словомъ, мнѣ дѣлается точно также жутко, какъ тогда, когда мы были маленькіе и вѣрили въ маминъ огонекъ...

И помолчавши немного, она прибавила:

— Кто знаетъ! Я, можетъ быть, поэтому до сихъ поръ не выучилась лгать!

Онъ громко засмѣялся.

— Гдѣ тебѣ было выучиться! Вѣдь тебя не отдали семи лѣтъ отъ роду въ корпусъ, ты выросла дома, въ атмосферѣ любви и правды, въ семьѣ, тебѣ нельзя не вѣрить въ добро... Ну, а во мнѣ судьба и люди такъ усердно разшатывали эту вѣру, что одному только надо дивиться, какъ это всѣ огоньки не погасли въ моей душѣ!

Онъ началъ разсказывать въ шутливомъ тонѣ, какимъ образомъ онъ обучился житейской мудрости. Первымъ толчкомъ, заставившимъ его сознать необходимость отрѣшиться отъ наивныхъ правилъ, практикуемыхъ въ родномъ гнѣздѣ, послужило непріятное столкновеніе съ начальствомъ. Событіе это произошло вскорѣ послѣ того, какъ отецъ привезъ его изъ деревни въ огромное казенное зданіе, въ которомъ отъ стѣнъ и отъ людей вѣяло холодомъ и все казалось такъ мрачно, сухо и строго.

Въ этой новой обстановкѣ, онъ, въ первый разъ въ жизни, позналъ самого себя, замѣтилъ, что онъ и малъ, и слабъ, и что

всякому легко его обидѣть. До сихъ поръ онъ самъ могъ обижать другихъ и его много хвалили за то, что онъ добрый мальчикъ и не злоупотребляетъ своимъ правомъ и силой. Теперь роли перемѣнились: онъ очутился одинъ среди множества чужихъ дѣтей, однихъ съ нимъ лѣтъ и происхожденія; многіе изъ нихъ были старше его и сильнѣе... Откуда взялось такое множество дворянскихъ дѣтей? Онъ долго не могъ этого понять. До сихъ поръ онъ воображалъ, что отечество его состоитъ изъ мужиковъ и солдатъ... Надъ ними Царь, существо особенное, нѣчто среднее между Богомъ и человѣкомъ... Дворянъ же, такихъ, какъ онъ и его родители, такъ мало, что если ихъ всѣхъ собрать, даже тѣхъ, что пріѣзжаютъ къ нимъ въ гости издалёка, на именины папы и мамы, все таки толпы изъ нихъ не выйдетъ... Откуда же набрались эти мальчики, которыми точно муравейникъ, кишѣла рекреаціонная зала въ ту минуту, когда его ввели туда?

Указывая ему на этихъ мальчиковъ, генералъ объявилъ, что это его товарищи, и что онъ долженъ жить съ ними въ ладу. Стало быть, такіе же «благородныя дѣти» какъ и онъ, подсказывало воображеніе, напичканное объясненіями доморощенныхъ развивателей, — нянюшекъ и мамушекъ. Этими благородными товарищами нельзя безнаказанно помыкать какъ той оравой дворовыхъ и крестьянскихъ ребятишекъ, надъ которыми онъ привыкъ съ ранняго дѣтства командовать и которые допускались въ барскіе хоромы съ одной только цѣлью—забавлять барскаго дитятю.. Новые товарищи были совершенно иного сорта, съ ними и ссоры, и драки будутъ другія, придется, пожалуй, больше заботиться о самозащитѣ, чѣмъ объ нападеніяхъ... Жаловаться некому.. На генерала надежда плоха... Ему очень внушительно рекомендовали смотрѣть на него, какъ на человѣка, который долженъ былъ замѣнить ему отца, мать и вообще все, что ему до сихъ поръ было дорого и мило на землѣ; мальчуганъ со слезами обѣщалъ любить и уважать новаго родителя; но все его существо инстинктивно возмущалось противъ искуственно навязанныхъ чувствъ и какъ не насиловалъ онъ свою волю, какъ не повторялъ себѣ, что теперь у него никого нѣтъ ближе и родиѣе этого генерала, и что онъ долженъ ему вѣрить, какъ вѣрилъ матери,—ничего изъ этого, кромѣ безотчетнаго страха, не выходило. А впослѣдствіи, чувства эти опредѣлились еще рѣзче и превратились въ ненависть. Случилось это слѣдующимъ обра-

зомъ: наступилъ день именинъ новенькаго кадета. Благодаря лакомствамъ, которыхъ онъ въ этотъ день оказался счастливымъ обладателемъ, товарищи его сдѣлались вдругъ такъ ласковы и любезны, уплетая его гостинцы, что онъ совершенно забылъ нападки и тумаки, которыми они такъ щедро надѣляли его не дальше какъ наканунѣ, и окончательно разблагодушествовался. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ родительскій домъ, ему было отъ души весело; всѣ ему казались добрыми, всѣхъ ему хотѣлось любить. Когда во время обѣда, генералъ спросилъ у него, почему онъ такъ плохо приготовилъ уроки, онъ вскинулъ и на него смѣлый, смѣющійся взглядъ счастливаго ребенка, и не запинаясь отвѣчалъ, что онъ сегодня именинникъ...

На лицѣ новаго родителя выразилось что-то странное, злое и насмѣшливое въ одно и то же время... У мальчика морозъ пробѣжалъ по кожѣ, онъ съ недоумѣніемъ оглянулся на товарищей; но ихъ лукаво усмѣхающіяся рожицы только усилили смутный страхъ, которымъ начало сжиматься маленькое, перепуганное сердчишко; а строгій окликъ генерала и грозное движеніе большой, сильной руки съ толстыми, синими жилами, и огромнымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, окончательно разсѣяло всякое сомнѣніе на счетъ того, что онъ совершилъ какую-то крупную глупость... Страшная рука опустилась на его голову и бѣдному именинничку такъ больно надрали вихоръ, что онъ всю ночь проплакалъ отъ боли, стыда и безсильной злобы... Его, дворянина, прибили, прибили не за плохо выученный урокъ, нѣтъ, а за то что онъ сказалъ правду... Дома всякая провинность искупалась чистосердечнымъ признаніемъ, здѣсь же наоборотъ... Что за разладица!.. Пережить такой позоръ, такую несправедливость, ему казалось просто невозможнымъ и онъ цѣлую ночь предавался самымъ мрачнымъ мыслямъ и намѣреніямъ. Но къ утру онъ заснулъ крѣпко и сладко, какъ засыпаютъ нервныя дѣти, нарыдавшись до-сыта. Сонъ все изгладилъ и успокоилъ, и отъ волновавшихъ душу чувствъ ничего не осталось, кромѣ досады на самого себя и рѣшимости поступать впередъ умнѣе.

Съ этого дня онъ началъ внимательнѣе и осторожнѣе присматриваться къ жизни и усердно подлѣзываться къ ней. Вышло отлично: товарищи перестали драться; начальство полюбило его и всячески поощряло. Живо постигъ онъ всѣ кадетскія увертки, ухватки и снаровки, выучился искусству корчить невинныя

рожи, пріятно отвѣчать старшимъ, шалить и не попадаться. Не занимаясь особенно прилежно, онъ шелъ всегда наровнѣ съ первыми, отлично выдерживалъ экзамены и почти ничего не зная, получалъ награды за успѣхи въ наукахъ. Огорчаться равнодушіемъ и эгоизмомъ товарищей, оскорбляться незаслуженными тумаками начальства, казалось ему теперь точно также глупо и наивно, какъ вѣрить въ огоньки, которые гаснутъ съ горя, что люди лгутъ.

Онъ вышелъ въ гвардію и ему изумительно скоро дали полкъ. Даже смѣшно было видѣть такого юнаго полковника... Отъ густыхъ эполетъ онъ казался еще моложавѣе.

— Совсѣмъ мальчишка, говорили, пожимая плечами, завистники,—и за что только ему везетъ?

— Дайте срокъ, сорвется, повторяли враги.

А враговъ у него было множество. Самъ, лично, онъ никому не желалъ зла и ни кѣмъ особенно не занимался. Ему было не до другихъ: жизнь его такъ прелестно складывалась! Все ему улыбалось и удавалось, самыя трудныя, самыя недоступныя цѣли достигались имъ почти безъ боя и безъ хлопотъ. Какъ ловко выдрессированный гимнастъ, пробирался онъ легко и беззаботно по скользкому канату, высоко натянутому надъ мрачной пропастью житейскихъ печалей и неудачъ, ни разу не заглядывая въ эту бездну и не смущаясь отчаянными воплями людей, сорвавшихся туда по своей или по чужой винѣ. И чѣмъ выше поднимался онъ, чѣмъ свободнѣе и легче ему дышалось, тѣмъ мельче и ничтожнѣе казались ему люди, отставшіе отъ него на жизненномъ пути. Стоило ли вдумываться въ причины, погубившія ихъ и заботиться объ томъ, чтобъ остерегаться этихъ причинъ? Мало ли что случается съ другими! У другихъ нѣтъ такой счастливой звѣзды, какъ у него.

Но звѣзда эта въ одинъ прекрасный день ему измѣнила и предсказаніе завистниковъ исполнилось—онъ сорвался.

Паденіе было громкое, позорное, подняться, казалось, невозможнымъ; многіе удивлялись его рѣшимости жить послѣ такого паденія и осуждали его за это рѣшеніе.

Эти многіе не могли знать, какая внутренняя ломка совершается въ немъ и въ какомъ странномъ, неожиданномъ свѣтѣ начинаютъ ему представляться жизнь и люди.

Въ первую минуту отчаянья, онъ твердо рѣшился умереть, умереть благородно, какъ подобаетъ дворянину. Ему казалось,

что ждать отъ жизни больше нечего. Развѣ онъ не потерялъ все то, чѣмъ онъ дышалъ до сихъ поръ: блестящій мундиръ, обѣды во дворцахъ, милости великосвѣтскихъ красавицъ, кутежи въ модныхъ ресторанахъ съ знатными представителями высшаго общества?.. Все это у него теперь отнято, всего этого, благодаря глупой исторіи, онъ навсегда лишился.—Для чего же жить?

Онъ называлъ причину своего паденія «глупой», ужъ это былъ большой прогрессъ!

Давно ли не могъ онъ вспомнить о катастрофѣ, перевернувшей вверхъ дномъ всю его жизнь, безъ внутренняго содроганія, безъ того, чтобъ лицо его не покрылось блѣдностью отъ прилива крови къ сердцу? Но тутъ случилось одно обстоятельство, которое заставило его волей-неволей заняться этой катастрофой, взвѣсить и разобрать всѣ ея подробности и объяснить другимъ, какое именно участіе онъ принималъ въ ея причинахъ и послѣдствіяхъ. Дѣло въ томъ, что когда ему прочитали обвинительный актъ, по которому его предавали суду, извращеніе фактовъ такъ возмутило его, что умереть, не доказавши истину, показалось ему невозможнымъ и борьба съ клеветниками явными и тайными завязалась у него яростная. Онъ увлекся этой борьбой, увлекся и страстно привязался къ оружію, избранному имъ,—къ правдѣ; онъ хвастался имъ передъ самимъ собой и передъ другими, какъ ребенокъ, который отыскалъ въ шкафу старую игрушку, припрятанную туда заботливой няней, прежде чѣмъ онъ успѣлъ окончательно разрушить ее. Защитникъ совѣтывалъ ему быть осторожнѣе, по его мнѣнію, не слѣдовало высказываться вполнѣ, гораздо лучше о недоказанномъ молчать, многое оставить въ двусмысленномъ полусвѣтѣ и кое-что подчеркнуть намеками. Онъ находилъ также, что не мѣшаетъ набросать побольше тѣней обличительнаго свойства на окружающую среду, доказывать что другихъ можно точно также обвинить въ излишней довѣрчивости, а, пожалуй, даже кое въ чемъ и похуже.

Адвокатъ надѣялся спасти этимъ карьеру своего кліента; но кліентъ съ презрительной усмѣшкой отказался отъ такой системы защиты и объявилъ, что намѣренъ объяснять свои поступки одной только правдой и больше ничѣмъ.

Наступилъ день суда. Его потомъ хвалили за находчивость и за чувство собственнаго достоинства, которымъ дышало каждое его слово, каждый взглядъ и движеніе въ то роковое утро. Удивлялись его самообладанію.... Онъ увѣрялъ потомъ своихъ друзей,

что когда его привели и поставили передъ столомъ, за которымъ возсѣдалъ судъ, онъ былъ точно во снѣ: чувства притупились, впечатлѣнія подернулись туманомъ, все тѣло было въ какомъ то странномъ оцѣпенѣніи. Онъ почти не страдалъ въ то утро и даже ноющая боль въ сердцѣ, ни на секунду не покидавшая его послѣднее время, теперь притупилась. Кругомъ говорили, спорили и обращались къ нему съ вопросами. Онъ отвѣчалъ на эти вопросы.... что именно? Этого онъ не могъ бы сказать, ни тогда, ни послѣ. Звуки чужихъ голосовъ и его собственнаго, долетали только до уха, не проникая дальше и не вызывая въ умѣ никакихъ представленій. Внѣшняя обстановка суда занимала его гораздо больше. Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ лица людей, которые допрашивали его.... Всѣ они ему были болѣе или менѣе знакомы; но у каждаго изъ нихъ, онъ въ тотъ день замѣчалъ новую черту въ лицѣ, у одного во взглядѣ, у другаго въ изгибѣ сосредоточенно сжатыхъ губъ, у третьяго въ морщинахъ на лбу или между бровями.... Всѣ эти люди заняты имъ, глубоко, исключительно и такъ серьезно, что каждое слово его, каждое движеніе подмѣчается ими и коментируется на всякіе лады. Онъ чуствовалъ также, что то «новое», которое такъ поражаетъ его въ этихъ физіономіяхъ и есть именно выраженіе озабоченности объ его судьбѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отчужденія, враждебности и недовѣрія къ нему.... Захотятъ ли эти люди увидѣть, понять истину?

Порою, мысль эта, точно электрическимъ токомъ встряхивала его нервы и сжимала сердце нестерпимой болью. Но это длилось мгновеніе, и затѣмъ снова все въ немъ замирало и притуплялось.

Впрочемъ, не ко всѣмъ словамъ, раздававшимся вокругъ него, онъ оставался равнодушенъ, были и такія, что гвоздемъ вбивались ему въ голову и нѣсколько минутъ сряду повторялись въ ушахъ. Когда у него спросили: признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ взводимомъ на него обвиненіи, онъ отвѣчалъ, что оправдываться въ такомъ преступленіи, какъ кража, считаетъ для себя *неумѣстнымъ*. Слово это начало вертѣться у него въ умѣ съ самаго начала засѣданія, неотвязно напрашиваясь на каждый предлагаемый ему вопросъ. Никогда не забыть ему чувства внутренняго удовлетворенія, которое овладѣло имъ, когда ему удалось, наконецъ, произнести это слово.

Люди за столомъ продолжали совѣщаться между собою о степени его виновности и о томъ, какому наказанію его подвергнуть за эту виновность; а онъ въ это время размышлялъ о томъ, что

цѣль изъ-которой онъ отсрочилъ свое намѣреніе уйдти со сцены жизни достигнута, что все, что было въ его силахъ доказать— доказано, и что теперь онъ вправѣ распорядиться собою, какъ ему заблагоразсудится.... Причины, побуждавшія его къ самоубійству двѣ недѣли тому назадъ, остались тѣ же. Онъ снова началъ перечислять ихъ, ихъ было множество; но теперь ему вдругъ показалось, что всѣ онѣ такъ ничтожны, что положительно не стоитъ умирать изъ-за нихъ. Право же, резоннѣе было бы убить себя раньше, когда онъ пересталъ вѣрить въ огонекъ маминой лампадки, когда онъ устранилъ любовь къ правдѣ! Теперь же, изъ одного любопытства стоило жить. Онъ сдѣлалъ столько интересныхъ открытій за это послѣднее время, сталкивался съ такими странными личностями! И разочарованій было не мало; множество друзей измѣнило ему и предало его; но за то другіе, на которыхъ онъ не разсчитывалъ, поняли его и поддержали. Благодаря случившейся съ нимъ исторіи, онъ окунулся нежданно, негаданно въ такой міръ, въ которомъ все ему было чуждо и ново.... Всматриваясь въ этотъ міръ, онъ испытывалъ то же самое жуткое ощущеніе, которое охватило его двадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ вступилъ въ первый разъ въ рекреаціонную залу корпуса. Откуда взялось такое множество дворянскихъ дѣтей? спрашивалъ онъ тогда у самого себя. Теперь же, онъ задавалъ себѣ тотъ же самый вопросъ относительно людей, ищущихъ счастье вовсе не въ томъ, въ чемъ онъ и ему подобные его находятъ.

Людей этихъ оказалось множество. Они были молоды, здоровы и неглупы; многіе изъ нихъ были образованнѣе его, многихъ изъ нихъ природа одарила блестящими талантами.... Почему онъ до сихъ поръ даже и не подозрѣвалъ объ ихъ существованіи? Они не интересуются ни свѣтскими удовольствіями, ни чинами, ни почестями, ни деньгами, у нихъ другія цѣли и радости.... Что это за люди? Откуда они взялись?

Мужики работаютъ, чтобъ не умереть съ голоду и платить подати; офицеры и чиновники служатъ изъ-за крестовъ, чиновъ и денегъ; а эти изъ за чего трудятся? Въ чемъ ищутъ они себѣ награду?

На новомъ поприщѣ ему пришлось часто сталкиваться съ этими людьми. Онъ ихъ узналъ короче и многія изъ ихъ цѣлей сдѣлались его цѣлями. Съ восторгомъ повинуясь житейской волнѣ, выбросившей его на Моравскій берегъ, онъ отчасти надѣялся служить ихъ идеѣ и встрѣтиться съ людьми подобными имъ.

— Но первое столкновеніе съ здѣшнимъ обществомъ и порядками значительно расхолодило мои восторженныя мечты, разсказывалъ мой сосѣдъ.

— Люди, встрѣтившіе меня здѣсь, вовсе не походили на тѣхъ, что прислали меня сюда. О главнокомандующемъ я еще не смѣлъ судить, слишкомъ мало видѣлъ я его и слышалъ....Вотъ въ какихъ размышленіяхъ застала меня утренняя заря. Изъ бѣлесоватой мглы, то тутъ, то тамъ начали выдѣляться очертанія палатокъ, изгороди, у которой я сидѣлъ, домикъ главнокомандующаго.

На сѣроватой почвѣ пятнами зачернѣлись спящія фигуры, закутанныя въ плащи, а въ умѣ съ новой силой зашевелились впечатлѣнія прожитаго дня: нахально надменныя физіономіи, раздражительное ощущеніе усталости, голода и злобы подъ палящими лучами солнца, такого же непривѣтливаго и чужаго, какъ здѣшніе люди и порядки. А затѣмъ, замелькали въ умѣ загорѣлыя и запыленныя лица добровольцевъ изъ простаго народа, съ выраженіемъ безпредѣльной покорности судьбѣ и суровой рѣшимости въ каждомъ движеніи и взглядѣ. Встрѣча съ ними и тогда освѣжила мнѣ душу, теперь же, было особенно отрадно останавливать на нихъ мое измученное воображеніе. Отъ нихъ мысли мои невольно перешли къ тому человѣку, котораго они избрали себѣ вождемъ.... Я былъ въ двухъ шагахъ отъ него. Незатѣйливыя очертанія его жилища, съ каждой минутой все яснѣе и яснѣе выступали изъ туманной мглы.... Онъ вѣрно тоже спитъ, какъ и всѣ, думалъ я; ему вѣрно снятся чудныя грёзы о славѣ, объ успѣшно достигнутой цѣли, о блестящихъ овацiяхъ освобожденныхъ имъ народовъ....

— Нѣтъ, онъ не спалъ. Въ то время, какъ мысли объ немъ кружились въ моей головѣ, одна изъ дверей, ведущихъ на крыльцо, неслышно отворилась и съ лѣсенки сталъ кто-то спускаться, медленной, тяжелой поступью. Неужели это онъ? Долго не могъ я этому повѣрить, долго всматривался я въ согнутую фигуру, шагавшую неровной, порывистой походкой вдоль изгороди, прежде чѣмъ узнать въ ней самоувѣреннаго начальника, которому мы представлялись наканунѣ. Куда дѣлся смѣлый взглядъ, которымъ онъ каждому изъ насъ заглядывалъ въ душу, ободряющая усмѣшка умныхъ, толстыхъ губъ? Куда дѣвалась мощная сила, проглядывавшая нѣсколько часовъ тому назадъ въ каждомъ его словѣ и движеніи?... Теперь черты его лица дышали скорбью и отчаяніемъ, скулы нервно подергивались.... Онъ машинально повернулъ

голову въ мою сторону и глаза его остановились на мнѣ... Представь себѣ, въ нихъ были слезы! Я отдался ему навсегда за эти слезы. Впослѣдствіи, когда мы сошлись ближе и коротко узнали другъ друга, и когда, трудясь вмѣстѣ, мы иногда расходились во взглядахъ и мнѣніяхъ, въ такія минуты мнѣ стоило только вспомнить это утро, чтобъ ему все простить. Эти слезы, нечаянно подмѣченныя въ его глазахъ, многое мнѣ открыли и суровое предчувствіе будущаго молніей озарило мнѣ душу. Въ то время, никто еще не подозрѣвалъ приближенія бѣды, никому еще не было извѣстно на какую вѣрную гибель идетъ онъ самъ и ведетъ людей, ввѣрившихъ свою судьбу въ его руки; но онъ уже зналъ это и ни на что не надѣялся. Сколько надо было силы воли, преданности и любви къ идеѣ, а также вѣры въ нее, чтобъ выдерживать такую пытку и ни единымъ словомъ, ни единымъ взглядомъ, не выдавать своихъ страданій! Я понялъ также, какія и меня ожидаютъ разочарованія въ арміи и, право же, мнѣ часто кажется, что, только благодаря этому откровенію, я исполнилъ безъ ропота мой долгъ, ничѣмъ не возмущаясь и ни на что не надѣясь.... А вѣдь ѣхалъ я сюда совсѣмъ съ другими мечтами.... Нѣсколько часовъ спустя, меня назначили къ Хорватовичу....

И вдругъ, описывая свое знакомство съ сербскимъ генераломъ, мой сосѣдъ совершенно неожиданно назвалъ свое имя.... Я чуть не вскрикнулъ отъ изумленія; имя это было такое извѣстное! Какъ это случилось, что я раньше не узналъ его, по выраженіямъ, по складу мыслей, по нѣкоторымъ эпизодамъ изъ его жизни, о которыхъ онъ упоминалъ въ разсказахъ о своемъ прошломъ?... Наружность его мнѣ была давно извѣстна, сколько разъ приходилось всматриваться въ его симпатичное лицо на страницахъ иллюстрированныхъ журналовъ, среди группъ героевъ послѣдней войны и отдѣльно.... Въ умѣ затѣснились воспоминанія объ чудесахъ храбрости, самоотверженія и великодушія, вычитанныхъ объ немъ въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ, разсказы очевидцевъ о томъ, какъ его всѣ тамъ любили, и свои, и сербы....

А, между тѣмъ, бесѣда за стѣной продолжалась, но только совершенно въ другомъ тонѣ, чѣмъ прежде. Вѣроятно, чтобъ изгладить мрачное впечатлѣніе, навѣянное началомъ разговора, сосѣдъ мой теперь отвѣчалъ смѣшными анекдотами на всѣ расспросы и съ особенною любовью останавливался на случаяхъ, характеризирующихъ его слабости, ошибки и увлеченія.

— О! я тоже былъ трусомъ, да еще какимъ! вскричалъ онъ на какое-то замѣчаніе своей слушательницы;—вотъ я тебѣ разскажу.... Это случилось нѣсколько часовъ послѣ моего пріѣзда къ Хорватовичу. Чтобъ скрытно отъ непріятеля занять позицію на высотахъ, мы двинулись въ походъ ночью. Влѣво отъ шоссе, по которому мы шли, тянулись горы, усѣянныя пылавшими кострами. Это была боевая линія Сербской арміи. При блескѣ огоньковъ, сверкавшихъ то тутъ, то тамъ, можно было различить неясныя очертанія главнѣйшихъ пунктовъ окружающей мѣстности: ближе всѣхъ высокій Джунисъ, дальше плоскій Креветъ, за нимъ холмистый Гредитинъ и наконецъ Суповацъ, гдѣ мы потомъ нашли такое множество сливъ, грушъ и винограда. Мнѣ не дали никакого назначенія при Хорватовичѣ, стало быть, свободнаго времени для изученія среды, въ которой приходилось жить и дѣйствовать, было много. Наблюденія мои я началъ съ полковника и чѣмъ ближе всматривался я въ продолговатое лицо этого сухаго, высокаго и сутуловатаго человѣка, съ нависшими густыми бровями, длинной бородой и жестокой непреклонностью во взглядѣ, тѣмъ лучше понималъ я уваженіе и довѣріе, питаемыя къ нему *нашимъ* генераломъ. О! это былъ воинъ въ полномъ смыслѣ этого слова. По наружности онъ напоминалъ скорѣе атамана разбойниковъ, чѣмъ начальника дисциплинированныхъ войскъ и гуманности въ немъ было такъ мало, что впослѣдствіи нервы мои не могли выдерживать раздирательныхъ сценъ, при которыхъ волей-неволей приходилось присутствовать, состоя при его особѣ. Но надо отдать ему справедливость:—къ самому себѣ онъ былъ точно также непреклоненъ, какъ и къ другимъ и жизнь его отличалась истинно спартанской простотой и суровостью. Впрочемъ, надо и то сказать, что съ такимъ войскомъ какъ то, которымъ ему доводилось командовать, трудно было бы сладить безъ жестокости.... За мародерство и трусость, онъ частехонько собственноручно разстрѣливалъ виновныхъ; а, между тѣмъ, право же сербы далеко не такіе трусы, какъ объ нихъ разсказываютъ; сколько разъ мнѣ потомъ на опытѣ удалось убѣдиться, что съ умѣньемъ можно изъ нихъ сдѣлать настоящихъ героевъ.... Вотъ меня они тоже торжественно произвели въ юнаки.... Еслибъ они только знали, что со мной случилось въ первый день нашего выступленія въ походъ!...

— Начинала заниматься утренняя зорька, мы прошли деревню, стали бивуакомъ и воинки наши заварили свой клас-

сическій паприкашъ. Хорватовичъ, не слѣзая съ лошади, отдалъ приказанія и, взявъ въ прикрытіе одинъ эскадронъ, отправился на рекогносцировку. Это военное движеніе вполнѣ его характеризовало: съ трубкой въ зубахъ, какъ-то особенно раскачиваясь на сѣдлѣ, онъ ѣхалъ впереди всѣхъ; за нимъ по старшинству, слѣдовалъ я, потомъ штабъ.

Тропинка, по которой мы подымались въ гору, шла густымъ, дѣвственнымъ лѣсомъ. Гдѣ-то вдали, влѣво отъ насъ, слышались пушечные выстрѣлы. По временамъ, Хорватовичъ, полуоборачиваясь ко мнѣ и тыкая пальцемъ въ воздухъ, произносилъ отрывисто: Креветъ!... ого! То Джунисъ!... Турцы.... Ну! Гредитинъ....

На каждый возгласъ я почтительно прикладывалъ руку къ козырьку. Наконецъ, дорожка наша круто повернула на право и вышла на тропу, болѣе протертую. Начальникъ нашъ пріостановился, взглянулъ внизъ и ткнувъ пальцемъ въ землю, проговорилъ лаконически: свиньи! Я и свиньямъ сдѣлалъ подъ козырекъ. Такое мое поведеніе видимо понравилось начальству и оно милостиво улыбаясь, продолжало беззаботно подниматься въ гору... А, между тѣмъ, выстрѣлы раздавались все чаще и чаще.

— То наши, замѣтилъ Хорватовичъ, отвѣчая на недоумѣвающій взглядъ, которымъ я окидывалъ окружающую насъ мѣстность.

«Можетъ быть, и наши, а можетъ быть и турки», подумалъ я и, совершенно упустивъ изъ виду военное правило, предписывающее намъ ни отъ чего не отказываться и ни на что не напрашиваться, я предложилъ начальнику обозрѣть мѣстность и убѣдиться изъ какого именно лагеря летятъ пули.

— Добже, добже, отвѣчалъ онъ, не переставая насмѣшливо улыбаться.

Я отправился. Лѣсъ шелъ чѣмъ дальше, тѣмъ гуще; выстрѣлы не прекращались и объ томъ, чтобъ придерживаться какому бы то ни было направленію, нечего было и думать: пули летали со всѣхъ сторонъ; съ оглушительнымъ свистомъ пронизывая листву и сбивая ее, онѣ производили такой странный, нескончаемый шорохъ, что меня невольно началъ забирать какой-то глупый, непреодолимый ужасъ. Точно сверхестественной силой тянуло меня въ таинственную бездну, изъ которой нѣтъ исхода. Я пробирался все дальше и дальше, выстрѣлы раздавались чаще, дождь листьевъ, сыпавшійся на меня, съ каждой минутой

усиливался, усиливался также свистъ и шорохъ, повторяясь безъ конца эхомъ.... Напрасно пытался я поймать въ умѣ разбѣгающіяся во всѣ стороны мысли, сообразить и обдумать свое положеніе, изъ этихъ усилій ровно ничего не выходило. Гдѣ начинается лѣсъ, гдѣ онъ кончается и кончается ли онъ гдѣ-нибудь? Что въ немъ и за нимъ? За какимъ именно изъ окружающихъ меня кустовъ ждетъ меня смерть, которая изъ пролетающихъ пуль задѣнетъ меня и куда задѣнетъ? Умру ли я мгновенно или буду долго мучиться?... Вотъ какія мысли неотвязно лѣзли мнѣ въ голову, вмѣстѣ съ неумѣстными воспоминаніями о турецкихъ звѣрствахъ и сцены, одна другой кровавѣе, тѣснились въ мозгу. Страхъ все крѣпче и крѣпче охватывалъ все мое существо.... зубы судорожно сжимались, дыханіе спиралось, руки и ноги холодѣли.... Я чувствовалъ, какъ вся кровь приливаетъ къ сердцу, какъ блѣднѣетъ мое лицо, а глаза невольно раскрываются все шире и шире.... По черепу, нѣтъ-нѣтъ да и пробѣжитъ дрожь, ужасно раздражительная.... Отъ этой дрожи волосы приподнимаются на головѣ.... Преотвратительное ощущеніе, увѣряю тебя!... И вдругъ, совсѣмъ близко и явственно раздались поспѣшные шаги безчисленныхъ ногъ, все ближе и ближе, такъ близко, что мнѣ уже замерещились звѣрскія рожи между спутанными вѣтвями деревьевъ.... Какая-то невидимая сила, сила самосохраненія, отдернула меня въ сторону, за дерево.... кровь застыла въ жилахъ, сознаніе окончательно исчезло.... Машинально спрыгнулъ я съ лошади, поставилъ ее за собою, вынулъ пистолетъ и взвелъ курокъ.... Сколько времени простоялъ я такимъ образомъ въ ожиданіи, стиснувъ до боли челюсти и устремивъ пристальный взглядъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться врагъ, этого я не знаю, помню только, что минуты тянулись томительно долго, что я любилъ себя въ эти минуты такъ, какъ никогда, и что мнѣ было безконечно жаль себя.... Наконецъ, вѣтви захрустѣли и затрещали у самаго моего уха, кусты передо мной зашевелились и мимо меня съ невѣроятной быстротой промчалось большое стадо свиней!... Теперь, я не могу вспомнить про эту сцену безъ смѣха, но тогда, мнѣ вовсе не хотѣлось издѣваться надъ собою, увѣряю тебя.

Приключеніе это мигомъ отрезвило его. Пули не переставали свистать, щелкать объ вѣтви и шуршать листьями, но, теперь, весь этотъ гвалтъ особеннаго дѣйствія на его нервы не производилъ. Раскидывая умомъ, какимъ образомъ выбраться изъ лѣса,

онъ вспомнилъ старину, въ немъ проснулись инстинкты охотника и онъ принялся отыскивать свой путь по солнцу. Не прошло и часу, какъ онъ благополучно добрался до оврага, на днѣ котораго сверкалъ ручей. Ружейные выстрѣлы шли отсюда, но никого не было видно. Вдругъ, у самыхъ его ногъ просвистала пуля.... Онъ нагнулся и увидалъ человѣка, въ которомъ тотчасъ же узналъ русскаго. Человѣкъ этотъ лежалъ за кустами на брюхѣ; въ рукахъ его было ружье.

— Меня онъ не замѣчалъ, продолжалъ мой сосѣдъ.—Не перемѣняя своей лѣнивой позы, и не дождавшись, чтобъ дымъ отъ перваго выстрѣла разсѣялся, онъ снова взвелъ курокъ и снова выпалилъ. Справа и слѣва тоже раздались выстрѣлы.... Я оглянулся—другіе люди лежали подъ кустами, въ той же позѣ, и тоже стрѣляли.—Что вы тутъ дѣлаете? закричалъ я на нихъ. Произошло смятеніе. Оглядѣвъ меня съ ногъ до головы и признавъ во мнѣ начальство, они начали приподниматься одинъ за другимъ и, переминаясь съ ноги на ногу, отвѣчали, что имъ тутъ приказано быть.... служить прикрытіемъ полковнику Хорватовичу.

— Только тутъ понялъ я восклицаніе, вырвавшееся часа два тому назадъ у нашего начальника. Эпитетъ «свиньи» относился къ моимъ соотечественникамъ и, надо сознаться, былъ ими вполнѣ заслуженъ.

— Какъ же вы смѣете стрѣлять, когда поставлены здѣсь въ секретѣ?

Окрикъ этотъ окончательно ихъ смутилъ. Одинъ изъ нихъ, посмѣлѣе прочихъ, началъ довольно сбивчиво объяснять, что, молъ, такъ и такъ, ваше благородіе, ручей тутъ, какъ изволите видѣть, вода въ немъ—вотъ здѣсь соленая, (онъ указалъ на воду, струившуюся у ихъ ногъ), а тамъ, гдѣ эти самые турки, чѣмъ дальше, тѣмъ слаще.... Ну вотъ, мы и палимъ, чтобъ значитъ маленько дорожку себѣ къ тому мѣсту прочистить.... Они, чортовы дѣти, отъ выстрѣловъ-то, что твои воробьи разсыпаются, намъ и вольготно за водой-то ходить....

. . . . . .

Сосѣди мои долго забавлялись этимъ эпизодомъ; но мнѣ вовсе не хотѣлось смѣяться, мнѣ воображеніе рисовало иныя картины. Передо мной развертывалась гористая мѣстность, съ непроходимымъ лѣсомъ, чернѣющимъ въ ущельяхъ и по скатамъ горъ. Тутъ расположились двѣ арміи, одна въ пять тысячъ человѣкъ, другая въ тридцать. Отъ первой высланъ отрядъ на ту самую

вершину, на которую направлены непріятельскія баттареи. Цѣль отряда заключается въ томъ, чтобъ продержать непріятеля по возможности дольше въ неизвѣстности относительно численности и силы маленькой арміи. Выполненіе этой задачи возложено на начальника отряда. Онъ одинъ знаетъ, что горсть людей, которую онъ привелъ сюда, ожидаетъ неминуемая гибель, если въ планахъ непріятеля не произойдетъ перемѣны. Онъ также знаетъ, какъ мало шансовъ на такую перемѣну и какъ трудно надѣяться, чтобъ большая армія ушла отсюда, не истребивши предварительно до единаго человѣка, маленькую.

Но пока онъ одинъ это знаетъ, дѣло нельзя еще считать проиграннымъ.

Онъ прохаживается между брустверами, за которыми укрываются солдатики, подходитъ къ орудіямъ, у которыхъ хлопочатъ артиллеристы. Непріятельскія гранаты перелетаютъ чрезъ его голову и лопаются въ отдаленіи, не причиняя никому вреда.... Но это только до поры до времени, пріемы непріятеля ему хорошо извѣстны; онъ знаетъ, что гранаты будутъ сначала перелетать за цѣль, потомъ недолетать до нее, а затѣмъ, когда разстояніе опредѣлится, онѣ будутъ падать и разрываться у ихъ ногъ.

Онъ очень спокоенъ и ничто въ его наружности и движеніяхъ не выдаетъ внутренняго волненія и напряженнаго вниманія, съ которымъ онъ слѣдитъ за выраженіемъ лицъ и прислушивается къ говору окружающихъ его людей. До сихъ поръ все обстоитъ благополучно, люди веселы и бодры, надъ гранатами подшучиваютъ и острятъ.... Вотъ одна изъ нихъ разорвалась довольно близко.... Осколки ея полетѣли впередъ, никого не задѣвъ, стоявшихъ тутъ только обсыпало землей.... Ничего, смѣются и смѣются отъ души.... Летитъ другая.... Эта пущена вѣрнѣе, солдатику, некстати высунувшему свою улыбающуюся рожу изъ-за бруствера, отрываетъ голову.... его убираютъ. Лица дѣлаются серьезнѣе; но пока, все это еще не то, чего начальникъ отряда такъ сильно опасается. Онъ продолжаетъ прохаживаться и присматриваться, подходитъ къ людямъ у орудій.... Повидимому, они совершенно поглощены своимъ дѣломъ и ни объ чемъ другомъ, кромѣ наводки орудія не помышляютъ.... Но вотъ одинъ изъ нихъ поднялъ голову, глаза его встрѣтились съ глазами начальника и этому послѣднему почудилось что-то неладное въ этомъ взглядѣ.... Онъ поспѣшно отходитъ къ группамъ за при-

крытіями, приближается то къ одной, то къ другой, шутитъ, предлагаетъ вопросы.... Ему отвѣчаютъ въ томъ же тонѣ; но онъ начинаетъ подмѣчать какую-то натянутость въ улыбкахъ.... ему кажется, что глаза разбѣгаются по сторонамъ и не выдерживаютъ его взгляда.... Невидимая сила заставляетъ его оборачиваться.... на лицахъ, застигнутыхъ врасплохъ, растерянность выражается ужъ совсѣмъ ясно.... О! какъ ему знакомо это выраженіе и какъ ему ненавистно подмѣчать его у людей, которыхъ онъ долженъ вести на бой!

Снова возвращается онъ къ баттареямъ. Непріятельскія гранаты не перестаютъ летать и разрываться все ближе и ближе, осколками ихъ уже искалѣчено пять, шесть человѣкъ.... Артиллеристъ, тотъ самый, что своимъ взглядомъ заставилъ его, нѣсколько минутъ тому назадъ, отойдти къ людямъ за брустверъ, артиллеристъ хлопочетъ у орудія, очень усердно.... Брови его сдвинуты, губы сосредоточенно сжаты, онъ дѣлаетъ много лишнихъ движеній и, притворяясь что не замѣчаетъ начальника, упорно отвертывается отъ него.... Ему ужасно не хочется, чтобъ замѣтили, какъ онъ труситъ....

— Вамъ тутъ не мѣсто, полковникъ, отойдите, раздается умоляющій голосъ у самаго уха начальника отряда.

Кто это сказалъ? Къ чему? Развѣ онъ можетъ чего-нибудь бояться въ такую минуту? Развѣ онъ можетъ думать объ чемъ бы то ни было, кромѣ какъ объ томъ, чтобъ продержаться тутъ до извѣстнаго часа? А какъ это сдѣлать? Какими силами остановить панику, которая начинаетъ уже овладѣвать его людьми?...

Онъ оглядывается: дѣйствительно мѣсто, на которомъ онъ стоитъ, открыто со всѣхъ сторонъ и онъ одинъ тутъ остался: человѣкъ, предостерегавшій его, снова спрятался за брустверъ, его не видать....

Можно себѣ представить съ какими лицами они тамъ сидятъ!

Солнце очень высоко, должно быть второй часъ дня.... Онъ вспомнилъ, что съ утра ничего не ѣлъ. Люди тоже, ничего еще себѣ не варили.... Скверно!...

Вдругъ, геніальная мысль озаряетъ его, средство отвлечь всеобщее вниманіе отъ опасности найдено и средство вѣрное, остается только немедленно привести его въ исполненіе. Онъ приказываетъ принести себѣ обѣдать, сюда, въ двухъ шагахъ отъ баттареи, на то самое мѣсто, на которое направлены непріятельскія пушки.

Солдатики въ недоумѣніи переглядываются, но тотчасъ же принимаются исполнять приказаніе: приносятъ приборы, холодную баранину и вино.... Изъ-за брустверовъ начинаютъ высовываться головы, съ преобладающимъ выраженіемъ наивнаго любопытства въ глазахъ.... снова поднимается говоръ и смѣхъ, чѣмъ дальше, тѣмъ громче. Толпа постепенно увеличивается.... Зрѣлище такое заманчивое! Всякому хочется посмотрѣть, какъ это полковникъ будетъ обѣдать подъ гранатами?

Очень просто; пригласилъ своихъ адъютантовъ, сѣли вокругъ стола и принялись, какъ ни въ чемъ ни бывало, кушать баранину и запивать ее виномъ. А гранаты-то свистятъ да свистятъ.... Турки точно взбѣсились, такъ и жарятъ.... и прямо въ импровизированную столовую начальника отряда наровятъ, но только все не въ попадъ, то перелетитъ, то не долетитъ, вотъ оказія-то! А вѣдь, кажется, чего бы легче попасть, зрительныя трубки у нихъ отличныя, англійскія, все въ нихъ до крошечки видно.... Эдакій счастливецъ полковникъ, судьба видимо ему благопріятствуетъ и къ концу трапезы шлётъ ему новое подспорье.... Скачетъ адъютантъ изъ главнаго штаба, вѣроятно съ депешами отъ генерала.... Господи, какая рожа! Такъ вотъ и читается на ней, что онъ еще издали увидалъ оригинальную сцену на горѣ и давно ужъ посылаетъ ко всѣмъ чертямъ изобрѣтателя этой безумной выходки.... Однако, какъ тамъ не мнись, а подойти надо, на то служба....

Гранаты изъ непріятельскаго лагеря продолжаютъ летать и разрываться, но кому же теперь придетъ въ голову обращать на нихъ вниманіе? Всѣ взоры устремлены на пріѣзжаго, одинъ только полковникъ продолжаетъ спокойно кушать, ничего не замѣчая. Онъ только тогда подымаетъ глаза съ тарелки и протягиваетъ руку за депешей, когда бумага очутилась подъ самымъ его носомъ.

Медленно и внимательно прочелъ онъ записку генерала, вскидывая по временамъ спокойный взглядъ на несчастнаго адъютанта, который стоитъ передъ нимъ ни живъ, ни мертвъ.

Чтобъ ближе поглазѣть на эту курьезную сцену, всѣ солдатики одинъ за другимъ повылазили изъ-за прикрытій.

Полковникъ сложилъ депешу, положилъ ее въ боковой карманъ, вынулъ записную книжку, оторвалъ отъ нея листокъ и началъ набрасывать на немъ свой отвѣтъ, а затѣмъ, передавая его посланцу, съ любезной улыбкой предложилъ ему закусить.

Зрители этой забавной комедіи придвигаются все ближе и ближе; всѣ глаза пристально впились въ красавчика штабнаго.... Ему ужасно жутко отъ этихъ взглядовъ, щеки его вспыхиваютъ, а затѣмъ, снова покрываются блѣдностью, губы шепчутъ что-то невнятное и вдругъ, онъ съ отчаянною рѣшимостью прикладываетъ руку къ козырьку, быстро повертывается, вскакиваетъ на коня и безъ оглядки удираетъ во свояси.

Съ минуту толпа смотритъ ему вслѣдъ, а затѣмъ разражается такимъ гомерическимъ хохотомъ, что хохотъ этотъ на время заглушаетъ свистъ и трескъ разрывающихся вокругъ гранатъ.

Цѣль начальника отряда достигнута, люди бодро простояли на позиціи до слѣдующаго утра.

Множество разсказовъ подобныхъ этому слышалъ я отъ очевидцевъ про моего сосѣда. Теперь, разсказы эти воскресали одинъ за другимъ въ моей памяти и чѣмъ откровеннѣе разоблачалъ онъ передъ своей слушательницей свои слабости, колебанія и ошибки, тѣмъ ярче выступали въ моемъ воображеніи тѣ выдающіяся сцены изъ его дѣятельности, о которыхъ онъ умалчивалъ.

— Мои подвиги! вскричалъ онъ, на какое-то замѣчаніе, которое я не разслышалъ.

— Мои подвиги! Вопервыхъ, въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, ничего такого, чего многіе не сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ; а вовторыхъ, все это ужасно преувеличено, увѣряю тебя. Прослыть героемъ въ такой войнѣ, какой была наша война.... да нѣтъ ничего легче этого, стоитъ только такъ сдѣлать, чтобъ тебя полюбили люди, сейчасъ произведутъ въ Александры Македонскіе! Къ тому же тутъ дѣйствуешь инстинктивно, волей управляетъ идея.... она душитъ въ зародышѣ всякую попытку къ какому бы то ни было анализу и размышленію, человѣкъ превращается въ орудіе долга, а, при такомъ нравственномъ настроеніи нельзя не быть храбрымъ....

Что же касается до его пресловутаго умѣнья ладить съ людьми и внушать имъ любовь и довѣріе, онъ утверждалъ, что обязанъ этому искусству исключительно личнымъ впечатлѣніямъ и что пріемъ, оказанный ему сослуживцами, въ первый день его пріѣзда, открылъ ему глаза на многое. Онъ узналъ по опыту, какія мысли и чувства зарождаются въ душѣ самаго добраго, самаго незлобиваго человѣка, послѣ того, какъ онъ пробродитъ цѣлые сутки безъ крова и безъ пищи, безъ привѣтливаго слова

въ незнакомой мѣстности, среди сытыхъ и довольныхъ скотовъ, которымъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до его страданій.

— Я тутъ же далъ себѣ слово поступать совершенно наоборотъ чѣмъ они, и если бъ ты только знала, сколько почитателей и друзей пріобрѣлъ я такими пустыми услугами, какъ напримѣръ, уступленная подушка кстати, и тому подобныя, ничего не стоющія жертвы.... Правда также и то, что я всегда старался поступать справедливо и что когда я дѣлалъ ошибки, мнѣ ничего не стоило сознаваться въ этомъ.... Ты представить себѣ не можешь, какимъ тонкимъ политикомъ и глубокимъ знатокомъ человѣческаго сердца оказался я, поступая такимъ образомъ. Люди далеко не такъ испорчены, какъ думаютъ, сколько разъ мнѣ приходилось убѣждаться въ этомъ по опыту! Бывали такіе случаи: разнесешь, напримѣръ, какого-нибудь забулдыгу за скверное поведеніе, наговоришь ему такихъ оскорбительныхъ вещей, что потомъ даже самому гадко сдѣлается; а на другой день этотъ же самый «неисправимый» негодяй, о которомъ безъ омерзѣнія и презрѣнія нельзя вспомнить, этотъ самый пропащій человѣкъ лѣзетъ изъ-за тебя въ огонь и спасаетъ тебѣ жизнь, то-есть, положительнѣйшимъ образомъ, тебѣ доказываетъ, что когда дѣло идетъ объ томъ, чтобъ «положить душу за ближняго», онъ стоитъ неизмѣримо выше тебя — развитаго джентльмена!... Да и наконецъ, одинъ развѣ я очутился тамъ, потому что душа жаждала сильныхъ ощущеній и обновленія? Насъ тамъ собралась цѣлая колонія неудачниковъ всевозможныхъ сортовъ и оттѣнковъ....

Онъ смолкъ, поднялся съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

Она тоже съ минуту времени молчала, а затѣмъ спросила нерѣшительнымъ тономъ:

— Ну, и что жъ?

Слова эти были произнесены очень тихо; онъ такъ глубоко задумался, что не разслышалъ ихъ.

— Что же ты изъ всего этого вынесъ? повторила она.

— Что я вынесъ? О! совершенно не то, что думалъ вынести! Съ одной стороны разочарованіе было полное, но за то съ другой.... Вотъ я тебѣ разскажу, слушай. Это случилось позже, много позже.... Наша маленькая война кончилась, кончилась также и большая.... Я давно уѣхалъ оттуда, уѣхалъ съ растерзаннымъ сердцемъ, пресыщенный до отвращенія неудачами, обманами, оскорбленіями, предательствами.... Ни одно изъ моихъ меч-

таній не сбылось; мнѣ объявили, что я не нуженъ и чтобъ я ни на что не надѣялся.... Ничего больше не оставалось дѣлать, какъ снова забиться въ ту темную, глухую щель, изъ которой два года тому назадъ, я вырвался съ такимъ восторгомъ, съ такими радужными надеждами! Эти восемь мѣсяцевъ прошли также быстро, какъ сонъ и точно также безслѣдно. Еслибъ не боль въ раненной ногѣ передъ дурной погодой, можно было бы пожалуй забыть мою несчастную попытку снова вскарабкаться на ту ступеньку общественной лѣстницы, съ которой во второй разъ, такъ жестоко сбрасывала меня судьба.... Правда, въ моей маленькой, скромной квартирѣ стоялъ ящикъ съ иностранными орденами, да футляръ съ той знаменитой золотой саблей съ пышной надписью, о которой ты вѣрно слышала.... Но, теперь, эти вещественныя напоминанія пережитыхъ волненій не возбуждали у меня ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, никакой отрады. Все это вышло какъ-то глупо и смѣшно! послалъ меня туда русскій народъ, на русскія деньги, дрался я тамъ и выбивался изъ силъ, чтобъ искупить прошлое, добиться чести снова служить Россіи наравнѣ съ прочими, а кончается тѣмъ, что получаю въ награду золотую саблю отъ сербскихъ офицеровъ!... Гдѣ же тотъ народъ, который провожалъ насъ туда съ восторженными криками, который совалъ намъ въ карманы свои послѣдніе гроши, молился за насъ въ церквахъ, читалъ съ жадностью газеты, чтобъ узнавать про наши подвиги? Гдѣ онъ этотъ народъ? Какъ принялъ онъ вѣсть о нашихъ неудачахъ? Какихъ онъ теперь мыслей объ насъ? Да и вообще, есть ли у него какія бы то ни было мысли?... Послѣднее время враги наши, внутренніе и внѣшніе, такъ много кричали объ его неразвитости, о невозможности пробудить въ немъ какую бы то ни было инціативу, въ немъ даже отрицали способность любить и вѣрить въ добро, его сравнивали со стадомъ, которое бѣжитъ безъ толку и смысла, за первымъ попавшимся вожакомъ.... Неужели это правда?...

Тяжко было задавать себѣ такіе вопросы и не находить на нихъ отвѣта. Къ несчастью уйти отъ такихъ мыслей было трудно; благодаря прогрессу въ путяхъ сообщенія, слухи извнѣ проникали и въ его захолустье, большею частью искаженные и выцвѣтшіе отъ времени, это—правда; но эти запоздалыя вѣсти о нашихъ бѣдствіяхъ еще больнѣе отзывались въ сердцѣ, еще раздражительнѣе дѣйствовали на воображеніе, чѣмъ живое горе, въ которомъ самъ принимаешь участіе.

Народныя бѣдствія тѣмъ и отличаются отъ личныхъ, что отъ нихъ въ одномъ только можно искать утѣшенія — въ сознаніи, что и самъ страдаешь не меньше другихъ.

У него было отнято это утѣшеніе, отнято именно въ ту минуту, когда ему на опытѣ удалось убѣдиться, что онъ *можетъ* приносить пользу!... Иногда ему казалось, что все, что онъ тамъ сдѣлалъ, пропало даромъ и безслѣдно, что всѣ труды его уничтожены этою роковою невозможностью продолжать дѣло дальше, и тогда скверныя чувства шевелились въ немъ.

Да, тяжкое время переживалъ онъ, всѣ огоньки, одинъ за другимъ, гасли въ его душѣ, съ каждымъ днемъ въ ней дѣлалось холоднѣе и темнѣе; нападала зловѣщая апатія, все чаще и чаще выдавались такіе дни, когда онъ ни на что не надѣялся и ни во что не вѣрилъ.

Но судьба какъ будто только этого и ждала, чтобъ указать ему, въ чемъ именно онъ долженъ искать себѣ награду и утѣшеніе.

Наступала осень. Однажды вечеромъ, проѣзжая съ одной станціи на другую по обязанности службы, сосѣдъ мой заснулъ въ вагонѣ. Поѣздъ остановился у маленькой станціи. Это былъ товарный поѣздъ, онъ долженъ былъ простоять тутъ очень долго; но кондукторъ рѣшилъ, что будить г-на контролера не для чего, на слѣдующей станціи ему предстоитъ столько дѣла, что, пожалуй, всю ночь не удастся заснуть.

День выдался необыкновенно пыльный и жаркій. Отъ одного утомительнаго однообразія мѣстности, можно было заскучать до тоски. На десятки, на сотни верстъ тянулась степь. Долго смотрѣлъ онъ изъ окна своего вагона, на ея зеленыя волны, на бѣлые, воздушные пучки ковыля, мѣрно и тихо колыхавшихся подъ знойными лучами солнца. Нигдѣ не встрѣчалъ взглядъ ни малѣйшаго препятствія. Отъ бѣлыхъ, легкихъ облачковъ, причудливо раскинувшихся по небу, оно казалось еще синѣе, глубже и дальше.... Порою, какая-нибудь птица выпорхнетъ изъ травы, взовьется на воздухъ, рѣзко отдѣляясь чернымъ пятномъ на прозрачной лазури, отлетитъ немного въ сторону и снова, поспѣшно взмахивая крыльями, спустится внизъ. Порой, мелькнетъ вдали кочующій табунъ, засеребрится рѣчка или зачернѣются неуклюжія очертанія хутора, съ низенькими строеніями; но поѣздъ мчится быстро, ни на чемъ нельзя остановиться взгляду....

Да и лучше такъ. На чемъ тутъ останавливаться? Во что всматриваться?

Въ тотъ день ему было особенно тяжко. Наканунѣ онъ случайно встрѣтился съ однимъ человѣкомъ *оттуда*. Разсказы этого человѣка освѣжили ему память и такъ разбередили сердце, что когда сонъ началъ смыкать его глаза, онъ обрадовался ему, какъ избавителю отъ мучительныхъ думъ.

Какой-то странный гулъ, гулъ множества сдержанныхъ голосовъ, разбудилъ его. Солнце скрылось, сумерки быстро сгущались. Голубую шелкувую занавѣску, спущенную передъ открытымъ окномъ вагона, вздувало свѣжимъ, душистымъ вѣтеркомъ и на него пахнуло ароматомъ степныхъ травъ.

Шорохъ и шопотъ вокругъ вагона не прекращался; голоса старались сдерживаться, въ нихъ звучала ласка какая-то, такъ говорятъ только у постели милаго, дорогаго больнаго, когда боятся обезпокоить его. Однако, до слуха моего сосѣда долетѣло явственно имя.... его имя! А за тѣмъ, умоляющіе возгласы:

— Покажи намъ его.... тутъ што ли?... Братцы, онъ тутъ, говорятъ полковникъ.... (Опять его имя, онъ не ошибся!).

— Тутъ въ эфтомъ самомъ вагонѣ.... вонъ, гдѣ занавѣсочку-то раздуваетъ!... Ну-у-у!... Право, ей Богу.... Вишь ты.... Какъ бы посмотрѣть на него!...

Раздался сердитый шопотъ кондуктора.

— Отойдите, чего тутъ.... Говорятъ вамъ, что заснулъ.... Не будить же изъ-за васъ!...

И снова гулъ толпы и отрывки фразъ.

— Мы тутъ обождемъ.... Можетъ проснется, намъ бы только посмотрѣть на него.... Мы подождемъ....

— Я приподнялъ край занавѣски, продолжалъ взволнованнымъ голосомъ мой сосѣдъ, у окна тѣснилась толпа косарей. Они возвращались съ работы и остановились тутъ, чтобъ посмотрѣть на меня.... Чудное чувство охватило мнѣ душу!... Всѣ эти люди, съ загорѣлыми, запыленными лицами, съ блестящими отъ умиленія глазами, знаютъ и любятъ меня, имъ хочется меня видѣть, они раньше слышали и думали обо мнѣ!...

— Раздались свистки, поѣздъ долженъ былъ сейчасъ тронуться.... Толпа прихлынула къ окну еще ближе, гулъ голосовъ усилился и я опять услышалъ свое имя.... Мнѣ вдругъ страстно захотѣлось выразить имъ мою радость, мое глубокое, сердеч-

ное спасибо, или захотѣлось сказать, что жизнь моя принадлежитъ имъ.... Я сорвался съ мѣста, поднялъ занавѣску и поклонился, низко, низко.... Еще бы! Вѣдь я кланялся всей русской землѣ въ лицѣ этой толпы!

Н. Северинъ.

Декабрь 1878 г.
Хуторъ Крутояръ.

Морозъ и весна.

(сказка).

Ночь весенняя тихо легла надъ землей,
Ярко тысячи звѣздъ въ высотѣ голубой
Въ серебристыхъ лучахъ засверкали.
Но холодною свѣжестью дуетъ съ рѣки,
И послѣдній морозъ оковалъ ручейки,
Что при солнышкѣ рѣзво журчали.
Жалко старому дѣду поля покидать
И свободу въ лугахъ воскресающихъ дать
Для весны и для жизни кипучей....
Жаль, что скоро цвѣтами и юной травой
Запестрѣетъ обширный просторъ луговой,
Гдѣ онъ царствовалъ, дикій, могучій....
Ходитъ старый по селамъ при яркихъ звѣздахъ,
Чтобъ весенній разливъ на лугахъ и поляхъ
Оковать дуновеньемъ могилы,
И съ досадой онъ слышитъ: на встрѣчу веснѣ,
Подъ землею въ корняхъ и въ малюткѣ-зернѣ
Просыпаются юныя силы.
Бородою косматой онъ гнѣвно трясетъ,
Ледяныя сосульки на крышахъ куетъ
И ворчитъ, безпощадный и грозный.
«Неподвижность—вотъ счастія символъ святой,
«Все скую, все покрою корой ледяной,
«Все сдавлю я десницей морозной!...
«Что весна? Это нравовъ растлѣнье одно....
«Своеволье таитъ молодое зерно....
«Не спѣшите-же рваться на волю,
«Вы, мятежныя силы и травъ, и цвѣтовъ!
«Все скую и, попрежнему, снѣжный покровъ
«Раскидаю по чистому полю!...

Морозъ и Весна.

«Заморожу весеннія почки вѣтвей,
«Заморожу я чувства въ сердцахъ у людей,
«У поэта скую вдохновенье....
«Слово всякое глыбой падетъ ледяной,
«Мыслямъ крылья скую и въ недвижный покой
«Обращу міровое движенье....
«Все, что рвется впередъ, ищетъ вешнихъ лучей,
«Все застынетъ: и колосъ въ раздольи полей,
«И побѣги на нивѣ науки....
«Хоры пташекъ въ лѣсу замолчатъ навсегда,
«И падутъ, замирая, осколками льда
«Звонкой лиры аккорды и звуки!»...
Такъ старикъ провѣщалъ и поникнулъ главой.
Чу! волковъ раздался одобрительный вой;
«Браво»! каркнула гдѣ-то ворона....
Ледъ сочувственно съ лужи одной затрещалъ,
Да въ хлѣву домовой, умилясь, прорычалъ
Рѣчь вполнѣ подходящаго тона....
Стихло все;... но весенняя ночь коротка,
И за дальней горой слова старика
Услыхала весна-чаровница.
Вотъ востокъ заалѣлъ надъ прибрежнымъ холмомъ,
И разсыпалась съ утреннимъ первымъ лучемъ
Золотыхъ облачковъ вереница.
Улыбнулась весна на слова старика,
А за нею и лѣсъ, и поля, и рѣка
Засмѣялись сочувственнымъ эхомъ;
Ручейки побѣжали со смѣхомъ журча,
И малютка-подснѣжникъ надъ бредомъ хрыча
Разразился младенческимъ смѣхомъ....
Ледяныя сосульки, блестя хрусталемъ,
Стали таять со смѣхомъ подъ яркимъ лучемъ;
Смѣхъ по чащѣ лѣсной раскатился.
И предвѣстникъ безоблачныхъ радостныхъ дней—
Первый жаворонокъ съ лона воскресшихъ полей
Съ звонкой пѣснею къ солнышку взвился....

Л. Пальминъ.

ПОЭТЪ.

Среди людей, скрывая гордо муки,
Для сердца пищи сердцемъ онъ искалъ,
И по свѣту разсѣянные звуки
Въ святую пѣсню собиралъ....

—

Въ надзвѣздный край, оставивъ край убогій
Онъ уносился свѣтлою душой,
И трепеща, внималъ глаголу Бога
Сокрытъ отъ глазъ толпы пустой.

—

Вѣщаетъ онъ на лирѣ вдохновенной
О будущемъ, о грезахъ старины;
Онъ знаетъ тайны думы сокровенной
Родныхъ сердецъ, родной страны....

—

Преступенъ тотъ, кто жалкою рукой
Полетъ пѣвца дерзнетъ остановить....
Преступенъ тотъ, безумецъ хочетъ тьмою
Потоки свѣта замѣнить.

П. Козловъ.

Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ.

II.

Мы должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы, и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полотья есть дѣло не только русское, но и всемірное. Эта мысль одна только можетъ дать силу и постоянство.

Хомяковъ (письмо къ Самарину 1845 г.).

Вѣроисповѣдное ученіе Хомякова коренится въ понятіи о той же *общинѣ*, которой бытовое значеніе выяснено К. Аксаковымъ. Церковь есть великая община вѣрующихъ. «Единство ея, по опредѣленію Хомякова, есть не иное что, какъ согласіе личныхъ свободъ» *).

Такое согласіе достигается христіанской любовью. «Общеніе любви, говоритъ Хомяковъ, не только полезно, но вполнѣ необходимо для постиженія истины, и постиженіе истины на ней (т. е. любви) зиждется и безъ нея невозможно. *Недоступная для отдѣльнаго мышленія, истина доступна только совокупности мышленій, связанныхъ любовью*» **). Въ церкви человѣкъ «находитъ самого себя, т. е. то, что есть совершеннаго въ немъ самомъ—божественное вдохновеніе, постоянно испаряющееся въ грубой нечистотѣ каждаго отдѣльно-личнаго существованія» ***).

Церковь не даромъ называется *соборною*. Слово *соборъ*, по толкованію того же ея учителя (какъ назвалъ Хомякова издатель бо-

*) Соч. Хомякова II, 209. Это опредѣленіе составляетъ сжатый выводъ изъ трехъ знаменитыхъ брошюръ Хомякова, написанныхъ первоначально на французскомъ языкѣ и напечатанныхъ сперва за границею.

**) Соч. Хомякова I, 283. Въ статьѣ по поводу отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ Кирѣевскаго.

***) Соч. Хомякова II, 100. Во второй брошюрѣ о церкви.

гословскихъ его сочиненій Ю. Ѳ. Самаринъ), «выражаетъ идею собранія не только въ смыслѣ проявленнаго, видимаго соединенія многихъ въ какомъ либо мѣстѣ, но и въ болѣе общемъ смыслѣ всегдашней возможности такого соединенія, иными словами: выражаетъ идею *единства во множествѣ*» *). Единство это полное, совершенно свободное, рѣзко отличающееся отъ той вынужденной уступки перевѣшивающей численности, которая представляется у К. Аксакова столь несовмѣстною съ чистымъ началомъ общины. Соборъ получалъ значеніе для церкви независимо отъ цифры присутствовавшихъ на немъ представителей отдѣльныхъ церквей.

«Церковь, говоритъ Хомяковъ, принимала или отвергала опредѣленія соборовъ, смотря по тому: находила ли ихъ сообразными или противными своей вѣрѣ и своему преданію, и присвоивала названіе соборовъ вселенскихъ тѣмъ изъ нихъ, въ постановленіяхъ которыхъ признавала выраженіе своей внутренней мысли **).

«Бывали соборы, на которыхъ подписавшихся епископовъ насчитывалось вдвое болѣе, чѣмъ на Никейскомъ, и они не признавались вселенскими, потому что въ нихъ усматривалось отпаденіе отъ общаго ученія церкви, хотя представителями подобнаго отпаденія являлись императоры, патріархи и папы. Соборы эти не представляли никакихъ наружныхъ отличій отъ соборовъ вселенскихъ, а, между тѣмъ, ихъ рѣшенія не были признаны за голосъ церкви *всѣмъ церковнымъ народомъ*» (помимо всякаго отобранія у него голосовъ) «тѣмъ народомъ и въ той средѣ, гдѣ въ вопросахъ вѣры нѣтъ различія между ученымъ и невѣждою, церковникомъ и мірянином, мужчиною и женщиною, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ» ***). На соборахъ могли порою происходить такіе же безпорядки, какъ на нашихъ и вообще славянскихъ вѣчахъ. Хомяковъ прямо указывалъ на это въ своихъ запискахъ о всемірной исторіи, налегая на то, что сила не столько въ соборахъ, сколько въ *соборности,* составлявшей нравственную стихію всей церкви. «Величественнѣе самихъ соборовъ, говоритъ онъ, часто возмущенныхъ безчинствомъ низкихъ страстей, была жизнь мысли, безпрестанно и повсемѣстно выска-

*) Соч. Хомякова II, 281. Въ письмѣ къ редактору "L'Union Chrétienne". О значеніи словъ „каѳолическій" и „соборный" (по поводу рѣчи іезуита о. Гагарина).

**) Соч. Хомякова II, 44.

***) Соч. Хомякова I, 64 (въ первой брошюрѣ о церкви).

зывавшаяся въ посланіяхъ, въ проповѣдяхъ, въ письменныхъ или словесныхъ преніяхъ.... Самые соборы не опредѣляли, но высказывали мысль и вѣрованіе, живущія въ церковной общинѣ: они получали значеніе свое не отъ особенныхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, но отъ согласія отсутствующихъ христіанъ на исповѣданіе, утвержденное ихъ представителями.... *Соборъ былъ не власть, а голосъ*»...*). На Востокѣ—взглядъ этотъ, не смотря на развращающее вліяніе византійской, въ язычествѣ коренящейся, государственности, не смотря на позднѣйшее, не менѣе развращающее вліяніе мусульманскаго ига, сохранился незыблемо до нашего времени. Доказательствомъ служитъ у Хомякова окружное посланіе восточныхъ патріарховъ 1848 года въ отвѣтъ на предложеніе папы о возсоединеніи церквей, посланіе, изъ котораго приводятся у нашего писателя слѣдующія слова: «у насъ ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести что нибудь новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло церкви, т. е. самый народъ, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнно»**). Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого же посланія Хомяковъ писалъ Самарину: «никогда нельзя угадать, что́ откуда возьмется.... Кто повѣрилъ бы, что инстинктъ церковной истины дойдетъ до такого яснаго сознанія въ духовенствѣ мало просвѣщенномъ и глубоко испорченномъ внѣшними обстоятельствами и своею схоластическою наукою». Позже, по поводу другаго, какъ онъ выражался, «чуда»***), онъ опять припомнилъ и прежнее, когда «изъ темнаго гноища цареградской патріархіи вышло слово вдохновеннаго христіанства»****).

Греческій Востокъ, признаетъ Хомяковъ, сперва развратившись, сталъ наконецъ и невѣжественнымъ, но не смотря на это сохранилъ свое основное вѣроисповѣдное отличіе отъ римскаго Запада, издавна уже направившагося по иному пути—вслѣдствіе

---

*) Соч. Хомякова IV, 552. „Записки о всемірной исторіи“ прошли у насъ почти незамѣченными; между тѣмъ этотъ трудъ Хомякова, доведенный, къ сожалѣнію, не далѣе X вѣка, остается у насъ единственнымъ вполнѣ своеобразнымъ трудомъ по всеобщей исторіи. На Западѣ онъ бы навѣрное произвелъ глубокое впечатлѣніе, уже по одному тому, что въ немъ одновременно (синхронистически) разсматриваются событія на всемъ земномъ шарѣ.

**) Соч. Хомякова II, 140.

***) Происшедшаго у насъ въ Петербургѣ—первыхъ трудовъ по освобожденію крестьянъ.

****) Р. Архивъ 1879 г. ноябрь, стр. 333, 348. Оттуда же и эпиграфъ къ настоящей статьѣ (стр. 315).

недостатка въ немъ просвѣщенія сравнительно съ тогдашнимъ Востокомъ. «Темный Западъ, говоритъ Хомяковъ, еще не созналъ въ себѣ своей собственной мысли: онъ принялъ просвѣщеніе извнѣ, но не какъ живую силу, пробуждающую внутренній духъ человѣка, а какъ готовый плодъ чужой жизни; онъ принялъ его въ самой грубой и внѣшней его формѣ, въ формѣ общественнаго быта и государственнаго закона» (римскаго). Подъ вліяніемъ этого прививнаго просвѣщенія, народы, впослѣдствіи водворившіеся на развалинахъ Западно-Римской имперіи, полюбили, по выраженію Хомякова, «логику государственной полиціи». И церковь стала имъ представляться «въ видѣ государства, единственнаго ими сознаннаго проявленія человѣческой мысли». Это издавна отразилось на особенности характера самыхъ церковныхъ соборовъ на Западѣ. «На Востокѣ, говоритъ Хомяковъ, они были только выраженіемъ общаго мнѣнія.... На Западѣ же соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. На Востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на Западѣ—приговоромъ»*). Такое различіе намѣчено было *въ жизни* съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства, но только впослѣдствіи обратилось въ *принципъ*, вызвавшій, наконецъ, еще болѣе существенное различіе между двумя великими частями христіанскаго міра. «Западъ, говоритъ Хомяковъ, предположивъ сначала законодательное право въ собраніяхъ совѣщательныхъ, передалъ это право одному епископу, владыкѣ древнѣйшаго и почетнѣйшаго изъ западныхъ престоловъ»**) (той міровой столицы, изъ памяти которой не исчезъ еще *pontifex maximus*)***). Правда, еще въ IX в. самъ папа Николай I писалъ патріарху Фотію въ древнемъ общехристіанскомъ духѣ, что «въ вопросахъ вѣры послѣдній изъ христіанъ имѣетъ такой же голосъ, какъ и первый изъ епископовъ»****). Но уже немного времени понадобилось для того, чтобы голосъ первенствующаго епископа былъ объявленъ единственно призваннымъ рѣшать такіе вопросы.

---

*) Соч. Хомякова IV, 706—707.

**) Соч. Хомякова IV, 957.

***) Хомяковъ (IV, 487) обращаетъ вниманіе на то, что императоръ Граціанъ, самъ отказавшись отъ званія первосвященника (pontifex maximus), сохраненнаго еще ближайшими пріемниками Константина, въ то же время утвердилъ первенство епископа римскаго передъ другими епископами Запада, т. е. какъ бы передалъ ему свои права на званіе первосвященника.

****) Соч. Хомякова I, 46—47.

Первый рѣшительный шагъ къ искаженію характера древней соборности былъ сдѣланъ въ странѣ, гдѣ грубость готской военной стихіи продолжала мѣшать мірянамъ быть христіанами болѣе чѣмъ по имени, а вліяніе римскихъ государственныхъ преданій на духовенство оставалось безъ всякаго умѣряющаго противовѣса. То была Испанія, положеніе которой такимъ образомъ описывается у Хомякова: «Дружное и цѣльное сословіе лицъ духовныхъ захватывало всякій день все болѣе и болѣе права всѣхъ другихъ сословій». Соборы, созываемые безпрестанно, обратились, наконецъ, просто въ органъ полновластнаго духовенства. «Гордое своимъ политическимъ значеніемъ, оно, забывъ любовь и согласіе и неизмѣнность преданія и неприкосновенность вселенскихъ соборовъ, самовольно и безъ согласія другихъ церквей измѣнило всеобщій символъ вѣроисповѣданія. «Христіанскій Востокъ долгое время и не зналъ объ этомъ: при издавнемъ своемъ обычаѣ извѣщать церкви западныя о рѣшеніяхъ, принятыхъ на восточныхъ соборахъ, онъ не получилъ подобнаго извѣщенія съ Запада. Между тѣмъ на происшедшее тамъ измѣненіе хотя и не вдругъ, но, наконецъ, согласился и папа, уступивъ угрозамъ гордаго духовенства. Такимъ образомъ узаконено было Западомъ *filioque* *) и открылся путь къ введенію въ вѣру догматовъ, неизвѣстныхъ церковному преданію, и порожденныхъ, по выраженію Кирѣевскаго, «случайнымъ выводомъ логики Западныхъ народовъ» **).

Но соблазнительный примѣръ Толедскаго собора (гдѣ и было сдѣлано измѣненіе въ символѣ) для всякой отдѣльной церкви угрожалъ христіанскому міру возможностью распаденія на различные толки. Западъ не могъ не сознать этого. И вотъ тотъ же папа, давшій свое благословеніе мѣстному произволу, представился якоремъ спасенія отъ дальнѣйшихъ проявленій того же самаго произвола. Внутреннее единство церкви, однажды утраченное, подмѣнено было единствомъ внѣшнимъ — правомъ первосвященника римскаго, пожалованнаго въ намѣстника Христа на землѣ, считаться непогрѣшимымъ прорицателемъ истины въ церкви. «Духовная община, говоритъ Хомяковъ, исчезла въ государственномъ обществѣ церкви. Народъ—міряне—исчезалъ въ правительствѣ—духовенствѣ, а духовенство въ своей постоянной главѣ—папѣ» ***).

---

*) «И отъ Сына».

**) Соч. И. В. Кирѣевскаго. II, 284.

***) Соч. Хомякова IV, 719.

А отсюда неизбѣжно вытекали такія послѣдствія. «Языки народные, мѣстные, должны были уступить мѣсто языку государственному, всеобщему — латинскому». На этомъ языкѣ справлялось духовенствомъ богослуженіе—вполнѣ непонятное для народа. Молитва церковная получила при этомъ, по замѣчанію Хомякова, «значеніе талисманическое или заклинательное съ силою принудительною для высшаго міра» *). Но отнявъ у народа возможность сознательнаго участія въ богослуженіи, духовенство взяло у него изъ рукъ и самое слово Божіе. Это прекрасно объясняется у И. В. Кирѣевскаго тѣмъ, что «заботясь болѣе о наружномъ единствѣ и о внѣшнемъ владычествѣ надъ умами, чѣмъ о внутренней истинѣ, Римъ сохранилъ для своей іерархіи монополію разумѣнія и не могъ дѣйствовать иначе, если не хотѣлъ распасться на множество противорѣчащихъ толковъ» **). Но духовенство римское отняло, наконецъ, у народа и доступъ къ чашѣ, создавъ себѣ особую привиллегію даже въ томъ, что является таинственнымъ скрѣпленіемъ внутренняго союза Христа съ каждымъ вѣрующимъ. При такихъ отношеніяхъ духовенства къ народу, явилось, наконецъ, и стремленіе размножать этотъ подвластный и, обреченный на пребываніе во тьмѣ народъ посредствомъ завоеванія. «Система вооруженной проповѣди, говоритъ Хомяковъ,.... наполнила исторію Европы и всего міра ужасами, которые были бы позоромъ для людоѣдовъ.... Съ другой стороны.... приготовила зародыши протестантству, ибо должно замѣтить, что оно вообще распространилось и укоренилось въ странахъ, обращенныхъ въ христіанство насиліемъ» ***).

Давнишняя измѣна западныхъ соборовъ *началу соборности,* такимъ образомъ, привела къ тому, что сперва въ глазахъ римскаго міра весь Востокъ сталъ представляться, по выраженію Хомякова, не болѣе какъ «міромъ илотовъ въ дѣлахъ вѣры и ученія» (съ нимъ перестали сноситься—о немъ запамятовали), а разрѣшилась тѣмъ, что на самомъ Западѣ «Христіанинъ, нѣкогда членъ церкви, сдѣлался подданнымъ церкви» ****).

---

*) Издатели соч. Хомякова приводятъ при этомъ изъ одной проповѣди Dupanloup, что молитва—une puissance irrésistible et redoutable au ciel même.... La prière égale et surpasse quelquefois la puissance de Dieu. (Соч. Хомякова, IV, 958). Это—прямое возвращеніе къ воззрѣніямъ Индійской Ригъ Вѣды, въ которой „сила обрядовъ была поставлена выше силы самихъ боговъ“ (Alfred Maury, Croyances et Légendes, de l'Antiquité, p. 45).

**) Соч. Кирѣевскаго II, 287.

***) Соч. Хомякова IV, 765—766.

****) Соч. Хомякова I, 46 и 48.

Когда новоявленный государь ея — папа рѣшился узаконить произвольное нарушеніе церковнаго единства, то онъ благословилъ, по выраженію Хомякова, «нравственное братоубійство». Впослѣдствіи, «по неизбѣжной послѣдовательности, наслѣдники этого преступленія должны были придти къ *братоубійству вещественному*». Оно вышло такъ въ силу того закона, что «всякая несправедливость поражаетъ виновнаго гораздо болѣе чѣмъ жертву; обиженный терпитъ, обидчикъ развращается. Обиженный можетъ простить и часто прощаетъ; обидчикъ не прощаетъ никогда. Его преступленіе впускаетъ въ его сердце ростокъ ненависти, который постоянно будетъ стремиться къ развитію....» Изъ такого-то ростка развилось и то окружное посланіе парижскаго архіепископа, въ которомъ онъ призывалъ французовъ къ войнѣ съ Россіей за Турцію, потому что эта «война религіозная, война противъ ереси Фотіанъ», т. е. православной церкви. Это-то посланіе французскаго прелата и вызвало только что приведенныя разсужденія Хомякова*).

Но преступленіе противъ *соборности*, въ своихъ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ, заключало и свою кару. Папство, узаконивъ произволъ областнаго мнѣнія, думало этимъ же помѣшать переходу подобнаго произвола въ обычай—такъ какъ съ этихъ поръ оно приписало произволу своего освященія (санкціи) исключительное право превращать *мнѣнія* въ *догматы*. Но внутренній подлогъ, несравненно важнѣйшій, чѣмъ какіе-либо подлоги внѣшніе (въ родѣ Исидоровыхъ декреталій), подлогъ, заключавшійся въ выдачѣ внѣшняго принудительнаго единства за истинную церковную власть, былъ, наконецъ, осужденъ, тѣмъ великимъ движеніемъ мысли, которое называется Протестантствомъ. По мнѣнію Хомякова, оно не что иное какъ «міръ, отрицающій другой міръ», т. е. тотъ Романизмъ, который породилъ папство, но вмѣстѣ съ нимъ и зародышъ будущаго противъ него возмущенія. Протестантство отвергло единоличный всерѣшающій голосъ папы, къ которому сводилась на Западѣ вся церковная жизнь, и потребовало права этого голоса для всѣхъ,—но не въ первоначальномъ церковномъ смыслѣ—не для всѣхъ въ *единодушной ихъ совокупности,* а для всѣхъ въ смыслѣ *каждаго*. Потребовавъ при этомъ и возвращенія мірянамъ библіи, протестантство думало въ ней обрѣсти ту единую точку опоры, которая не дастъ ра-

*) Во второй его брошюрѣ о церкви. (Соч. II, 87).

зойтись въ различныя стороны вышедшимъ на свободу отдѣльнымъ сознаніямъ. Но библія въ сознаніи каждаго отражается и истолковывается болѣе или менѣе по своему. Протестантство при этомъ не вздумало, что библія изъята была изъ общаго употребленія не во всемъ же христіанскомъ мірѣ—что она оставалась общимъ достояніемъ на Востокѣ. Между тѣмъ, оставаясь тамъ общимъ достояніемъ, она продолжала и пониматься въ издавна установившемся обще-церковномъ смыслѣ—смыслѣ, заключавшемся въ томъ *преданіи*, которое никогда тамъ не прерывалось, поддерживая единство въ разумѣніи *писанія*. Протестантство, не подумавъ обратиться туда, гдѣ преемственно сохранялось преданіе, осталось безъ настоящей опоры, при «одномъ единствѣ *вещи*, то-есть писаннаго слова, какъ книги, независимо отъ его значенія и отъ мысли въ немъ заключенной» *). Такое чисто внѣшнее единство не могло спасти отъ постепеннаго раздробленія на различные толки. Въ протестантской *свободѣ*, такимъ образомъ, исчезло *единство,* подобно тому, какъ внѣшнее единство Рима убивало свободу. «Только при первоначальной церковной соборности, заключаетъ Хомяковъ, въ свободѣ сказывалось и единство».

Римъ со своимъ долговременнымъ владычествомъ надъ совѣстью и сознаніемъ человѣчества удовлетворялъ тому началу косности въ человѣкѣ, въ силу котораго онъ любитъ, чтобы ему подавалась *готовая истина*. Протестантство вывело, наконецъ, западное человѣчество изъ подъ римскаго ига, удовлетворяя другой, противоположной способности человѣка—находить наслажденіе въ томъ, чтобы добыть истину собственными силами своего ума **). Но протестантство за то оставляетъ людей въ положеніи вѣчно ищущихъ истину. Въ чисто протестантскомъ духѣ высказался тотъ нѣмецкій писатель, который утверждалъ, что если бы въ одной рукѣ у Всемогущаго заключалась полнота истины, а въ другой—только стремленіе къ ней, то онъ бы выбралъ послѣднее. Но протестантство, вынуждаемое своимъ вѣроисповѣднымъ происхожденіемъ стараться сохранить за собою характеръ положительной вѣры,—устами одного изъ своимъ лучшихъ новѣйшихъ представителей опредѣляетъ себя какъ «путь къ будущему каѳоличеству» (соборности, т. е. свободному единству). Хомяковъ возражаетъ на эти слова Вине, что «или каѳоличество невозможно въ будущемъ, или оно не могло погибнуть въ про-

*) Соч. Хомякова II, 95. Ср. у И. В. Кирѣевскаго II, 303.

**) Соч. Хомякова II, 97—98.

шедшемъ», желая этимъ указать на то, что слѣдуетъ просто къ нему *вернуться*. Въ сущности протестантство все болѣе и болѣе перестаетъ быть положительною вѣрою, становясь въ сознаніи каждаго какою-то личною *его* вѣрою. У людей вполнѣ послѣдовательныхъ оно окончательно переходитъ изъ вѣры въ какую-то полувѣрующую, а не то и совсѣмъ не вѣрующую философію. Неизбѣжность такого исхода давно уже предусмотрѣна протестантствомъ, которое въ лицѣ присяжныхъ своихъ представителей однакоже «не посмѣло, по выраженію Хомякова, открыто порвать всѣ преданія церкви и остановилось на полудорогѣ, на какой-то противной логикѣ сдѣлкѣ, которая впрочемъ никого не обманываетъ» *). Но для прямой и цѣльной природы Хомякова всякая сдѣлка была противна. Онъ скорѣе мирился съ прямымъ и открытымъ невѣріемъ. «Только въ безвѣріи, говоритъ Хомяковъ, и можно теперь встрѣтить неподдѣльную искренность, и замѣчательно, что обыкновенно нападаютъ на безвѣріе не за то, что оно отвергаетъ вѣру, въ чемъ однако заключается его вина, а за то, что оно дѣлаетъ это откровенно, т. е. за его честность и благородство». Поясняя свою мысль примѣрами, онъ далѣе указываетъ на то, что «общественное негодованіе преслѣдуетъ поэта, слагающаго гимны безбожію». «Бѣдный, достойный удивленія Шеллей! восклицаетъ по этому поводу Хомяковъ. Самыя выраженія его невѣрія бываютъ часто проникнуты духомъ христіанства, котораго онъ никогда постигнуть не могъ» **). Это напоминаетъ не менѣе сочувственный отзывъ Хомякова о другомъ, болѣе раннемъ, «невѣрующемъ»—Вольтерѣ, который, по его словамъ, «бралъ противъ лже-христіанства современной ему жизни оружіе изъ христіанской истины. Въ дѣлѣ Каласа, въ дѣлѣ двухъ молодыхъ людей, сужденныхъ за богохульство, и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ былъ болѣе христіаниномъ, чѣмъ его противники. Руссо, прибавляетъ Хомяковъ, и подавно» ***). Дѣло объясняется у него тѣмъ, что «сила благотворная христіанской закваски обнаруживала одинаково могущественное дѣйствіе какъ на людей не вѣрившихъ въ нее и ее отвергавшихъ, такъ и на людей вѣровавшихъ и хвалившихся своею вѣрою». Но, оговаривается Хомяковъ, «не должно себя обманывать: христіанская нравственность не можетъ пережить ученія, служащаго ей источникомъ. Лишен-

*) Соч. Хомякова II, 102.
**) Соч. Хомякова II, 126.
***) Соч. Хомякова I, 575.

ная своего родника, она естественно изсякаетъ.... А въ томъ именно и заключается существенная опасность, грозящая настоящей эпохѣ, что мысль на Западѣ дѣйствительно обогнала религію, уличивъ ее въ раціонализмѣ и непослѣдовательности; а религія обогнанная, есть религія приговоренная» *). Но хуже всего, что въ такомъ положеніи дѣла не хотятъ сознаться. Потому-то общественное мнѣніе «преслѣдуетъ ученаго, трудолюбивыми изысканіями подкапывающаго основанія религіи, въ которую онъ не вѣритъ; но общественное негодованіе безмолвствуетъ предъ религіознымъ лицемѣріемъ, составляющимъ какъ бы единственную религію Запада» **).

Трудно, кажется, не признать той строгой логической послѣдовательности, съ какою выводится у Хомякова изъ римской «ереси противъ самаго ученія о церкви» ***) позднѣйшее протестантство, неизбѣжно приводящее къ «десятку различныхъ христіанствъ», которому трудно уже вести борьбу со сплошнымъ и единодушнымъ невѣріемъ. Для всякаго дѣйствительно *вѣрующаго* логика Хомякова не можетъ не быть убѣдительною, указывая ему единственную возможность спасенія вѣры—посредствомъ возврата въ настоящую церковь, которую нечего созидать въ будущемъ, потому что она не исчезала въ прошедшемъ. Что оно дѣйствительно такъ, это уже доказано нѣсколькими примѣрами искавшихъ ее и *нашедшихъ*; но нѣкоторымъ изъ нихъ помѣщали ее найдти сами оффиціальные блюстители церкви ****).

Но и невѣрующій, а просто человѣчески чувствующій, не можетъ не остановиться съ полнымъ вниманіемъ на ученіи Хомякова о церкви уже потому, что въ немъ, какъ выражается самъ Хомяковъ, «ясность разумѣнія поставляется въ зависимость отъ закона нравственнаго» *****). У другаго же единосущнаго съ нимъ мыслителя (И. В. Кирѣевскаго) это выражается—объясняется такимъ образомъ: «все, что̀ есть существеннаго въ душѣ человѣка, выростаетъ въ немъ только общественно» ******). Такимъ образомъ какъ политическое, такъ и вѣроисповѣдное ученіе славяно-

*) Соч. Хомякова I, 143.

**) Тамъ же 126.

***) Такъ опредѣляется у Хомякова римскій, по другому его выраженію, расколъ.

****) Напримѣръ Пальмеру, о которомъ такъ сердечно сожалѣлъ Хомяковъ. (Письма къ Пальмеру см. во 2-мъ т. сочиненій Хомякова).

*****) Соч. Хомякова II, 94.

******) Соч. И. В. Кирѣевскаго II, 315.

филовъ сводится на чисто нравственную почву. Этимъ они обязаны тому *духу общины*, который они усматриваютъ въ жизни русскаго народа и которымъ сами они насквозь пропитаны. Славянофилы, такимъ образомъ, являютъ въ самихъ себѣ убѣдительнѣйшій примѣръ въ доказательство вѣрности взгляда, проведеннаго въ извѣстной статьѣ Самарина «о народности въ наукѣ» *).

Хомяковъ, какъ мы видѣли, указываетъ раціоналистическому вѣроисповѣданію—протестантству необходимость распроститься съ полномочіемъ единичнаго разума и вернуться къ тому совокупному разумѣнію, которое дается только братскому единодушію всей церкви. Кирѣевскій обращается прямо къ развившейся изъ протестантства философіи, указывая ей на скудость того, до чего довелъ ее единичный разумъ, обратившійся, наконецъ, въ ту сухую разсудочность, которая совсѣмъ уже не способна удовлетворить высшимъ запросамъ человѣческой природы. Зачатки этой разсудочности усматриваются имъ весьма далеко—въ томъ направленіи философіи до-христіанскаго міра, которое воспринято было религіозными мыслителями Запада и обращено ими сперва въ служебную силу въ видѣ *схоластики,* но которое, на самомъ дѣлѣ, упрочило въ вѣроисповѣдномъ сознаніи Запада приливъ чуждой христіанству стихіи, заключавшейся уже въ изобиліи во вліяніи на него римскаго права съ римскими государственными преданіями. Духъ этой философіи, хотя и происходящей не изъ Рима, а изъ Греціи (но Греціи уже временъ несомнѣнно обозначившагося упадка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и утраты политической самостоятельности), усвоенъ былъ вполнѣ римскимъ міромъ, потому что вполнѣ подходилъ къ его умственному и нравственному настроенію. «Римскій гражданинъ временъ Кесаревскихъ, говоритъ Кирѣевскій, былъ живымъ отпечаткомъ ея убѣжденій». Она же впослѣдствіи привила свою сухую разсудочность и къ римскому христіанскому міру, а затѣмъ неизбѣжно оставила свой слѣдъ и въ развившемся изъ него протестантствѣ. «Система Аристотеля, говоритъ Кирѣевскій, разорвала цѣльность умственнаго самосознанія и перенесла корень внутреннихъ убѣжденій человѣка, внѣ нравственнаго и эстетическаго смысла, въ отвлеченное сознаніе разсуждающаго разума.... Дѣйствительность, въ глазахъ Аристотеля, была полнымъ воплощеніемъ высшей разумности.... Міръ, по его мнѣнію, никогда не былъ лучше, и не будетъ; онъ всегда достаточно пре-

*) Соч. Самарина, I, стр. 109 и слѣд.

красенъ.... Добродѣтель, по мнѣнію Аристотеля, состояла въ отысканіи золотой середины между порочными крайностями»....*) Все это, конечно, совсѣмъ не соотвѣтствовало христіанству съ его идеальными запросами къ человѣчеству.

Между тѣмъ, все это незамѣтнымъ образомъ прокралось уже самымъ путемъ схоластическаго засушиванія мышленія въ сердцевину христіанской мысли на Западѣ. Повело же это къ тому, что сперва развилась, по выраженію Кирѣевскаго, «схоластическая философія внутри вѣры, потомъ реформація въ вѣрѣ и, наконецъ, философія внѣ вѣры.» А послѣдняя очутилась, мало-помалу, и внѣ нравственной широты воззрѣнія. «Первые раціоналисты, продолжаетъ Кирѣевскій, были схоластики; ихъ потомство называется гегельянцами»**). «Основныя убѣжденія Аристотеля,— не тѣ, которыя ему приписывали средневѣковые толкователи, но тѣ, которыя выходятъ изъ его сочиненій (и которыя прокрадывались, конечно, прибавлю я отъ себя, въ духъ и средневѣковыхъ мыслителей и ихъ позднѣйшихъ преемниковъ), совершенно тождественны съ убѣжденіями Гегеля... разсуждающаго о діалектикѣ, какъ о главномъ назначеніи философіи и ея настоящей задачѣ, видящаго въ ней чудотворную силу, которая превращаетъ каждую опредѣленную мысль въ противоположную и изъ нея рождаетъ опять новое опредѣленіе, и полагающаго отвлеченныя понятія о бытіи, небытіи и возникновеніи въ начало мыслительнаго процесса, обнимающаго все бытіе и знаніе.» Но приводить Гегеля къ одному знаменателю съ Аристотелемъ, съ точки зрѣнія Кирѣевскаго, значитъ не что иное, какъ приводить его къ такому образу мыслей, который можетъ произвести «очень умныхъ зрителей среди разнообразныхъ явленій человѣчества, но совершенно ничтожныхъ дѣятелей», такъ какъ подъ вліяніемъ этого образа мыслей человѣкъ въ сущности дѣлается только «умною матеріей, повинующеюся силѣ земныхъ двигателей, выгоды и страха».***) Не забудемъ, что это говоритъ бывшій рьяный послѣдователь Гегеля (такими, какъ извѣстно, кромѣ Кирѣевскаго, были сначала и К. Аксаковъ и Самаринъ) и слова нашего отступника гегельянства оправдываются, кажется, логически выработавшимся изъ сухаго идеализма этой школы (какъ оно показано тѣмъ же Кирѣевскимъ) матеріализмомъ — сперва фанатическимъ, а потомъ

*) Соч. Кирѣевскаго II, 296—297.
**) Соч. Кирѣевскаго II, 284.
***) Тамъ же 292, 296.

равнодушно разсуждающимъ» *). Но, конечно, не ему одному, а всему тому ходу развитія мысли, который привелъ къ возстановленію матеріализма (извѣстно, что онъ, какъ и отвлеченный идеализмъ, явленія уже и прежде бывалыя) приписывается Кирѣевскимъ водвореніе въ образованномъ мірѣ (конечно не со вчерашняго дня) того порядка вещей, въ силу котораго «промышленность управляетъ міромъ безъ вѣры и поэзіи.... Безкорыстная дѣятельность сдѣлалась невѣроятною; она принимаетъ такое же значеніе въ мірѣ современномъ, какое во времена Сервантеса получила дѣятельность рыцарская». Невольно припоминается текстъ: «по плодамъ узнавайте ихъ».

Кирѣевскій, съ своей точки зрѣнія, указывалъ на то, что «всѣ ложные выводы раціональнаго мышленія зависятъ только отъ его притязанія на высшее и полное познаніе истины». Онъ указывалъ философіи иную, болѣе скромную задачу. Она, говоритъ онъ, «не есть одна изъ наукъ, и не есть вѣра. Она—общій итогъ и общее основаніе всѣхъ наукъ, и проводникъ мысли между ними и вѣрою **).

Стремленіе вывести философію на такую дорогу Кирѣевскій усмотрѣлъ въ послѣднемъ періодѣ Шеллинга, у котораго Хомяковъ находилъ съ своей стороны «рядъ блестящихъ заблужденій, перемѣшанныхъ съ высокими истинами.... проблески поэтическихъ догадокъ, затерянныхъ въ туманѣ произвольной гностики» ***). Но если Шеллингъ, по словамъ Кирѣевскаго, «искалъ опоры для мысли въ дѣйствительномъ Богосознаніи всего человѣчества», и при этомъ впадалъ въ туманную мистику, то въ наше время трезвое мышленіе вдается все болѣе и болѣе въ разработку того, что можно назвать «совокупнымъ сознаніемъ человѣчества», дополняя этимъ прежнюю односторонность наблюденій исключительно надъ единичнымъ умомъ. Съ другой стороны философія нашего

*) Замѣчателенъ отзывъ Хомякова о трудѣ Макса Штирнера: Der Einzelne und sein Eigenthum. „Эта книга, отъ которой съ ужасомъ отступилась школа, породившая ее, объ которой безъ глубокаго негодованія не можетъ говорить ни одинъ нравственный (sittlicher) нѣмецъ, имѣетъ значеніе.... полнѣйшаго и окончательнаго протеста духовной свободы противъ всякихъ узъ произвольныхъ и налагаемыхъ на нее извнѣ... Современная исторія есть живой комментарій на Макса Штирнера, фактическій протестъ жизненной простоты противъ книжнаго умничанья, которое вздумало ее надувать призраками самодѣльныхъ духовныхъ началъ, когда духовныя начала, которыми она дѣйствительно вѣкогда жила, уже не существуютъ. (Соч. Хомякова, I, 151).

**) Соч. Кирѣевскаго II, 306, 313, 318.

***) Соч. Хомякова I, 266.

времени пытается отыскать средоточеніе высшихъ отправленій человѣческой природы не тамъ, гдѣ ее находили прежде. Вмѣсто *ума* стали останавливаться на *волѣ*. Но поставленная во главу угла, она привела Шопенгауера не къ чему иному какъ къ пессимизму, а у его продолжателя Гартмана приняла такой склонъ, при которомъ не даромъ ее называютъ «философіею отчаянія».

Если бы первоначальнымъ славянофиламъ пришлось писать и объ этихъ проявленіяхъ современнаго намъ философствованія, то и они представились бы имъ совершенно естественнымъ слѣдствіемъ того, что ходъ развитія философской мысли въ христіанскомъ мірѣ совершался внѣ сферы вліянія настоящаго христіанства.

Неосуществленность христіанскаго начала въ дѣйствительной жизни человѣчества является самымъ существеннымъ пунктомъ славянофильской философіи исторіи (но неосуществленность не есть для нихъ и неосуществимость—напротивъ того). Пунктъ этотъ положительно господствуетъ въ историческихъ запискахъ Хомякова, и сказывается весьма ощутительно въ двухъ знаменитыхъ статьяхъ Кирѣевскаго: «о характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи» и «о необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи».

«Основатели церкви ужаснулись бы своего созданія, если бы на нихъ легла отвѣтственность европейской исторіи.... До нашихъ временъ христіанство есть законъ всего просвѣщеннаго міра, но одно только невѣжество можетъ смѣшивать церковь, т. е. строгое и логическое развитіе начала христіанскаго, съ обществами признающими, но не воплощающими его». Такъ говоритъ Хомяковъ въ своей всемірной исторіи *). Однажды онъ высказался еще рѣзче: «конечно, всѣ истины, всякое начало добра, жизни и любви находилось въ церкви, но въ церкви возможной, въ церкви просвѣщенной и торжествующей надъ земными началами. Она не была таковой ни въ какое время и ни въ какой землѣ» **).

Говоря тутъ о *торжествующей* церкви, Хомяковъ разумѣетъ, конечно, ея будущее *духовное* торжество надъ «княземъ міра сего». Но какъ разъ съ того времени, когда началось ея *внѣшнее* тор-

*) Соч. Хомякова IV, 417.

**) Въ статьѣ 1839 г. „о старомъ и новомъ“ по поводу дружелюбнаго спора съ Кирѣевскимъ, статьѣ, не предназначавшейся для печати, во многомъ недодуманно-угловатой, но *по своему основному взгляду* воспроизведенной съ большей отдѣлкой въ 1852 г. уже для печати, также въ отвѣтъ Кирѣевскому. (Соч. Хомякова I, 369).

жество, т. е. когда изъ преслѣдуемой римскимъ государствомъ она стала снерва имъ признанною, а потомъ и имъ охраняемою, она уже перестала одерживать тѣ побѣды, которыми ознаменовано ея мученичество. «Торжествующіе христіане, говоритъ Хомяковъ, долго страдавъ въ борьбѣ съ государствомъ и привыкнувъ видѣть въ немъ учрежденіе, чуждое христіанству, не познали строительной силы, сокрытой въ ученіи апостоловъ, и покорились прежнимъ законамъ, вытребовавъ только почтеніе къ своему обряду, а иногда и гоненія на иныя вѣрованія». Между тѣмъ *государство* римское (т. е. и Византія) такъ и осталось «не принявшимъ христіанства». Послѣдователи новой вѣры «умножились быстро, но едва-ли не быстрѣе еще развратились... прежніе христіане-мученики исчезли въ толпѣ новыхъ христіанъ-льстецовъ» *).

Имперія, въ сущности оставаясь нехристіанскою, только торжественно объявила себя таковою. Но и въ самомъ объявленіи этомъ сказалась закваска до-христіанская. «Признаніе ученія апостольскаго вѣрою государственною» объясняется у Хомякова святотатственнымъ обычаемъ древняго Рима «назначать себѣ боговъ, признавая себя дѣйствительнымъ единственнымъ богомъ для всѣхъ гражданъ». Такимъ образомъ «высокое понятіе о личной вѣрѣ, свободно образующей святую общину, исчезло въ понятіи государственной религіи, обязательной извнѣ».... Между тѣмъ «не то государство есть христіанское, которое признаетъ христіанство, но то, которое признается христіанствомъ». Ясно, что «имперія, объявляя себя христіанскою, присвоила себѣ право, не принадлежащее ей и давала себѣ безъ согласія церкви.... мнимое освященіе церковное. Такимъ образомъ, вѣра выступала, какъ видимая порука за весь государственный строй, чуждый вѣрѣ и завѣщанный міромъ языческимъ;... глубокія требованія христіанина отъ міра гражданскаго были усыплены императорскою властію и идея государства истинно христіанскаго исчезала изъ сознанія, изъ воображенія, изъ надеждъ и, такъ сказать, изъ инстинктовъ человѣческихъ. Имперія, отнявъ лучшую цѣль у самыхъ энергическихъ душъ, обрекла себя на безсиліе и смерть» **). Она долго еще продолжала жить, но жизнь эта въ сущности была только много-вѣковымъ гніеніемъ за-живо. Такова была судьба госу-

*) Соч. Хомякова IV, 463, 479.
**) Соч. Хомякова IV, 487—88

дарства, въ которомъ «мертвое тѣло эллино-римлянина давило христіанина» *).

Слово «эллино-римлянинъ» употреблено не даромъ. Имперія Константина совмѣщала въ себѣ обѣ великія народныя стихіи классическаго міра. Распавшись на двое и вскорѣ потомъ отживъ на Западѣ, чтобы позже, на время, опять ожить, она сохраняла свои отправленія на Востокѣ—въ Византіи, гдѣ собственно и происходило ея медленное, вѣковое гніеніе. То была *страна греческая,* но съ сильною прививкою *римскаго государственнаго начала.* Двойственность сказывалась во всемъ—начиная съ языка—римскаго для права, греческаго для науки и литературы. Но если восточная имперія столькими вѣками пережила западную, то это у Хомякова объясняется ея *греческою* стихіей:—«силою издревле развитаго просвѣщенія и личностей, соединявшихъ въ себѣ наслѣдство эллинской науки съ духовнымъ просвѣщеніемъ христіанства». Стихія же римская завѣщала Византіи свое право—«чудно логическое развитіе условныхъ и произвольныхъ данныхъ», свои законы о бракѣ, о рабахъ, о собственности, сохранявшіе «неизгладимую печать языческаго равнодушія къ началамъ нравственности», свою уголовщину съ ея «страшными казнями, свирѣпыми пытками и безнравственными судами», завѣщала, наконецъ, весь строй государственный, заматерѣвшій и окристаллизовавшійся въ упорныя и неизмѣняемыя формы, созданныя древнею, языческою исторіею» **).

Тяжело было въ восточной имперіи положеніе церкви, стремившейся однакоже сохранить тотъ *соборный* строй, который такъ ярко выставленъ Хомяковымъ. Церковь на Востокѣ не превратилась сама въ государство, какъ оно вышло на Западѣ (гдѣ сокрушилась старая власть императорская, не скоро возстановленная Германцами); но церковь, такъ сказать, ушла въ себя отъ борьбы съ стародавней твердыней языческой государственности. «Самые великіе дѣятели христіанскаго ученія, воспитанные въ гражданскомъ понятіи Рима, не могли еще вполнѣ уразумѣть ни всей лжи римскаго общественнаго права, ни безконечно трудной задачи общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ.... Лучшія могущественнѣйшія души удалялись отъ общества, котораго не смѣли осуждать и не могли сносить.... Темнѣе становились города,

*) Соч. Хомякова IV 564.

**) Соч. Хомякова I, 218; IV, 561, 698—701.

просіявали пустыни, и добродѣтели личныя возносились къ Богу, какъ очистительный ѳиміамъ, между тѣмъ какъ зловоніе общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю византійскую» *).

Безпристрастно изображая внутреннюю раздвоенность міра, величавшаго себя христіанствомъ, Хомяковъ въ то же время указываетъ на цѣльность міра, созданнаго тѣмъ вѣроисповѣднымъ началомъ, которое называется магометанствомъ. «Вліяніе магометанства на своихъ послѣдователей, говоритъ онъ, было сильнѣе, чѣмъ вліяніе христіанства». Но дѣло объясняется просто. «Всеобъемлющія требованія соборнаго ученія» не то, что «простота и односторонность корана». Въ исламѣ религія проявилась какъ отвлеченное государство, съ правомъ и потребностью всемірнаго завоеванія».... Обагряя кровію свой путь, магометане дѣйствительно имѣли на то благословеніе своей вѣры. Но «аравитянинъ завоеватель ставитъ побѣжденнаго наравнѣ съ собою подъ условіемъ единовѣрства», безпристрастно замѣчаетъ Хомяковъ: крестоносецъ требуетъ покорности кресту и рабства гражданскаго». А дѣло именно въ томъ, что мусульмане «оставались вѣрными своему началу; христіанство измѣняло самому себѣ» **).

Со стремленьемъ магометанскаго міра оружіемъ подчинить себѣ, т. е. своей власти и своей вѣрѣ, весь міръ тѣснымъ образомъ соединялось значеніе *халифа*, какъ государя—главы правовѣрныхъ. И оно прямо вытекало изъ вѣроисповѣднаго начала магометанства. Напротивъ значеніе папы, какъ главы христіанства, коренилось въ идеѣ, унаслѣдованной отъ первосвященника Рима языческаго. И византійскіе императоры, по замѣчанію Хомякова, наперекоръ христіанству, назывались божественными (divus) и величались нашею вѣчностью (perennitas nostra) ***), какъ будто бы также сохраняя воспоминанье о томъ, что власть ихъ совмѣщала въ себѣ когда то и власть первосвященническую. Допуская тутъ извѣстную долю вліянія азіятскаго, Хомяковъ утверждаетъ однако, что общій очеркъ оставался совершенно римскимъ. «Никакое восточное воображеніе, говоритъ онъ, не могло бы прибавить что нибудь къ идеѣ, которой основами были божественность и обоготвореніе (Divinitas и Apotheosis).» Далѣе, упоминая о томъ, что свѣтскіе владыки Царьграда, «вмѣшиваясь въ без-

*) Соч. Хомякова I, 218—19.

**) Соч. Хомякова IV, 585, 699. Ср. также стр. 961—61.

***) Соч. Хомякова IV, 561.

престанные споры богословскіе, старались разрѣшить ихъ и утвердить общее исповѣданіе по своему усмотрѣнію», Хомяковъ замѣчаетъ, что «они иначе поступить не могли. Правда, великій Константинъ подалъ прекрасный примѣръ, предоставивъ самой церкви разрѣшеніе догматическаго вопроса».... Но «менѣе просвѣщенные преемники Константина слѣдовали и не могли не слѣдовать тому правилу, которое заключалось въ понятіи римлянина: «тотъ только Богъ, кому Римъ позволяетъ, и тотъ несомнѣнно Богъ, кого Римъ признаетъ»*). Совершенно также смотритъ на дѣло и Кирѣевскій, когда говоритъ, что преемники Константина «угнетали церковь подъ видомъ покровительства, пользуясь ею только какъ средствомъ для своей власти», и также объясняетъ это тѣмъ, что «для власти, правящей имперіею, едва ли возможно было отказаться отъ своего языческаго характера»**). Конечно церковь не одобряла въ *принципѣ* этихъ археологически-правовыхъ вожделѣній византійскихъ государей (она, напримѣръ, отстояла, наконецъ, свою независимость въ вопросѣ объ иконоборствѣ), но на дѣлѣ тутъ выходило нѣчто весьма близкое къ *цезаропапизму*, и то что говорится по этому поводу въ первой брошюрѣ Хомякова о церкви едва ли не самое слабое мѣсто въ этомъ трудѣ. Но тотъ же цезаропапизмъ сказывался въ Византіи еще и въ другомъ отношеніи.

Говоря о временномъ возстановленіи Карломъ Великимъ Римской Имперіи на Западѣ, Хомяковъ замѣчаетъ: «основаніе государства, заключающаго въ себѣ всю цѣлость христіанскихъ народовъ, имѣло то послѣдствіе, что оно примѣшало новую и неразумную стихію къ идеѣ цѣлаго христіанства (tota christianitas), вытекающей изъ римскихъ началъ католицизма, и заготовила призракъ всемірнаго обладанія, къ которому стремились преемники Карла по духу, императоры германскіе, и который обратилъ на нихъ всѣ силы паиства и облилъ кровію большую часть средней и южной Европы»***). Но вѣдь то же стремленіе, въ сущности, сказывалось и въ Византіи. И тамъ, по замѣчанію самого Хомякова, «государство было еще римское, исключительное, себялюбивое и враждебное всякому другому народу и государству. Оно не хотѣло ни союза, ни дружбы, но требовало подчиненности и покорности. Слишкомъ слабое для прямаго насилія, для завоева-

*) Соч. Хомякова I, 218.

**) Соч. Кирѣевскаго II, 316.

***) Соч. Хомякова IV, 766. Ср. со стр. 721.

нія вооруженною рукою, оно дѣйствовало хитростью, обманомъ, подкупомъ, прижимками въ торговлѣ и возбужденіемъ внутреннихъ междуусобій» *). Но сходство съ явленіями западно-римскими сдѣлалось окончательно очевиднымъ благодаря В. И. Ламанскому.

Почтенному ученому, правда, исходною точкою послужило проведеніе *отличительной* грани между римскимъ Востокомъ и римскимъ Западомъ, но такъ какъ византійскіе греки не даромъ называли себя *Ромеями,* то автору и пришлось незамѣтнымъ образомъ перейти отъ *различій* къ *сходствамъ*. Особенный вѣсъ получаетъ у него посланіе цареградскаго патріарха Антонія къ в. князю Василію Дмитріевичу, отправленное въ 1393 г., вслѣдствіе того, что въ Москвѣ, какъ выражается В. И. Ламанскій, «по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, перестали вдругъ поминать царя (византійскаго) на эктеніяхъ». Посланіе патріарха, по замѣчанію нашего извѣстнаго слависта, «замѣчательно освѣщаетъ прежнія и тогдашнія отношенія Руси и другихъ, повидимому, совершенно независимыхъ православныхъ земель къ Византіи и къ ея императору». Патріархъ, между прочимъ, писалъ: «ты, говорятъ, возбраняешь поминать царя на эктеніяхъ,—это *дѣло небывалое*. Слышу что ты говоришь: мы имѣемъ церковь, но царя не имѣемъ». Не думаемъ, чтобы и это было хорошо. Царь, какъ царь святой, имѣетъ большое значеніе въ церкви.... Изначала цари утверждали и поддерживали благочестіе во всей вселенной. Они же собирали вселенскіе соборы и сами подкрѣпляли и закономъ предписывали рѣшать все, относящееся до Православія, догматовъ и образа жизни христіанъ, согласно съ божественными и священными канонами.... Царь донынѣ имѣетъ такое же посвященіе отъ церкви, какъ и прежде, удостоивается такого же мѵропомазанія и поставленія въ цари и самодержца римскаго, т. е. всѣхъ христіанъ.... Не возможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть.... Дальнѣйшимъ подкрѣпленіемъ этого взгляда служитъ патріарху своеобразное толкованіе извѣстнаго текста апостола Петра: «Бога бойтесь, царя чтите». «Не сказалъ, поясняетъ патріархъ—*царей,* дабы кто не подумалъ объ именуемыхъ царяхъ отдѣльно у каждаго народа; но—*царя*, показывая тѣмъ, что одинъ есть каѳолическій царь».—**) Нашъ извѣстный канонистъ, А. С. Павловъ,

*) Соч. Хомякова IV, 627.

**) Славянскій сборникъ I, 468—470.

прямо объясняетъ этотъ важный документъ «идеею христіанской *міродержавной* римской имперіи, глава которой, какъ помазанникъ Божій, есть верховный покровитель *вселенской* церкви во всѣхъ ея частяхъ.... хотя бы и за предѣлами имперіи». Потому-то, продолжаетъ онъ, «патріархи, послушныя орудія императорской политики, не пропускали случая, чтобы не представить въ глазахъ Русскихъ всѣ проявленія власти своего «царя» надъ нашею церковью, какъ что-то совершенно необходимое, какъ составной элементъ самого Православія» *). Изо всего этого, кажется, ясно, что политическая идея *цѣлаго христіанства* (tota Christianitas) существовала и въ Византіи, а воплощенье ея — императоръ—являлся своего рода *свѣтскимъ папою*.

Но если такъ, то не окончательно ли уступила въ Византіи стихія *греческая* стихіи *римской* и можно ли съ точностью называть христіанскій восточный міръ—міромъ *греко*-славянскимъ?

Но Византія допустила у Славянъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ; значитъ, могутъ замѣтить, идея политическаго объединенія всего христіанства все же не проводилась Византіею такъ безпощадно, какъ Римомъ на романо-германскомъ Западѣ. Осталась ли однако Византія вполнѣ вѣрна началу, признанному ею при св. Кириллѣ и Меѳодіѣ? Могла ли она остаться ему вѣрна при общемъ ея направленіи, обрисованномъ Хомяковымъ? Могла ли Византія считать Кирилла и Меѳодія своими *по духу*, если, по выраженію Кирѣевскаго, «всякій общественный и мѣстный духъ, которымъ дышетъ и держится нравственность общественная, былъ противенъ ея правительству» **). Ни мало не удивительно, если ученый историкъ славянскихъ церквей безпристрастнымъ изученіемъ дѣла былъ приведенъ къ заключенію, что, «позволивъ, по особымъ исключительнымъ обстоятельствамъ, сдѣлать славянскій переводъ богослужебныхъ книгъ для Моравовъ, Греки въ дѣйствительности смотрѣли на него почти тѣми же глазами, какъ и Латиняне» ***). Не въ духѣ великихъ славянскихъ первоучителей распоряжалась Византія и на Руси, посылая къ намъ на митрополію своихъ Грековъ, порою откровенно сознававшихся въ томъ,

*) Православное Обозрѣніе 1879, Декабрь, стр. 756—757.

**) Соч. Кирѣевскаго II, 316.

***) *Голубинскаго*, «Краткій Очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской», стр. 33. Къ такому же заключенію склоняетъ многое въ критическомъ изслѣдованіи источниковъ для изученія жизни Кирилла и Меѳодія проф. Воронова (Кіевъ 1877 г.) и во второй половинѣ книги М. И. Соколова: „Изъ древней исторіи Болгаръ“ (С.-ПБ. 1879 г.).

что имъ не данъ «даръ языковъ». Кому, наконецъ, не извѣстенъ позднѣйшій образъ дѣйствій греческаго духовенства въ Болгаріи, какъ бы взявшагося разыграть тамъ легендарную роль восточнаго истребителя книгъ? Хомяковъ вполнѣ сознавалъ это и пламенно обличалъ. Въ своей замѣткѣ по поводу статьи Г. С. Дестуниса: «Голосъ грека въ защиту Византіи» онъ указываетъ на двѣ совершенно противоположныя, какъ онъ выражается, стихіи въ византійской жизни: «одну—эллинско-христіанскую или, лучше сказать, просвѣщенно-христіанскую, другую—римско-государственную. Съ одной стороны, говоритъ онъ, человѣчность, любовь, съ другой—форма, себялюбіе, вражда.... Отъ одной—горячая любовь къ просвѣщенію, въ которой грекъ превосходитъ даже нѣмца, и твердость въ вѣрѣ, не смотря на четырехсотлѣтнее мученичество. Отъ другой—презрѣніе и ненависть ко всѣмъ другимъ народностямъ, кромѣ греческой, желаніе угнетать ихъ и разрабатывать ихъ.... какъ матеріалъ для власти и корысти,—сочетаніе низости съ гордостью и внутреннее гніеніе какъ лицъ, такъ и народа.... Первую стихію, т. е. просвѣщенное христіанство, мы признаемъ, заключаетъ Хомяковъ, единственною животворною истиною.... другую (т. е. фанаріотство) ненавидимъ всею душою съ тѣмъ большею ненавистью, что она есть ядъ, отравляющій высшую область человѣческой и общественно-человѣческой жизни, что она сочетаетъ въ себѣ всю мерзость святотатства и всю свирѣпость народныхъ эгоизмовъ» *).

Хомяковъ при этомъ забываетъ одно: «ненависть ко всѣмъ народностямъ, кромѣ греческой» коренилась не только въ римской міродержавной стихіи Византіи, но и въ самой ея стихіи *греческой*—въ томъ классическомъ понятіи о *народахъ-варварахъ*, которое принадлежало Греціи по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько и Риму, если еще не въ сильнѣйшей степени.

Исключительность и нетерпимость, изъ какой бы стихіи ни вытекали онѣ въ Византіи, проявлялись въ ней не только относительно *инородцевъ*, но и относительно *иновѣрцевъ*. Если В. И. Ламанскому удалось доказать, что зародыши религіознаго фанатизма весьма рано уже обнаружились на христіанскомъ Западѣ при прямо противоположномъ тогда направленіи лучшихъ людей христіанскаго Востока, то онъ не станетъ, конечно, утверждать, что Византія всегда оставалась вѣрна такому направленію, что

*) Соч. Хомякова I, 662—63.

въ ней вовсе не было гоненій за вѣру. Византія не знала «святой инквизиціи», но «святые» ея цари, какъ «покровители церкви», прибѣгали порою къ весьма суровой расправѣ съ еретиками. И представители самой церкви въ своей неустанной полемикѣ съ латинянами далеко не всегда отличались терпимостью Петра Антіохійскаго или нашего митрополита изъ грековъ Іоанна II; въ большинствѣ своихъ представителей полемика эта велась въ Византіи съ величайшимъ ожесточеніемъ, что и у насъ на Руси отразилось уже со временъ Ѳеодосія Печерскаго, запрещавшаго даже ѣсть или пить изъ одной посуды съ латинянами.

Но полемика эта отличалась также тою наклонностью къ формѣ, которую Хомяковъ вообще выводилъ въ византійской жизни изъ источника римскаго. Откуда бы ни происходила она, но господство *обрядовой буквы* отразилось впослѣдствіи и у насъ на Руси, какъ это постоянно и признавалось славянофилами. Въ византійской полемикѣ съ латинянами съ другой стороны не всегда раскрывался внутренній смыслъ разногласій съ ними. Прибавка къ символу: «и отъ сына» (filioque) часто осуждалась какъ *три лишнихъ слова*—помимо вопроса о томъ, что̀ привело къ ней: о той мѣстной измѣнѣ началу братскаго единенія со всей церковью, измѣнѣ, которая, ради своего оправданія, повела къ тому, что церкви навязано было главенство папы. То пониманіе вопроса *по духу*, которое видѣли мы у Хомякова, вытекаетъ не изъ господствующаго начала византійской вѣроисповѣдной полемики — *формальной* по преимуществу *). И различіе въ величайшемъ христіанскомъ таинствѣ у Грековъ и Римлянъ разбиралось въ Византіи главнымъ образомъ съ той стороны, что у первыхъ употреблялся *квасной хлѣбъ*, а у вторыхъ *опрѣснoки*. Внутреннее различіе—латинское причащеніе для мірянъ подъ *однимъ* видомъ, а греческое подъ *обоими для всѣхъ* не особенно обращало на себя вниманіе **). Латинское отнятіе у мірянъ чаши понято было во всей своей глубинѣ, какъ нарушеніе равенства христіанъ предъ Христомъ, не въ Византіи, а въ славянской Чехіи. Гусситское пониманіе сущности дѣла непосредственно выте-

*) Хотя нѣкоторые зародыши воззрѣній Хомякова можно найдти, напримѣръ, у Максима Грека.

**) Это превосходно изложено у М. Чельцова въ его изслѣдованіи: «Полемика между Греками и Латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI и XII вѣкахъ» СПб. 1879 г. Книга—написанная съ оживленіемъ и въ настоящемъ христіанскомъ духѣ.

кало изъ первоначальной и чистой идеи церкви, какъ *общины*. Точно также собственно въ лицѣ славянскихъ первоучителей сказалась настоящая глубина представленія всего христіанскаго міра, какъ одной *вселенской общины* — въ смыслѣ равенства правъ *всѣхъ* входящихъ въ нее народовъ. Хотя бы Солунскіе братья сами по себѣ были несомнѣнно Греки *), ихъ великое дѣло не осталось *принципомъ* для Византіи, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе измѣняла ему по отношенію къ тѣмъ же самымъ славянамъ **). Потому-то, строго говоря, Кириллъ и Меѳодій и Гуссъ принадлежатъ не къ греко-славянскому, а просто къ славянскому міру. Они представители чистаго христіанскаго начала, принявшагося на славянской почвѣ такъ послѣдовательно, какъ не принималось оно ни въ Римѣ, ни въ Византіи.

Да и понятно: Римъ и Византія (т. е. Греція съ сильной прививкой римской) при своей вѣковой и могучей языческой образованности, именно и не могли вмѣстить въ «старые мѣхи вино новое». Правда, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пламенной проповѣди апостоловъ и мужей апостольскихъ, и римскій Западъ, и еще въ сильнѣйшей степени греческій Востокъ, по видимому, совершенно преображались. Западъ и особенно Востокъ выдвинули рядъ отцовъ, вполнѣ воспринявшихъ чистое ученіе христіанское и приведшихъ его въ стройную систему при помощи своей классической образованности. Но эта же самая образованность служила съ другой стороны слишкомъ твердой опорой цѣлому ряду бытовыхъ явленій, не поддававшихся самой златоустой проповѣди, мало-по-малу отнимавшихъ у нея силу, а наконецъ и заставившихъ преемниковъ Златоустовъ душою повернуть вспять. Раздѣленіе церквей, раздраживъ съ обѣихъ сторонъ страсти, окончательно подняло на поверхность мутные осадки поры языческой. Оказалось, что вино новое требуетъ и совершенно новыхъ сосудовъ—непочатыхъ народностей. Такими являются Кельты, Германцы и Славяне. Самыя свѣтлыя надежды на первыхъ порахъ подавались Кельтами. Страницы, посвященныя Хомяковымъ въ запискахъ его о всемірной исторіи древней церкви кельтской, принадлежатъ къ самымъ теплымъ страницамъ въ этомъ трудѣ. «Тщетны были усилія Рима и римскаго духовенства, говоритъ Хомяковъ, проникнуть въ область кельтскую и

*) Что едва ли вполнѣ доказано.

**) У насъ на Руси чистымъ послѣдователемъ Кирилла и Меѳодія явился много вѣковъ спустя Стефанъ Пермскій (со своею азбукою для Зырянъ).

подчинить себѣ ея независимую церковь. Высокое просвѣщеніе, чистота жизни, вѣрность основнымъ преданіямъ давали перевѣсъ кельтскому духовенству передъ его могущественными, но уже полусвѣтскими противниками, и въ этой борьбѣ, по видимому столь не ровной, между слабымъ и бѣднымъ остаткомъ племени почти подавленнаго и огромнымъ западно-церковнымъ государствомъ, сила духовнаго начала выразилась въ невольномъ почтеніи всего Запада къ своимъ строгимъ обличителямъ *). Но окончательный исходъ борьбы привелъ къ тому, что, выражаясь словами Шиллера (у Жуковскаго), «прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ». Не навсегда также осталась народность кельтская и незахваченною, по выраженію Хомякова, «разливомъ германскихъ дикарей». Но и эти послѣдніе при томъ характерѣ здоровой первобытности, который былъ такъ превознесенъ (конечно съ преувеличеніями) Тацитомъ, могли бы еще постепенно поддаться возвышено-человѣчному вліянію христіанства—особенно если-бы оно проповѣдывалось у нихъ по пріему Кирилла и Меѳодія, а не съ латинскою библіею въ одной, и съ мечемъ въ другой рукѣ. Не даромъ же все-таки Хомяковъ считалъ себя въ правѣ сказать, что христіанство «могло дѣйствовать и дѣйствовало сильнѣе и свободнѣе въ общественномъ отношеніи на новыя державы (основанныя Германцами), еще непринявшія положительныхъ и опредѣленныхъ формъ, чѣмъ на имперію римскую, уже заматерѣвшую и окристаллизовавшуюся въ упорныя и неизмѣняемыя формы, созданныя языческою исторіею» **). Но полному и глубокому дѣйствію христіанства на эти новыя (германскія) державы хотя и менѣе мѣшало, но все же сильно мѣшало то начало служилой военной дружины, которымъ подавлена была у Германцевъ община и изъ котораго выработался феодализмъ. Хомяковъ не приписывалъ *общины* исключительно однимъ Славянамъ; онъ признавалъ ея существованіе въ древности и у германцевъ, хотя указывалъ при этомъ ея существенныя отличія у нихъ отъ общины славянской ***). Съ особеннымъ сочувствіемъ останавливался онъ на Саксахъ въ Англіи, предполагая въ нихъ, впрочемъ, примѣсь славянскую и сю именно объясняя тамъ издавность суда присяжныхъ съ его *единогласіемъ*. Саксы, говоритъ Хомяковъ, пришли въ Британнію« изъ страны, въ которой сохранилась про-

*) Соч. Хомякова. IV, 740.
**) Соч. Хомякова. IV, 701.
***) См. у него IV, 523—525.

стота общиннаго быта; они не приняли еще на себя печати аристократической, они требовали земли для житья, а не народа для порабощенія. (Между тѣмъ существенное отличіе Славянъ отъ Германцевъ Хомяковъ и усматривалъ именно въ томъ, что одни *просили земли*, а другіе искали *рабовъ*) *). Тамъ, гдѣ окончательно восторжествовало начало военной дружины, образовалась, по выраженію Хомякова, и особая «религія дружины» съ «безусловною вѣрою въ право силы, какъ дара Божьяго, въ безграничную свободу личности.... и въ святость кровнаго превосходства». «Безуміе этой вѣры», по выраженію Хомякова, тѣмъ болѣе бьетъ въ глаза, что вѣра эта все-таки считала себя христіанскою **). Съ окончательнымъ водвореніемъ феодализма, дѣйствительность стала представлять такую картину, что «народа не было: были одни вассалы и рабы. Не было земли для народа, земля какъ и трудъ земледѣльца были собственностью дружинника - завоевателя. Уцѣлѣли города.... но города не были друзьями селъ.... Они представляютъ.... тотъ же феодальный характеръ, какъ и замки бароновъ. Вся западная Европа покрылась сѣтью мелкихъ феодальныхъ князьковъ и такихъ же феодальныхъ республикъ, подчиненныхъ другимъ высшимъ князьямъ, или королямъ феодальнымъ. Внутреннее устройство городовъ было завѣщано Римомъ и римское право было ихъ главною нормою.... Изъ городовъ развились впослѣдствіи сѣмена права и порядка, которымъ суждено было.... подавить дружинную стихію, принесенную Германцами; но земля продолжала оставаться безъ народа во первыхъ потому, что городовой житель (среднее сословіе) былъ чуждъ и часто, даже болѣе враждебенъ народу, чѣмъ самые бароны; во вторыхъ потому, что идея *народа* не могла никогда развиться изъ права римскаго, для котораго существовали искони только *лицо* и *государство*, также какъ для права германскаго существовали только *лицо* и *дружина*» ***).

Такимъ образомъ стихія германская, въ историческомъ развитіи своемъ при сильной закваскѣ римской, оказалась вовсе неблагопріятною почвой для насажденія въ общественномъ строѣ настоящихъ христіанскихъ началъ. Хомяковъ, остановившись на десятомъ вѣкѣ, не могъ намъ оставить оцѣнку могущественнаго толчка, даннаго западно - европейской мысли гораздо позже и

*) Тамъ же, 536, 620.
**) Соч. Хомякова. IV, 732.
***) Соч. Хомякова. IV, 774—75.

извѣстнаго подъ именемъ возрожденія классической древности (Renaissance). Толчокъ этотъ (причиной котораго было, какъ извѣстно, паденіе Византіи), щедро надѣлившій Западъ запасомъ сокровищъ классической мысли и творчества, былъ, конечно, полезенъ въ томъ смыслѣ, что сокрушилъ оковы схоластики и проложилъ пути для живаго и самостоятельнаго знанія. Но тѣ руководящія начала, которыя вытекали изъ усиленнаго изученія древнихъ, могли лишь содѣйствовать въ свою очередь и безъ того уже прочному разъединенію въ жизни посредствомъ все той же привиллегированности. Созданіе міра, до конца не хотѣвшаго раздѣлаться съ рабствомъ и отказаться отъ взгляда на всѣхъ, кромѣ Грековъ и Римлянъ, какъ на варваровъ, классицизмъ, въ свою очередь, мѣшалъ развитію настоящаго понятія о *народѣ* и о всецѣломъ проявленіи его въ *народности*. Духъ *привиллегіи* и *аристократизма* въ особыхъ видоизмѣненіяхъ перешелъ въ развившійся подъ вліяніемъ толчка, даннаго возрожденіемъ древности, такъ называемый раціонализмъ или просвѣтительную философію XVIII ст. Не даромъ Вольтеръ, гордый сознаніемъ своихъ правъ гражданина той международной культурной республики, къ которой принадлежалъ онъ вмѣстѣ съ другими представителями высшей аристократіи ума, смотрѣлъ на темную массу какъ на какое-то совсѣмъ нечеловѣческое стадо и упорно твердилъ: quand la populace se mêle de raisonner, tout est perdu. Не даромъ даже и Руссо, хотя и давшій самый угловатый отпоръ такому увлеченію культурою и скорѣе рекомендовавшій, къ вящему ужасу ея поклонниковъ, такъ называемое состояніе природы, утверждалъ однакоже, что для полноты правъ свободнаго человѣка можетъ быть необходимо, чтобы рабъ былъ вполнѣ рабомъ.

Наиболѣе благопріятные задатки для воспринятія христіанскаго начала въ жизни, а чрезъ него и настоящей и полной свободы, представляла, по мнѣнію славянофиловъ, та народность новаго міра, которая менѣе другихъ увлекалась завоевательнымъ поприщемъ и вслѣдствіе этого лучше могла сохранить и самую *общину* и прочный ея отпечатокъ въ нравахъ. Но Хомяковъ далекъ отъ того, чтобы признавать эту народность *исключительно* миролюбивою. «Славянскія общины, говоритъ онъ (а можетъ быть то же должно сказать и о кельтскихъ), переселялись изъ области въ область, предпочитая ненаселенныя, обращая иногда населенныя въ пустыню, а иногда сливаясь съ ту-

земцами или разселяясь между ними; но цѣль ихъ была пріобрѣтеніе земли плодородной, къ которой они приносили свой неутомимый трудъ.... Какіе бы ужасы ни сопровождали первое вторженіе незванныхъ хлѣбопашцевъ, уже въ древнихъ поколѣніяхъ, слѣдовавшихъ за завоеваніемъ, историческая критика не находитъ ни вассаловъ, ни угнетеннаго народа, ни рабовъ, кромѣ военноплѣнныхъ, часто отпускаемыхъ на свободу или принимаемыхъ въ нѣдра братской общины» *). Благодаря этимъ свойствамъ и обстоятельствамъ, Хомяковъ и считалъ себя въ правѣ сказать: «Мы будемъ, какъ всегда и были, демократами между прочихъ семей Европы: мы будемъ представителями чисто человѣческаго начала, благословляющаго всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное. Законы могутъ создать у насъ на время родовое дворянство, можетъ быть и родовое боярство, могутъ учредить у насъ маіоратства и право семейнаго первородства; ложное направленіе народности въ литературѣ можетъ раздувать въ насъ слабую искру гордости и вселять безумную мечту первенства передъ нашею братіею, сыновьями той же великой семьи. Все это возможно. Но невозможно въ насъ вселить то чувство, тотъ ладъ и строй души, изъ котораго развиваются маіоратство и аристократія и родовое чванство и презрѣніе къ людямъ и народамъ. Это невозможно, этого не будетъ. Грядущее покажетъ, кому предоставлено стать впереди всеобщаго движенія; но если есть какая нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувства любви, и правды, и добра—не призракъ, а сила живая и неумирающая, зародышъ будущей жизни міровой—не германецъ, аристократъ и завоеватель, а славянинъ, труженикъ и разночинецъ, призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію» **).

Нѣкоторые послѣдователи славянофильства, претендующіе на то, чтобы его исправить, способны видѣть въ этомъ какую-то «сентиментальность». Съ другой стороны они обижаются при этомъ за самихъ Славянъ, видя въ подобной характеристикѣ ихъ нѣчто очень близкое къ отзыву объ ихъ *мягкости* знаменитаго нѣмца—Гердера, даже каявшагося, какъ извѣстно, въ стародавнихъ нѣмецкихъ грѣхахъ противъ Славянъ. И такое покаяніе, и такая похвала, говорятъ ново-славянофилы, оскорбительны;—это только варьяція на любимую тему славянской *женственности,*

*) Соч. Хомякова IV, 773.
**) Соч. Хомякова III, 107.

всегда соединяющуюся съ намекомъ на то, что торжество останется за *мужескимъ* германизмомъ. Славяне, утверждаютъ новославянофилы, на дѣлѣ совсѣмъ не таковы, да и слава Богу: имъ остается только достаточно созрѣть для того, чтобы возвести въ *принципъ* и *послѣдовательно проводить въ жизни* побѣдоносные пріемы Германцевъ,—и міродержавное *право сильнаго* перейдетъ, наконецъ, къ Славянамъ. Но многіе, надо думать, предпочтутъ увлеченія первоначальныхъ славянофиловъ разсудочной трезвости ихъ преемниковъ. Если славянофилы и выставляютъ Славянъ въ *своемъ вкусѣ* лучшими, чѣмъ они *были* и *есть*, то *вкусъ этотъ* вѣрно указываетъ на то, чѣмъ они *должны быть*, что̀ должно же, наконецъ, достигнуться человѣчествомъ, если оно дѣйствительно *человѣчество*; а не только усовершенствованная порода звѣрей.

Славянофильскія преувеличенія въ пылу увлеченія постоянно вызывали разумныя возраженія въ ихъ же станѣ. Когда И. В. Кирѣевскій, противополагая средневѣковую Европу современной ей Руси, сталъ утверждать, что «христіанское ученіе выражалось въ чистотѣ и полнотѣ во всемъ объемѣ общественнаго и частнаго нашего быта»,—Хомяковъ обратился къ нему съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ: «въ какое же время? Въ эпоху ли кроваваго спора Олеговичей и Мономаховичей на югѣ, Владимірскаго княженія съ Новымъ городомъ на сѣверѣ и безнравственныхъ смутъ Галича, постоянно измѣнявшаго самой Руси? Въ эпоху ли, когда московскіе князья.... употребляли русское золото на подкупъ Татаръ и татарское желѣзо на уничтоженіе своихъ русскихъ соперниковъ? Въ эпоху ли Василія Темнаго, ослѣпленнаго ближайшими родственниками и вступившаго въ свою отчину помощью полчищъ иноземныхъ? Или при Иванѣ III и его сынѣ-двуженцѣ? Нѣтъ, велико это слово: и какъ ни дорога мнѣ родная Русь въ ея славѣ современной и прошедшей, сказать его объ ней я не могу и не смѣю». Признавая въ жизни родной земли самые благопріятные задатки, онъ признаетъ съ другой стороны и то, что ихъ развитіе «было затруднено и измѣнено многими историческими обстоятельствами». Это объясняется тѣмъ, что «Россія—не островъ среди хранительной защиты моря *), но земля со всѣхъ сторонъ открытая и беззащитная по слабости своихъ естественныхъ границъ, и со всѣхъ сторонъ искони окру-

*) Намекъ, на благопріятное положеніе Англіи, которая однако же не спаслась совершенно и этимъ отъ чуждыхъ вторженій въ ея органическій ростъ.

женная народами, не знающими мира въ себѣ и потому всегда готовыми посягать на миръ другихъ». Между этими народами прежде всего должны быть указаны тѣ Варяго-Руссы, которые (кто бы ни были они по крови, но несомнѣнно войнолюбивые) добровольно призваны были Славянами сѣверными «княжить и владѣть». При добровольномъ призваніи варяжскихъ князей Русь не была, стало быть, по выраженію Хомякова, «испорчена завоеваніемъ»; общею волею составился союзъ подъ правленіемъ Рюрикова дома. Но такъ оно было только на сѣверѣ; южныя и среднія земли были включены въ тотъ же союзъ, но, говоритъ Хомяковъ, «почти всѣ неволею». И при этомъ, правда, завоеванія въ западномъ смыслѣ отнятія у туземцевъ земли и распредѣленія ея между пришлецами—не было. Но Хомяковъ справедливо налегалъ на то, что съ князьями пришла все же *немалочисленная* дружина. «Какъ бы ни пополнялась она впослѣдствіи мѣстными стихіями, она была по своему коренному значенію и положенію въ обществѣ чужда землѣ и основана на иныхъ началахъ, чѣмъ туземныя общины, къ которымъ она не принадлежала, хотя и охраняла ихъ миръ внутренній и внѣшній.... Дружина не принадлежала области и вольно служила князю» (перекочевывая при этомъ нерѣдко отъ одного къ другому). «Такимъ образомъ въ ней существовала съ самаго начала крайность личной отдѣленности, которая должна была воздѣйствовать на весь ходъ общественнаго развитія. Чуждая мѣстной общинѣ.... она не имѣла нигдѣ корня и, по необходимости, стремилась сомкнуться въ самой себѣ, въ порядокъ самостоятельный и отдѣльный отъ всего общества.... Дружина въ старой Руси окончательно образовалась въ страшную и нигдѣ невиданную систему мѣстничества». Хомяковъ указываетъ при этомъ на соотвѣтствіе съ другимъ явленіемъ нашей жизни. «Славянское племя, говоритъ онъ, вообще самое мирное изо всѣхъ племенъ Европы, одно только и произвело—бытъ казачій, бытъ исключительно воинственный»... Точно также «русскій бытъ, изстари по преимуществу общинный, произвелъ дружину, въ которой личная отдѣленность была доведена до крайности». Между тѣмъ дружина, по замѣчанію Хомякова, далеко превосходила сельскихъ жителей знаніемъ и грамотностью; это ей давало по видимому наиболѣе средствъ проникнуться христіанскимъ ученіемъ; но, «будучи отлучена отъ живаго и естественнаго общенія сельскаго міра, она стояла на гораздо низшей степени общежительнаго развитія», и въ этомъ смыслѣ

оказывалась менѣе способною къ воспріятію христіанскихъ началъ.

Если дружина представлялась оторванною отъ земли, то въ самой землѣ была *рознь;* отдѣльныя, входившія въ составъ ея общины, дружно-сомкнутыя въ самихъ себѣ, грѣшили относительно цѣлаго «областнымъ эгоизмомъ». «Духовное начало, говоритъ Хомяковъ, еще не настолько развито было въ народѣ, чтобы прочное единство и внутренній миръ могли уцѣлѣть при независимости областей». Потому-то и вышло наконецъ такъ, что «единство было дано силою или, по крайней мѣрѣ, при помощи силы»*). Однажды (еще въ 1839 г.), Хомяковъ въ пылу обличенія Руси дошелъ до того, что даже утверждалъ, будто народъ *вовсе* «не просилъ единства, не желалъ его». Между тѣмъ любовь къ одному Мономахову дому, сказывавшаяся въ разныхъ областяхъ, свидѣтельствуетъ о противномъ. Если бы власть великокняжеская могла утвердиться за излюбленнымъ родомъ, то этимъ уже положено бы было прочное начало единству. Но Хомяковъ въ пылу обличительнаго увлеченія утверждалъ также, что при налетѣ Монголовъ, паденіе Руси «было безславно»; будто она «встрѣтила гибель безъ всякаго сопротивленія, безъ попытки на отпоръ». Лѣтописи свидѣтельствуютъ напротивъ того, что мѣстныя возстанія противъ Монголовъ, по опредѣленію вѣча, были не рѣдки въ началѣ ига; но князья со своими дружинами, вмѣсто того чтобы собрать во-едино разрозненныя силы народа, только продолжали свои междуусобія при помощи тѣхъ же иноплеменныхъ завоевателей. Съ другой же стороны духовенство, пользуясь льготами съ ихъ стороны, въ скоромъ времени стало примѣнять и къ нимъ византійское ученіе о покорности власти, до тѣхъ поръ пока не пробудился въ немъ снова тотъ земскій духъ, который далъ ему смѣлость объявить ордынскаго хана «мнимымъ царемъ». За то Хомяковъ, въ той же, хватающей и черезъ край, обличительной своей статьѣ, выразился совершенно вѣрно: «не могло духовенство византійское развить въ Россіи начала жизни гражданской, о которой не знало оно въ своемъ отечествѣ.... Оно явилось къ намъ со своими предубѣжденіями, съ любовію къ аскетизму».... Вслѣдствіе этого и у насъ наконецъ вышло такъ, что «христіанинъ, забывая человѣчество, просилъ только личнаго душеспасенія»**). Крайности аскетизма, такимъ образомъ, не менѣе

*) Соч. Хомякова I, 213—243.

**) Соч. Хомякова I, 370—372.

служилаго эгоизма дружины стали противодѣйствовать у насъ духу общины и его окончательному проникновенію и просвѣтленію духомъ христіанства.

Но не мало примѣровъ глубокаго пониманія христіанства все же представила намъ та же древняя Русь. Владиміру, вскорѣ послѣ крещенія, совѣсть не позволяетъ уже казнить,—хотя бы разбойниковъ. Владиміръ Мономахъ (не смотря на то, что съ равноапостольнымъ его соименникомъ не соглашалось само византійски настроенное духовенство) прямо возводитъ подобный взглядъ въ принципъ, заповѣдуя: «ни праваго, ни виноватаго не убейте, и не повелѣвайте убить; хотя бы и былъ онъ повиненъ смерти, не погубите ни единой души христіанской». Какой нибудь скромный игуменъ внушаетъ князю, цѣловавшему крестъ другому князю на томъ, чтобы быть съ нимъ во всемъ за-одно, что лучше нарушить крестное цѣлованіе, чѣмъ, соблюдая его, пролить неповинную кровь въ междуусобной брани. Епископъ Серапіонъ въ XIII вѣкѣ возстаетъ противъ умерщвленія колдуновъ и вѣдьмъ (хотя и вѣритъ, какъ всѣ тогда въ цѣломъ мірѣ, возможности союза съ злымъ духомъ), христіански любящимъ сердцемъ спасаясь самъ и спасая другихъ отъ тѣхъ кровавыхъ жертвъ заблужденія ума, которыя, на зло всѣмъ успѣхамъ развитія, держались на Западѣ вплоть до XVIII ст., даже при помощи особой и богатой дѣятельностью суевѣрной учености. Епископъ Вассіанъ возбуждаетъ Ивана III положить «душу свою за други своя» въ бою съ Татарами, вмѣсто того, чтобы, слушаясь своихъ бояръ-понаровниковъ вражескихъ и предателей христіанскихъ, стать «бѣгуномъ», и въ оправданіе свое ссылаясь на клятву вѣрности, данную его предками татарскому хану. Между тѣмъ, по словамъ Вассіана, лучше *солгавъ* вывести свой народъ изъ плѣна, чѣмъ *истинствовавъ*, уподобиться Ироду (который, не подумавъ, поклялся дочери и ради этой клятвы сталъ убійцей Предтечи). Старцы Кирилло-бѣлозерскаго монастыря и монастырей Вологодскихъ, послѣдователи великаго подвижника вѣры, Нила Сорскаго, обуздывая крайнюю ревность Іосифа Волоцкаго, добивавшагося и наконецъ добившагося возведенія жидовствующихъ на костеръ, уличаютъ его при этомъ во *внутреннемъ* жидовствѣ, говоря, что въ такомъ духѣ гнѣва «субботство будетъ и вся ветхая закона, ихъ же Богъ ненавидитъ».

Но рядомъ съ подобными проявленіями широкаго и глубокаго пониманія христіанства—наклонность къ обрядовой буквѣ, раз-

виваясь все болѣе и болѣе, разрѣшается наконецъ дѣтищемъ, получившимъ названіе раскола. Какъ несомнѣнно доказано Хомяковымъ, что изъ римскаго католицизма неизбѣжно долженъ былъ выйти протестантизмъ, также точно можно бы логически вывести изъ византійскаго обрядоваго формализма, развитаго нами до крайнихъ предѣловъ, неизбѣжность старообрядческаго отщепенства. Отрекаясь отъ него и не чувствуя внутренней силы совладать со своимъ же порожденіемъ, мы, наконецъ, обратили если не въ принципъ, то въ обычай, суровыя мѣры Іосифа Волоцкаго — и соблазнъ инквизиціонныхъ костровъ, подѣйствовавшій еще при живодствующихъ на Геннадія и Іосифа, получаетъ у насъ настоящую силу у самаго уже рубежа эпохи преобразованій. А между тѣмъ на Западѣ широкое начало терпимости мало-по-малу вырабатывается путемъ все болѣе и болѣе выдѣляющагося изъ-подъ вѣроисповѣдной опеки раціонализма.

Взглядъ первоначальныхъ славянофиловъ на древнюю Русь, вызывая нѣкоторыя пополненія въ оцѣнкѣ и свѣтлыхъ и темныхъ ея сторонъ, въ сущности остается вѣрнымъ по своему безпристрастію.

Совершенно въ томъ же духѣ поступила газета «День», когда, по случаю тысячелѣтія Россіи, вмѣсто обычныхъ юбилейныхъ дивирамбовъ, захотѣла напомнить стихи Хомякова (1846 г.).

Не говорите: «то былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ....
. . . . . .
Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣхъ грѣхи былыхъ временъ,
За ваши каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ....
. . . . . .
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнъ народа....
. . . . . .
За всѣ бѣды роднаго края,—
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ! *)

*) Стихотвореніе Хомякова, стр. 90-92.

Столь же безпристрастны были славянофилы и по отношенію къ своей современности, и тутъ относясь съ одинаковой строгостью и къ отечеству своему и къ Западу. Когда началась восточная война (обратившаяся потомъ въ войну крымскую) славянофилы, со своей исторической точки зрѣнія, разумѣется, не могли смотрѣть на нее иначе, какъ на продолженіе нашей исторической тяжбы съ восточными врагами славянства—и съ ихъ западными помощниками. Но славянофилы очень хорошо понимали, что мы далеко не готовы къ рѣшенію своей великой задачи.

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна—

вотъ какъ отзывался тогда Хомяковъ о своей Россіи, «недостойной избранья, но избранной». Едва ли кто изъ западниковъ судилъ ее строже. Столь же неумолимо обличалъ наши внутренніе недуги Самаринъ,—въ той своей запискѣ о крестьянскомъ дѣлѣ, которая начата была еще въ 1853 г., а окончательно обработана и пущена въ ходъ въ 1856. «Мы сдались не передъ внѣшними силами западнаго союза, писалъ тутъ Самаринъ, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ.... Не въ Вѣнѣ, не въ Парижѣ, и не въ Лондонѣ, а только внутри Россіи завоюемъ мы снова принадлежащее намъ мѣсто въ сонмѣ европейскихъ державъ, ибо внѣшняя сила и политическое значеніе государства зависитъ не отъ родственныхъ связей съ царствующими династіями, не отъ ловкости дипломатовъ, не отъ количества серебра и золота, хранящагося подъ замкомъ въ государственной казнѣ, даже не отъ численности арміи, но болѣе всего отъ цѣльности и крѣпости общественнаго организма. Чѣмъ бы ни болѣла земля: усыпленіемъ мысли, застоемъ производительныхъ силъ, разобщеніемъ правительства съ народомъ, разъединеніемъ сословій, порабощеніемъ одного изъ нихъ другому;—всякій подобный недугъ, отнимая возможность у правительства располагать всѣми подвластными ему средствами и, въ случаѣ опасности, прибѣгать безъ страха къ подъему народной силы, воздѣйствуетъ неизбѣжно на общій ходъ военныхъ и политическихъ дѣлъ»*). Если даже послѣ всего этого и

*) Соч. Самарина II, стр. 17-18.

теперь еще возможны у насъ отзывы въ родѣ: «славянофильство или квасной патріотизмъ», то на это можно только съ самой добродушной улыбкой замѣтить: «Sancta Simplicitas»! *)

И такъ, славянофилы хорошо понимали во время восточной войны 1853—56 гг. и наши внутренніе недуги, и всѣ ошибки нашей предшествующей политики, дававшія полную возможность европейскимъ правительствамъ раздуть противъ насъ негодованіе и ненависть европейскихъ народовъ. Но славянофилы не доходили при этомъ до той уже вовсе не неповинной, а напускной простоты, которая и теперь еще находитъ возможнымъ считать Европу руководившеюся во время восточной войны исключительно нашими провинностями противъ свободнаго хода ея развитія, помимо соображеній уже совершенно иныхъ, происхожденія весьма издавняго и клонящихся не къ огражденію, а напротивъ къ задержкѣ той же свободы развитія—на славянскомъ Востокѣ. А казалось бы другая, еще такъ недавно законченная война, со всѣми событіями до нея и вслѣдъ за нею, могла бы раскрыть намъ глаза, чтобъ понять, какъ мало сознаніе нашей *несостоятельности* можетъ вызывать и сознаніе европейской политической *правоты* и *гуманности*. Если бы первымъ славянофиламъ пришлось дожить до поры, нами недавно пережитой, то они, приходя въ умиленіе отъ русскаго человѣка, совершившаго суровой зимой безпримѣрный переходъ черезъ Балканы, въ то же время горѣли-бы громкимъ негодованіемъ противъ того же русскаго человѣка, оставлявшаго своего же брата-героя безъ полушубковъ и безъ сапогъ. Но точно также не задумались бы они назвать настоящимъ именемъ и образъ дѣйствій Европы, выхватившей у того же русскаго человѣка, совершившаго, не смотря ни на что, свой великій подвигъ, лучшіе плоды этого освободительнаго подвига, т. е. выхватившей эти плоды и у того, столько разъ перерѣзаннаго народа, которому и самые лучшіе люди Европы соболѣзновали лишь платонически, и на помощь къ которому дѣйствительно выступилъ только тотъ же, одинаково съ нимъ непризнанный, человѣкъ русскій! Славянофилы, осуждая *своихъ* за все то, ради чего Европа *посмѣла* такъ поступить, не задумались бы выставить на показъ и то тонкое право *лисы*, которымъ пользовалась она и которое остается на самомъ дѣлѣ только усовершенствованнымъ правомъ *волка*, т. е. тѣмъ же неумирающимъ правомъ *хищнаго*. Не относясь, какъ они никогда и не относи-

*) Простота неповинная

лись, съ равнодушіемъ къ домашнимъ дѣламъ, славянофилы, въ качествѣ не только Русскихъ, но и членовъ европейской семьи и, что важнѣе того, вообще *человѣчества,* не стали бы безучастными и къ тому, что небольшому, истощенному долгой борьбой и нищему народу-герою пришлось и послѣ мира окончательно истекать кровью ради того, что присуждено ему этимъ міромъ — пришлось потому, что богатая матеріяльными средствами просвѣщенная часть человѣчества нашла для себя полезнымъ присудить этому маленькому народу не то, что само отдавалось ему съ величайшей охотой, а именно то, ради чего предстояло ему опять проливать свою кровь*). Славянофилы, просто какъ *люди*, зорко бы замѣтили и отмѣтили ту минуту, когда, во время нашихъ продолжительныхъ дипломатическихъ взвѣшиваній и колебаній, Европѣ представлялся случай забрать въ свои руки дѣло Славянъ (какъ это и предлагали ей лучшіе ея люди) и освободить ихъ помимо насъ, ту рѣшительную минуту, когда она это *могла* и *не захотѣла!* А если бы мыслимо было такое чудо, что, освободившись, наконецъ, отъ преданій издавняго прошлаго, обратившихъ *славянскій* вопросъ въ *европейскій крѣпостной вопросъ*, Европа рѣшила его сама въ духѣ настоящей гуманности,—какой бы ударъ ни наносился этимъ политическому значенію Россіи, славянофилы первые, прежде всего сознавая себя *людьми* въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, сознались бы, скрѣпя сердце, что мы, исторически-призванные, оказались окончательно недостойными, и благословили бы поступокъ Европы!

Ко всему и ко всѣмъ первоначальные славянофилы съ величайшею послѣдовательностью примѣняли строго христіанскую точку зрѣнія,—или, говоря другимъ языкомъ, высшую нравственную, т.е. чисто человѣческую. Самая вѣроисповѣдная сторона ихъ ученія— можемъ мы, наконецъ, заключить изо всего изложеннаго—сводится не къ чему иному, какъ къ первоначальному христіанству, тому христіанству, которое, по Хомякову, вполнѣ не осуществилось еще ни въ одномъ народѣ, но въ будущемъ должно же наконецъ осуществиться во всемъ человѣчествѣ. Не даромъ Хомяковъ въ своихъ знаменитыхъ французскихъ брошюрахъ противопоставлялъ романизму и протестантству просто *церковь* (безъ ближайшаго опредѣленія). Только люди, знакомые съ первоначальнымъ славянофильствомъ единственно по слухамъ или много-много—по выдерж-

*) Черногорская война послѣ мира въ свое время конечно будетъ выяснена исторіею.

камъ, могутъ толковать о вѣроисповѣдной ихъ исключительности въ интересахъ «господствующей церкви». Только при разсчетѣ на подобныхъ читателей можно и теперь еще, по поводу, напримѣръ, раскола, иронически спрашивать: «или и въ этомъ случаѣ ревнители «особенныхъ» путей для русскаго развитія возразятъ намъ, что религіозная свобода, признанная повсюду на Западѣ, Россію еще ни къ чему не обязываетъ». «Точно будто бы ищущіе это и въ самомъ дѣлѣ не знаютъ, что запросъ на вѣротерпимость самымъ безусловнымъ образомъ былъ у насъ выраженъ именно однимъ изъ «ищущихъ особыхъ путей»—Самаринымъ—въ слѣдующихъ золотыхъ словахъ: «тотъ день, когда, наконецъ, снимутся заставы и караулы, разставленные у выходовъ изъ церкви, будетъ для нея началомъ не разложенія, а возрожденія.... Она утратитъ спеціальное покровительство власти, но въ то же время выйдетъ изъ-подъ ея спеціальной опеки и получитъ опять свободу самозащиты, свободу проповѣди, свободу внутренняго строенія». *) А эту свободу *церковной каѳедры* славянофилы постоянно представляли себѣ не иначе какъ рядомъ съ полнѣйшей свободой *каѳедры свѣтской*. Наукѣ, по словамъ Хомякова, должно принадлежать неотъемлемое право «мнѣнія и сомнѣнія», какъ объ этомъ напомнилъ въ самыхъ первыхъ своихъ номерахъ позднѣйшій славянофильскій «День». Но это-то, конечно, и доказываетъ, что славянофилы были люди дѣйствительно твердо-вѣрующіе. «Что это была бы за религія, которая не могла бы вынести свѣта науки и сознанія?» спрашивалъ Кирѣевскій. **)

Но если все сказанное вѣрно, если истинная основа славянофильства—свобода вселенскаго христіанства, то что-же станется съ національною исключительностью славянофиловъ? Да у нихъ на повѣрку и не оказывается того, что̀ принято понимать подъ этимъ. Мы имѣли уже случай убѣждаться въ этомъ, разбирая ученіе К. Аксакова. Но еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ Хомяковъ. «Смѣшно бы было, говоритъ онъ, если бы кто нибудь изъ насъ сталъ утверждать, что Россія сравнялась со своею западной братьею во всѣхъ отросляхъ, или даже въ какой нибудь отрасли внѣшняго образованія.... Поэтому благоговѣніе, съ которымъ русскій проходитъ всю Европу, очень понятно. Смиренно и съ пре-

*) Особая статья о Самаринѣ была помѣщена мною въ „Недѣлѣ“, а потомъ перепечатана въ сборникѣ моихъ статей и рѣчей подъ заглавіемъ: „Славянство и Европа“. СПБ. 1877 г.

*) Соч. Кирѣевскаго, II, 283.

клоненною головою посѣщаетъ онъ западныя святилища всего прекраснаго—въ полномъ сознаніи своего личнаго и нашего общаго безсилія. *) Скажу болѣе: есть какое-то радостное чувство въ этомъ добровольномъ смиреніи».... Русскій путешественникъ, продолжаетъ Хомяковъ, является рѣзкою противоположностью съ англійскимъ, «который облекаетъ безобразіе своей личной гордости въ какую-то святость гордости народной». И такъ, Хомяковъ далекъ отъ того, чтобы роптать на нашу народную скромность: лучше сказать: онъ не можетъ роптать на нее со своей христіанской точки зрѣнія. «Строгій судъ надъ собою, говоритъ онъ, возвышаетъ народъ также, какъ онъ возвышаетъ человѣка. Благоговѣніе передъ всѣмъ великимъ обличаетъ сочувствіе ко всему великому и обѣщаетъ великое въ будущемъ. Избави Богъ отъ людей самодовольныхъ и отъ самодовольства народнаго; но надобно признаться, что всякая добродѣтель имѣетъ свою крайность, при которой она становится нѣсколько похожею на порокъ». **) Такимъ и оказывается наше пресловутое *самоосужденіе*, за которое если ужъ примемся мы, то наплюемся всегда всласть. Этого, конечно, не хвалили славянофилы.

Отзываясь въ своей всемірной исторіи съ особенной похвалой о мирныхъ земледѣльческихъ народахъ, Хомяковъ говоритъ, что они «ближе къ общечеловѣческимъ началамъ. На нихъ не дѣйствовало гордое волшебство побѣды; они не видали у ногъ своихъ поверженныхъ враговъ, обращенныхъ въ рабство закономъ меча, и не привыкли считать себя выше своихъ братьевъ — другихъ людей. Отъ этого они воспріимчивѣе ко всему чуждому. Имъ недоступно чувство аристократическаго презрѣнья къ другимъ племенамъ, но все человѣческое находитъ въ нихъ созвучіе и сочувствіе». Касаясь именно аристократическаго отношенія западной Европы къ славянству вообще, а также и къ намъ, Хомяковъ не съ горечью, а съ грустію замѣчаетъ: «не того желалъ бы человѣкъ отъ человѣка». ***) Потому и сочувствовали славянофилы Славянамъ, что считали ихъ менѣе всякаго другаго народа наклонными къ исключительности, къ народной гордынѣ. Славяне, по замѣчанію Хомякова, «упорные и несокрушимые передъ насиліемъ, всѣмъ своимъ существомъ готовы покориться высшей мы-

*) Не даромъ Хомяковъ и въ стихахъ называлъ Западъ «страною святыхъ чудесъ».

**) Соч. Хомяковъ I, 6—8.

***) Соч. Хомякова III, 106; I, 4.

сли.» *) При такихъ-то качествахъ они и оказываются болѣе близкими къ широтѣ христіанскаго пониманія братства, а потому и обѣщающими, въ случаѣ своего торжества въ будущемъ, водворить «на землѣ миръ и благоволеніе въ людяхъ». Хомяковъ, какъ и К. Аксаковъ, обратилъ вниманіе на то, что еще Несторъ, говоря о существованіи *своего* обычая у *каждаго* языческаго народа, замѣтилъ при этомъ: «мы же, христіане, *законъ имамы единъ*, слицы во Христа крестихомся, во Христа облекохомся». «Вотъ когда (и вотъ какъ ясно, глубоко и истинно), поясняетъ К. Аксаковъ, уже перейдены были границы той исключительной національности, въ которой пребывали мы по мнѣнію Запада.» **) Добрые задатки славянской жизни цѣнились славянофилами не какъ славянскіе, а какъ *общечеловѣческіе* задатки ***).

Въ ученіи первоначальныхъ славянофиловъ *народность* цѣнилась собственно какъ проявленіе *личности* въ *человѣчествѣ*. Народность—это только *собирательная* (коллективная) *личность*. Какъ отдѣльная личность должна сохранить свое самосознаніе въ общинѣ, такъ и собирательная личность—народность должна сохранить свое самосознаніе въ человѣчествѣ. Но какъ личность не должна развиваться во вредъ общинѣ, такъ и народность не должна развиваться во вредъ человѣчеству. Все это вытекаетъ уже изъ ученія славянофиловъ объ *общинѣ*, но еще болѣе подтверждается ихъ ученіемъ о *церкви*, какъ великой общинѣ всѣхъ христіанъ, имѣющей обратиться въ общину всѣхъ людей. «Вражда народовъ, по ученью Хомякова, есть тяжкое наслѣдство». Человѣчество должно отъ него отказаться, но оно откажется отъ него только тогда, когда сойдетъ на всегда съ пути насилія, внѣшняго, принудительнаго единства. Только «единство убѣжденія (вырабатываемое постепенно, но за то прочно) возобновитъ общій и внутренній союзъ». Такое единство возможно лишь въ лонѣ истиннаго, а не воюющаго христіанства. Оно своимъ единственнымъ оружіемъ—словомъ—объединитъ, наконецъ, весь миръ. ****) Твердая вѣра въ это, постоянно сказывается у Хомякова. Не даромъ онъ говоритъ *о строительной силѣ* христіанства, позволяющей разсчиты-

---

*) Соч. Хомякова IV, 620.

**) Соч. К. Аксакова I, 20.

***) Ученіе славянофиловъ совершенно вѣрно оцѣнено было съ этой стороны въ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ прошломъ году доцентомъ СПБ Университета А. И. Незеленовымъ.

****) Соч. Хомякова IV, 20, ср. 585.

вать, хотя бы только въ отдаленномъ будущемъ, на «провозглашеніе закона Христа и правды, какъ единственныхъ законовъ, на которыхъ должны основаться жизнь народовъ и ихъ взаимныя сношенія».

Эти законы требуютъ признанія нравственной свободы какъ каждаго лица, такъ и каждой народности со всѣми ея оттѣнками. Совсѣмъ не въ похвалу Византіи замѣчалъ Хомяковъ, что она «была гораздо болѣе сосредоточена чѣмъ имперія западная, и гражданской самостоятельности было гораздо менѣе въ ея областяхъ, чѣмъ въ областяхъ чисто римскаго міра». *) А. Кирѣевскій утверждалъ, что въ Византіи «насильственный узелъ связывалъ людей, но не соединялъ ихъ». Именно потому, что «всякій общественный и мѣстный духъ, которымъ дышетъ и держится нравственность общественная, былъ противенъ правительству», у народовъ Византіи «остались родины, но отечество изчезло и не могло возникнуть иначе, какъ изъ внутренняго единомыслія». **) К. Аксаковъ, утверждая, что Москва «поддерживала всѣ особенности, и племенныя и мѣстныя, и при единствѣ хранила разнообразіе» ***), хотя и идеализировалъ Москву въ своемъ духѣ, но прямо указывалъ этимъ на то, какъ оно *должно* быть по понятію славянофиловъ.

Этимъ уже опредѣляется взглядъ ихъ на отношенія государства къ своимъ областямъ, государственнаго *языка* къ своимъ мѣстнымъ *нарѣчіямъ*, а также и къ самостоятельнымъ языкамъ инородческихъ областей. Достаточно прочесть замѣтку Хомякова о малороссійскомъ переводѣ проповѣдей о. Гречулевича, чтобы понять все отличіе его отношеній къ этому дѣлу отъ позднѣйшихъ къ нему отношеній «патріотическихъ», можетъ быть, «но ни какъ не «народолюбивыхъ» Московскихъ Вѣдомостей. Если Самаринъ налегалъ на русскій языкъ какъ правительственный въ прибалтійскомъ краѣ, то тамъ вѣдь былъ не одинъ, а нѣсколько мѣстныхъ языковъ, и чувствовалась необходимость отпора гордой исключительности Нѣмцевъ, составляющихъ тамъ не *народъ*, а только *два господствующихъ сословія*. Самыя политическія особенности тѣхъ губерній вызывали обличенія съ его стороны опять потому, что клонились, по вполнѣ устарѣлому пошибу, къ *сословному*, а не къ *народному* интересу и только отталкивали отъ народа ре-

*) Соч. Хомякова I, 217.
**) Соч. Кирѣевскаго II, 316.
***) Соч. К. Аксакова I, 47.

формаціонную силу центральной власти. Областныя особенности Финляндіи, не отличающіяся такою сословною исключительностью и не мѣшающія прогрессивному теченію жизни, не вызвали, какъ извѣстно, своего Самарина.

Наши желательныя отношенія къ народу, намъ единоплеменному но, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ вѣроисповѣдныхъ различій, долгое время враждовавшему съ нами и вошедшему, наконецъ, не по собственному рѣшенію, въ составъ нашего государства, указывались въ славянофильскомъ «Днѣ» подъ прямымъ угломъ зрѣнія первоначальнаго славянофильства. Всего болѣе тутъ отражался широкій христіанскій духъ уже покойнаго тогда Хомякова. Впослѣдствіи славянофилы явились въ Польшѣ проводниками русскаго правительственнаго начала—но чтобы совершить въ ней то, чего не совершила она сама по отношенію къ своему же народу. Все, что сдѣлано было сверхъ того, составляло избытокъ, логически уже вовсе не вытекавшій изъ ученія славянофиловъ. Что касается нѣкоторыхъ рѣчей, произнесенныхъ въ Москвѣ во время славянскаго съѣзда, то отъ нихъ, можно смѣло сказать, Хомяковъ долженъ былъ содрогнуться въ могилѣ.

Отношенія его ко всѣмъ вообще членамъ славянской семьи ярко высказались въ его извѣстныхъ стихотвореніяхъ. Они вовсе не въ духѣ того стремленія къ *гегемоніи*, въ которомъ, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, оказывается болѣе или менѣе грѣшнымъ каждый изъ выдающихся членовъ семьи. Хомяковъ же всѣмъ имъ одинаково говорилъ: не гордись! желая при этомъ, чтобы они были

Всѣ велики, *всѣ* свободны!

Но и своему собственному народу говорилъ онъ, предохраняя его отъ льстецовъ:

Не вѣрь, не слушай, не гордись!

Хомяковъ выставлялъ своему народу предохранительнымъ примѣромъ такъ сильно и такъ пагубно увлекшійся своимъ избранничествомъ народъ израильскій.

Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
«Мы—соль земли, мы—столбъ святыни,
Мы—Божій мечъ, мы—Божій щитъ!»

. . . . . .

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія....
. . . . . .

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ ѳиміамъ,
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ!

Но Хомяковъ выставлялъ передъ Россіей еще и другой предохранительный примѣръ—примѣръ стараго міродержавнаго Рима. Онъ говорилъ ей:

Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта...
. . . . . И что же Римъ?...

А въ своихъ запискахъ о всемірной исторіи Хомяковъ опредѣляетъ его такимъ образомъ: «начало всѣхъ его дѣйствій—былъ разсчетъ выгодъ государственныхъ. Это былъ мужъ зрѣлый, безродный эгоистъ, въ толпѣ племенъ младенцевъ». Но Хомяковъ замѣчаетъ еще при этомъ: «Тупыя головы искали Рима въ Россіи. Сущая нелѣпость. Послѣ христіанства нѣтъ уже возможнаго Рима *).

Возможнаго, очевидно, надо понимать тутъ въ видѣ *нравственно возможнаго* или *допустимаго*. У Хомякова тутъ же и оказывается далѣе, что *на дѣлѣ* повтореніе Рима, хотя и въ ослабленномъ видѣ, возможно. «Онъ, т. е. Римъ, безспорно отзывается въ жизни Англіи болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы». Но съ другой стороны Хомяковъ замѣчаетъ, что представляемая Римомъ «идея пользы» (т. е. житейской пользы въ смыслѣ государственной выгоды, интереса) «болѣе или менѣе управляетъ всѣми народами, современными намъ». Но это стремленіе къ выгодѣ *государственной* не есть вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе къ пользѣ *народной*. Оно вполнѣ подтверждается современнымъ положеніемъ Европы, гдѣ державы, ради ненасытно-

*) Соч. Хомякова III, 79.

сти этого стремленія, вооружаются съ ногъ до головы, и гдѣ благосостояніе народа обратно пропорціонально могуществу государства. Но слова Хомякова особенно замѣчательны по отношенію къ намъ самимъ. Онъ не допускаетъ повторенія Рима въ Россіи, мечтающихъ о томъ обзывая: тупыя головы! А Хомяковъ не любилъ прибѣгать къ выраженіямъ обиднаго свойства. Видно, стремленіе увлечь Россію на путь Рима слишкомъ уже было противно его христіанской душѣ. А представители этого стремленія, конечно, считаютъ себя разумно выводящими славянофильство на практическую дорогу. Имъ, значитъ, и нечего обижаться словами: «тупыя головы!»

Хомяковъ же оставался всегда чудакомъ, стремившимся провести христіанскую правду даже и въ грѣшное лоно политики. Съ живѣйшимъ сочувствіемъ, говоритъ онъ о такомъ же чудакѣ, появившемся—гдѣ же? въ практической Англіи—лордѣ Меткальфѣ: «онъ увѣренъ въ шаткости англійской власти (въ Индіи).... но выгоды отечества, которому онъ всегда былъ готовъ жертвовать и счастіемъ жизни, и самою жизнію, противны требованіямъ человѣческой правды и человѣческой любви, и выборъ его рѣшенъ. «Если власть Англіи неразлучна съ нравственнымъ униженіемъ Индіи, она должна прекратиться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Таковы его слова *). Такія же точно слова произнесъ бы и самъ Хомяковъ, еслибъ дѣло касалось Россіи. У насъ во время послѣднихъ восточныхъ событій раздавались голоса въ защиту прямо противуположнаго англичанина—лорда Биконсфильда, и раздавались изъ лагеря «патріотовъ». Они только завидовали при этомъ, что и у насъ не найдется своего Биконсфильда. Настоящіе славянофилы были не такого закала. Они безусловно бы осудили политику хитроумнаго лорда — не потому, что она идетъ противъ нашихъ интересовъ, а потому, что подобный принципъ въ политикѣ позоритъ человѣчество.

У славянофиловъ сказывались извѣстныя точки соприкосновенія съ Карамзинымъ—главнымъ образомъ во взглядѣ на Петра Великаго. Но исходныя точки были совершенно различны. Карамзинъ подходилъ къ тому, что называется теперь *національностью*, славянофилы же были въ сущности *гуманисты*—не въ древнеклассическомъ, а въ христіанскомъ смыслѣ этого слова. Карамзинъ оказывался способнымъ откладывать освобожденье кресть-

*) Соч. Хомякова. I, 551.

янъ и опираться на право завоеванія, вполнѣ выпроваживая христіанство изъ политической жизни и предоставляя ему только область частныхъ, такъ сказать, отношеній человѣка къ Богу. Славянофилы стремились безусловно провести христіанство всюду—и въ общественныя, и въ международныя отношенія. Потому-то и не признавали они ни въ какомъ видѣ—ни крѣпостнаго права, ни вообще права сильнаго. Наши теперешніе «націоналы» (изъ мечтающихъ о повтореніи Рима въ Россіи), если имъ непремѣнно угодно связывать себя со славянофильствомъ, на которое въ сущности они поглядываютъ очень свысока, могутъ называться *ново-славянофилами* только въ смыслѣ *лже-славянофиловъ*. Они скорѣе *ново-карамзинисты* à la Bismark.

Къ этимъ людямъ должна быть примѣнена суровая строгость К. Аксакова,—въ силу которой отъ общины мирно, но неукоснительно отлучается всякій, возстающій противъ ея основныхъ началъ. Къ основнымъ началамъ славянофильства гораздо ближе очень многіе западники,—тѣ, которые, упорно зажмуриваясь передъ тѣмъ, что является въ жизни Запада ахиллесовою пятой, въ сущности вовсе имъ не удовлетворены и въ полномъ его всеоружіи....

Съ ними, ищущими, на самомъ дѣлѣ, вмѣсто *силы*, только выдающей себя за *право*, настоящей человѣческой *правды* въ жизни, а потому не исключающими изъ списка участниковъ въ будущей международной трапезѣ никого, а стало быть и плотовъ Европы — Славянъ, соглашеніе возможно въ неособенно, можетъ быть, и далекомъ будущемъ. Съ «націоналами», готовыми ради умноженія *силы* пожертвовать *всѣмъ*, чтобы выпустить эту силу на международную «борьбу за существованіе», съ единственной цѣлью закрѣпить за собою на возможно продолжительный срокъ перевѣсъ въ этой безконечной борьбѣ,—невозможно никакое сближеніе. Вѣдь и самый научный законъ этой «борьбы» развился не на нашей почвѣ, тогда какъ именно у насъ была недавно провозглашена та поправка къ нему или, лучше сказать, то коренное его измѣненіе, котораго представителемъ на петербургскомъ съѣздѣ естествоиспытателей явился профессоръ с.-петербургскаго университета К. Ѳ. Кесслеръ.

Недавно мы прочитали въ одномъ изъ нашихъ ученыхъ журналовъ: «для того, чтобы люди были братьями, нужно чтобы они этого хотѣли. Но они этого въ настоящее время не хотятъ.... Политическій человѣкъ XVIII ст. хотѣлъ убійствами заставить

людей любить другъ друга; политическій человѣкъ XIX ст. хочетъ достичь этого посредствомъ равномѣрнаго распредѣленія комфорта жизни*). Но то, что лежитъ въ эмоціональной сторонѣ человѣка, такими средствами достигнуто быть не можетъ. Только глубокій религіозный порывъ, въ духѣ первыхъ столѣтій христіанства, въ состояніи потрясти и очистить экономическаго человѣка. Что будетъ впослѣдствіи, мы не можемъ знать. Пока мы видимъ bellum omnium contra omnes изъ за наслажденій жизни»**).

Кажется, въ ученіи первоначальныхъ славянофиловъ и было именно то, что̀ можно назвать «религіознымъ порывомъ».

Ор. Миллеръ.

*) При помощи тѣхъ же убійствъ.

**) Т. е. войну всѣхъ противъ всѣхъ. Крит. Обозр. 1879 г. № 24, стр. 29.

Боярская дума древней Руси.

Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества.

ГЛАВА III.

Слѣды политическаго обособленія города и села въ X в.—остатокъ значенія, какое начали было пріобрѣтать большіе города по рѣчнымъ торговымъ путямъ до половины IX в.

Древнѣйшее русское общество, съ нѣкоторой ясностью, обозначающееся въ историческихъ памятникахъ, отличалось отъ сложившагося позднѣе экономическимъ и политическимъ обособленіемъ неслужилаго военнаго класса отъ земскаго простонародья, и городскаго населенія отъ сельскаго. Это общественное дѣленіе, слѣды котораго еще замѣтны въ X и даже XI в.в., есть фактъ, отъ котораго можно отправиться въ дальнѣйшемъ изученіи того, что такое были и откуда произошли «старцы градскіе» X в. Здѣсь мы остановимся на существующихъ въ нашей литературѣ мнѣніяхъ о томъ общественномъ порядкѣ, изъ котораго развиваются разсказываемыя нашей лѣтописью событія на Руси IX в., не съ цѣлью подробнаго разбора этихъ мнѣній, а только для того, чтобы высказать общій взглядъ на нихъ и опредѣлить свое отношеніе къ нимъ.

Когда хотятъ объяснить происхожденіе этого порядка, чаще всего обращаются къ одному изъ двухъ взглядовъ, которые уже довольно давно держатся въ нашей исторической литературѣ. Оба эти взгляда исходятъ изъ одного и того же предполагаемаго факта, что нѣкогда, раньше половины IX в., среди восточныхъ Славянъ господствовалъ родовой бытъ; только одни признаютъ

господство этого быта вплоть до призванія князей, отрицая существованіе какого-либо другаго начала, ему противодѣйствовавшаго, а другіе склонны думать, что такія начала вступили уже въ дѣйствіе и пошатнули родовой бытъ во многихъ мѣстахъ гораздо раньше половины IX в. Согласно съ первымъ изъ этихъ взглядовъ, родовой бытъ восточныхъ Славянъ прямо перешелъ въ тотъ общественный порядокъ, во главѣ котораго сталъ князь съ своей дружиной; Рюрикъ и его преемники начали и завершили то общественное устройство, которое изображается въ памятникахъ XI и XII в.в. Значитъ, князь съ дружиной былъ первой силой на Руси, завладѣвшей обществомъ и извлекшей его изъ первобытнаго неустроеннаго состоянія, въ какомъ изобразилъ его лѣтописецъ передъ призваніемъ князей. Были и города на Руси до призванія князей; но городъ того времени— не что иное, какъ огороженное, укрѣпленное жилище рода; по большей мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ городахъ соединялось нѣсколько родовъ, привлеченныхъ выгодами ихъ положенія, но не теряя при этомъ сосѣдствѣ своей особности, самостоятельности, продолжая управляться своими родовыми старшинами. Такъ, въ Новгородѣ Великомъ, пять его концовъ съ своими старостами до позднѣйшаго времени напоминали о пяти родахъ, изъ которыхъ составилось первоначальное населеніе города. Такимъ образомъ, городовая жизнь вмѣстѣ съ слабыми зачатками торговли не измѣняла родоваго быта; измѣненіе этого быта, его разложеніе началось только тогда, когда въ него вошло новое общественное начало, новый союзъ, державшійся на иныхъ, неродовыхъ основаніяхъ, союзъ дружинный, принесенный князьями. По мнѣнію другихъ, между родовымъ бытомъ и дружиннымъ былъ посредствующій моментъ, начавшійся именно въ городѣ: появившись на Руси, Славяне принуждены были селиться массами, а не въ разсыпную, отдѣльными родами или семьями, строить города, а «построеніе города есть прямое отрицаніе родоваго быта», который поэтому рано долженъ былъ уступить мѣсто быту общинному, ложившемуся въ основаніе города. Городъ управлялся не родоначальникомъ, а народнымъ вѣчемъ и мужами, выбранными народомъ. Изъ перваго, старшаго города племени выдѣлялись пригороды, выселки, которые становились въ подчиненное отношеніе къ метрополіи. Такимъ образомъ, среди Полянъ и большей части другихъ племенъ восточныхъ Славянъ, на мѣсто прежнихъ взаимно разъединенныхъ родовъ явился союзъ городскихъ общинъ; младшія общины,—при-

города подчинены были старшему городу, который былъ представителемъ и руководителемъ цѣлаго племени *). И такъ первой силой, выведшей русскихъ Славянъ изъ неподвижной замкнутости родовъ и создавшей новое общество, былъ не князь съ своей дружиной, а старшій городъ племени съ своимъ вѣчемъ, возникшій и начавшій руководить племенемъ задолго до появленія князя и дружины.

Взаимная исключительность, съ какою иногда высказывались оба эти взгляда, въ значительной степени зависѣла отъ терминологіи, которой пользовались при ихъ изложеніи. «Родовой бытъ», «дружина», «городская община»—эти выраженія получили слишкомъ условный и отвлеченный смыслъ и незаслуженную важность при объясненіи нашей древнѣйшей исторіи: они сдѣлались стереотипными терминами, которыми старались обозначить строго опредѣленныя общественныя явленія, различные житейскіе порядки, одинъ съ другимъ несовмѣстимые. Господствовалъ родовой бытъ: слѣдовательно, не могло быть ни дружины, ни общины, и наоборотъ. Между тѣмъ, въ характеристикѣ извѣстной формы народнаго быта или извѣстнаго общественнаго союза едва ли достаточно сказать, что это былъ родъ, дружина, община или родовая община, едва ли достаточно произнести эти слова, чтобы образъ характеризуемаго быта или союза предсталъ воображенію со всѣми живыми историческими своими чертами. Благодаря этой абстрактности, а, можетъ быть, и слишкомъ частому и неосторожному употребленію, эти термины утратили свой реальный историческій смыслъ и превратились въ какія-то историческія мѣстоимѣнія, въ значеніи которыхъ надобно напередъ уговариваться, чтобы понимать ихъ. Между тѣмъ, ни эти термины или имъ соотвѣтствующіе на нашемъ древнемъ языкѣ не имѣли такого условнаго и опредѣленнаго техническаго значенія, которое указывало бы на тотъ, а не на другой общественный союзъ или складъ общежитія, ни самыя явленія жизни не развивались такъ послѣдовательно и исключительно какъ представляются они тому и другому взгляду. Словомъ *родъ*, напримѣръ, обозначались—и родня въ широкомъ смыслѣ слова, и тѣсная семья, и цѣлое племя. Точно также не опредѣлено было значеніе слова *дружина*. Въ нашихъ историческихъ сочиненіяхъ дружинный союзъ часто про-

*). *И. Д. Бѣляева* «Русская Земля передъ прибытіемъ Рюрика» во *Временникѣ* Общ. И. и Др. Росс., кн. VIII, I, 36 и сл. Ср. его же *Лекціи*, стр. 9 и сл.

тивополагается родовому и дружиной называется однородный, въ соціальномъ отношеніи, классъ, тѣсно привязанный къ князю и связанный внутренно совсѣмъ не такими интересами и отношеніями, на какихъ держится родовой союзъ. Въ древней лѣтописи, при Ярославичахъ XI и XII в., это слово обыкновенно является съ сословнымъ служилымъ значеніемъ; но раньше, какъ мы видѣли, имъ обозначались и люди изъ высшаго городскаго класса, «нарочитые мужи-горожане», не принадлежавшіе къ княжескому двору, а въ Русской Правдѣ дружиной называются и привиллегированный классъ княжихъ мужей, и собраніе городовыхъ тысяцкихъ съ другими боярами по отношенію къ своему князю, и, наконецъ, члены простаго сельскаго или городскаго общества по отношенію другъ къ другу, если они связаны круговой порукой въ уплатѣ виры другъ за друга. Притомъ общество, которое мы привыкли обозначать этимъ техническимъ терминомъ и которое, какъ говорятъ, построено было на особыхъ, неродовыхъ началахъ, съ появленія своего на Руси не только не противодѣйствуетъ во всемъ и рѣшительно родовымъ преданіямъ и отношеніямъ, но съ теченіемъ времени само является наиболѣе вѣрнымъ и упорнымъ ихъ хранителемъ, бережно хранитъ родовой порядокъ наслѣдованія, родовые преданія и обычаи, которые потомъ пособили взаимнымъ отношеніямъ членовъ этого класса сложиться въ стройный порядокъ, въ мѣстничество; книжники того времени, когда во главѣ этого класса сталъ слой княжескаго происхожденія изъ упраздненныхъ удѣловъ, считали родовые счеты и преданія его отличительнымъ дѣломъ, завѣтнымъ сословнымъ обычаемъ: «роди—княжи заповѣди», писали про этихъ служилыхъ князей. Наконецъ, сдвали надобно перечислять различныя значенія, какія имѣлъ «городъ» на языкѣ древней лѣтописи и какія придавали этому термину изслѣдователи.

Не смотря на свою исключительность, взаимную нетерпимость, приверженцы того и другаго взгляда на происхожденіе русскаго общества вовсе не такъ далеко расходятся между собою, какъ думаютъ сами, и отъ исторической дѣйствительности, сколько можно судить о томъ, удаляются не въ такой степени, въ какой иногда упрекаютъ другъ друга. Оба мнѣнія, изложенныя выше въ простѣйшемъ, первоначальномъ видѣ, получили у своихъ послѣдователей дальнѣйшее развитіе, обработаны были ими въ подробностяхъ. Эта обработка повела къ новымъ взглядамъ, вызвала рядъ новыхъ теорій и значительно усложнила нашу исто-

рическую терминологію. Можно составить цѣлый словарь изъ тѣхъ соціальныхъ терминовъ, которыми изслѣдователи старались характеризовать общественный бытъ восточныхъ Славянъ въ древнѣйшую извѣстную пору ихъ жизни. Здѣсь въ первомъ ряду стоятъ термины простѣйшіе, такъ сказать, первообразные: семья, родъ, община, дружина. За ними слѣдуютъ термины производные и сложные, образовавшіеся посредствомъ подраздѣленія или взаимнаго сочетанія первообразныхъ: родъ естественный и родъ искусственный, община семейная, община родовая и община территоріальная, бытъ просто общинный и задружно-общинный, городская община, городская дружина и рядомъ съ ними общинный городъ и дружинный городъ; въ свою очередь, кровный родъ подраздѣлился на роды—патріархальный и братскій. При дальнѣйшей разработкѣ предмета, явились сочетанія такихъ понятій, которыя, съ перваго взгляда, могутъ показаться взаимно непримиримыми. Такъ первоначальный бытъ нашихъ племенъ опредѣляли «военно-*дружиннымъ* характеромъ *родовой* организаціи»; иногда родъ опредѣлялся такими чертами, что выходилъ неродовымъ родомъ, такимъ, который состоялъ изъ лицъ чуждыхъ другъ другу по происхожденію, дѣйствительному или только предполагаемому, фиктивному, и связанныхъ въ одно цѣлое единственно зависимостью отъ родоначальника, т. е. человѣка, который не былъ и даже не считался ихъ родоначальникомъ. Пестрота терминологіи сообщаетъ всѣмъ этимъ взглядамъ видимое разнообразіе, доходящее иногда какъ будто до противорѣчія одного другому. На дѣлѣ, между ними много точекъ соприкосновенія и они чаще дополняютъ, чѣмъ отрицаютъ другъ друга. Это потому, что всѣ они вращаются въ кругу немногихъ историческихъ представленій. Всѣ описанія древнѣйшаго быта русскихъ Славянъ представляютъ болѣе или менѣе сложное развитіе трехъ основныхъ, простѣйшихъ соціальныхъ формъ: семьи, рода и общины, а въ бытѣ нашихъ Славянъ около половины IX в., въ разныхъ мѣстахъ и разныхъ слояхъ населенія, несомнѣнно можно найти черты, указывающія на присутствіе всѣхъ этихъ формъ общежитія, на ихъ совмѣстное существованіе или на преобладаніе одной передъ другими. Упомянутыя теоріи въ большинствѣ составлены путемъ трудолюбивыхъ и продолжительныхъ изысканій; нѣкоторыя отличаются мѣткостью историческихъ сужденій; въ каждой изъ нихъ есть какая-нибудь чутко угаданная черта древнерусской жизни: каждая, слѣдовательно, имѣетъ свою научную цѣну, и тотъ, кто нахо-

дить нужнымъ всѣ эти теоріи или которую-нибудь изъ нихъ вычеркнуть изъ русской исторической науки, «какъ ненужный, фальшивый литературный нарость, тормозящій правильное развитіе исторической науки»,—тотъ обнаруживаетъ не столько ученой строгости, сколько научной расточительности, на которую не даетъ права наличное богатство литературы по отечественной исторіи. Изъ совокупности отдѣльныхъ взглядовъ могла бы составиться полная и вѣрная картина русской жизни древнѣйшаго времени. По деспотизмъ словъ, тяготѣвшій надъ изслѣдователями, сообщалъ ихъ изслѣдованіямъ направленіе, мѣшавшее имъ оказать научное дѣйствіе, соразмѣрное съ ученымъ средствами авторовъ. Этотъ гнетъ вмѣстѣ съ отвлеченностью, условностію и нѣкоторой изысканностью терминологіи располагалъ изыскателей къ излишнимъ обобщеніямъ, отвлекая ихъ вниманіе отъ конкретныхъ фактовъ, отъ условій мѣста и времени. Избравъ извѣстный терминъ, какъ наиболѣе точное выраженіе характера изучаемаго быта, изслѣдователь не столько анализировалъ данныя историческія явленія, сколько діалектически развивалъ идею, заключающуюся въ этомъ терминѣ, не воспроизводилъ чертъ быта по сохранившимся въ памятникахъ слѣдамъ его, а самъ конструировалъ его подробности по извѣстному принципу, заботясь о томъ, чтобы его планъ былъ во всемъ вѣренъ своей идеѣ, а не изучаемой исторической дѣйствительности. Вмѣсто картины русской общины или русскаго рода изъ такой ученой работы выходила часто отвлеченная отъ времени, мѣста и народа схема общины или рода вообще, и тамъ, гдѣ читатель ожидалъ историческаго анализа и быта реставраціи, онъ находилъ нѣчто похожее скорѣе на догматическую систему или законодательный проектъ. Бытовая черта, вѣрно схваченная наблюдателемъ, тонула въ потокѣ такого историко-философскаго синтеза, потому что эта черта служила въ историческомъ изслѣдованіи тѣмъ же, чѣмъ служитъ тема въ музыкальной композиціи. Излишняя умозрительность въ изученіи историческихъ явленій давала возможность изслѣдователю представить одну изъ обозначенныхъ выше формъ общежитія не только господствовавшей въ данное время надъ другими, но и исключавшей всѣ остальныя, или же сообщить имъ такую правильную, математически разсчитанную преемственность, какой не было въ дѣйствительности. Если, устранивъ излишній грузъ полемики и діалектики въ этихъ ученыхъ построеніяхъ древнѣйшаго быта русскихъ Славянъ, сопоставить основные выводы отдѣльныхъ и часто враждебныхъ другъ

другу изслѣдованій, то получается цѣльный и послѣдовательно развивающійся историческій процессъ. Исходной точкой этого процесса служитъ извѣстное картинное описаніе быта нашихъ предковъ, помѣщенное на первыхъ страницахъ нашей древней лѣтописи.—идиллія родовъ, жившихъ особнякомъ, въ лѣсахъ «скотьски,» съ «звѣриньскими» правами, съ игрищами между селъ и похищеніемъ невѣсть, съ сожиганіемъ покойниковъ. Такъ какъ еще не найдено историческихъ слѣдовъ, которые бы прямо указывали, что наши Славяне жили нѣкогда бытомъ, предшествующимъ семейному общежитію, то разсказъ о томъ, откуда пошла Русская земля и какъ завязалось русское общество, обыкновенно, начинается объясненіемъ того, что такое первобытная семья, и далѣе излагается, какъ эта семья превращается въ родъ, какъ родъ распадается на вѣтви, какъ изъ этихъ вѣтвей, размѣстившихся по сосѣдству отдѣльными поселками, образуется родовой округъ, волость, среди которой, какъ убѣжище отъ внѣшнихъ опасностей, возникаетъ родовой городъ, построенный и содержимый волостью, какъ въ этомъ городѣ съ значеніемъ постояннаго его гарнизона собирается изъ поселковъ волости *дружина*, боевое товарищество, во главѣ котораго становится вождь — городовой князь, какъ это боевое товарищество постепенно отрѣшается отъ преданій и обычаевъ родоваго быта и усвояетъ себѣ общинныя начала жизни, какъ, при благопріятныхъ условіяхъ мѣстоположенія, этотъ дружинный городъ или эта городовая дружина развивается въ сильное общество, которое подчиняетъ себѣ мечемъ или торговымъ оборотомъ не только окрестную одноплеменную волость, его создавшую, но и другіе точно такіе же города съ ихъ волостями. Такъ, начавъ съ маленькаго родоваго поселка, доходятъ до города, ставшаго матерью другихъ городовъ Руси, до Кіева съ его великимъ княземъ и дружиной, выростающаго изъ первоначальнаго сельца трехъ братьевъ путемъ постепеннаго и естественнаго осложненія внутреннихъ земскихъ отношеній.

Все это очень стройно и не лишено исторической вѣроятности; остается только неяснымъ: когда все это происходило и при какой исторической обстановкѣ, съ какимъ вѣкомъ и краемъ связанъ каждый изъ моментовъ этого процесса, чередующихся въ такомъ разученномъ порядкѣ; иногда можно подумать, что это было «по многѣхъ времянѣхъ» послѣ столпотворенія, когда «сѣли суть Словѣни по Дунаеви», а иногда какъ будто выходитъ, что это имѣло мѣсто уже на Днѣпрѣ, когда Славяне «бяху ловяще звѣрь».

Значитъ, нѣтъ научной надобности отвергать которую-либо изъ теорій первоначальнаго быта восточнаго славянства; но ихъ, какъ формулы, надобно раскрыть, приблизить къ исторической дѣйствительности, надобно попытаться, если можно такъ выразиться, *реализовать* эти нелишенныя смѣлости обобщенія, поставить конкретные факты, даты, географическія помѣтки тамъ, гдѣ властвуютъ одни діалектически построенные моменты. У насъ, напримѣръ, господствуетъ разномысліе о томъ, какова была первоначальная форма поселеній у русскихъ Славянъ: одни утверждаютъ, что у нихъ не было городовъ въ позднѣйшемъ промышленномъ и административномъ смыслѣ, а были только огороженныя села: другіе, напротивъ, настаиваютъ, что не существовало вовсе селъ, а были только города, изъ которыхъ, уже спустя много вѣковъ послѣ ихъ образованія, славянское народонаселеніе Россіи разсѣялось по селамъ и хуторамъ; по мнѣнію третьихъ, наконецъ, не было ни такихъ городскихъ селеній, ни сельскихъ городовъ, а рядомъ съ селами и посадами существовали «городныя осады», простыя укрѣпленія, нежилыя въ мирное время и временно населяемыя, при вторженіи непріятеля, жителями подгородныхъ посадовъ, селъ и деревень. Но необходимо-ли жертвовать какимъ-либо изъ этихъ мнѣній, чтобы принять другое? Разногласія въ мнѣніяхъ о характерѣ древнерусскаго города, какъ и древнерусскаго рода, приводятъ къ той мысли, что въ отдаленную пору, съ которой начинаются воспоминанія нашей древней лѣтописи, самый бытъ восточныхъ Славянъ далеко не отличался такой устойчивостью и такимъ однообразіемъ, какія предполагаютъ въ немъ изслѣдователи, стараясь каждый съ излишней аккуратностью уложить его въ какую-либо одну форму общежитія, построенную на томъ или другомъ соціальномъ началѣ; и, можетъ быть, эта неустойчивость, неопредѣленность общественнаго быта происходила не столько отъ того, что въ немъ существовали одновременно и рядомъ различныя по характеру формы, сколько отъ того, что ни одна изъ существовавшихъ формъ не обособилась достаточно отъ другихъ, не достигла законченности въ своемъ образованіи.

Основное несогласіе указанныхъ выше взглядовъ состоитъ въ различномъ рѣшеніи вопроса о томъ: на какомъ моментѣ своего общественнаго развитія застигнуты были нашіи Славяне призванными князьями съ ихъ дружиной? Одни отвѣчаютъ, что въ эту минуту господствовалъ родовой бытъ съ взаимнымъ разъединеніемъ и враждой родовъ, и на такомъ основаніи непосредствен-

но призванный князь съ дружиной началъ строить тотъ порядокъ на Руси, какой изображается въ памятникахъ XI и XII в.в. Другіе думаютъ, что первой силой на Руси, овладѣвшей родовымъ обществомъ и создавшей изъ него новый порядокъ, былъ промышленный городъ: неизвѣстно, какъ и когда именно, но еще задолго до призванія князей, можетъ быть, въ незапамятныя времена, всѣ племена восточныхъ Славянъ, по мнѣнію однихъ, и если не всѣ, то большая ихъ часть, по мнѣнію другихъ, сомкнулись въ союзы городовыхъ общинъ, руководимые каждый своимъ старшимъ городомъ, и, можетъ быть, даже между этими старшими городами существовало нѣкоторое единеніе, такъ что вся Русь около половины IX в. представляла союзъ городовъ. Руководясь обозначеннымъ выше отношеніемъ къ этимъ взглядамъ, попытаемся разсмотрѣть, какіе дѣйствительные факты положены въ ихъ основаніе и насколько эти факты ихъ поддерживаютъ.

Остановимся прежде всего на мнѣніи, по которому князь съ дружиной, явившійся изъ-за моря, былъ первой силой, овладѣвшей обществомъ и устроившей его по своему. Слѣдуетъ замѣтить, что уже по смерти Ярослава I, съ половины XI в., эта сила не была единственной: она дѣлила обладаніе обществомъ съ мѣщанствомъ главныхъ областныхъ городовъ. Эти города все съ бо́льшимъ успѣхомъ оспаривали у князей политическое вліяніе, такъ что наконецъ мѣстныя общества гораздо больше зависѣли каждое отъ вѣча своего волостнаго города, чѣмъ отъ князя, сидѣвшаго въ волости, и даже послѣдній, бо́льшею частію, сидѣлъ въ волости, только пока терпѣло его мѣщанство стольнаго города. Это преобладаніе волостнаго города надъ княземъ стало къ исходу XII в. явленіемъ до того общимъ и привычнымъ на Руси, что дѣйствительной и постоянной властью въ каждой области считалось вѣче волостнаго города, а не князь, сидѣвшій въ немъ на столѣ. Владимірскій лѣтописецъ, описывая современныя ему событія, послѣдовавшія въ Ростовской волости за смертію Андрея Боголюбскаго, и размышляя о торжествѣ своего пригорода Владиміра надъ старшимъ городомъ волости Ростовомъ, изображаетъ это торжество явленіемъ небывалымъ въ Русской землѣ, шедшимъ совершенно въ разрѣзъ съ порядкомъ, какой въ ней дѣйствовалъ повсюду и который онъ по этому случаю рисуетъ извѣстными словами, получившими значеніе политической формулы для XII в. По его словамъ, *изначала* Новгородцы,

Смольняне, Кіевляне, Полочане и всѣ (прочія) *власти*, т. е. волости, точнѣе волостные старшіе города, на вѣча думать сходятся, и что эти старшіе вздумаютъ, на томъ и ихъ пригороды станутъ. Лѣтописецъ-публицистъ не только представляетъ себѣ такое руководящее значеніе волостныхъ городовъ для пригородовъ, уѣздныхъ городовъ княжества, порядкомъ искони установившимся, но даже забываетъ или не считаетъ нужнымъ упомянуть о князьяхъ, какъ будто князь былъ для волости политической случайностью, иногда становившейся рядомъ съ постоянной властью вѣчевой городской сходки.

Существуетъ мнѣніе, что такое политическое значеніе волостныхъ городовъ въ XII в. было фактомъ, возникшимъ недавно, не раньше второй половины XI в.: эти города будто бы поднялись оттого, что стала падать княжеская власть, когда раздѣлилась между враждебными другъ другу носителями, многочисленными потомками Ярослава Стараго.

Дѣйствительно, большіе волостные города до половины XI в., съ тѣхъ поръ какъ завелись князья, никогда не выступали съ такимъ мѣстнымъ вліяніемъ, съ какимъ являются послѣ. Таково впечатлѣніе, выносимое изъ событій, какія отмѣтила древняя лѣтопись на поверхности народной жизни со времени призванія князей. Однако, вникая въ политическій порядокъ, какой устанавливали эти князья впродолженіе 200 лѣтъ, не трудно замѣтить, что тѣ же большіе города были въ немъ очень дѣятельной пружиной.

Вопервыхъ, еще до Ярослава стали обозначаться на Руси крупные административные округа, которые послѣ него послужили основаніемъ для княжескаго дѣленія Руси. На этомъ основаніи, обозначились границы тѣхъ большихъ первоначальныхъ княжествъ, которыя при постепенномъ размноженіи Рюрикова рода подраздѣлялись на болѣе мелкія части. На обширномъ пространствѣ, заселенномъ Славянами, гдѣ наша начальная лѣтопись не помнитъ туземцевъ-инородцевъ, отъ рѣкъ Рси и Сулы на сѣверъ по обѣ стороны линіи Днѣпра-Волхова до устьевъ этой послѣдней рѣки мы находимъ тотчасъ по смерти Ярослава 1 шесть княжествъ, изъ которыхъ пять (Кіевско-новгородское, Черниговское, Переяславское, Смоленское и Волынское) принадлежатъ сыновьямъ Ярослава, а шестое (Полоцкое)—ихъ двоюродному племяннику Всеславу, правнуку Владиміра Святаго. Такъ какъ земля Новгорода Великаго, не смотря на свое соединеніе съ Кіевской, со-

ставляла особую политическую область и, послѣ раздѣла Русской земли между сыновьями Ярослава, какъ и до этого раздѣла, управлялась особыми князьями, то, значитъ, все указанное славяно-русское пространство дѣлилось по смерти Ярослава на семь политическихъ областей или земель. Начиная разсказъ о событіяхъ въ Русской землѣ IX в., начальная наша лѣтопись размѣщаетъ на томъ же пространствѣ десять славянскихъ племенъ, которымъ дастъ особыя племенныя имена, незаимствованныя отъ названій рѣкъ или городовъ: это—Славяне (Ильменскіе), Кривичи, Дреговичи, Сѣверяне, Радимичи, Вятичи, Древляне, Поляне, Дулѣбы и Хорваты. Въ числѣ названныхъ семи областей не находимъ ни одной, которая вмѣщала бы въ себѣ цѣликомъ одно племя; только въ одной изъ этихъ областей, въ княжествѣ Переяславскомъ, славянское населеніе одноплеменно, но состояло не изъ цѣлаго племени, а изъ южной части Сѣверянъ. Во всѣхъ остальныхъ областяхъ славянскія племена живутъ смѣшанно, нѣкоторыя политически разбиты. Въ населеніи Новгородской земли рядомъ съ Славянами Ильменскими встрѣчаемъ Изборскую вѣтвь Кривичей; другая вѣтвь послѣднихъ составила княжество Полоцкое, присоединивъ къ себѣ сѣверную часть Дреговичей; третья кривская вѣтвь, образовавшая Смоленскую область, притянула къ себѣ много Радимичей по Сожѣ на югѣ, а также, кажется, нѣкоторыя сосѣднія поселенія Дреговичей на западѣ и часть Вятичей на востокѣ (въ углу Оки-Протвы); другая половина Радимичей съ большей частью Вятичей примкнула къ главной массѣ Сѣверянъ, и изъ этихъ разноплеменныхъ элементовъ составилось славянское населеніе волости Черниговской. Въ составъ княжества Кіевскаго, *Русской земли* въ тѣсномъ смыслѣ, вошли цѣликомъ племена Полянъ и Древлянъ, если только нѣкоторыя западныя поселенія послѣднихъ (по Случу и Горыни) не отошли къ области Владиміро-волынской; къ Кіевскому же княжеству примкнула и южная бо́льшая половина Дреговичей (съ городами Пинскомъ, Туровомъ и Слуцкомъ); а если допустить догадку, что въ предѣлы этого же княжества попали нѣкоторыя поселенія Дулѣбовъ-Волынянъ въ краю верховьевъ восточнаго Буга, Случа и Горыни, къ югу и югозападу отъ земли Древлянъ, то найдемъ, что въ составъ славянскаго населенія Кіевской области вошли цѣликомъ или частями четыре племени. Наконецъ, княжество Владиміро-волынское составилось изъ двухъ племенъ, Дулѣбовъ и Хорватовъ; кромѣ того, есть

основаніе думать, что въ составъ населенія этой области вошли остатки двухъ другихъ племенъ, Улучей и Тиверцевъ, которыхъ приливъ новыхъ кочевниковъ Печенѣговъ въ южнорусскія степи въ X в. заставилъ покинуть ихъ старыя жилища на низовьяхъ Буга и Днѣстра и подняться вверхъ по этимъ рѣкамъ къ Хорватамъ и Дулѣбамъ *).

Когда для объясненія такой политической перетасовки восточно-славянскихъ племенъ углубимся въ древность, отправляясь отъ положенія дѣлъ около половины XI в., то прежде всего встрѣтимъ на пути два различныя указанія. Во-первыхъ, еще въ концѣ X в., когда Владиміръ раздавалъ дѣтямъ части Русской земли въ управленіе, нѣкоторые изъ этихъ правительственныхъ округовъ носили какъ будто племенной характеръ, имѣли связь съ старымъ племеннымъ дѣленіемъ восточнаго славянства. Одного изъ своихъ сыновей этотъ князь посадилъ «въ Древлянахъ», другаго въ Туровѣ, городѣ, который былъ административнымъ средоточіемъ Дреговичей, той именно части ихъ, которая не примкнула ни къ Полоцкой, ни къ Смоленской волости. Но въ началѣ X в., разсказывая о договорѣ Руси съ Греками въ 907 г., лѣтопись обозначаетъ главные административные округа Русской земли, гдѣ сидѣли подручные Олегу управители, именами городовъ, а не племенъ, и судя по именамъ городовъ (за исключеніемъ Любеча), это—тѣ же области, которыя являются въ княжескомъ дѣленіи Руси по смерти Ярослава и въ которыхъ прежнія племена были такъ разбиты и перемѣшаны. Когда, идя далѣе назадъ, доходимъ до тѣхъ страницъ начальной лѣтописи, гдѣ она, пересчитавъ племена восточныхъ Славянъ, начинаетъ разсказывать объ ихъ объединеніи идущимъ изъ Новгорода внизъ по Днѣпру княземъ, мы встрѣчаемся съ достойнымъ вниманія явленіемъ: во второй половинѣ IX в. передъ княземъ Олегомъ, въ его объединительномъ движеніи, являются мѣстные общественные міры, успѣвшіе, повидимому, обозначиться и довольно прочно сомкнуться политически; но эти міры—не племена, только что описанныя лѣтописью и имѣвшія, по ея увѣренію, каждое свои обычаи, законъ отцовъ своихъ и преданья, свой нравъ, даже «свое княженье», т. е. управленіе. Племя Кривичей распалось на двѣ особыя области, Смоленскую и Полоцкую; притомъ третья вѣтвь этого племени (Изборская)

*) Г. *Барсова*. Очерки русской историч. географіи, стр. 81 и 87.

теперь была уже привязана къ Новгороду, но, можетъ быть, нѣкогда составляла съ своимъ городомъ Изборскомъ такую же особую самостоятельную область, какими являются при Олегѣ соплеменные ей Смоленскъ и Полоцкъ съ ихъ округами. Городъ Сѣверянъ Любечъ, при дѣтяхъ Ярослава, не былъ уже правительственнымъ центромъ особаго княжества; но въ лѣтописномъ разсказѣ объ Олеговомъ договорѣ съ Греками онъ поставленъ рядомъ съ главными городами административныхъ округовъ, по которымъ сидѣли князья, бывшіе подъ рукою Олега, рядомъ съ Черниговомъ, Переяславлемъ, Полоцкомъ, и объясненіе этого находимъ въ лѣтописномъ разсказѣ о томъ же движеніи Олега изъ Новгорода по Днѣпру къ Кіеву. Любечъ, сдаваясь этому князю, дѣйствуетъ особнякомъ отъ остальныхъ соплеменниковъ Сѣверянъ, повидимому составляя особый земскій міръ съ своимъ округомъ. Олегъ сажаетъ въ немъ своего «мужа», посадника, какъ прежде посадилъ такого мужа въ главномъ городѣ Смоленскихъ Кривичей; остальные Сѣверяне тогда были оставлены Олегомъ на нѣкоторое время въ покоѣ, и не видно, чтобы они пытались освободить отъ него соплеменный Любечъ, даже сами защищались слабо, когда очередь дошла до нихъ. Во главѣ каждаго мѣстнаго міра, выступающаго въ разсказѣ лѣтописи, стоитъ городъ; племя или часть племени дѣйствуетъ, какъ одно политическое цѣлое, когда у него есть такой глава; если среди племени нѣтъ такого руководящаго города, оно и не дѣйствуетъ, какъ одно цѣлое. Разноплеменное населеніе Новгородской земли, славянское и финнское, по лѣтописному преданію, дѣйствуетъ дружно, подъ руководствомъ одного главнаго города; напротивъ, племя Кривичей дѣйствуетъ разрозненно, тремя особыми вѣтвями, каждая подъ руководствомъ своего города. Въ городѣ присутствуетъ какая-то политическая сила, которая въ одномъ мѣстѣ соединяетъ въ одно цѣлое разныя племена, въ другомъ одно племя разрываетъ на части. Но есть племена, у которыхъ лѣтопись не знаетъ такого руководящаго города ни въ IX в., ни долго потомъ: это—Древляне, Радимичи и Вятичи. На всѣ эти племена можно распространить замѣчаніе, прилагаемое лѣтописью къ первому изъ нихъ, что у каждаго изъ нихъ было «свое княженіе», т. е. свое особое управленіе, какъ, по ея же словамъ, было такое управленіе у Славянъ Новгородскихъ, у Кривичей Полоцкихъ; только можно было бы предположить, что у нихъ эта правительственная сила, объединявшая каждое племя, выражалась не въ городѣ, руководи-

телѣ племени, а въ какой-нибудь другой формѣ. Изъ разсказа лѣтописи обнаруживается, что именно у этихъ племенъ въ IX—X в.в. не было такого племеннаго управленія, и они дѣйствуютъ противъ кіевскихъ князей разрозненно, не особыми цѣльными «княженіями»; каждое подчиняется князьямъ кіевскимъ не все и не сразу, но и возстаетъ противъ нихъ частями, а не цѣлой племенной массой. Въ разсказѣ объ Ольгиной мести преданіе выводитъ всю Древлянскую землю, какъ будто она составляла одно политическое цѣлое; но изъ подробностей разсказа можно видѣть, что такого единства не было: преданіе говоритъ о многихъ князьяхъ, которые распасли Древлянскую землю; противъ Ольги поднялось много Древлянскихъ городовъ, не участвовавшихъ въ убіеніи Игоря Коростенцами; но это содѣйствіе является скорѣе слѣдствіемъ временнаго, случайнаго союза Древлянскихъ городовъ или князей, чѣмъ постоянной зависимости ихъ отъ одного города Искоростеня или отъ одного князя Мала, неудачнаго жениха Ольги, котораго преданіе называетъ Древлянскимъ княземъ, не выставляя его однако единственнымъ пастыремъ земли, княземъ цѣлаго племени, и мы не находимъ даже яснаго указанія на то—былъ ли онъ княземъ Искоростеня или другаго города: послѣ перваго пораженія другіе города подчиняются Ольгѣ отдѣльно отъ Искоростеня. Значитъ, и Древлянская земля въ X в. не имѣла политическаго единства, племеннаго «княженія»: племя распадалось на какіе-то самостоятельные, по крайней мѣрѣ, плохо связанные между собою городскіе округа, болѣе мелкіе, чѣмъ кривскіе округа Смоленска или Полоцка, съ какими-то мѣстными князьями, старшинами или «лучшими мужами», державцами земли. Присутствіе такихъ старшинъ и даже мелкихъ городскихъ округовъ замѣтно въ неясныхъ намекахъ памятниковъ и у другихъ племенъ, у которыхъ не было крупныхъ городовъ-руководителей, подобныхъ Новгороду или Смоленску. Святославъ покорилъ и обложилъ данью Вятичей; но еще болѣе столѣтія спустя послѣ Святославова похода какой-то старшина ихъ Ходота съ сыномъ бунтовалъ противъ великаго князя Всеволода и его сына Мономаха, когда послѣдній княжилъ въ Черниговѣ (1078—1093 г.). Что еще замѣчательнѣе, рядомъ съ двумя зимними походами на Ходоту Мономахъ говоритъ въ своей автобіографіи о совершенномъ въ первую изъ этихъ зимъ походѣ къ Кордну, повидимому городу тѣхъ же Вятичей. Пріурочивая его къ нынѣшнимъ мѣстностямъ въ бывшей землѣ Вятичей, напоминающихъ своими именами этотъ Корденъ (или Кордно), думаютъ,

что онъ находился или къ СВ отъ Новосиля или къ В отъ Тулы*). Если такъ, то и этотъ городокъ, совсѣмъ не упоминаемый лѣтописью, стоялъ во главѣ мѣстнаго общества, составлявшаго, можетъ быть, мелкую часть племени Вятичей и дѣйствовавшаго самостоятельно, вѣроятно, въ союзѣ съ Ходотой. Судя по исторіи этихъ двухъ племенъ, Древлянъ и Вятичей, можно думать, что то же отсутствіе внутренняго единства мѣшало кіевскому князю покорить сразу третье племя, не имѣвшее племеннаго городскаго средоточія, Радимичей. Они поднимались и послѣ покорѣнія ихъ Олегомъ; но тѣ Радимичи, которыхъ побилъ на р. Пищанѣ Владиміровъ воевода Волчій Хвостъ въ 984 г., сто лѣтъ спустя послѣ подчиненія племени Олегу, можетъ быть, составляли такое же уединенное колѣно, отдѣльную вѣтвь племени, какой руководилъ среди Вятичей Ходота съ сыномъ или какая сосредоточивалась подъ защитой городка Кордна. Одно соображеніе придаетъ нѣкоторую вѣроятность такому объясненію лѣтописнаго извѣстія: насмѣшливый каламбуръ, которымъ кіевская Русь колола глаза Радимичамъ со времени Пищанскаго боя («Пищанцы *волчья хвоста* бѣгаютъ»), какъ будто намекаетъ на то, что р. Пищана не была случайнымъ мѣстомъ встрѣчи противниковъ, а въ ея именно области жили Радимичи, на которыхъ направленъ былъ походъ Волчьяго Хвоста. Пищань или Пещана—незначительный правый притокъ Сожа (Могил. губ.). Но указываютъ рѣчку того же имени, впадающую слѣва въ Десну (въ южной части Брянск. у. Орл. губ.). Не есть ли это слѣдъ выселенія разбитой части Радимичей далѣе на востокъ за Десну, въ край, который тогда, можетъ быть, принадлежалъ Вятичамъ и еще оставался непокореннымъ Кіевомъ? Можно думать, что и въ повторявшихся возстаніяхъ Древлянъ и Вятичей не всегда дѣйствовали цѣлыя племена, а поднимались отдѣльныя ихъ части, незахваченныя первымъ завоеваніемъ изъ Кіева, благодаря отсутствію политическаго единства у того и другаго племени. Этимъ можно, не прибѣгая къ обличенію лѣтописца въ анахронизмахъ, объяснить, почему онъ говоритъ, что Олегъ взялъ съ собой въ походъ на Грековъ въ 907 г. и Вятичей, и Хорватовъ, тогда какъ, по

---

*) *Г. Барсовъ* въ томъ же соч., стр. 136. Онъ читаетъ *Кордьна;* въ поученіи Мономаха: *ко Кордьну,* а не *ко Кордьнѣ.* Такъ формѣ *къ Городну* (Ипат., годъ 6785) соотвѣтствуетъ лѣтописная форма именительнаго *Городенъ, къ Дубну—Дубенъ* (Городно, Дубно).

его же разсказу, первые покорены были, и то неокончательно, Святославомъ въ 966 г., а на послѣднихъ ходилъ еще войной Владиміръ въ 992 г. Эти племена и покорялись, и возставали частями. Кіевскіе князья, очевидно, не находили у такого племени политической головы, въ видѣ племеннаго князя или властнаго города, которой могли бы нанести ударъ, чтобы разомъ покончить съ туловищемъ.

Крупные городовые міры, обозначившіеся при первыхъ князьяхъ и образовавшіеся независимо отъ нихъ, легли потомъ въ основаніе княжескаго дѣленія Русской земли. Политическими средоточіями княжескихъ волостей, на которыя дѣлится Русь при дѣтяхъ Ярослава, остаются города, руководящіе крупными округами уже при первыхъ князьяхъ; только во главѣ соединенныхъ Хорватовъ и Дулѣбовъ является городъ новый, построенный подъ руководствомъ кіевскаго князя, Владиміръ Волынскій; но, какъ увидимъ ниже, есть основаніе предполагать по крайней мѣрѣ у втораго изъ этихъ племенъ существованіе племеннаго городскаго средоточія до Владиміра. Напротивъ, Древляне, Дреговичи, Радимичи и Вятичи, у которыхъ замѣтны слѣды мелкаго политическаго дробленія въ IX и X в.в. незамѣтно городовъ, успѣвшихъ стянуть ихъ въ цѣльныя племенныя общества или раздѣлить на крупныя части,—эти племена не составляютъ цѣльныхъ единицъ въ политическомъ дѣленіи Руси послѣ Ярослава, входятъ въ составъ волостей, образованныхъ городами другихъ племенъ. Но такъ какъ мѣстныя общества, дѣйствующія при первыхъ князьяхъ крупными сомкнутыми мірами подъ руководствомъ своихъ городовъ, не состоятъ, за исключеніемъ Полянъ съ Кіевомъ, изъ цѣльныхъ племенъ, а племена, среди которыхъ незамѣтно такихъ городскихъ средоточій, выступаютъ и въ борьбѣ съ князьями разорванными обществами, то именно въ этихъ городахъ надобно видѣть силу, начинавшую стягивать и строить мѣстныя общества еще прежде, чѣмъ принялись за это дѣло князья. Если бы каждый изъ этихъ городовыхъ центровъ былъ только плодомъ и выраженіемъ этнографическаго единства своего племени, вызванъ былъ исключительно естественнымъ ростомъ племеннаго сознанія, племенныхъ связей и развившихся изъ нихъ политическихъ потребностей племени, можно было бы ожидать, что область каждаго изъ этихъ центровъ совпадетъ съ предѣлами создавшаго его племени, и тогда каждое племя имѣло бы такое средоточіе и не было бы областей со смѣшаннымъ, разноплеменнымъ славянскимъ населеніемъ.

Значитъ, историческихъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ складывались эти области, надобно искать внѣ племеннаго дѣленія восточныхъ Славянъ, обозначаемаго нашей древней лѣтописью. Но предварительно отмѣтимъ два факта, открывающіеся изъ разсмотрѣнныхъ указаній этой лѣтописи. Первый изъ нихъ тотъ, что исторія старыхъ волостныхъ городовъ на Руси старше княжеской: въ созданіи общества первые уже дѣйствовали, когда дѣятельность князей еще не начиналась; но и когда началась послѣдняя, эти города не перестали дѣйствовать, даже облегчили и ускорили своимъ содѣйствіемъ работу князей. Въ лѣтописномъ разсказѣ о событіяхъ IX и X в.в. есть еще черта, которая освѣщаетъ дальнѣйшій моментъ участія волостныхъ городовъ въ созданіи общественнаго порядка. Объединеніе частей Русской земли подъ рукою князя не вездѣ шло съ одинаковымъ успѣхомъ. Именно, племена, у которыхъ не было городовъ, руководившихъ крупными волостями, и которыя, по намекамъ лѣтописи, дѣйствовали разрозненными мелкими обществами, становились подъ руку пришлаго князя съ наибольшей неохотой, послѣ вооруженнаго сопротивленія и повторенныхъ возстаній. Напротивъ, мѣстныя общества, во главѣ которыхъ стояли волостные города, подобные Новгороду, откуда вышли князья-объединители, сопротивлялись имъ слабо или совсѣмъ не сопротивлялись. Лѣтопись не помнитъ, чтобы Олегъ въ своемъ походѣ внизъ по Днѣпру встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны Смоленска и Любеча, и очень хорошо помнитъ, что такого отпора не было со стороны Кіева: когда Олегъ обманомъ убилъ Аскольда и Дира, никто здѣсь не поднялся, чтобы отмстить за своихъ вождей и отстоять свой городъ отъ пришельцевъ. Тяжесть дани, падавшей на покорившихся князю, соотвѣтствовала степени упорства, съ какимъ они сопротивлялись: на Древлянъ, послѣ вторичнаго покоренія ихъ, Игорь наложилъ дань больше прежней, назначенной Олегомъ. Любопытно, что, покоривъ Сѣверянъ, Олегъ обложилъ ихъ «легкой» данью: знакъ, что и это племя не защищалось упорно. Лѣтопись, сказавъ, что Олегъ побѣдилъ Сѣверянъ, старается даже смягчить это извѣстіе, изображая завоеваніе въ видѣ сдѣлки побѣдителя съ побѣжденными, имѣвшей цѣлью замѣнить хозарскую дань Сѣверянъ болѣе легкой русской. Лѣтописецъ заставляетъ Олега говорить побѣжденнымъ: «я Хозарамъ врагъ, а не вамъ» (или по смыслу другаго чтенія: а вамъ не для чего давать имъ дань). Въ краткомъ разсказѣ объ этомъ завоеваніи лѣтопись не упоминаетъ о городахъ, которые потомъ

являются во главѣ двухъ сѣверянскихъ волостей: ни о Черниговѣ, ни о Переяславлѣ; она даже записала преданіе, по которому послѣдній городъ основанъ Владиміромъ на мѣстѣ единоборства богатырей русскаго и печенѣжскаго въ 992 г. Но, здѣсь, или событіе помѣщено не на своемъ хронологическомъ мѣстѣ, или рѣчь идетъ о перемѣщеніи Переяславской крѣпости, потому что городъ Переяславль поименованъ наряду съ важнѣйшими городами Руси, торговавшими съ Византіей, не только въ договорѣ Игоря 945 г., но и въ отрывкѣ Олегова трактата 907 г.; рядомъ съ нимъ въ обоихъ актахъ стоитъ и Черниговъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на хронологію лѣтописныхъ извѣстій IX в., невѣроятно, чтобы эти города возникли уже послѣ Олегова похода на Сѣверянъ, помѣченнаго въ лѣтописи 884 годомъ, и чтобы въ короткій промежутокъ 20—25 лѣтъ они успѣли достигнуть того политическаго и торговаго значенія, съ какимъ являются въ началѣ X в. Лѣтопись не указываетъ, на какихъ Сѣверянъ ходилъ Олегъ,—черниговскихъ или переяславскихъ, не помнитъ повторенія похода, не помнитъ вообще подробностей покоренія этого племени кіевскимъ княземъ: знакъ, что это дѣло совершилось безъ особеннаго труда и шума. Еще меньше запомнила лѣтопись о подчиненіи кіевской власти племени Дулѣбовъ-Бужанъ, у котораго также можно предполагать существованіе значительнаго волостнаго города.

Такъ обнаруживается, что первоначальной политической формой Русской земли было соединеніе руководимыхъ большими городами областей подъ властію пришедшаго изъ Новгорода и усѣвшагося въ Кіевѣ князя, а первоначальной территоріей этого государства—длинная и узкая полоса по линіи Днѣпра-Волхова, пройденная этимъ княземъ, съ уклоненіями въ сторону на оконечностяхъ этого рѣчнаго пути. Эти города съ своими областями прежде и охотнѣе остальныхъ вѣтвей восточнаго славянства подчинились новой власти; они же своею данью и своими ратниками дали кіевскому князю новыя средства подчинить себѣ эти остальныя вѣтви, съ бо́льшимъ упорствомъ отстаивавшія свою политическую самобытность, а то были именно племена, среди которыхъ незамѣтно большихъ волостей, руководимыхъ городами. Составныя части новаго политическаго союза были созданы не той силой, которая стала во главѣ союза, не княземъ съ его дружиной: значитъ, послѣдніе, вопреки одному изъ указанныхъ выше взглядовъ, не были первыми творцами политическаго порядка, обозна-

чившагося въ памятникахъ X и двухъ слѣдующихъ вѣковъ: первые узлы его были уже завязаны по мѣстамъ большими городами, тѣми самыми, политическій голосъ которыхъ не разъ заглушалъ княжескую рѣчь среди шумныхъ событій почти двухъ столѣтій, слѣдовавшихъ за смертью Ярослава. Слѣдовательно, значеніе волостныхъ городовъ въ этотъ періодъ времени было не новымъ фактомъ, а только возстановленіемъ того значенія, какое имѣли они за два вѣка до смерти Ярослава.

Но если политическое значеніе волостныхъ городовъ не было впервые создано обстоятельствами XI и XII в., то, съ другой стороны, было бы ошибкой или, говоря точнѣе, безцѣльнымъ хронологическимъ увлеченіемъ думать, что это значеніе было фактомъ исконнымъ, завязавшимся задолго до появленія князей, и при томъ фактомъ общимъ, успѣвшимъ охватить все славянское населеніе нашей страны, такъ что все оно уже за много вѣковъ до лѣтописнаго Рюрика стало подъ руководство городовъ, изъ которыхъ каждый считался старшимъ среди своего племени, все раздѣлилось на городовыя волости или племенные союзы городскихъ общинъ.

Строй мѣстнаго міра, руководимаго большимъ городомъ, очевидно, былъ непохожъ на порядокъ отношеній, существовавшій среди племени, у котораго лѣтопись не помнитъ въ IX в. такого городскаго средоточія, какое, напримѣръ, было у новгородскихъ Славянъ или смоленскихъ Кривичей. Однако, лѣтописецъ не умѣетъ отличить политически городовыя волости отъ безгородныхъ племенъ, хотя въ своемъ разсказѣ отмѣчаетъ различный образъ дѣйствія тѣхъ и другихъ по отношенію къ князьямъ и хотя волостное дѣленіе, какъ мы видѣли, не совпадало съ племеннымъ. Онъ знаетъ или хочетъ признавать только дѣленіе восточнаго славянства на племена; для него это фактъ общій и первоначальный, точка отправленія для его повѣсти; отправляясь отъ этого факта, онъ спѣшитъ дойти до другаго, составляющаго главный предметъ его вниманія, до появленія и дѣятельности князей, не останавливаясь на промежуточномъ, переходномъ моментѣ, и въ картинѣ быта славянскихъ племенъ онъ совершенно одинаковыми чертами рисуетъ какъ тѣ изъ нихъ, среди которыхъ уже возникли руководимыя городами волости, не одноплеменныя или не цѣльноплеменныя, такъ и тѣ, которыя оставались еще при прежнемъ бытѣ, не сложившись въ такія волости. По его разсказу, и Древляне, и Кривичи, и Славяне нов-

городскіе одинаково держали свое княженье и «одинъ обычай имяху». Въ его памяти отъ городовыхъ волостей IX в. уцѣлѣли неясныя черты, отдѣльныя явленія, обозначившіяся при встрѣчѣ этихъ волостей съ князьями; но самый строй волостнаго или городоваго общества не обозначился еще настолько выпукло и не настолько еще распространился, чтобы заставить лѣтописца сказать, что не у всѣхъ племенъ, имѣвшихъ свое «княженіе», это княженіе, политическое устройство было одинаково.

Дѣйствительно, къ половинѣ IX в. далеко не всѣ части разъединенной Русской земли, т. е. не всѣ вѣтви восточнаго славянства успѣли сложиться въ значительныя волости, руководимыя, каждая, своимъ городомъ. Когда мы слѣдимъ по лѣтописи, какъ политическая централизація, шедшая сперва изъ Новгорода, потомъ изъ Кіева, стягивала подъ одну власть славянское населеніе между этими конечными пунктами, по линіи Днѣпра-Волхова, предъ нами явственно обозначаются при первыхъ князьяхъ двѣ группы земель, почти равныя по числу составныхъ частей: Четыре племени (Славяне новгородскіе, Кривичи, Сѣверяне и Поляне) образовали шесть или семь городовыхъ волостей: то были волости новгородская, полоцкая, смоленская, кіевская, любечская, черниговская и, можетъ быть, переяславская, которая уже обособилась къ началу X в., судя по договору 907 г., но въ половинѣ IX в. могла еще составлять одно цѣлое съ остальными Сѣверянами; въ сторонѣ отъ указанной рѣчной линіи можно предполагать еще волость Бужанъ-Дулѣбовъ. Пять другихъ племенъ (Радимичи, Вятичи, Дреговичи, Древляне, Хорваты) остаются при старомъ порядкѣ общежитія: среди нихъ незамѣтно ни такихъ городовъ, какіе у другихъ племенъ руководили значительными волостями, ни признаковъ постоянной власти, которая соединяла бы каждое племя въ одно политическое цѣлое. Допуская небольшой анахронизмъ въ терминологіи, именно въ употребленіи имени *Руси*, можно сказать, что первые князья застали массу восточнаго славянства (не причисляя къ ней отдаленныхъ южныхъ вѣтвей, Улучей и Тиверцевъ) раздѣленной черезполосно на двѣ половины, на Русь племенную и Русь волостную, городовую, и послѣдняя легла въ основаніе соединенной князьями Русской земли. Можно отмѣтить и нѣкоторыя поверхностныя черты политическаго различія между обѣими половинами. Въ одной волость — не вездѣ одно и цѣльное племя; въ другой ни одно племя не составляетъ волости, политическаго цѣ-

лаго. Въ одной волости — политическія единицы, значительные округа, руководимые городами, которые уже съ начала X в. являются важными торговыми пунктами; въ другой племя — только этнографическое или географическое понятіе, раздѣлено на какіе-то мелкіе міры, во главѣ которыхъ являются какіе-то мелкіе князья или старшины и земледѣльческіе укрѣпленные пункты, городки, пашущіе свои нивы.

И такъ, большой или старшій промышленный городъ съ руководимой имъ областью не былъ общей, повсемѣстной формой политическаго быта у нашихъ Славянъ, въ минуту появленія среди нихъ лѣтописныхъ призванныхъ князей, не былъ даже формой настолько господствующей, чтобы закрыть собою въ воспоминаніяхъ лѣтописца первоначальное племенное дѣленіе восточнаго славянства. Можно, наконецъ, замѣтить признаки, указывающіе на то, что такая форма около половины IX в. не была на Руси и порядкомъ давнимъ, установившимся въ незапамятныя времена. При появленіи князей въ Новгородской волости, она не только не охватывала еще цѣлой половины восточнаго славянства, но и въ остальной половинѣ не была фактомъ законченнымъ, достигшимъ въ своемъ распространеніи тѣхъ предѣловъ, въ какихъ является позднѣе. Образованіе городовыхъ волостей еще продолжалось наканунѣ самаго объединенія Руси князьями изъ Кіева, и прежде чѣмъ послѣдніе успѣли стянуть въ свои руки все славянское Поднѣпровье, они, повидимому, даже помогали этому до нихъ начавшемуся процессу расширенія городовыхъ волостей, какъ съ своей стороны волостные города, легко подчинившись этимъ князьямъ, помогли имъ стянуть въ своихъ рукахъ все славянское Поднѣпровье. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по исторіи двухъ конечныхъ и наиболѣе важныхъ волостей, о которыхъ лѣтопись знаетъ болѣе чѣмъ о другихъ. Первые князья, утвердившись въ Новгородской волости, «начаша, говоритъ лѣтопись, по Воскресенскому списку, воевати всюду», распространяя предѣлы своей волости. Ростовскій край, по древней лѣтописи, и Корела, по преданію, записанному позднѣе, были присоединены къ этой волости, когда сидѣвшій здѣсь князь имѣлъ еще значеніе только волостнаго новгородскаго правителя. Если подъ Кривичами, участвовавшими, по лѣтописи, въ призваніи князей, преданіе разумѣло только изборскую ихъ вѣтвь, то и Полоцкъ съ волостью, въ которомъ Рюрикъ посадилъ, по лѣтописи, своего мужа-посадника и который потомъ, при преемникахъ Рюрика, опять

сталъ главнымъ городомъ особой самостоятельной волости, присоединенъ былъ къ волости Новгорода также Рюрикомъ. Такъ князья, явившіеся въ этой волости, продолжали дѣло, начатое до нихъ волостнымъ городомъ: до нихъ послѣдній притянулъ къ себѣ одно финское племя, Весь бѣлозерскую, и одну вѣтвь кривскаго племени, Изборскъ съ округомъ; при нихъ примышлены были другое финское племя, Меря ростовская, и другая вѣтвь Кривичей, Полоцкъ съ округомъ. Отрывочныя преданія о военныхъ дѣлахъ Аскольда и Дира изъ Кіева бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на исторію волости этого города въ докняжеское время, то есть до прихода сюда князя Олега. Поселившееся на опасной степной границѣ и немногочисленное, сколько можно судить о томъ по первоначальному пространству земли Полянъ, это племя, повидимому, принадлежало къ слабѣйшимъ среди восточнаго славянства. Воспоминаніе объ этомъ звучитъ въ извѣстіи кіевскаго лѣтописца, что нѣкогда, по смерти Кія съ братьями, его соплеменники съ своимъ «обычаемъ кроткимъ и тихимъ» обижаемы были Древлянами и «инѣми околными». Позднѣйшіе лѣтописные своды сохранили рядъ краткихъ извѣстій, намекающихъ на то, что именно незадолго до Олега, когда полянской землей владѣли пришельцы, называемые въ лѣтописи Аскольдомъ и Диромъ, Кіевъ началъ пріобрѣтать значеніе руководящаго волостью военнаго рода и его волость стала расширяться до тѣхъ предѣловъ, въ какихъ она является впослѣдствіи. Въ Воскресенскомъ сводѣ замѣчено, что эти владѣтели небыли въ мирѣ съ Древлянами и Угличами, а есть мнѣніе, основанное на рядѣ заслуживающихъ вниманія соображеній, что эти Угличи—восточная вѣтвь южно-бужанскихъ Улучей или Уличей, жившая въ *углу*, образуемомъ изгибомъ Днѣпра у пороговъ, слѣдовательно, неподалеку отъ Полянъ*). Значитъ, пришельцы начали свою дѣятельность среди Полянъ борьбою съ «окольными» обидчиками этого племени. Но Никоновскій сводъ намекаетъ еще на столкновеніе этихъ владѣтелей съ какими-то Болгарами, убившими Аскольдова сына, и говоритъ объ избіеніи множества Печенѣговъ тѣми же оберегателями Полянъ. Значитъ, Аскольдъ и Диръ не только защищали кіевскую страну отъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ, но и хаживали на степныхъ кочевниковъ и даже куда-то еще дальше. Походъ ихъ на Царьградъ

*) „Славяне на сѣверномъ Черноморьи", г. *Ламбина*, въ Журн. М. Н. Пр. 1877 г. май и іюнь, 1879 г. декабрь.

также показываетъ, что они умѣли прочистить себѣ путь изъ Кіева внизъ по всему Днѣпру. Но еще раньше этого похода отмѣчено любопытное событіе: Аскольдъ и Диръ воевали Полочанъ и много зла имъ сотворили. Какъ могли они воевать такое далекое племя, отдѣленное отъ кіевской земли непокоренными еще ими племенами? Но южная часть Дреговичей съ Туровомъ входила потомъ въ составъ кіевской волости и нѣтъ извѣстія о покореніи этой части Олегомъ или его преемниками. Дреговичи, по указанію лѣтописи, жили на пространствѣ между рѣками Припетью и Западной Двиной. Съ другой стороны, въ сѣверной полосѣ этого пространства рано являются города, принадлежавшіе Полоцкому княженію: Минскъ, Друцкъ, Изяславль, Логожскъ, Борисовъ. Изяславль, по извѣстному преданію о мести Рогнѣды-Гориславы, сохранившемуся въ лѣтописи XII в., построенъ былъ Владиміромъ въ волости Рогвольда Полоцкаго (X в.); а этотъ городъ находился, какъ и Минскъ, на р. Свислочи, въ землѣ Дреговичей. Одно лѣтописное извѣстіе объясняетъ, какъ это могло случиться: одинъ изъ полоцкихъ князей Глѣбъ Всеславичъ, княжившій въ Минскѣ, въ 1116 г. подвергся нападенію со стороны вел. князя Владиміра Мономаха за то, что незадолго передъ тѣмъ воевалъ Дреговичей и сжегъ ихъ городъ Слуцкъ, принадлежавшій кіевскому князю. Въ началѣ XII в. изъ Полоцкой земли, при измѣнившихся обстоятельствахъ, еще продолжалось движеніе на югъ въ глубь земли Дреговичей, начавшееся до того лѣтъ за двѣсти или больше. Во время похода къ Минску, предпринятаго за Дреговичей Мономахомъ, сынъ его, князь переяславскій Ярополкъ взялъ приступомъ Друцкъ и жителей его поселилъ въ своей волости, построивъ имъ новый городъ Желни: такъ Дручане, обитатели самой середины тогдашней Русской земли, очутились на ея отдаленной окраинѣ, на низовьяхъ степной Сулы; но можетъ быть предки ихъ были такими же пришельцами изъ Полоцкой земли, построившими городокъ на Дручѣ и покорившими окрестныхъ туземцевъ Дреговичей въ IX или X в. Значитъ, столкновеніе кіевскаго вел. князя Мономаха съ однимъ изъ князей полоцкой династіи въ странѣ Дреговичей въ XII в. было повтореніемъ встрѣчи кіевскихъ владѣльцевъ Аскольда и Дира съ Полочанами въ IX в. и объясняетъ, гдѣ и какъ могла произойти эта встрѣча. Какъ, сынъ Мономаха, вел. князь Мстиславъ, посылая въ 1127 г. братію свою на города въ бывшей землѣ Дреговичей, на Изяславль, Борисовъ, Друцкъ, по словамъ лѣтописи, послалъ

ихъ на Кривичей (т. е. полоцкихъ), такъ, съ другой стороны, Всеволодъ Ольговичъ черниговскій, утвердившись въ Кіевѣ, послалъ въ 1142 г. сказать княжившему въ Туровской волости у Дреговичей другому сыну Мономаха, Вячеславу: «ты сидишь въ *Кіевской* волости, а она мнѣ слѣдуетъ». Прикрытая княжескими счетами и спорами, еще въ XII в. продолжалась борьба городовъ за волости, начавшаяся до князей: знакъ, что самое образованіе городовыхъ волостей началось незадолго до нихъ, по крайней мѣрѣ не на цѣлые вѣка раньше ихъ появленія.

Процессы, имѣвшіе мѣсто на западной сторонѣ Днѣпра, повидимому, повторялись въ исторіи городовыхъ волостей до объединенія славянорусскихъ племенъ кіевскими князьями и на восточномъ берегу. Здѣсь, какъ и тамъ, уцѣлѣвшіе литературные памятники показываютъ намъ только концы этихъ процессовъ, каковы были, напримѣръ, походъ Владиміра на Радимичей или походы Мономаха на Вятичей. Посадники кіевскаго князя прежде всего засѣли въ большихъ волостныхъ городахъ: Смоленскѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, легко ставшихъ съ своими волостями подъ княжескую руку. Лѣтопись ничего не помнитъ о дѣятельности этихъ, какъ они величаются въ договорѣ Олега, «свѣтлыхъ и великихъ князей и бояръ», находившихся подъ рукою кіевскаго великаго князя. Можетъ быть, при нихъ и при содѣйствіи ихъ «отроковъ» волостные города тихо, не слышно для Кіева, притянули къ себѣ части сосѣднихъ разрозненныхъ Радимичей и Вятичей, прежде чѣмъ эти племена окончательно покорены были изъ Кіева. Но успѣхи княжеской администраціи въ этомъ направленіи были подготовлены еще раньше ея появленія въ волостныхъ городахъ. Можно привести два соображенія въ пользу этой мысли. Вопервыхъ, кіевскіе князья Аскольдъ и Диръ едва ли были одинокимъ явленіемъ. Бродячіе витязи, имъ подобные, могли около половины IX в. появляться и въ другихъ значительныхъ городахъ, по главнымъ рѣчнымъ путямъ, какъ они появлялись, по лѣтописному преданію, въ Полоцкѣ и Туровѣ еще въ X в. Повсюду эти пришельцы дѣлали то же, что ихъ братія въ Кіевѣ, защищали населеніе, ихъ кормившее, отъ обидъ со стороны «окольныхъ», воевали, раздвигая волость своего города на счетъ этихъ окольныхъ. Вовторыхъ, древняя лѣтопись даетъ намъ довольно обстоятельныя указанія на первоначальное размѣщеніе племенъ восточнаго славянства въ предѣлахъ русской равнины; но если нѣкоторыя историческія извѣстія, сообщаемыя ею же самой и другими близкими къ ней по

времени памятниками, сопоставить съ указаніями географической номенклатуры, то можно подумать, что въ разсказѣ о томъ, какъ размѣстились Славяне на нашей равнинѣ, начальный лѣтописецъ не вполнѣ точно изображаетъ дѣло. Города въ странѣ Радимичей по р. Сожу Гомій и Чичерскъ въ XII в. являются городами черниговскихъ Сѣверянъ; съ другой стороны, селеніе *Кривскъ* между Сожемъ и Днѣпромъ и два *Кривца* на восточной сторонѣ Сожа (въ Новозыбковскомъ уѣздѣ) показываютъ, что въ страну Радимичей, на встрѣчу Сѣверянамъ, шло движеніе еще съ сѣвера отъ Кривичей смоленскихъ, которые и подѣлили съ Сѣверянами черниговскими промежуточное племя, не успѣвшее или не имѣвшее средствъ создать, по примѣру сосѣдей, городской центръ, который могъ бы предохранить его отъ такого расхищенія. Подобное явленіе встрѣчаемъ и въ землѣ Вятичей. Изслѣдователи колеблются въ сужденіяхъ о томъ, какому племени принадлежали города Корачевъ и Мценскъ, и приписываютъ ихъ то Сѣверянамъ, то Вятичамъ. И лѣтопись XII в. говоритъ объ этомъ недостаточно ясно: то она какъ будто не хочетъ причислить эти города вмѣстѣ съ Брянскомъ къ землѣ Вятичей, то пишетъ, что князь пошелъ «въ Вятичи къ Корачеву».*) Но эта неясность прежде всего наводитъ на мысль, что Корачевъ и Мценскъ—города сѣверянскіе на землѣ Вятичей. Указанія древней лѣтописи на разселеніе обоихъ племенъ не противорѣчатъ соображенію, что первоначальнымъ рубежемъ ихъ земель служилъ водораздѣлъ верхней Оки и Десны. Съ другой стороны, на этомъ водораздѣлѣ встрѣчается *Криво*-городище: знакъ, что въ землѣ Вятичей повторялся процессъ, слѣды котораго уцѣлѣли въ топографическихъ названіяхъ страны Радимичей. Племена, раньше и лучше устроившіяся политически, путемъ колонизаціи или вооруженнаго занятія, проникали въ земли болѣе слабыхъ разрозненныхъ сосѣдей, оттягивая захваченные углы къ волостямъ своихъ городовъ-метрополій. По извѣстію о нападеніи минскаго князя Глѣба на слуцкихъ Дреговичей, въ 1116 г., можно заключить, что въ XII в. еще продолжались по мѣстамъ явленія, начала которыхъ надобно искать въ докняжеской старинѣ, во взаимныхъ отношеніяхъ сосѣднихъ племенъ IX в. Князья довершали дѣло, начатое при господствѣ власти, имъ предшествовавшей, волостныхъ

*) См. указ. соч. г. Н. *Барсова*, стр. 72, 129 и 135. Ср. *Ипат. лѣт.* по изд. 1871 г., стр. 242, 314 и 430.

городовъ. Можно только замѣтить разницу въ пріемахъ веденія дѣла: князья предпочитали, нападая на чужія волости, переводить захваченныхъ жителей въ свои княжества, тогда какъ въ древнихъ городовыхъ волостяхъ колонизація шла обратнымъ путемъ, какимъ и позднѣе распространялась область вольнаго Новгорода Великаго; партіи земледѣльцевъ или промышленниковъ проникали въ чужую страну, селились на удобныхъ мѣстахъ, и возникшія такимъ образомъ колоніи, подчинивъ себѣ окрестное иноплеменное населеніе вооруженной рукой или торговымъ оборотомъ, привязывали его къ своей метрополіи. Въ 1180 г., Мстиславъ Храбрый, княжа въ Новгородѣ, вспомнилъ, что нѣкогда одинъ князь полоцкій (по всей вѣроятности, Всеславъ Брячиславичъ въ 1066 г.), напавъ на Новгородъ, захватилъ и увелъ къ себѣ домой, «завелъ за Полоцкъ» цѣлый новгородскій погостъ, т. е. сельскую волость; съ другой стороны, уже въ XII в. Новгородцы имѣли поселеніе въ далекомъ и чужомъ краю истоковъ рѣки Москвы, и волокъ на Ламѣ, правомъ притокѣ Волги. Путемъ добровольнаго выселенія, вооруженнаго вторженія, наконецъ, путемъ насильственнаго переведенія жителей изъ одной волости въ другую, первоначальные *племенные* предѣлы разселенія нашихъ Славянъ должны были съ теченіемъ времени перепутаться и замѣниться новыми, *политическими:* прежнія границы шли тамъ, куда доходили коса, соха и топоръ кривича или сѣверянина; новыя легли тамъ, куда доставалъ мечъ горожанина, смольнянина или черниговца, или куда проложили себѣ постоянный путь его торговый возъ и торговая ладья. Въ этой путаницѣ надобно искать источника тѣхъ спорныхъ владѣній, какія появлялись на границахъ древнерусскихъ волостей. Спорность ихъ происходила отъ того, что они возникали на территоріи одной волости, но основывались выселенцами другой, къ которой и тянули политически. Слѣды такихъ спорныхъ поселеній, впрочемъ, неясные, можно замѣтить и по окраинамъ городовыхъ волостей, образовавшихся изъ древнихъ племенныхъ земель восточныхъ Кривичей, Радимичей, Сѣверянъ и Вятичей. Кривичи смоленскіе рано стали утверждаться на верховьяхъ рѣки Москвы, гдѣ у нихъ потомъ становится извѣстенъ городъ Можайскъ; отсюда внизъ по рѣкѣ они проникали и въ страну финскаго племени Мери; на верховьяхъ Протвы они втянули въ свою волость Голядь, какимъ-то образомъ заброшенный сюда обломокъ литовскаго племени. Когда въ странѣ Веси образовалось княжество Юрія Долгорукаго,

у него должны были возникнуть столкновенія съ князьями смоленскими изъ-за этихъ кривскихъ поселеній, слишкомъ углубившихся въ Суздальско-залѣсскій край, но тянувшихъ судомъ и данью къ Смоленску: на такое, повидимому, столкновеніе намекаетъ, въ данной епископу смоленскому грамотѣ 1150 г., князь Ростиславъ, упоминая въ перечнѣ доходовъ съ своей области и «суздальско-залѣсскую дань», отнятую у него Юріемъ. Въ томъ же перечнѣ доходовъ смоленскаго князя обозначена еще «во Оболви гостинная дань». Если это та Обловь, которую во время борьбы съ Мстиславомъ Волынскимъ за Кіевъ, въ 1159 г., Изяславъ Давидовичъ отнялъ вмѣстѣ со всѣми Вятичами у племянника своего Святослава Всеволодовича, князя Сѣверской области,—городъ или округъ съ городомъ въ верхнемъ Подесеньѣ (по рѣкѣ Болвѣ, лѣвому притоку Десны), то и на другой границѣ Смоленской области находимъ мѣстность, бывшую спорной у Кривичей съ Сѣверянами, и эта мѣстность, сколько можно судить по разсказу лѣтописи, находилась въ землѣ Вятичей; Смоленскій князь получалъ съ нея только торговую дань. Можетъ быть, это намекъ на то, что Обловь или Оболвь находилась въ совмѣстномъ владѣніи у сосѣднихъ князей, которые дѣлились доходами съ нея, подобно тому какъ дѣлилась судебная пошлина при встрѣчѣ двухъ подсудностей въ древнерусскомъ смѣстномъ судѣ. Существованіе смоленской волостки по рѣкѣ Болвѣ за предѣлами племенной земли Кривичей смоленскихъ, волостки, которая еще въ половинѣ XII в., сохраняла нѣкоторыя административныя связи съ Смоленскимъ княжествомъ, хотя масса племени, на землѣ котораго она возникла, принадлежала уже къ другому княжеству. Это явленіе объясняетъ, какъ могли произойти селенія въ землѣ Радимичей и Вятичей, напоминающія своими названіями племенное имя смоленской вѣтви Кривичей, и въ какихъ отношеніяхъ могли первоначально находиться эти колоніи къ своей племенной метрополіи. Такимъ же путемъ, по всей вѣроятности, появились въ странѣ Вятичей сѣверянскіе города Корачевъ и Мценскъ. Можетъ быть, этотъ двусторонній натискъ со стороны Сѣверянъ и Кривичей смоленскихъ и заставилъ Вятичей постепенно отодвинуться такъ далеко въ лѣса къ сѣверовостоку внизъ по Окѣ, какъ подобный же натискъ заставлялъ, повидимому, Радимичей отодвигаться изъ Посожья на востокъ за Сновъ и даже за Десну. Если мы припомнимъ въ дополненіе ко всему этому лѣтописное извѣстіе о томъ, какъ въ 1147 г. черниговскій князь Святославъ, вторг-

нувшись въ Смоленскую волость, расхитилъ съ своей дружиной Голядь, составлявшую, повидимому, особый сельскій округъ, волостку на верховьяхъ Протвы, то получимъ возможность, по историческимъ слѣдамъ, хотя и неяснымъ, а не по однимъ догадкамъ, отмѣтить рядъ послѣдовательныхъ моментовъ въ разрушеніи первоначальныхъ границъ племенныхъ земель у восточныхъ Славянъ: появленіе колоніи изъ племени, собравшагося въ одну волость подъ руководствомъ города, на землѣ сосѣдняго племени, оставшагося разрозненнымъ; подчиненіе туземнаго окрестнаго населенія городу чужой волости при содѣйствіи этой колоніи; выселеніе подчиненныхъ или угрожаемыхъ подчиненіемъ изъ своей земли на свободныя мѣста по сосѣдству; насильственный переводъ населенія изъ одной волости въ другую въ видѣ полона, вооруженнаго захвата. Посредствомъ этихъ передвижекъ населенія прежнее племенное дѣленіе спуталось и на мѣсто сглаживавшихся этнографическихъ границъ являлись новыя политическія, на которыхъ и стало волостное или городовое дѣленіе Руси. Послѣдній изъ указанныхъ моментовъ уже вполнѣ принадлежитъ княжескому времени и обнаружился какъ въ правительственномъ переводѣ «лучшихъ мужей» изъ разныхъ племенъ на южную степную границу для ея защиты въ X в., такъ и вооруженнымъ захватомъ плѣнниковъ во время княжескихъ усобицъ XI и XII в. Но если правда, что Радимичи, побѣжденные при Владимірѣ, передвинулись за Десну съ Сожа, значитъ, и моментъ, предшествовавшій послѣднему княжескому, завершался уже при князьяхъ; вѣтви, отрывавшіяся отъ покоренныхъ уже племенъ и уходившія на сторону, нѣкоторое время еще сохраняли независимость или пытались возвратить ее. Такъ, внимательно всматриваясь въ исторію другихъ городовыхъ волостей, находимъ въ ней признаки, которые приводятъ насъ къ тому же заключенію, къ какому пришли мы по указанію лѣтописныхъ извѣстій о волостяхъ Новгорода и Кіева около половины IX вѣка: тѣ и другія къ этому времени еще не были готовы; процессъ ихъ образованія еще не закончился, перестановка племенныхъ границъ не могла начаться задолго до этой поры, въ незапамятныя времена, если она еще продолжалась и въ X в.

Ходъ и время образованія городовыхъ областей особенно важны для насъ потому, что объясняютъ, какъ началась наша исторія, какіе факты скрываются въ разсказѣ древней лѣтописи объ этомъ началѣ, однимъ словомъ—что такое была Русская земля въ ми-

нуту появленія въ ней князей, которые, по преданію, и дали ей это названіе. Она не оставалась еще въ первобытныхъ формахъ общежитія, не переживала первичныхъ его процессовъ, но и не жила уже искусственными общественными союзами, издавна установившимися и законченными, однообразными на всемъ ея пространствѣ. Разборъ мелкихъ явленій, уцѣлѣвшихъ въ памятникахъ, показываетъ, что не было ни такого однообразія, ни такой законченности. Около половины IX в. восточное славянство явственно дѣлится на нѣсколько племенъ; но, по мѣстамъ, племенное дѣленіе пересѣкается городовымъ; среди нѣкоторыхъ племенъ являются значительныя волости, руководимыя городами. Политическими единицами являются, по большей части,—не племена, а городовыя волости, не состоящія, по большей части, изъ цѣльныхъ племенъ. Одни племена были разбиты на мелкія мѣстныя общества, съ какими-то мелкими князьями и городками, пашущими свои нивы; другія уже вышли или только что выходили изъ первоначальныхъ племенныхъ границъ. Видимой причиной этого различія является большой городъ: гдѣ онъ есть, тамъ подъ его власть стягиваются части не только того племени, на землѣ котораго онъ стоитъ, но и сосѣднихъ племенъ; гдѣ нѣтъ его, тамъ племя остается въ прежней раздробленности. Происхожденіе и свойство власти его въ IX в. остается неяснымъ по лѣтописному сказанію; но послѣдствія его значенія выступаютъ довольно замѣтно въ дальнѣйшихъ событіяхъ. Эти большіе города были общественной силой, начавшей дѣйствовать раньше князей, и сами князья въ первое время являются только какъ будто продолжателями ея работы. Эта сила образовала рядъ волостныхъ міровъ, который тянулся полосой по рѣчнымъ путямъ Днѣпра, Двины и Волхова, почти по срединѣ восточнаго славянства, какъ оно было размѣщено въ IX в., а эти волостные міры легли въ основаніе общественнаго порядка, установившагося при князьяхъ на развалинахъ племеннаго быта. Устанавливая среди восточнаго славянства новое политическое дѣленіе вмѣсто племеннаго, эти же города, повидимому, первые начали и новую внутреннюю формацію общества. Нѣкоторое время каждый изъ нихъ былъ высшей властью для окрестнаго населенія, составлявшаго его волость. Это властное положеніе городскаго населенія и провело указанную выше не рѣзкую, но замѣтную политическую черту, какая проходила между городомъ и селомъ въ X—XI в.в. Но такое значеніе волостныхъ городовъ не успѣло достаточно

упрочиться и достигнуть достаточнаго развитія, политическаго и территоріальнаго, когда на нихъ налегла новая сила, при ихъ же содѣйствіи поднявшаяся. Рядъ признаковъ указываетъ на то, что политическое значеніе большихъ городовъ завязалось незадолго до появленія князей-объединителей и что образованіе городовыхъ волостей изъ прежнихъ племенъ нельзя отодвигать слишкомъ далеко въ древность отъ половины IX вѣка: 1) лѣтописное сказаніе помнитъ передъ призваніемъ князей дѣленіе восточнаго славянства на племена, а не на городовыя волости; 2) города не успѣли вобрать въ свои волости всего славянскаго населенія Руси, хотя и начали уже завоеваніе окрестныхъ племенъ, не имѣвшихъ своихъ городскихъ средоточій; 3) городовыя волости довершаютъ свое образованіе, достигаютъ окончательныхъ очертаній уже при князьяхъ и при ихъ содѣйствіи; политическое завоеваніе племенъ восточнаго славянства, начатое городомъ, завершилось уже подъ другими знаменами, не чуждыми ему по происхожденію, но потомъ прикрывавшими даже враждебные ему интересы.

В. Ключевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Наше земство и народная школа.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наше земство занимаетъ чрезвычайно важное положеніе въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ этомъ убѣждаютъ простыя цифры. Изъ всеподданнѣйшаго отчета по народному образованію за 1876 г. видно, что въ Европейской Россіи состояло 25.077 народныхъ школъ, содержаніе которыхъ стоило 6.501.425 р. На этотъ расходъ государство давало только 927.082 р., что составляетъ лишь 14% школьнаго бюджета, а земство, въ совокупности съ сельскими обществами, давало 3.731.471 р., что составляетъ 62% школьнаго бюджета. Въ 1877 г. на школы израсходовано 7.229.589 р., въ коихъ отъ государства были тѣ же 14%, а отъ земства 75%. И такъ, главнымъ вкладчикомъ на содержаніе школъ является земство, въ совокупности съ сельскими обществами. Но если отъ цифръ обратимся къ исторіи нашей народной школы и къ современному ея положенію, то значеніе земства выступитъ еще яснѣе, еще очевиднѣе, и не съ одной только финансовой стороны.

Не парадоксъ, но сущая истина, что съ Петра до учрежденія земства включительно, мы не имѣли собственно «народной» школы (до Петра мы ее имѣли). Въ самомъ дѣлѣ. Петръ-реформаторъ создалъ школу профессіональную, обязавъ поголовно молодежь среднихъ и высшихъ сословій къ службѣ. Для образованія массы народной у Петра не было средствъ, не доставало времени: «посадскіе люди», съ ужасомъ смотрѣвшіе на новые порядки, на «разноязычныя», «цифирныя», «военныя», «навигацкія» школы, молили царя оставить ихъ въ покоѣ, грозя недоимками, упадкомъ торговъ и промысловъ. Петръ удовлетворилъ просьбу и далъ указъ «къ наукѣ высылкою людей посадскихъ въ неволю не по-

нуждать», оставивъ ихъ при одномъ платежѣ податей *). Съ Петра до Екатерины *о народѣ* никто изъ государей не заботился. Вѣкъ Екатерины можно назвать *проекціоннымъ* или *бумажнымъ:* много составлялось школьныхъ проектовъ, уставовъ, плановъ, много говорилось рѣчей и писалось похвальныхъ словъ, но для народной школы ничего не было сдѣлано практическаго. Вѣкъ Александра I-го, *административно-организаціонный*, также не принесъ школѣ народной никакихъ положительныхъ результатовъ. Учреждались министерства, прилагались заботы о высшемъ и среднемъ образованіи, о народной же массѣ никто не заботился. Вѣкъ Николая I-го, *административно-ограничительный*, богатъ былъ разными стѣснительными мѣрами въ дѣлѣ народнаго образованія, которыми завѣдывали полицейскія власти, исправники, «окружные» начальники. Казенныя школы стояли пусты, а церковно-приходскія значились чаще на бумагѣ, въ отчетахъ; въ школахъ волостныхъ готовились сельскіе писаря. Частное обученіе не только стѣснялось, но считалось подозрительнымъ и даже преслѣдовалось, а общество совершенно было удалено отъ школьнаго дѣла. Только съ вступленіемъ на престолъ Александра II-го является возрожденіе народнаго образованія на новыхъ началахъ *свободы* и *поощренія*, при чемъ къ школьному дѣлу привлекается уже и само общество. 19 февраля 1861 г. совершилось освобожденіе, а 1-го января 1864 г. учреждено земство, съ появленіемъ котораго явилась и *школа народная*.

Отсутствіе заботъ нашего правительства о народномъ образованіи до этой эпохи столь несомнѣнно, что мы находимъ подтвержденіе его даже во всеподданнѣйшихъ отчетахъ. Такъ, въ отчетѣ за 1866 г. министръ Просвѣщенія пишетъ: «Во *всѣ* предшествовавшія Вашему Императорскому Величеству царствованія обращалось *почти исключительное вниманіе* правительства на высшія и среднія учебныя заведенія; къ образованію же массы народа, для котораго, вообще говоря, высшее и среднее образованіе мало доступно, приложено было *мало заботъ*.» Далѣе: «Смѣю думать, заявляетъ министръ, что отличительная черта царствованія Вашего Императорскаго Величества должна состоять въ образованіи *народа*, Вами, Всемилостивѣйшій Государь, *освобожденнаго* и призваннаго пользоваться благами новыхъ учрежденій,

*) Болѣе подробное изложеніе этого дѣла см. въ нашей книгѣ „Школа и Государство.“—„Обязательность обученія въ Россіи“. 1876 г. Спб.

вызывающихъ потребности знанія для извлеченія изъ нихъ наибольшей пользы» *). Можно сказать безъ преувеличенія, что наше земство вполнѣ усвоило «отличительную черту» царствованія Александра Освободителя и впервые создало *народную школу,* для «народа освобожденнаго». Школа эта имѣетъ будущность. Это уже не казенная учеба, не фиктивная школа для отчетовъ, но живая школа общественная, созданная народными силами, народною волею и служащая насущнымъ просвѣтительнымъ потребностямъ народа. Правда, число такихъ школъ еще не велико для великаго царства русскаго, но они уже приносятъ свою пользу и ростутъ годъ отъ году. Прежде начинали строить зданіе народнаго благосостоянія съ крыши, а земство обратило вниманіе на фундаментъ. Вотъ какъ характеризуетъ въ живой картинѣ дѣло земской школы русскій публицистъ, посвятившій трудъ свой десятилѣтію русскаго земства. «Тамъ, гдѣ прежде не было ни одной школы, гдѣ въ цѣломъ сельскомъ обществѣ не находилось ни одного грамотнаго человѣка, гдѣ рукоприкладства на роспискахъ, на денежныхъ и другихъ дѣловыхъ актахъ дѣлались буквальнымъ «рукоприкладствомъ», то-есть обмакивался въ чернила палецъ (или два) и прикладывался на бумагѣ, дѣлая на ней чернильное пятно, на подобіе слѣдовъ мастодонта или ихіозавра, сохранившихся на первоначальныхъ пластахъ земной кары; тамъ, гдѣ на сотни верстъ въ окружности крестьяне не находили грамотника, «изъ своихъ», который прочелъ бы только что полученное ими «положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», тамъ крестьянскіе ребятишки, родившіеся передъ самою волею или уже послѣ воли, не только свободно читаютъ крестьянское земское положеніе, но и бойко расписываются на бумагахъ за своихъ родныхъ отцовъ и дѣдовъ, охотно читаютъ «Родное Слово» Ушинскаго, народныя изданія бар. Корфа, Толстаго и другихъ учителей народа, посѣщаютъ ремесленныя школы, какъ вода сквозь плотину, такъ сказать, просачиваются въ гимназіи, а отцы ихъ, еще не забывшіе барщину, нерѣдко галдятъ на сходкахъ, чтобы всѣхъ ребятъ учить поголовно, обязательно. Въ деревняхъ и селахъ, гдѣ писчая и газетная бумага еще недавно казалась такою же рѣдкостью и невидалью, какъ желѣзная борона въ хозяйствѣ бѣднаго мужика или кожаные сапоги на ногахъ бурлака, гдѣ книжки считались

*) Журн. Мин. Нар. Пр. Янв. 1868 г.

исключительною принадлежностью попа и церкви, гдѣ гусиное перо шло только на прошивку сить и рѣшетъ, или обдиралось для набивки богатымъ горожанамъ перинъ и подушекъ, тамъ и бумага не кажется уже невидалью и «Родное Слово» нерѣдко выглядываетъ изъ-за образовъ вмѣстѣ съ священною вербою, и гусиное перо скрипитъ въ избѣ по бумагѣ подъ каллиграфическими усиліями бѣлоголоваго пострѣленка, родившагося, какъ разъ, въ тотъ день, когда въ церкви вычитывали волю, а бабы отъ радости и по глупости выли. Въ темныхъ захолустьяхъ, гдѣ учить крестьянскую дѣвочку грамотѣ, равносильно было тому, что учить танцовать русскую дѣвушку временъ царя Алексѣя Михайловича, гдѣ если и выискивалось такое чудо—грамотная дѣвка, такъ развѣ у раскольниковъ, когда дѣвка готовилась въ начетницы или «богородицы», гдѣ «учить» дѣвку, въ русскомъ историческомъ значеніи этого слова, могъ только отецъ, а женщину—мужъ или свекоръ,—тамъ крестьянскія дѣвочки, учащіяся грамотѣ, составляютъ уже нерѣдко 25% и даже 35% всей учащейся молодежи, и есть дѣвки, родившіяся до воли, которыя, выходя замужъ за грамотнаго же парня, сами подписываютъ въ церкви свой брачный «обыскъ», а старые родители ихъ, глядя на это диво, или ожидаютъ кончины міра, или плачутъ отъ наивнаго умиленія» *). Мы прибавимъ, что нынѣ есть уже не мало школъ, гдѣ учительницами являются тѣ же крестьянскія дѣвушки и ведутъ свое дѣло съ успѣхомъ. Нерѣдко можно встрѣтить и такія семьи, гдѣ грамотная мать научаетъ грамотѣ, между дѣломъ, всѣхъ дѣтей своихъ; наконецъ, появляются уже и цѣлыя волости, гдѣ, благодаря содѣйствію, главнымъ образомъ, грамотныхъ женщинъ, все молодое поколеніе является грамотнымъ поголовно и безграмотность считается уже за стыдъ **).

Мы однако далеки отъ преувеличеній. Много сдѣлано, еще болѣе остается сдѣлать. Благодаря земству, грамотность постепенно прививается массамъ, школа становится дѣломъ народнымъ, но при громадности территоріи и населенія Россіи все сдѣланное представляется только *началомъ* великаго дѣла.... И однако же этимъ началомъ мы обязаны нашему *земству*.

Чтобъ оцѣнить вполнѣ его положеніе въ этомъ дѣлѣ, необходимо принять во вниманіе тѣ трудности и тѣ препятствія, которыя пришлось преодолѣвать этому молодому еще учрежденію.

*) Д. Л. *Морозовъ*. Дѣсятилѣтіе русскаго земства. 1877 г. стр. 8.

**) Кундушская волость Олонецкой губ.

Вопервыхъ, какъ всякое новое учрежденіе, земство не имѣло за собою *преданій* и *опыта*, ему приходилось вполнѣ *создавать* свое дѣло, не только строить зданіе, но и готовить матеріалъ.

Вовторыхъ, на земство, при его учрежденіи, были возложены чрезвычайно важныя, *сложныя* и *разнообразныя* обязанности, а, между тѣмъ, платежныя силы были истощены, средства крайне ограничены. Въ одно и тоже время оно обязано удовлетворять массѣ повинностей, каковы: медицинская, строительная, дорожная, судебная, военная, почтовая, полицейская, пожарная, сельско-хозяйственная, при чемъ народное образованіе поставлено въ ряду повинностей даже *необязательныхъ*, слѣдовательно, второстепенныхъ, предоставленныхъ личному почину и усмотрѣнію земства.

Втретьихъ, юридическая *компетентность* земства во многихъ случаяхъ, особенно въ дѣлѣ народнаго образованія, является не вполнѣ опредѣленною, что вызываетъ недоразумѣнія, пререканія, и, какъ естественное отсюда послѣдствіе, охлажденіе къ дѣлу.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что *составъ* земства довольно *случаенъ*, что въ средѣ его представителей далеко не вездѣ и не по всѣмъ отдѣламъ земскаго дѣла являются опытные, вполнѣ знающіе руководители. Въ большинствѣ случаевъ, земство, пронизнутое самыми искренними и честными стремленіями, идетъ ощупью, дѣлаетъ *опыты* и дѣйствуетъ безъ обдуманной, ясно сознанной системы, что особенно наглядно замѣчается въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ средѣ земства замѣчается иногда проявленіе взаимнаго *антагонизма* его представителей, и, конечно, не ко благу дѣла служитъ разладъ. Послѣдствіемъ его бываетъ обыкновенно, что одна рука разрушаетъ то, что другая строила, и были случаи, напр., что земства уничтожали спеціальные капиталы, созданные по опредѣленіямъ собраній предыдущихъ.

Затѣмъ, обращаясь къ школѣ, мы видимъ, что земству досталось *плохое наслѣдіе*, разоренное дурнымъ управленіемъ. Казенная учеба не прививалась народу, даже вызывала въ немъ нерасположеніе и недовѣріе къ школѣ вообще, а частное обученіе было задавлено всякаго рода стѣсненіями и полицейскими мѣрами, производилось, такъ сказать, контрабандою. При этомъ число училищъ было крайне ничтожно. Словомъ, земству предоставлялось поле не только необработанное, но заросшее чертопо-

лохомъ и всякаго рода бурьяномъ, а, слѣдовательно, прежде чѣмъ сѣять, приходилось очищать ниву отъ сорныхъ травъ и вспахивать заново. Надо было разсѣять предубѣжденія противъ школы, создать зданія, создать учителей, придать школѣ правильную организацію. И русское земство съ честію и съ достоинствомъ отнеслось къ трудной задачѣ. Оно сдѣлало и дѣлаетъ, что можетъ. И если въ школьномъ дѣлѣ земства есть свои промахи, несовершенства, ошибки, то оно, мы увѣрены, не откажется ихъ исправить, если они будутъ указаны и найдутся средства къ ихъ исправленію. Ставя для себя задачей выясненіе условій *наибольшей производительности расходовъ земства на народное образованіе*, не скрываемъ отъ себя всей трудности столь важнаго и сложнаго вопроса.

Но, да не подумаетъ кто-нибудь, что мы намѣреваемся обратиться къ теоретическимъ соображеніямъ, къ измышленіямъ досужей мысли, къ абстрактнымъ планамъ. Земство есть сила *практическая*, дѣйствующая въ тѣсномъ кругу *мѣстныхъ* условій, а условія эти чрезвычайно *разнообразны;* очевидно, теоретически предрѣшать направленіе и формы земской дѣятельности невозможно и даже нежелательно. Единственно возможное, правильное рѣшеніе даннаго вопроса принадлежитъ *самому земству*.

Только само земство, посредствомъ живаго опыта, въ виду всего разнообразія фактовъ и образцовъ дѣятельности отдѣльныхъ земствъ въ этомъ направленіи, можетъ выработать какую-либо цѣлесообразную, согласную съ средствами и потребностями народа систему народнаго образованія.

Давно уже замѣчено, что въ дѣятельности нашихъ земствъ существуетъ разрозненность и разбросанность, что недостаетъ соглашенія, солидарности, единства. Почти каждое изъ земствъ начинаетъ свое дѣло особнякомъ, не знаетъ и не хочетъ знать, что и какъ дѣлало и дѣлаетъ земство сосѣднее. Не только земства отдѣльныхъ губерній, но и уѣздныя земства одной губерніи часто идутъ въ разладъ именно потому, что не знакомы съ дѣятельностью другъ друга. Это изолированіе и розпь, это отсутствіе солидарности въ земскомъ дѣлѣ лишали возможности земства пользоваться взаимно *живымъ, практическимъ опытомъ* другъ друга; между тѣмъ эти опыты чрезвычайно поучительны и мы думаемъ, что въ нихъ прежде всего надо искать рѣшенія взятаго нами вопроса. Здѣсь встрѣчалось и встрѣчается доселѣ много затрудненій. Главнѣйшее изъ нихъ — это

трудность и даже невозможность для частнаго лица собрать всѣ земскія изданія, печатные и писанные протоколы земскихъ собраній для общаго ихъ обозрѣнія. По независящимъ отъ земства обстоятельствамъ, оно если и печатало свои протоколы, то печатало лишь «по числу гласныхъ». Взаимный обмѣнъ протоколовъ между земствами не могъ явиться. Между тѣмъ, обширная земская литература, представляющая массу практическихъ опытовъ, полна живаго интереса и чрезвычайно поучительна. Нѣкоторую помощь въ этомъ дѣлѣ оказываетъ почтенное изданіе нашего Вольнаго Экономическаго Общества—«Земскій Ежегодникъ». Но, вопервыхъ, онъ недавно задуманъ и возникъ; два выпуска его обнимаютъ лишь за два года (1876—1877 г.) дѣятельность нашего земства; общество не нашло возможнымъ на первый разъ приступить къ изданію сравнительнаго изложенія дѣятельности русскаго земства за первое его десятилѣтіе, а для правильнаго сужденія о современной дѣятельности земства необходимо знать его прошлые опыты. Вовторыхъ, изданіе это представляетъ много недостатковъ, какъ въ планѣ, такъ и въ обработкѣ его. Тѣмъ не менѣе, «Земскій Ежегодникъ», при всѣхъ недостаткахъ перваго опыта, составляетъ изданіе, несомнѣнно полезное для выясненія практической дѣятельности земства; оно сообщаетъ *матеріалъ* для приведенія *въ связь* разнообразной земской работы, что въ свою очередь даетъ возможность для ея *сравнительной оцѣнки*, а подобная оцѣнка имѣетъ, безспорно, практическій интересъ. Обыкновенно, бывало такъ, что возникаетъ въ какомъ-нибудь земствѣ вопросъ, совершенно для него новый; земство затрудняется рѣшеніемъ его, дѣлаетъ опыты, промахи, ошибки; а, между тѣмъ, онъ не только былъ разсмотрѣнъ другими земствами, но на тщательное изслѣдованіе его было затрачено не мало труда, произведены опыты и наблюденія, требовавшія, какъ крупныхъ денежныхъ затратъ, такъ и продолжительнаго времени, такъ что вопросъ уже достаточно разъясненъ и значительно подвинутъ къ разумному рѣшенію. Такимъ образомъ, труды одного земства пропадали безслѣдно для другихъ, а вслѣдствіе этого расходовались непроизводительно трудъ, время и деньги на опыты, которые дорого оплачиваются. Но этого бы не было, если бы каждое земство слѣдило за опытами и изучало дѣятельность другихъ земствъ.

Въ настоящемъ трудѣ мы намѣрены сгруппировать и сравнить дѣятельность разныхъ земствъ по народному образованію,

поискать руководящую нить къ практическому рѣшенію земствомъ вопросовъ нашего *училищеведѣнія* и изъ массы опытовъ извлечь практическія указанія для рѣшенія вопроса, *какъ сдѣлать расходы земства на народное образованіе наиболѣе производительными, какъ поставить дѣло народнаго образованія на вѣрный практическій путь*, дабы оно достигало своей цѣли.

Хотя многія изъ постановленій разныхъ земствъ могутъ служить лишь отрицательнымъ указаніемъ въ этомъ отношеніи, но кромѣ того, что и они полезны, ибо научаютъ избѣгать ошибокъ, въ постановленіяхъ различныхъ земствъ встрѣчается масса практически-полезныхъ мѣръ, заслуживающихъ полнаго вниманія. Мы не пишемъ земству панегирика; мы желаемъ посредствомъ сравненія выяснить наилучшія формы и пути земской дѣятельности *изъ опыта*, а потому будемъ указывать не одни *положительныя*, но и *отрицательныя* стороны земской дѣятельности: первыя научатъ, что и какъ надо дѣлать, а вторыя покажутъ, чего надо избѣгать.*).

—

Общій взглядъ на земскія смѣты по народному образованію. Прежде всего останавливаютъ на себѣ вниманіе земскія *смѣты* на народное образованіе. Онѣ чрезвычайно разнообразны, не только по количеству суммъ, но и по предметамъ ассигновокъ. Судя по смѣтамъ, можно полагать, что до настоящаго времени еще не выработалось у большинства земствъ опредѣленной *системы* для смѣтъ, что можно видѣть изъ разнообразія рубрикъ ихъ. Нѣкоторыя земства назначаютъ просто валовую цифру «на школы»**), причемъ распредѣленіе суммы предоставляется училищному совѣту, а иногда управѣ***). Въ большинствѣ случаевъ, земства вносятъ расходы на ту или другую школы, а не на всѣхъ ихъ вмѣстѣ, иныя же ограничиваются ассигновками только на канцелярію училищнаго совѣта****). Нѣкоторыя земства, повидимому, недовольны возраста-

*) Матеріаломъ для настоящаго труда будутъ служить данныя изъ „Земскаго Ежегодника“, заключающаго въ своихъ двухъ томахъ, свыше 1.200 земскихъ постановленій по народному образованію, и разнаго рода земскія изданія, а равно извѣстія о земскихъ собраніяхъ въ разныхъ періодич. изданіяхъ.

**) Напр., Путивльское (Кур.) земство постановляетъ: „ассигновать на школы 4.050 р. и передать ихъ въ распоряженіе учил. совѣта. *Зем. Ежег.* стр. 794. Горбатовское (Нижегор.) также поручило расходованіе ассигновки на школы уч. совѣту, стр. 803 и мн. др.

***) Пост. Мологскаго (Яросл.) земства, стр. 850.

****) Такія ассигновки были въ Ново-московскомъ земствѣ (Екатер. губ.),

ніемъ смѣтъ на народное образованіе и стараются положить предѣлъ этому «злу». Такъ, Острогожская земская управа находила необходимымъ «положить предѣлъ періодическому возрастанію необязательныхъ земскихъ расходовъ»*); Мологское земство дѣлаетъ постановленіе «на будущее время не допускать на земскій счетъ болѣе *одного* училища въ волости»**). «Отклоненіе» ходатайствъ объ учрежденіи училищъ въ разныхъ мѣстностяхъ повторяется столь часто, что трудно перечислить всѣ подобные случаи. Иныя земства, повидимому, совсѣмъ не хотятъ соображать смѣтъ съ дѣйствительными потребностями школьнаго дѣла и, назначая «огуломъ» на школы извѣстную сумму, готовы даже на закрытіе школъ, лишь бы не увеличивать смѣты. Такъ, Ржевская управа докладываетъ земскому собранію, что съ 1867 г. до текущаго бюджетъ на народное образованіе не выходитъ изъ 7 т. рублей; между тѣмъ потребность въ образованіи все растетъ: въ 1869 г. было 10 училищъ съ 454 учениками, а теперь ихъ 16, съ 939 учениками. Стремленіе крестьянъ къ образованію сильно вызывается льготами по воинской повинности. Слѣдовало бы въ училищахъ, имѣющихъ болѣе 40 чел., имѣть помощника учителя, законоучителямъ платить по урокамъ, дабы прекратить ихъ манкированіе; принять предложеніе директора училищъ о совмѣстномъ съ казною расходѣ на открытіе 2-класснаго училища. Собраніе хотя и согласилось открыть 2-хъ-классное училище, но постановило: «изъ бюджета 7 т. не выходить; предоставить управѣ, по соглашенію съ училищнымъ совѣтомъ, *закрывать* училища, если содержаніе ихъ окажется превосходящимъ ассигнованія»***). И такъ, Ржевское земство въ 7 т. бюджета полагаетъ, повидимому, послѣдній предѣлъ развитія школы. Есть, впрочемъ, земства, которыя даютъ на школу и того менѣе. Иныя земства, открывъ училища, закрываютъ ихъ, вслѣдствіе измѣненія системы устройства школъ. Такъ, Старорусское земство дѣлаетъ постановленіе «съ 1-го янв. 1877 г. земскія *школы закрыть*, открывая *нормальныя* въ тѣхъ деревняхъ и селахъ, гдѣ крестьяне обяжутся принять извѣстныя

которое ограничивало все свое участіе въ школьномъ дѣлѣ назначеніемъ 60 р. „на дѣлопроизводителя“.

*) Зем. Еж. стр. 772, 1876 г.

**) 16 стр. 850. Темниковское земство дѣлаетъ уменьшеніе смѣты. 16 стр. 834.

***) *Зем. Сбор.* стр. 840 1876 г. Подобное же постановленіе сдѣлало Стерлитамакское земство въ 1877 г.

условія»*). Казалось бы, при переходѣ къ системѣ нормальныхъ школъ всего естественнѣе не трогать уже существующихъ, но учреждать нормальныя по мѣрѣ средствъ. Земство же прибѣгаетъ къ ломкѣ, къ закрытію школъ. И не мало можно указать подобныхъ колебаній въ смѣтныхъ ассигновкахъ на школы. При этомъ большинство земствъ, повидимому, при назначеніи суммъ даже не интересуются узнать *число* школъ и ихъ *нужды*, состояніе *обученія* и составъ *учителей:* въ иныхъ смѣтахъ есть рубрика учебныхъ пособій, въ другихъ о нихъ нѣтъ и помину: иныя земства выдаютъ членамъ училищнаго совѣта даже жалованье, а другія не даютъ и безплатнаго имъ проѣзда для обозрѣнія училищъ и т. д. Въ этой смѣшанности и при отсутствіи плана земскихъ смѣтъ трудно даже разобраться. Нѣкоторыя земства просто игнорируютъ отсутствіе свѣдѣній по школьному дѣлу, хотя практическое значеніе этихъ данныхъ чрезвычайно важно. Такъ, напримѣръ, по вопросу объ *учительскомъ персоналѣ* рѣдкое земство интересуется знать, откуда и кто учителя народныхъ школъ; гдѣ они окончили курсъ и въ какомъ объемѣ; сколько имѣется въ школахъ учителей и учительницъ; какъ продолжительно они состоятъ на мѣстахъ; семейные ли они, или одинокіе; въ какихъ лѣтахъ и т. д. Когда возникъ вопросъ объ обязательности обученія, введеніе котораго немыслимо безъ соотвѣтственнаго числа школъ и учителей, упомянутыя свѣдѣнія объ учительскомъ персоналѣ оказались существенно необходимыми, но ихъ нигдѣ не оказалось и мы доселѣ не имѣемъ возможности съ точностію отвѣтить на вопросы: изъ какихъ источниковъ получается наибольшій контингентъ нашихъ учителей? Какъ великъ размѣръ этого источника и доступенъ ли онъ увеличенію? Мы не имѣемъ возможности сдѣлать сравнительную оцѣнку производительности труда нашихъ учителей, получившихъ подготовку въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Не менѣе важенъ пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ и относительно источниковъ содержанія начальныхъ школъ. Что касается опредѣленія отношенія числа учащихся къ мѣстному населенію, то тутъ встрѣчается такая путаница, что совсѣмъ почти нельзя ручаться за достовѣрность и тѣхъ цифровыхъ данныхъ, какія получаются земствами. При этомъ одни земства выводятъ процентныя отношенія числа учащихся къ одному мужскому полу, другія — къ

*) *Зем. Сбор.* стр. 807. Котельническое (Вят. г.) земство закрыло къ 1877 г. 14 школъ, что оказало большой вредъ для учебнаго дѣла.

обоимъ вмѣстѣ; однѣ управы обозначаютъ итогъ %, другія ограничиваются указаніемъ одного учащагося на столько-то душъ, не обозначая общаго количества жителей въ данной мѣстности, а иногда не указывая и числа учащихся. Между тѣмъ, можно ли обойтись безъ указанныхъ свѣдѣній по вопросу, напр., о томъ же обязательномъ обученіи, которое интересовало столь многія земства?

Недостатокъ *статистическихъ данныхъ* по школьному дѣлу сознается, повидимому, и самими земствами; но мѣры для пополненія этого пробѣла принимаютъ немногіе: чаще всего земства ограничиваются частными опредѣленіями о доставкѣ тѣхъ или другихъ свѣдѣній ad hoc. Напр., идетъ дѣло о крайнемъ неудобствѣ школьныхъ помѣщеній, или возникаетъ вопросъ о числѣ получившихъ льготы по училищамъ и т. п., и вотъ земство, не имѣя подъ руками данныхъ, постановляетъ «просить училищный совѣтъ о доставкѣ такихъ-то свѣдѣній»*), то есть начинаетъ креститься, когда громъ грянетъ. Между тѣмъ статистическія данныя должны бы лежать въ основѣ земскихъ смѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли составлять школьный бюджетъ, когда мы не знаемъ ни числа школъ, ни количества учениковъ, ни нуждъ въ учителяхъ, ни качества школьныхъ помѣщеній и т. д.? А многія земства зачастую обходятся безъ этихъ свѣдѣній, почему и назначаютъ огуломъ «на школы» столько-то, не выяснивъ себѣ даже на что именно назначается сумма.

Къ чести земства должно впрочемъ сказать, что такое халатное отношеніе къ школьному бюджету мало по малу исчезаетъ и земства нерѣдко обращаются къ училищнымъ совѣтамъ съ напоминаніями и просьбами о доставленіи необходимыхъ свѣдѣній по школьному дѣлу**). Но и въ этомъ отношеніи требованія земствъ различны. Такъ, Ядринское (Каз.) земство требуетъ *только* свѣдѣній о числѣ учащихся и получившихъ свидѣтельства; Звенигородское

*) См., напр., подобныя постановленія Влад. губ. собранія (*Земскій Ежегодн.* 1876 г. стр. 765) и Николаевскаго (Самар. г.). Послѣднее жалуется, что управа, вопреки 110 ст. Положенія о зем. учр., кромѣ денежнаго, никакого отчета о школахъ не представляла.

**) На Воронежскомъ земскомъ собраніи въ дек. сессію 1871 г., былъ представленъ такой докладъ о школахъ, что члены не сочли возможнымъ даже выслушать его до конца, въ виду явной невѣрности въ цифрахъ, которыя лишали возможности сдѣлать какіе-нибудь положительные выводы о состояніи народнаго образованія въ губерніи, почему, отклонивъ всякое по сему дѣлу разсужденіе, земство нашло необходимымъ принять мѣры къ улучшенію собиранія статистическихъ данныхъ о школахъ и провѣрки ихъ.

(Моск.) требуетъ подробныхъ отчетовъ по учебному дѣлу и расходованію суммъ даже дважды въ годъ *). Нижегородское земство находитъ необходимымъ имѣть о школахъ подробные *отчеты*, которые притомъ предварительно разсматриваются управой. Рязанское земство, для наилучшей обработки вопроса о школахъ, избираетъ особую *комиссію*, при чемъ выражаетъ училищному совѣту сожалѣніе, что имъ не было представлено доклада и необходимыхъ свѣдѣній по народному образованію. Петровское (Сарат.) земство признаетъ составленный училищнымъ совѣтомъ докладъ о школахъ неудовлетворительнымъ. Но другія земства, напр., Московское и Петербургское, выработали подробныя программы для собранія статистическихъ свѣдѣній о школахъ, причемъ программы эти предложены обязательно и уѣзднымъ земствамъ. Въ нѣкоторыхъ земствахъ, напр., въ Костромскомъ, собранію доставлялись уже подробныя свѣдѣнія а) о числѣ школъ мужскихъ и женскихъ, б) о числѣ учителей и учащихся, в) о состояніи школъ; при чемъ указывалось, сколько за годъ прибыло учениковъ; сколько въ среднемъ выводѣ приходится на школу учащихся; на сколько душъ населенія приходится одна школа и какой процентъ составляютъ учащіеся относительно школьнаго возраста; сколько учениковъ получило свидѣтельства на льготу и т. д.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что у однихъ земствъ смѣты на народное образованіе являются не выработанными, состоящими или изъ валовой цифры, или изъ случайныхъ ассигновокъ на ту или другую потребность, причемъ замѣчается неопредѣленность и колебанія въ смѣтныхъ назначеніяхъ **); но за то у другихъ дѣло это является уже правильно организованнымъ. Слѣдовательно, одно земство могло бы заимствовать у другаго и въ этомъ отношеніи много полезнаго.

Группируя опыты разумнаго отношенія нѣкоторыхъ земствъ къ составленію смѣтъ на народное образованіе, мы можемъ извлечь изъ нихъ слѣдующія руководящія указанія.

а) Смѣтамъ должны предшествовать *предварительныя* работы, которыя необходимо требуютъ обстоятельныхъ *статисти-*

*) *Зем. Ежег.* стр. 800.

**) Недостатки эти отразились и на *Зем. Ежегодн.* за 1876 г. Пользуясь послѣднимъ, мы желали составить подробную статистическую таблицу по школьному дѣлу за 1876 г.; но должны были отказаться отъ этой работы, именно благодаря указаннымъ недостаткамъ земскихъ смѣтъ. За 1877 г. въ *Зем. Ежегодн.* есть таблицы, но неполныя и не раздѣльно составленныя.

ческихъ свѣдѣній по школьному дѣлу. Свѣдѣнія эти должны собираться заблаговременно управой и училищнымъ совѣтомъ, съ отвѣтственностью за ихъ достовѣрность. Для предварительнаго ихъ разсмотрѣнія и заключеній о дѣйствительныхъ нуждахъ школьнаго дѣла въ данной мѣстности избираются *коммиссіи* изъ опытныхъ и знающихъ школьное дѣло лицъ, которыя и представляютъ свой докладъ собранію при отчетахъ совѣта и управы.

б) Въ составъ статистическихъ свѣдѣній должны входить данныя: 1) о *числѣ* школъ, учителей и учащихся; 2) о *состояніи* школьныхъ зданій, ихъ размѣрѣ, соотвѣтствіи числу учащихся, содержаніи и ремонтѣ съ указаніемъ, на какія суммы школы содержатся, снабжены-ли школы мебелью; 3) о *дѣятельности* учителей, съ указаніемъ, кто, гдѣ и какое получилъ образованіе; сколько получаетъ жалованья; отъ кого и въ какіе сроки; имѣетъ-ли квартиру; сколько лѣтъ состоитъ при училищѣ; какъ владѣетъ искусствомъ преподаванія; 4) объ *успѣхахъ* обученія: сколько учениковъ получило льготныя свидѣтельства, сколько дѣвочекъ кончили полный курсъ ученія; какъ исправно посѣщались уроки; какія мѣры принимались для побужденія неисправныхъ въ этомъ отношеніи; какихъ лѣтъ принимались дѣти; сколько времени продолжался учебный годъ; обезпечены-ли ученики учебными книгами и пособіями; 5) кто, когда и сколько разъ *посѣщалъ* школы въ теченіе года, и каковы были результаты этихъ посѣщеній; 6) существуютъ-ли при школахъ библіотеки, пособія для учителя и учащихся; 7) Есть-ли при школахъ *попечители*. При этомъ желательны указанія, гдѣ есть *школы для взрослыхъ* (вечернія, воскресныя), преподаванія *ремеслъ*, а равно и указаніе процентнаго отношенія числа школъ данной мѣстности къ населенію и числа учащихся къ школьному возрасту, дабы можно было видѣть ясно степень потребности въ устройствѣ новыхъ школъ. Таковы элементарныя требованія школьной статистики, необходимыя для правильной выработки смѣтъ на народное образованіе и принятыя передовыми въ этомъ отношеніи земствами къ руководству. Только имѣя указанныя свѣдѣнія о школахъ, земство можетъ правильно судить и о нуждахъ ихъ: поступать иначе, значитъ дѣйствовать съ завязанными глазами, на удачу. При разсмотрѣніи истиннаго положенія школъ въ данной мѣстности, сами собою выясняются и рубрики смѣтъ, и размѣръ необходимыхъ ассигновокъ на дѣло; деньги будутъ расходоваться производительно, на дѣйствительныя нужды; обдуманность и цѣлесообразность смѣтныхъ назначеній

избавить земство отъ тѣхъ случайностей и колебаній, которыя такъ вредно отражаются на ходѣ земскаго дѣла.

Къ числу неприглядныхъ явленій земскихъ смѣтъ мы относимъ *остатки*, которые являются у нѣкоторыхъ земствъ отъ неизрасходованныхъ суммъ, назначенныхъ на народное образованіе *). Съ представленіемъ объ остаткахъ вообще соединяется мысль объ экономіи; о полномъ удовлетвореніи извѣстной потребности, дающей избытокъ. Но въ отношеніи къ школьному дѣлу, при всей извѣстной его постановкѣ, при вопіющихъ нуждахъ учителей, остатки крайне плохо рекомендуютъ земскихъ дѣятелей. Можно сказать съ положительностью, что какъ бы много земство ни назначило средствъ на школы, во всякомъ случаѣ, дано будетъ не болѣе того, чѣмъ сколько нужно. Между тѣмъ, остатки эти въ земскихъ смѣтахъ встрѣчаются не рѣдко, иногда довольно значительные. Такъ Темниковское (Тамб. губ.) земство за 1876 г. имѣло остатокъ 5.000 р., неизрасходованный на народное образованіе **). Какъ бы сознавая всю неправильность этихъ остатковъ, земства иногда употребляютъ ихъ на тѣ или другія нужды школъ. Такъ Ярославское земство изъ остатковъ выдаетъ награды учителямъ; Мышкинское (Яр. губ.) оказываетъ изъ нихъ же пособіе школамъ; Белебеевское (Уф. губ.) выписываетъ педагогическіе журналы; Калязинское (Твер. губ.) опредѣляетъ вообще «всѣ остатки отъ смѣтъ на народное образованіе употреблять на училища»; Смоленское на остатки учреждаетъ ремесленные классы; Горбатовское (Нижег. губ.) выдаетъ изъ нихъ же преміи учителямъ за дѣвочекъ, выдержавшихъ полное испытаніе; Тимское (Кур. губ.) употребляетъ на улучшеніе школьныхъ помѣщеній и т. д. Но все же эти остатки говорятъ о малодѣятельности и невниманіи къ школьному дѣлу со стороны тѣхъ, на кого возлагается расходованіе земскихъ суммъ по смѣтамъ. Рядомъ съ остатками, школы стоятъ безъ отопленія, учителя безъ жалованья, а дѣти безъ письменныхъ принадлежностей.

Устраненіе этихъ прискорбныхъ явленій находится вполнѣ въ рукахъ земства. Но существуютъ нѣкоторыя неблагопріятныя для

*) На эти остатки жалуется, напр., Владимірское губернское земство. *Зем. Ежег.* стр. 765. Малоархангельская земская управа, руководимая г. Скарятинымъ, изъ ассигновки въ 3.203 р. на народное образованіе расходовала всего 140 р. *Моск. Вѣд.* 1872 г. № 320. Бѣльское земство, ассигнуя на школы по 1 т. р., въ нѣсколько лѣтъ образовало остатокъ въ 3 т. р., причемъ число школъ съ 27 уменьшилось на 17. *Бирж. Вѣд.* № 283.

**) *Зем. Ежег.* стр. 834.

земства условія, внѣ его воли и силы. Нельзя не пожелать ихъ устраненія.

Такъ нельзя не пожалѣть, что юридическая компетенція земства по отношенію къ народному образованію доселѣ является не вполнѣ ясною и точно опредѣленною. Въ положеніи о земствѣ сказано, что на него возлагается завѣдываніе народными школами, *преимущественно* въ хозяйственномъ отношеніи. Кромѣ того, что земство, по отношенію къ своимъ школамъ, является въ роли учредителей ихъ и, слѣдовательно, пользуется правами этихъ послѣднихъ, выраженіе «преимущественно» указываетъ, повидимому, что земство завѣдуетъ и другими сторонами школъ, кромѣ хозяйственной; но предметы и размѣръ этого завѣдыванія, къ сожалѣнію, остаются невыясненными. Эта неясность ведетъ къ недоразумѣніямъ и даже вызываетъ нежелательные конфликты земства съ администраціей, вообще не содѣйствуетъ къ объединенію земскихъ и государственныхъ силъ на пользу школы нашей, въ чемъ она нуждается*). Многія земства пытались выйдти изъ этой неясности и неопредѣленности. Такъ земство Донское назначило даже особую коммиссію для разъясненія «въ какомъ отношеніи находится по закону областное земство къ дѣлу народныхъ школъ»**); другія земства вырабатывали даже особыя положенія для завѣдыванія земскими школами (Московское, Клинское, Шлиссельбургское); Кирилловское же, напр., земство постановило прямо «ходатайствовать» о необходимости участія земства какъ въ администраціи, такъ и въ учебной части училищъ***); нѣкоторыя земства, не ставя общаго вопроса, возбуждали частные, каковы: объ увеличеніи программъ школьныхъ (напр. Петербург-

*) О вредномъ вліяніи этой неопредѣленности отношеній на школьное дѣло можно судить по слѣдующему заявленію Тверскаго земства, которое принадлежитъ, какъ извѣстно, къ интеллигентнымъ и особенно ревностнымъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Земство это предположило устроить двухклассныя образцовыя земскія училища; но затѣмъ отклонило проектъ, не по значительности затратъ, но потому, что осуществленію проекта „грозили другія препятствія, лежащія внѣ сферы вліянія земства. Постоянныя обвиненія, дѣлаемыя земству и его представителямъ даже въ сферѣ стремленія земства дать населенію простую грамотность, постоянно встрѣчаемыя земствомъ на своемъ вовсе не легкомъ пути улучшенія и развитія религіозно-нравственнаго обученія населенія, даютъ основаніе предполагать, что теперь несвоевременно было бы дѣлать значительныя затраты, результаты которыхъ, можетъ быть, ускользнули бы изъ рукъ земства и оказались не соотвѣтственными его первоначальнымъ намѣреніямъ и цѣлямъ". *Земскій Сборн.* 1877 г. п. 2882.

**) *Зем. Ежег.* стр. 718.

***) Ibid. стр. 807.

ское, Полтавское). о введеніи въ курсъ школъ тѣхъ или другихъ предметовъ (напр., пѣнія, ремеслъ), слѣдовательно, фактически признавали за собою право наблюденія и за учебною частью училищъ. Псковское земство выработало свою программу для земскихъ школъ, причемъ ввело въ нее преподаваніе географіи, исторіи и естествовѣдѣнія [***]). На собраніяхъ Петербургскаго земства ставился вопросъ объ отношеніи его къ школамъ двухкласснымъ, въ смыслѣ подчиненія ихъ земскому завѣдыванію на общихъ началахъ всѣхъ земскихъ школъ [****]). Новоладожское (С.-Пет. губ.) земство одобрило предположеніе училищнаго совѣта о заведеніи при народныхъ школахъ училищныхъ комитетовъ. Вообще земство, жертвуя свои средства на школы, заинтересованное производительностью своихъ затратъ, очевидно, желаетъ имѣть право контроля за ходомъ обученія, сосредоточиваясь впрочемъ, согласно закону, *преимущественно* на хозяйственной сторонѣ дѣла. Такъ какъ интересы земства, въ данномъ случаѣ, совершенно *совпадаютъ* съ интересами государства, то казалось бы, что участіе земства во всестороннемъ надзорѣ за школами представляло бы гарантіи правильнаго ихъ устройства. Земство—представитель народа, контроль земства—контроль общества; а общество—самый вѣрный и самый надежный цѣнитель своихъ интересовъ, которымъ обязана служить школа.

Мы остановились на вопросѣ о компетенціи земства въ школьномъ дѣлѣ, потому что онъ предшествуетъ и даже отчасти предрѣшаетъ дѣятельность земства. Избѣгая всякой полемики, мы желали бы одного—*единства*, согласія, взаимной солидарности и содѣйствія другъ другу всѣхъ общественныхъ и государственныхъ силъ на пользу школы. Желательно было бы, по возможности, избѣгать всего вызывающаго, вносящаго въ жизнь раздраженіе и столкновенія. Какъ сила практическая, земство, конечно, прежде всего должно имѣть предъ собою дѣло; и мы думаемъ, что чѣмъ больше для него оно дѣлаетъ, тѣмъ больше пріобрѣтаетъ правъ на него.

Обращаясь за тѣмъ къ самымъ фактамъ дѣятельности земства на пользу народной школы, мы видимъ, что согласно съ закономъ, она вообще сосредоточивается, главнымъ образомъ, на экономической сторонѣ дѣла, на внѣшнемъ благоустройствѣ школъ и обученія; внутренней же организаціи школъ земства касались

*) Ibid. стр. 819.
**) Ibid. стр. 823.

только въ крайнихъ случаяхъ, когда ихъ вынуждали къ тому мѣстныя условія и интересы населенія. Слѣдуетъ однако замѣтить, что во всѣхъ почти подобныхъ случаяхъ мѣры, предположенія и ходатайства земства являлись цѣлесообразными и практическими, ибо они вызваны были самою жизнью.

Для удобства изложенія, мы будемъ разсматривать школьную дѣятельность земства по слѣдующимъ рубрикамъ: а) *открытіе* новыхъ; б) поддержка школъ существующихъ; в) *устройство* школьныхъ *зданій;* г) приготовленіе, пріискиваніе и обезпеченіе *учителей;* д) отношеніе земства къ *законоучителямъ* и *попечителямъ* училищъ; е) земскій *надзоръ* за школами; ж) устройство *вспомогательныхъ для школъ учрежденій*, каковы: библіотеки, книжные склады, народныя чтенія, читальни, чайныя, школы для взрослыхъ; наконецъ з) отношеніе земства къ вопросамъ *внутренней организаціи школъ*, каковы: введеніе преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ въ начальный курсъ, мѣры для правильнаго посѣщенія учениками уроковъ, установленіе сроковъ для пріема учащихся, опредѣленіе продолжительности учебнаго года, испытанія учащихся на льготы и т. п. Въ связи же съ мѣрами распространенія грамотности, остановимся и на отношеніи земства къ вопросу объ обязательности начальнаго обученія. Перечисленные нами предметы взяты не произвольно. Они указываются и даны практикою земствъ и входятъ въ протоколы ихъ собраній, какъ предметы смѣтныхъ ассигновокъ, а иногда какъ предметы совокупнаго обсужденія.

I.

Открытіе школъ.

Открытіе новыхъ школъ и поддержка школъ существующихъ разными земствами производилась на разныхъ основаніяхъ. Повидимому, у большинства земствъ не выработалось еще опредѣленной системы на этотъ счетъ, но у нѣкоторыхъ такая *система* есть. Пересматривая однако земскія постановленія, чаще всего встрѣчаешь совершенно *случайныя* ассигновки: по докладу управы, или по ходатайству частнаго лица, учрежденія или общества, постановлено открыть школу тамъ-то, выдать пособіе на открытіе школы въ такомъ-то селѣ, выдать пособіе на школу такому-то лицу и т. п. Въ такихъ расходахъ (а они составляютъ

почти общее явленіе), очевидно, обдуманной системы нечего искать; они вызваны насущными потребностями дня. Земство, поставленное лицомъ къ лицу съ нуждами народной жизни, видя неотложныя потребности школъ, старается удовлетворить ихъ по мѣрѣ средствъ, какъ тотъ же народъ подаетъ нищему кусокъ хлѣба, кормитъ голоднаго. Даже не раздѣляя въ принципѣ подобной формы случайнаго отношенія къ дѣлу народнаго образованія, земство не могло остаться безучастнымъ къ нуждѣ, грозящей закрытію извѣстной школы, и не отказывало ей въ помощи, какъ не отказываетъ въ милостынѣ погорѣльцу, больному бѣдняку, умирающему отъ голода нищему; всякій порядочный человѣкъ, хотя бы теоретически, съ точки зрѣнія экономическаго принципа, онъ считалъ эту форму помощи заслуживающею осужденія. Поэтому *случайныя* ассигновки на школы мы находимъ даже у тѣхъ земствъ, которыя держатся извѣстной системы въ школьномъ дѣлѣ. Это еще разъ доказываетъ, что земство не мертвое, закоченѣвшее въ доктринахъ учрежденіе, погрузившееся въ канцелярскую рутину и формализмъ, но живая сила народной жизни, чуткая къ ея нуждамъ и потребностямъ, неспособная приносить въ жертву живое существо какой-либо абстрактной идеѣ, системѣ, какъ бы ни были онѣ стройны и грандіозны. Это—*устои* жизни, *безсистемность практическая*, и мы не думаемъ, чтобы справедливо было осуждать ее и желать ея уничтоженія.

Совсѣмъ иначе смотримъ мы на *безсистемность принципіальную*, куда мы относимъ валовыя ассигновки, съ общимъ обозначеніемъ: «на школы», «на народное образованіе», причемъ земства даже не знаютъ хорошенько, на что именно они дѣлаютъ ассигновки, а просто поручаютъ управѣ, или училищнымъ совѣтамъ—расходовать деньги «по усмотрѣнію».

При этомъ земства или не хотятъ узнать мѣстныхъ потребностей населенія, или же зная, не желаютъ ихъ удовлетворить, какъ это дѣлало земство Ржевское и другія. Сказывается ли здѣсь убѣжденіе въ безполезности школъ и образованія для народа, или дѣйствуютъ какіе-нибудь сословные предразсудки, эгоистическіе расчеты вліятельныхъ мѣстныхъ лицъ—рѣшить трудно; но фактъ самъ по себѣ не отраденъ.

Могутъ сказать: да зачѣмъ тутъ *система?* Дѣятельность земства должна быть свободною, а система только стѣснитъ его. Не все ли равно, изъ какихъ побужденій и по какимъ цѣлямъ дается пособіе и дѣлается ассигновка на школы? Лишь бы давали боль-

ше, лишь бы больше школъ открывали.... Взглядъ ошибочный. Ошибочно, вопервыхъ, то, что система будто бы стѣснитъ дѣятельность земства. Мы понимаемъ возможность такого стѣсненія, если система дается готовою, извнѣ, сочиняется въ кабинетѣ; но если система является результатомъ жизненнаго опыта, если начала ея составляютъ простое обобщеніе частныхъ фактовъ, то не понимаемъ, какъ *такая* система можетъ стѣснять! Она можетъ придать дѣятельности правильность, разумность, можетъ упорядочить ее, наконецъ, облегчить достиженіе цѣли, но никакъ не стѣснитъ. Отвергать въ этомъ случаѣ систему—тоже, что отвергать сознательность, разумность, цѣлесообразность въ дѣятельности земства; это значитъ приглашать его идти на-обумъ, бросать деньги на право и на лѣво, не задумываясь о плодахъ такой щедрости.

Въ результатѣ является: непроизводительность расхода и нерѣдкое закрытіе уже существовавшихъ школъ. Напр., Воронежская управа въ 1877 г. заявляетъ земству, что въ селахъ закрыты 15 училищъ; по Котельническому земству съ 1876 г. закрылось 14 школъ; въ Слободскомъ земствѣ въ 1874 г. была 41 школа съ расходомъ 14 т. р., а въ 1875 г. стало 38 школъ съ расходомъ въ 12 т. р.; по Ирбитскому земству въ 1877 г. число учащихся уменьшилось, новыхъ школъ не открывалось; по Тамбовскому земству вновь открыто 4 школы, а число учащихся уменьшилось на 484 человѣка. Подобнаго рода фактовъ много и всѣ они говорятъ объ одномъ, что земства въ иныхъ случаяхъ поступаютъ необдуманно, строятъ школы тамъ, гдѣ въ нихъ нѣтъ нужды и оставляютъ волости съ 30 т. жителей безъ школъ (Солик. земство Перм. г.); открываютъ и закрываютъ школы по какой-то случайной прихоти; или вдругъ установляютъ рублевые сборы съ учащихся, разгоняющіе учениковъ (какъ это было въ земствахъ Новоузенскомъ Самар. губ. и Городищкомъ Черн. губ.); иныя земства прямо сознаются, что шли на-обумъ и, жертвуя на школы много, успѣха получали мало *).

*) Такъ Екатеринбургская (Перм. губ.) управа заявляетъ, что стремленіе открывать какъ можно болѣе школъ въ короткое время привело къ печальнымъ результатамъ: иногда открывались школы въ слишкомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга и обѣ находились въ плохомъ состояніи, имѣя притомъ число учениковъ, могущее помѣститься въ одной школѣ; въ нѣкоторыхъ волостяхъ было открыто по нѣсколько школъ, а въ 11 волостяхъ не было ни одной и т. д. Пост. Зем. Собр. 1877 г.

Такой образъ дѣйствій нельзя оправдать и одобрить; земства, идущія такимъ путемъ, очевидно, не думаютъ о будущемъ, не имѣютъ передъ собою никакой ясно сознанной цѣли, и дѣлая ассигновки на открытіе школъ лишь уступаютъ духу времени, силѣ вещей, но дѣйствуютъ безучастно, безцѣльно, необдуманно. Къ счастію, такіе факты единичны; въ значительномъ большинствѣ случаевъ, земства въ открытіи школъ руководятся тѣми или другими обдуманными соображеніями и медленно, но безостановочно движутся къ цѣли обезпечить народу возможность получать начальное образованіе, по возможности, въ каждой мѣстности. Почти всѣ земства этого рода практикуютъ *условную систему открытія школъ*, то-есть, не принимаютъ на себя обязанности *всецѣло* создать школу въ той или другой мѣстности, но соглашаются на извѣстное *участіе* въ этомъ дѣлѣ непремѣнно подъ условіемъ выполненія обществомъ тѣхъ или другихъ обязательствъ. Обязательства эти чрезвычайно разнообразны, по различію мѣстностей и взглядовъ на школьное дѣло; они касаются зданій, обстановки, обезпеченія школы, ремонта школьныхъ зданій, найма учителей, количества учащихся и т. д., причемъ мѣстный элементъ выступаетъ съ особенною силою. Остановимся на фактахъ примѣненія этой системы на практикѣ.

Въ основѣ ея, очевидно, лежитъ мысль, что земство *одно*, независимо отъ участія сельскихъ обществъ и частныхъ пожертвованій, не въ состояніи обезпечить населенію образованіе. Съ другой стороны, привлекая къ устройству школъ сельское населеніе, земство тѣмъ самымъ ставитъ школы въ ближайшія, тѣснѣйшія отношенія къ обществамъ, пробуждаетъ въ нихъ интересъ къ школьному дѣлу. Обыкновенно цѣнится больше то, на что мы несемъ хотя нѣкоторыя жертвы, чѣмъ то, что само приходитъ и достается даромъ.

а) Нѣкоторыя земства въ открытіи школъ держатся численнаго, такъ сказать, начала, полагая ежегодно открытіе *опредѣленнаго* числа школъ, устроенныхъ по извѣстному плану, въ избранныхъ мѣстностяхъ. На этомъ основаніи дѣйствовало земство *Орловское* (Вят.), постановившее приступать ежегодно къ устройству двухъ школъ по принятому плану, на 120 учащихся (на что и ассигновало ежегодно по 1 т. р.), привлекая къ этому сельскія общества.

Донское областное земство постановило открывать *по одной* центральной школѣ въ каждомъ округѣ, также при желаніи на то обществъ.

Донское 2-го округа постановило открывать по одному училищу въ каждой волости съ ассигновкой по 250 р. на школу. *Усть-Медвѣдицкое* земство само избираетъ мѣста для открытія школъ въ избранныхъ станицахъ тоже съ ассигновкою по 250 р.; *Хоперское* назначаетъ по одному училищу на волость, съ ассигновкой на каждое по 550 р. *Мамадышское* земство избираетъ мѣстности для устройства школъ при участіи управы, училищнаго совѣта и врачей. Къ той же мѣрѣ выразило желаніе прибѣгнуть и *Чебоксарское* земство, въ заботахъ объ улучшеніи школьныхъ зданій.

Клинское земство дѣлаетъ постановленія «устраивать училища въ каждой волости по *два* по мѣрѣ надобности и благопріятныхъ условій». Гдовское земство (въ сессію 1877 г.) сдѣлало постановленіе: «Предоставить земской управѣ открыть въ каждой волости не менѣе, какъ по одной школѣ, распредѣливъ оныя въ такомъ порядкѣ, чтобы одна школа приходилась на населеніе отъ 1.500 до 2.500 д. При открытіи школъ возлагать на волостное или сельское общество обязанность назначать въ пособіе школѣ 100 р. и дать помѣщеніе, или взамѣнъ его отпускать по 60 р. Суммы эти должны быть вносимы въ управу до открытія школы.» Затѣмъ управа приглашаетъ учителя съ жалованьемъ отъ 180 до 300 р. за учебный періодъ. *)

Осташковское земство предоставило управѣ, по соглашенію съ училищнымъ совѣтомъ, перемѣщать школы, принимая во вниманіе пособія, предлагаемыя обществами на содержаніе школъ и удобства мѣстности для посѣщенія ихъ *наибольшимъ количествомъ* учениковъ.

Вятское земство также обусловливаетъ открытіе школъ *числомъ желающихъ обучаться* и принимаетъ этотъ принципъ по отношенію къ удовлетворенію ходатайствъ сельскихъ обществъ. Повидимому и *Елабужское* земство держится того же начала, мотивируя свой отказъ на открытіе 3-хъ училищъ «ихъ ненадобностью». **)

б) Петровское земство (Сарат.) уполномочило управу принимать на земскій счетъ *всѣ* вновь выстроенныя училища, удовлетворяющія утвержденнымъ собраніемъ *условіямъ*, не стѣсняясь ни числомъ училищъ въ уѣздѣ, ни тѣмъ, сельскія-ли они, или волостныя.

---

*) *Зем. Ежег.* 1877 г. п. 2848.

**) *Зем. Ежег.* стр. 774. Такого же рода постановленіе сдѣлано и Котельническимъ з. стр. 775. 1876 г.

в) Нѣкоторыя земства, напр. *Боровичское*, обусловливаютъ открытіе школъ обязательствомъ сельскихъ обществъ—принять на себя *половину годичныхъ расходовъ* на ихъ содержаніе. *Псковское* з. обусловливаетъ открытіе новыхъ школъ взносомъ ежегодно отъ сельскихъ обществъ 150 р.

Петергофское земство открываетъ училища только съ пособіемъ отъ себя на жалованье учащимъ и на учебныя пособія, причемъ постановило безусловно отклонять всѣ ходатайства объ устройствѣ училищъ на средства одного земства.

г) Иныя земства обусловливаютъ открытіе школъ *готовностію сельскихъ обществъ* благоустроить училища. Такъ Юрьевецкое з. постановило въ открытіи училищъ держаться *очереди*, причемъ выдавать пособіе тѣмъ, которыя позаботятся прежде другихъ устроить или пріискать *помѣщенія* для училищъ и учителя. Курское земство открывало училища только тамъ, гдѣ крестьянское общество обезпечивало существованіе школъ взносомъ *пособія* въ 120—150 р.*) Сольвычегодское (Волог. г.) открывало училища на свои средства съ тѣмъ, чтобы дана была отъ сельскаго общества *квартира* съ отопленіемъ, на основаніи общественнаго приговора, причемъ земство назначало учителю 240 р. жалованья, 24 р. квартирныхъ и 42 р. законоучителю.**) Въ иныхъ случаяхъ земство давало пособіе на открытіе школы подъ условіемъ, чтобы школьное зданіе составляло собственность земства и было неотчуждаемо. Маріупольское (Екатер. г.) земство такимъ образомъ формулируетъ свое участіе въ открытіи школъ: «общество, желающее имѣть школу, должно составить объ этомъ приговоръ, съ обязательствомъ принять на себя постройку и содержаніе помѣщенія для школы, снабженіе этого помѣщенія отопленіемъ и проч. Въ такомъ случаѣ земство обязуется дать обществу пособіе на содержаніе нормальной школы, то-есть, съ однимъ учителемъ и законоучителемъ, а также необходимыя учебныя пособія, и письменныя принадлежности; остальной расходъ, необходимый для полнаго содержанія школы, общество обязано вносить полностію въ земскую кассу.» При этомъ земское собраніе постановило, чтобы суммы на вспомоществованіе народныхъ школъ распредѣлялись между сельскими обществами не поровну, а сообразно степени благосостоянія сельскихъ обществъ, выражающейся преимущественно размѣромъ ихъ земельнаго надѣла.

*) *Зем. Ежег.* 1876 г. стр. 793.

**) *Зем. Ежег.* 1877 г. п. 2708.

для чего, на основаніи имѣвшихся въ управѣ данныхъ, выработаны особыя правила. *) При этомъ назначенъ и срокъ для заявленій со стороны обществъ о желаніи ихъ имѣть у себя школу (1-е авг.).

Московское земство систематически держалось условной системы пособій для открытія новыхъ школъ съ самыхъ первыхъ поръ его дѣятельности и въ собраніи 1877 г. заявило, что считаетъ его наиболѣе пригоднымъ и далѣе. «Главный принципъ, проводившійся Московскимъ губ. земствомъ въ дѣлѣ народнаго образованія и примѣняемый уѣздными земствами, говорится въ протоколахъ сессіи 1877 г., заключается въ томъ, что участіе мѣстныхъ средствъ въ устройствѣ и содержаніи училищъ считается необходимымъ. Уѣздныя земства являются на помощь лишь тѣмъ сельскимъ школамъ, гдѣ сельскія общества, съ своей стороны, даютъ посильныя средства въ той или другой формѣ.» Участіе мѣстныхъ средствъ при этомъ считается не второстепеннымъ, а главнымъ (Московское земство наиболѣе выдавало пособія на увеличеніе жалованья учителямъ).

Екатеринбургское земство принимало на себя жалованье учителямъ и снабженіе школъ учебными пособіями подъ условіемъ устройства школьныхъ зданій на сельскія средства.

При этомъ, какъ гарантію принятыхъ съ обѣихъ сторонъ условій, земства требуютъ *сельскихъ приговоровъ*. Такъ, Костромское земство ставитъ требованіе, «чтобы школы открывались въ селахъ, общества которыхъ представятъ о томъ ходатайства съ приговорами объ обязательствѣ приготовить помѣщеніе для школъ и наставниковъ». Рязанское земство открываетъ школы только на основаніи принятія сельскими обществами составленныхъ на этотъ предметъ *правилъ*. Петровское выдавало субсидіи также только тѣмъ обществамъ, которыя составляли приговоръ о назначеніи отъ себя извѣстной суммы на содержаніе школы. Слободское, Ярапское и Свіяжское земства назначали отъ себя жалованье учителямъ, подъ условіемъ, чтобы общества давали отъ себя помѣщеніе для школы, прислугу и содержаніе зданія, а земства Валдайское, Старорусское и Кирилловское—подъ условіемъ обезпеченія школъ отъ сельскихъ обществъ надѣломъ земли (въ количествѣ 1 десятины на школу).

д) Нѣкоторыя земства (напр. Сольвычегодское), предоставляя открытіе и содержаніе школъ сельскимъ обществамъ, принимаютъ

*) *Зем. Еж.* 1877 г. п. 2740.

на себя заботу о наймѣ *квартиръ* для школъ. Повѣнецкое земство при этомъ дѣлаетъ, по возможности, долгосрочные контракты.

е) При частныхъ пожертвованіяхъ помѣщеній для школъ земства безъ замедленій назначали суммы на содержаніе ихъ и учителя (пост. з. Волоколамскаго, Моск. г.), причемъ жертва частнаго лица замѣняетъ участіе сельскаго общества.

ж) Не мало земствъ ограничивали свое участіе въ открытіи новыхъ школъ сельскими обществами высылкою въ школы библіотекъ, учебныхъ пособій и школьной мебели.

з) Наконецъ, нѣкоторыми земствами практиковалась система открытія образцовыхъ школъ, причемъ всѣ остальныя отступали на задній планъ, а иногда даже и закрывались. При этой системѣ однако земство также являлось только пособникомъ для сельскихъ обществъ, которыя должны назначать отъ себя земли подъ школьныя усадьбы, обезпечивать содержаніе зданій для школъ и т. под.

Вопросъ объ устройствѣ *образцовыхъ школъ* ставился многими земствами по разнымъ побужденіямъ. Одни желали въ этихъ школахъ осуществить, такъ сказать, *нормальный* типъ вполнѣ благоустроенной сельской школы, правильно организованной и обставленной всѣми удобствами, какъ образецъ, которому, по мѣрѣ возможности, могли бы слѣдовать сельскія общества въ устройствѣ своихъ школъ. Другія земства хотѣли въ этихъ школахъ имѣть подспорье для практической *подготовки учителей*. Имѣя подъ руками учрежденіе, гдѣ все школьное дѣло поставлено безукоризненно, земства располагали посылать молодыхъ и неопытныхъ учителей въ образцовыя школы, чтобы наглядно и на опытѣ познакомить ихъ съ тѣмъ, какъ вести разумное преподаваніе, какъ держать классъ, какъ пользоваться учебными пособіями *). Наконецъ, иныя земства, выходя изъ мысли, что лучше имѣть немного училищъ, но вполнѣ хорошихъ, чѣмъ много плохихъ, прилагали заботы къ устройству образцовыхъ школъ, полагая при этомъ, что на такихъ школахъ сельское населеніе всего скорѣе увидитъ пользу отъ ученія и школы. Въ большинствѣ же случаевъ, земства, имѣя готовый уже планъ образцовыхъ двуклассныхъ училищъ мин. нар. просв., прилагали стараніе, по возможности, къ устройству таковыхъ училищъ, считая ихъ наиболѣе соотвѣтствующими цѣлямъ народнаго образованія. Впрочемъ, вообще говоря, число зем-

*) Гороховецкое (Влад. г.) земское собр. имѣло мысль даже, чтобъ старшій учитель образцовой школы обозрѣвалъ училища и руководилъ учителями. *Зем. Сборн.* Влад. 1876 г. № 9.

скихъ образцовыхъ школъ пока не велико, и двуклассныхъ школъ нѣтъ еще во многихъ уѣздахъ даже и по одной **). Въ цѣляхъ возможно широкаго распространенія этихъ училищъ, земства назначаютъ особыя субсидіи на ихъ устройство.

и) *Системы пособій* въ открытіи школъ, *безъ указанія* формъ и условій такого пособія, держались земства: Котельническое, Слободское, Донское (1 окр.), Міусское (пособіе 45 школамъ 4.500 р.). Ядринское (выдавать *всѣмъ* школамъ по 265 р.), Коломенское, Макарьевское (по 250 р. на школу), Кременчугское, Кобелякское, Михайловское и др.

Въ подобнаго рода ассигновкахъ земства, такъ сказать, сваливаютъ съ плечъ своихъ лишнія хлопоты. Имъ даже нѣтъ нужды знать, гдѣ имѣется школа, гдѣ открывается вновь, какое число въ школахъ обучается и сколько изъ нихъ получаютъ свидѣтельства на льготы, въ какомъ положеніи находятся школы и проч. Одни земства щедро, другія скудно ассигнуютъ средства по рубрикамъ земской смѣты, лишь бы наполнить всѣ ея статьи. Между тѣмъ, наша школа—учрежденіе еще юное, не окрѣпшее, не сложившееся, требующее ухода и заботливой охраны и, казалось бы, земству всего естественнѣе принять на себя эти попеченія.

И такъ, мы видимъ, что въ открытіи школъ земство идетъ разнообразными путями, но преобладающею является система *условнаго участія земства* въ школьномъ дѣлѣ, при непремѣнномъ содѣйствіи со стороны сельскихъ обществъ, причемъ инициатива идетъ отъ послѣднихъ, а земство только поддерживаетъ возникающія начинанія.

Земствъ, которыя признавали бы вопросъ о народномъ образованіи всецѣло *земскимъ вопросомъ*, которыя бы, не дожидаясь приговоровъ сельскихъ обществъ и назначенія отъ нихъ пособій на школы, сами на себя принимали инициативу открытія школъ, выборъ для нихъ мѣстностей, которыя бы принимали на себя вполнѣ содержаніе школъ и учителей, снабженіе учащихся пособіями, такихъ земствъ, строго говоря, почти нѣтъ.

Намъ остается обсудить, насколько *условная* система въ дѣлѣ народнаго образованія цѣлесообразна, практична и полезна.

Выше мы указали нѣкоторыя ея выгоды, а именно: привлеченіе сельскихъ обществъ къ школьному дѣлу, пробужденіе въ нихъ интереса къ нему, поощреніе и поддержка мѣстныхъ начи-

**) Такъ 2-хъ классныхъ училищъ нѣтъ вовсе въ семи уѣздахъ Владимірской губ. *Зем. Ежег.* 1876 г. стр. 765.

наній на его пользу, установленіе тѣснѣйшихъ отношеній школы и общества, облегченіе земствъ въ расходахъ на школы.

Но мы не можемъ остановиться на однихъ только положительныхъ сторонахъ этой системы,—она вызываетъ не мало вопросовъ, недоумѣній и представляетъ даже нѣкоторыя опасности.

Вопервыхъ, можно ли предоставить сельскимъ обществамъ инициативу въ открытіи школъ и на этомъ остановиться?—Не значитъ ли это предоставить починъ въ дѣлѣ образованія невѣжеству?—Но такъ какъ первое свойство невѣжества, безграмотности —вражда или по крайней мѣрѣ нерасположеніе и равнодушіе къ просвѣщенію, то не обречемъ ли мы этимъ самымъ сотни и тысячи селъ нашихъ и захолустьевъ на безысходную, вѣковую безграмотность?

Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на распредѣленіе школъ въ населеніи, то увидимъ чрезвычайную несоразмѣрность: въ иныхъ уѣздахъ школъ масса, въ другихъ онѣ рѣдки, и цѣлыя волости, даже десятки волостей остаются совсѣмъ безъ школъ. Не потому ли и остаются, что земство не приняло на себя инициативы ихъ устройства, что оно не приложило заботъ, труда и вниманія къ дѣйствительнымъ нуждамъ мѣстности и шло съ своею помощью только туда, куда его призывали? А такъ какъ потребность въ школахъ болѣе сознается въ мѣстностяхъ съ относительно развитымъ населеніемъ, то къ нему и направлялась вся помощь земства, минуя закоулки, куда еще не проникала грамота, гдѣ царитъ тьма непроглядная и гдѣ поэтому въ школахъ наибольшая нужда.

Вотъ что пишетъ по этому поводу глубокій знатокъ нашего земскаго дѣла А. И. Кошелевъ: «Пока открытіе и содержаніе школъ оставимъ мы на попеченіи сельскихъ обществъ, по тѣхъ поръ у насъ школъ не будетъ. Это конечно для насъ покойно: несуществующія школы не требуютъ ни денегъ, ни надзора; а, между тѣмъ, весьма благовидно говорить въ свое оправданіе: не навязывать же школы крестьянамъ! Конечно, мы не сочувствуемъ системѣ навязыванія людямъ даже самыхъ необходимыхъ для нихъ благъ; но, въ настоящемъ случаѣ, мы вовсе не это имѣемъ въ виду. Мы не предлагаемъ принуждать кого бы то ни было учиться; но мы желаемъ только, чтобы была къ тому возможность, то есть, чтобы существовали школы. Мы устрояемъ мосты, сбираемъ на это деньги, или заставляемъ строить и исправлять мосты натурою, и не спрашиваемъ ни каждаго крестьянина отдѣльно, ни

даже каждое общество въ особенности, нуженъ и желателенъ ли для него такой-то мостъ. Мы убѣждены, что мосты вообще нужны, удостовѣряемся, что въ извѣстномъ мѣстѣ мостъ необходимъ, и мы его строимъ и содержимъ. Желательно, чтобъ относительно школъ мы пришли къ такимъ же убѣжденіямъ, сознаніямъ и дѣйствіямъ. Убѣжденные, что сельскія школы вообще столько же нужны, сколько мосты; удостовѣренные, что въ такомъ-то селеніи школа необходима, мы должны ее открыть и содержать*.)„ Такимъ образомъ, инициатива дѣла, его общій планъ и послѣдняя цѣль принадлежатъ земству. Обращаясь къ дѣйствительности, мы видимъ, что быстрѣе и всего успѣшнѣе развивается грамотность въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земство берется за дѣло энергичнѣе и является руководителемъ. Опытъ же показываетъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ школы предоставляются сельскимъ общинамъ, и учителя, и школы терпятъ много неудобствъ и даже бѣдствій. Обстоятельство это настолько важно, что мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Неисправность *мірскихъ сборовъ на школы* составляетъ, какъ извѣстно, довольно нерѣдкое явленіе. Общество сельское, сознавая необходимость школы, дѣлаетъ постановленіе объ извѣстномъ взносѣ на этотъ предметъ. Школа открывается, приглашается учитель, начинается ученье. Но постановленіе о сборѣ или совсѣмъ не приводится въ исполненіе, или исполняется крайне неисправно. Результаты понятны. Школу нечѣмъ отоплять, сторожу нечѣмъ платить, а учитель сидитъ голодный и тщетно зоветъ о помощи. «Міроѣды», писаря, за рѣдкими исключеніями, не только не оказываютъ школѣ поддержки, но еще затягиваютъ дѣло всѣми средствами, иногда же и противодѣйствуютъ ему. Положеніе учителя безвыходное. Бывали случаи, что школы при такихъ условіяхъ закрывались. Во всякомъ разѣ, такое положеніе дѣла тяжело ложилось на школу и еще тяжелѣе отзывалось на учителѣ.

Вотъ нѣсколько фактовъ. Въ Фатежскомъ уѣздѣ, Курской губ. въ 1871 г., составилось нѣсколько приговоровъ объ открытіи общественныхъ училищъ и содержаніи ихъ на сельскія средства. Фатежская управа предложила волостнымъ правленіямъ суммы, ассигно-

*) А. Кошелевъ „Голосъ изъ земства". М. 1869 г. стр. 188 и слѣд. Почтенный авторъ предлагаетъ половину расходовъ отнести прямо на крестьянство, сдѣлавъ ихъ для него обязательными, а другую половину — на земство и казну. Сборъ съ крестьянъ предполагается 10-копѣечный съ души.

ванныя на училище, причислять къ раскладкѣ частныхъ денежныхъ новинностей обществъ, взыскивать ихъ вмѣстѣ съ общественнымъ сборомъ и передавать попечителямъ училищъ. Предложеніе это было принято и приведено въ исполненіе, то есть, сдѣлана раскладка взносовъ. Но въ концѣ концовъ оказалось, что сбора на училища совсѣмъ не дѣлалось; иныя волости *забыли* о раскладкѣ, другія измѣнили первоначальныя ассигновки, уменьшивъ ихъ на половину и болѣе (напр. въ с. Смородиной вм. 350 р. 100 р.*) Потребовалась самая энергическая дѣятельность управы, чтобы спасти училища. Подобный фактъ былъ въ Полт. губ. съ Брагинскимъ училищемъ, гдѣ также учитель остался безъ средствъ и даже на свой счетъ долженъ былъ поддерживать училище **).

Оргѣевское (Бессар. г.) земство, въ виду крайне неисправнаго поступленія взносовъ на школы, сосредоточило пріемъ и расходованіе ихъ въ управѣ; но эта мѣра мало помогла и послѣ двухлѣтняго опыта была отмѣнена. По заявленію управы, при всѣхъ усиліяхъ, собрано было въ 1876 г. вмѣсто 10.000 р. на школы только 3 т.; зданія училищъ безъ ремонтировки стали приходить въ разрушеніе, а учителя, не получая жалованья, начали разбѣгаться; преподаваніе шло вяло, апатично; число учащихся уменьшилось (вм. 1500 стало 1100 учен.), вообще школьное дѣло стало приходить въ упадокъ***).

Павлоградское (Екатерин. г.) земство пришло къ убѣжденію, что безъ участія, надзора и руководства со стороны ближайшихъ къ сельскимъ обществамъ интеллигентныхъ лицъ, — священниковъ, псаломщиковъ и членовъ попечительства, — нѣтъ возможности осуществить какую-либо полезную для образованія народа мѣру, тамъ какъ сами по себѣ общества относятся къ дѣлу равнодушно, а на мірскихъ сходахъ всѣ дѣла рѣшаютъ вино и міроѣды.

Клинское земство уполномочивало попечителей школъ дѣлать сборы на нихъ отъ сельскихъ обществъ и вести за этимъ контроль.

Екатеринбургское земство прямо признало ошибочность системы — открывать школы безъ прочныхъ гарантій со стороны сельскихъ обществъ и приводило много такихъ примѣровъ, гдѣ общества, открывъ школы, относились къ нимъ безучастно и не выполняли принятыхъ относительно школъ обязательствъ. Коз-

*) Обзоръ Курскихъ учил. г. Бобровскаго. Ж. М. Нар. Пр. 1871. стр. 18.
**) Ж. М. Нар. Пр. 1871 Хроника. стр. 155.
***) *Земскій Ежег.* 1877 г. пост. 2693.

ловскій училищный совѣтъ просилъ земство обратить вниманіе на порядокъ сбора и расходованіе школьныхъ сельскихъ суммъ, такъ какъ волостное начальство часто выказываетъ нерадѣніе о нуждахъ школъ въ пособіяхъ: школа остается нетопленною и учитель сидитъ безъ жалованья, по неимѣнію въ наличности школьнаго сбора, который, какъ при повѣркѣ иногда оказывалось, обращался на уплату казенныхъ податей.

На Остерскомъ (Черн. г.) земскомъ собраніи былъ возбужденъ вопросъ о переложеніи натуральной повинности по содержанію и отопленію школъ въ денежную, такъ какъ сельскія общества относились къ дѣлу крайне неаккуратно. Бѣлозерское земство прямо заявляетъ, что устраивая школы, оно считало сельскія общества достигшими той степени потребности въ обученіи, которая устраняетъ необходимость особыхъ обязательствъ отъ сельскихъ обществъ, чтобы школы исправно содержались и не стояли пустыми; но такой взглядъ нисколько не оправдался на практикѣ.

Богучарское земство (Вор. губ.), въ цѣляхъ гарантій учителей отъ произвола сельскихъ властей, возложило на управу наблюденіе, чтобъ жалованье учителямъ не задерживалось *), при чемъ обратилось за помощью и къ присутствію по крестьянскимъ дѣламъ, чтобы сельскія общества, согласно своимъ приговорамъ, отапливали училища и нанимали сторожей. Съ тою же цѣлію гарантій училищъ отъ произвола сельскихъ властей, Слободское (Вят. г.) земство принимаетъ на свой счетъ отопленіе, освѣщеніе и прислугу въ нѣкоторыхъ школахъ **). Щигровскому земству заявлялось, что «матеріальная сторона училищъ ухудшается за недостаткомъ помѣщеній, отопленія, сторожей, — они должны быть отъ общества; но послѣднія часто своихъ обязательствъ не исполняютъ». Участіе земства въ такихъ случаяхъ необходимо.

Подобные случаи, повторяясь въ разныхъ мѣстностяхъ, не могли не обратить на себя вниманія земства и естественно должны были вызвать соотвѣтствующія мѣры. Къ сожалѣнію, далеко не вездѣ мѣры эти имѣли успѣхъ, тѣмъ не менѣе онѣ заслуживаютъ вниманія, и нельзя не пожелать, чтобы земства не оставляли усилій ихъ осуществить.

Такъ *Кишиневское* земское собраніе, въ видахъ болѣе прочнаго обезпеченія школъ, постановило: «испросить согласіе об-

*) *Зем. Ежег.* стр. 770. Постан. Дмитровскаго земства, стр. 793.
**) Ibid. стр. 778.

ществъ на то, чтобы суммы, ассигнованныя ими на поддержку училищъ, *вносить депозитомъ въ уѣздныя казначейства за счетъ управы*». По отзыву послѣдней, только *два* общества согласились на это предложеніе *); хотя по заявленіямъ земскихъ управъ, поступленія, которыми обязались общества на школы, попрежнему «идутъ очень туго» **).

Боровичскому земству управа докладывала: «пособія школамъ отъ обществъ выдаются весьма неравномѣрно и неаккуратно; слѣдовало бы отказывать въ земскомъ ассигнованіи тѣмъ школамъ, деньги на которыя не будутъ внесены подлежащими обществами до 1 октября ***) Валдайское земство постановило производить отпускъ пособія на школу по 120 р. съ тѣмъ, чтобы мѣстныя сельскія общества и попечительства вносили въ казначейство на имя управы не менѣе 60 р. въ годъ къ 1-му февраля. Хотинское земство (бессараб.), для предупрежденія возможности училищамъ остаться безъ средствъ, приняло мѣру весьма цѣлесообразную: всѣ училищныя суммы оно вноситъ въ мѣстное казначейство, въ депозитъ управы и расходуетъ по опредѣленіямъ училищнаго совѣта ****).

Всѣ эти факты и всѣ эти мѣры говорятъ объ одномъ, что въ школьномъ дѣлѣ предоставить инициативу, а затѣмъ и содержаніе школъ сельскимъ обществамъ невозможно, и что надобенъ не только *контроль*, но и *побужденія*, даже обязательность для сельскихъ обществъ въ устройствѣ школъ.

При этомъ, не отрицая своей доли пользы условнаго участія земства въ открытіи школъ, мы думаемъ, что земство не можетъ и не должно на этомъ останавливаться и ограничиваться этою условностію.

Надо подумать о будущемъ. Надо помыслить о прочной постановкѣ дѣла народнаго образованія, о вѣрныхъ гарантіяхъ для существованія и развитія нашей начальной школы.

Пока послѣдняя обусловливается только жертвами мѣстнаго сельскаго общества, школа не прочна и *не долговѣчна*. Случись въ селѣ неурожай, какое-либо несчастіе, сокращеніе заработковъ, попадись старшина-плутъ, враждебно настроенный къ школѣ, и

*) *Сборн. Бессарабскаго земства* 1877 г. № 7, стр. 15
**) Тамъ же. Докладъ Оргѣевской упр. № 2, стр. 9.
***) *Зем. Ежег.* стр. 806. 1876.
****) *Зем. Ежег.* 1877 г. п. 2694.

общество не задумается отказать школѣ въ содержаніи, или что то же закрыть ее. Это—одно.

Вовторыхъ, при этой системѣ нельзя разсчитывать даже въ будущемъ на устройство школъ во *всѣхъ* селеніяхъ и въ количествѣ, *вполнѣ достаточномъ* для данной мѣстности. При такой системѣ, школы не могутъ распространяться быстро и соотвѣтственно дѣйствительнымъ нуждамъ народа. Мы уже выше разъяснили, что чѣмъ глуше мѣстность, тѣмъ невѣжественнѣе народъ, тѣмъ менѣе можно надѣяться на иниціативу его въ образованіи, на сознаніе неотложной важности и значенія грамоты, о которой онъ не имѣетъ даже и понятія.

Наконецъ, едва ли можно назвать эту систему, взваливающую главную тягость школьной повинности на сельскія общины, справедливою. Намъ кажется справедливѣе считать школьную повинность общею земскою повинностью. Скажутъ, что сельская школа существуетъ для крестьянъ, поэтому они и должны содержать ее; землевладѣльцы не учатъ въ ней дѣтей. Но мы не должны забывать, что сельское населеніе—главная платежная сила, доставляющая средства государству, и что на счетъ казны содержится масса среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ крестьяне почти совсѣмъ дѣтей своихъ не обучаютъ.

Однако же мы полагаемъ, что непрактично было бы оставить совершенно и условную систему открытія школъ, такъ какъ финансовыя силы земствъ не на столько велики, чтобы обойтись совершенно безъ помощи сельской общины въ открытіи школъ; но *рядомъ* съ этою системой, земство необходимо должно имѣть въ виду ясно выработанный и обдуманный *планъ* для открытія благоустроенныхъ школъ — не разомъ, но черезъ извѣстный періодъ времени,—въ числѣ, вполнѣ достаточномъ для нуждъ извѣстнаго района. Разъ поставивъ себѣ ясно цѣль и обсудивъ средства къ ней, земство съ каждымъ годомъ, шагъ за шагомъ, постепенно будетъ приближаться къ выполненію своей задачи. Тогда, хотя черезъ десятокъ-другой лѣтъ, населенію будетъ обезпечена возможность быть грамотнымъ; теперь же, идя впередъ безъ плана, хотя и сто лѣтъ проживемъ, на достиженіе цѣли нельзя будетъ вѣрно разсчитывать.

Если принять, напр., что въ каждой волости (minimum) должна быть необходима школа, то, открывая ежегодно по нѣсколько школъ, мы черезъ нѣсколько времени достигнемъ цѣли.

Далѣе, можно принять и другую единицу за основаніе, напр., устраивать школу въ каждомъ районѣ, въ предѣлахъ, положимъ, 4-хъ—5-ти верстъ; на населеніе въ количествѣ 3 тысячъ душъ и т. д. Во всякомъ случаѣ представляется необходимымъ, чтобы земства, жертвуя на школы, обдуманно или къ извѣстной и ясно поставленной цѣли, и притомъ съ разсчетомъ, идя постепенно впередъ, *непремѣнно* достигнуть ее въ опредѣленный періодъ времени.

При этомъ не можемъ не остановиться нѣсколько на системѣ *временныхъ* (или передвижныхъ) *школъ* съ переѣздными учителями. Конечно, при этой системѣ можетъ имѣться въ виду только одна грамотность (умѣнье читать и писать) и пожалуй основанія счета; но грамотность—дверь и необходимое условіе образованія и самообразованія, а потому и она одна, сама по себѣ, заслуживаетъ заботъ. Курсъ передвижныхъ школъ необходимо долженъ быть кратокъ; но, при нынѣшнихъ ускоренныхъ способахъ обученія, онъ можетъ принести свою пользу. При правильной организаціи этого дѣла, земство могло бы воспользоваться этими школами съ наибольшею выгодою и съ наименьшими издержками. Передвижныя школы могли бы практиковать параллельно съ школами постоянными, именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ грамотности нѣтъ, а постоянную школу устроить почему-либо нельзя.

Система эта дала блестящіе результаты въ Швеціи и Норвегіи, а также и доселѣ съ успѣхомъ практикуется въ Финляндіи; но обращали на нее вниманіе и нѣкоторыя изъ земствъ.

Такъ въ Лужскомъ (Петерб. губ.) уѣздѣ, какъ значится въ земскомъ сборникѣ за 1876 г., «былъ испытанъ шведскій способъ передвижныхъ школъ. Успѣхъ опыта (1874—75 г.) превзошелъ ожиданія: у одного только учителя 76 дѣтей къ концу перваго года читали и писали уже подъ диктовку на бумагѣ.» Въ 1877 г. земство назначило на передвижную школу 500 р. и пригласило особаго для нея учителя. Псковское земство поручило управѣ въ 1877 г. обработать вопросъ о передвижныхъ школахъ; но намъ неизвѣстенъ дальнѣйшій ходъ дѣла. Царскосельское земство имѣло также передвижныя школы при 4-хъ учителяхъ и расходовало на нихъ 1.000 р. Положено было, что школа пребываетъ въ одной мѣстности съ 15 сентября по 15 декабря, а въ другой — съ 15 января по 15 апрѣля, жалованье учителю 350 р. Затѣмъ весьма сочувственно эта система была принята Вятскимъ земствомъ, къ сожалѣнію мы не имѣемъ свѣдѣній о способѣ ея примѣненія и о результатахъ.

Система эта, кажется, соотвѣтствуетъ нашему народному духу, разумѣется, если при этомъ будетъ удаченъ выборъ учителя и дѣло будетъ вестись безъ педантическаго формализма и характера казенной учёбы. Хорошій учитель можетъ при этомъ обучить грамотѣ отъ 150 до 200 чел. ребятъ. Для успѣшности дѣла надо установить сборные пункты, не въ дальнемъ разстояніи (не свыше 8—10 верстъ) и не въ большемъ числѣ (можно ограничиться 4—6-ю пунктами). Окрестные жители заранѣе оповѣщаются о пріѣздѣ наставника въ сборный пунктъ, куда и сходятся всѣ желающіе учиться. 4-хъ недѣль достаточно, чтобы поставить учениковъ въ грамотѣ на возможность заниматься чтеніемъ самимъ, пожалуй, при руководствѣ бойкаго ученика; учитель же объѣзжаетъ другія группы и тамъ даетъ ту же подготовку; а потомъ вторично ѣдетъ и направляетъ занятія, повѣряетъ успѣхи. На каждый пунктъ ученья съ учителемъ придется недѣль семь, а остальное время (всего ученія 3 мѣсяца) учащіеся занимаются при пособіи лучшихъ товарищей. Въ каждомъ пунктѣ отъ 30 до 40 чел. При хорошемъ учителѣ (а въ «переѣздные» надо избирать непремѣнно лучшаго учителя) дѣло можетъ дать добрые плоды. Мы слыхали, что задержкою въ примѣненіи этой системы служило то обстоятельство, что «передвижныя школы» не упомянуты въ «Положеніи» объ училищахъ. Но дѣло не въ имени. По существу, это—простыя «школы грамотности», разрѣшенныя закономъ, только съ переѣзднымъ учителемъ. Наконецъ, земства могутъ ходатайствовать законнымъ порядкомъ о разрѣшеніи такихъ школъ. Вообще, земству свойственно оказывать поддержку и поощреніе всякой практической мѣрѣ, полезной для умственнаго и нравственнаго развитія народа. и въ числѣ этихъ мѣръ передвижныя школы занимаютъ не послѣднее мѣсто.

II.

Поддержка школъ существующихъ.

Не ограничиваясь открытіемъ *новыхъ* школъ, земства наши не отказывали въ поддержкѣ школамъ существующимъ всѣхъ видовъ. Въ этомъ отношеніи земство руководилось началомъ *поощренія* и системою разнообразныхъ субсидій.

Наши начальныя школы довольно разнообразны. Такъ сюда входятъ: начальныя школы,—частныя и общественныя, школы грамотности, церковно-приходскія, одноклассныя и двухклассныя, образцовыя, городскія, ремесленныя, рукодѣльныя; а въ послѣднее время сюда присоединились школы передвижныя, воскресныя и вечернія. Земство съ одинаковымъ участіемъ относилось ко всѣмъ видамъ этихъ школъ и старалось помогать каждой по мѣрѣ средствъ и нуждъ *).

Довольно трудно уловить какую-нибудь основную, руководящую земствомъ, мысль въ дѣлѣ поддержки школъ; оно, въ этомъ случаѣ, является совершенно русскою натурою, съ ея широкою щедростью, благодушіемъ, добротою и участливостью къ ближнему. Намъ кажется, что такое отношеніе къ дѣлу—въ данномъ случаѣ—совершенно совпадаетъ съ духомъ народа и его преданіями. Этотъ духъ особенно выражается въ поощреніи *частнаго обученія*.

Извѣстно, что русскій народъ изстари какъ-то неохотно отдавалъ дѣтей въ казенную школу и чѣмъ глуше мѣстность, тѣмъ сильнѣе сохранилось это традиціонное отношеніе къ казенной учебѣ. Но, чувствуя потребность въ грамотности, онъ ищетъ и находитъ самъ себѣ учителей и довѣрчиво отдаетъ имъ «въ науку» дѣтей, даже съ платою, минуя безплатную школу казенную. Такъ издревле создавались школы по селамъ, гдѣ учили грамотеи, каждый по своему разумѣнію.

Школы эти бѣдны; однѣ изъ нихъ содержатся или на скудныя жертвы такихъ же бѣдняковъ, какъ и самъ народъ (мы разумѣемъ церковно-приходскія школы, содержимыя на нищенскія средства духовенства); другія перебиваются ничтожной платой за ученіе съ учениковъ (частныя школы). Тѣ и другія школы составляютъ едва ли не древнѣйшія училища на Руси, гдѣ народъ, помимо всякихъ мѣръ правительства, учился грамотности. Наши школы при церквахъ, «у дьяковъ и у поповъ» возникли съ введеніемъ христіанства на Руси и поддерживались изъ вѣка въ вѣкъ самимъ народомъ. Онѣ чужды были регламентаціи, какъ и частныя школы начетниковъ, грамотѣевъ, грамотныхъ мужчинъ и женщинъ; но народъ находилъ въ нихъ то, чего искалъ. Въ

*) Въ этомъ отношеніи наше земство щедро. Оно, кромѣ того, участвуетъ иногда не только въ устройствѣ учительскихъ семинарій, но классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ, имѣетъ стипендіи даже въ университетахъ и академіяхъ.

разные періоды жизни отечества нашего, онѣ терпѣли разныя измѣненія; но не будь ихъ, народъ въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ оставался бы безъ образованія. До Петра эти школы возникали и развивались вольно; съ Петра правительство многократно пыталось наложить на нихъ руку свою, подчинить ихъ своей опекѣ и регламентаціи. Особенно сильно это стремленіе сказалось въ эпоху минувшаго царствованія, когда школы эти и вообще частное обученіе народа строго преслѣдовалось и вмѣнялось въ преступленіе. Обусловливалось это, отчасти, взглядами тогдашней эпохи, всѣмъ складомъ государственной жизни, отчасти «крѣпостнымъ правомъ». Повидимому, было опасеніе, чтобы народъ не узналъ болѣе того, что ему надо знать и не сталъ выше того положенія, въ какомъ онъ находился. Положеніе же это, какъ извѣстно, было дѣйствительно тяжелымъ; но въ существѣ дѣла народу было не до ученья.

Со вступленіемъ на престолъ Александра II-го и особенно съ освобожденіемъ, народъ вздохнулъ свободно и опять появились эти призванные и признанные народомъ, но перегистрованные учителя, обучающіе «у себя на дому», а иногда и просто бродящіе изъ дома въ домъ.

Земство, интересуясь возможно широкимъ распространеніемъ грамотности и, находя въ частномъ обученіи облегченіе своей задачи, оказывало помощь и этимъ учителямъ. Такъ Орловское (Вятск.) земство ассигновало вознагражденіе всѣмъ обучающимъ у себя на дому по 5 р. за каждаго обученнаго грамотѣ внѣ школы ученика. Котельническое земство выдавало также по 5 р. за учащагося у вольныхъ учителей и, кромѣ того, по 10 р. за каждаго ученика и ученицу, успѣшно окончившихъ курсъ. Тверское, Кашинское, Старицкое и Бѣжецкое земства пришли къ убѣжденію, что учрежденіемъ однихъ земскихъ школъ невозможно достигнуть всеобщности грамотности и потому однимъ изъ главныхъ средствъ къ этой цѣли признали школы грамотности (приходскія), которыя, какъ заявило Бѣжецкое земство, «хотя и существовали, но считались какъ бы *незаконными*» и не представляли свѣдѣній о своемъ существованіи. На дѣлѣ ихъ оказалось не мало. Обозрѣвавшій ихъ по Кашинскому уѣзду, гласный П. П. Максимовичъ сообщалъ намъ лично, что многія изъ этихъ школъ были поставлены весьма скудно и плохо; но земство, принявъ въ нихъ участіе, подняло ихъ какъ нравственно, такъ и въ учебномъ отношеніи.

Иныя земства оказывали помощь этимъ школамъ подъ извѣстными условіями, напр., одобрительнаго о нихъ отзыва инспекціи (Уржумское з.), подъ условіемъ годичнаго курса (Яранское), причемъ за каждаго ученика, выдержавшаго испытаніе на льготу, выдавалось особое вознагражденіе (Яран. по 10 р.); другія земства прямо вносили въ свои смѣты ассигновки «на школы грамотности» (Чистопольское, Каз. г.); Весьегонское земство, въ цѣляхъ подъема этихъ школъ, проектировало рекомендовать въ эти школы способнѣйшихъ учениковъ, окончившихъ съ успѣхомъ курсъ училищъ, по указанію учителей. Наконецъ, если земство извѣщалось объ успѣхахъ частнаго обученія крестьянами, то оно оказывало имъ возможную помощь (Костр. з.). Нѣкоторыя земства (Яранское, сессія 1877 г.) дѣлали даже попытку регулировать эти школы, усилить за ними надзоръ, требованія отчетности, но и безъ участія земства, нынѣ, школы эти часъ отъ часу стѣсняются и, такъ-сказать, вымираютъ (или, быть можетъ, замираютъ, скрываются) подъ вліяніемъ надзора правительственнаго.

Что сказать о покровительствѣ этимъ школамъ?—Остановиться на нихъ земству, конечно, невозможно; считать ихъ, такъ сказать, основою народнаго образованія нельзя; онѣ даютъ слишкомъ мало. Но если даже что-нибудь даютъ, то и тогда нѣтъ повода отрицать ихъ пользу, а слѣдовательно, нѣтъ и основаній отказывать имъ въ поддержкѣ, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя не требуетъ особенныхъ затратъ.

Эти безымянныя и безвѣстныя, самодѣльныя школы—суть вполнѣ школы *народныя* и намъ думается, что слѣдовало бы ихъ вполнѣ предоставить самому народу, не отказывая въ помощи, если таковая требуется.

Пусть земство устрояетъ *свои* школы, образцовыя, правильно организованныя; будутъ онѣ хороши, полюбятся народу и онъ охотно поведетъ въ нихъ дѣтей своихъ; а рядомъ пусть идутъ и эти безымянныя школки: чѣмъ больше средствъ для просвѣщенія тѣмъ лучше.

Когда-то, исходя отъ теоретическихъ воззрѣній, мы сами сильно возставали противъ этихъ безымянныхъ школъ, считая ихъ вліяніе вреднымъ, но время, опытъ и размышленіе убѣдили насъ и утвердили въ той мысли, что лучше этому дѣлу, чисто-народному, не мѣшать. «Все течетъ свободно въ природѣ; да не будетъ насилія и въ дѣлахъ человѣческихъ», говорилъ великій учитель

славянскаго міра Коменскій. Мы полагаемъ также, что предполагаемый вредъ упомянутыхъ школъ преувеличенъ; въ крайнемъ случаѣ, онѣ учатъ тупо и туго, порою совсѣмъ не научаютъ ребятъ; но, въ такомъ случаѣ, народъ и самъ ихъ оставитъ; правоспособность же обучать грамотѣ, кажется, надо бы предоставить всякому грамотному, иначе придется и родителямъ брать свидѣтельство на право обученія своихъ дѣтей.

Изъ всѣхъ видовъ школъ наибольшимъ расположеніемъ земствъ пользуются школы *образцовыя*, одноклассныя и двухклассныя. Къ сожалѣнію, неопредѣленность правъ земства въ завѣдываніи этими школами много тормозило дѣло. тѣмъ не менѣе очень многія земства дѣлали на нихъ ассигновки, а иныя, выходя изъ той мысли, что лучше имѣть не много школъ, но хорошихъ,— даже ограничивались устройствомъ однѣхъ образцовыхъ школъ, что, конечно, представляло крайность. Такой системы держалось въ 1876 г. Херсонское земство.

Выше мы уже охарактеризовали отчасти значеніе образцовыхъ школъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ то время, какъ изъ школъ грамотности часто выходятъ недоучки, малограмотные, неразвитые ученики, иногда и порченные, образцовыя школы обезпечиваютъ народу не только грамотность, но и необходимыя для него свѣдѣнія и общее развитіе, вмѣстѣ съ льготами по исполненію воинской повинности. На ученикахъ этихъ школъ народъ наглядно можетъ видѣть пользу обученія и практическую его пригодность въ жизни. Но такъ какъ эти школы обходятся пока не дешево, то и земство по необходимости должно ограничиваться небольшимъ ихъ числомъ и притомъ въ мѣстностяхъ центральныхъ, густонаселенныхъ. Оставлять ради этихъ школъ остальныя безъ пособія—нѣтъ никакихъ, поэтому, основаній.

Другую заботу земства составляетъ устройство *ремесленныхъ школъ*, или ремесленныхъ классовъ при школахъ. Побужденія земства въ этомъ дѣлѣ весьма почтенны и уважительны. Ремесла доселѣ еще у насъ мало распространены, а гдѣ и существуютъ, то находятся въ первобытномъ состояніи; между тѣмъ, ремесленныя производства могли бы послужить великимъ подспорьемъ для бѣдняка-крестьянина, который нерѣдко, цѣлыя зимы, выживаетъ дома, не имѣя возможности найдти подходящую работу.

Сколько можно судить по отчетамъ земствъ, главнѣйшими ремеслами въ народныхъ школахъ служатъ слѣдующія производ-

ства: плотничное, столярное, токарное, рѣзное, сапожное, башмачное, портняжное, шапочное, слесарное, кузнечное, переплетное, малярное, колесное и бондарное. Въ женскихъ школахъ—рукодѣльное, швейное, вышивное, кроечное, вязальное.

Въ разныхъ мѣстностяхъ требуются и разныя мастерства, которыя иногда составляютъ кустарный промыселъ населенія. Ремесленное обученіе у насъ еще ново. Въ прежнее время, оно практиковалось исключительно у «мастеровъ», которымъ отдавали дѣтей «на выучку», причемъ кромѣ мастерства дѣти ничему не учились, даже грамотѣ. Теперь, ремесленное обученіе является въ двухъ главныхъ формахъ: или въ видѣ дополнительныхъ *классовъ* при школахъ, или въ видѣ особыхъ ремесленныхъ *училищъ*. Наконецъ, иныя земства устраиваютъ ремесленные *пріюты* для дѣвочекъ и мальчиковъ *), а другія назначали пособіе на отдачу дѣтей *въ науку* мастерамъ (Соликамское з.).

По новости дѣла и неизвѣстности результатовъ его, не представляется возможности высказать о немъ рѣшительный приговоръ; но нельзя не пожелать, чтобы земства, не смотря на неудачи первыхъ опытовъ, настойчиво шли къ цѣли въ организаціи ремесленнаго обученія, въ виду его несомнѣнной пользы для народа.

Рядомъ съ заботой о ремеслахъ является забота земства о подъемѣ *сельско-хозяйственнаго* дѣла въ народѣ, орудіемъ для чего можетъ и должна также служить школа. Необходимость подъема *сельско-хозяйственныхъ знаній* въ народѣ земствами сознается все болѣе и болѣе, вызывая заявленія объ учрежденіи *училищъ* и *курсовъ* съ этими цѣлями. Такъ Хотинское земство опредѣлило ходатайствовать объ устройствѣ въ одномъ изъ монастырскихъ имѣній низшаго сельско-хозяйственнаго училища **).

*) Въ 1876 г. ремесленные *классы* устроивали земства: Вельское, Ростовское на Дону, Тетюшское, Казанское, Чебоксарское, Соликамское, Мензелинское, Черниговское, Борзенское, Кролевецкое, Сосницкое, Хотинское, Вятское, Екатеринославское, Бахмутское, Мещовское, Фатежское, Московское (техническое рисованіе), Крестецкое, Верхотурское, Осинское, Смоленское, Херсонское и др. Собственно же ремесленныя училища имѣли земства: Орловское (Вятск. губ.), Слободское, Уржумское, Яранское, Александровское, Полтавское, Псковское, Черниговское, Ясское, Котельническое, Полинское, Донское, Козмодемьянское, Клинское, Екатеринбургское, Ирбитское, Тверское.

Ремесленные пріюты были у земствъ: Вятскаго, Смоленскаго (рукодѣльная школа), Воронежскаго и др. Свѣдѣнія эти, конечно, не полны, но, къ сожалѣнію, пополнить ихъ пока мы не имѣли возможности.

**) *Сборн. Бессар. Земства*. 1877 г. № 5, стр. 41.

Коротоякское (Ворон. губ.) земство находитъ необходимымъ введеніе сельско-хозяйственнаго элемента въ школы, въ цѣляхъ расположить къ послѣднимъ населеніе. «Одна грамотность мало расширяетъ кругозоръ учащихся, замѣчаетъ управа, нужно стремиться развивать учениковъ, чему мѣшаетъ, какъ узкость программъ, такъ и невѣжество учителей. Чтобъ убѣдить народъ въ пользѣ образованія, ему нужно дать осязательные мѣры; вотъ почему школа должна дать примѣнимыя къ жизни свѣдѣнія, способствующія возвышенію матеріальнаго благосостоянія; поэтому преподаваніе началъ раціональнаго хозяйства рѣшительно необходимо» *). Но тутъ земство невольно наталкивается на вопросъ о малоподготовленности учителей для этой цѣли, о необходимости устройства земской «сельско-хозяйственной учительской семинаріи», опытъ устройства которой сдѣланъ былъ Вятскимъ земствомъ. Хотинское земство, не останавливаясь на предположеніяхъ объ устройствѣ самостоятельныхъ сельско-хозяйственныхъ училищъ, открыло при 8 школахъ ремесленные классы. По мнѣнію Херсонскаго земства, экономическая жизнь нашего населенія страдаетъ отъ сосредоточенія всѣхъ силъ на одномъ земледѣліи. Необходимо, рядомъ съ улучшеніемъ сельско-хозяйственнаго дѣла, введеніе кустарной промышленности. Садоводство и огородничество также могло бы служить источникомъ доходовъ, но они находятся въ упадкѣ. Вообще положеніе народнаго хозяйства таково, что ясно указываетъ на необходимость ввести, какъ ремесла, такъ и сельско-хозяйственный элементъ въ народныя школы и въ учительскія семинаріи. Земство желаетъ тѣ и другія сдѣлать орудіями для подъема экономическаго быта народа. Если изъ учительскихъ семинарій будутъ выходить люди, теоретически и практически понимающіе сельско-хозяйственное дѣло, ознакомившіеся съ улучшеніями въ немъ; если при этомъ учителямъ открыта будетъ возможность практически, на отведенной при училищѣ усадьбѣ, заняться хозяйствомъ, завести ферму, садъ и огородъ, то и въ школахъ можно будетъ практически пріучать учениковъ къ раціональному хозяйству, садоводству, огородничеству. Вопросъ здѣсь только о формахъ и объемѣ этого обученія, а также объ отношеніи его къ общеобразовательному курсу. По нашему убѣжденію, не полезно мѣшать курсы спеціальные и общеобразовательные: можетъ статься то, что бываетъ въ погонѣ за

*) *Земскій Ежегодникъ* за 1876 г. стр. 676.

двумя зайцами. Лучше было бы сперва учащимся окончить курсъ начальныя школы, а затѣмъ проходить курсъ сельско-хозяйственный. Ученики подростутъ, разовьются, пріобрѣтутъ нѣкоторыя знанія и получатъ возможность разумно усвоить то, что имъ будетъ преподано изъ ремеслъ и хозяйства. Мы не отрицаемъ, впрочемъ, возможности внести сельско-хозяйственный элементъ и вообще въ школьное преподаваніе, но подъ условіемъ извѣстной мѣры, дабы не было препятствій къ основательному усвоенію курса общеобразовательнаго. Но это—сложный вопросъ и мы надѣемся посвятить ему особую статью.

Съ неменьшимъ сочувствіемъ мы должны отмѣтить помощь земства въ учрежденіи школъ *для взрослыхъ*—вечернихъ и воскресныхъ. Дѣло это, теперь, при исключительныхъ условіяхъ переживаемой нами эпохи, встрѣчаетъ много препятствій; но оно имѣетъ будущность и нельзя не порадоваться, что земства наши не отказываютъ ему въ средствахъ и поддержкѣ. Наконецъ, мы должны еще указать на попеченіе земства объ образованіи *дѣвочекъ*, что также составляетъ неотложную потребность жизни.

Недостатокъ *женскихъ школъ* составляетъ прискорбное и почти повсюдное явленіе. Сравнивая число школъ для мальчиковъ и для дѣвочекъ, поражаешься полнымъ ихъ несоотвѣтствіемъ. Напр., во Владимірской губ., за 1877 г., на все число школъ—(369) женскихъ значится *24 школы*. Въ Вязниковскомъ уѣздѣ (Влад. г.), одна учащаяся дѣвочка приходится на 490 чел. женскаго пола. Въ Воронежской губ., число учащихся дѣвочекъ такъ мало, что земское собраніе 1877 г. поручило по этому предмету выработать особыя мѣры къ привлеченію дѣвочекъ въ школы. По имѣющимся даннымъ за 1877 г., отношеніе числа учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ и числа школъ мужскихъ и женскихъ въ разныхъ губерніяхъ было не одинаково, но вездѣ не въ пользу дѣвочекъ. Напр., въ Воронежской губ., на 24.801 учащихся мальчиковъ приходилось всего 2.410 дѣвочекъ; въ Екатеринославской губ., на 18.306 учащихся, дѣвочекъ было 2.120, а женскихъ школъ въ губерніи было 15. Въ Орловской губ. на 21.138 учащихся мальчиковъ, было только 1.736 дѣвочекъ. Въ Полтавской губ. на 25 т. учащихся мальчиковъ, дѣвочекъ значилось въ школахъ 2 т.; въ Тульской—на 22.388, значилось дѣвочекъ 2.102. Въ частностяхъ можно бы указать не только села, но цѣлыя волости, гдѣ нѣтъ ни одной грамотной дѣвочки. Напр., Яранская управа въ докладѣ земскому собранію за 1877 г. сообщила, что

учащіеся мальчики были изъ 630 селеній, а дѣвочки—изъ 155 селеній. стало быть 1.259 селеній уѣзда не представили въ училища ни одного мальчика, и 1.744 селенія—ни одной дѣвочки въ школы*). И это въ губерніи, которая считается передовою въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ приложенныхъ къ Земскому Ежегоднику за 1877 г. таблицахъ мы находимъ, что въ Бахмутскомъ, напр., уѣздѣ учащихся дѣвочекъ было всего 71, а женскихъ школъ ни одной; въ Боровскомъ уѣздѣ (Калуж.), учащихся дѣвочекъ 8, а женскихъ школъ ни одной; въ Клинскомъ уѣздѣ (Моск.), учащихся дѣвочекъ 40 на весь уѣздъ; въ Богородскомъ у. (Тульск.), на весь уѣздъ 12 дѣвочекъ. Понятно, что земство не могло отнестись безучастно къ подобному положенію дѣла.

Съ вопросомъ о грамотности матерей кореннымъ образомъ связана грамотность всего народа. да и не одна грамотность, но подъемъ нравственнаго и семейнаго быта. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ, съ одной стороны, предубѣжденія и апатія, съ другой, надолго еще отлагаютъ полное осуществленіе стремленій земства въ этомъ дѣлѣ. Но спасибо ему и за то, что оно дѣлаетъ при данныхъ условіяхъ.

Намъ остается еще упомянуть о помощи земства городскимъ училищамъ. Помощь эта оказывается очень многими земствами. Вмѣстѣ съ ассигновками на среднія, а иногда и высшія учебныя заведенія (въ видѣ стипендій), нерѣдко встрѣчаются назначенія и на городскія училища. Конечно, и это дѣло полезное; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эти училища имѣютъ свой особый источникъ средствъ въ доходахъ городовъ, жители которыхъ этими училищами и пользуются; при этомъ земство, расходуя суммы на городскія училища, не имѣетъ никакихъ правъ контроля. Казалось бы лучше направлять земскія средства туда, гдѣ въ нихъ болѣе нужды и гдѣ безъ нихъ само населеніе не въ силахъ создать для себя школы.

Окидывая общимъ взглядомъ отношеніе земства къ поддержкѣ школъ существующихъ, мы видимъ его домовитымъ и не скупымъ хозяиномъ, который цѣнитъ все доброе, откуда бы оно не исходило, и всегда готовъ сочувственно отозваться на всякое полезное дѣло. Земская дѣятельность этой категоріи—говоримъ о поддержкѣ школъ — довольно отрывочна и почти случайна; но едва ли можно. да едва ли и желательно, именно здѣсь, педантически

*) *Зем. Ежег.* 1877 г. п. 2729.

слѣдовать извѣстной, разъ навсегда установленной системѣ. Земство идетъ съ своею помощью туда, гдѣ есть нужда. Пожелаемъ, чтобы земство навсегда сохранило эту добрую черту своей дѣятельности и было бы всегда чуткимъ и отзывчивымъ на всѣ нужды нашихъ бѣдныхъ школъ.

III.

Устройство школьныхъ зданій.

Какъ въ открытіи школъ, такъ и въ устройствѣ школьныхъ зданій, земства дѣйствуютъ неодинаково. Одни изъ нихъ предоставляютъ устройство школьныхъ зданій сельскимъ обществамъ, ограничиваясь лишь выдачею имъ денежныхъ средствъ, безъ всякихъ условій, ограниченій и обязательствъ; другіе, напротивъ, сами строятъ зданія, а если и предоставляютъ постройку мѣстнымъ обществамъ, то не иначе, какъ подъ условіемъ, напр., принятія извѣстнаго плана отъ земства, или вообще разсмотрѣнія и исправленія плана зданій отъ обществъ, или подъ другими условіями. При этомъ одни земства выдаютъ деньги на устройство школъ изъ текущихъ земскихъ сборовъ; другія учреждаютъ для этой цѣли особый строительный *фондъ:* далѣе, одни земства выдаютъ ссуды безвозвратно, другія же, напротивъ, съ требованіемъ возврата, чаще всего въ видѣ долгосрочнаго безпроцентнаго займа.

При этомъ нѣкоторыя земства, въ виду важности вопроса и значительности расходовъ на устройство школьныхъ зданій, назначали особыя коммиссіи для выработки на этотъ предметъ особыхъ руководящихъ правилъ. Между другими земствами выдается въ этомъ отношеніи Московское, которое, при участіи покойнаго кн. Черкасскаго, выработало весьма обстоятельныя на этотъ предметъ правила. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ.

Земство увеличиваетъ фондъ на устройство школъ до 80 т. р.

Губернское земство оказываетъ пособіе уѣзднымъ земствамъ, волостнымъ и сельскимъ обществамъ на устройство школьныхъ помѣщеній, въ видѣ *безвозвратнаго отпуска* денегъ изъ суммъ, которыя ассигнованы будутъ на этотъ предметъ по смѣтѣ и въ видѣ *безпроцентныхъ ссудъ* изъ особаго на этотъ предметъ фонда. Безвозвратное пособіе оказывается не свыше 500 р. на школу:

въ губернскую смѣту ежегодно вносится 19.500 р. такъ, чтобы ежегодно могло быть оказываемо пособіе не менѣе 39 школамъ (т. е. по 3 школы на уѣздъ).

Ходатайства сельскихъ и волостныхъ обществъ о выдачѣ безпроцентныхъ пособій представляются въ уѣздныя управы и разсматриваются въ уѣздныхъ собраніяхъ, равно какъ и предложенія управъ о подобныхъ ходатайствахъ. Уѣздное собраніе, удостовѣрившись, что постройка школъ въ данной мѣстности необходима, и что имѣются въ виду и другія средства, кромѣ пособія изъ губернскихъ суммъ для означенныхъ построекъ, постановляетъ, въ какой очереди поступившія ходатайства должны быть удовлетворены и въ какомъ размѣрѣ, не свыше 500 руб. на школу, и сообщаетъ свое постановленіе городской управѣ.

Губернская управа, по разсмотрѣніи поступившихъ ходатайствъ, удовлетворяетъ *три* по каждому уѣзду поставленныя въ первую очередь ходатайства, буде не встрѣтитъ причинъ для ихъ отклоненія, и препровождаетъ суммы въ уѣздныя управы. Если бы однако не всѣ уѣзды потребовали пособія на три школы (что было бы весьма странно и прискорбно, замѣтимъ мы) и если бы нѣкоторые изъ нихъ потребовали пособія не въ полномъ размѣрѣ, то остатки отъ ассигнованной суммы разверстываются по усмотрѣнію губернской управы между уѣздами, ходатайствующими о пособіи болѣе, чѣмъ на три школы. Уѣздныя управы выдаютъ обществамъ назначенное пособіе, по мѣрѣ производства построекъ и получаютъ отъ нихъ общественный приговоръ въ томъ, что выданное изъ губернскихъ суммъ пособіе не можетъ быть употреблено ни на какой предметъ другой, кромѣ постройки школы.

Заимообразныя ссуды изъ спеціальнаго школьнаго фонда производятся въ размѣрѣ не свыше 500 р. на школу, и выдаются безъ процентовъ, съ разсрочкой уплаты на 10 л. и съ обязательствомъ вносить ежегодно, къ 1 октября, $^1/_{10}$ часть ссуды. Въ случаѣ неуплаты въ срокъ выданной суммы, заемщикъ обязанъ внести, въ видѣ неустойки, еще 6% съ причитающагося съ него взноса.

Ссуды выдаются уѣзднымъ земствамъ или обществамъ за ручательствомъ уѣздныхъ собраній и въ распоряженіе управы, которая обязана слѣдить, чтобы деньги употреблялись дѣйствительно на устройство школъ и чтобы постройка производилась согласно предложеннымъ губернской управой гигіеническимъ условіямъ. Объ окончаніи постройки управа обязана увѣдомить губернскую управу.

Школьное зданіе, построенное съ пособіемъ отъ земства, можетъ быть продано или отдано въ наймы не иначе какъ съ разрѣшенія губернскаго земскаго собранія.

Намъ кажется, что выработанныя Московскимъ земствомъ основанія для устройства школъ должны быть признаны образцовыми и заслуживаютъ самаго широкаго распространенія. Идя къ цѣли ясно намѣченнымъ путемъ, земство съ увѣренностію можетъ разсчитывать на успѣхъ въ будущемъ. Основывая ежегодно хотя по 3 благоустроенныхъ школы въ уѣздѣ, черезъ 10 лѣтъ оно будетъ имѣть ихъ по 30 въ уѣздѣ и т. д.; въ то же время, оказывая поддержку и другимъ начинаніямъ въ этомъ дѣлѣ, земство является возбудителемъ и покровителемъ всѣхъ мѣстныхъ силъ и стремленій на пользу образованія народа. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ земства въ устройствѣ школъ оказались такъ ревностными и практичными. Такъ, напр., хотя многія земства поднимали вопросъ объ училищномъ фондѣ, но не многія рѣшились его осуществить, между тѣмъ фондъ является единственнымъ средствомъ оградить школы отъ колебаній и случайностей. Чаще всего встрѣчаются дѣйствія отрывочныя, хотя и благія, но неимѣющія гарантій въ будущемъ. Напр. Новгородское земство сознаетъ потребность въ помощи сельскимъ обществамъ при устройствѣ школъ, но ассигнуетъ на эту помощь всего 300 р. «для выдачи безпроцентныхъ ссудъ», причемъ еще установляетъ плату за обученіе (по 1 р. съ школьника) для усиленія школьныхъ средствъ. Трубчевское земство открыло (въ 1877 г.) кредитъ ежегодно на 1,500 р., для выдачи сельскимъ обществамъ ссудъ (на 5 лѣтъ) въ размѣрѣ 300 р. на училище, безъ указанія условій выдачи ссудъ. Козловское земство ассигновало 10 т. р. на тотъ же предметъ, причемъ положило ограничить размѣръ ссуды до $^3/_4$ стоимости построекъ, на 10 лѣтъ, подъ условіемъ утвержденія управой плана школы и наблюденія за ходомъ построекъ и расходованіемъ денегъ. Калязинское земство (въ 1876 г.) постановило въ теченіе 3 лѣтъ выстроить 32 училищныхъ зданія, стоимостью отъ 1,200 до 1,500 руб., съ пособіемъ отъ земства по 500 руб., на средства сельскихъ обществъ, для чего сдѣлало заемъ у губернскаго земства, въ дополненіе къ своимъ средствамъ. Въ 1878 г. было уже выстроено 12 училищъ.

Срочныя ссуды съ возвратомъ выдавали земства Верхнеднѣпровское (срокъ на годъ), Волоколамское (заемъ изъ губернскихъ суммъ, съ уплатою процентовъ и погашенія по срокамъ), Клин-

ское; Спасское з. выдаетъ на школьныя зданія безпроцентныя ссуды, на 5 л., изъ особаго капитала въ 5 т. р., взятаго съ землевладѣльцевъ за несвоевременный взносъ земскаго сбора;— Шлиссельбургское з. выдавало отдѣльнымъ обществамъ ссуды на устройство училищъ безъ процентовъ (такъ оно выдало д. Сенявиной 700 р. на 10 л. безъ процентовъ). Затѣмъ, то-же земство, находя устройство каменныхъ зданій для школъ необходимымъ, поручило управѣ ходатайствовать предъ губ. собраніемъ о выдачѣ Шлиссельбургскому земству ссуды изъ страховаго капитала, въ размѣрѣ 2,500 р. безъ процентовъ на 5 л., на постройку *одной* школы въ уѣздѣ.

На системѣ ссудъ остановилось и Псковское земство, но оно практиковало ее въ трехъ формахъ: а) постройкою школъ изъ бывшихъ сельскихъ магазиновъ, причемъ предоставлялось управѣ, если бы она не нашла удобнымъ перестроивать хлѣбные магазины, продать ихъ и деньги обратить на строительный фондъ; б) постройкою чрезъ частныхъ лицъ, по соглашенію съ управой и в) посредствомъ займа съ погашеніемъ въ 36 л.

Иныя земства даютъ средства на устройство школъ подъ условіемъ дарственной записи на школьныя зданія въ пользу земства (Козмодемьянское земство). Къ *безвозвратнымъ* ссудамъ слѣдуетъ отнести всю массу ассигновокъ на школы безъ особыхъ условій, а такихъ большинство.

Мы уже говорили, что подобныя ассигновки говорятъ о томъ, что земства не интересуются школами и результатами своихъ расходовъ, утверждаютъ смѣты, лишь бы сдать дѣло съ рукъ. Но есть и такія земства, которыя совсѣмъ устраняютъ себя отъ устройства школьныхъ зданій.

Такъ Новоладожское земство держится той мысли, что «ему не слѣдуетъ приступать къ возведенію какихъ-либо училищныхъ зданій вновь, такъ какъ это дѣло самихъ обществъ».*) При этомъ, согласно предложенію управы, оно положило объявить сельскимъ обществамъ, давшимъ приговоры на открытіе школъ, что они сами обязаны пріискать квартиры съ отопленіемъ и прислугой, удобныя для помѣщенія школъ и учителей, и вносить ежегодно въ пособіе по 100 р. непремѣнно въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ года, подъ опасеніемъ перевода школы въ другую мѣстность, которая согласится выполнить всѣ эти условія. Въ этомъ случаѣ,

*) *Зем. Ежег.* стр. 824.

земство упустило изъ виду, что своимъ вліяніемъ и содѣйствіемъ оно могло бы содѣйствовать появленію школъ въ уѣздѣ вполнѣ благоустроенныхъ, отвѣчающихъ требованіямъ педагогики и гигіены. Къ счастію, Новоладожское земство является одинокимъ среди земствъ, большинство которыхъ выдавали ссуды на постройки школъ подъ условіемъ, чтобы *зданія* строились *по указанію земствъ*.

Таково постановленіе Верхнеднѣпровскаго собранія. Боровичское земство, назначивъ 5.500 р., постановило: «строители школъ, которые будутъ просить пособія отъ земства, должны представлять предварительно планы, причемъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы классное помѣщеніе было достаточно для 50 учениковъ. Спасское (Ряз. г.) земство составило образцовые планы со смѣтами для училищъ разнаго объема (на 60, 100, 120 и 150 учен.), и постановило выдавать пособія лишь тѣмъ обществамъ, которыя выберутъ одинъ изъ такихъ плановъ. Къ сожалѣнію, мы не нашли разъясненій относительно этихъ плановъ въ сборникѣ земства.

Нѣкоторыя земства соглашаются на постройку училищныхъ зданій только по *предварительномъ осмотрѣ избранной мѣстности* управой, совмѣстно съ училищнымъ совѣтомъ и врачемъ. Таково постановленіе Мамадышскаго земства.

Во всѣхъ этихъ условіяхъ сказывается желаніе земства обезпечить гигіеническое устройство школъ, сдѣлать затраты на нихъ наиболѣе производительными. Земства стали приходить къ мысли, что, помогая устройству школъ, они вправѣ требовать устройства такихъ зданій, которыя удовлетворяли бы правиламъ гигіены и соотвѣтствовали бы цѣли, для которой предназначаются. Къ сожалѣнію, разработка этихъ требованій многими земствами была упущена изъ виду; между тѣмъ, забота о здоровьѣ учащихся теперь особенно благовременна, въ виду доказаннаго вреда школъ дурно устроенныхъ на дѣтское здоровье. Поэтому мы считаемъ полезнымъ привести здѣсь цѣликомъ проектъ гигіеническаго устройства сельскихъ школъ, выработанный съѣздомъ врачей Московскаго земства. Нѣтъ нужды прибавлять, что этотъ проектъ представляетъ desiderata школьныхъ зданій и что, въ примѣненіи его къ мѣстнымъ условіямъ, онъ неизбѣжно можетъ подвергаться видоизмѣненіямъ. Въ цѣломъ видѣ, предлагаемый проектъ особенно рекомендуется для образцовыхъ школъ; что же касается школъ съ ограниченными средствами, то хорошо будетъ, если онѣ хотя

въ нѣкоторой степени приблизятся къ нормальному типу школьныхъ зданій *).

Мы очень хорошо знаемъ, что предположеніе о гигіеническомъ устройствѣ сельскихъ школъ имѣютъ многихъ противниковъ, между которыми находятся люди весьма почтенные и стоящіе даже въ числѣ друзей школы; но мы всегда стояли и будемъ стоять

---

*) *Правила для постройки школьныхъ домовъ въ семеніяхъ.* 1) Школа должна быть располагаема на сухомъ и возвышенномъ мѣстѣ, вдали отъ лужъ, прудовъ, болотъ, отъ всякихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній и не ближе, какъ въ 12-ти саженяхъ отъ какого бы то ни было строенія. 2) При школѣ должно находиться мѣсто удобное для прогулокъ учениковъ—садъ, лужокъ или площадка, обсаженная деревьями; на этой площадкѣ слѣдуетъ устраивать нѣкоторыя приспособленія для гимнастики (шестъ для лазанія, лѣстницу и канатъ), а зимою дѣлать катокъ.—Величина площадки должна быть такова, чтобы на каждаго ученика приходилось не менѣе одной квадратной сажени пространства. Желательно, чтобы нѣкоторая часть этой площадки была закрыта навѣсомъ, для защиты учениковъ отъ дождя и жары. 3) Домъ, устраиваемый для школы, долженъ быть деревянный или каменный (въ послѣднемъ случаѣ, хорошо высушенный), одно-этажный или съ мезониномъ (для квартиры учителя). Стѣны дома, если онъ деревянный, должны быть построены изъ сухаго лѣса, толщиною не менѣе пяти вершковъ и хорошо проконопачены; потолки должны быть сбиты изъ достаточно толстаго, половинчатаго лѣса, хорошо промазаны глиною и засыпаны землей, или чѣмъ-нибудь другимъ, плохо проводящимъ тепло (гречишной лузгой напр.); полы должны быть двойные, клееные щитами изъ сухихъ досокъ, покрытыхъ затѣмъ олифою. Разстояніе отъ земли до наката должно быть не менѣе аршина; подполье должно быть сухо и удобопровѣтриваемо. Оклейка стѣнъ обоями не допускается. Полы должны быть вымываемы еженедѣльно.—(Рекомендуются: крупный сосновый паркетъ (штучный полъ); штукатурка стѣнъ, какъ снаружи, такъ и внутри; войлочная простилка между полами). 4) Размѣры классныхъ комнатъ, при высотѣ не менѣе десяти футовъ, должны быть таковы, чтобы на каждаго ученика приходилось не менѣе пятнадцати квадратныхъ футовъ площади пола и не менѣе ста пятидесяти кубическихъ футовъ вмѣстимости; форма комнаты—прямоугольникъ, ширина котораго относится къ длинѣ, какъ 3 къ 4. (Сто пятьдесятъ футовъ допущены, какъ minimum; слѣдуетъ довести до 250-ти). 5) Вверху стѣнъ каждой классной комнаты (подъ потолкомъ) должны быть устроены вентиляторы, не менѣе 16 квадр. вершковъ въ разрѣзѣ, и не менѣе двухъ въ каждой комнатѣ. Отверстія вентиляторовъ должны быть затянуты мелкой металлической сѣткой и закрыты крышкою, которая должна быть отворяема во время классовъ, смотря по погодѣ. Наружные выходы вентиляторовъ должны быть снабжены жестяными навѣсами или флюгерками отъ непогоды. 6) Въ окнахъ каждой классной комнаты должны быть устроены форточки, величиною въ одно дѣленіе оконнаго переплета и не менѣе двухъ на каждый классъ. Форточки эти отворяются во время перемѣнъ. 7) Печи въ классныхъ комнатахъ должны быть голландскія, съ топкою, обращенною въ классную комнату. Каждая печь должна быть снабжена вытяжной трубой не менѣе 16 квадр. вершковъ въ разрѣзѣ, устроенною внизу печи и отворяемою во время классовъ. Утермарковскія, желѣзныя и русскія печи въ классыхъ комнатахъ не допускаются. 8) Свѣтъ въ классныхъ комнатахъ долженъ падать на столы съ лѣвой стороны и отчасти (въ случаѣ на-

за дѣло, которое, по нашему убѣжденію, право и полезно. Школа—дѣтскій храмъ. Внѣшняя обстановка ея должна гармонировать съ ясностію дѣтской души, съ свѣтлыми и высокими задачами образованія. Но, воспитывая дѣтей умственно и нравственно, школа не имѣетъ права уродовать ихъ физически, убивать дѣтское здоровье, заставляя учащихся просиживать цѣлые дни въ темныхъ, грязныхъ, угарныхъ избахъ, гдѣ, при скученности и массѣ учениковъ, воздухъ насыщается углекислотою и отравляетъ дыханіе; гдѣ, сидя за нелѣпыми столами, ребенокъ получаетъ близорукость, кривобокость,—словомъ, гдѣ дѣти, пріобрѣ-

---

добности) сзади; окна справа и спереди отъ учениковъ не допускаются. Окна классныхъ комнатъ, въ нашей мѣстности, должны быть обращаемы на Ю. З. или Ю. В. и, во всякомъ случаѣ не на Сѣверъ. Нижній край оконъ долженъ отстоять отъ пола не менѣе, какъ на три фута. На каждый квадратный футъ площади пола должно приходиться не менѣе двадцати пяти квадратныхъ дюймовъ стеклянной поверхности окна.—Рекомендуется имѣть на окнахъ занавѣски изъ небѣленаго полотна или холста и устроенныя такъ, чтобы онѣ могли быть поднимаемы снизу вверхъ (наоборотъ сравнительно съ обыкновеннымъ устройствомъ). 9) Кромѣ классныхъ комнатъ, при школѣ должна быть свѣтлая теплая раздѣвальня, въ которой бы на каждаго ученика приходилось не менѣе пяти квадр. футовъ площади пола; кромѣ же раздѣвальни должны быть устроены сѣни или тамбуръ. Въ раздѣвальнѣ должны находиться вѣшалки для платья и умывальникъ, съ мыломъ, полотенцемъ и гребенкою. 10) Квартира каждаго учителя (въ одной связи со школою или въ мезонинѣ) должна состоять изъ жилаго помѣщенія, занимающаго не менѣе двухсотъ квадратныхъ футовъ, и кухни. Кухню учителя, въ которой можетъ жить и сторожъ школы, необходимо помѣщать такъ, чтобы запахъ изъ нея не проникалъ въ школу. 11) При школѣ должны быть устраиваемы, отдѣльныя для каждаго пола, отхожія мѣста, съ мочильницами (для мальчиковъ); они должны находиться въ отдѣльной пристройкѣ, отстоящей отъ школы не менѣе, какъ на пять саженъ и соединенной съ нею досчатой настилкою. Мочильницы должны быть смазаны смолою или дегтемъ. Очистка отхожихъ мѣстъ должна быть производима возможно чаще.—Рекомендуется: а) устраивать подвижныя бочки или ящики въ отхожихъ мѣстахъ, такъ чтобы испражненія, накопившіяся во время дня, могли быть ночью вывозимы; б) дезинфекцировать испражненія, вливая или всыпая въ нихъ ежедневно какое-нибудь изъ дезинфекцирующихъ средствъ. 12) При школѣ, но отдѣльно отъ дома, должны быть устраиваемы сарай для дровъ и погребъ, а кромѣ того, если при школѣ нѣтъ воды ближе, какъ на 50 саженъ, то долженъ быть вырытъ колодезь. 13) Каждая школа должна быть снабжена двухмѣстными школьными столами, трехъ разныхъ размѣровъ, сообразно возрасту и количеству учениковъ. Каждый ученикъ долженъ занимать не менѣе 20 дюймовъ по длинѣ скамейки. Наиболѣе удовлетворительной мебелью признаются столы съ отрицательной дистанціей, откидной доской (или съ откидной скамейкой), съ дифференціей, сообразной росту учениковъ (по таблицѣ Эрисмана), и съ поясничной спинкой. Обыкновенные столы и скамейки (кухонные) въ школахъ не допускаются. 14) При школѣ необходимо долженъ быть сторожъ, обязанный заботиться о чистотѣ комнатъ, топить печи, носить дрова и воду, прислуживать учителю и исполнять всѣ вообще черныя работы.

тая нѣкоторыя (часто сомнительной важности) знанія, теряютъ, неоспоримо важное, здоровье; откуда они выходятъ вялыми, истомленными, апатичными.

Современныя изслѣдованія медиковъ достаточно показали, что вредъ, приносимый дѣтскому здоровью школами, не только не маловаженъ, но весьма значителенъ.

Форсировать здоровьемъ молодыхъ поколѣній во имя той мысли, что русскій народъ крѣпокъ и все вынесетъ, едва ли благоразумно и справедливо. Результаты пріема новобранцевъ въ армію *), наблюденія врачей, постоянно усиливающаяся болѣзненность населенія и смертность дѣтей, говорятъ далеко не въ пользу предположенія о несокрушимомъ здоровьѣ народа, чтобы безрасчетно тратить это здоровье въ школѣ.

Другіе возстаютъ противъ благоустройства школъ и школьной обстановки, исходя изъ той мысли, что если школа должна готовить учащихся для жизни, то должна приспособляться къ тѣмъ условіямъ, въ какихъ живетъ народъ. Школьники дома живутъ неприглядно, въ нуждѣ, въ грязи и тѣснотѣ; находясь въ школѣ, въ другихъ условіяхъ и приличной обстановкѣ, они-де могутъ вынести нерасположеніе къ домашней жизни, отъ чего произойдетъ нежелательный разладъ семьи и школы.

Несостоятельность такого соображенія намъ кажется очевидной. Дома грязь и въ школѣ пусть будетъ грязь; но гдѣ же выходъ изъ этой вѣчной грязи? Идя дальше, воспроизводя въ школѣ условія семейной обстановки, мы зайдемъ далеко. Мы не только должны будемъ помѣстить школы въ избахъ тѣсныхъ, душныхъ, курныхъ, куда свѣтъ едва проникаетъ сквозь обледенѣлыя стекла маленькихъ оконъ; но должны будемъ ввести въ школу и систему истязаній, потому только, что дѣтей бьютъ дома....

Нѣтъ! Если школа должна вносить въ жизнь свѣтъ, то она должна идти *не за*, а впереди семьи. Пусть хотя въ школѣ ребенокъ пріобрѣтетъ навыкъ къ чистотѣ, порядку, аккуратности, если ихъ нѣтъ дома. Пусть онъ изъ школы выноситъ то же доброе и свѣтлое впечатлѣніе, то же смягчающее и облагораживающее вліяніе; какое выноситъ онъ изъ храма. Пусть идетъ онъ въ школу радостно, а сидитъ въ ней бодро, свѣжо и свободно, въ теплѣ; пусть грудь его дышетъ здѣсь чистымъ и свѣжимъ

*) Въ 1877 г. на 280 т. новобранцевъ, 50 тысячъ оказалось страдающими разными недугами, препятствовавшими поступленію на службу.

воздухомъ,—у него и голова будетъ свѣжѣй и сознаніе воспріимчивѣй!

Окидывая общимъ взглядомъ изложенные выше, разнообразные факты дѣятельности земствъ по открытію школъ и устройству школьныхъ зданій, мы видимъ, что въ этомъ разнообразіи есть нѣкоторая общая руководящая мысль. Въ самомъ дѣлѣ, въ открытіи школъ, за исключеніемъ немногихъ земствъ, назначающихъ ассигновки безъ мотивированія ихъ, какъ уже выше замѣчено было, земства держатся системы *условнаго участія* въ этомъ дѣлѣ. Условія эти разнообразны, но всѣ они разсчитаны на привлеченіе къ школьному дѣлу *мѣстныхъ обществъ*, на возбужденіе общаго къ нему интереса. Одни земства открываютъ школы на началахъ взаимнаго *соревнованія* принятыхъ единицъ—волости, округа, причемъ устанавливаютъ minimum числа школъ въ каждой изъ нихъ (по 2, по 3 школьника); другія обусловливаютъ открытіе школъ степенью *готовности обществъ* принять въ этомъ дѣлѣ участіе; третьи—*числомъ* желающихъ обучаться; четвертыя—условіемъ *половинныхъ* расходовъ на школу отъ земства и общества; пятыя—ограничиваютъ участіе свое наймомъ *учителей*, выдачею *пособій*, предоставляя остальное обществамъ; шестыя, оставляя содержаніе школъ сельскимъ обществамъ, помогаютъ имъ наймомъ *квартиръ*, устройствомъ *зданій*, седьмыя—выдачею условнаго жалованья учителямъ, надѣломъ школъ землею и т. д. Всѣ эти условія не выдуманы въ кабинетѣ, а созданы жизнью, и всѣ разсчитаны на *привлеченіе массъ* къ открытію школъ, на *объединеніе* дѣятельности земства и сельскихъ обществъ.

Ту же руководящую мысль мы видимъ и въ дѣлѣ устройства земствомъ училищныхъ зданій, и здѣсь земство преимущественно держится *системы условнаго участія*. Такъ одни земства выдаютъ ссуды на устройство школъ подъ условіемъ, чтобы зданія строились по указаніямъ земства; другія—подъ условіемъ гигіеническаго выбора мѣстности; третьи—подъ условіемъ признанія правъ собственности на школу за земствомъ; четвертыя—подъ условіемъ обезпеченія содержанія выстроеннаго училища сельскимъ обществомъ; пятыя—на условіяхъ безпроцентнаго долгосрочнаго займа; шестыя—при условіяхъ контроля отъ земства и т. д. Во всѣхъ этихъ условіяхъ лежитъ въ основѣ *объединеніе* интересовъ сельскихъ обществъ и земства. Это *системы поощренія*, поддержки добрыхъ побужденій самаго общества, вы-

зовъ его на доброе дѣло, на свободную жертву для образованія молодаго поколѣнія. Выше мы дали уже оцѣнку этой системѣ, показавъ ея положительныя и отрицательныя стороны по отношенію къ открытію новыхъ школъ. Мы сказали, что на ней одной нельзя остановиться. Но въ дѣлѣ устройства школьныхъ *зданій*, система условнаго участія земства является, повидимому, практичною и раціональною, такъ какъ она вліяетъ на полное ихъ благоустройство (мы разумѣемъ гигіеническія требованія школъ, на которыя наши сельскія общества, конечно, сами по себѣ не обратили бы вниманія). При этомъ важно и то, что община—какъ жертвователь, участникъ въ дѣлѣ, естественно имъ болѣе заинтересована. Въ этомъ случаѣ мы видимъ, что жизнь, помимо всякихъ теорій, выработала принципъ указывающій земству, какъ сдѣлать расходы на народное образованіе наиболѣе производительными.

Правда, и въ этомъ дѣлѣ, какъ во всѣхъ другихъ, жизнь не представляетъ той строгой послѣдовательности, какою отличаются абстрактныя системы и кабинетныя теоріи. Рядомъ съ системой условнаго участія земства въ школьномъ дѣлѣ идетъ масса пособій, ничѣмъ необусловленныхъ, или вѣрнѣе, обусловленныхъ житейскою нуждою, но стоящихъ внѣ системы. Мы далеки отъ мысли высказывать осужденіе этому обстоятельству. Жизнь всегда требуетъ извѣстныхъ уступокъ, и, во всякомъ случаѣ, не жизнь для системы, а система назначена служить жизни. Земство — живое существо; оно не должно окаменѣть въ какихъ-нибудь формахъ; во многихъ случаяхъ, оно даже еще не создало себѣ этихъ формъ, и только создаетъ ихъ живыми опытами своей дѣятельности. Не будемъ же самоувѣренно предписывать дѣятельности столь живаго, молодаго учрежденія обязательныхъ системъ и формъ. Имѣя передъ собою сгруппированные опыты, земство можетъ сознательно и примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, остановиться на той формѣ дѣятельности, какая, въ данномъ случаѣ, явится пригоднѣе. Но принципъ объединенія интересовъ и дѣятельности земства и сельскихъ обществъ, вызывающій послѣднія къ живому участію въ дѣлѣ народнаго образованія, заслуживаетъ особеннаго вниманія и изученія. Не высказывая окончательнаго сужденія о столь важномъ дѣлѣ, по неимѣнію возможности собрать и оцѣнить всѣ его результаты, мы отмѣтимъ только какъ фактъ, что земство, идя рука объ руку съ сельскими обществами, является и нынѣ уже главнымъ источникомъ содержанія школъ, именно

въ общемъ ихъ бюджетѣ за 1876 г. (6.501 т.) земство давало 2.122.806 р., а сельскія общества — 1.608.665, слѣдовательно они несли 29.3% въ бюджетѣ. А если сюда прибавимъ жертвы городскихъ обществъ на начальныя школы, также идущихъ рука объ руку съ земствомъ, 757.633 р., то въ общей сложности наше общество даетъ 4.489.104 р. При скудости нашихъ средствъ, при истощеніи платежныхъ силъ, неравномѣрности налоговъ и податей, такой результатъ представляется почтеннымъ.

Заключая нашу рѣчь объ устройствѣ школъ, мы должны еще остановиться на одной сторонѣ этого дѣла, на которую доселѣ мало обращалось вниманія. При маломъ числѣ сельскихъ школъ, многія селы остаются безъ всякихъ средствъ образованія и волей-неволей должны отдавать своихъ дѣтей, если хотятъ сдѣлать ихъ грамотными, въ школы сосѣднихъ селъ. Въ такомъ положеніи находится большая часть мелкихъ деревушекъ и погостовъ особенно въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Россіи. При суровости нашихъ зимъ и дальности разстояній между селами, очевидно, дѣтямъ, въ большинствѣ случаевъ, плохо одѣтымъ, невозможно ежедневно приходить въ школы изъ домовъ. Отсюда сама собою возникла потребность въ *ночлежныхъ пріютахъ*, которые и имѣются теперь уже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; а при иныхъ школахъ стали появляться уже и *общія квартиры*, или *ученическія артели* для учениковъ изъ окружныхъ мѣстностей.

Признавая эти учрежденія существенно важными и полезными для удовлетворенія пробуждающейся въ народѣ потребности образованія, земства, съ своей стороны, оказывали имъ поддержку. Такъ Новгородское земство постановило систематически устроивать ночлежные пріюты для дѣтей; Вязниковское земство (Владимірской губ.) назначило 240 р. на содержаніе бѣдныхъ круглыхъ сиротъ-школьниковъ въ ночлежныхъ пріютахъ при земскихъ школахъ *); Ветлужское и Чухломское признали «общежитія» учениковъ при училищахъ полезными и озаботились объ ихъ поддержкѣ; Кунгурское (Пермской губ.) постановило поддерживать «ученическія квартиры», заведенныя во всѣхъ школахъ, такъ какъ существованіе ихъ устраняетъ ссылку на невозможность, по дальности разстоянія, каждый день присылать дѣтей въ школу **). Затѣмъ, ученическимъ квартирамъ оказывало по-

*) *Влад. Зем. Сбор.* 1877. № 4.
**) *Зем. Еж.* стр. 811.

собіе Псковское земство, а С.-Петербургское уѣздное собраніе, выслушавъ докладъ управы о весьма успѣшномъ веденіи дѣла, устроившагося при Осиноронщинской школѣ, *дѣтскою артелью*, постановило утвердить главныя основанія устройства при школахъ артелей и на содержаніе ихъ при двухъ школахъ ассигновало 360 р. *). Содержаніе учениковъ артелями обходится не дорого: въ день на ребенка, при его хлѣбѣ, $5^3/_4$ коп., а при полномъ содержаніи, съ хлѣбомъ отъ артели, 8 к. въ день, или 12 р. въ годъ. С.-Петербургское г. земство, по докладу управы, утвердило содержаніе дѣтскихъ пріютовъ при двухклассныхъ школахъ (по 300 руб. на каждый), дабы бѣдные ученики отдаленныхъ мѣстностей, окончившіе курсъ народной школы, имѣли возможность продолжать свои занятія во 2 классѣ двухклассныхъ школъ. Такихъ пріютовъ въ 1876 г. было устроено 6. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что система пріютовъ и артелей особенно прививается въ сѣверныхъ губерніяхъ, между прочимъ, чаще другихъ они встрѣчаются въ губ. Олонецкой, Вятской, Вологодской, Новгородской, а въ послѣднее время и въ С.-Петербургской. Производительны ли расходы земства на этотъ предметъ? Мы думаемъ, что производительны. Только при этомъ пособіи можетъ проникнуть грамотность во многіе отдаленные и забытые закоулки, гдѣ школъ еще не бывало, да и не предвидится возможности ихъ устроить въ близкомъ будущемъ. Но пособіе артелямъ представляетъ выгоду и въ другомъ отношеніи, такъ какъ оно обезпечиваетъ наполненіе школъ учениками, при чемъ земство имѣетъ прямой матеріальный расчетъ. Отпуская на школу, напр., 400 р., при 20 ученикахъ, оно затрачиваетъ на каждаго по 20 руб., а при 40 только по 10 руб. и т. д., съ увеличеніемъ числа учениковъ, разумѣется, до извѣстнаго предѣла, одинъ и тотъ же расходъ на школу дѣлается болѣе производительнымъ. При этомъ помощь земства открываетъ путь къ образованію даже крайнимъ бѣднякамъ. Конечно, земство не можетъ быть учрежденіемъ благотворительнымъ; но, давая массѣ образованіе, оно именно освобождаетъ народъ отъ жалкой необходимости обращаться къ благотворительности, такъ какъ образованіе создаетъ народу *самопомощь*.

С. Миропольскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Ibid. стр. 825.

Изъ Гёте.

Будь, человѣкъ, благороденъ,
Добръ и на помощь готовъ!
Только лишь это
Насъ отличаетъ
Отъ остальныхъ
Тварей вселенной.

Слава невѣдомымъ
Силамъ верховнымъ,
Чуемымъ нами!
Къ вѣрѣ стремится
Духъ человѣка.

Нѣдра природы
Мертвы для чувства.
Солнце сіяетъ
Добрымъ и злымъ.
И надъ злодѣемъ
И надъ избранникомъ
Мѣсяцъ и звѣзды
Блестятъ наравнѣ.

Вѣтеръ и волны,
Громы и градъ
Проносятся съ шумомъ,

Свой путь совершая
И быстро разя
Того и другаго.

Также и счастье
Надъ міромъ струится:
То капетъ младенцу
На свѣтлыя кудри,
То сыну порока
На голое темя.

По вѣчнымъ, несмѣннымъ,
Великимъ законамъ
Вращается каждый,
И каждый свершаетъ
Свой кругъ бытія.

Но лишь человѣку
Возможна бываетъ
Сама невозможность.
Лишь онъ различаетъ
И судитъ, и цѣнитъ.
Онъ можетъ мгновенью
Сказать: подожди!

Лишь онъ назначаетъ
Награду благому
И злу наказанье,
Цѣлитъ и спасаетъ
И все, что, блуждаетъ, колеблясь,
Связуетъ на пользу.

И мы почитаемъ
Безсмертныхъ какъ будто людей,
Какъ будто они бы творили
Въ величіи то же,
Что лучшій изъ смертныхъ
Творитъ, иль хотѣлъ бы творить.

Будь, человѣкъ благороденъ,
Добръ и на помощь готовъ!
Твори безустанно и благо, и правду!
Существъ неизвѣстныхъ,
Лишь чусмыхъ нами,
Да будетъ прообразъ въ тебѣ!

Л. Пальминъ.

Голосъ изъ Угорской Руси.

Угорская Русь, подавленная въ новѣйшее время всевозможными бѣдствіями, не ждетъ уже помощи себѣ изъ Вѣны, какъ бывало прежде; она обращаетъ взоры на востокъ и ждетъ спасенія отъ единокровной и единовѣрной Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, Вѣной овладѣли Евреи и Мадьяры, народъ угро-русскій брошенъ на произволъ исконныхъ враговъ русскаго племени. И откуда ждать теперь Угорской Руси спасенія, кромѣ Бога и его Помазанника Царя Русскаго? Принявъ подъ могущественное свое покровительство Славянъ и прочихъ христіанъ Балканскаго полуострова, Онъ не оставитъ, конечно, и насъ въ нынѣшнемъ безвыходномъ положеніи.

Но такъ какъ мы лишены возможности обратиться съ мольбой о помощи непосредственно къ Царю-Освободителю, какъ желалъ бы того нашъ народъ, то угорусская интеллигенція рѣшилась прибѣгнуть къ посредничеству печати, возложивъ это дѣло на меня, нѣкогда мадьяро-поклонника, нынѣ же раскаявшагося служителя русской церкви и народности. Исполняя это порученіе моихъ земляковъ, я обращаюсь къ вамъ, г. редакторъ, съ просьбою помѣстить предлагаемую статью на страницахъ вашего уважаемаго журнала.

Исторія Угорской Руси мало привлекала до сихъ поръ вниманіе русскихъ историковъ; а, между тѣмъ, эта полузабытая Угорская Русь связана съ великой Россіею единствомъ крови и вѣры, силою преданій прошлаго и чаяній будущаго.

Изъ лѣтописи преподобнаго Нестора извѣстно, что въ числѣ племенъ, составлявшихъ русское государство, находились и Хорваты [1]), сѣверная часть коихъ, населявшая горы и лѣса галицко-русскаго племени Бойковъ [2]), называлась и Сербами или Бѣлыми Сербами. Пр. Несторъ не упоминаетъ, правда, послѣднихъ въ числѣ племенъ русскихъ; но за то Константинъ Багрянородный, писатель 10-го вѣка, положительно утверждаетъ, что въ половинѣ 10-го вѣка эти Бѣлые Сербы были подвластны русскимъ князьямъ [3]). Если же въ другомъ мѣстѣ Константинъ Багрянородный указываетъ на зависимость Хорватовъ отъ франкскаго императора Оттона [4]); то это могло относиться лишь къ Червенской области, входившей временно въ составъ сосѣдней Польши [5]), которая дѣйствительно была тогда причисляема къ западной или Франкской имперіи [6]).

Но, кромѣ прямыхъ свидѣтельствъ прен. Нестора и Константина Багрянороднаго, имѣются и другія доказательства принадлежности Бѣлыхъ Хорватовъ съ Бѣло-Сербскою ихъ вѣтвью къ числу племенъ, входившихъ въ составъ русскаго государства. Однимъ изъ важнѣйшихъ доводовъ въ пользу того служитъ невозможность доказать принадлежность Бѣлохорватской области въ въ 9 и 10-мъ вѣкахъ какому—нибудь другому политическому тѣлу. Во время Рюрика и Олега Бѣлые Хорваты причисляются въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» къ политическому союзу племенъ русскихъ; и Владиміръ Равноапостольный ходилъ, по словамъ той же начальной лѣтописи, «на Хорвати» [7]). Если по-

[1]) Лѣтоп. прен. Нестора по Лавр. сп. Москва 1864 г. стр. 6 „и живяху въ мирѣ Поляне.... и Хорвате“; стр. 11 подъ 907 г. „поя же Олегъ множество Варягъ и Словѣнъ.... и Хорваты“. См. Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. т. I-й, гл. 2 и 5-я.

[2]) Constantinus Porphirogen. De adm. imp. cap. 32: a Serviis non baptizatis, qui etiam albi cognominantur, et ulteriora Turciae incolunt in loco ab illis Boiki (Bóïki) nuncupato.

[3]) De adm. imp. cap. 9: aut in clavica loca Berbianorum.... Serviorum, reliquorumque Sclavorum, qui Russis tributarii παχτιώτας sunt.

[4]) ibid. cap. 30: parent autem (Chrovati, Othoni magno regi Franciae.

[5]) С. Владиміръ опять возсоединилъ съ Русью Червенскую область, а слѣдовательно и Бѣлыхъ Хорватовъ.

[6]) Конст. Багрянор. прямо называетъ нѣмецкихъ императоровъ государями всей Склавоніи, конечно западной: habebat enim tres fratres Pipinus, qui Franciae omni et Sclavoniae imperabant. De admin. imp. cap. 28.

[7]) Лѣт. пр. Нестора по Лавр. сп. 1864 г. стр. 68. Ср. Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. томъ I. гл. 9; Gebhardy. Algemeine Weltgeschichte. L. IV т. 419-я стр.: „Er (Wladimir) breitete darauf seine Oberherrschaft.... und über die Chorvaten aus“.

смотрѣть на географическое положеніе Бѣло-Хорватской области, то принадлежность ея къ русскому государству является не только естественнымъ, но и неизбѣжнымъ историческимъ явленіемъ. Въ начальной русской лѣтописи не опредѣлены точныя границы Бѣло-Хорватской области; но мы можемъ составить объ нихъ довольно точное понятіе изъ Константина Багрянороднаго и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ источниковъ. Основываясь на этихъ источникахъ, можно утверждать, что Бѣло-Хорватія съ Бѣлой Сербіей находились въ 10-мъ вѣкѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ областями славянскихъ племенъ: Тиверцовъ, Дулѣбовъ, Древлянъ, Бужанъ и др. [8]): на западѣ границы простирались до земель, подвластныхъ западной или франко-нѣмецкой имперіи [9]); на юговостокѣ Бѣло-Хорватія сосѣдила съ кочевьями Печенѣговъ [10]); на югѣ же съ поселеніями Мадьяръ [11]), которыхъ Константинъ Багрянородный постоянно называетъ Турками.

Поселенія Мадьяръ раскинуты были первоначально, по словамъ Константина Багрянороднаго, лишь въ областяхъ Великой Моравіи, т. е. по правую сторону Дуная; при чемъ границы мадьярской области сосѣдили на востокѣ по Дунаю съ Болгарами, на сѣверѣ или вѣрнѣе сѣверо-востокѣ съ Печенѣгами, на западѣ съ Франкскою имперіею, т. е. со Словенцами и Нѣмцами, и на югѣ съ Хорватами, безъ сомнѣнія, крещеными, т. е. выселившимися изъ Бѣлой Хорватіи на югъ за Драву [12]). Но къ половинѣ 10-го в. Мадьяры распространились уже и по сю, лѣвую сторону Дуная, занявъ равнину, орошаемую рѣками: Темишъ (Temes Τίμησις), Тутисъ (Τούτης), Марошъ (Muras, Μορήσης), Керешъ (Körös Κρίσος)

[8]) Const. Porphirog. De adm. imp. cap. 9: „Serviorum reliquorumque Sclavorum, qui Russis tributarii sunt".

[9]) Ibid cap. 30. „Ceteri vero Chrovati versus Franciam habitant et appellantur hodie Belo-Chrovati". Ibid cap. 31: „Chrovatia quippe frequentibus incursionibus infestatur Francorum". Ibid cap. 32: „Cui finitima Francia est".

[10]) Ibid. cap. 31: „Chrovatia quippe frequentibus incursionibus infestatur Francorum, Turcorum, Patrinacitorum". Ibid cap. 32: „Iabdieratim vero thema (Patrinacitarum) conterminum est tributariis pagis Russiae Ultinis.... reliquisque Sclavis".

[11]) Ibid. cap. 13: „Turcis hae gentes conterminae sunt.... Chrovati vero ad montes Turcis adjacent". Ibid cap. 30: „Chrovati affinitatem cum Turcis et amicitiam contrahunt". Ibid. cap. 31: „qui (Chrovati) sane ultra Turciam prope Franciam incolunt". Ср. Gebhardy. Algem. Weltgeschichte m. I. IV стр. 425.

[12]) Const. Porphirog. De adm. imp. cap. 40: „Confinei autem Turcis sunt orientem versus Bulgari, ubi eos Ister fluvius, qui et Danubius dicitur, separat, septemtrionem versus Patrinacitae, ad occidentem Franci, ad meridiem Chrovati".

и Тиха или Тиса (Tisza Τίτζα) [13]). Такимъ образомъ, Мадьярія преддунайская ограничена была: на югѣ Дунаемъ, на Востокѣ горами Семиградскими (Kiraly hágó, гдѣ жили Печенѣги [14]), въ thema Gyla, Γύλα); на сѣверѣ рѣками Керешомъ, Тисою, и Теплою (Hejo) [15]), за которыми жили Бѣлые Хорваты, засѣлявшіе и Магитеанскія горы, на сѣверозападѣ мадьярской области. Нѣкоторые историки утверждали, что на равнинахъ, между рр. Керешомъ и Тисой, жили русскія племена Тиверцы и Лютичи [16]); но это относится лишь къ Бѣло-Хорватамъ.

Кочевья Печенѣговъ занимали встарь кромѣ части русскаго Подолья и Заберладской Руси или Молдавіи (thema Iabdiertim. Ιαβδιερτίμ) еще южную часть Семиградья (thema Gylae. Γύλα) [17]).

Что касается сосѣднихъ съ Бѣло-Хорватіей частей франконѣмецкой имперіи, то таковыми могли быть на сѣверѣ Польша, а на западѣ—незанятое еще въ то время Поважье (ducatus, provincia Vagi), составлявшее нѣкогда удѣлъ Велико-Моравскаго государства. Это доказывается свидѣтельствомъ Константина Багрянороднаго, что поселенія Бѣлыхъ Хорватовъ простирались до р. Вислы [18]) и княжества Поважскаго [19]), которое по паденіи госу-

[13]) Ibid cap. 13: „Turcis hae gentes conterminae sunt.... Chrovati vero ad montes Turcis adjacent". Ibid. cap. 40: „Ulteriora vero, quae omnia Turcis habitantur, cognomina nunc habent a fluviis transcurrentibus; eorum primus Timisis, est, alterum Tutis, tertium Morisis, quartum Crisius, quintum Titza".

[14]) Ibid. cap. 13: „Turcis hae gentes conterminae sunt.... ad septentrionem Patrinacitae". Ibid cap. 37: „thema (Patrinacitarum) Gylae Turciae proximum est". Ibid cap. 40: „Confinci autem Turcis sunt.... septentrionem versus Patrinacitae". Мѣстность, гдѣ Печенѣги сосѣдили съ Мадьярами къ сѣверу отъ послѣднихъ, могла находиться на рѣкѣ Тутисѣ (Aluta?).

[15]) Ср. Bidowski. Monumenta Pol. Histor: Chronicam ung. pol.; Endlicher Monum. Arpad. § 7 стр. 72; Biedermann. Die Ungarischen Ruthenen I, 7: Ж. М. Н. Пр. 1878 г. за іюнь 349—396 стр.

[16]) Gebhardy. Allgem. Weltgeschichte т. LIV, стр. 425.

[17]) Const. Porphirog. De adm. imp. cap. 37: „Thema Gylae Turcis proximum est.... Iabdiertim vero thema conterminum est tributariis pagis Russiae regionis Ultinis, Dervlenianis.... reliquisque Sclavis".

[18]) Ibid cap. 33: „Venit autem posteritas proconsulis et patricii Michaelis Vusevutzi σεβουτζῆ, вѣроятно Вышевичъ) Zachlumorum principis filii a non baptizatis accolis fluminis Vislas (Βίσλος).

[19]) Ibid. cap. 30: „habitabant ultra Vagi ariam εκεῖθεν Βαγιβαρείας), ubi nunc sunt Belo-Chrovati". Шафарикъ, странымъ образомъ, видѣлъ въ Βαγιβαρείας Бабьи горы, которыхъ искалъ притомъ не въ Землянской жупаніи, гдѣ много такихъ Бабьихъ горъ, а далеко на западѣ, гдѣ тоже существуютъ онѣ. Эту натяжку высокоученаго слависта можно объяснить лишь предположеніемъ, что, довѣряя хронологіи Угорскаго Анонима, Шафарикъ допускалъ завоеваніе Мадьярами всей Угорщины.

царства Велико-Моравскаго занято было Чехами и лишь въ 11-мъ вѣкѣ постепенно завоевано было Мадьярами. Въ составъ же Нова̀жскаго княжества входили слѣдующія жупаніи: Бреславльская (Pressburg, Pozsony), Нитранская (Nyitra, Neutra), Тренчинская (Trencsén), Турчанская (Turócz), Оравская (Arva) и Липтовская (Liptó, Liptau).

На основаніи всѣхъ представленныхъ данныхъ и соображеній можно утверждать, что въ половинѣ 10-го столѣтія Бѣлые или некрещеные Сербо-Хорваты занимали большую часть нынѣшнихъ провинцій Галичины и Буковины, не малую часть Молдавіи и Семиградья[20]) и затѣмъ всю Угорскую Русь, именно слѣдующія жупаніи Угорщины: Мармарусь (Marmaros), Сотмарь (Szátmar), Убочье, (Ugocsa), Берегъ (Beregh), Унгъ (Ungh), Землянъ (Zemplén), Заубочье (Zaboles), Бихоръ (Bihar), съ частями комитатовъ: Бекешъ (Békés), Ясовъ и Куновъ (Jaszkún), Чонградъ (Csongrad), Гевешъ-Сольникъ (Heves-Tzólnok) и Боршадь (Borsod); далѣе сюда входятъ еще жупаніи: Турня (Torna), Обовъ (Abauj), Шаришъ (Sáros), Спишъ (Szepes, Zips), Гемеръ (Gömör), Новгородъ (Nógrad) съ частицею Пештянскаго (Pest) комитата до Дуная, и еще жупаніи Зволенскую (Zólyom) и Тековскую (Bars), съ частью Острогонской, вплоть до Дуная у г. Острогона (Esztergam).

Не безъ причины, конечно, называлась территорія Бѣло-Хорватская «Великой Хорватіей»[21]); не безъ причины утверждаетъ Константинъ Багрянородный, что Бѣлые Хорваты названы именемъ Хорватовъ потому, что владѣютъ обширными землями[22]);

[20]) До 1600 г. изъ русскихъ жителей Семиградья, т.-е. потомковъ Бѣло-Хорватовъ, набирались козаки Семиградскихъ князей. Ср. Gebhardy. Allgem. Weltgeschichte т. LIV стр. 178: „und konnte (der Fürst) nicht einmahl hindern, dass die Kosaken seines Heeres“ и. т. д. Лишь на нашей памяти исчезли или вѣрнѣе орумынились остатки Семиградской Руси. Еще въ 1721 г., въ данной папою учредительной грамотѣ уніатскаго епископства въ семиградскомъ Фогарашѣ, упоминаются въ составѣ паствы не только Румуны, Греки и Сербы (купцы), но и Русскіе туземцы: „Episcopus Graecorum et Ruthenorum, Valachorum, Rascianorum aliquorumque, qui graecum ritum sequuntur et per Transilvaniae provinciam commorantur. Notitia fundationis koriatovicsianae. Pars IV pag. 171, 192. И въ Сводѣ Семиградскихъ законовъ, подъ 1628 г., встрѣчаемъ упоминаніе въ Семиградьѣ русскихъ жителей: Valachi et Rutheni, dominis terrestribus destituti, in cujus fundis reperiuntur, libere per dominum terrestrem captivari et ad jobagionatum obligari possunt.

[21]) Const. Porphirog. De adm. imp. cap. 31: „Magna autem Chrovatia, quae et alba cognominatur“. Ibid. cap. 32: „uti et magna Chrovatia baptismi expers“.

[22]) Ibid. cap. 31: „Chrovati autem dicuntur lingua Sclavorum, id est terram multam possidentes“.

и всѣ эти земли, со включеніемъ и Угорской Руси, входили какъ выше доказано, въ составъ владѣній св. Владиміра равноапостольнаго.

Вотъ почему Угорская Русь даже въ самыхъ западныхъ своихъ областяхъ и по занятіи ихъ Мадьярами все еще называема была Русью и въ грамотахъ угорскихъ королей[23]) и въ сочиненіяхъ древнихъ западныхъ писателей[24]). Вотъ почему и теперь еще жители древней Бѣло-Хорватіи зовутъ себя Русскими, а свою вѣру и церковь—русскою. Въ этихъ отношеніяхъ скрывается объясненіе и словъ преп. Нестора, что св. Владиміръ жилъ въ мирѣ съ сосѣдними государями, именно съ польскимъ, угорскимъ и чешскимъ[25]). Лишь Бѣло-Хорватскими своими владѣніями могъ св. Владиміръ быть сосѣдомъ чешскаго государства. Но вскорѣ по смерти св. Владиміра, именно въ 1018 г. западныя части русской Бѣло-Хорватіи, именно жупаніи Тековская, Гонтянская, Зволенская, Новгородская съ частью Нештянской, Гемерская съ частями Гевешской и Боршадской, Турнанская и Обовская, а, вѣроятно, и Спишъ съ Шаришомъ и Земляномъ, перешли вмѣстѣ съ Червенскою областью въ руки польскаго князя, Болеслава Храбраго[26]). Вслѣдствіе того граница польско-угорская проходила около того времени по слѣдующей линіи: отъ г. Острогона (Strigonium, Gran, Esztergam) внизъ по Дунаю при-

[23]) Такъ въ грамотѣ Угорскаго короля Бѣлаго IV отъ 1243 г., пожалованной нѣкоему Герварду, мы читаемъ: „vice quadam in Russia, quae vocatur Hungarica, nobis nostrisque baronibus in expeditione praesentibus laudabiliter dimicavit.... dehinc et super fluvium Donec (Дунаецъ) на границѣ Спишской жупаніи) perstitit in conflictu". См. Bardossy. Suplem. annt. Scepusii. pag. 150. И въ грамотѣ Андрея III отъ 1297 г., при упоминаніи Спишскихъ селеній и Корытникъ и Корытняны, пожалованныхъ канонику Марку, мы встрѣчаемъ выраженіе: usque ad unam viam, qua itur versus Hungariam, т.-е. изъ Руси на Угорщину. Ibid. pag. 419 sq.

[24]) Многозаслуженный Словацкій историкъ Викторъ Ф. Сасинекъ, въ своей Исторіи Угорщины (I, 14, и 15 стр.), высказываетъ мнѣніе, что въ старину вся Словачина называема была западными писателями Русью (Russia, Ruscia, Ruzzia, Ruizia). Подобное предположеніе мы встрѣчаемъ еще у Бѣлёвскаго (Monum. Pol. Hist. I, 514) и даже у Палацкаго (Дѣпы народа ческого I, 296). По мнѣніе это, очевидно, ошибочно, такъ какъ цитуемые названными историками нѣмецкіе источники употребляли терминъ Russia лишь въ примѣненіи къ русскимъ жупаніямъ Угорщины, а не къ настоящей Словачинѣ, т.-е. Поважскому краю.

[25]) Лѣт. преп. Нестора, Лавр. сп. стр. 70. „И бѣ живя съ князи окольними миромъ, съ Болеславомъ Лядскимъ, и съ Стефаномъ угорскимъ, и съ Андрихомъ чешскимъ, и бѣ миръ и любве".

[26]) Ibid. стр. 81.

мѣрно до г. Вацова (Vácz, Waczen), а оттуда по Матранскимъ горамъ чрезъ г. Ягеръ (Agrea. Eger, Erlau) до р. Теплы (Hejö) и вдоль послѣдней до Тисы: тутъ начиналась уже русско-угорская граница, пролегавшая отъ г. Сольника (Szolnok. Arx Salis)[27] къ Кереши и жилищамъ русскихъ Хорватовъ въ Семиградьѣ.

---

[27]) См. Endlicher Monum. Arpad. Chronica Hungarorum § 7. pag. 72 и Below-ski Monum. Pol. Hist. Chronica hung. pol. „Qui (Болѣславъ Храбрый) congregato omni exercitu suo ad regem (Stephanum) ante Strigonium venit ibique in terminis Poloniae et Hungariae tentoria tua fixit. Nam termini Polonorum ad litus Danubii ad civitatem Strigoniensem terminabantur, dein in Agriam civitatem ibant, demum in fluvium qui Titza nominatur cedentes regirabant juxta fluvium qui Cepla nuncupatur usque Castrum Salis ibique inter Ungaros, Ruthenos et Polonos finem dabant. Сравни Anonymus Belae R. not. cap. 17: „donec omnia sibi vicina (Hungari) subjugaverunt scilcet usque ad fluvium Savyou et usque ad castrum Salis". Ibid cap. 31: „et castra metati sunt juxta fluvium Hevyou (Тепла) usque ad Thisciam.... Ibi etiam dux dedit.... terram magnam a fluvio Topalucea (Тепла, по мадьяр. Hejö) usque ad fluvium Savyou qui nunc vocatur Misconcy (городъ Мишковецъ въ Бермадскомъ комитатѣ)". Ibid. cap. 32: „deinde egressi venerunt ad fluvium Zogea (Зодьва, Zagyva—рѣка, впадающая въ Тису возлѣ г. Сольника) et castra metati sunt per crepidinem ejusdem fluminis a Thyscia usque ad silvam Matra et subjugaverunt sibi omnes habitatores terrae a Crisio usque ad silvam Zepus (silva Zepus и silva Matra, незанятыя Мадьярами, были вѣроятно такими же синонимами, какъ р. Zogea и Zageva или р. Hevyou и Topolucea)". Ср. Biedermann. Die ungar. Ruthenen I, 7; II, 58; Лѣтопись Матицы Словенской годъ XI, вып. 2 стр. 71; Ж. М. Н. Пр. 1878 г. іюнь 349—396 стр. Авторъ послѣдней изъ цитуемыхъ статей разумѣетъ подъ р. Теплою (Cepla, Vevyou, Topolucea) рѣку Топлю, впадающую въ р. Бодрогъ. Того же мнѣнія были Бидерманъ и авторъ помѣщенной въ Лѣт. Мат. Словенской статьи Іона Заборскій. Но съ этимъ опредѣленіемъ никакъ нельзя согласиться. Упоминаемая въ Chron. Ung. Pol. р. Тепла или Цепла должна впадать непосредственно въ Тису, чтобы соотвѣтствовать выраженію: in fluvium qui Titza nominatur cedentes regirabant juxta fluvium, qui Cepla nuncupatur. А между тѣмъ извѣстно, что р. Топля впадаетъ вмѣстѣ съ р. Удавой (Ondava) въ р. Бодрогъ. Далѣе рѣка Тепла или Цепла указываетъ своимъ названіемъ на теплую, незамерзающую воду: рѣка же Топля имѣетъ воду холодную и замерзаетъ. Тепла, по словамъ Угорскаго Анонима, протекаетъ близъ рѣки Шаева и города Мишковца, въ Боршадской жупаніи: этого никакъ нельзя сказать о р. Топлѣ, вытекающей изъ Шаришскаго комитата и впадающей въ Бодрогъ въ Землянскомъ, въ которомъ происходитъ и сліяніе Бодрога съ Тисой у Токая. И такъ въ Chron. ung. pol. рѣчь идетъ не о Топлѣ, а о р. Теплѣ (мадьяр. Hejö), которая вытекаетъ изъ Теплицы (мад. Taploicza), въ имѣніи мукачевскаго епископа, что близъ Мишковца и впадаетъ въ Тису близъ р. Шаева, не выходя изъ границъ Боршадской жупаніи. Если же считать доказаннымъ тождество Теплы въ Chron. ung. pol. съ р. Теплою въ Буршадской жупаніи, то упоминаемый въ той же хроникѣ Arx Salis не могъ быть ни г. Солеваромъ (Sóvár) въ Шаришскомъ комитатѣ, какъ утверждалъ Бѣлёзскій, а съ нимъ и авторъ статьи въ Ж. М. Н. Пр., ни русскимъ мѣстечкомъ Сѣчемъ (Gálszécz) въ Землянской жупаніи, какъ предполагалъ Заборскій. Замокъ Солеваръ (Sóvár) и не существовалъ ранѣе 1288 г., какъ это доказано Заборскимъ и Бидерманомъ, на основаніи Шаришскаго дипломатарія,

Когда великій князь Ярославъ возсоединилъ въ 1031 г. съ Русью Черниговскіе города[28]), то съ ними онъ занялъ, по всей вѣроятности, и пространство, соотвѣтствующее нынѣшнимъ жупаніямъ Угорщины: Землянъ, Шаринъ, Синицъ, а быть можетъ, еще Обовъ и Турна, съ частью Боршада. Можно догадываться, что въ то самое время занялъ Стефанъ король угорскій пространство, занимаемое нынѣшними комитатами: Гемеръ съ частію Боршада, Новгородъ съ частями Пешта и Гевеша, Зволенъ, Гонтъ и Тековъ: по крайней мѣрѣ извѣстно, что при дворѣ Стефана угорского находилась уже дружина русская[29]), слѣды которой удержались до 16-го в. и что сынъ Стефана, Генрихъ, называемъ былъ княземъ Руси[30]).

Еще въ 15-мъ столѣтіи въ нѣкоторыхъ волостяхъ Новгородской жупаніи близъ Дуная русское населеніе было столь сильно, что принимало участіе въ освобожденіи подданныхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, такъ что Угорскій сеймъ принужденъ былъ издавать постановленія противъ этого самоуправства русскихъ людей[31]). Въ томъ же 15-мъ в., чешскіе гусситы нашли себѣ силь-

составленнаго Вагнеромъ. Что же касается Gàlszècz, въ которомъ Заборскій видѣлъ Arx Galis (вм. Salis), то въ Notitia comitatus Zemplinensis Сирмая доказано, на основаніи достовѣрныхъ граммотъ, что русское селеніе Сѣчь (Szèch, Szèch Felsö) не ранѣе 1402 г. получило отъ новаго своего помѣщика Гала (Gallus) прозваніе Galszècz, слѣд. не могло соотвѣтствовать въ 11-мъ вѣкѣ ни Arx Salis, ни предполагаемому Arx Galis. Столь же шатко и предположеніе Видермана, что Arx Salis нужно искать въ замкѣ Szalancz, лежащемъ на границѣ Обовскаго и Землянскаго комитатовъ. А предположеніе это не согласно со свидѣтельствомъ Константина Багрянороднаго, который ограничивалъ мадьярскую территорію 10-го вѣка р. Керешомъ, не упоминая при этомъ ни о р. Беретвѣ (Berettyò), ни о Красной (Kraszna), ни о Самѣ (Szamos); не согласно оно и съ Анонимомъ угорскимъ, указывающимъ на сліяніе р. Задьвы съ Тисой, какъ на вѣроятную древнѣйшую границу угро-русскую. Наконецъ, въ названіи Arx Salis заключается указаніе на большой складъ соли, что не можетъ быть относимо къ Szalancz'y.

Соображая всѣ эти обстоятельства, нельзя не придти къ заключенію, что подъ Arx Salis можно разумѣть единственно г. Сольникъ (Szolnok), лежащій на Тисѣ близъ рѣкъ Задьвы и Керешa. Съ незапамятныхъ временъ городъ этотъ служилъ складомъ громаднаго количества каменной соли, доставляемой туда по р. Тисѣ изъ богатыхъ солью горъ Марамаруси (Marmaros); отсюда произошло и названіе Сольникъ (Szolnok), вполнѣ соотвѣтствующее древнему Arx Salis.

[28]) Лѣт. преп. Нестора по Лавр. сп. стр. 84 и 85.

[29]) Biedermann. Die Ung. Ruthenem. II, 49, 91.

[30]) Chronic. Hildesheimense ad ann. 1031: „Heinricus Stephani regis filius dux Ruizorum in venatione ab apro descius pariter abiit."

[31]) Corpus juris—hungarici Vladislai II, decr. III. „Quia Comani, Philistaci et Rutheni in hoc regno commorantes, in abductionibus jobagionum et in licen-

ную поддержку въ русскомъ и православномъ населеніи означеннаго края[32]). Лишь въ 16-мъ вѣкѣ начали тутъ исчезать русскіе похоронные обычаи[33]). Въ 17-мъ вѣкѣ вацовскій Waizen (на Дунаѣ) латинскій епископъ Тарноци содержалъ особаго русскаго викарнаго епископа (in ritualibus vicarius)[34]) для совращенія въ унію многочисленнаго русскаго населенія, жившаго въ границахъ вацовской епархіи. Еще въ 18-мъ вѣкѣ, населеніе это мужественно отстаивало свои права и обряды, за что иновѣрцы называли его язычниками[35]); да и въ 19-мъ в. латинское духовенство не успѣло еще устранить въ присвоенныхъ имъ себѣ православныхъ храмахъ нѣкоторые характерные признаки церквей русскихъ[36]). На волостныхъ печатяхъ того же края еще въ концѣ 18-го в. находилось изображеніе св. Николая въ облаченіи русскихъ архіереевъ[37]). Еще теперь сохранилось въ этой древнерусской области много топографическихъ названій русскаго происхожденія[38]), а въ болѣе глухихъ и гористыхъ мѣстахъ встрѣчаются остатки русскаго говора, напр. въ окрестностяхъ городовъ Щитника (Csetnek) и Рожнявы и селъ Гаврилова, Охтина и даже Кобелярова, родины славнаго Шафа-

---

tiis capiendis contra libertates nobilium et statuta regni plurimas quotidie injurias et praejudicia, indicibilesque et inauditas exactiones in educendis jobagionibus ipsis nobilibus inferunt."

[32]) Kollar. De origine, situ etc. oppidi Rimaszombat. pag. 85 и 142.

[33]) Bartholomacides. Memorabilia provinciae Csetnek. Neosoli. 1799. pag. 78.

[34]) Prag. Hierarchia tom I. pag. 409. Ср. Basilovics. Notitia fundationis Koriatovicsianae. Pars IV cap. 18. pag. 151. Тутъ указано, что въ совращеніи Угорской Руси въ унію наиболѣе участія принималъ, рядомъ съ примасомъ, епископъ вацовскій ipsumque archiepiscopum et vaciensem episcopum nonnihil operis in hanc rem (unionem) impendisse.

[35]) Solemnia biblioth. Kishontanae XIX Hist. 1827 pag. 14: „Dominus Korponay istos Turcas et Ethnicos appellat; domina Mariassiana vero Ratzones seu Rusniakos.

[36]) Ibid. Annus 1821. Kollar. De origine, situ etc. oppidi Rimaszombat. Pestini. 1823. pag. 85 и 142.

[37]) Bartholomacides. Memorabilia provinciae Csetnek. Neosoli. 1799 pag. 78.

[38]) Вотъ нѣсколько относящихся сюда названій: Русское (Oroszi), Великорусское (Nagy Oroszi), Малорусское (Kis Oroszi), Руско-дворянское (Nemes Oroszi), Черсвяны (Sserenye), Играчъ (Ihracs) Косоринъ (Koszorin), Владиміръ (Ladomér), Ловча (Lovcsa), Ловче (Lócs), Песеринъ (Peszerin), Проходъ (Prochot), Буковина (Bukovina), Сѣчь (Szécs), Толмачъ (Tolmács), Городъ (Várad), Шагъ (Sàgh), Переслинъ (Pereszlény), Перечинь (Perocsény), Галичъ (Halics, Gacs), Терень (Tereny), Красна Горка (Kraszna Horka), Шумячъ (Sumjacs), Полома (Poloma), Поломка (Polomka), Бабиняцъ (Babinecz, Babaluszka), Полоска (Poloszka), Ивань (Iványi), Гаврилово (Havrilovo) и т. д.

рика [39]). Да и въ средѣ ославяненнаго уже населенія этого края можно найти не мало руссизмовъ, какъ, напр., употребленіе глагола «говорить», вмѣсто словакскаго (въ Поважьѣ) «вравить» или «млувить». Къ остаткамъ русскихъ обычаевъ того края принадлежитъ, между прочимъ, и обыкновеніе мѣстныхъ пастуховъ возвращаться съ овцами съ горныхъ пастбищъ въ день св. Димитрія. И бранныя слова этой ославяненной Руси напоминаютъ нѣкоторыя вѣрованія древнихъ русскихъ язычниковъ [40]). Въ латинскихъ и протестантскихъ церквахъ того края также сохранились нѣкоторые обычаи русской церкви. Въ Гемерской же жупаніи уцѣлѣли и по сей день три русскіе прихода съ русскими церквами въ селахъ: Вернарь, Телградъ и Шумячъ [41]). Поселенные Мадьярами на юго-западѣ этой части Угорской Руси Половцы (Palócz) усвоили себѣ, какъ типъ построекъ, такъ и всю обстановку хозяйства и жизни не отъ Мадьяръ или Словаковъ, а отъ Угрорусскихъ [42]), занимавшихъ очевидно нѣкогда прилегающія къ Матранскимъ горамъ мѣстности.

Такимъ образомъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что гористое пространство, пресѣкаемое рѣками Ипомъ (Ipoly), Граномъ (Garam) и Шаевомъ (Sajó), занятое жупаніями Тековскою, Гонтянскою, Новгородскою, Зволенскою и Гемерскою, съ частями Пештянской и Гевешской, обнимающее до 350 кв. миль, съ населеніемъ до 800,000 душъ, принадлежало нѣкогда русскому народу и государству. Территорія эта извѣстна своей горной академіей въ Щавницѣ (Schemnitz, Selmecz) и широкимъ развитіемъ горныхъ промысловъ, именно производствомъ золота, серебра, олова, желѣза, никкеля, кобальта, сѣры и т. п. Здѣсь находится родина славянскихъ дѣятелей: Шафарика, Кузмани, Францисци, Халупки, Дакснера, Ференчика и др. Изъ древняго русскаго и православнаго населенія этого края не болѣе 4—5,000 сохранили и понынѣ русское имя и церковь. Все остальное потеряно для русской народности и это утраченное можетъ составлять одну четверть всего пространства и населенія древней Угорской Руси.

---

[39]) Bartholomacides. Memorabilia provinciae Csetnek. Neosoli 1799. pag. 78.

[40]) Ibidem.

[41]) Schematismus cleri diocesis graeco-cathol. Epericsiensis. 1878. pag. 112, 113.

[42]) См. Fényes. Magyarország Statistikája. Pest. 1844. III. 192 стр.

Кромѣ этой западной части древней русской Бѣло-Хорватіи, рано утрачена была русскимъ государствомъ и южная ея часть, ограниченная съ юга р. Керешомъ, съ запада р. Тисой, съ сѣвера Тисой же и Самомъ (Szamos), а съ востока Семиградьемъ. Область эта досталась въ 11-мъ в. Мадьярамъ въ качествѣ приданаго за русской княжной Анастасіей Ярославовной, вышедшей за угорскаго короля Андрея I[43]). Можно предполагать, что и нѣкоторыя другія части Угорской Руси, напр., Межьбодрожье [44]), перешли тогда же отъ русскаго государства къ угорскому. Угорскіе короли рано начали засѣлять эту древнерусскую область, орошаемую р. Керешомъ, Беретвою, Красною, Туромъ (Tur), Самомъ (Szamos) и Тисою, различными иноплеменниками, а именно: Кунами (Половцами) и Ясами (Узами, тоже Половецкаго племени) по равнинамъ юго-запада и Румынами по горамъ, отдѣляющимъ Угорщину отъ сѣверо-западнаго Семиградья, а равно и по котловинамъ рѣкъ Кереша, Беретвы и Красной. Такимъ образомъ, эта область, славная своими винами (Бакаторскими) и плодородіемъ почвы (на юго-западѣ) и соотвѣтствующая нынѣшнимъ жупаніямъ: Заубочье (Zaboles), Сотмаръ (по лѣвую сторону р. Сама), Бихоръ (Bihar), съ частями Бекеша (Békés), Чонграда (Csongrad) и Яскунова (Jászkun), имѣющая до 400 кв. миль пространства и до 800,000 населенія, постепенно была утрачена для русскаго государства, народности и церкви. Правда, и теперь тутъ находится до 300,000 приверженцевъ восточной церкви, но изъ нихъ развѣ 50,000 могутъ быть названы русскими, такъ какъ остальное населеніе этого края омадьярено или орумынено[45]). Лѣтомъ, во время жатвы, древнерусское Посамье ежегодно наполняется пришельцами изъ Угорскаго и даже Галицкаго Подкарпатья; но они жнутъ и косятъ уже не для русскихъ людей, а для Мадьяръ и Евреевъ, съ

---

[43]) Gebhardy. Algem. Weltgeschichte. LIV т. 425 стр. „Er selbst (Владиславъ Лысый, двоюродный братъ короля Стефана) bekam.... das Schwarze Hungarn, welches am Körös und an der Theiss (wie es scheint) mit den russischen Tüverzen (Тиверцы) und Lutizen (Лютичи) zusammengränzte. Diese Völkerschaften gerietten unter seiner oder des Andreas Regierung auf unbekannte Weise entweder durch die Waffen, oder durch die Gemahlin Ladislaus des Kahlen unter die hungarische Hoheit, behielten aber den russischen Namen".

[44]) Межьбодрожье ограничено рр. Тисою, Бодрогомъ и Латорицею, слѣд. обнимаетъ южную часть Землянской жупаніи, часть Боршадской, а также Турню и Обовъ съ частью Шариша.

[45]) Мадьярско-еврейскій гнетъ, который усиливается съ каждымъ годомъ, грозитъ уничтожить въ Посамскомъ краѣ и послѣдніе остатки древне-русскаго населенія.

цѣлію заработать при этомъ и для себя нѣсколько мѣръ хлѣба. Если настоящія обстоятельства продолжатся, то можно утвердительно сказать, что черезъ нѣсколько лѣтъ пропадутъ послѣднія русскія церкви Посамскаго края; олатынится и славный на всю Угорскую Русь монастырь Повчанскій (въ Заубочскомъ комитатѣ) и не найдутъ себѣ тамъ духовнаго пріюта спускающіеся на жатву жители русскихъ Карпатъ.

И сѣверо-восточная часть Угорской Руси много пострадала отъ того, что по клочкамъ переходила во владѣніе Мадьяръ. Нѣкоторыя части ея достались во 11-мъ уже вѣкѣ Андрею I въ приданое за русской княжной Анастасіей Ярославной [46]). Спишъ отошелъ отъ Руси въ началѣ 12-го в., въ видѣ приданаго, сначала польскому королю Болеславу Кривоустому, женатому на русской княжнѣ Сбыславѣ, а потомъ къ угорскому королю Степану II [47]), женатому на дочери Сбыславиной Юдиѳи. Владиславъ I занялъ около 1083 г. оружіемъ русскую часть Семиградья и часть нынѣшняго Сотмарскаго комитата, по правую сторону р. Сама, а быть можетъ, и низменныя части Убочья и Марамаруси [48]). Въ 12-мъ в. угорскому королю Бѣлому III [49]) не удалось удержать за собою все галицкое княжество; но часть Угорской Руси всетаки осталась за нимъ, а именно частицы Унга, Берега и Убочи, вслѣдствіе чего Бѣлый III присвоилъ себѣ и титулъ галицкаго короля. И въ 13-мъ вѣкѣ, часть Угорской Руси, лежащая по правому берегу Тисы, удержана была послѣ потери Галицкаго княжества Коломаномъ [50]), братомъ Андрея II, короля угорскаго. Татарское нашествіе также содѣйствовало расширенію владѣній Бѣлаго IV на счетъ Руси, такъ что въ 14-мъ в. Карлъ Робертъ, послѣ Росановской битвы, уже свободно располагалъ русскими равнинами, какъ по сю, такъ и по ту сторону средней Тисы [51]).

---

[46]) Gebhardy. Algem. Weltgesch. LIV т. 428 стр.

[47]) Ibidem. pag. 447 Ср. Sommersberg. Scriptore rerum Silesiacarum. t. II. pag. 36.

[48]) Chron. Thuroczy. lib. I cap. 58. „Post hoc autem rex gloriosus invasit Russiam eo, quod Cuni per consilium eorum (sc. Ruthenorum) Hungariam intraverunt. Cumque vidissent se Rutheni male coarctari, rogaverunt regis clementiam et promiserunt regi fidelitatem in omnibus“. Тоже утверждаетъ Бонфинъ, Тимонъ и другіе русскіе писатели.

[49]) Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. т. III гл. 3.

[50]) Ibid. т. III, гл. 6. Послѣ Коломана и братъ его Андрей Андреевичъ княжилъ потомъ въ Перемышлѣ.

[51]) Русскіе жители равнинъ Землянскихъ и даже русскій по происхожденію гарнизонъ Бороштянской крѣпости возставали противъ Карла Роберта и звали

Людовикъ I, король угорскій, а потомъ и польскій, основалъ въ 14-мъ в. на Угорской Руси отдѣльное Мукачевское княжество, которое отдано было въ управленіе русско-литовскаго князя Ѳеодора Коріатовича, взамѣнъ за его подольскую землю [52]). Во второй половинѣ 14-го в. въ составъ Угорскихъ земель входили уже низменныя части жупаній: Боршадской, Турянской, Обовской, Землянской, Унгской, Бережанской, Убочской, Сотмарской и Марамарусской, такъ что граница между Угріею и доставшеюся при Казимірѣ Вел. Польшѣ Червонною Русью протягивалась въ то время примѣрно отъ Маковицкаго замка въ Шаришѣ [53]) на Товарное и Стражское [54]) въ Землянской жупаніи, а оттуда на Ужгородъ, Мукачевъ, Густъ, Сиготъ и Вышевъ, въ нынѣшнихъ жупаніяхъ Унгъ, Берегъ и Марамарусь.

Окатоличенные уже въ то время Мадьяры, покрывъ свою Угорскую Русь цѣлою сѣтью латинскихъ монастырей, стали насильственно совращать православное населеніе новоприобрѣтеннаго русскаго края сначала въ унію, а потомъ и въ латинство. И эта пропаганда имѣла успѣхъ въ равнинныхъ частяхъ Угорской Руси, гдѣ значительная часть исконнаго русскаго населенія исповѣдуетъ теперь латинскую вѣру [55]), потерявъ вмѣстѣ со славянскимъ богослуженіемъ кирилловскую азбуку и обезобразивъ свой русскій языкъ множествомъ польскихъ, словацкихъ и мадьярскихъ словъ, по требованію ксендзовъ-миссіонеровъ. Часть же этого русскаго населенія и совсѣмъ омадьярена.

Протисская часть Угорской Руси, орошаемая рѣками Тисою, Самомъ, Бодрогомъ, Горнадомъ, Топлею, Удавою и Лаборцемъ, славится своимъ плодородіемъ, произведеніемъ славнаго на весь

въ Угорщину русскихъ князей: но это возмущеніе не имѣло успѣха. См. Biedermann'a. Die Ung. Ruthenen II, 45; Грамота отъ 1321 г. въ Windisch Ungarisches Magasin. Pressburg. 1782. II, 171; Szirmay Notitia comit. Zemplinensis. 16 pag.

[52]) Gebhardy. Algem. Weltgesch. LI т. 286—290 стр.; Basilowicz. Notitia fundationis Koriatoviczianae.

[53]) Селенія Бардѣевъ, Габолтовъ, Финта и др. были уже въ рукахъ Мадьяръ.

[54]) Въ Товарномъ находилась таможня или такъ называемый тридцатокъ (trigesiwa), почему тамъ жили и таможные чиновники-товарники (tavernici, tàrnokok). Въ Стражскомъ же (Eörmezo) помѣщалась пограничная стража (Eör, Speculatores regii).

[55]) Не малое число православныхъ совращено было тутъ и въ протестантизмъ, особенно вслѣдствіе неимѣнія русскихъ священниковъ и нерасположенія къ латинскимъ; но впослѣдствіи эти невольные русскіе протестанты возвратились большею частью, въ лоно русской церкви.

міръ токайскаго вина, а также большими минеральными сокровищами, именно обиліемъ серебра, ртути, мѣди, соли, особенно же желѣза. Тутъ родина извѣстныхъ мукачевскихъ епископовъ Ольшавскаго, Брадача, Годемарскаго, Блажовскаго и русскаго дѣятеля Балудянскаго[56]). Въ настоящее время, въ этой области лежатъ жупаніи: Турня съ частью Боршада, Обовъ, Спишъ, южная часть Шариша и низменныя притисскія части Унга, Берега, Убочи и Марамаруси. Территорія эта, составляющая третью четверть древней Угорской Руси, обнимаетъ до 350 квадр. миль съ 900,000 душъ населенія, изъ коихъ лишь 170,000 удержали русское имя, вѣру и всѣ признаки русской народности, остальные же латинизованы, хотя и они, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, охотно возвратились бы къ православной вѣрѣ своихъ отцовъ.

Четвертую, наконецъ, четверть древней закарпатской Руси составляетъ гористая часть Угорскаго Подкарпатья, по южнымъ склонамъ русскихъ Бескидовъ (Alpes Ruthenorum),[57]) по теченію рѣкъ: верхней Тисы, Латорицы (Latorcza), Унга (Ungh), Лаборца (Laborcz), Топли (Toplya), Ондавы (Ondava), въ Шаришской Маковицѣ, Землянской Крайнѣ и въ верховинахъ жупаній Унгъ, Берегъ, Марамарусь, а равно въ одной части Убочи. Территорія эта отошла къ Угорщинѣ сравнительно очень поздно, именно въ первой половинѣ 15-го в., по избраніи на угорскій престолъ польскаго короля Владислава Ягайловича[58]). Духовная же связь этой области съ русской іерархіей, именно зависимость отъ самборско-перемышльскихъ епископовъ, прервана лишь въ концѣ 15-го в.[59]), съ основаніемъ епархіи Мукачевской, которая нахо-

[56]) Балудянскій былъ профессоромъ Великоварадской юридической академіи, а затѣмъ переселился въ Россію, гдѣ принималъ, какъ утверждаютъ здѣшніе его родственники, участіе въ основаніи славнаго С.-Петербургскаго университета, былъ воспитателемъ покойнаго Императора Николая Павловича и скончался въ званіи сенатора и чинѣ тайнаго совѣтника. Племянникъ этого Балудянскаго, протоіерей Андрей, членъ Мукачевской консисторіи, написалъ церковную исторію на языкахъ русскомъ, латинскомъ и мадьярскомъ.

[57]) Въ Ж. М. Н. Пр. за 1878 г. іюнь стр. 349—396 высказано ошибочное мнѣніе, будто русскіе писатели, называютъ средніе Карпаты Угорскими горами: послѣднее названіе приписывается мѣстнымъ русскимъ населеніемъ лишь Семиградскимъ горамъ (Királyhágó, havas), чрезъ которыя дѣйствительно вторглись въ Угрію Мадьяры и которыя населены теперь Румынами и остатками Печенѣговъ (Сикулами). Средніе же Карпаты народъ всегда называлъ Русскими горами.

[58]) A XVI Szepesi Varàsok pragmatikai története. Lőcsén. 1842 pag. 61.

[59]) Первымъ русскимъ епископомъ на Угорской Руси является упоминаемый

дилась, впрочемъ, еще долгое время въ іерархической зависимости отъ перемышльскихъ епископовъ. Въ этой подкарпатской части Угорской Руси, народъ до нынѣ сохранилъ, не смотря на всѣ преслѣдованія, русскую церковь, русскій календарь, азбуку, имя и всю бытовую обстановку. Отсюда произошли мукачевскіе епископы Іоанникій Зейканъ, [60]) Василій Тарасовичъ, Андрей Бачинскій, Василій Поповичъ, а также епископы пряшевскіе: Григорій Тарковичъ и Іосифъ Гаганецъ, и писатели: Венелинъ [61]), Духновичъ, Поповичъ, Мустяновичъ, Кралицкій, Лучкай, Павловичъ, Ставровскій, Кимакъ, Гебе, Фенцикъ, Михаличъ, псевдонимъ Уріилъ и др. Отсюда произошли: русскій сенаторъ Руничъ, директора лицея Орлаи и Куколникъ. Тутъ живутъ и извѣстные русскіе дѣятели Добрянскіе. Область эта богата и разными минералами, особенно неисчерпаемыми пластами каменной соли (въ Марамаруси). Пространство этой подгорной области можно опредѣлить въ 350 квадр. миль; жителей же тутъ насчитывается до полумилліона: всѣ они русской народности и церкви, за исключеніемъ изрѣдка разсѣянныхъ, особенно по городамъ и мѣстечкамъ, Евреевъ и мадьярскихъ чиновниковъ.

Судьба, постигшая русскую часть Семиградья и три четверти русскихъ областей въ Угорщинѣ, угрожаетъ теперь обрушиться и на уцѣлѣвшую еще для русской народности четвертую ихъ четверть. Не смотря на законъ 1868 г. о равноправности народностей, мадьярскимъ правительствомъ приняты самыя рѣшительныя мѣры для скорѣйшей мадьяризаціи сохранившейся еще части Угорской Руси. Подъ покровомъ мадьярской конституціи, благопріятствующей, подобно всѣмъ другимъ западно-европейскимъ конституціямъ, подавленію слабыхъ сильными и деморализаціи тѣхъ и другихъ, принятыя для искорененія Угорской Руси терро-

---

въ граммотѣ Владислава II, короля угорскаго, отъ 1491 г. Іоаннъ. См. Basilovics. Notitia fund. Kor. I. cap. V, pag. 21.

[60]) Еп. Іоанникій предпринималъ путешествіе къ русскому царю ради спасенія отъ порчи православія. Еп. Василій не хотѣлъ прервать законныхъ связей съ русской іерархіей, посылая Перемышльскому епископу опредѣленную часть своихъ доходовъ ради сохраненія православія, за что онъ былъ арестованъ и закованъ въ цѣпи во время самаго священнодѣйствія, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи. Епископъ же Андрей посылалъ въ Россію двухъ монаховъ для изученія тамъ монастырскаго устава, съ цѣлью возстановить и у себя однообразное съ общерусскимъ благочиніе.

[61]) Венелинъ, переселившись въ Россію, прославился своею дѣятельностью въ пользу возрожденія народнаго сознанія между Болгарами, а также своими литературными трудами славянскаго направленія.

ристическія мѣры легко могутъ быть осуществлены и привести къ желанной для Мадьяръ цѣли.

Обремененное уже и прежде высокими государственными налогами, населеніе Угорской Руси теперь совершенно подавлено ими: со времени введенія конституціи, прямыя подати возросли, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ и косвенныя увеличились въ соотвѣтствующей пропорціи. Но, кромѣ увеличенія прежнихъ податей, появилось теперь множество новыхъ налоговъ всевозможныхъ наименованій, напр., налогъ въ пользу волостныхъ врачей, сиротскихъ опекуновъ, доставителей должностныхъ писемъ, сельскихъ писарей, для пансіоннаго фонда въ пользу послѣднихъ, для содержанія больницъ и т. п. заведеній и цѣлей.

Во время рекрутскихъ наборовъ поселяне не только должны снабжать обильнымъ пропитаніемъ пріемныя коммиссіи, но еще раззоряться на различныя рекламаціи, вынужденные подарки и взятки врачамъ и чиновникамъ; такъ что многіе крестьяне погружаются въ неоплатные долги, ради освобожденія своихъ дѣтей отъ ненавистной народу военной службы, и, наконецъ, продавъ свои земли и скотъ переходятъ въ классъ пролетаріевъ.

Волостные писаря или нотари, обязанные своимъ избраніемъ не общинамъ, какъ бы слѣдовало по закону, а по усмотрѣнію уѣздныхъ начальниковъ, являются покорными орудіями въ рукахъ послѣднихъ. Общины же обязаны давать этимъ мадьярскимъ чиновникамъ не только квартиру и нѣкоторыя другія доходныя статьи, но еще 400 гульденовъ годичнаго жалованія, т. е. сумму, на 100 гульденовъ превышающую весь доходъ русскаго приходскаго священника. Но сельскій писарь или нотарь, который, по закону, подчиненъ волостному старшинѣ, не довольствуется обыкновенно своимъ законнымъ содержаніемъ: онъ взваливаетъ еще на крестьянъ, на подобіе турецкихъ пашей, различныя натуральныя повинности въ свою пользу, собирая по два и по три раза государственную подать и деморализуя, по соглашенію съ уѣздными чиновниками, сельскій людъ во всѣхъ направленіяхъ.

Кромѣ этой главной піявицы русскаго населенія Угорщины, сосутъ еще его и разные другіе нововведенные общинные чиновники, напр., сиротскіе опекуны, доставители должностныхъ писемъ, врачи, даже слуги уѣздныхъ чиновниковъ и полицейскіе жандармы или пандуры. И волостные старшины, избираемые подъ давленіемъ уѣздныхъ начальниковъ, увлекаясь примѣромъ послѣднихъ, также дозволяютъ себѣ всевозможныя злоупотребленія и неправды.

А сколько денегъ и времени теряется народомъ вслѣдствіе обязанности гонведовъ (ландверъ) и резервистовъ являться, періодически, въ очень отдаленныя мѣстности и въ самое рабочее время, для военныхъ упражненій, или собственно, для предъявленія своихъ физіономій начальнику?!

Нерѣдко и волостные старшины или ихъ писаря должны являться въ очень отдаленныя мѣста жительства уѣздныхъ начальниковъ. Окружные суды бываютъ обыкновенно въ дали отъ селеній русскихъ, въ средѣ мадьярскихъ, такъ какъ правительство и при выборѣ мѣстъ помѣщенія судовъ имѣло въ виду затруднить, по возможности, народъ русскій, предоставивъ всѣ выгоды и преимущества населенію мадьярскому.

Тяжелымъ бременемъ лежитъ на населеніи Угорской Руси и содержаніе дорогъ. Мѣстное населеніе обязано содержать на свои средства и своимъ трудомъ не только проселочныя, но и публичныя комитатскія дороги, при чемъ даже бѣдняки, не имѣющіе ни кола, ни двора, должны работать не менѣе трехъ дней въ году безплатно на дорожныхъ сооруженіяхъ. Владѣлецъ самой бѣдной хижины обязанъ доставить не менѣе 6 работниковъ на дороги, а еще по два для безплатной работы съ упряжью за каждую голову скота, хотя для поддержанія волостныхъ дорогъ не нужно и половины такого числа рабочихъ дней. Если поселянинъ не въ состояніи явиться на эти дорожныя работы лично съ упряжью, то долженъ платить за каждую голову скота, по крайней мѣрѣ, по 4 гульд. въ годъ исключительно на содержаніе дорогъ. Впрочемъ, тяжести подорожной повинности не ограничиваются этими узаконенными требованіями: къ нимъ присоединяются еще взятки комитатскому комиссару путей сообщенія и его помощнику—смотрителю дорогъ, которые имѣютъ право, по своему усмотрѣнію, опредѣлять число рабочихъ дней каждаго поселянина, для поддержанія сельскихъ и комитатскихъ дорогъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ податей, налоговъ, взятокъ и натуральныхъ повинностей, обитатель Угорской Руси обязанъ еще безплатно обработывать землю своего священника, ссыпать хлѣбъ для него, а равно для дьячка и пономаря, платить содержаніе сельскаго учителя и церковнаго пономаря, поддерживать зданія церкви, священника, дьячка и школы и безпрерывно отрывать дѣтей отъ сельскихъ работъ сначала для посѣщенія школы, а потомъ для отбыванія воинской повинности.

Ко всему этому нужно прибавить, что соль и табакъ стóятъ очень дорого; что безъ гербовой бумаги нельзя обойтись даже при бракосочетаніяхъ и другихъ самыхъ простыхъ сдѣлкахъ; что самое намѣреніе—продать скотъ—требуетъ пріобрѣтенія особаго документа на дорогой гербовой бумагѣ, которая въ случаѣ непродажи теряетъ всякое значеніе; что почва въ гористыхъ частяхъ Угорской Руси очень неплодородна, почему русскіе поселяне обязаны ежегодно отправляться въ равнины мадьярскія на жатву, съ цѣлью заработки на зиму хлѣба, и что въ случаѣ невозможности уплатить въ срокъ государственныя подати, является экзекуторъ и продастъ за безцѣнокъ самыя необходимыя земледѣльческія машины, скотъ, даже домъ и землю. Если сообразить всѣ эти тяжелыя матеріальныя условія жизни угрорусскаго поселянина, то нечего удивляться, что онъ съ каждымъ днемъ все болѣе падаетъ въ своемъ благосостояніи и приходитъ, наконецъ, къ мысли о необходимости искать себѣ другую, болѣе привольную и свободную родину. Сердце тянетъ его на Русь; но какъ раздобыться паспортомъ въ эту зачумленную для мадьярскихъ чиновниковъ землю? И угрорусскій крестьянинъ поневолѣ уходитъ въ мадьярскія равнины или далекую Америку, гдѣ нерѣдко пріобрѣтаетъ достатокъ и богатство, но пропадаетъ нравственно, теряя свою вѣру, языкъ, народность.

Оппозиція же противъ мадьярскаго терроризма въ Угорской Руси со стороны послѣдней была бы совершенно безполезна, такъ какъ, на основаніи господствующей нынѣ въ Угорщинѣ конституціи, вся власть, какъ законодательная, такъ и исполнительная, сосредоточена въ рукахъ мадьярскаго дворянства и чиновничества, которое для исполненія своихъ несбыточныхъ мечтаній преднамѣренно, злодѣйски-систематически, подрываетъ не только матеріальное благосостояніе, но и нравственныя силы жестоко гонимыхъ имъ жителей Угорской Руси.

Особенно тяжелы для этой Руси тѣ преслѣдованія, которыя издавна воздвигнуты и теперь не прекращаются на русскую церковь. Подобно Полякамъ, Мадьяры насильственно ввели въ Русь церковную унію, испортивъ отчасти и церковные обряды, хоть и не въ такой степени, какъ въ польскихъ, нѣкогда, областяхъ Руси. Вопреки всѣмъ церковнымъ и государственнымъ постановленіямъ, мадьярское правительство присвоило себѣ право своевольно назначать русскихъ епископовъ и другихъ высшихъ сановниковъ Угорусской церкви. При этомъ въ санъ епископовъ стали возводиться

такія ничтожныя личности, какъ, напримѣръ, покойный Панковичъ, сдѣланный мукачевскимъ епископомъ изъ домашняго учителя дѣтей одного мадьярскаго графа! Мадьярское правительство имѣло при этомъ въ виду уничтожить значеніе русскаго епископа въ глазахъ и клира, и мирянъ угрорусскихъ, проложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ путь демо-рализаціи и мадьярству въ высшее духовное управленіе угрорус-скаго края. Назначеніе священниковъ находится въ рукахъ помѣщи-ковъ-патроновъ, большею частью, мадьярскаго направленія. Выборъ рекомендуемыхъ послѣдними лицъ обусловленъ, конечно, болѣе дурными, чѣмъ хорошими ихъ качествами. Правительство и об-щество мадьярское употребляютъ всю свою власть и вліяніе для возбужденія недовѣрія и раздоровъ между русскимъ духовен-ствомъ и паствою; принимаются всевозможныя мѣры для порчи русскаго церковнаго обряда; священникамъ внушаютъ мысль о необходимости проповѣдывать русскому народу на непонятномъ ему мадьярскомъ языкѣ; дѣлаются уже приготовленія для пере-вода на мадьярскій языкъ церковныхъ славянскихъ книгъ, съ цѣлью замѣнить на Угорской Руси богослуженіе славянское—мадьярскимъ, съ примѣсью, конечно, обрядовъ латинскихъ. Все это можетъ по-казаться невѣроятнымъ русскому читателю; но пишущій эти строки, занимая высшій духовный постъ на Угорской Руси, имѣлъ возможность хорошо ознакомиться какъ съ дѣйствіями, такъ и съ тайными цѣлями мадьярскаго правительства въ дѣлахъ гражданскихъ и духовныхъ.

Мадьяры не позволили Угроруссамъ основать «Народный домъ», на который уже собранъ былъ пожертвованіями потребный ка-питалъ, «русская бесѣда», (клубъ) въ Ужгородѣ закрыта; рус-ская газета «Свѣтъ» насильственно прекращена; русское лите-ратурное общество св. Василія въ Ужгородѣ уничтожено; осно-ванное на добровольныя приношенія русскихъ людей для поддер-жанія учащейся молодежи «общество Іоанна Предтечи» въ г. Пра-шевѣ предано мадьярскимъ правительствомъ въ руки его чинов-никовъ и орудій мадьяризаціи; та же судьба постигла и осно-ванное на деньги угрорусскаго духовенства дѣвичье училище въ г. Ужгородѣ. Народныя школы угроруссовъ также забраны мадь-ярами въ ихъ руки, вопреки закону 1868 г. По смыслу этого закона, правительство обязано учредить для Угроруссовъ, по край-ней мѣрѣ, одну русскую гимназію; а, между тѣмъ, Мадьяры не только не повиновались этому явному требованію закона, но еще воспретили существовавшее прежде преподаваніе въ ужгородской

гимназіи исторіи и географіи на русскомъ языкѣ. Обязательные прежде для русскихъ гимназистовъ уроки русскаго языка объявлены необязательными. Все указываетъ на то, что, въ скоромъ времени, воспрещено будетъ въ ужгородскихъ гимназіяхъ преподаваніе и закона Божія на русскомъ языкѣ, съ замѣною его уроками латинскихъ ксендзовъ на мадьярскомъ языкѣ.

Въ русской ужгородской духовной семинаріи преподаваніе языковъ русскаго и старославянскаго замѣнено изученіемъ чужихъ языковъ; воспитанникамъ воспрещается и въ частной бесѣдѣ употреблять другой языкъ, кромѣ мадьярскаго. Въ равной мѣрѣ мадьяризована и приготовительная школа для русскихъ дьячковъ и народныхъ учителей. Издано распоряженіе, чтобы въ учителя народныхъ школъ назначались лишь тѣ лица, которыя обладаютъ основательнымъ знакомствомъ съ мадьярскимъ языкомъ; даже назначенные прежде, до изданія этого закона, учителя обязаны въ теченіе трехъ лѣтъ обучиться мадьярскому языку и выдержать въ немъ экзаменъ предъ мадьярской испытательной коммиссіей. Въ связи съ этимъ закономъ находится и другой, изданный въ послѣднее время, по которому обученіе мадьярскому чтенію, письму и даже грамматикѣ обязательно во всѣхъ русскихъ народныхъ школахъ Угорщины. Выражено требованіе, чтобы въ нихъ и преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ велось на мадьярскомъ языкѣ, совершенно чуждомъ, непонятномъ и безполезномъ для русскихъ людей.

А между тѣмъ, какъ церкви, такъ и народныя школы угроруссовъ содержатся на скудныя средства мѣстныхъ поселянъ, безъ всякихъ почти пособій со стороны государства, которое заинтересовано не въ поддержаніи, а въ скорѣйшемъ искорененіи и русской церкви, и русскихъ буквъ, русскаго мѣсяцеслова, и другихъ признаковъ русской народности.

Дѣло дошло до того, что не только чтеніе русскихъ книгъ и газетъ, но даже употребленіе русскаго языка въ кругу семейномъ образованныхъ классовъ считается чуть не уголовнымъ преступленіемъ; хотя, по закону, русскій языкъ можетъ быть свободно употребляемъ въ дѣлопроизводствѣ общины, школы и церкви, а также долженъ быть употребляемъ и въ оффиціальныхъ соприкосновеніяхъ уѣздныхъ начальниковъ, судовъ и другихъ должностныхъ лицъ съ лицами и обществами русской народности, равно какъ и въ протоколахъ комитатскихъ собраній въ русскихъ жупаніяхъ.

Подъ благодѣтельнымъ кровомъ западно-европейской конституціи Угорская Русь не можетъ ссылаться въ свою пользу на законы: она должна во всемъ подчиняться произволу мадьярскаго дворянства, особенно низшаго, которое захватило въ свои руки всю власть и узурпируетъ ее для своихъ корыстныхъ цѣлей. Къ русскому населенію угорщины имѣютъ приложеніе лишь уголовные законы, и тѣ государственные, которые относятся къ платежу податей и налоговъ въ пользу антирусскихъ учрежденій. Сверхъ того, Угорская Русь располагаетъ еще завиднымъ правомъ поставлять въ мадьярскую армію громадное число своей молодежи, которая затѣмъ дисциплинируется для того, чтобы въ случаѣ вынужденнаго возстанія своихъ соплеменниковъ переколоть ихъ своими штыками. Да и вся австрійская милліонная армія готова къ услугамъ Мадьяръ въ случаѣ малѣйшаго народнаго протеста и движенія русскихъ ихъ подданныхъ противъ свирѣпствующаго надъ ними терроризма.

А могущественный русскій народъ, живущій свободно и безпечно подъ распростертыми крыльями своего великаго Царя-Освободителя, не хочетъ и знать о тяжелой бѣдѣ и преслѣдованіяхъ своихъ закарпатскихъ братьевъ, столько вѣковъ оберегающихъ важный для славянства во всѣхъ отношеніяхъ южной склонъ центральныхъ Карпатъ! Не прилагаются ли къ намъ слова Хомякова:

И ждутъ окованные братья....
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой?...

Когда началась послѣдняя русско-турецкая война, мы объясняли себѣ причину предпочтенія русскими отдаленныхъ Балкановъ близкимъ Карпатамъ тѣмъ соображеніемъ, что Россія, по своему географическому положенію, нуждается прежде всего въ свободныхъ сообщеніяхъ Русскаго Чернаго моря со Средиземнымъ и океанами, для чего необходимо занять лежащій за Балканами Царьградъ. Мы ликовали безпримѣрнымъ побѣдамъ за Дунаемъ и въ Малой Азіи русскихъ войскъ, подъ командою двухъ родныхъ братьевъ и Сына Русскаго Царя, при непосредственномъ руководствѣ Его самого. Насъ не смущали при этомъ бѣшеные крики за турокъ противъ Россіи нашихъ мадьярскихъ обладателей. Не только послѣ С.-Стефанскаго, но и послѣ Берлинскаго мира, мы все еще утѣшались надеждою, что Царь, освободившій отъ ига

агарянскаго славянъ Балканскаго полуострова, вспомнитъ, наконецъ, и про русскихъ страдальцевъ подъ Карпатами и подражая примѣру королей Сардиніи и Пруссіи, соединившихъ въ одно цѣлое всѣхъ почти Итальянцевъ и Нѣмцевъ, возсоединитъ наконецъ со своимъ великимъ царствомъ издыхающую уже подъ мадьярскимъ игомъ Угорскую Русь, это исконное наслѣдіе Руси св. Владиміра, слѣдовательно и Россіи дома Романовыхъ.

Но увы! не суждено было сбыться нашимъ надеждамъ! Наше положеніе не только не улучшилось послѣ русско-турецкой войны, но еще ухудшилось, такъ какъ Мадьяры, предчувствуя, что обреченная въ жертву Молоху мадьяризма Угорская Русь можетъ ускользнуть изъ ихъ рукъ, стали свирѣпствовать надъ ней еще больше прежняго. Для нашей охраны нѣтъ законовъ; наша жизнь[62]), честь и имущество, всѣ наши лучшія святыни брошены на произволъ не только уѣздныхъ начальниковъ, дорожныхъ коммиссаровъ, гонведовъ и экзекуторовъ, но даже сельскихъ писарей и пандуровъ.

А могущественная Россія, «полміра взявшая мечемъ», по словамъ своего поэта, не желаетъ усвоить себѣ политику Итальянцевъ и Нѣмцевъ; она забываетъ о нашей принадлежности къ русской семьѣ и церкви, о нашемъ участіи въ образованіи Владимірова государства; не хочетъ знать и о стратегической важности занимаемыхъ нами на Карпатахъ позицій; не считаетъ своимъ призваніемъ спасать погибающую подъ мадьярскимъ игомъ русскую церковь и народность!

Но если это такъ (чему мы все еще не можемъ повѣрить), то почему бы не придти Россіи на помощь погибающему, то въ долинахъ Потисья, то въ Америкѣ угро-русскому народу, хоть бы въ такой лишь формѣ и мѣрѣ, въ какой оказываетъ Россія свою помощь Татарамъ Добруджи, заселяя ими Крымъ? Даровитый и трудолюбивый угро-русскій народъ ближе вѣдь къ русскимъ, чѣмъ иноплеменные и иновѣрные Татары! Почему же бы не предпочесть послѣднимъ при колонизаціи Крыма закарпатскихъ русскихъ, которые легко могли бы выселиться туда въ количествѣ 30—40,000 семействъ. Если же заселеніе Крыма Татарами является, по непонятнымъ причинамъ, необходимымъ, то Россія имѣла бы возможность поселить подъ хорошими условіями выходцевъ

---

[62]) Общеизвѣстно, что уже два раза дѣлаемы были Мадьярами покушенія на жизнь стараго Адольфа Добрянскаго; сынъ же его Мирославъ былъ до полусмерти избитъ командированными для этой цѣли своимъ начальствомъ гонведами!

Угорской Руси, въ какой-нибудь другой части государства, хоть бы даже на отдаленныхъ берегахъ Амура. Но, оставляя свои дома и земли, поселяне Угорской Руси могли бы переселиться массами лишь на казенныя земли, такъ какъ частные владѣльцы не представляютъ достаточныхъ гарантій въ соблюденіи заключенныхъ съ переселенцами условій. Если бы это пламенное желаніе закарпатскихъ русскихъ переселиться на казенныя земли Россіи осуществилось, то не только переселенцы были бы спасены для русской народности отъ соблазновъ мадьяризаціи или исчезновенія въ Америкѣ, но и положеніе остающихся въ Угорщинѣ русскихъ немедленно бы улучшилось. Убѣдившись, что послѣдніе легко могутъ освободиться отъ мадьярскаго гнета эмиграціей, Мадьяры стали бы гораздо снисходительнѣе обращаться съ русскими своими подданными, приносящими столько пользы ихъ государству своимъ трудомъ и дарованіями.

Если же этого не случится, то Угорской Руси предстоитъ въ близкомъ будущемъ очень печальная судьба. Мы не въ силахъ уже переносить отъ Мадьяръ непрерывныя ругательства и насмѣшки, постоянныя напоминанія, что они побѣдители, а мы побѣжденные и, слѣдовательно, обязаны признать какую-то идею мадьярскаго государства, т. е. предаться безпрекословно мадьяризаціи; мы не можемъ болѣе ежедневно читать и слушать тысячи клеветъ и ругательствъ надо всѣмъ русскимъ и славянскимъ. Наше благосостояніе совершенно подрыто; наша церковь поругана, азбука вытѣснена, народность подавлена; всѣ наши святыни потоптаны гнусными ногами нашихъ гонителей. Что же остается намъ дѣлать, какъ не возстать съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своей вѣры и народности, хоть и въ полной увѣренности, что возстаніе это кончится нашимъ истребленіемъ; ибо что мы можемъ противопоставить милліонной арміи Австро-угорской, поддерживаемой сочувствіемъ всей западной Европы, ненавидящей въ насъ русское имя и природныя стремленія! Рѣшимость на самоубійство, съ отчаянія, для народа также возможна, какъ для частнаго человѣка.

Куда же намъ дѣваться и гдѣ искать пріюта и спасенія, если не въ единовѣрной и единокровной Россіи? А желанія наши скромны!

Если Россія не можетъ спасти насъ присоединеніемъ Угорской Руси къ остальнымъ областямъ Всероссійскаго края, то да удостоитъ насъ Царь-Освободитель хоть бы такой милости, какая оказана Татарамъ Добруджи и отведетъ нашимъ переселенцамъ,

на сколько нибудь удобныхъ условіяхъ, казенныя земли въ Крыму или даже на Амурѣ. Россія пріобрѣтетъ въ насъ жителей способныхъ и трудолюбивыхъ, гражданъ вѣрныхъ Царю и отечеству, незараженныхъ никакими соціалистическими или нигилистическими бреднями, связанныхъ съ кореннымъ населеніемъ великой имперіи и кровью, и вѣрою.

Хотя русская пословица говоритъ, что Богъ высоко, а Царь далеко, однако мы надѣемся на милосердіе Божіе и великодушіе Царево. Если вы, г. редакторъ, примите участіе въ нашемъ безвыходномъ положеніи опубликованіемъ настоящей статьи и если другія газеты, подражая вашему примѣру, познакомятъ съ нашимъ положеніемъ своихъ читателей, то мы надѣемся, что голосъ мой, поднятый по требованію и отъ имени многихъ, не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но подѣйствуетъ на мысль и сердца нашихъ русскихъ братьевъ, и стоящаго во главѣ ихъ великаго Царя всероссійскаго, и тогда приблизится, наконецъ, къ намъ испрашиваемое ежедневно въ молитвѣ Господней «Царствіе Божіе». Аминь.

Ломаки.

Между славянами есть прозвища, происшедшія не въ силу какой либо разнородности происхожденія, но отъ особыхъ историческихъ обстоятельствъ, въ которыя была поставлена извѣстная часть народа, получившая одно изъ этихъ прозвищъ. Таковы русскіе казаки, сербскіе ускоки; таковы и болгарскіе ломаки. До сихъ поръ въ наукѣ еще нѣтъ никакихъ сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній о ломакахъ, и рѣшительно нѣтъ ни одного ученаго изслѣдованія о нихъ. Даже въ географическомъ отношеніи мѣстность, ими населенная, именно горы Родопъ или Доспатодагъ, на лучшихъ картахъ, страдаетъ малоизвѣстностію. Въ послѣднюю русско-турецкую войну, наши войска, преслѣдуя армію Сулеймана-паши, доходили до жилищъ ломаковъ, но не проникали въ ихъ горы. Въ составѣ турецкихъ войскъ находились также и ломаки; нѣкоторые изъ нихъ были взяты въ плѣнъ и отправлены во внутрь Россіи. Въ Москвѣ, въ Спасскихъ казармахъ содержались четыре военно-плѣнныхъ ломака.

Предлагаемая статья написана частію по устнымъ преданіямъ, частію по непосредственнымъ наблюденіямъ.

Подъ именемъ ломаковъ разумѣютъ вообще болгаръ, принявшихъ исламъ. Болгары христіане называютъ ломаками всѣхъ безъ различія болгаръ, которые въ разное время перемѣнили свою вѣру на мухамеданскую; но сами болгары-мухамедане называютъ ломаками только тѣхъ изъ своихъ родичей и единовѣрцевъ, которые живутъ въ Доспатѣ и въ окрестностяхъ Плевны; македонскихъ же болгаръ-мусульманъ они не удостоиваютъ этого имени собственно потому, что эти отурчившіеся болгары не были тѣмъ, чѣмъ были настоящіе ломаки.

Первоначально это названіе присвоено было солдатамъ болгарскаго вспомогательнаго корпуса въ турецкой арміи. Надо замѣтить, что когда турки завоевали Болгарію, народъ болгарскій не находился въ такомъ полномъ подчиненіи, въ какомъ онъ очутился въ послѣднее время. Турки, покоривши своей власти болгаръ, хотя и обращались съ ними сурово, однако оставляли за ними, до нѣкоторой степени, право самоуправленія. Во всемъ, что касалось внутренней жизни, болгары управлялись своими старѣйшинами, которые и отвѣчали передъ турецкимъ правительствомъ за спокойствіе и благосостояніе народа. Они должны были предупреждать всякое народное возстаніе: имъ предоставлено было вначалѣ собирать и вносить въ турецкую казну подати и выставлять болгарское вспомогательное войско, предводителями котораго были они же сами. Прежде болгары платили туркамъ не слишкомъ обременительныя подати, но за то обязаны были давать людей для турецкаго войска. Эти болгарскія дружины назывались помагательными, а каждый отдѣльный воинъ назывался помакомъ. Въ болгарскомъ народѣ сохранилась прекрасная, мелодическая пѣсня, которая начинается такъ:

Ходилъ юнакъ, ходилъ помакъ
На пуста (проклятыя) войска татарска,
Ранили го, стрѣлили го
Триста дребни пушки (малыя ружья),
Три стрѣлы татарски.

Въ этой пѣснѣ разсказывается какъ юнакъ-помакъ ходилъ «въ проклѣто Анадольско» (въ Малую Азію) противъ татаръ, гдѣ его смертельно ранили. Это народное воспоминаніе о войнѣ Тамерлана или Демира съ турецкимъ султаномъ Баязидомъ Илдыремъ (молнія), сыномъ болгарской царевны Маріи,—войнѣ, въ которой участвовали какъ болгарскія, такъ и сербскія вспомогательныя войска.

Названіе,—Помаки было сначала общимъ для всѣхъ болгарскихъ вспомогательныхъ войскъ, безъ различія вѣроисповѣданія; но когда впослѣдствіи, въ XVI столѣтіи, по принужденію Зинанъ-паши, нѣкоторыя болгарскія области приняли мусульманство, тогда названіе это осталось собственно за войсками, выставляемыми этими омусульманенными областями, и, въ противуположность имъ, войско, набранное изъ болгаръ-христіанъ, стало называться войниками. Впослѣдствіи названіе помаковъ (помощниковъ) перенесено было

на всѣхъ болгаръ, которые потурчились, т. е. приняли исламъ, и сдѣлалось, такимъ образомъ, мѣстнымъ народнымъ прозвищемъ.

Какъ помаки, такъ и войники составляли два отдѣльные отряда въ турецкомъ войскѣ и были совершенно равноправны съ прочими турецкими войсками. Позднѣе, вслѣдствіе боязни измѣны со стороны болгаръ-христіанъ, турки начали стѣснять и ограничивать права отряда войниковъ, между тѣмъ, какъ отрядъ помаковъ продолжалъ всегда сохранять свою равноправность съ турками. Войниковъ стали не допускать къ участію въ битвахъ, отняли у нихъ пушки и ружья, начали мало по малу отнимать и всякое оружіе, такъ что, наконецъ, довели до полнаго обезоруженія. Когда послѣдній болгарскій отрядъ войниковъ изъ селъ Софійскаго округа, въ 1874 г., прибылъ въ Константинополь въ числѣ 1000 человѣкъ, то онъ, по обыкновенію, имѣлъ при себѣ только палки да косы. Такихъ безоружныхъ войниковъ употребляли, въ послѣднее время, для кошенія царскихъ луговъ. Подъ предводительствомъ своего воеводы, имѣвшаго красное знамя съ изображеніемъ луны и лисій хвостъ на шапкѣ, отрядъ вскорѣ былъ распущенъ по домамъ, какъ ненужный. Послѣдній случай вооруженнаго участія войниковъ произошелъ въ 60-хъ годахъ. Это были войники изъ Панигюриште, числомъ до 10 тыс., занимавшіеся царскими работами въ окрестностяхъ Константинополя. Въ это время привезли сюда трехъ болгарскихъ епископовъ Иларіона Трновскаго, Паисія Филиппольскаго и Аксентія Ловченскаго, предназначавшихся къ ссылкѣ въ Малую Азію. Узнавши про нихъ, войники бросились къ зданію, гдѣ были заключены эти три епископа, окружили его и двѣ недѣли отстаивали заключенныхъ, оказывая сопротивленіе туркамъ. Послѣ того они были обезоружены и отосланы домой. Помаковъ же, напротивъ того, правительство турецкое обратило въ регулярное войско, но уже не въ составѣ отдѣльнаго отряда, а вмѣстѣ съ прочими мусульманами въ общихъ рядахъ войска. Когда оказывалась сильная потребность въ вооруженныхъ людяхъ, тогда, сверхъ регулярныхъ салдатъ, помаки выставляли еще отрядъ баши-бузуковъ. Такъ было и во время послѣдняго болгарскаго возстанія.

Помаки въ Болгаріи живутъ въ трехъ мѣстностяхъ сплошнымъ населеніемъ. Самое многочисленное помацкое населеніе находится въ Доспатскихъ горахъ. Помацкія деревни, начинаясь отъ Бѣлаго моря (такъ болгары называютъ Архипелагъ), тянутся по вершинамъ и склонамъ живописнаго Доспата и оканчиваются

у Рыльской горы, гдѣ стоитъ знаменитый болгарскій монастырь св. Іоанна Рыльскаго. Нужно замѣтить, что помацкое населеніе простирается по откосамъ и предгоріямъ до самыхъ долинъ только съ южной стороны Доспата, обращенной къ Македоніи, тогда какъ съ сѣверной стороны, обращенной къ средней Болгаріи или Фракіи, оно держится лишь въ горахъ, на значительной высотѣ, не спускаясь ни въ предгорья, ни въ долины. Здѣсь находится болѣе другихъ извѣстная мѣстность Цѣпина, состоящая изъ нѣсколькихъ помацкихъ селеній.

Другое сплошное населеніе помаковъ живетъ между Плевною, Ловчемъ, Ряховомъ и Берковицей. Во время послѣдней войны, эти помаки съ ожесточеніемъ дрались противъ русскихъ войскъ и болгарскихъ бродячихъ дружинъ и вмѣстѣ съ турками ушли съ своими семействами въ Константинополь, при чемъ отъ голода, холода и заразительныхъ болѣзней погибло болѣе двухъ третей этого здороваго, мужественнаго и трудолюбиваго, чисто болгарскаго, по своему происхожденію, населенія. Жалкіе остатки этихъ помаковъ, изнуренные нищетою, голодомъ, жестоко страдали и теперь еще страдаютъ на чужбинѣ среди чуждаго имъ народа. У турокъ нѣтъ лишняго запаса хлѣба, чтобы кормить ихъ; продовольствія недостаетъ и для самихъ турокъ, бѣжавшихъ изъ Болгаріи; и вдобавокъ, какъ бы въ награду за свою храбрость и свои боевыя заслуги, они подвергаются разнымъ насмѣшкамъ за то, что не умѣютъ говорить по-турецки, а знаютъ только по-болгарски. Мало по малу они возвращаются на родину въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Третья мѣстность съ сплошнымъ населеніемъ помаковъ находится въ Нижней Болгаріи (въ Македоніи), въ окружіи Тиквеша. Тиквешъ можно даже назвать чистымъ помацкимъ городомъ. Эта мѣстность находится между Прилѣпомъ, Велесомъ, Битолемъ и Диброю. Здѣшніе помаки граничатъ на западѣ съ Албанцами и Дибрскими болгарами, которыхъ они весьма презираютъ, хотя и не смѣютъ слишкомъ много обижать.

Кромѣ этихъ главныхъ средоточій, населенныхъ помаками, есть еще въ разныхъ краяхъ Болгаріи отдѣльныя села, гдѣ живутъ потурченные болгары или помаки. Въ этомъ отношеніи болѣе всѣхъ выдается мѣстность Кочаны на юго-западъ отъ Штипа и на востокъ отъ Скопля (Ускюба); здѣсь насчитывается около десяти деревень, населенныхъ помаками. Въ другихъ мѣстахъ отдѣльныя села помаковъ встрѣчаются довольно рѣдко. И

замѣчательно, что отуречились тѣ села, которыя самою природою укрѣплены и лежатъ или въ горахъ, или въ какой нибудь защищенной горами долинѣ. Это объясняется тѣмъ же, чѣмъ и существованіе и права селъ войниковъ или, какъ турки ихъ называютъ, «войникъ-квойлеръ». А происхожденіе войницкихъ селъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что при завоеваніи Болгаріи турками, эти села не были вполнѣ и безусловно подчинены туркамъ, подобно остальнымъ болгарскимъ городамъ и селеніямъ, но держались очень долго противъ турокъ и сдались, наконецъ, добровольно, выговоривъ себѣ предварительно опредѣленныя права, подтвержденныя султанскими фирманами, которые до позднѣйшаго времени не нарушались турками изъ уваженія къ завѣщаніямъ старыхъ султановъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя села выхлопотали себѣ право, чтобы турокъ, проѣзжая черезъ каждое изъ этихъ селъ, слѣзалъ съ лошади и, ведя ее подъ уздцы, проходилъ пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока не минуетъ всего села. Такъ было въ Копривштицѣ, Панагюриштѣ, Цѣпинѣ и др. То же должно сказать и о помацкихъ селахъ. Они сначала сдались было туркамъ на извѣстныхъ условіяхъ, но, какъ только турки нарушали эти условія, они съ оружіемъ въ рукахъ предъявляли вновь свои права и волновали все мѣстное населеніе. Такъ какъ это были все горцы, неуступчивые и непокорные, то турки, не будучи въ состояніи подчинить ихъ прямо и безусловно своей власти подобно полянамъ, жителямъ равнинъ, прибѣгли къ окольному средству: они принуждали ихъ принимать мухамеданство. Хотя и этому помаки довольно долго противились, но когда уже не были въ состояніи защитить свои права противъ окрѣпшей въ странѣ турецкой силы, тогда они увидѣли, что единственнымъ средствомъ сохранить свои права и привиллегіи оставалась для нихъ перемѣна вѣры; и они, дѣйствительно, становились мусульманами.

Что процессъ отурченія помаковъ шелъ именно такимъ путемъ, показываетъ наглядно примѣръ горскаго округа Цѣпины въ Доспатскихъ горахъ. Этотъ маленькій, укрѣпленный самою природою, округъ былъ до XVIII столѣтія населенъ одними болгарами-христіанами войниками, но послѣ ихъ возстанія, которое еще по сю пору живо сохраняется въ памяти здѣшнихъ жителей, по разсказамъ стариковъ, округъ былъ снова покоренъ турками и жители были принуждены перемѣнить христіанство на исламъ, чтобы спасти свою жизнь. Болгаринъ Стефанъ Захаріевъ напе-

чаталъ въ своемъ «Описаніи Татаръ Пазарджикскаго округа» одинъ документъ, доставленный ему попомъ Ильею, писанный на пергаментѣ въ 1600 году, въ которомъ разсказывается, какъ цѣпинскіе болгары приняли мухамеданство. Вотъ содержаніе этого весьма любопытнаго и единственнаго памятника, сохранившаго о помакахъ наиболѣе полное и достовѣрное свидѣтельство: «Во время завоеванія турками Балканскаго полуострова, цѣпинскіе болгары, послѣ паденія Куртова и Раковицы,—двухъ крѣпостей (первая въ Рыльской планинѣ, а вторая недалеко отъ нынѣшняго города Ихтимана), еще цѣлыхъ 9 мѣсяцевъ сражались съ Гази-Даутъ-пашей; но когда не подъ силу имъ стало бороться съ многочисленнымъ войскомъ турецкимъ, они вынуждены были сдаться. При этомъ одни убѣжали въ горы Родопъ, гдѣ былъ какой-то правитель, носившій, по обыкновенію, названіе деспота, отъ чего и самый Балканъ въ этой части своей получилъ у нихъ названіе Доспата (греки называютъ его Родопомъ), а другіе нашли лучшимъ отправить посольство въ Филиппополь къ Лала-Шабхедину, обязуясь подчиниться слѣдующимъ условіямъ: 1) уничтожить всѣ цѣпинскія крѣпости; 2) платить дань съ каждаго человѣка по одному червонцу на военныя издержки; 3) десятую часть всѣхъ произведеній отдавать Гази-Дауту-пашѣ; 4) всѣ мужчины отъ 20 до 35 лѣтъ должны поступать въ турецкую армію, какъ помощники; 5) сохранить церковную независимость. Далѣе о принятіи мухамеданства цѣпинскими болгарами разсказывается такъ: «Когда турецкій повелитель царь Мухамедъ, называемый ловецъ (охотникъ), поднялся войною противъ Греціи (Мореи) и выслалъ 105 тыс. войска на корабляхъ по морю и 150 тыс. сухимъ путемъ, тогда пришли въ Пловдинъ-градъ (Филиппополь) шесть пашей и прошли черезъ Пештеру на другую сторону горнаго хребта. Съ ними былъ Мехмедъ-паша со многими янычарами, который проникъ въ Константово въ Цѣпинѣ. Собралъ онъ тогда всѣхъ поповъ и кметовъ, заковалъ ихъ въ цѣпи и сказалъ: «эй, вы, свиньи, васъ милуетъ Али-Османъ-падишахъ (султанъ), а вы не платите никакихъ податей; только, когда нужно, вы доставляете вспомогательный отрядъ для нашего войска, а мы васъ милуемъ и жалуемъ, какъ нашихъ янычаръ, а вы захотѣли поднять голову (возстать) противъ своего царя?» Тогда банъ Вельо и протопопъ Константинъ отвѣтили: «честитый визирь! наши молодцы недавно ходили вмѣстѣ съ царскими войсками по Тунису, Триполю и по Египту. Что же вы замѣтили въ насъ опаснаго?»

А паша сказалъ: «Вы лжете. Мнѣ объ этомъ сообщилъ филипопольскій карабашъ, черноголовый Пловдинскій попъ». (Митрополитъ, проклятый Гавріилъ,—поясняетъ рукопись). Тогда они возразили: «Онъ не нашъ митрополитъ: онъ не повелѣваетъ нами и клевещетъ на насъ потому, что мы никогда не платимъ ему духовныхъ даней». Паша отвѣчалъ: «Развѣ вы не гяуры, почему же не платите ему? Вотъ откуда видно, что вы непріятели и враги». И приказалъ янычарамъ перерѣзать всѣхъ. Тогда нѣкій Кара-Имамъ-Гасанъ-Ходжа упросилъ пашу простить ихъ, если они примутъ мусульманскую вѣру. Въ день св. Георгія Побѣдоносца отурчились банъ-Вельо, протопопъ Константинъ, попъ Гюрге и попъ Дмитрій въ Костантовѣ и всѣ кметы и попы другихъ окрестныхъ селъ. Такъ какъ въ то время былъ большой голодъ, то паша оставилъ еще четырехъ ходжей (турецкихъ духовныхъ лицъ), чтобы насъ турчили, и тѣмъ кто приметъ мусульманскую вѣру, давали хлѣбъ; а самъ паша черезъ Разлогъ уѣхалъ въ Салоники. Наши продолжали турчиться до св. Богородицы (Успеньевъ день). Тѣ, которые не хотѣли принимать мусульманскую вѣру, были перерѣзаны, а другіе бѣжали въ горы; домы же ихъ были сожжены. Гасанъ-ходжа послалъ много лошадей въ городъ (Татаръ-Пазарджикъ) и привезли хлѣба и остановились въ церквахъ св. Петки и св. Апостола Андрея въ Костантовѣ и раздали всѣмъ потурченнымъ семействамъ по 2 мѣры ржи и по 2 мѣры проса; и уже къ празднику св. Петки пришелъ отъ царя фирманъ, въ которомъ объявлялось, чтобы болгары, убѣжавшіе въ горы, собирались на свои старыя мѣста и становились раей (т. е. подданными безъ прежнихъ своихъ правъ) съ обязанностями, какія были положены для всѣхъ прочихъ подданныхъ султана. Они должны были платить всѣ подати, давать харачъ, т. е. выкупъ за то, что не брали ихъ въ войско, справлять ангарію т. е. безплатно доставлять подводы и прочія перевозочныя средства для войскъ. Тѣ изъ бѣглецовъ, которые потурчились, построили себѣ домы въ Каменцѣ и въ Ракитовѣ. Тогда же большая часть бѣглецовъ со страха пошли на старую Рѣку и выстроили новую деревню Батьево. Гасанъ-ходжа съ зависти подбилъ потурченяковъ и они разорили всѣ церкви и монастыри отъ Костенца до Станимака: 33 монастыря и 218 церквей. И такъ Божіимъ попущеніемъ разорились и отурчились болгары въ Цѣпинѣ.—Помяни Господи, грѣшнаго и недостойнаго раба твоего попа Методія Драгинова изъ села Корова. Записалъ въ лѣто $\overline{\text{а}}$ х 1600.»

Другой подобный примѣръ отурченія болгаръ представляютъ помаки южной и сѣверо-западной Македоніи.—Такъ, напр., помаки Тиквешскаго округа отурчены недавно, въ 1820 году. Поводъ къ этому подали туркамъ сами же болгары. Во время греческаго возстанія болгары Македоніи принимали въ немъ самое дѣятельное участіе, и нѣкоторые изъ знаменитыхъ вождей возстанія были родомъ болгары. Для примѣра можно указать на Марка Бочкара, родомъ изъ города Водена въ Македоніи, который между возставшими греками извѣстенъ былъ подъ именемъ Боцариса. Такъ болгаринъ Стоянъ—воевода и съ нимъ 200 человѣкъ болгаръ всѣ погибли, но не сдались, на островѣ Критѣ. Болгары, не знавши тогда рѣшительно, кто они такіе, какого рода и племени, и именовавшіе себя просто гяурами, какъ называли ихъ турки, возстали вмѣстѣ съ греками, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Македоніи даже всѣ поголовно. Это возстаніе болгаръ, точно также какъ и вся война за освобожденіе Греціи, даже у турокъ называется «завѣра», т. е. войною за вѣру. Послѣ усмиренія греческаго возстанія были вновь подчинены и возставшіе мѣстами болгары. Самое сильное сопротивленіе оказали туркамъ болгары Тиквеша съ окрестными селами. Турки бомбардировали какъ самый городъ Тиквешъ и близъ лежащій Нѣгошь, такъ точно и каждую деревню въ отдѣльности. Послѣ подавленія возстанія, турки предложили жителямъ или перемѣнить вѣру и принять мусульманство, или же умереть вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Многіе рѣшились лучше умереть, чѣмъ измѣнить вѣрѣ своихъ предковъ; но большая часть приняла мусульманство и теперь они, хотя не слишкомъ ревностные мусульмане, но ревностные притѣснители своихъ братьевъ христіанъ.—Въ Охридской епархіи также находятся нѣсколько селъ, какъ, напр., Козякъ, Ловцы, Буково и др. отурчившіяся очень недавно, такъ что есть между ними старики, которые хорошо помнятъ, когда они приняли мусульманство.

Наружностью своею Доспатскіе помаки значительно отличаются отъ сосѣднихъ восточно-румелійскихъ болгаръ, не смотря на то, что мѣстность, обитаемая тѣми и другими, не представляетъ почти никакой разницы. Тогда какъ послѣдніе высокаго роста, съ продолговатымъ смуглымъ лицомъ, сухощавые, — помаки роста средняго, широкоплечіе, лицо имѣютъ бѣлое красноватое и округлое. Одѣваются они полуболгарски, полутурецки, носятъ разноцвѣтныя чалмы, контоши (куртки съ рукавами),

или ментаны, хабы (куртки съ разрѣзными и откинутыми назадъ рукавами,) весьма широкіе шальвары и обуваются въ цервули (тоже что сербскіе опанки) изъ сыромятной воловьей шкуры, которыя притягиваютъ красивыми пестрыми тесмами, обматываемыми вокругъ ногъ повыше ступней. Вокругъ стана неизбѣжный широкій поясъ, за которымъ воткнуты два пиштоля и ятаганъ; за плечомъ короткое горное ружье, называемое дагалика, отличающееся отъ длиннаго арнаутскаго ружья.—Обыкновенныя ихъ занятія—приготовленіе строительнаго матеріала, который отправляется въ Константинополь и другія мѣстности: этому способствуетъ обиліе лѣса въ ихъ горахъ — сосны, которая называется, какъ и у Сербовъ, боръ, и кедра. Оттого и живутъ они въ чистыхъ досчатыхъ домахъ, а не въ колыбахъ изъ плетня, какъ другіе болгары. Другое обычное ихъ занятіе есть скотоводство. Торговля ихъ большею частію переносная: они переносятъ товары изъ Ѳракіи въ Македонію и обратно; много также продаютъ они ткацкихъ бердъ своего издѣлія, съ которыми можно часто встрѣтить помака въ городахъ восточной Румеліи. Они нанимаются въ пандуры и сторожа. Гдѣ есть полевой сторожъ помакъ, тамъ на далекомъ разстояніи боятся его, потому что онъ честенъ, строгъ и суровъ въ исполненіи своей обязанности.

Въ спокойномъ состояніи помаки добры, гостепріимны и въ особенности отличаются памятливостью ко всему хорошему, что сдѣлано для нихъ; но въ возбужденномъ состояніи и на войнѣ они не укротимы и жестоки. Дома у себя они уважаютъ христіанство и нѣкоторые христіанскіе обряды, но, будучи во враждѣ съ христіанами, являются суровыми ихъ истребителями. Выше упомянуто было о сожженіи ими церквей и монастырей въ ту пору, когда они принимали исламъ. Но и въ недавнее время, лѣтъ сорокъ тому назадъ, они выжгли въ Батакѣ нѣсколько церквей, при чемъ погибло множество древнѣйшихъ драгоцѣнныхъ рукописей, изъ коихъ нѣкоторыя писаны были, по свидѣтельству мѣстныхъ священниковъ, языкомъ малопонятнымъ. Соображая, что о греческомъ языкѣ такого отзыва, по крайней мѣрѣ, по наружному виду письма, духовенство болгарское не могло дать, и что другой письменности, какъ, наприм., турецкой, румынской или албанской, въ церквахъ православныхъ не могло находиться: а, съ другой стороны, принимая во вниманіе, что болгары не имѣютъ въ своемъ говорѣ грамматическихъ формъ особенно надежныхъ, которыми такъ обиленъ языкъ церковно-славянскій,—

должно заключить, что огонь помаковъ истребилъ сокровища древнѣйшей церковно-славянской письменности, быть можетъ, единственныя и неоцѣнимыя по своей старинѣ и полнотѣ. Такое же варварство совершено было еще позднѣе въ Каменцѣ. Здѣсь кстати не лишнимъ будетъ упомянуть хоть и мимоходомъ, что монастыри и церкви южной Болгаріи и Македоніи хранили въ своихъ чардакахъ обильные памятники древнѣйшей письменности: но греческое духовенство дѣлало съ ними то же, что и помаки. Греческій митрополитъ сжегъ славянскія рукописи въ Татаръ-Пазарджикѣ; другой греческій митрополитъ, Григорій, сжегъ славянскія рукописи въ церкви Черногоровой, близъ Филиппополя: патріаршая славянская библіотека въ Тырновѣ горѣла нѣсколько дней, подожженная митрополитомъ Илларіономъ. Въ Софіи, въ церкви св. Краля, сожжены митрополитомъ грекомъ всѣ славянскія книги.

Языкъ помаковъ болгарскій; но, подобно многимъ другимъ мѣстностямъ, Доспатъ—планина имѣетъ свое отличіе, какъ въ употребленіи многихъ словъ, неизвѣстныхъ другимъ болгарамъ, такъ и въ произношеніи полугласныхъ звуковъ, встрѣчающихся въ серединѣ слова. Но что весьма важно для языко-изслѣдователя—такъ это остатокъ обоихъ носовыхъ звуковъ, уцѣлѣвшихъ въ нарѣчіи помаковъ, и нѣкоторыхъ падежныхъ формъ, незнакомыхъ уже болгарамъ. Изученіе нарѣчія помаковъ въ совокупности съ ихъ преданіями, пѣснями, наружнымъ видомъ и обликомъ и въ связи съ ближайшими нарѣчіями болгарскимъ и сербскимъ въ Македоніи, можетъ повести къ важнымъ открытіямъ и даже къ установленію новаго понятія о томъ языкѣ, на который было переведено св. писаніе Кирилломъ и Меѳодіемъ. Не даромъ ученые различнымъ образомъ рѣшали этотъ вопросъ: одни признавали языкъ св. писанія за сербскій, другіе за словенскій или хорутанскій, третьи за сербо-болгаро-македонскій, четвертые даже за русскій: Шафарикъ назвалъ его древне-болгарскимъ и это мнѣніе принято новѣйшею наукою. Но Шафарикъ, очевидно, назвалъ его такъ по мѣстности, ибо дѣйствительно та мѣстность, въ которой жили славянскіе первоучители, хотя и греческая, но соприкасается съ болгарами и принадлежитъ къ славянскому восточному говору. Но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы языкъ св. писанія былъ именно болгарскимъ. Напротивъ, древній языкъ ближайшей къ г. Солуню славянской мѣстности, хотя былъ несомнѣнно славянскимъ восточнаго говора; однако кто были сла-

вяне, которые говорили этимъ языкомъ. — до сихъ поръ не рѣшено. Имя ихъ остается неизвѣстнымъ. Видно также то, что болгары, пришедшіе сюда, старались усвоить себѣ этотъ древній славянскій языкъ, но неудачно. Хотя они и стали говорить по славянски, но никакъ не могли совладѣть съ падежными формами, удержавши только кое-гдѣ родительный падежъ, а остальные падежи отличая или предлогами или приставкою въ концѣ слова указательнаго мѣстоименія; а это и служитъ сильнымъ доказательствомъ того, что языкъ ихъ былъ заимствованъ или, такъ сказать, заученъ съ языка здѣшнихъ славянъ-старожиловъ. Сравнительно большее количество формъ и носовые звуки въ нарѣчіи помаковъ и даже самыя физическія особенности этихъ планинскихъ болгаръ, очевидно, тверже сохранившіяся въ глухой гористой мѣстности, наводятъ на предположеніе, что доспатскіе болгары, до отреченія своего жившіе въ горномъ кряжѣ Родопа, приняли въ себя много крови старожилыхъ славянъ-туземцевъ и представляютъ хотя уже чрезвычайно слабый намекъ на этихъ старыхъ безыменныхъ македонскихъ славянъ, языкомъ которыхъ воспользовались всѣ славянскіе апостолы и первоучители. Стало-быть, вопросъ объ языкѣ св. писанія остается по прежнему вопросомъ.

И. Г.

На далекой окраинѣ.

Эти свѣтлыя долины,
Плющъ и скалы, и руины,
Водопадъ и плескъ ручья,
Бѣлоснѣжныя вершины—
Все бы нынче отдалъ я,
Все—за вечеръ тихій-тихій
У пруда, у сонныхъ водъ!..
Воздухъ еле шелохнетъ,
Пахнетъ гарью и гречихой...
Надъ прудомъ туманъ стоитъ,
Темный лѣсъ за нимъ синѣетъ.
Избы ветхія чернѣютъ...
Шумъ умолкнулъ—все молчитъ;
Только гдѣ-то, тамъ далеко
На селѣ слышна свирѣль
Да трещитъ въ травѣ высокой
Безустанный коростель...
Солнце сѣло; неизбѣжна,
Какъ вседневная печаль,
Ночь находитъ, и безбрежно
На поляхъ темнѣетъ даль...
Милый другъ! у двери рая
Я вздохнулъ бы, вспоминая
Тишину родныхъ полей..,
Я бъ заплакалъ съ прежней силой
По далекой, вѣчно милой,
Бѣдной родинѣ моей!

Кутаисъ
1878 г

Синтезъ ученій объ экономической политикѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Оцѣнка экономическихъ явленій, вытекающихъ изъ системы свободной конкурренціи.—§ 1. Система свободной конкурренціи есть система монополій.—§ 2. Слѣдствія системы свободной конкурренціи въ области производства.—§ 3. Слѣдствія системы свободной конкурренціи въ области обмѣна.—§ 4. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области распредѣленія.

§ 1. Основное требованіе школы свободной конкурренціи заключается въ устраненіи всякаго законодательнаго регулированія экономическихъ явленій. Основаніемъ этому требованію служитъ убѣжденіе, что неограниченная свобода борьбы частныхъ интересовъ есть непремѣнное условіе осуществленія наилучшаго экономическаго порядка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и человѣческой свободы.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ понятія о *свободѣ*. Замѣтимъ только, что свобода, *въ смыслѣ независимости проявленія человѣкомъ своей воли*, ограничивается: внѣшнею природою, природою человѣка, юридическими постановленіями и соціальными условіями (житейская обстановка). Въ юридическомъ ограниченіи воли—на сколько оно имѣетъ цѣлью и дѣйствительно производитъ уменьшеніе господства однихъ членовъ общества надъ другими и удѣленіе каждому возможно равной доли свобододѣйствія для достиженія личнаго благосостоянія—обыкновенно видятъ не стѣсненіе свободы, а лишь ограниченіе произвола, ибо нравственно-разумная личность даетъ полную санкцію ограниченію закономъ ея воли ради общаго интереса. Мысль, чувство и воля нравственно-разумной личности находятся здѣсь въ полной гармоніи съ юридическимъ ограниченіемъ дѣйствій. Исходя именно изъ этой мысли, Руссо строилъ свою теорію «общественнаго договора», а Кантъ и другіе философы—теорію права и обязанности.

Школа свободной конкурренціи отвергаетъ, на основаніи извѣстныхъ намъ уже посылокъ, ограниченіе частнаго хозяйственнаго интереса и полагаетъ, что тѣмъ самымъ она расширяетъ область свободы. На самомъ же дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, она приводитъ къ противоположному результату. Мы увидимъ, что высокія мечты гуманнаго умственнаго движенія XVIII вѣка и французской революціи, полагавшихъ, что достаточно уничтожить привиллегіи, объявить всѣхъ людей равными передъ закономъ и предоставить народное хозяйство борьбѣ индивидуальныхъ интересовъ,—и благоденствіе разольется на землѣ,—мечты эти оказались несостоятельными. Съ развитіемъ либеральныхъ учрежденій, вмѣсто прежнихъ юридическихъ привиллегій, явились фактическія привиллегіи. Каждый человѣкъ получилъ по закону право прилагать свой трудъ къ дѣлу, къ которому онъ чувствуетъ наибольшую склонность, получилъ право занять любое положеніе въ государствѣ, а, между тѣмъ, цѣлыя массы людей часто не могутъ даже найдти простую черную работу, не могутъ продать своей рабочей силы и вынуждены жить милостынею. Въ Англіи, наиболѣе примѣнившей принципы свободной конкурренціи, гдѣ, притомъ, національное богатство громадно, существуетъ постоянный и многочисленный (колеблющійся между 600 т. и 1,000,000 лицъ) классъ здоровыхъ работниковъ, которые, за невозможностью продать на рынкѣ свою рабочую силу, живутъ на счетъ общественной благотворительности. «*Либерализмъ*» хотѣлъ сдѣлать трудъ свободнымъ, а вмѣсто того подчинилъ его игу капитала. Онъ мечталъ объ общественномъ благосостояніи, а создалъ крайнюю шаткость, необезпеченность общественныхъ отношеній, нищету и крайнюю бѣдность большинства населенія. Онъ поставилъ себѣ цѣлью уничтоженіе монополій; но устраненныя имъ юридическія монополіи замѣнились гигантскою фактическою монополіею. Онъ хотѣлъ сдѣлать просвѣщеніе общимъ достояніемъ, а сдѣлалъ его привиллегіею владѣющихъ классовъ. Словомъ, онъ стремился къ возможно широкой свободѣ, а въ результатѣ получилъ новые виды закрѣпощенія. Онъ желалъ прямо противоположное тому, къ чему привелъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, оказалось, что «*Либерализмъ*», какъ теорія, есть *утопія* *) и представленіе, которое

*) Въ практической же жизни либеральная фракція общества, къ которой принадлежатъ почти всѣ крупные и средніе работодатели, ради защиты своихъ интересовъ, постоянно впадаетъ въ противорѣчія. Она требуетъ свободы только для себя, для капитала, и отрицаетъ свободу для труда, требуя, напримѣръ,

соединяется съ словами: «либерализмъ», «свободная конкурренція» не соотвѣтствуютъ ихъ реальному значенію. Эти слова служатъ только источникомъ путаницы въ понятіяхъ, давая поводъ предполагать, *что дѣло идетъ о свободѣ* и что всякое ограниченіе свободы конкурренціи тождественно съ уменьшеніемъ области гражданской свободы *). На самомъ же дѣлѣ, современный либерализмъ отстаиваетъ даже не свободную конкурренцію, въ ея истинномъ смыслѣ, въ какомъ понимали ее физіократы и Адамъ Смитъ, а монополіи. Этимъ и объясняется крайне интересный, заслуживающій особеннаго вниманія, фактъ, что въ то время, какъ Манчестерская школа требуетъ, ради осуществленія свободы конкурренціи, невмѣшательства государства, Милль, ради того же самаго, требуетъ вмѣшательства государства въ народное хозяйство (см. его Основ. Пол. Эк. т. I. стр. 255 и 256). Законы, по его мнѣнію, должны смягчать неравенства, вытекающія изъ естественнаго дѣйствія принципа собственности, и содѣйствовать тому, чтобы каждый начиналъ карьеру съ надлежащими средствами. Дальнѣйшій разборъ системы свободной конкурренціи выяснитъ намъ, почему она привела въ дѣйствительности прямо къ противоположному тому, о чемъ мечтали ея провозвѣстники.

Экономическая дѣятельность народа распадается на три главнѣйшія функціи: A) производство цѣнностей; B) обмѣнъ; C) распредѣленіе цѣнностей. Разсмотримъ способы выполненія этихъ функцій при свободной конкурренціи.

A. Производство.

§ 2. Правильная организація производства должна удовлетворять слѣдующимъ четыремъ условіямъ: 1) возможно большей производительности труда; 2) соотвѣтствію производства съ потребностями; 3) равномѣрному распредѣленію труда; 4) гигіенической обстановкѣ труда.

1) Благопріятныя слѣдствія свободной конкурренціи находятся единственно въ области перваго условія. Конкурренція побуждаетъ

отъ правительства запрещенія стачекъ. Она уничтожила въ Западной Европѣ феодальныя политическія привиллегіи и установила, посредствомъ имущественнаго ценза, политическія привиллегіи для себя.

*) Въ эту ошибку впадаетъ даже одинъ изъ корифеевъ экономической науки и притомъ противникъ Манчестерской школы, а именно Шефле. Въ борьбѣ „либерализма“ съ „соціализмомъ“, онъ видитъ борьбу принциповъ: свободы и равенства. См. его Kapitalismus u. Socialismus. 2. Auf.

производителя приготовлять цѣнности возможно лучшими техническими процессами и возможно экономически. Но и здѣсь система свободной конкурренціи представляетъ слѣдующія невыгодныя стороны:

а) Эта система *имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ существованіе наемнаго труда.* Наемный работникъ не заинтересованъ въ бережномъ обращеніи съ сырымъ матеріаломъ. Хозяинъ предпріятія лично или нанятые имъ надсмотрщики должны наблюдать, чтобы рабочій употреблялъ сырого матеріала не болѣе того, сколько необходимо для производства извѣстнаго предмета. Если этотъ контроль и достигнетъ своей цѣли, все-таки общество теряетъ вслѣдствіе отвлеченія труда отъ производства положительныхъ цѣнностей для надобностей надзора. Далѣе, рабочій, незаинтересованный въ результатѣ труда, нисколько не заботится о томъ, произведетъ ли онъ въ данное время большее или меньшее количество продуктовъ. Онъ проявляетъ напряженность труда лишь настолько, сколько необходимо, чтобы не быть прогнаннымъ изъ мастерской. Хозяинъ предпріятія безсиленъ устранить этотъ неблагопріятный фактъ, онъ не можетъ вызвать у наемнаго работника всю энергію, всю напряженность, съ какою послѣдній можетъ работать. Народное хозяйство много теряетъ вслѣдствіе такихъ условій труда. Поэтому, если еще не пришло время для полнаго устраненія наемнаго труда, то, во всякомъ случаѣ, задача государства заключается въ уменьшеніи объема его приложенія. Это уменьшеніе, какъ увидимъ ниже, вызывается и многими другими, еще болѣе важными соображеніями.

б) Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ свободной конкурренціи, является тотъ фактъ, *что матеріалъ и орудія труда (земля и капиталъ) находятся во владѣніи лишь одной и притомъ меньшей части общества.* Неимущему большинству предоставляется поддерживать свое существованіе единственно продажею своей рабочей силы. Но удастся ли работнику продать свой трудъ, системѣ свободной конкурренціи до этого нѣтъ дѣла, хотя результатомъ этой неудачи является или голодная смерть, или нищенство. Такимъ образомъ, *свободная конкурренція отказываетъ человѣку въ правѣ на трудъ и жизнь.* Этотъ безчеловѣчный отказъ получаетъ тѣмъ болѣе реальное значеніе, что свободная конкурренція, защищая неограниченное право собственности, предоставляетъ произволу обладателей рабочаго матеріала прилагать или не прилагать къ нему рабочую силу и вообще выбирать любой видъ пользованія

имъ, вслѣдствіе чего происходитъ, что, въ то время какъ огромныя пространства земли, годной къ обработкѣ, остаются невоздѣланными, сотни тысячъ здоровыхъ работниковъ не имѣютъ занятій и пробиваются нищенствомъ.

в) *Примѣнимость машинъ при наемномъ трудѣ гораздо тѣснѣе сравнительно съ примѣнимостью ихъ, какъ замѣстительницъ человѣческаго труда вообще.* Машина, какъ замѣстительница человѣческаго труда, имѣетъ приложеніе, когда количество труда, необходимое для постройки и эксплоатаціи ея, при данной интензивности ея работы и при данномъ ея изнашиваніи, менѣе того количества труда, которое требуется при выполненіи работы исключительно ручнымъ трудомъ. Положимъ, какой-либо продуктъ, при ручномъ трудѣ, является результатомъ 1000 рабочихъ дней (примемъ 300 рабочихъ дней въ году). Изобрѣтается машина, на постройку которой требуется 400 рабочихъ дней; періодъ полнаго изнашиванія ея—годъ; для наблюденія за нею требуется одинъ рабочій; на топливо, масло и другіе вспомогательные предметы идетъ 50 рабочихъ дней; производитъ она въ годъ такое же количество продукта, какое, при ручномъ трудѣ, производилось 1000 рабочими днями. Выгода примѣненія подобной машины очевидна:—сберегается 250 рабочихъ дней. При наемномъ трудѣ граница примѣнимости машинъ съуживается. И это потому, что машина здѣсь конкуррируетъ не со всѣмъ количествомъ вытѣсняемаго ею труда, какъ это имѣло мѣсто въ приведенномъ нами примѣрѣ, а лишь съ оплачиваемымъ трудомъ *). Причина этого факта понятна. Вслѣдствіе раздѣленія труда, машины составляютъ особую отрасль промышленности. Капиталистъ, покупая машину, уплачиваетъ, какъ за необходимый, такъ и за прибавочный трудъ, короче:—за весь трудъ, пошедшій на постройку машины; между тѣмъ, въ своемъ промышленномъ занятіи, онъ оплачиваетъ только стоимость рабочей силы, то-есть необхо-

*) Работодатель покупаетъ рабочую силу за извѣстную поденную плату. Количество труда, заключающееся въ этой платѣ или, что то же, въ жизненныхъ средствахъ, покупаемыхъ рабочимъ за эту денежную плату, всегда меньше количества труда, заключеннаго въ дневномъ продуктѣ рабочей силы; иначе наемъ работника не имѣлъ бы смысла для работодателя. Такимъ образомъ, рабочій день можетъ быть раздѣленъ на двѣ части. Первая часть представляетъ то количество труда работника, которое равняется труду, заключенному въ денежной поденной платѣ; вторая часть представляетъ трудъ, поступающій въ пользу работодателя. По терминологіи Маркса, первая часть рабочаго дня называется „оплачиваемымъ“, а также „необходимымъ“ трудомъ, вторая—„прибавочнымъ“ трудомъ.

димый трудъ. Если изъ 10 часоваго рабочаго дня необходимый трудъ составляетъ половину, то, очевидно, для капиталиста нѣтъ никакой выгоды вводить вышеуказанную машину, ибо производство ея, надзоръ за ней и затраты на вспомогательныя вещества составляютъ 750 рабочихъ дней, а примѣненіе ея.—не смотря на выработку ею того же количества продукта, какое при ручномъ трудѣ создается въ 1000 рабочихъ дней,—замѣняетъ для капиталиста только 500 рабочихъ дней. Примѣнивъ машину, при такихъ условіяхъ, капиталистъ потерпѣлъ бы убытокъ, равный стоимости 100 рабочихъ дней *).

г) *Въ системѣ свободной конкурренціи большое производство побѣждаетъ малое.* Это ведетъ съ собою большія выгоды для производства (о соціальныхъ послѣдствіяхъ скажемъ ниже), но, въ то же время, имѣетъ тенденцію монополизировать отдѣльныя отрасли промышленности, вслѣдствіе чего исчезаютъ въ такихъ монополизированныхъ отрасляхъ промышленности единственныя выгоды конкурренціи, какъ стимула возможно большаго и дешеваго производства **).

Единственныя средства къ устраненію проистекающихъ для общества потерь отъ монополизаціи отраслей промышленности заключаются или въ передачѣ ихъ въ вѣдѣніе государства, или въ установленіи надъ ними государственнаго контроля. А такъ какъ свободная конкурренція, по присущему ей закону развитія, ведетъ къ постоянному расширенію объема монопольныхъ предпріятій, то, слѣдовательно, уже по одной этой причинѣ, *должна постоянно увеличиваться область государственнаго хозяйства и государственнаго вмѣшательства.*

*) Неодинаковостью раздѣленія рабочаго дня на оплачиваемый и прибавочный трудъ въ разныхъ странахъ, въ различное время и въ разныхъ производствахъ, обусловливаются границы примѣненія машинъ. Машина, введенная въ одной странѣ, не имѣетъ мѣста въ другой, гдѣ рабочая сила стоитъ дешевле. Такъ въ Англіи изобрѣтаются машины, которыя могутъ быть примѣнены только въ Америкѣ. Равнымъ образомъ, французскія изобрѣтенія XVIII вѣка эксплоатировались только въ Англіи, гдѣ стоимость рабочей силы въ то время была выше. Американцы изобрѣли и употребляютъ машину для разбивки камней, но англичане не примѣняютъ ее, потому что ручной трудъ обходится дешевле.

**) Особенно яркіе примѣры полнаго парализированія конкурренціи путемъ сдѣлокъ между крупными капиталистами и образованія, такимъ образомъ, монополизированныхъ отраслей промышленности представляетъ исторія частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Сѣверной Америкѣ, Великобританіи и Франціи. См. „Eisenbahnreform“, Perrot и „Желѣзнодорожное Хозяйство“ проф. Чупрова.

Таковы недостатки системы свободной конкурренціи въ томъ отдѣлѣ производства, гдѣ она проявляется еще наиболѣе благопріятно. Теперь разсмотримъ ея проявленія въ слѣдующихъ трехъ отдѣлахъ производства.

2. Правильно организованнымъ производствомъ можетъ быть названо лишь такое, гдѣ распредѣленіе труда и капитала по различнымъ производительнымъ занятіямъ опредѣляется потребностями гражданъ. Въ конкурренціонной системѣ направленіе производства опредѣляется совершенно другимъ, а именно: наибольшею прибылью отъ промышленнаго предпріятія. Громадное число людей можетъ испытывать недостатокъ въ удовлетвореніи самыхъ необходимыхъ потребностей; но если они не имѣютъ средствъ оплатить созданіе нужныхъ имъ предметовъ, производство направится на выработку предметовъ самой утонченной роскоши, тщеславія, за которыя рынокъ предлагаетъ хорошія цѣны. *Рыночныя цѣны, а не потребности, опредѣляютъ направленіе конкурренціоннаго производства, и темныя стороны такого порядка дѣлъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ неравномѣрнѣе распредѣленіе.*

Но, и помимо несоотвѣтствія конкурренціоннаго производства общественнымъ нуждамъ, классифицированнымъ по степени ихъ настоятельности, оно находится въ постоянномъ разладѣ и съ рыночнымъ спросомъ. Управляемое спекулятивными соображеніями о полученіи возможно бо́льшей прибыли, оно непрерывно впадаетъ въ ошибки и создаетъ тѣ или другіе предметы, въ количествѣ большемъ противъ существующаго на рынкѣ спроса. Исторія европейской промышленности въ XIX столѣтіи представляетъ постоянную смѣну самыхъ отчаянныхъ спекуляцій, лихорадочнаго напряженія кредита подъ вліяніемъ невѣрныхъ разсчетовъ на спросъ, отсюда излишняго производства, приводящаго къ торговымъ и денежнымъ кризисамъ. Кризисы уменьшаютъ спросъ на трудъ, массы работниковъ лишаются занятій и національное хозяйство много теряетъ вслѣдствіе вынужденной кризисами праздности труда и капитала *).

*) Данныя изъ исторіи англійской хлопчато-бумажной промышленности, помѣщенныя въ книгѣ Маркса «Капиталъ», могутъ служить хорошимъ образчикомъ, какъ частости кризисовъ въ современной европейской промышленности, такъ и вліянія ихъ на судьбу рабочихъ. Съ 1770 по 1815 годъ, англійская хлопчато-бумажная промышленность находилась въ застоѣ или въ стѣсненномъ положеніи въ продолженіе 5-ти лѣтъ. Въ теченіи этого 45-ти лѣтняго періода, англійскіе

3) Свободная конкурренція *имѣетъ неизбѣжнымъ результатомъ крайне неравномѣрное распредѣленіе труда.* Въ то время, какъ рантье получаютъ право и возможность вести вполнѣ праздную жизнь, неимущіе классы обременены чрезмѣрнымъ трудомъ, не только не оставляющимъ имъ досуга для умственнаго развитія, но и дѣйствующимъ вредно на здоровье. Ни въ одну эпоху рабочій день не былъ такъ длиненъ, какъ въ новѣйшее время, когда свободная конкурренція получила господство. То удлиненіе рабочаго дня, которое, съ половины XV и до конца XVIII

фабриканты пользовались монополіей машинъ и міроваго рынка. Съ 1815 по 1821 г.—застой; 1822 и 1823 г.г.—процвѣтаніе; 1824 г.—отмѣна закона объ ассоціаціяхъ, общее громадное развитіе фабрикъ; 1825 г.—кризисъ; 1826 г.—ужасная нищета и волненія между рабочими хлопчато-бумажныхъ фабрикъ; 1827 г.—небольшое улучшеніе; 1828 г.—сильное увеличеніе количества паровыхъ ткацкихъ станковъ и вывоза; 1829 г.—вывозъ, по преимуществу въ Индію, превзошелъ вывозъ всѣхъ прежнихъ лѣтъ; 1830 г.—переполненный рынокъ, сильная нужда; 1831 и 1832 г.г.—это состояніе продолжается; у Остъ-Индской компаніи была отнята монополія торговли съ Китаемъ и Индіею; 1834 г.—быстрое возрастаніе фабрикъ и машинъ, недостатокъ въ рабочихъ рукахъ; 1835 г.—высшая степень процвѣтанія, въ то же время вымираніе съ голода хлопчато-бумажныхъ ткачей; 1836 г.—высокое процвѣтаніе продолжается; 1837 и 1838 г.г.—стѣсненное положеніе и кризисъ; 1839 г.—годъ оживленія; 1840 г.—сильное стѣсненіе, возстанія, вмѣшательство войска; 1841 и 1842 г.г.—ужасныя страданія фабричныхъ рабочихъ. Рабочіе, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стекаются въ Іоркширъ, войско гонитъ ихъ назадъ, вождей ихъ предаютъ суду въ Ланкастерѣ; 1843 г.—сильная нищета; 1844 г.—оживленіе; 1845 г.—полное процвѣтаніе; въ 1846 г.—процвѣтаніе продолжается, потомъ являются симптомы реакціи. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ. Въ 1847 году кризисъ. Общее уменьшеніе заработной платы на 10 и болѣе процентовъ для празднованія «big loaf»; 1848 г.—стѣсненіе продолжается. Манчестеръ находится подъ охраною войска. 1849 г.—оживленіе; 1850 г.—процвѣтаніе. Въ 1851 г.—цѣны на товаръ падаютъ, заработная плата понижается, частыя стачки. Въ 1852 г. начинается улучшеніе, стачки продолжаются, фабриканты угрожаютъ ввозомъ рабочихъ изъ-за границы. Въ 1853 г. вывозъ увеличивается; 8-ми мѣсячная стачка и сильная нищета въ Престонѣ; 1854 г.—процвѣтаніе, переполненіе рынка. 1855 г.—извѣстія о банкротствахъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ и на восточно-азіатскихъ рынкахъ; 1856 г.—сильное процвѣтаніе; 1857 г.—кризисъ; 1858 г.—улучшеніе; 1859 г.—сильное процвѣтаніе, увеличеніе числа фабрикъ. Въ 1860 г. англійская хлопчато-бумажная промышленность находится въ зенитѣ. Индійскій, Австралійскій и другіе рынки были въ такой степени переполнены, что даже въ 1863 г. едва поглотили весь запасъ. *Французскій торговый договоръ.* Чрезвычайное увеличеніе числа фабрикъ и машинъ. Въ 1861 году г.—процвѣтаніе нѣкоторое время продолжается; реакція, американская гражданская война, недостатокъ хлопка. 1862—1863 г.г.—полное крушеніе. Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ 45 лѣтъ англійской хлопчато-бумажной промышленности, съ съ 1770 по 1815, мы находимъ только 5 лѣтъ застоя и кризиса; но это былъ періодъ ея міровой монополіи. Во второй 48 лѣтній періодъ, съ 1815 по 1863 г., на 20 лѣтъ оживленія и процвѣтанія приходится 28 лѣтъ кризиса и застоя.

столѣтія, капиталъ старался навязать взрослымъ работникамъ, при помощи государственнаго вмѣшательства, совпадаетъ съ тѣми предѣлами рабочаго дня, которые, въ XIX ст., были установлены первыми фабричными законами Англіи для ограниченія безжалостной эксплоатаціи труда дѣтей. И что всего хуже:— свободная конкурренція придаетъ условіямъ производства значеніе внѣшняго принудительнаго закона по отношенію къ каждому отдѣльному капиталисту. Такъ, въ началѣ 1863 г., двадцать шесть фирмъ, владѣющихъ обширными гончарными заводами въ графствѣ Стафордширъ, ходатайствовали передъ парламентомъ объ изданіи закона, ограничивающаго рабочій день дѣтей, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что «конкурренція съ другими заводчиками» дѣлаетъ для нихъ невозможнымъ всякое «добровольное» ограниченіе рабочаго времени дѣтей.... «Поэтому, какъ ни сильно жалѣемъ мы о вышеупомянутомъ злѣ, мы не видимъ никакой возможности прекратить его посредствомъ какого бы то ни было рода соглашенія между самими фабрикантами. На основаніи всѣхъ изложенныхъ нами выше соображеній, мы пришли къ убѣжденію въ необходимости принудительнаго закона.» Истощеніе физической силы націи чрезмѣрнымъ фабричнымъ трудомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ частыя эпидеміи въ фабричныхъ округахъ, большая смертность фабричнаго населенія, уменьшеніе средняго роста его и годности для военной службы, заставило всѣ западно-европейскія государства вмѣшаться въ борьбу между капиталомъ и трудомъ, и изданіемъ законовъ, установляющихъ нормальный рабочій день, нарушить принципъ свободной конкурренціи.

4) Относительно ужасныхъ гигіеническихъ условій, при которыхъ выполняется промышленный трудъ, нѣтъ надобности ссылаться на богатый матеріалъ оффиціальныхъ изслѣдованій. Эти условія хорошо извѣстны каждому изъ личнаго наблюденія. Недостатокъ свѣта, тѣснота помѣщенія, испорченный воздухъ, тѣсная установка машинъ, порождающая ежегодно значительное число убитыхъ, изуродованныхъ и калѣкъ—вотъ обыкновенная обстановка промышленнаго труда. Эти условія подрываютъ въ той же степени жизненную силу трудящейся массы, какъ подрываетъ ее и чрезмѣрный трудъ. Но, при этомъ, они такъ наглядны, впечатлѣніе, производимое ими, такъ сильно и непосредственно, софизмы для оправданія ихъ такъ невозможны, что государство не могло долго отклонять требованія къ вмѣшательству

въ это дѣло и наложило на хозяевъ фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ извѣстныя обязательства, правда, пока еще очень тощія, недостаточныя.

Не менѣе краснорѣчиво выразились слѣдствія свободной конкурренціи въ условіяхъ женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ. По мѣрѣ распространенія машиннаго производства — многія операціи котораго требуютъ незначительной мускульной силы — увеличивается внѣдомашній, фабричный трудъ женщинъ и дѣтей, оказывающій самое губительное вліяніе на семейную жизнь и нравственность рабочихъ классовъ. Ужасающія данныя о вліяніи женскаго труда на нравственность фабричныхъ рабочихъ и объ истощеніи чрезмѣрною работою дѣтскаго организма (до изданія фабричныхъ законовъ) представляютъ англійскія Синія Книги. Фабричный трудъ женщинъ отчуждаетъ мать отъ дѣтей, жену отъ мужа. Совмѣстная ночная работа мужчинъ, женщинъ и дѣтей служитъ сильнѣйшимъ источникомъ порчи нравовъ.

«Глубокое омерзѣніе, говоритъ президентъ медицинскаго Лондонскаго бюро, д-ръ Симонъ, съ которымъ я отношусь къ фабричному труду женщинъ, объясняется знаніемъ мною всего зла, производимаго имъ». Англійскій инспекторъ фабрикъ Беккеръ, въ одномъ изъ своихъ оффиціальныхъ отчетовъ, заявляетъ: — «для мануфактурныхъ округовъ будетъ истиннымъ счастіемъ запрещеніе замужнимъ женщинамъ, имѣющимъ семейства, работать на фабрикахъ». О физической слабости фабричныхъ дѣтей свидѣтельствуютъ не только фабричные инспекторы, но даже и сами фабриканты. До изданія фабричныхъ законовъ, 8-ми лѣтнія дѣти работали по 14 часовъ въ сутки. Кромѣ физическаго истощенія незрѣлаго дѣтскаго организма, фабричный трудъ оказываетъ также губительное вліяніе на умственное и моральное его состояніе. Фабрика убиваетъ въ корнѣ способности дѣтей, дѣлаетъ ихъ тупыми, одичалыми, неспособными къ развитію. Изданіемъ законовъ, ограничивающихъ трудъ дѣтей, государство вмѣшалось, какъ въ права свободной конкурренціи, такъ и въ права родительской власти *).

---

*) „Наше дѣйствующее промышленное законодательство, говоритъ профессоръ Градовскій, въ своей замѣчательной статьѣ: „Соціализмъ на западѣ Европы и въ Россіи", — относится цѣликомъ къ эпохѣ *крѣпостнаго права*, когда вольнонаемный трудъ былъ исключеніемъ, при крѣпостномъ или „приписномъ" трудѣ, какъ общемъ правилѣ. Тогда законодатель могъ ограничиться немногими статьями, изображенными въ уставѣ фабричномъ и въ законахъ граждан-

B. Обмѣнъ.

§ 3. Въ системѣ свободной конкуренціи мѣновая цѣнность обмѣниваемыхъ продуктовъ и силъ опредѣляется двумя нормами:—или спросомъ и предложеніемъ, или стоимостью производства *плюсъ* средняя прибыль на затраченный въ производство капиталъ *); притомъ, вторая норма имѣетъ лишь значеніе центра,

---

скихъ, т. е. поставить вольнонаемный трудъ подъ дѣйствіе общихъ правилъ о личномъ наймѣ.

Но теперь условія измѣнились: вольнонаемный трудъ сдѣлался общимъ правиломъ: массы рабочихъ видятъ въ фабричномъ трудѣ постоянное средство существованія или одинъ изъ „отхожихъ промысловъ". Измѣнилось ли законодательство сообразно этимъ условіямъ? Ни на одну букву. Вся эта важная область отдана въ безконтрольное распоряженіе хозяевъ и ни одинъ глазъ не осмѣливается заглянуть сюда подъ опасеніемъ упрека въ „соціализмѣ". У насъ нѣтъ законовъ, ограждающихъ *дѣтскій* трудъ и ограничивающихъ пользованіе трудомъ *женскимъ*. Сколько же тысячъ женскихъ и дѣтскихъ существованій замкнуто въ фабричной атмосферѣ, выраждаясь физически и извращаясь нравственно? Статистика административная и медицинская молчатъ и только частныя наблюденія приподымаютъ завѣсу съ картины, далеко неприглядной. Чѣмъ дышатъ рабочіе на фабрикахъ, чѣмъ питаются, какая вода попадаетъ имъ въ желудки? Новое молчаніе, не смотря на то, что частныя наблюденія намекаютъ и на зараженный воздухъ, и на недоброкачественные припасы, и на злокачественную воду. Какъ разсчитываются хозяева съ рабочими? Новая неизвѣстность. Правда, законъ воспрещаетъ хозяевамъ разсчитываться съ рабочими товарами и вообще „натурой". Но ничто не препятствуетъ хозяину „продавать" рабочимъ разные предметы изъ открытой имъ лавки и даже фактически обязывать ихъ къ „пріобрѣтенію" товаровъ изъ своей лавки или напитковъ изъ своего кабака. Что же частныя наблюденія свидѣтельствуютъ насколько грубы и безцеремонны пріемы для извлеченія изъ кармана рабочаго его заработка. Коротко говоря, элементарные пріемы для огражденія здоровья, жизни и скромнѣйшихъ правъ фабричнаго населенія еще не проникли въ наше законодательство. Не говоримъ уже о болѣе сложныхъ вопросахъ регулированія задѣльной платы: они на-чисто устраняются дѣйствующимъ закономъ". (Русская Рѣчь. № 3. 1879 г.).

*) *Примѣчаніе первое.* По мнѣнію Прудона, высказанному въ его „Système des contradictions économiques," для того, чтобы осуществить справедливую хозяйственную организацію, нужно найти общее уравненіе, рѣшающее всѣ экономическія противорѣчія. Какая же должна быть формула этого уравненія? спрашиваетъ Прудонъ—и отвѣчаетъ: „мы можемъ уже отчасти ее опредѣлить; это долженъ быть извѣстный законъ, извѣстная теорія взаимныхъ экономическихъ отношеній между лицами, которыя гарантировали бы каждому вознагражденіе за трудъ, равное продукту или производительности этого труда.... Сдѣлайте такъ, чтобы достатокъ каждаго зависѣлъ единственно отъ его труда, чтобъ трудъ сталъ мѣрою личнаго достатка".

Извѣстно, что основный принципъ соціализма заключается въ приведеніи цѣнности предметовъ къ количеству заключеннаго въ нихъ труда; слѣдовательно, соціализмъ и Прудонъ видятъ разрѣшеніе экономическихъ противорѣчій и соціальныхъ неустройствъ въ одномъ и томъ же. Въ тоже время, соціализмъ

къ которому постоянно тяготѣютъ колеблющіяся цѣны товаровъ. и эти колебанія зависятъ отъ спроса и предложенія. Такимъ образомъ, *спросъ и предложеніе* оказываютъ дѣйствіе на цѣны всѣхъ товаровъ, на однѣ—исключительное, на другія—рядомъ съ стоимостью производства плюсъ средняя прибыль на капиталъ. Объемъ

совершенно вѣрно утверждаетъ, что цѣль эта достигнется лишь тогда, когда орудія труда будутъ составлять общественную собственность. Между тѣмъ, какъ извѣстно, Прудонъ боролся съ современнымъ ему соціализмомъ. Это кажущееся противорѣчіе Прудона самому себѣ объясняется тѣмъ, что онъ, въ сущности, боролся не противъ упомянутаго утвержденія соціализма, а противъ предлагавшихся современнымъ Прудону соціализмомъ средствъ къ осуществленію общественной собственности на орудія труда.

Примѣчаніе второе. Основаніемъ экономическихъ изслѣдованій Маркса. вошедшихъ въ 1-й томъ его соч. „Капиталъ“, служитъ *положеніе, что стоимость предметовъ опредѣляется количествомъ заключающагося въ нихъ общественно-необходимаго рабочаго времени, и цѣна есть денежное названіе рабочаго времени, овеществленнаго въ товарѣ.* Это есть *нормальная* стоимость и *нормальная* цѣна. Далѣе Марксъ замѣчаетъ, что форма цѣны нетолько допускаетъ возможность количественнаго несовпаденія величины стоимости и цѣны—уклоненіе рыночныхъ цѣнъ отъ стоимости производства—но она можетъ представлять даже качественное противорѣчіе, напр. цѣна земли. Послѣдняя есть цѣна фиктивная, такъ какъ земля, какъ не представляющая собою овеществленія человѣческаго труда, не имѣетъ стоимости. Теперь является вопросъ:—составляетъ-ли „*нормальная*“ цѣна, по мнѣнію Маркса, норму, обусловливающую современный обмѣнъ или—только отвлеченное понятіе? Яснаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ у него. Единственныя строки, бросающія какъ-будто нѣкоторый свѣтъ на занимающій насъ вопросъ, слѣдующія:—„Величина стоимости товара выражаетъ *необходимое*, присущее процессу его образованія. отношеніе къ общественному рабочему времени. Съ превращеніемъ величины стоимости въ цѣну, это необходимое отношеніе является въ видѣ мѣноваго отношенія товара къ другому товару. Но эта форма товара можетъ выражать какъ величину стоимости товара, такъ и случайное отношеніе, въ какомъ онъ отчуждается при данныхъ обстоятельствахъ. *Возможность количественнаго несовпаденія* цѣны съ величиною стоимости, или уклоненіе цѣны отъ величины стоимости, существуетъ въ самой *формѣ цѣны*. Это вовсе не составляетъ недостатка этой формы, но, наоборотъ, дѣлаетъ ее формою вполнѣ соотвѣтственною тому способу производства, въ которомъ правило можетъ обнаруживаться, только какъ слѣпо дѣйствующій *средній законъ*, при совершенномъ отсутствіи правильности (стр. 49 и 50) Изъ того, что Марксъ въ этихъ строкахъ придаетъ „нормальной цѣнѣ“ значеніе средняго закона, можно, повидимому, вывести, что „нормальныя цѣны“ обусловливаютъ, по его мнѣнію, современный обмѣнъ въ томъ именно объемѣ и смыслѣ, въ какомъ, по мнѣнію экономистовъ, обусловливаетъ его „стоимость производства плюсъ средняя прибыль“, т. е. что „нормальная цѣна“ предмета есть та величина, около которой колеблется и къ которой постоянно стремится возвратиться рыночная цѣна. Но такой выводъ, вопервыхъ, противорѣчитъ дѣйствительности, ибо, на современномъ рынкѣ. центръ, къ которому тяготѣютъ цѣны товаровъ, производство коихъ неограничено, представляетъ не количество овеществленнаго въ товарѣ труда, а стоимость его производства плюсъ средняя прибыль; вовторыхъ, онъ не вяжется

спроса не есть величина извѣстная, а потому все современное производство основано на рискѣ, спекуляціи. Произведено предметовъ какого либо рода больше спроса, цѣны на эти предметы падаютъ, происходятъ банкротства, раззоряющія не только производителей этихъ предметовъ, но, вслѣдствіе развитой системы кредита, отражающіяся, какъ круги отъ высокой волны, на массу экономическихъ предпріятій и на работниковъ. Шаткость отношеній, необезпеченность судьбы значительнаго числа населенія составляютъ характеристическія черты современнаго экономическаго быта. Мѣткое различіе между юридическою и экономическою областями дѣлаетъ Лассаль, говоря:—въ первой каждый отвѣчаетъ лишь за то, что сдѣлалъ, между тѣмъ какъ во второй, при современной ея организаціи, *каждый отвѣчаетъ за то чего не дѣлалъ*. Не удался сборъ хлопка въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки или если подвозъ его прекратился по какой либо иной причинѣ, то въ Англіи, Франціи, Германіи и т. д. работники хлопчато-бумажныхъ фабрикъ цѣлыми массами лишаются работы и хлѣба. Въ Америкѣ случился промышленный кризисъ, вслѣдствіе переполненія рынка иностранными шелковыми товарами и бархатомъ, оттого, что многіе фабриканты, ничего другъ о другѣ не зная, выслали въ Америку чрезмѣрное количество своихъ издѣлій; слѣдствіемъ американскаго кризиса является застой на шелковыхъ и бархатныхъ фабрикахъ Европы. Каждое механическое изобрѣтеніе, удешевляющее производство какого-нибудь товара,

---

съ изслѣдованіями Маркса объ образованіи стоимости. Въ основѣ этого изслѣдованія лежитъ мысль, что, при производствѣ предметовъ, сырой матеріалъ и орудія труда переносятъ лишь свою стоимость на продуктъ труда, но не прибавляютъ къ нему ни одного атома новой стоимости; между тѣмъ какъ работникъ создаетъ не только эквивалентъ потребленныхъ имъ, во время труда, жизненныхъ средствъ, но создаетъ еще новую (прибавочную) стоимость. При капиталистическомъ способѣ производства, прибавочная стоимость поступаетъ въ собственность хозяина промышленнаго предпріятія. Такимъ образомъ, прибавочная стоимость получается только отъ работника, а не отъ средствъ производства, а потому и величина ея опредѣляется количествомъ работниковъ и степенью ихъ эксплоатаціи.—Отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что если бы товары продавались на рынкѣ по количеству заключеннаго въ нихъ труда, то изъ двухъ отраслей промышленности, ведущихся равными капиталами, та промышленность давала бы бо́льшую прибыль, въ которой бо́льшая часть капитала идетъ на покупку рабочей силы. А это противорѣчитъ извѣстному факту *стремленія прибыли къ равенству*.

Мы полагаемъ, что указанное нами недоумѣніе на счетъ воззрѣній Маркса на условія современнаго капиталистическаго обмѣна выяснится во II томѣ его сочиненія, гдѣ онъ обѣщаетъ разсмотрѣть *обращеніе капитала*.

понижаетъ цѣнность цѣлыхъ массъ заготовленныхъ запасовъ этого товара, подрываетъ множество предпринимателей и рабочихъ. Политическое событіе, даже политическая утка, повышаютъ однѣ и понижаютъ другія бумаги. Постройка каждой новой желѣзной дороги возвышаетъ цѣнность прилегающихъ къ дорогѣ земельныхъ участковъ, домовъ и промышленныхъ заведеній. Такихъ примѣровъ, доказывающихъ, что въ экономической области, въ противоположность юридической, каждый отвѣчаетъ за то, чего не дѣлалъ, можно набрать тысячи. Причина этого факта очень проста. Въ юридической сферѣ каждый проступокъ есть продуктъ индивидуальной воли. Экономическая область, напротивъ, есть область такой общественной связи, гдѣ воля, поступки и судьба каждаго находятся въ зависимости отъ дѣйствій другихъ. И если общественныя учрежденія не регулируютъ эту зависимость, то она обнаруживается тогда, какъ грубая, естественная сила, какъ рокъ, играющій мнимою свободою предоставленнаго самому себѣ индивидуума. Соціальныя силы, находясь въ состояніи анархіи, которую либеральные экономисты называютъ «*свободною конкуренціею*», то возносятъ, по слѣпому случаю, одного на верхъ богатства, то низвергаютъ сотни другихъ въ нищету.

Выше мы указали, что свободная конкуренція даетъ въ результатѣ монополію, а слѣдовательно, противорѣчитъ своей цѣли. Теперь мы видимъ ея самопротиворѣчіе въ другомъ отношеніи:— Возставая противъ регулированія соціальныхъ силъ, она предоставляетъ хозяйственную дѣятельность слѣпому случаю. А тамъ, гдѣ владычествуетъ случай, не можетъ быть рѣчи о свободѣ индивидуума, а слѣдовательно—и объ отвѣтственности, о вмѣняемости. И здѣсь мы должны снова повторить, что сказали въ рѣчи о наемномъ трудѣ,—если невозможно еще въ настоящее время совершенно устранить случай изъ экономической области, то слѣдуетъ, чрезъ регулированіе соціальныхъ силъ (собственности, капитала, труда, производства, конкуренціи, торговли, кредита) возможно ограничивать его, распредѣлять его власть возможно равномѣрно на всѣхъ и, такимъ образомъ, ослабить разрушительную тяжесть, съ какою онъ обрушивается на людей.

Организація народнаго хозяйства, гдѣ спросъ и предложеніе—это чисто механическое, безпринципное начало—является регуляторомъ цѣнъ на продукты и силы, регуляторомъ распредѣленія, и, слѣдовательно, обусловливаемаго распредѣленіемъ, соці-

альнаго положенія людей, свидѣтельствуетъ о крайней незрѣлости соціальнаго быта. И далѣе, эта организація является тѣмъ болѣе несоотвѣтствующею современному понятію о справедливости, что неблагопріятныя стороны спроса и предложенія распредѣляются крайне неравномѣрно между различными общественными классами. Владѣющіе классы и выигрываютъ, и проигрываютъ отъ дѣйствій этого регулятора. Неимущіе же рабочіе классы терпятъ отъ него одинъ лишь гнетъ. Причины этого факта слѣдующія.

Неимущіе классы могутъ пріобрѣтать средства существованія единственно продажею своего труда, и свободная конкурренція разсматриваетъ трудъ, какъ товаръ. Не касаясь вопроса о томъ, согласно-ли съ человѣческимъ достоинствомъ приравнивать трудъ къ товару, мы ограничимся констатированіемъ того, весьма важнаго по послѣдствіямъ, факта, что школа свободной конкурренціи упускаетъ изъ виду, *что трудъ есть товаръ особаго рода*, что онъ отличается отъ матеріальныхъ товаровъ такими свойствами, въ виду которыхъ покупку—продажу его никоимъ образомъ нельзя подчинить тѣмъ же условіямъ, какими опредѣляются цѣны вещественныхъ товаровъ.

Трудъ есть проявленіе рабочей силы. Рабочая же сила не можетъ быть отдѣлена отъ человѣка. Слѣдовательно, пользованіе рабочею силою другаго есть пользованіе самимъ человѣкомъ. Въ этомъ неразрывномъ соединеніи труда съ личностью заключается существенный признакъ, которымъ трудъ, какъ товаръ, отличается отъ всѣхъ прочихъ товаровъ. Купившій что либо пріобрѣтаетъ право пользованія и распоряженія купленнымъ, пріобрѣтаетъ господство надъ нимъ; и точно также купившій трудъ пріобрѣтаетъ господство надъ рабочею силою, то есть—надъ человѣкомъ, надъ его физическимъ, интеллектуальнымъ, моральнымъ и соціальнымъ существованіемъ. Рядомъ съ этимъ, рабочій обыкновенно бѣденъ; онъ не имѣетъ другихъ источниковъ существованія, какъ только продажу своего труда. Продавцы другихъ товаровъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ рынка, могутъ воздержаться отъ невыгоднаго для нихъ сбыта; для рабочаго нѣтъ выбора и онъ вынужденъ продавать свой трудъ по всякой цѣнѣ, за всякія условія, отчего господство надъ нимъ покупателя его труда еще болѣе усиливается. Эти два факта: неразрывность рабочей силы съ лицомъ, ее продающимъ, и отсутствіе у рабочихъ классовъ другихъ источниковъ существованія, кромѣ

продажи рабочей силы, порождаютъ слѣдующія важныя моральныя и экономическія слѣдствія *).

Продавецъ каждаго вещественнаго товара можетъ продавать его, не находясь въ мѣстѣ нахожденія товара. Не говоря уже объ оптовыхъ торговцахъ, фабрикантахъ, земельныхъ собственникахъ, даже мелочной торговецъ не вынужденъ находиться постоянно при своихъ товарахъ. Какъ эти, такъ и всѣ прочіе общественные классы, за исключеніемъ рабочихъ, пользуются однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ условій существованія, а именно, свободою распоряжаться своимъ временемъ. Высшіе классы работниковъ, какъ, напримѣръ, чиновники, техники, инженеры, хотя и обязаны посвящать опредѣленныя часы дня занятіямъ, тѣмъ не менѣе ихъ положеніе, въ отношеніи свободы распоряжаться временемъ, существенно разнится отъ положенія низшихъ рабочихъ классовъ, такъ какъ первые пользуются значительнымъ ежедневнымъ досугомъ. Рабочіе классы, вслѣдствіе продолжительности дневнаго труда, лишены ежедневнаго досуга, имѣющаго значеніе необходимаго условія для умственнаго и нравственнаго развитія, для выполненія соціальныхъ и домашнихъ обязанностей и, вообще, для существованія, достойнаго человѣка. До ограниченія законодательствомъ рабочаго дня, работники не имѣли часто даже возможности отдавать сну то количество часовъ, какое требовалось для возстановленія изнуренныхъ работою силъ. Рабочіе классы надѣлены политическими правами; во Франціи и Германіи существуетъ даже Suffrage universel, и, въ тоже время, они не имѣютъ ежедневнаго досуга, безусловно необходимаго для образованія, интелектуальнаго развитія и *сознательнаго* пользованія политическими правами. Какое противорѣчіе! Многіе страшатся его, усматриваютъ въ немъ опасность для *непрерывнаго* развитія цивилизаціи, и, однако, нѣтъ другаго выхода изъ этого противорѣчія, какъ только созданіе учрежденій и условій для образованія и интелектуальнаго развитія народа.

Продавецъ матеріальныхъ товаровъ пользуется возможностью управлять спросомъ и предложеніемъ. Если, вслѣдствіе уменьшенія спроса, цѣны на предметы его промысла понизились, онъ

*) Хотя большинство русскаго народа составляютъ мелкіе земельные собственники, но скудость надѣловъ, чрезмѣрная обременительность податей и повинностей ставятъ нашихъ крестьянъ въ такую же безусловную необходимость продавать свой трудъ на всякихъ условіяхъ, въ какую поставлены полные пролетаріи.

воздерживается отъ продажи, уменьшаетъ предложеніе и тѣмъ можетъ возвысить цѣну. Рабочіе же—пока они не соединились въ союзы и не образовали значительныхъ фондовъ, а дѣйствуютъ раздѣльно—не могутъ управлять спросомъ и предложеніемъ. Чѣмъ будетъ жить работникъ въ ожиданіи возвышенія цѣны на его трудъ? Ему не остается ничего другаго, какъ постоянно подчиняться условіямъ рынка, каковы бы они ни были; а эти условія, какъ мы уже говорили, устанавливаются *почти исключительно* покупщиками труда. Покупщики труда опредѣляютъ количество часовъ работы, дневную или ночную работу, мѣсто и обстановку труда и вознагражденіе за него. И вслѣдствіе указаннаго нами различія въ положеніи покупщиковъ и продавцовъ труда, послѣдніе вынуждены принимать предписанія первыхъ. А слѣдовательно, покупка-продажа рабочей силы, только въ очень ограниченномъ смыслѣ, можетъ быть названа сдѣлкою *свободною, добровольною*.

Вредное вліяніе свободной конкуренціи на судьбу рабочихъ классовъ вызвало коалиціи послѣднихъ, поставившія себѣ цѣлью организованную борьбу съ капиталомъ. Движеніе рабочихъ имѣло слѣдствіемъ законодательныя мѣры, ограничившія рабочій день, запретившія платить работникамъ вмѣсто денегъ товарами, обязавшія хозяевъ обставлять трудъ извѣстными гигіеническими условіями и имѣть школы при фабрикахъ и заводахъ. Разумѣется, современное фабричное законодательство представляетъ только начало того сознательнаго, цѣлесообразнаго регулированія обществомъ соціальныхъ силъ, которому, по неизбѣжнымъ законамъ развитія, суждено осуществляться полнѣе и полнѣе, солидарно съ развитіемъ правовыхъ идей. Предстоящія событія отражаютъ отъ себя къ намъ тѣнь, говоритъ англійская пословица.

С. *Распредѣленіе.*

§ 4. Въ области распредѣленія темныя стороны системы свободной конкуренціи заявляютъ себя особенно ярко. Онѣ есть результатъ, во-первыхъ, дѣйствія спроса и предложенія, какъ регулятора обмѣна, а слѣдовательно, и распредѣленія, во-вторыхъ, неограниченнаго права наслѣдованія, вытекающаго изъ идеи *абсолютной, неограниченной* частной собственности, въ-третьихъ, ограниченія дѣятельности государства сферою охраненія безопасности и защиты правъ.

Выше, говоря о теоріи ренты Рикардо, мы видѣли, что доходъ землевладѣльца обусловливается не только количествомъ употребляемаго имъ на воздѣлываніе земли основнаго и оборотнаго капитала, не только личными свойствами, но также преимуществами принадлежащаго ему земельнаго участка предъ другими участками, вошедшими въ культуру, преимуществами, заключающимися въ качествѣ почвы или руды, въ близости участка къ рынку, красотѣ мѣстоположенія и мн. др. Присвоеніе землевладѣльцами этой второй части дохода, называемой «*земельною рентою*», не переставало, со времени Рикардо, быть предметомъ нападокъ. Основаніемъ этихъ нападокъ служила и до сихъ поръ служитъ мысль, что только тѣ доходы справедливы, которые добываются трудомъ. Обсужденіе этой мысли будетъ сдѣлано нами ниже, при разсмотрѣніи теорій собственности. Здѣсь же замѣтимъ только, что отрицающіе справедливость присвоенія ренты частными лицами въ силу того, что рента не есть результатъ труда, на томъ же самомъ основаніи, должны отрицать справедливость *процента на капиталъ и значительной доли промышленной прибыли*. Различіе, которое дѣлала до послѣдняго времени политическая экономія, между рентою, съ одной стороны, процентомъ на капиталъ и предпринимательскою прибылью, съ другой, при обсужденіи вопроса о правѣ присвоенія этихъ доходовъ частными лицами, объясняется недостаточною разработкою вопроса объ образованіи капитала.

Основаніе для оправданія процента на капиталъ экономисты видѣли въ томъ, что капиталъ представляетъ собою «накопленный трудъ.» Но, очевидно, для оправданія капиталистической ренты не достаточно сослаться лишь на то, что капиталъ есть накопленный трудъ; необходимо доказать, что онъ созданъ трудомъ именно того, кому онъ принадлежитъ, или трудомъ наслѣдодателя. Но политическая экономія, до послѣдняго времени, даже не входила въ изслѣдованіе этого важнаго вопроса народнаго хозяйства, хотя основанія для его рѣшенія были уже даны теоріею цѣнности Рикардо; нужно было только сдѣлать изъ нея логическіе выводы. Какъ поверхностное наблюденіе экономическихъ явленій породило нѣкогда убѣжденіе, что деньги и богатство синонимы — заблужденіе, просуществовавшее вѣка — такъ точно внѣшнія формы современнаго производства и обмѣна располагали думать, что капиталъ есть результатъ труда его владѣльца. Въ какой степени теорія цѣнности Рикардо была мало

усвоена экономистами, лучше всего доказывается тѣмъ, что въ науку могла проникнуть нелѣпая выдумка Senior'a, что образованіе и накопленіе капитала обязаны «*воздержанію*» капиталистовъ отъ потребленія и этимъ думали оправдать промышленную прибыль и процентъ на капиталъ *). Въ настоящее время, благодаря трудамъ Родбертуса и Маркса процессъ образованія общественнаго капитала вполнѣ выясненъ.

Капиталъ, *какъ чисто экономическая категорія*, разсматриваемая независимо отъ данныхъ юридическихъ формъ распредѣленія его, есть запасъ такихъ хозяйственныхъ цѣнностей, которыя служатъ, какъ *техническое средство*, для созданія новыхъ цѣнностей; въ этомъ смыслѣ, капиталы составляютъ лишь *орудія производства и сырые матеріалы*. Этотъ капиталъ представляетъ столь же необходимый факторъ производства, какъ природа и трудъ. Капиталъ въ *историко-юридическомъ* смыслѣ, въ смыслѣ *капитала-владѣнія*, есть та часть частнаго иму-

*) Когда Шульце-Делячъ, получившій отъ буржуазной прессы громкій титулъ „Царя въ соціальной области", повторилъ, въ своемъ „катехизисѣ для рабочихъ", „*открытіе*" Сеньора, Лассаль слѣдующимъ наглядным образомъ разъяснилъ достоинство воззрѣній по основному экономическому вопросу „Царя въ соціальной области", взявшаго на себя высокую и трудную задачу поучать народъ:— „Посмотрите вокругъ себя, г. Шульце, какіе продукты могутъ быть потреблены и, стало быть, не могутъ сберегаться?—Хлѣбъ, мясо и т. п. предметы потребленія. И эти предметы не только могутъ потребляться, но и должны въ болѣе или менѣе краткій срокъ потребляться человѣческимъ обществомъ, потому что, большею частью, не выдерживаютъ долгаго храненія, то-есть сбереженія. Теперь взгляните на другой родъ продуктовъ, изъ которыхъ состоитъ главный капиталъ современнаго общества, т. е. на паровыя машины, на улучшенія почвы, на постройки, сырые матеріалы всякаго рода, добытые трудомъ, каковы: желѣзо въ полосахъ, мѣдь въ слиткахъ, кирпичи, каменныя плиты и т. п. Какъ вы думаете, можно „потреблять" и, стало быть, „не сберегать" всѣ эти продукты, разъ что они произведены? Надѣюсь, вы сообразите, что непотребленіе предписывается, въ этомъ случаѣ, самою сущностью предметовъ. Вы ставите капиталистамъ въ заслугу, что они не съѣли этихъ паровыхъ машинъ, улучшеній почвы, кирпичей, слитковъ мѣди, полосъ желѣза, каменныхъ плитъ; вы прославляете ихъ за это воздержаніе.... Вы воображаете, что владѣльцы могли продать всѣ эти вещи и прокутить выручку. Положимъ такъ, г. Шульце, но что изъ этого? какое вліяніе имѣло бы это на общественное образованіе капитала? Эти капиталы, эти паровыя машины и улучшенія почвы, эти кирпичи и слитки мѣди стали бы принадлежать Петру вмѣсто Ивана, что для общества, для націи, для существованія общественнаго капитала было бы рѣшительно все равно. Опять спрашиваю васъ, что вы пишите г. Шульце?: — національно-экономическія лекціи, „курсъ политической экономіи", какъ вы утверждаете, или курсъ частнаго хозяйства, спекуляцію подъ заглавіемъ „Искусство разбогатѣть"? (Capital u. Arbeit 1864. s. 86).

щества лица, которая служитъ ему средствомъ пріобрѣтенія дохода въ формѣ земельной ренты, промышленной прибыли, процента. Существованіе этихъ доходовъ и способы ихъ пріобрѣтенія обусловливаются законодательствомъ. Съ развитіемъ культуры, юридическія отношенія непрерывно измѣняются; измѣняется и область предметовъ, могущихъ быть объектами частной собственности и капитала. И, говоря вообще, мысль Лассаля, что культурно-историческое развитіе права состоитъ въ постепенно большемъ *ограниченіи объектовъ* частной собственности, совершенно вѣрна. При рабской организаціи труда, въ число объектовъ частной собственности входилъ и человѣкъ. Рабство смягчается въ крѣпостничество—право собственности на жизнь человѣка умаляется въ право собственности на его рабочую силу. Крѣпостничество, далѣе, умаляется въ ленную зависимость въ разныхъ степеняхъ; здѣсь право собственности на всю рабочую силу другаго нисходитъ къ праву ограниченнаго пользованія ею. Въ наше время, личность человѣка и его рабочая сила признаны свободными, но орудія труда составляютъ объектъ частной собственности. Въ этомъ и заключается корень всего соціальнаго вопроса. Какъ рабовладѣлецъ и феодалъ накопляли имущество трудомъ своихъ подданныхъ, точно также современный капиталистъ накопляетъ капиталъ изъ труда наемныхъ рабочихъ *). Корифеи экономической науки, уяснившіе вполнѣ теорію цѣнности Рикардо и не жертвующіе истиною постороннимъ соображеніямъ, давно сдѣлали изъ нея этотъ выводъ **); но за Родбертусомъ и Марк-

*) Накопленіе частнаго капитала, путемъ собственнаго труда, а не черезъ наемъ рабочихъ, играетъ самую ничтожную роль въ жизни, какъ въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, взглянувъ внимательно на окружающее. Можетъ ли накопить сколько-нибудь значительный капиталъ крестьянинъ, обработывающій руками своими и своего семейства принадлежащій ему участокъ? — ремесленникъ, который съ развитіемъ мануфактуръ и машиннаго производства не можетъ даже поддерживать самостоятельнымъ трудомъ своего существованія и постепенно исчезаетъ? Даже, если взять наиболѣе хорошо оплачиваемые идеологическіе классы:—высшихъ чиновниковъ, высшее духовенство, адвокатовъ, медиковъ, литераторовъ, артистовъ, то многія ли лица этихъ классовъ могутъ накопить капиталъ изъ получаемаго ими жалованья и гонорара; и если нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе хорошо оплачиваемые, могутъ дѣлать сбереженія, то какую ничтожную долю составляютъ эти сбереженія сравнительно съ капиталомъ, накопляемымъ промышленнымъ путемъ.

**) Если смотрѣть только на внѣшнюю поверхность экономическаго механизма общества, говоритъ Милль, можетъ представиться, будто прибыль коммерческаго дѣла зависитъ отъ цѣнъ. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль, повидимому, тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ

сомъ остается заслуга подробнаго изслѣдованія процесса образованія капитала и указанія всѣхъ важныхъ соціальныхъ слѣдствій его.

Что, при рабской и крѣпостнической формѣ труда, «накопленный трудъ» поступаетъ въ собственность того, кто не работалъ, это очевидно для всякаго. При вольнонаемномъ трудѣ этотъ фактъ затемняется внѣшними формами «свободнаго договора» между представителемъ рабочей силы и представителемъ орудій труда. Но для раскрытія его существованія нѣтъ даже надобности входить въ подробный анализъ производства; достаточно указать на то, что если бы предприниматели уплачивали рабочимъ за все количество исполненнаго послѣдними труда, то они не получали бы никакой прибыли на капиталъ, и, слѣдовательно, покупка рабочей силы не имѣла бы для капиталистовъ никакого смысла. Покупка рабочей силы получаетъ смыслъ потому, что хозяева промышленныхъ предпріятій уплачиваютъ работникамъ лишь часть труда, остальная же часть поступаетъ въ ихъ пользу.

Были попытки оправдать присвоеніе предпринимателями неоплачиваемаго труда тѣмъ, что доходъ предпринимателей есть

ему, и можно подумать, будто прибыль—результатъ покупки и продажи.... Истинная причина прибыли та, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, пока растетъ пища и пока они заняты устройствомъ орудій и исполненіемъ всѣхъ другихъ нужныхъ приготовленій. Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи получить продуктъ, то, кромѣ возвращенія своей затраты, онъ получитъ еще нѣсколько лишняго. Иными словами, теорема эта выразится такъ: капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія существуютъ больше времени нежели какое нужно было для производства ихъ, такъ что если капиталистъ снабжаетъ партію работниковъ этими вещами съ условіемъ получить все, что они производятъ, то они, за воспроизведеніемъ потребленныхъ ими предметовъ необходимости и орудій, будутъ имѣть въ остаткѣ часть своего времени для работы въ выгоду капиталиста. Прибыль возникаетъ, какъ мы видѣли, не отъ посторонняго обстоятельства, не отъ обмѣна, а отъ производительной силы труда и общая прибыль страны всегда бываетъ соразмѣрна производительной силѣ труда, все равно хотя бы и не происходило никакого обмѣна.... Если бы не было раздѣленія занятій, то не было бы ни покупки, ни продажи, но прибыль все-таки была бы. Если работники страны всѣ вмѣстѣ производятъ на 20% больше своей рабочей платы, то прибыль будетъ 20%, каковы бы ни были цѣны. Случайная величина цѣны можетъ на время давать одному разряду производителей больше 20% выгоды, а другому меньше, когда одинъ товаръ ставится выше своей натуральной цѣнности относительно другихъ товаровъ, а другой ниже, и это будетъ продолжаться, пока цѣны снова уравняются; но, въ общей сложности, производители будутъ непремѣнно получать по 20%. (Основ. Пол. Эк. т. 1. гл. XV).

вознагражденіе за трудъ веденія ими дѣла. Но, извѣстно, что вознагражденіе за веденіе дѣла составляетъ лишь часть предпринимательскаго дохода. Многіе землевладѣльцы, фабриканты, купцы поручаютъ веденіе своихъ дѣлъ управляющимъ, директорамъ, прикащикамъ, и какую часто ничтожную долю составляетъ уплачиваемое ими вознагражденіе за веденіе дѣла сравнительно съ получаемыми ими барышами. Отдѣленіе веденія дѣла отъ предпринимателя иногда оказывается даже необходимымъ, а именно, во всѣхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ нашего времени, желѣзныхъ дорогахъ, банкахъ и т. д. Здѣсь капиталистъ или предприниматель лицо коллективное, состоящее изъ множество физическихъ лицъ, которыя не могутъ сами вести дѣло, а потому оно поручается директору на жалованьи. И въ то же время, за вычетомъ этого жалованья, какой значительный дивидендъ остается акціонерамъ, не принимающимъ никакого участія въ веденіи дѣла!

Профессоръ А. Вагнеръ видитъ оправданіе прибыли и процента въ хозяйственной полезности частнаго капитала. «Если можно доказать, говоритъ онъ, что капиталъ можетъ быть правильно образуемъ и употребляемъ *только* въ формѣ частнаго капитала или даже, что такая форма его образованія и употребленія есть *наилучшая*, тогда отдача части національнаго дохода, въ формѣ прибыли, частнымъ капиталистамъ не представляетъ, даже съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ, *никакого вреда* и вполнѣ оправдывается съ народно-хозяйственной точки зрѣнія»*). Это *исключительно утилитарное* оправданіе прибыли напомнило намъ примѣръ, приведенный Прудономъ въ спорѣ съ Бастіа:— «Капиталистъ падаетъ въ рѣку, мимо идетъ работникъ.

Капиталистъ. Спаси меня, или я погибну.

Работникъ. Изволь, только я требую за это милліонъ.

Капиталистъ. Милліонъ за то, чтобы протянуть руку погибающему брату! Что тебѣ стоитъ часъ времени, я тебѣ заплачу за него.

Работникъ. Отвѣчай мнѣ: окажу я тебѣ услугу или нѣтъ, если вытащу тебя? Ну, а всякая услуга развѣ не должна быть вознаграждена? развѣ я не свободенъ оказать и не оказать тебѣ ее?

*) Lehrb. d. polit. Oecon. Erst. B. 1876 s. 515.— Считаемъ нужнымъ замѣтить, что приведенное нами мнѣніе почтеннаго профессора стоитъ въ противорѣчіи съ направленіемъ его ученыхъ работъ въ цѣломъ, стремящихся положить этическія основанія распредѣленію имуществъ и доходовъ.

Капиталистъ. Да.

Работникъ. Тогда я требую милліонъ, это моя послѣдняя цѣна. Я никого не принуждаю.

Капиталистъ. Но ты злоупотребляешь моимъ положеніемъ: я взываю къ религіи, нравственности, человѣчности....

Работникъ. Кончимъ на этомъ—мнѣ нѣкогда. Выбирай одно изъ двухъ:—жить пролетаріемъ, или умереть капиталистомъ».

Полезность, въ данное время, въ данной отрасли промышленности, частной формы капитала и *справедливость* прибыли, когда размѣръ ея установляется единственно свободною конкуренціею, представляютъ два совершенно различные вопроса. Если, при извѣстныхъ условіяхъ, веденіе предпріятій частными капиталами выгоднѣе, собственники этихъ капиталовъ могутъ разсматриваться какъ исполнители части народно-хозяйственной организаціи, какъ общественные агенты, и только; вознагражденіе же ихъ за эту дѣятельность, чтобы получить *этическій* характеръ, должно быть обосновано на принципѣ *заслуги*, а не опредѣляться единственно утилитарными соображеніями, или механическимъ закономъ конкурренціи. Все болѣе распространяется сознаніе, что *справедливымъ* распредѣленіемъ продуктовъ можетъ считаться лишь такое, которое покоится на трудѣ; и стремленіе къ этому идеалу справедливаго распредѣленія не успокоится до тѣхъ поръ, пока онъ не осуществится во всей своей полнотѣ.

Система свободной конкурренціи не только чужда обоснованію распредѣленія на трудѣ, но и препятствуетъ даже приближенію къ этому идеалу. Какъ бы ни были громадны рентные доходы, получаемые не отъ труда, а лишь въ силу факта владѣнія землею и капиталомъ, какъ бы ни была скудна доля труда въ распредѣленіи, опредѣляемая quasi «свободнымъ договоромъ» между капиталомъ и трудомъ, система свободной конкурренціи не допускаетъ ни малѣйшаго ихъ регулированія. Результатомъ господства этой системы и является тотъ фактъ, что на распредѣленіи лежитъ до сихъ поръ печать рабства. Общимъ правиломъ можно принять, что распредѣленіе между общественными классами обратно пропорціонально количеству, тяжести и непріятности труда. Классъ общества, исполняющій физическій трудъ, который, вслѣдствіе его чрезмѣрности, дурной обстановки, представляется самымъ тяжелымъ и непріятнымъ, этотъ классъ и вознаграждается всего скуднѣе. А каковъ абсолютный средній размѣръ вознагражденія рабочаго, это мы сейчасъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

По ученію Рикардо, въ системѣ свободной конкурренціи средній размѣръ рабочей платы опредѣляется стоимостью производства труда. Подъ стоимостью производства труда онъ понимаетъ minimum средствъ, требуемыхъ привычками народа для поддержанія жизни и размноженія. Рабочая плата, говоритъ Рикардо, не можетъ на долго подняться выше этого средняго уровня, ибо улучшившееся положеніе рабочихъ увеличиваетъ число браковъ между ними и тѣмъ усиливаетъ размноженіе, а слѣдовательно, и предложеніе труда, отчего рабочая плата низводится къ прежнему уровню. Она не можетъ также на долго упасть ниже средняго размѣра, ибо тогда, вслѣдствіе увеличенія болѣзней и смертности среди рабочихъ классовъ, уменьшится предложеніе труда и рабочая плата подымется до уровня средствъ, необходимыхъ для существованія. Этотъ законъ рабочей платы былъ признанъ почти всѣми экономистами и потому Лассаль, въ своей полемикѣ съ Максъ-Виртомъ, на возраженіе послѣдняго, «что этотъ законъ есть гнилая выдумка Рикардо» имѣлъ полное право сказать, что можетъ привести за него столько авторитетовъ, сколько есть въ національно-экономической наукѣ великихъ и знаменитыхъ именъ, при томъ изъ либеральной же школы.

Въ этой теоріи рабочей платы заключаются два положенія; первое говоритъ о средней нормѣ рабочей платы, второе—о причинахъ, создающихъ эту среднюю норму. Первое положеніе есть логическій результатъ втораго; поэтому спрашивается:—доказано ли второе положеніе?

Теорія заработной платы Рикардо служитъ лучшимъ образчикомъ недостаточнаго пользованія экономистами данными опыта. Убѣжденные въ непреложности Мальтусова закона о народонаселеніи, экономисты считали лишнимъ провѣрить наблюденіями положеніе Рикардо, будто съ увеличеніемъ рабочей платы населеніе будетъ возрастать до тѣхъ поръ, пока умножившееся предложеніе труда не низведетъ рабочую плату къ минимуму средствъ существованія. Правда, нѣкоторые экономисты ссылаются на отдѣльные факты, когда за періодами дешевизны пищи и живаго запроса на трудъ слѣдовало увеличеніе количества браковъ и рожденій. Но эти ссылки, вопервыхъ, еще не указываютъ, что размноженіе населенія продолжается до тѣхъ поръ, пока рабочая плата не понизится до минимума средствъ существованія, вовторыхъ, имѣются крупные примѣры постояннаго возвышенія рабочей платы, не только не вызывавшаго увеличеніе процента рожденій,

но, напротивъ, соединеннаго съ уменьшеніемъ его. Благосостояніе французскаго народа въ девятнадцатомъ столѣтіи, благодаря аграрнымъ мѣрамъ первой революціи, значительно выше нежели оно было въ XVIII ст., между тѣмъ, процентъ рожденій во Франціи, въ теченіи всего XIX ст., понижается съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Въ Англіи, за послѣднія тридцать лѣтъ, рождаемость возрасла съ 3,26% на 3,54%, и, не смотря на то, рабочая плата въ отрасляхъ промышленности, обнятыхъ рабочими союзами, постоянно возрастала и превышаетъ въ настоящее время на 20% размѣръ рабочей платы сороковыхъ годовъ. Рабочіе союзы, парализируя многія невыгодныя условія продажи рабочей силы неорганизованными работниками, заставили покупщиковъ платить за нее дороже.

Теорія Рикардо о заработной платѣ есть логическій выводъ изъ ученія Мальтуса. А такъ какъ послѣднее ученіе получило въ политической экономіи значеніе краеугольнаго камня, то понятно, что и теорія Рикардо, безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, была признана большинствомъ экономистовъ.

Другое дѣло признаніе ея Лассалемъ. Удивительно, какъ могъ Лассаль, признавая эту теорію, надѣяться, въ то же время, улучшить судьбу рабочихъ классовъ путемъ устройства въ обширныхъ размѣрахъ ассоціацій. Удивительно, какъ не замѣтилъ онъ, что признаніе ея въ корнѣ подрываетъ его реформаторскіе планы. Если размноженіе рабочихъ задерживается лишь недостаткомъ средствъ существованія, если съ возвышеніемъ рабочей платы неминуемо сопряжено увеличеніе числа браковъ, рожденій, населенія, останавливающагося въ своемъ прогрессивномъ движеніи лишь низведеніемъ рабочей платы къ минимуму средствъ существованія, то какія же надежды могъ возлагать Лассаль на ассоціаціи? Увеличившіеся чрезъ ассоціаціи доходы работниковъ были бы въ скоромъ времени, вслѣдствіе размноженія, снова приведены къ минимуму средствъ существованія, а потому Лассаль, предлагая учрежденіе ассоціацій, какъ средство къ поднятію благосостоянія работниковъ, долженъ былъ бы, какъ это дѣлаетъ всякій послѣдовательный мальтузіанецъ, оговорить, что средство это окажется дѣйствительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если измѣнятся привычки работниковъ относительно размноженія. Между тѣмъ, онъ обошелъ молчаніемъ этотъ вопросъ, составляющій Ахиллесову пяту его экономическихъ воззрѣній.

«Желѣзный» законъ рабочей платы въ томъ смыслѣ, что средній размѣръ ея, при свободной конкуренціи и разъединенности работниковъ, всегда стоитъ *близко* къ минимуму средствъ жизни, дѣйствительно существуетъ*); но условія, порождающія его, не тѣ, какія указаны Рикардо. Причины, устанавливающія этотъ законъ, коренятся въ указанныхъ нами выше особенныхъ свойствахъ труда, какъ товара. Эти особенныя свойства не есть неизбѣжная принадлежность организаціи хозяйства, покоющейся на наемномъ трудѣ. Онѣ выступаютъ лишь при свободной конкурренціи, при конкурренціи рабочихъ между собою и исчезаютъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабляются *съ соединеніемъ работниковъ въ союзы, съ организаціею рабочаго класса*. Англійскіе trade-unions показали, что работники могутъ регулировать условія продажи рабочей силы и тѣмъ устранить невыгодное свойство труда, какъ товара:—продаваться на всякихъ условіяхъ. Но, пока работники разъединены, пока каждый дѣйствуетъ самъ за себя и конкуррируетъ съ своими собратьями, до тѣхъ поръ борьба съ капиталомъ, самостоятельное значеніе труда при заключеніи договоровъ невозможны и желѣзный законъ рабочей платы находитъ свое полное примѣненіе.

Статистическія изслѣдованія показываютъ, что средній размѣръ жизненныхъ средствъ рабочихъ классовъ таковъ, что смертность этихъ классовъ значительно превышаетъ смертность зажиточныхъ, а медицинскія изслѣдованія свидѣтельствуютъ, что главнѣйшею причиною тифозныхъ болѣзней въ рабочемъ классѣ является недостатокъ питанія.

Въ «Сравнительной статистикѣ» профессора Янсона собраны спеціальныя изслѣдованія, которыя, въ послѣднее время, были предприняты въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ городахъ для опредѣленія смертности въ разныхъ слояхъ населенія, взятыхъ по отношенію къ ихъ матеріальной обезпеченности. Такъ, напри-

---

*) Подъ минимумомъ средствъ существованія разумѣютъ такой размѣръ средствъ, при которомъ насущныя потребности питанія, жилища, одежды, отопленія удовлетворяются столь скуднымъ образомъ, что малѣйшее пониженіе размѣра средствъ ведетъ за собою болѣзни и смертность отъ голода. Вслѣдствіе историческихъ и климатическихъ причинъ, приспособленность организма разныхъ народовъ къ условіямъ питанія, жилища и прочей житейской обстановкѣ не одинакова. Средній русскій работникъ не вынесетъ условій жизни самоѣда; средній англійскій работникъ заболѣетъ отъ пищи русскаго крестьянина. Поэтому размѣръ минимума средствъ существованія иной въ Россіи чѣмъ въ Германіи, въ Германіи иной, чѣмъ въ Англіи и Франціи.

мѣръ, изслѣдованія директора пештскаго статистическаго бюро, принявшаго за признакъ матеріальной обезпеченности скученность населенія, выраженную отношеніемъ числа жителей къ числу комнатъ, дали слѣдующіе результаты:

	Средній возрастъ умершихъ, считая дѣтей до 5 лѣтъ.	не считая дѣтей до 5 лѣтъ.
1-й классъ, богатое населеніе . . .	38,81	50,86
2-й » среднее состояніе . . .	23,50	44,66
3-й » бѣдное населеніе. . . .	14,41	41,31
4-й » нуждающееся насел. . .	10,12	40,22

Подобные же результаты въ иной формѣ даетъ статистика нѣкоторыхъ городовъ Германіи. Напримѣръ, лейпцигское городское статистическое бюро опредѣлило общую смертность по улицамъ, въ которыхъ приходится: 1) не болѣе двухъ человѣкъ на одну отапливаемую комнату, 2) отъ двухъ до трехъ и 3) болѣе трехъ человѣкъ:

	На 1,000 жив. всѣхъ возрастовъ.		На 1,000 дѣтей 0—1 года.	
Умерло.	1871.	1872.	1871.	1872.
Въ улицахъ 1-й группы.	23	18	362	268
» » 2-й »	33	22	435	333
» » 3-й »	49	30	691	500

Слѣдовательно, смертность бѣднѣйшаго населенія была въ 1871 году (оспенная эпидемія) болѣе чѣмъ вдвое сильнѣе смертности богатаго, въ 1872 — на 66%; а смертность дѣтей была между бѣдными сильнѣе, чѣмъ между богатыми въ 1871 году на 91%, въ 1872 г. на 90%.

Въ статистикѣ Брауншвейга улицы сгруппированы по среднему доходу на одного жителя, причемъ цифра доходовъ взята изъ податныхъ списковъ, и смертность вычислена по улицамъ. Данныя обнимаютъ время съ 1864 по 1873 годъ. На основаніи ихъ—умирало на 1000 живущихъ:

Улицы съ среднимъ доходомъ	болѣе 250 тал.	—15,2 чел.	= 100
» » »	200—250 »	—19,1 »	= 130
» » »	150—200 »	—19,1 »	= 130
» » »	100—150 »	—22,5 »	= 150
» » »	75—100 »	—26,8 »	= 179
» » »	менѣе 75 »	—34,7 »	= 237

Смертность Вѣны по частямъ города:

	На 1,000 живущихъ. 1874 г.	1875 г.
I кл. . .	13,8 чел.	14,3 чел.
II » . .	25,5 »	33,2 »
III » . .	24,8 »	26,3 »
IV » . .	22,9 »	21,4 »
V » . .	26,8 »	30,4 »
VI » . .	20,8 »	22,4 »
VII » . .	19,7 »	21,8 »
VIII » . .	20,6 »	22,5 »
IX » . .	29,3 »	30,1 »
X » . .	61,2 »	43,0 »

Самая слабая смертность въ I округѣ, населенномъ зажиточными классами; округа II, III, IV и VIII населены людьми средняго состоянія; въ VI и VII помѣщаются фабрики и заводы, рабочіе на которыхъ не живутъ, однако, въ этихъ округахъ; V и IX населены, по преимуществу, ремесленниками, наконецъ X округъ, вновь присоединенный къ городу, весь наполненъ рабочимъ населеніемъ; въ немъ смертность въ благопріятный годъ въ три раза, а въ неблагопріятный — въ пять разъ сильнѣе, чѣмъ въ богатомъ первомъ округѣ.

Но еще болѣе поразительно различіе смертности между богатымъ и бѣднымъ населеніемъ, происходящее отъ заразительныхъ болѣзней.

Въ Брауншвейгѣ умирало сравнительно съ богатымъ населеніемъ:

Улицы съ среднимъ доходомъ на 1-го жителя.

	болѣе 250 тал.	200—250	150—200	100—150	75—100	менѣе 75 т.
Отъ оспы. .	100	166	400	766	933	1,700
» чахотки .	100	146	157	200	226	226
» холеры .	100	100	466	466	1,000	1,766

Въ книгѣ Маркса «Капиталъ» собранъ богатый матеріалъ о питаніи и жилищахъ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ и рабочихъ промышленныхъ отраслей, неохваченныхъ еще рабочими союзами. Приведемъ нѣсколько данныхъ изъ этого матеріала. Въ 1863 году, Dr-Smith, по порученію Privy Council, сдѣлалъ изслѣдованіе матеріальнаго положенія земледѣльческихъ работниковъ и нѣкоторыхъ категорій городскихъ рабочихъ, а именно: ткачей

шелковыхъ издѣлій, швей, перчаточниковъ, сапожниковъ. При изслѣдованіи было принято за правило выбирать изъ каждой категоріи самыя здоровыя и относительно лучше обставленныя семейства. Общій результатъ былъ тотъ, что «только въ *одномъ* изъ изслѣдованныхъ классовъ городскихъ работниковъ количество принимаемаго организмомъ азота немного превышало тотъ minimum, ниже котораго являются болѣзни отъ голода; что въ *двухъ* классахъ былъ недостатокъ, и въ одномъ даже *громадный* недостатокъ пищи, какъ азотистой, такъ и углеродистой; что изъ изслѣдованныхъ земледѣльческихъ семействъ болѣе одной пятой получаютъ менѣе углеродистой пищи, чѣмъ необходимо, и болѣе одной трети семействъ получаютъ менѣе азотистой пищи, чѣмъ необходимо. Между сельскими рабочими недостаточное питаніе приходится, большею частью, на долю женщинъ и дѣтей, потому что мужчины должны ѣсть, чтобы работать». Еще большая нужда свирѣпствовала между изслѣдованными категоріями городскихъ работниковъ. «Они питаются тахъ плохо, что, во многихъ случаяхъ, должны происходить жестокія и вредныя для здоровья лишенія». Президентъ Лондонскаго медицинскаго бюро, Dr. Simon, въ своемъ общемъ санитарномъ отчетѣ, относительно этихъ условій питанія, говоритъ слѣдующее: «Каждый, знакомый съ медицинской практикой среди бѣдныхъ, подтвердитъ, что случаи, гдѣ недостатокъ питанія производитъ болѣзнь или отягчаетъ ее, безчисленны. Но съ санитарной точки зрѣнія сюда присоединяются еще и другія важныя условія.... Надо припомнить, что лишеніе питательныхъ средствъ крайне трудно выносится, и что, обыкновенно, скудость діэты слѣдуетъ только за другими лишеніями. Задолго до того, когда недостатокъ пищи, съ гигіенической точки зрѣнія, оказывается ощутительнымъ, задолго до того, когда физіологъ начинаетъ считать граны углерода и азота, которые рѣшаютъ вопросъ о жизни и голодной смерти, домашнее хозяйство лишается всѣхъ матеріальныхъ удобствъ. Отопленіе и одѣяніе, въ такихъ случаяхъ, еще болѣе скудны, чѣмъ пища. Нѣтъ достаточной защиты отъ суровости погоды; жилое пространство урѣзывается до той степени, что зараждаются и усиливаются болѣзни; отъ домашней утвари или мебели остаются только жалкіе слѣды; сама опрятность и чистота сдѣлались дорогими или трудно досягаемыми. Если изъ чувства самоуваженія и дѣлаются еще попытки поддержать все это, то каждая подобная попытка усиливаетъ только страданія отъ голода. Квартира нанимается только тамъ, гдѣ всего дешевле

можно пріобрѣсти кровъ; въ такихъ кварталахъ санитарная полиція безполезна, сношенія незначительны, тамъ скопляется большая часть общественныхъ нечистотъ, водоснабженіе плохое или ничтожное, а въ городахъ, сверхъ того, сильный недостатокъ свѣта и воздуха. Вотъ опасности для здоровья, которымъ неизбѣжно подвергается бѣдность, если эта бѣдность дошла уже до недостатка въ пищѣ. Если сумма всѣхъ этихъ золъ имѣетъ большую опасность для жизни, то и простой недостатокъ пищи самъ по себѣ ужасенъ. Таковы печальныя мысли, внушаемыя бѣдностью, особенно если прибавить къ этому, что бѣдность, о которой идетъ здѣсь рѣчь, происходитъ не отъ праздности. Это—бѣдность работниковъ. Да, что касается до городскихъ работниковъ, то трудъ, которымъ покупается ихъ скудная пища, большею частью, удлиненъ выше всякой мѣры. И тѣмъ не менѣе, можно только въ очень ограниченномъ смыслѣ сказать, что этотъ трудъ поддерживаетъ рабочаго.... По большей части, эта номинальная поддержка можетъ только служить болѣе или менѣе длиннымъ путемъ къ пауперизму».

Въ 1863 году, было предпринято оффиціальное изслѣдованіе о состояніи продовольствія преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ или къ каторжной работѣ. Результаты этихъ изслѣдованій помѣщены въ Синихъ Книгахъ: «тщательныя сличенія», говорится тамъ, между прочимъ, «пищи преступниковъ въ англійскихъ тюрьмахъ съ пищею бѣдныхъ въ рабочихъ домахъ и пищею свободныхъ сельскихъ работниковъ, неоспоримо доказываютъ, что первые питаются несравненно лучше двухъ остальныхъ классовъ», между тѣмъ, какъ «количество труда, требуемое отъ каторжнаго, составляетъ приблизительно половину того, что совершаетъ обыкновенный сельскій рабочій».

Внутреннюю связь между дурнымъ питаніемъ работниковъ и капиталистическимъ накопленіемъ, говоритъ Марксъ, видитъ только тотъ, кому извѣстны экономическіе законы. Другое дѣло относительно *положенія жилищъ*. Всякій безпристрастный наблюдатель видитъ, что чѣмъ больше сосредоточиваются средства производства, тѣмъ сильнѣе скучиваются рабочіе на *маломъ пространствѣ*, и что поэтому, чѣмъ быстрѣе капиталистическое накопленіе (при свободной конкуренціи, замѣтимъ мы съ своей стороны) тѣмъ хуже ихъ жилье. Всякій видитъ, что происходящее вмѣстѣ съ возрастаніемъ богатствъ улучшеніе городовъ, посредствомъ ломки плохо построенныхъ частей города, соору-

женія дворцовъ для банковъ, торговыхъ домовъ и т. п., расширенія улицъ для дѣловой ѣзды и раскошныхъ экипажей, введенія городскихъ желѣзныхъ дорогъ и т. д., что все это соединено съ вытѣсненіемъ бѣдныхъ въ болѣе скверныя и тѣснѣе населенныя убѣжища.... Антагонистическій характеръ капиталистическаго накопленія, а слѣдовательно, и капиталистическихъ условій собственности вообще, здѣсь до такой степени осязателенъ, что даже англійскіе оффиціальные отчеты объ этомъ предметѣ полны критическихъ нападокъ на «собственность и ея права». Зло дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи съ развитіемъ промышленности, накопленіемъ капитала, возростаніемъ и «украшеніемъ» городовъ. что простая боязнь заразительныхъ болѣзней, не щадящихъ и зажиточные классы, заставила издать, съ 1847 по 1864 г.. не менѣе 10-ти санитарно-полицейскихъ парламентскихъ актовъ: и буржуазія, изъ чувства самосохраненія, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, какъ въ Ливерпулѣ, Гласго и др., рѣшилась даже сама вмѣшаться въ это дѣло посредствомъ своихъ муниципалитетовъ. И не смотря на то, Dr. Simon въ своемъ отчетѣ за 1865 г. восклицаетъ: «Говоря вообще, въ Англіи это зло безконтрольно». По приказанію Privy Council, въ 1865 году, было произведено Dr. Hunter'омъ изслѣдованіе жилищъ бѣднѣйшихъ классовъ въ городахъ, результаты котораго помѣщены въ седьмомъ и восьмомъ отчетахъ о «Public Health». Dr. Simon предпосылаетъ этому изслѣдованію слѣдующія общія замѣчанія: «Хотя моя оффиціальная задача состоитъ исключительно въ разсмотрѣніи этого зла съ физической точки зрѣнія, но простая гуманность не позволяетъ игнорировать мнѣ и другія стороны его. Дойдя до высокой степени, оно влечетъ за собою почти неизбѣжно такое отрицаніе всякихъ приличій, такую нечистоплотность и такой безпорядокъ тѣлесныхъ отправленій, такую половую наготу, какія можно признать скорѣе за скотскія, чѣмъ за человѣческія. Подвергаться этимъ вліяніямъ равносильно униженію, притомъ тѣмъ большему, чѣмъ дальше оно продолжается. Для дѣтей, родившихся подъ этимъ *проклятіемъ*, это — «крещеніе въ безчестіе» (baptism in to infamy). И совершенно безнадежно желаніе, чтобы личность, поставленная въ такія условія, стремилась въ другихъ отношеніяхъ въ ту атмосферу цивилизаціи, сущность которой состоитъ въ физической и моральной чистотѣ» *).

*) Таковы жилищныя условія англійскихъ городскихъ рабочихъ. Между тѣмъ гигіеническія условія городовъ Великобританіи считаются лучшими сравнительно

Ducpetiaux, бывшій генеральный инспекторъ бельгійскихъ тюремъ, говоритъ въ своемъ «Budgets économiques des classes ouvrierès en Belgique»:—«каждое рабочее семейство, среднимъ числомъ, имѣетъ четверыхъ дѣтей, слѣдовательно, съ отцомъ и матерью оно состоитъ изъ 6-ти лицъ. Изъ этихъ 6-ти лицъ, работать могутъ четверо, если только не случится болѣзнь и т. п. При этихъ условіяхъ, maximum дохода семейства составитъ 1068 франковъ. Если бы рабочій получалъ пищу:

— Матросовъ, то годовыя издержки семьи увеличились бы до 1828 фр., что составило бы 760 фр. дефицита.

— Солдатъ, то годовыя издержки семьи увеличились бы до 1473 фр., что составило бы 405 фр. дефицита.

— Заключенныхъ, то годовыя издержки семьи увеличились бы до 1112 фр., что составило бы 44 фр. дефицита.

«Въ приведенномъ *образцовомъ семействѣ* мы соединили всевозможные источники дохода. Но, давая рабочую плату матери семейства, мы этимъ самымъ лишаемъ домъ хозяйки. Кто будетъ смотрѣть за порядкомъ дома, приготовлять пищу, чинить бѣлье и платье, стирать и т. п.? Какъ же поступаетъ большинство работниковъ, которые покупаютъ товаръ не оптомъ, какъ въ тюрьмахъ, а по мелочи; какъ они устраиваютъ свою жизнь? Этого они достигаютъ тѣмъ, что прибѣгаютъ къ средствамъ, составляющимъ тайну однихъ рабочихъ: тѣмъ, что урѣзываютъ свою ежедневную порцію, мало и вовсе не употребляютъ мяса, также какъ масла и зелени; тѣмъ, что помѣщаютъ все семейство въ одной или двухъ комнатахъ, гдѣ дѣвушки и молодые люди спятъ вмѣстѣ, часто на одномъ и томъ же мѣшкѣ соломы; тѣмъ, что экономничаютъ на платьѣ, на бѣльѣ, отказываютъ себѣ въ опрятности, въ воскресныхъ удовольствіяхъ и т. п. Когда они дошли до этихъ предѣловъ, то достаточно малѣйшаго повышенія жизненныхъ средствъ и т. п., чтобы сразу бросить

съ городами континентальныхъ государствъ. Въ то же время, число городовъ и населеніе въ нихъ повсюду возрастаетъ непрерывно. Насколько съ введеніемъ пароваго двигателя и постояннымъ ростомъ концентраціи производства измѣнились жилищныя отношенія въ Англіи видно изъ того, что, въ началѣ XIX ст., въ этой странѣ не было ни одного города, кромѣ Лондона, въ которомъ числилось бы болѣе 100,000 жителей и только 5 городовъ насчитывали болѣе 50,000 жит Теперь одинъ Лондонъ съ промышленными пригородами имѣетъ около 5,000,000 жит. и болѣе 28 городовъ имѣютъ болѣе 50,000 жит.—Въ третьей четверти прошлаго столѣтія сельское населеніе Англіи составляло 76%, а теперь—23%.

ихъ въ ряды нищихъ»!,... «Во всей Бельгіи считается 930.000 семействъ, изъ нихъ, по оффиціальной статистикѣ, 90.000 богатыхъ (избирателей) состоитъ изъ 450.000 лицъ; 190.000 семействъ мелкаго средняго класса, въ городахъ и деревняхъ, значительная часть которыхъ постоянно переходитъ въ пролетаріевъ, всего 1.950.000 лицъ. Наконецъ, 450.000 рабочихъ семействъ, всего 2.500 000 лицъ, изъ которыхъ *образцовыя семейства* вкушаютъ вышеописанное довольство. Изъ 450.000 рабочихъ семействъ *болѣе 200.000 находятся въ спискѣ бѣдныхъ*».

Масса накопленныхъ, въ настоящее время, статистическихъ изслѣдованій раскрыли обществу бѣдственныя условія жизни рабочихъ классовъ. И что особенно обращаетъ на себя вниманіе въ этихъ изслѣдованіяхъ, это,—что *безпримѣрное въ исторіи возрастаніе въ XIX столѣтіи національнаго богатства идетъ всецѣло въ пользу имущихъ классовъ и не оказываетъ никакого, или самое ничтожное вліяніе на улучшеніе судьбы рабочихъ классовъ*

Безпристрастные и понимающіе экономическіе законы ученые достаточно разъяснили, что неблагопріятные результаты распредѣленія есть неизбѣжное слѣдствіе экономическаго порядка, основаннаго на свободной конкурренціи. Но манчестерская школа остается слѣпа къ новымъ научнымъ изслѣдованіямъ въ экономической области и не перестаетъ повторять зады о благодѣтельности принципа свободной конкурренціи. Не имѣя же возможности, въ виду оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, отвергать жалкое матеріальное положеніе рабочихъ классовъ, она причиною его выставляетъ Мальтусовъ законъ народонаселенія.

Законъ о размноженіи человѣческаго рода есть дѣйствительно альфа и омега соціальнаго вопроса. Только съ открытіемъ этого закона человѣчество пріобрѣтетъ возможность управлять такимъ важнымъ элементомъ соціальной жизни, какъ количество народонаселенія. Для открытія же этого закона необходимо узнать физіологическія причины, обусловливающія зачатія. Пока эти причины не будутъ извѣстны, о законѣ народонаселенія можно говорить лишь въ смыслѣ эмпирическаго стастистическаго факта, указывающаго средній приростъ населенія въ данное время, въ данной странѣ. И потому, нѣтъ болѣе поразительнаго заблужденія въ политической экономіи, какъ господствующая въ ней мысль, что наукѣ извѣстенъ законъ размноженія человѣческаго рода. Это заблужденіе коренится въ апріористической посылкѣ, которую мы

выскажемъ словами одного изъ первоклассныхъ экономистовъ—мальтузіанцевъ: «Врожденная сила размноженія, говоритъ Милль, можетъ считаться безконечною въ каждомъ родѣ органическихъ существъ. Нѣтъ ни одной породы растеній или животныхъ, которая, въ теченіе немногихъ лѣтъ, не покрыла бы всѣ страны земнаго шара, имѣющія климатъ совмѣстный съ ея существованіемъ, если бы земля была исключительно предоставлена ей и предметамъ, которыми она питается. Степень возможной быстроты размноженія у различныхъ классовъ существъ различна; но во всѣхъ она достаточна для того, чтобы очень быстро наполнить землю. Есть въ растительномъ царствѣ много такихъ породъ, въ которыхъ одно растеніе въ годъ производитъ сѣмена тысячи растеній; если только два изъ нихъ достигнутъ зрѣлости, то въ 14 лѣтъ онѣ, по этой пропорціи, размножатся слишкомъ до 16.000. Между животными очень обыкновенна такая степень плодородія, что число существъ извѣстной породы можетъ учетверяться съ каждымъ годомъ; если число только учетверяется въ теченіе полустолѣтія, то въ два столѣтія 10.000 размножатся до двухъ милліоновъ пятисотъ тысячъ слишкомъ. Способность размноженія необходимо всегда дѣйствуетъ по геометрической прогрессіи, различна бываетъ только цифра знаменателя этой прогрессіи».

«Человѣческій родъ не составляетъ исключенія относительно этого свойства органическихъ существъ. Сила его размноженія безпредѣльна, и дѣйствительное размноженіе его было бы чрезвычайно быстро, если бы эта сила дѣйствовала съ полнымъ могуществомъ. Съ полнымъ могуществомъ она не дѣйствовала никогда, но всетаки, при наиболѣе благопріятныхъ изъ извѣстныхъ намъ обстоятельствъ (эти обстоятельства — плодородная страна, колонизуемая изъ промышленнаго и цивилизованнаго общества), населеніе, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, независимо отъ прилива новыхъ переселенцевъ, продолжало удвоиваться въ періоды, имѣющіе немногимъ болѣе какъ по двадцати лѣтъ *). Но способность размноженія въ человѣческомъ родѣ превосходитъ даже и эту величину; мы ясно увидимъ это, вспомнивъ, какъ велико бываетъ обыкновенное число дѣтей въ семьѣ при хорошемъ климатѣ и обычаѣ рано вступать въ бракъ, и

*) Милль повторяетъ здѣсь ошибку Мальтуса. Такого періода удвоенія населенія никогда и нигдѣ не существовало.

какъ мала пропорція дѣтей, умирающихъ до достиженія зрѣлости, при нынѣшнемъ состояніи гигіеническихъ знаній, если климатъ здоровъ, а семья достаточно снабжена средствами жизни. Мы очень низко оцѣнимъ способность размноженія, если примемъ, что, при хорошемъ гигіеническомъ положеніи народа, каждое поколѣніе можетъ быть вдвое многочисленнѣе предшествующаго поколѣнія.... Что же мѣшаетъ племени зайцевъ или кроликовъ переполнить собою землю? Не недостатокъ плодородія, а причины совершенно иного рода: множество враговъ и недостатокъ продовольствія. У нихъ мало ѣды, и сами они становятся ѣдою для другихъ. Люди вообще не подвержены второму бѣдствію, но замѣною его служатъ болѣзни и война. Если бы размноженіе людей, подобно размноженію другихъ животныхъ, производилось лишь слѣпымъ инстинктомъ, границы ему полагались бы точно того же рода, какъ у животныхъ: количество рождающихся имѣло бы всю многочисленность, допускаемую жизненнымъ устройствомъ породы и населеніе сдерживалось бы въ границахъ смертью. Но поступки людей болѣе или менѣе подчиняются вліянію соображеній о послѣдствіяхъ и регулируются побужденіями, высшими чисто животныхъ инстинктовъ. Потому люди не плодятся, какъ свиньи, нѣтъ,—они способны болѣе или менѣе удерживаться благоразумiемъ или общественными привязанностями отъ того, чтобы давать жизнь существамъ, рождающимся лишь на нужду и преждевременную смерть. Соразмѣрно тому, какъ люди возвышаются надъ скотскимъ состояніемъ, возрастаніе населенія сдерживается больше боязнью недостатка, чѣмъ фактическимъ недостаткомъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ опасности голода, многіе точно также удерживаются опасеніями потери того, что считается условіями приличнаго ихъ общественному положенію образа жизни. До сихъ поръ ни то, ни другое изъ этихъ побужденій не оказывались имѣющимъ надъ большинствомъ людей столько силы, чтобы уравновѣшивать стремленіе къ размноженію.»

Приведенное нами мѣсто (изъ X гл. Основ. Пол. Эк., въ которой защищается Мальтусова теорія) показываетъ, что Милль разсуждаетъ о размноженіи человѣческаго рода такъ, какъ будто онъ признаетъ производительную способность женщинъ за нѣчто *опредѣленное, абсолютное:* какъ будто эта способность во всѣ времена и у всѣхъ народовъ остается неизмѣнною и если, какъ показываетъ статистика, процентъ рожденій у различныхъ на-

родовъ и у того же народа въ различные періоды времени не одинаковъ, то это, по его мнѣнію, есть лишь результатъ предусмотрительности,—воздержанія отъ физической любви *).

Вліяніе предусмотрительности на размноженіе населенія не принадлежитъ къ числу явленій, которыя могутъ быть изслѣдованы, почему, при обсужденіи этого вліянія, открывается большой просторъ субъективнымъ воззрѣніямъ. Но хотя вліяніе предусмотрительности на размноженіе населенія не можетъ быть съ точностью изслѣдовано, тѣмъ не менѣе едва-ли кто, всматривавшійся внимательно и безъ предвзятой идеи въ явленія обыденной жизни, не признаетъ, что количество этого вліянія ничтожно. Дѣло идетъ не о воздержности отъ вреднаго здоровью излишества,—такая воздержность не уменьшаетъ количество рожденій,—а объ отказѣ организму въ одной изъ природныхъ его функцій. Спрашивается: много ли людей подвергаютъ себя подобному лишенію? Не наивно ли ожидать сколько-нибудь значительныхъ результатовъ въ дѣлѣ уменьшенія размноженія населенія отъ добровольнаго воздержанія? Мальтусъ и его послѣдователи, очевидно, сами возлагаютъ малую надежду на проповѣдь о добровольномъ воздержаніи и требуютъ законодательнаго ограниченія браковъ. Но статистика показала, что въ странахъ, гдѣ вступленіе въ бракъ затрудняется закономъ или обычаемъ, брачныя отношенія замѣняются внѣбрачными, дающими такое же число рожденій, какъ и первыя. Въ Баваріи до 1868 года цифра незаконныхъ рожденій, среднимъ числомъ, простиралась ежегодно до 22%. Когда, въ 1868 г., были уничтожены опредѣленныя закономъ условія имущественнаго ценза для вступленія въ бракъ, цифра эта стала быстро понижаться, дойдя въ 1875 г. до 12,6%. Интересно,

---

*) Мы вполнѣ согласны съ переводчикомъ „Основ. Пол. Эк." Милля, что возраженія его на теорію Дубльде,—заключающуюся въ томъ, что плодородіе человѣка и всѣхъ другихъ живыхъ существъ обратно пропорціонально количеству пищи,—ни мало не подрываютъ этой теоріи (См. Т. 1. стр. 200 и д.).

По вопросу объ измѣняемости плодотворящей воспріимчивости женскаго организма заслуживаетъ вниманія XXXVIII гл. книги Кэри—„Соціальная наука", гдѣ приводятся указанія на общій антогонизмъ между нервной и воспроизводительной функціями. „Куда бы мы ни обратили нашъ взоръ, говоритъ въ заключеніе авторъ, мы всюду находимъ, что воспроизводительная сила въ человѣкѣ настолько же непостоянная величина, какъ и всякая другая его сила.... Она уменьшается по мѣрѣ того, какъ его различныя способности вызываются къ дѣятельности, вслѣдствіе возникновенія разнообразія занятій, появленія быстроты въ общественномъ движеніи и благопріятныхъ условій для его свободы".

что въ то же время общая рождаемость въ Баваріи была: отъ 1861—70 г.—4,06°/₀; отъ 1871—74 г. 4,01°/₀. Въ доказательство своей мысли о возможности значительнаго вліянія предусмотрительности на размноженіе, Милль ссылается на меньшее количество рожденій въ средѣ поселянъ-собственниковъ, сравнительно съ промышленнымъ населеніемъ, вытекающее, по его мнѣнію, изъ того, что каждый поселянинъ въ состояніи видѣть изъ очевидныхъ, вполнѣ понятныхъ ему фактовъ, можетъ ли его участокъ содержать нѣсколько семей въ такомъ довольствѣ, въ какомъ содержится одно. Что объясненіе факта меньшей рождаемости сдѣлано здѣсь Миллемъ *a priori*, — это очевидно; но кромѣ того, самому факту придано болѣе общее значеніе, нежели онъ имѣетъ въ дѣйствительности.. Помимо русскихъ данныхъ, по которымъ наибольшая рождаемость приходится на черноземныя, непромысловыя губерніи, Западная Европа представляетъ намъ много фактовъ, обратныхъ предположенію Милля. Достаточно указать, напримѣръ, на промышленную Богемію, гдѣ процентъ рожденій 3,8°/₀ и земледѣльческую Галицію съ рождаемостью въ 4,7°/₀, Рейнскую провинцію и Померанію, Вестфалію и Познань, Фландрію и Бретань.

Статистика показываетъ, что процентъ рожденій въ разныхъ странахъ и въ разное время весьма различенъ. Такъ, напримѣръ, въ Саксоніи, за послѣдніе періоды, процентъ рожденій составляетъ 4,28, Пруссіи 4,03, Австріи 3,86, Италіи 3,76, Испаніи 3,60, Англіи 3,54, Франціи 2,58. Во Франціи рождаемость наименьшая изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ. При томъ замѣчательно, что рождаемость въ этой странѣ уменьшается съ поразительнымъ постоянствомъ.*) Еще рельефнѣе выступаетъ на видъ различіе плодовитости женщинъ въ разныхъ странахъ, если выдѣлить женщинъ, могущихъ давать рожденія. Сравнивая въ

*) Отъ 1770—85 г. °/₀ рожденій въ Франціи былъ 3,80
1801—10 3,30
1811—20 3,17
1821—30 3.06
1831—40 2,87
1841—50 2,73
1851—60 2,61
1861—70 2,60
1871—73 2,51
1875 г. 2,60
(Сравн. Статист. проф. Янсова. 1878 г.)

этомъ отношеніи Баварію и Францію, занимающія въ таблицѣ рождаемости Западной Европы верхнюю и нижнюю оконечности, оказывается, что въ Баваріи *меньшая часть* женщинъ въ возрастѣ отъ 15—50 лѣтъ состоитъ въ замужствѣ, чѣмъ во Франціи: 45% въ Баваріи и 54% во Франціи; но за то каждыя *100* баварскихъ замужнихъ женщинъ рождаютъ около 31 ребенка, между тѣмъ какъ во Франціи только 17, и, далѣе, каждая сотня женщинъ, не состоящихъ въ замужествѣ, даетъ въ Баваріи 4 незаконныхъ дѣтей, во Франціи менѣе 2-хъ.*) И если на вопросъ о причинахъ такого поражающаго различія въ плодовитости французскихъ женщинъ, сравнительно съ женщинами другихъ странъ, мальтузіанецъ отвѣчаетъ, что причина этого факта заключается въ воздержаніи французовъ отъ физической любви, то не представляетъ ли подобное рѣшеніе вопроса наивность, рѣдко встрѣчаемую въ наукѣ. Всѣ попытки статистиковъ объяснить различія въ плодовитости женщинъ: развращеніемъ нравовъ, климатомъ, степенью цивилизаціи и т. д. имѣютъ до сихъ поръ значеніе только предположеній. Да и едва-ли статистическій методъ въ состояніи разрѣшить этотъ вопросъ. Разрѣшить его можетъ только физіологія.

Такимъ образомъ, законъ размноженія человѣческаго рода представляетъ до сихъ поръ *искомое*, а потому обоснованіе мальтузіанцами своего исходнаго положенія:—«Населеніе имѣетъ тенденцію возрастать быстрѣе средствъ существованія»,—ссылкою на *абсолютный* законъ плодородія человѣческаго организма само собою падаетъ, и исходное положеніе мальтузіанизма должно быть доказываемо и провѣряемо какимъ либо инымъ образомъ. Очевидно, единственный способъ для изслѣдованія истинности этого положенія есть статистическій. Необходимо разсмотрѣть для каждой страны отдѣльно ростъ населенія въ связи съ умноженіемъ средствъ существованія. Разумѣется, такое изслѣдованіе не ведетъ къ установленію абсолютнаго закона; результаты его не даютъ намъ права заключать о будущемъ; но оно имѣетъ важное значеніе для объясненія соціальныхъ явленій въ настоящемъ. Какія же статистическія данныя послужили основателю мальтузіанскаго ученія для подтвержденія его исходнаго положенія? На основаніи дан-

*) Въ Пруссіи плодовитость замужнихъ женщинъ— 27, 5%
» Англіи — 24,18
» Италіи — 24, 4.
(Ibid).

ныхъ объ увеличеніи населенія въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, Мальтусъ пришелъ къ заключенію, «*что если размноженіе населенія не встрѣчаетъ никакого препятствія, то оно удвоивается каждыя двадцать пять лѣтъ и возрастаетъ въ геометрической прогрессіи*».*) Это препятствіе, продолжаетъ Мальтусъ, заключается въ недостаткѣ средствъ существованія. И если въ Европѣ, Китаѣ, Японіи и т. д. населеніе возрастаетъ медленнѣе, то причины этого заключаются частью въ предусмотрительности, а главнымъ образомъ, въ преждевременной смерти отъ недостатка пищи.**)

Будь эти положенія Мальтуса вѣрны, тогда изъ нихъ логически слѣдовало бы, что періоды удвоенія населенія могутъ служить мѣриломъ возрастанія національнаго богатства, то есть, что страны съ большимъ періодомъ удвоенія должны представлять меньшее возрастаніе богатства и обратно. Такимъ образомъ, мы получили бы, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ возрастаніе богатства всего медленнѣе во Франціи и при томъ процентъ этого возростанія постоянно уменьшается (отъ 1800—60 г. приростъ населенія былъ 0,48%; отъ 1860—75 г.—0,01%);—что въ Россіи богатство возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ въ Великобританіи (въ первой средній приростъ населеніе за послѣднія 15 лѣтъ—1,42; ***) во второй—0,90)—и другія столь же не соотвѣтствующіе дѣствительности выводы. По вычисленіямъ статистика Фарра, смертность 17 чел. на 1.000 можетъ считаться результатомъ органическаго устройства человѣка. Такого благопріятнаго положенія, по отношенію къ смертности, достигла пока одна Норвегія. Слѣдовательно, въ отношеніи этой страны мальтузіанцы не могутъ уже утверждать, что размноженіе населенія въ ней задерживается смертностью отъ недостатка пищи и 75-ти лѣтній періодъ удвоенія населенія въ Норвегіи остается имъ объяснять единственно «воздержаніемъ» Норвежцевъ. Исходя изъ коэфиціента прироста населенія во Франціи за послѣднее время, періодъ удвоенія населенія въ ней равенъ 236 годамъ. Если бы смертность во Франціи была такая же, какъ въ Норвегіи, то и тогда, вслѣдствіе меньшаго, сравнительно съ Норвежскимъ, процента рожда-

*) Извѣстна ошибка, сдѣланная Мальтусомъ въ вычисленіи періода удвоенія населенія въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ:—онъ не принялъ во вниманіе вліянія числа переселенцевъ на возрастаніе населенія.

**) Опытъ о законѣ народонаселенія т. I. кн. I. гл. I.

***) Военно-статистическій сборникъ.

емости, періодъ удвоенія населенія въ ней оказывается значительно длиннѣе норвежскаго.

Для уясненія второго фактора своего основнаго положенія, а именно:—для установленія коэфиціента возрастанія средствъ существованія,—Мальтусъ не сдѣлалъ никакихъ статистическихъ изслѣдованій. Заявивъ, что размѣръ возрастанія произведеній земли опредѣлить гораздо труднѣе, чѣмъ возрастаніе населенія, онъ продолжаетъ: «тѣмъ не менѣе, мы можемъ быть увѣрены, что размѣръ этотъ вовсе не походитъ на размѣръ возрастанія населенія...., населеніе возрастаетъ гораздо быстрѣе средствъ существованія».

Статистическія данныя Англіи, Франціи и Германіи, показывающія, что въ XIX столѣтіи (для котораго только и имѣются данныя) возрастаніе продуктовъ земледѣлія и промышленности обгоняетъ ростъ населенія *), не заставили мальтузіанцевъ усумниться въ истинности ихъ ученія; они объяснили этотъ фактъ самымъ простѣйшимъ образомъ:—*развившеюся въ населеніи «предусмотрительностью»*.

На такихъ-то хрупкихъ основаніяхъ построенъ пресловутый законъ Мальтуса. И если это бездоказательное ученіе, не пред-

*) Согласно вычисленіямъ Неймана-Спалларта, общее производство девяти особенно выдающихся въ промышленномъ отношеніи странъ (Великобританія, Сѣверная Америка, Германія, Бельгія, Россія, Австрія, Голландія, Италія, Ость-Индія) въ теченіи только трехъ лѣтъ—съ 1870 по 1873 годъ — почти удвоилось сравнительно съ прежнимъ, а общій оборотъ ихъ международной торговли возросъ отъ 23 до 45 милліардовъ марокъ. Съ 1860 по 1865 годъ возрастаніе производства было среднимъ числомъ 941 милліонъ марокъ; съ 1865 по 1870—959, а съ 1870 по 1873—никогда прежде неслыханное—2772 милліона марокъ въ годъ. Одна только Германія увеличила свое производство съ 1865 по 1873 годъ съ 2212 до 6058 милліоновъ марокъ, а въ увеличеніи производства угля и желѣза превзошла почти всѣ прочія страны. Если обратить вниманіе на то, что въ промежуткѣ времени съ 1870 по 1873 годъ общее народонаселеніе всѣхъ названныхъ странъ не могло возрасти болѣе какъ на 3—4%, то спрашивается, кто именно явился потребителемъ всего этого громаднаго богатства? Рѣшеніе этого вопроса тѣмъ болѣе затруднительно, что ни расширеніе рынковъ, ни увеличеніе заработной платы въ этотъ промежутокъ времени не могли идти, и, дѣйствительно, не шли въ самую отдаленную параллель съ указанными безпримѣрными въ исторіи размѣрами накопленія и производства. А такъ какъ нынѣшнее богатство безъ сбыта „мертво есть“, то отвѣтъ найдется только въ кризисѣ, разразившемся въ 1873 году, послѣдствія котораго продолжаютъ до сихъ поръ тяготѣть надъ промышленностью большей части цивилизованныхъ странъ, и насколько можно о томъ судить по недавнимъ новымъ „крахамъ“ въ Шотландіи, въ Англіи и отчасти въ Германіи, будутъ устранены еще не очень скоро. (Цит. изъ статьи г. Зибера:—„Мысли объ отношеніи между общественною экономіею и правомъ“. „Слово“ февр. 1879 г.).

ставляющее даже гипотезы, а скорѣе пустое, ни на чемъ не основанное предположеніе, удерживаетъ до сихъ поръ въ политической экономіи значеніе краеугольнаго камня, то *главнѣйшая* причина этому заключается *въ существованіи предположенія a priori объ одинаковости для всѣхъ расъ и народовъ и о неизмѣнности производительной способности человѣческаго организма* и вытекающемъ отсюда объясненіи уменьшенія % рождаемости и болѣе прогрессивнаго возрастанія, сравнительно съ населеніемъ, средствъ существованія «*предусмотрительностью*».

Мальтусъ полагалъ, что «соціальныя учрежденія суть пустыя и поверхностныя причины несчастій общества, *не болѣе, какъ перья, плавающія на поверхности,* въ сравненіи съ болѣе глубокимъ источникомъ бѣдствій, вытекающимъ изъ законовъ самой природы и *страсти одного пола къ другому*. Поэтому въ бѣдствіяхъ, испытываемыхъ человѣчествомъ, слѣдуетъ обвинять не неспособность правительствъ и отвращеніе ихъ къ реформамъ, но ихъ слѣдуетъ приписывать скорѣе избыточному народонаселенію». Болѣе глубокое уясненіе экономическихъ законовъ и статистическія изслѣдованія заставили и тѣхъ экономистовъ, которые согласны съ исходными положеніями Мальтуса, признать тѣснѣйшую связь между экономическимъ порядкомъ, основаннымъ на свободной конкурренціи, и общественными бѣдствіями, каковы:— *избыточное населеніе* *), *нищета, скудное вознагражденіе, чрезмѣрность и дурная обстановка труда, порождающія огромный процентъ болѣзней и смертности отъ истощенія организма, преступленія, медленное распространеніе образованія въ народѣ, присвоеніе успѣховъ культуры почти исключительно незначительною по числу частью общества* и мн. др. Упомянутое признаніе, не раздѣляемое лишь только «послѣдними могиканами» школы свободной конкурренціи, имѣетъ большую цѣну. Оно парализуетъ вредное вліяніе Мальтусова ученія, пытавшагося снять съ общественныхъ учрежденій отвѣтственность за человѣческія бѣдствія и указывавшаго на законы природы, какъ

*) О порожденіи *избыточнаго населенія*, какъ необходимаго продукта накопленія или развитія національнаго богатства на почвѣ свободной конкурренціи, см. замѣчательное изслѣдованіе Маркса, находящееся въ его сочиненіи „Капиталъ“, т. 1, стр. 489—555. Изъ этого изслѣдованія логически вытекаетъ, что *если бы возрастаніе населенія остановилось, то и тогда, неограниченныя закономъ или нравами, капиталистическія отношенія продолжали бы порождать избыточное населеніе.*

на единственнаго виновника ихъ. Только со времени этого признанія, для политической экономіи открылась широкая и благотворная задача установленія основныхъ руководящихъ принциповъ народно-хозяйственной политики, долженствующихъ освѣщать путь, какъ общественной, такъ и государственной дѣятельности.

Говоря заработной платѣ мы показали, что, при свободной конкурренціи, плата за физическій трудъ остается на уровнѣ минимума необходимыхъ средствъ существованія, не смотря на то, что національное богатство возрастаетъ быстрѣе населенія. Въ то же время, число лицъ, живущихъ продажею рабочей силы и выручающихъ изъ этой торговли минимумъ средствъ существованія, постоянно возрастаетъ не только *абсолютно,* вслѣдствіе умноженія населенія, но и *относительно*, какъ неизбѣжный результатъ конкурренціи, при которой крупное производство побиваетъ мелкое. По мѣрѣ захвата отраслей промышленности мануфактурою и машиннымъ производствомъ исчезаетъ ремесленное производство и лица, занимавшіяся имъ переходятъ въ классъ наемныхъ рабочихъ. Далѣе идетъ борьба между капиталистами. Крупные капиталы побиваютъ мелкіе. Происходитъ концентрація производства и капиталовъ *). Число лицъ экономически и соціально самостоятельныхъ постоянно уменьшается. Нація все болѣе раздѣляется на два промышленные класса, связанные между собою лишь покупкою—продажею рабочей силы. Переходъ изъ класса работниковъ въ классъ хозяевъ хотя юридически не воспрещается, но фактически, вслѣдствіе экономическихъ отношеній, является дѣломъ исключительно счастливой случайности. Распредѣленіе дохода и имуществъ народнаго хозяйства становится все болѣе неравномѣрнымъ; возрастаютъ крайности богатства съ одной сто-

*) Быстрота, съ какою совершается, въ настоящее время, концентрація капитала служитъ самымъ крупнымъ указателемъ недолговѣчности соціальнаго строя, основаннаго на свободной конкурренціи. Въ цитированной нами уже разъ статьѣ г. Зибера читатель найдетъ грандіозныя данныя о томъ „въ какой гигантской степени капиталъ сосредоточивается въ немногихъ рукахъ, какіе побѣдоносныя сраженія выигрываетъ крупный капиталъ у мелкаго и насколько всему этому содѣйствуетъ быстрое передвиженіе и сосредоточеніе людей.“ Въ ряду фактовъ этой категоріи г. Зиберъ останавливается на данныхъ, относящихся: 1) къ возрастанію доходовъ, облагаемыхъ подоходнымъ налогомъ, 2) къ движенію важнѣйшихъ фабрикъ, 3) къ измѣненіямъ въ области земледѣльческой промышленности, 4) къ развитію путей сообщенія, и въ 5) къ увеличенію городскаго населенія.

роны, нищета и бѣдность съ другой; неблагопріятное направленіе производства усиливается, ибо оно все болѣе работаетъ въ громадныхъ размѣрахъ лишь только для роскоши богатыхъ. При такомъ состояніи народнаго хозяйства, являются вредныя соціальныя отношенія господства и зависимости и *соціальная пропасть между общественными классами возрастаетъ*. Вмѣстѣ съ этимъ возрастаетъ въ массахъ чувство несправедливой обдѣленности. Это чувство, въ наше время, особенно въ рабочихъ классахъ западной Европы, вслѣдствіе многихъ причинъ далеко острѣе, нежели оно было въ прежнее время съ болѣе патріархальными нравами. Важнѣйшія изъ этихъ причинъ: 1) яркое противорѣчіе дѣйствительности съ идеями вѣка о равенствѣ правъ людей, 2) постоянно увеличивающееся объединеніе рабочихъ въ городахъ и на фабрикахъ и 3) непрерывно усиливающееся значеніе народной прессы. Поднявшись на высшую ступень потребностей, мысли и нравовъ, массы яснѣе сознаютъ несправедливости въ общественномъ устройствѣ, въ распредѣленіи налоговъ, политическихъ правъ, имуществъ, труда, образованія *).

Противорѣчіе между жизненными результатами современнаго экономическаго быта и соціальными идеями вѣка—противорѣчіе,

---

*) Въ послѣднія столѣтія, говоритъ Ал. Ланге, впервые стали постепенно осуществляться основные принципы гуманности, которые устранили прежнія жестокости, и борьба за существованіе между людьми приняла другія болѣе мягкія формы. Какимъ же образомъ случилось однако, что нищета бѣдствующаго человѣчества никогда не чувствовалась такъ глубоко, какъ именно въ настоящее время? Какъ случилось, что прежде, большею частью, только идеалисты-мечтатели и поэты-философы размышляли о средствахъ къ осуществленію совершеннаго состоянія человѣческаго общества, между тѣмъ, теперь, самые массы проникнулись сознаніемъ, что ихъ положеніе должно быть измѣнено посредствомъ совершенно новыхъ, грандіозныхъ соціальныхъ учрежденій? Почему прежде даже крайняя нищета разсматривалась, какъ неизбѣжная судьба, что́ однако, какъ показываетъ опытъ, не было явленіемъ, неотвратимымъ никоимъ образомъ; между тѣмъ, теперь, стремятся съузить границы естественнаго закона борьбы и требуютъ лучшаго соціальнаго порядка, объ осуществленіи котораго существуетъ пока еще весьма неопредѣленное представленіе?

Отвѣтъ на эти вопросы заключается въ томъ, что отвычка отъ жестокостей, бо́льшее спокойствіе и бо́льшее образованіе должны сами по себѣ вести къ тому, чтобы увеличить притязанія отъ жизни. Человѣкъ сознаетъ свое высшее назначеніе; онъ видитъ въ привиллегированныхъ индивидуумахъ, чѣмъ могъ бы быть онъ самъ, еслибы обстоятельства ему благопріятствовали. Онъ разсматриваетъ отношенія критическимъ взглядомъ; онъ обсуждаетъ, и онъ находитъ, что многое могло бы быть иначе. Къ сожалѣнію, это есть страшная истина, что тираны правы, съ своей точки зрѣнія, когда утверждаютъ, что для того, чтобы народъ не достигъ самосознанія его слѣдуетъ держать подъ гнетомъ. (Die Arbeiterfrage, s. 7).

коренящееся въ господствѣ капитала надъ трудомъ — породило въ области экономической политики двѣ школы. Одна изъ нихъ, называемая соціалистическою полагаетъ возможнымъ немедленное устраненіе имущественныхъ привиллегій и обоснованіе доходовъ на трудѣ. Вторая, — реалистическая школа, признавая отсутствіе, въ настоящее время, необходимыхъ для этого условій, стремится установить организацію общественнаго хозяйства, которая, соотвѣтствуя современнымъ условіямъ жизни, и, по возможности, не умаляя *производительности* народнаго хозяйства, распредѣляла бы блага культуры между всѣми классами населенія и приближалась къ обоснованію распредѣленія на трудѣ и заслугѣ.

Содержаніе слѣдующихъ двухъ главъ представляетъ расмотрѣніе историческаго значенія этихъ двухъ школъ и ихъ сущности.

Иванюковъ.

Антропологическіе очерки.

I.

Задачи современной антропологіи и ея отношенія къ другимъ наукамъ.

Подъ именемъ антропологіи разумѣютъ, въ настоящее время, изученіе человѣка въ естественно-историческомъ отношеніи, т. е. изученіе видоизмѣненій человѣческаго типа, какъ онъ представляется намъ въ различныхъ этническихъ группахъ (расахъ, племенахъ, народахъ), на различныхъ пунктахъ земнаго шара и въ различныя историческія и до-историческія эпохи. До нѣкоторой степени антропологію можно, пожалуй, считать отдѣломъ біологіи или точнѣе зоологіи, если, согласно съ большинствомъ зоологовъ, начиная съ Линнея, принимать, что человѣкъ, по своей физической природѣ, образуетъ первую группу во главѣ животнаго царства. Но извѣстно, что главное отличіе человѣка заключается въ его психической природѣ, которая, хотя и можетъ быть разсматриваема, до извѣстной степени, какъ результатъ постепеннаго осложненія и развитія, однако, по самому характеру своихъ явленій, вызываетъ иные задачи и пріемы изученія, отличные отъ обыкновенно прилагаемыхъ къ изученію царства животныхъ и, слѣдовательно, выходящіе изъ предѣловъ области зоологіи. Между тѣмъ, при изученіи человѣческихъ разновидностей, ихъ характеристичныхъ особенностей и взаимнаго сродства, нельзя основываться исключительно на физическихъ признакахъ, нельзя игнорировать проявленія психической дѣятельности и столь характерныя для многихъ группъ племенъ формы быта и стадіи культуры. Притомъ, тщательный анализъ проявленій мысли и творчества у различныхъ народовъ, особенно стоящихъ на низшихъ, болѣе пер-

вобытныхъ ступеняхъ культуры, представляетъ важность еще въ томъ отношеніи, что при помощи его и при сопоставленіи его съ анализомъ физической организаціи, является возможность дойти до болѣе широкаго пониманія человѣческой природы вообще, и до нѣкотораго уясненія первобытныхъ формъ ея развитія.

Уже изъ этого бѣглаго, краткаго опредѣленія можно заключить, что антропологія должна была явиться сравнительно поздно, и не ранѣе, какъ былъ собранъ порядочный запасъ свѣдѣній о человѣческихъ племенахъ и составлено сколько-нибудь обстоятельное понятіе объ организаціи человѣка и животныхъ. Дѣйствительно, первыя научныя начатки антропологіи относятся не далѣе, какъ къ прошлому столѣтію, къ эпохѣ, когда произошелъ рѣшительный поворотъ въ воззрѣніяхъ европейскихъ мыслителей на человѣка. Успѣхи, достигнутые къ этому времени анатоміей и физіологіей, вызвали мало по малу убѣжденіе, что человѣкъ, по своей физической природѣ, долженъ быть поставленъ на ряду съ животными. Въ то же время прогрессъ астрономіи и физическихъ наукъ имѣлъ слѣдствіемъ окончательное паденіе прежнихъ гео— и антропоцентрическихъ теорій и привелъ къ сознанію непреложности физическихъ законовъ и зависимости между матеріей и силой. Увеличеніе зоологическихъ свѣдѣній навело мало по малу на идею о постепенномъ осложненіи въ органическомъ и особенно въ животномъ мірѣ, а накопленіе болѣе или менѣе достовѣрныхъ извѣстій о племенахъ дикарей и о человѣко-подобныхъ животныхъ подало поводъ распространить эту идею и на человѣка.

Явились двѣ философскихъ теоріи, два различныхъ воззрѣнія на человѣка въ его естественномъ, первобытномъ состояніи. По одному воззрѣнію, это былъ грубый, жалкій дикарь, который только, благодаря своей болѣе совершенной физической организаціи и присущимъ ему инстиктамъ, могъ, мало по малу, создать себѣ языкъ и достигнуть бо̀льшей или меньшей степени цивилизаціи; по другой теоріи первобытный человѣкъ выставлялся болѣе совершеннымъ, чѣмъ современный, — испорченный, какъ принимали нѣкоторые, культурой и обществомъ, и тѣми неестественными преградами, которыя были поставлены его развитію. Не вдаваясь здѣсь въ разсмотрѣніе этихъ философскихъ теорій XVIII вѣка, достаточно сказать, что онѣ, несомнѣнно, должны были дать сильный толчокъ изученію человѣка и его разновидностей, и, дѣйствительно, сопровождались первыми научными начатками антропологіи. Всѣ эти новыя воззрѣнія на человѣка, его первобытное

состояніе и его отношеніе къ животному царству должны были обратить вниманіе ученыхъ на нисшія племена человѣчества, на ихъ физическіе и психическіе признаки, и на сравненіе ихъ организаціи съ организаціей высшихъ животныхъ. Начало изслѣдованій въ этомъ отношеніи было положено Бюффономъ, Добантономъ и Блуменбахомъ. Въ 1749 г., вышелъ III томъ Естественной Исторіи Бюффона, въ которомъ былъ сдѣланъ первый опытъ подробнаго изученія варіететовъ человѣческаго рода, на сколько они тогда были извѣстны, — ихъ географическаго распространенія и причинъ, которыми можно было, болѣе или менѣе, объяснить ихъ различіе.

Въ 1764 г., Добантонъ представилъ въ Парижскую Академію мемуаръ, въ которомъ доказывалъ, что животныя, даже самыя близкія къ человѣку, отличаются отъ него по устройству черепа, именно по его постановкѣ на позвоночномъ столбѣ и по положенію затылочнаго отверстія. Въ 1775 г. вышло первое изданіе знаменитой диссертаціи Блуменбаха: «De generis humani varietate nativa», въ которой онъ разбираетъ анатомическія отличія человѣка отъ животныхъ, устанавливаетъ четыре разновидности человѣка, (въ слѣдующихъ изданіяхъ онъ прибавилъ еще пятую) доказываетъ, что всѣ онѣ составляютъ одинъ видъ и полагаетъ, такимъ образомъ, первыя основы систематическаго ученія о человѣческихъ расахъ. Около этого же времени голландецъ Камперъ, въ своемъ мемуарѣ «объ естественныхъ различіяхъ, характеризирующихъ физіономію людей различныхъ климатовъ», даетъ первый точный методъ сравненія формъ черепа и физіономіи, и наглядно показываетъ тѣ различія, которыя существуютъ въ этомъ отношеніи, съ одной стороны, между человѣкомъ и животными, съ другой, между различными человѣческими расами. Около того же времени, Циммерманъ дѣлаетъ попытку изучить географическое распространеніе млекопитающихъ и человѣческихъ расъ; Земмерингъ издаетъ интересный по своему времени этюдъ «о тѣлесномъ отличіи негра отъ европейца»; Уайтъ даетъ первый опытъ сравнительно-антропометрическихъ изслѣдованій; Блуменбахъ, въ своихъ «De cades craniorum diversarum gentium» полагаетъ первыя основанія сравнительной краніологіи; Лудвигъ, наконецъ, издаетъ первый учебникъ «естественной исторіи человѣка».

Въ то же самое время Жюссьё, Маюдель, Эккардъ и другіе затрогиваютъ вопросъ о доисторическомъ существованіи человѣка

въ Европѣ; Монбоддо и Де-Броссъ дѣлаютъ первыя попытки объяснить происхожденіе человѣческой рѣчи; Монтескьё и Гогэ стараются изучить условія и ходъ развитія человѣческихъ обществъ, законовъ, искусствъ; Гердеръ полагаетъ первыя основанія философіи исторіи. Свѣдѣнія о человѣческихъ племенахъ начинаютъ быстро увеличиваться; открывается новый, неизвѣстный ранѣе, міръ Полинезіи и Австраліи, получаются свѣдѣнія о неизвѣстныхъ ранѣе народахъ южной Африки и многихъ частей Азіи и Америки. Наконецъ, около этого же времени, именно въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, основывается въ Парижѣ «Общество наблюдателей человѣка»,—Société des Observateurs de l'homme, поставившее себѣ задачею «собирать свѣдѣнія не только о правахъ и обычаяхъ различныхъ народовъ, даже самыхъ дикихъ, но и изучать, посредствомъ точныхъ наблюденій, внѣшнія формы различныхъ расъ, вліяніе климата на цвѣтъ жителей и т. п., однимъ словомъ, собирать всевозможные матеріалы для подготовленія полной и достовѣрной исторіи человѣческаго рода. Все это, взятое вмѣстѣ, показываетъ, что уже въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, стала довольно ясно сознаваться потребность въ разработкѣ антропологіи и можно было ожидать, что дружными усиліями натуралистовъ, путешественниковъ и историковъ, эта отрасль знанія пойдетъ безостановочно впередъ.

Надежды эти, однако, не вполнѣ оправдались. «Общество наблюдателей человѣка» существовало весьма недолго и закрылось, не оказавъ никакого вліянія на развитіе науки. Въ теченіе первой половины нынѣшняго столѣтія, анатомія человѣческихъ расъ сдѣлала весьма мало успѣховъ и немного добавила къ тому, что уже было добыто Блуменбахомъ, Камперомъ, Дебонтаномъ. Масса новыхъ формъ, съ которыми въ это время познакомились зоологи, открытіе остатковъ многихъ ископаемыхъ, усовершенствованіе микроскопа, успѣхи физіологіи и эмбріологіи обратили въ это время вниманіе натуралистовъ на другія области знанія, обѣщавшія болѣе вѣрные и плодотворные результаты, чѣмъ изученіе человѣческихъ расъ, матеріалы для познанія которыхъ собирались медленно. Наука о психической жизни совершенно отдѣлилась отъ наукъ естественныхъ и стала разработываться особымъ методомъ, къ сожалѣнію, оказавшимся мало плодотворнымъ. Авторитетъ Кювье установилъ, въ это время, твердо положеніе, что человѣкъ явился сравнительно недавно, въ современную геологическую эпоху, и что онъ не можетъ быть най-

день въ ископаемомъ состояніи, вмѣстѣ съ останками вымершихъ животныхъ. На основаніи того же авторитета, всѣми натуралистами было признано, что каждый видъ организмовъ былъ созданъ отдѣльно, и что всѣ они остаются неизмѣнными, подвергаясь только незначительнымъ варіяціямъ. Въ приложеніи къ человѣку, это могло означать или, что все человѣчество составляетъ одинъ видъ, происшедшій отъ одной пары особей и распавшійся, подъ вліяніемъ климатическихъ условій, на значительное число разновидностей, или, что онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ первичныхъ расъ, получившихъ начало въ различныхъ странахъ земнаго шара и образовавшихъ впослѣдствіи множество варіететовъ и помѣсей. Первое мнѣніе принималось большинствомъ натуралистовъ, особенно нѣмецкихъ и англійскихъ, но второе также находило не мало послѣдователей, особенно во Франціи и Америкѣ. Первые, *моногенисты*, находили подтвержденіе своимъ воззрѣніямъ въ существованіи переходныхъ типовъ между расами и въ способности различныхъ племенъ смѣшиваться между собою и производить плодущее потомство; вторые, *полигенисты*, основывались, главнымъ образомъ, на устойчивости и неизмѣнности расовыхъ признаковъ въ продолженіе послѣднихъ 6000 лѣтъ, какъ о томъ можно, напримѣръ, судить по изображеніямъ различныхъ расъ на египетскихъ монументахъ. Во всякомъ случаѣ, изученіе этихъ мелкихъ, трудно уловимыхъ племенныхъ особенностей, не представляло достаточнаго интереса для большинства біологовъ, тѣмъ болѣе, что оно не освѣщалось въ это время никакою общею плодотворною идеею.

Тѣмъ не менѣе этотъ періодъ времени, именно первыя 60 лѣтъ нынѣшняго столѣтія, прошелъ далеко не безплодно для антропологіи. Въ теченіе его были положены прочныя основанія сравнительнаго языкознанія; трудами Боппа была твердо установлена связь между языками индо-европейской группы; а также, трудами Вил. Гумбольдта, Клапрота, Лихтенштейна, Кастрена, Габеленца и другихъ,—между языками южной Африки, малайскими, урало-алтайскими, полинезійскими. Въ этотъ же періодъ появились первыя научныя начатки сравнительной мифологіи; положены первыя серьезныя основы для научнаго изученія народной литературы, народнаго быта, многихъ памятниковъ древности, исторіи культуры. Мысль, высказанная въ прошломъ столѣтіи, Монтескьё и Гердеромъ, возродилась, въ болѣе опредѣленной формѣ, въ идеѣ Риттера «о вліяніи на ходъ все-

мірной исторіи внѣшнихъ физическихъ условій». Нѣкоторые мыслители, какъ напримѣръ Поттъ, Гобино и другіе, полагали возможнымъ включить въ число такихъ опредѣляющихъ условій и психическія различія самихъ племенъ, или существующее между ними въ этомъ отношеніи неравенство. Съ другой стороны, изслѣдованія Кетлэ показали, что, въ противуположность принятому мнѣнію, факты общественные, опредѣляемые свободнымъ произволомъ человѣка, совершаются съ неменьшею правильностію, нежели факты, подверженные простому дѣйствію физическихъ причинъ. Все это, по необходимости, вело къ заключенію, что движеніе историческихъ событій и развитіе человѣческихъ обществъ опредѣляется естественными законами и зависитъ, до извѣстной степени, отъ опредѣленныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ. Матеріалъ для познанія отдѣльныхъ племенъ въ это время значительно увеличился.

Получены были обстоятельныя свѣдѣнія объ исторіи и культурѣ Индіи, Китая, Японіи, Малайскаго Архипелага, Перу, Мексики, равно какъ и о бытѣ многихъ первобытныхъ, полудикихъ племенъ. Мало по малу свѣдѣнія эти увеличились настолько, что имъ стали удѣлять все болѣе и болѣе мѣста, какъ въ исторіи культуры (въ примѣръ можно привести исторію Клемма), такъ и въ естественной исторіи человѣка.

Замѣчательнѣйшій изъ послѣдователей Блуменбаха, Причардъ, вводитъ уже въ свои «Изслѣдованія о физической исторіи человѣка» (1808—36) подробныя описанія отдѣльныхъ племенъ и народовъ, причемъ удѣляетъ наиболѣе мѣста даннымъ языкознанія, исторіи и характеристикамъ быта. Въ это же время, именно въ двадцатыхъ годахъ, входитъ въ употребленіе терминъ «этнографія» для обозначенія систематическаго описанія и распредѣленія народовъ, основаннаго, главнымъ образомъ, на данныхъ языкознанія, а также терминъ «этнологія», введенный впервые Вильямомъ Эдварсомъ, для обозначенія науки о человѣческихъ расахъ, причемъ подъ словомъ «раса» онъ подразумѣвалъ «совокупность физическихъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ признаковъ, свойственныхъ извѣстной этнической группѣ». Въ 1839 г., Вилльямъ Эдварсъ основалъ въ Парижѣ первое этнологическое общество, опредѣливъ задачею его: «изученіе организаціи человѣческихъ расъ, ихъ умственнаго и нравственнаго развитія, ихъ языковъ и историческихъ преданій, для того, чтобы утвердить на ея настоящихъ основахъ науку о человѣческихъ племенахъ

или этнологію.» Въ трудахъ этого общества, равно какъ и основанныхъ въ подражаніе ему обществъ Лондонскаго и Нью-Іоркскаго, было помѣщено нѣсколько интересныхъ этнографическихъ изслѣдованій и матеріаловъ, хотя вообще дѣятельность этихъ учрежденій, въ которыхъ почти вовсе не принимали участія натуралисты, и не была особенно плодотворною.

Какъ бы то ни было, количество антропологическаго матеріала, съ теченіемъ времени продолжало увеличиваться, мало по малу явилась потребность сгруппировать его въ систему, сопоставить вмѣстѣ его различныя категоріи, внести въ него болѣе точные методы. Для успѣшной дальнѣйшей разработки науки, нужно было прежде всего яснѣе сознать ея задачу и опредѣлить точнѣе ея возможныя цѣли, чтобы направить, соотвѣтственно имъ, дальнѣйшія изслѣдованія. Такой счастливый моментъ совпадаетъ съ 1859—60 годами, къ которымъ вообще можно отнести начало новаго періода развитія антропологіи.

На самомъ рубежѣ этого періода стоитъ сочиненіе профессора Вайца: «Антропологія первобытныхъ народовъ» (Anthropologie der Naturvölker), первый томъ котораго, посвященный вопросамъ о единствѣ человѣческаго рода и естественнаго состояніи человѣка, вышелъ въ 1859 году. По своему содержанію, это сочиненіе замыкало собою предыдущій періодъ. Въ немъ, съ необыкновенной эрудиціей, были сопоставлены и критически разобраны всѣ факты, добытые предыдущими изслѣдованіями, и не прибавлено въ сущности ни одного новаго. Но что въ немъ было новаго, это воззрѣніе на задачи изслѣдованія и цѣль антропологіи. По мнѣнію Вайца, антропологія должна служить звеномъ, связывающимъ естественно-научное познаніе человѣка съ историческимъ, или точнѣе, должна изучить человѣка въ состояніи его перехода отъ естественнаго первобытнаго одиночнаго состоянія къ жизни общественной и культурной. Современная наука, конечно, не можетъ согласиться съ мнѣніемъ объ одиночномъ, первобытномъ состояніи человѣка; она принимаетъ даже, что стадное общество существовало ранѣе семьи, тѣмъ не менѣе, она должна признать вѣрность мысли Вайца, что для болѣе широкаго пониманія человѣческой природы, во всѣхъ ея проявленіяхъ, невозможно ограничиваться изученіемъ только тѣхъ формъ, какія намъ представляла исторія цивилизаціи, но необходимо принимать во вниманіе и такъ называемые некультурные первобытные народы.

Мы сказали, что къ 1859—60 годамъ можно отнести рѣшительный поворотъ въ развитіи антропологіи. Дѣйствительно, съ этими годами совпали нѣкоторыя событія, оказавшія важное вліяніе на прогрессъ науки; а именно: 1) открытіе, или вѣрнѣе—признаніе подлинности ископаемыхъ остатковъ человѣка и его культуры, 2) появленіе теоріи происхожденія видовъ Дарвина и 3) основаніе антропологическаго общества въ Парижѣ.—Что касается ископаемыхъ остатковъ человѣка и его культуры, то нужно замѣтить, что они были находимы и ранѣе, даже еще въ прошломъ столѣтіи, но не обращали на себя должнаго вниманія. Послѣ исторіи съ антрополитомъ Гваделупы, признаннымъ Кювье за современное образованіе, ученые стали смотрѣть скептически на всѣ извѣстія о подобныхъ находкахъ. Открытія, сдѣланныя въ двадцатыхъ годахъ, Турналемъ въ одной пещерѣ южной Франціи, результаты раскопокъ Шмерлинга въ пещерахъ южной Бельгіи и Годвина-Остена въ Кентской пещерѣ Англіи остались не признанными, равно какъ долгое время и находки Душэ-де-Перта въ аллювіѣ р. Соммы въ (сѣверной Франціи). Такъ продолжалось до 1859—60 годовъ. Въ 1859 г., извѣстный англійскій геологъ Прествичъ, осмотрѣвъ вмѣстѣ съ археологомъ Эвансомъ долину р. Соммы, и произведя необходимыя раскопки, представилъ Лондонскому Королевскому Обществу мемуаръ, въ которомъ доказывалъ подлинность и древность найденныхъ здѣсь кремневыхъ орудій. Въ томъ же году, означенная мѣстность была посѣщена знаменитымъ геологомъ Лайеллемъ, который осенью того же года, на митингѣ Британской Ассоціаціи наукъ въ Эбердинѣ, подтвердилъ, съ своей стороны, древность кремневыхъ орудій изъ аллювія Соммы. Эти рѣшительные выводы англійскихъ геологовъ склонили къ упомянутымъ находкамъ и французскихъ ученыхъ. Въ томъ же году, Сентъ-Ашёльская и Аббевильская коп были осмотрѣны Пушэ-Годри, Эбромъ и Денуойэ, которые всѣ нашли возможнымъ подтвердить выводы Прествича и Лайелля, добывъ лично оббитые человѣческою рукою кремни (топоры) въ слояхъ, заключавшихъ въ себѣ останки ископаемыхъ животныхъ. Въ слѣдующемъ, 1860 году, Лартэ началъ свои раскопки пещеръ южной Франціи, прежде всего знаменитаго Оринвакскаго грота, и представилъ въ Парижскую Академію Наукъ свой извѣстный мемуаръ о «существованіи человѣка съ большими ископаемыми животными, характеристичными для послѣдняго геологическаго періода. Въ томъ же 1860 году, западно-европейскіе ученые, впервые,

познакомились обстоятельно съ изслѣдованіями датскихъ и шведскихъ археологовъ о древнѣйшемъ каменномъ періодѣ ихъ страны, благодаря прекрасному отчету Морло, изданному Лозанскимъ Обществомъ Естествоиспытателей. Наконецъ, въ томъ же 1860 г., вышло сочиненіе Тройона «о древнихъ постройкахъ на сваяхъ въ Швейцарскихъ озерахъ» (пфальбаутахъ), первое открытіе коихъ относится къ 1854 году, но которыя были описаны подробно, Келлеромъ и Рютгемейеромъ, только въ 1858—61 годахъ. Такимъ образомъ, къ 1860 году доисторическая археологія почти сразу обогатилась многими новыми находками и изслѣдованіями и значительно разширила имѣвшіяся представленія о древнѣйшихъ судьбахъ человѣка въ Европѣ.

Вторымъ событіемъ, оказавшимъ замѣтное вліяніе на прогрессъ антропологіи, было появленіе теоріи Дарвина. Эта теорія, плодъ многолѣтнихъ трудовъ и наблюденій извѣстнаго натуралиста, конечно, не могла остаться безъ приложенія къ человѣку. Первые опыты такого приложенія были сдѣланы Гёксли и Фохтомъ, въ рядѣ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ ими въ Лондонѣ и Невшателѣ. Взгляды Гёксли и Фохта (впослѣдствіи по этому предмету высказался и самъ Дарвинъ), не могли не обратить на себя вниманія натуралистовъ и вызвали цѣлый рядъ работъ по сравнительной анатоміи приматовъ (Брока, Граціолэ, Бишофа, Оуэна, Флауэра, Эккера, Луцэ и др., которыя во многихъ отношеніяхъ дополнили прежнія изслѣдованія по тому же предмету. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новая теорія, и именно доказанный Дарвиномъ принципъ естественнаго и половаго подбора и борьбы за существованіе въ органическомъ мірѣ, внесла новый свѣтъ и въ науку о человѣческихъ племенахъ или этнологію, указавъ на новый факторъ измѣнчивости и расхожденія признаковъ. Съ другой стороны, эта же теорія постепеннаго развитія, въ связи съ данными, добытыми одновременно доисторической археологіей, этнографіей и исторіей культуры, вызвала стремленіе проникнуть глубже въ исторію развитія человѣчества, прослѣдить тѣ пути, по которымъ шло наростаніе первобытной культуры и ту смѣну формъ, которую испытало въ своемъ развитіи примитивное человѣческое общество. Замѣчательныя изслѣдованія Лёббока, Тэйлора, Бастіана, Спенсера, Макъ-Леннана, Бахховена, Маргина, Гейгера и другихъ были попыткою дать отвѣтъ на эти вопросы и разъяснить первоначальное возникновеніе и развитіе человѣческой рѣчи, письма, искусства, вѣрованій, нравственности, брака, семьи,

собственности, и другихъ психическихъ и соціальныхъ явленій человѣчества. Мысль Конта о необходимости естественной науки объ обществѣ, или соціологіи, начала получать осуществленіе въ трудахъ только что перечисленныхъ мыслителей, въ особенности Спенсера. — Психологія точно также выступила на новый, болѣе плодотворный путь развитія. Тотъ метафизическій методъ, которымъ разрабатывали психологію до шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, мало по малу былъ признанъ безплоднымъ и оставленъ. Въ настоящее время, сдѣлалось яснымъ, что только въ соединеніи съ физіологіей, зоологіей, антропологіей, психіатріей, этнографіей, лингвистикой и исторіей культуры психологія можетъ надѣяться дойти до сколько-нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія ея сложныхъ вопросовъ.—Третьимъ событіемъ, оказавшимъ вліяніе на развитіе науки, было, какъ я сказалъ, основаніе антропологическихъ обществъ, и прежде всѣхъ Парижскаго. Основанное, по иниціативѣ Брока, небольшимъ кружкомъ анатомовъ и врачей, Парижское Антропологическое Общество скоро обратило на себя вниманіе, какъ тѣми вопросами, которые оно поставило задачею своей дѣятельности, такъ и тѣми болѣе положительными методами, которые оно старалось ввести въ изслѣдованіе человѣческихъ разновидностей. По примѣру его скоро основались антропологическія общества въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Флоренціи, Германіи. Въ 1861 году, по иниціативѣ К. Э. фонъ-Бэра, состоялся съѣздъ нѣмецкихъ антропологовъ въ Гёттингенѣ. На этомъ съѣздѣ былъ обсуждаемъ вопросъ объ основаніи антропологическихъ обществъ въ Германіи, было рѣшено издавать спеціальный журналъ, «Archiv fur Anthropologie», и была сдѣлана попытка выработать однообразные методы антропологическихъ изслѣдованій,—попытка, болѣе полное осуществленіе которой было сдѣлано однако позже и уже Парижскимъ Обществомъ.

Всѣ перечисленные факты, почти совпавшіе въ своемъ появленіи, въ состояніи объяснить, думается намъ, то движеніе, которое стало замѣчаться въ антропологіи съ начала шестидесятыхъ годовъ. Различные отдѣлы ея, разрабатывавшіеся ранѣе совершенно отдѣльно, нисколько не интересуясь одинъ другимъ, стали теперь понимать пользу и выгоды ассоціаціи, сознали необходимость дѣйствовать совмѣстно для разрѣшенія общихъ задачъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя задачи антропологіи стали опредѣляться яснѣе, равно какъ и ея границы по отношенію къ дру-

гимъ наукамъ. Ранѣе терминъ «антропологія» употреблялся, большей частью, въ довольно неопредѣленномъ смыслѣ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, это названіе придавалось совокупности извѣстныхъ тогда свѣдѣній о физической и психической природѣ человѣка, включая сюда также свѣдѣнія анатомическія и физіологическія. Мало по малу, однако, когда анатомія и физіологія обособились въ отдѣльныя науки, на долю антропологіи остались только естественная исторія человѣка и психологія. Въ 1789 г., Кантъ, въ своей «Anthropologie in pragmatischer Hinsicht», опредѣлилъ антропологію, какъ систематическое ученіе о человѣкѣ, разсматривающее его въ физіологическомъ или прагматическомъ отношеніи. Физіологическое изученіе заключается, по Конту, въ изслѣдованіи того, что природа дѣлаетъ изъ человѣка; прагматическое же—въ изученіи того, что онъ, какъ свободное въ своихъ поступкахъ существо, самъ дѣлаетъ изъ себя, или что онъ можетъ и долженъ дѣлать. Изъ другихъ мѣстъ его сочиненія видно, что Кантъ включалъ изученіе человѣческихъ расъ въ «физическую географію,» подъ антропологіей же собственно онъ разумѣлъ нѣчто, что всего ближе подходитъ къ дедуктивной психологіи человѣка. Въ такомъ же смыслѣ употреблялся большей частью терминъ «антропологія» въ Германіи и послѣ Канта, до самыхъ шестидесятыхъ годовъ. Въ этотъ промежутокъ времени была издана масса сочиненій подъ такимъ названіемъ и всѣ они представляютъ болѣе или менѣе удачные опыты дедуктивныхъ психологическихъ системъ. Мы слишкомъ мало знакомы съ этой обширной литературой, чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, ея значеніе; но, судя по отзывамъ компетентныхъ лицъ, полагаемъ, что результаты ея были не особенно удовлетворительны и не очень подвинули впередъ наше знаніе психическихъ явленій.

Наоборотъ, нѣмецкіе натуралисты конца XVIII и начала XIX вѣка, какъ, напр., Блуменбахъ, Лудвигъ, Рудольфи и др. разумѣли подъ антропологіей, по преимуществу, естественную исторію человѣка. Въ томъ же смыслѣ употреблялся терминъ «антропологія» и во Франціи, гдѣ уже въ 1838 году была основана кафедра антропологіи въ Парижскомъ Музеѣ Естественной Исторіи. Болѣе опредѣленное приложеніе получилъ, однако, этотъ терминъ, только въ шестидесятыхъ годахъ, со времени появленія сочиненія Вайца и основанія антропологическихъ журналовъ и обществъ. Съ этого времени онъ сталъ употребляться для обозначенія естественной исторіи человѣка въ обширномъ смыслѣ,

включая въ нее также этнологію, сравнительную психологію племенъ и исторію первобытной культуры.—Что касается задачъ антропологіи, то мы уже указали на нихъ въ началѣ настоящаго очерка; мы позволимъ себѣ, однако, сказать о нихъ еще нѣсколько словъ.

Объектъ изслѣдованій современной антропологіи опредѣляется зоологической группой рода «человѣк» (homo), разсматриваемой какъ по отношенію къ входящимъ въ составъ ея разновидностямъ, такъ и въ ея цѣломъ, въ ея отношеніи къ другимъ зоологическимъ группамъ. Соотвѣтственно двумъ категоріямъ явленій, которыя представляются намъ природою человѣка, именно явленіями его физической жизни и его психической дѣятельности, антропологія включаетъ въ кругъ своихъ изслѣдованій, какъ сравнительно-анатомическое, такъ и сравнительно-психологическое изученіе человѣческихъ разновидностей. Что касается перваго, то оно исходитъ отъ строенія нормальнаго, здороваго типичнаго человѣка бѣлой, или точнѣе Европейской расы и сравниваетъ съ нимъ тѣ варіяціи, особенности и уклоненія, которыя замѣчаются у различныхъ, болѣе или менѣе обширныхъ, группъ человѣческихъ особей. Изъ ряда многообразныхъ варіяцій, выдѣляются прежде всего тѣ, которыя обусловливаются поломъ, возрастомъ, за тѣмъ тѣ, которыя свойственны болѣе или менѣе обширнымъ группамъ взрослыхъ особей различныхъ расъ. Вслѣдствіе почти безконечной индивидуальной измѣнчивости человѣка и отсутствія рѣзкихъ различій между близко-сродными разновидностями, выдѣленіе типичныхъ признаковъ послѣднихъ, требуетъ нерѣдко весьма внимательнаго сличенія. Необходимо тщательное изученіе и сравненіе мельчайшихъ индивидуальныхъ признаковъ значительнаго числа особей, чтобы вывести типичные признаки свойственные извѣстной этнической группѣ, опредѣлить предѣлы измѣнчивости этихъ признаковъ и, въ случаѣ присутствія въ данной группѣ нѣсколькихъ типовъ, выдѣлить и разграничить ихъ. Простаго сравненія здѣсь часто не можетъ быть достаточно, и приходится прибѣгать къ измѣреніямъ и къ выводу среднихъ чиселъ, какъ это дѣлается и другими науками, при изученіи варіирующихъ явленій и формъ, напримѣръ, метеорологіей, статистикой и даже зоологіей, при изслѣдованіи видовъ, богатыхъ разновидностями. Само собою разумѣется, что констатируя тѣ или другія различія, наука не можетъ ограничиваться только ихъ описаніемъ, но должна стремиться уяснить себѣ, по возмож-

ности, ихъ значеніе, опредѣлить ихъ относительную важность, составить понятіе объ ихъ генезисѣ. Для этой цѣли антропологіи приходится прежде всего обращаться къ даннымъ сравнительной анатоміи и эмбріологіи, иногда также патологіи и этнографіи. Только при помощи этихъ наукъ, можно надѣяться объяснить многія особенности, являющіяся или такъ называемыми «животными образованіями», или «остановками въ развитіи», или патологическими уклоненіями, или, наконецъ, искуственными деформаціями. Но этого мало; является вопросъ: чѣмъ вызываются эти варіяціи, какъ мы можемъ объяснить себѣ ихъ появленіе, чѣмъ обусловливается ихъ бо́льшее или меньшее распространеніе? Прилагая къ человѣческимъ разновидностямъ общую для органическихъ формъ теорію трансформизма, наука стремится заглянуть въ прошедшее, составить себѣ понятіе объ исторіи развитія человѣческихъ видоизмѣненій. Для разъясненія всѣхъ этихъ вопросовъ наука должна пользоваться, къ сожалѣнію, довольно скудными средствами и, часто, весьма отрывочными данными. Средства эти ограничиваются только наблюденіемъ надъ нынѣ живущими племенами и тѣми указаніями, которыя могутъ доставить исторія, археологія, палеонтологія. Наблюдая нынѣ живущія племена въ ихъ естественной обстановкѣ, при различныхъ, окружающихъ ихъ, внѣшнихъ условіяхъ, замѣчая тѣ физическія измѣненія, которыя происходятъ съ человѣческими особями и группами, при ихъ переселеніи изъ однихъ странъ въ другія, изучая проявленія въ человѣческомъ родѣ измѣнчивости, наслѣдственности, естественнаго и половаго подбора, борьбы за существованіе, смѣшенія и вымиранія племенъ, наука старается уяснить степень и родъ вліянія, оказываемаго окружающей природой и условіями жизни на человѣка и пытается опредѣлить законы, управляющіе естественною жизнью и развитіемъ человѣчества. Съ другой стороны, сопоставляя результаты изслѣдованія современныхъ племенъ съ данными исторіи и съ результатами археологическихъ и палеонтологическихъ изысканій, антропологія составляетъ себѣ понятіе о племенахъ и народахъ нынѣ несуществующихъ и о типѣ человѣка въ отдаленные, доисторическіе періоды его существованія. Конечно, всѣ эти данныя еще весьма отрывочны и скудны, но онѣ драгоцѣнны для насъ, какъ свидѣтельства нашей глубокой древности; притомъ, слѣдуетъ замѣтить, что эти прямыя данныя могутъ быть еще нѣсколько дополняемы косвенными, доставляемыми, отчасти,

анализомъ физической организаціи человѣка и эмбріональнаго развитія, а, отчасти, сравнительно —психологическимъ изученіемъ человѣчества.

Это послѣднее, именно сравнительно-психологическое изученіе, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ антропологіи. Если зоологъ, изучающій тѣхъ или другихъ животныхъ, особенно высшихъ, не ограничивается только изслѣдованіемъ ихъ физической организаціи, но старается также составить себѣ понятіе объ ихъ образѣ жизни, инстинктахъ, проявленіяхъ умственныхъ способностей, то тѣмъ болѣе явленія этой категоріи должны интересовать насъ при изученіи человѣка, психическая природа котораго представляетъ такое, высокое развитіе. Если различныя формы голосовыхъ звуковъ являются характерными признаками для многихъ видовъ птицъ; если соціальные инстинкты муравьевъ составляютъ одну изъ типичнѣйшихъ особенностей этихъ насѣкомыхъ; если различные типы построекъ пчелъ и осъ служатъ однимъ изъ важныхъ критеріевъ для различенія ихъ видовъ, то очевидно, что при изученіи человѣческихъ разновидностей, данныя лингвистики, сравнительной психологіи и этнографіи должны имѣть еще гораздо большее значеніе. Различія въ строеніи языковъ часто рѣзче разграничиваютъ между собою племена, чѣмъ ихъ физическіе признаки; формы первобытныхъ религій и культуръ могутъ быть болѣе характеристичными, чѣмъ контуръ черепа или цвѣтъ кожи. Правда, мы имѣемъ доказательства, что народы нерѣдко мѣняютъ съ теченіемъ времени свой языкъ и заимствуютъ одинъ отъ другаго культуру и религію, и что признаки физическіе, вообще, устойчивѣе психическихъ; но, съ другой стороны, мы знаемъ также, что и физическіе признаки могутъ подвергаться, съ теченіемъ времени, измѣненію, и что распредѣленіе формъ примитивнаго быта и культуры стоитъ иногда въ очевидномъ соотвѣтствіи съ степенью физической организаціи племенъ и съ особенностями населяемыхъ ими территорій. Во всякомъ случаѣ, наше знаніе о человѣческихъ разновидностяхъ было бы далеко неполнымъ, если бы мы не приняли во вниманіе, столь характерныхъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ явленій жизни психической и соціальной. Притомъ, какъ было уже замѣчено выше, анализъ этихъ явленій, въ особенности, какъ они представляются намъ у народовъ нецивилизованныхъ, можетъ разъяснить намъ до нѣкоторой степени процессъ ихъ первоначальнаго развитія, а слѣдовательно, и способствовать пониманію человѣческой природы вообще.

Кромѣ изученія расъ въ сравнительно-анатомическомъ, біологическомъ и психологическомъ отношеніяхъ, кромѣ изслѣдованія первобытной исторіи человѣка, въ задачи антропологіи входитъ еще систематическое описаніе племенъ и составленіе ихъ естественной классификаціи. Анализируя свойственные племеннымъ группамъ признаки и особенности, изучая географическое распространеніе переселенія, смѣшеніе, образованіе и вымираніе народовъ, наука, въ концѣ концовъ, имѣетъ въ виду синтезъ,—сведеніе своихъ фактовъ въ опредѣленную систему. Такимъ синтезомъ и можетъ быть въ естественной исторіи человѣка—классификація, т. е. распредѣленіе отдѣльныхъ разновидностей по ихъ естественному сходству. Если бы мы могли прослѣдить физическое и психическое развитіе человѣчества, съ древнѣйшихъ моментовъ его существованія, и уяснить процессъ его постепеннаго развѣтвленія на значительное число, отчасти вымиравшихъ, впослѣдствіи, разновидностей, и если бы при томъ можно было постигнуть тѣ условія, которыми это развитіе и развѣтвленіе въ разныхъ случаяхъ вызывалось, то задача антропологіи была бы достигнута и самопознаніе человѣка сдѣлало бы громадный шагъ впередъ. Задача эта, однако, настолько громадна, а средства, имѣющіяся для ея разрѣшенія, такъ скудны, что человѣчество, по всей вѣроятности, никогда не будетъ въ состояніи разрѣшить ее вполнѣ. Наши знанія въ этомъ отношеніи, подобно тому, какъ, въ извѣстной степени, и знанія зоологовъ, ботаниковъ, геологовъ—относительно царствъ животнаго, растительнаго и ископаемаго,—подобно тому, какъ и знанія психологовъ, историковъ, археологовъ, осуждены всегда оставаться болѣе или менѣе отрывочными и никогда не будутъ въ состояніи достигнуть желаемой степени точности и полноты. Антропологія, какъ и вся морфологія вообще, не есть и не въ состояніи быть наукою точною, къ которой могъ бы быть примѣнимъ математическій анализъ. Какъ справедливо замѣтилъ Геккель относительно морфологіи, это есть наука историческая, которой выводы могутъ имѣть значеніе только относительныхъ истинъ; тѣмъ не менѣе, эти выводы могутъ достигнуть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такой степени вѣроятности и могутъ подвинуть, въ своей совокупности, настолько наше знаніе о человѣкѣ, что этого уже достаточно для оправданія ея необходимости, для признанія за ней права науки, наравнѣ съ другими морфологическими и историческими науками.

Изъ только что сказаннаго можно уже составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, насколько разработка антропологіи сопряжена съ трудностями и въ какой мѣрѣ она требуетъ содѣйствія другихъ отраслей знанія. Понятно, напримѣръ, что, при изученіи физическихъ различій между расами, антропологія не можетъ обойтись безъ знанія анатоміи и физіологіи нормальнаго человѣка, которыя доставляютъ ей, такъ сказать, необходимую точку опоры при сравненіи отдѣльныхъ варіацій. Эмбріологія и сравнительная анатомія снабжаютъ ее необходимыми данными для сужденія о значеніи многихъ варіацій строенія; кромѣ того, первая знакомитъ еще съ индивидуальнымъ развитіемъ или онтогеніей человѣка вообще; а услуги второй необходимы для опредѣленія тѣхъ животныхъ останковъ, которые могутъ встрѣчаться въ древнихъ отложеніяхъ вмѣстѣ съ останками человѣка и его культуры. Для оцѣнки этихъ послѣднихъ, ихъ относительной древности и значенія, оказывается необходимою, кромѣ того, еще помощь геологіи и палеонтологіи, равно какъ и значительное содѣйствіе со стороны археологіи. Не можетъ обойтись антропологія и безъ данныхъ зоологіи, безъ знакомства съ классификаціей высшихъ животныхъ, съ фактами зоологической и ботанической географіи, не можетъ игнорировать она и данныхъ біологіи, подразумѣвая подъ послѣднею изученіе условій существованія органическихъ видовъ и вліяніе на послѣдніе окружающей природы. Исторія даетъ ей свѣдѣнія о многихъ, отчасти уже исчезнувшихъ, отчасти еще существующихъ народахъ, объ ихъ прежнемъ типѣ, бытѣ, разселеніи и взаимныхъ отношеніяхъ. При изученіи психическихъ особенностей и взаимнаго сродства племенъ, антропологія не можетъ обойтись безъ помощи лингвистики и этнографіи, изъ коихъ послѣдняя является, по отношенію къ ней, какъ бы складочнымъ магазиномъ всякихъ свѣдѣній о различныхъ народахъ. Наконецъ, ей необходимы еще услуги географіи, приходится прибѣгать иногда къ даннымъ психологіи и психіатріи, а также къ фактамъ статистики и даже къ выводамъ наукъ политическихъ и соціальныхъ.

Пользуясь, однако, выводами и данными столь различныхъ отраслей знанія, антропологія не ограничивается только сшиваніемъ этихъ разнородныхъ матеріаловъ. Она подвергаетъ ихъ самостоятельному анализу и дополняетъ результатами собственныхъ наблюденій въ виду особыхъ, преслѣдуемыхъ ею, цѣлей. Эти результаты могутъ, въ свою очередь, принести пользу и для

другихъ наукъ, могутъ, напримѣръ, служить дополненіемъ отчасти къ анатоміи и физіологіи нормальнаго человѣка, отчасти къ палеонтологіи и археологіи. Если для антропологіи необходимо пользованіе данными лингвистики, то и лингвистамъ могутъ пригодиться данныя антропологіи и уже со стороны лингвистовъ были сдѣланы попытки согласовать факты сравнительнаго языковѣдѣнія съ фактами сравнительной морфологіи племенъ и съ выводами доисторической археологіи. Подобнымъ же образомъ, данныя, добытыя сравнительно-психологическимъ изученіемъ племенъ, могутъ оказаться полезными для индивидуальной психологіи и психіатріи, какъ это и было уже выставлено на видъ извѣстнымъ психіатромъ Маудсли. Не лишними могутъ быть нѣкоторые отдѣлы антропологіи и для медицины, и притомъ, какъ для медицины собственно, такъ и для гигіены. Выводы, получаемые изъ наблюденій надъ анатомическими, физіологическими и патологическими варіаціями человѣка, надъ проявленіемъ въ человѣчествѣ явленій наслѣдственности, измѣнчивости, приспособленія къ средѣ, надъ вліяніемъ на человѣка тѣхъ или другихъ внѣшнихъ условій, того или другаго рода пищи и образа жизни, надъ смѣшеніемъ и вымираніемъ племенъ, даже надъ нравами и обычаями могутъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, представлять значительный интересъ для медика и, по всей вѣроятности, въ недалекомъ будущемъ, обратятъ на себя бо́льшее, соотвѣтствующее ихъ значенію вниманіе. Но еще болѣе важное значеніе представляетъ антропологія для зоологіи и исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, она, такъ сказать, выполняетъ пропасть, лежащую между этими двумя отраслями знанія. Какъ зоологія остается, безъ нея, безъ вершины, такъ и исторія, безъ нея, остается безъ начала. Зоологъ встрѣчаетъ въ животномъ царствѣ постепенное осложненіе организаціи; онъ видитъ, въ различныхъ его группахъ, различныя проявленія умственныхъ способностей, находитъ зачатки общества, семьи, брака, проявленія нравственныхъ и соціальныхъ инстинктовъ. Для него представляетъ интересъ знать, на сколько это постепенное осложненіе физической организаціи проявляется въ группѣ высшаго порядка, на сколько уровень умственнаго и нравственнаго развитія въ ней подвергается колебаніямъ по отдѣльнымъ разновидностямъ. Не меньшій интересъ, по нашему мнѣнію, можетъ представлять антропологія и для исторіи. Одинъ изъ нашихъ историковъ, проф. Герье, выразился, что для успѣха исторической науки необходимы два условія: знакомство съ исто-

рическимъ матеріаломъ и собственное развитіе. «Первое, говоритъ онъ, возможно при добросовѣстномъ, трудолюбивомъ и тщательномъ изученіи источниковъ; для достиженія же втораго нужно изученіе философіи и искуства». Но что разумѣть, въ данномъ случаѣ, подъ изученіемъ философіи? Въ настоящее время, полагаемъ, признано всѣми, что философія не мыслима безъ реальной основы; спрашивается, въ чемъ искать эту реальную основу? Съ своей стороны, мы не можемъ не согласиться съ Герландомъ, что такую основу можетъ дать только антропологія. Только она можетъ привести къ философскому познанію человѣческой природы, можетъ уяснить, до нѣкоторой степени, ея различные типы и различныя формы ея развитія. Но, кромѣ того, антропологія можетъ оказывать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и прямую пользу исторіи, подтверждая своими аналитическими изслѣдованіями ея синтетическіе выводы и наводя результатами своихъ наблюденій на нѣкоторыя полезныя историческія догадки и соображенія. Важность антропологическихъ данныхъ для исторіи сознавалась еще, хотя и смутно, Монтескьё и Гердеромъ, но въ особенности была выставлена на видъ Вильямомъ Эдварсомъ, въ его извѣстной статьѣ: «о физическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніе къ исторіи», переведенной на русскій языкъ проф. Грановскимъ. Здѣсь кстати замѣтить, что Грановскій и самъ былъ того мнѣнія, что выводы антропологіи могутъ быть не лишними для исторіи. Въ своей рѣчи о современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи, прочитанной имъ на университетскомъ актѣ 1852 г., онъ говоритъ между прочимъ: «исторія должна выступить изъ круга наукъ историко-юридическихъ на обширное поприще естественныхъ наукъ. Ей нельзя долѣе уклоняться отъ участія въ рѣшеніи вопросовъ, съ которыми связаны не только тайны прошедшаго, но и доступное человѣку пониманіе будущаго. *Дѣйствуя за одно съ антропологіей*, она должна обозначить границы, до которыхъ достигали въ развитіи своемъ великія породы человѣчества и показать намъ ихъ отличительныя, данныя природою и проявленныя въ движеніи событій, свойства.

Не меньшую важность признавалъ за данными антропологіи и другой нашъ историкъ, проф. Ешевскій, какъ то можно видѣть изъ этнографическаго введенія къ его печатному курсу всеобщей исторіи, читанному имъ въ 1861 году, по возвращеніи изъ-за границы. Въ тѣхъ же лекціяхъ Ешевскій указалъ на важность приложенія антропологическихъ данныхъ и къ разработкѣ

русской исторіи, въ виду того, какъ говоритъ онъ, что «нигдѣ (какъ въ Россіи), быть можетъ, процессъ слитія разныхъ племенъ въ одно цѣлое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, участіе различныхъ ингредіентовъ въ образованіи новаго племеннаго типа, не обнаруживается съ такою наглядностью, не представляетъ такъ много любопытныхъ данныхъ, даже при слабой еще разработкѣ нашей этнографіи, при недавнемъ еще только стремленіи собрать самые факты, произвести наблюденія — однимъ словомъ, собрать матеріалъ, необходимый для выводовъ». Въ настоящее время, по прошествіи 18 лѣтъ, какъ это было сказано, послѣ того, какъ наши свѣдѣнія о различныхъ группахъ населенія Россіи столь значительно увеличились, когда стали собираться все болѣе и болѣе обширные матеріалы для познанія различныхъ народностей не только по отношенію къ ихъ быту и нарѣчіямъ, но и по отношенію къ ихъ физическому типу, когда, наконецъ, изслѣдованіе нашихъ археологовъ и палеонтологовъ раскрыли намъ многія любопытныя подробности древняго быта и культуры Скифовъ, Мери, древней Болгаріи, Приднѣпровья, области Оки, Новгородской земли, Литвы, Польши, Сибири, Кавказа и т. д., важность антропологическаго изученія Россіи является еще болѣе очевидною. Мы имѣемъ теперь нѣкоторые, хотя и скудные еще, матеріалы для сужденія о бытѣ населенія Россіи, начиная съ каменнаго вѣка, съ древней эпохи мамонта и густошерстаго носорога. Есть основаніе думать, что количество этого матеріала будетъ постоянно возрастать. Скоро, мы увѣрены, будетъ сознана настоятельная потребность начать, мало по малу, основательную разработку всего собраннаго до сихъ поръ матеріала по русской этнографіи и доисторической археологіи, приступить къ обработкѣ всей этой массы сырья въ пригодное, такъ сказать, состояніе для его усвоенія. Покуда не было сдѣлано еще ни одной серьезной попытки такого обобщенія: массы фактовъ сносятся въ кладовую, но никто не рѣшается приступить къ ихъ обработкѣ. Съ своей стороны, мы полагаемъ, что это происходитъ отчасти отъ недостаточнаго сознанія важности всѣхъ этихъ фактовъ для нашего самопознанія, для нашей исторіи, а отчасти также отъ отсутствія ясной общей идеи, которая бы могла освѣтить разработку этого матеріала, и указала бы тѣ задачи, къ которымъ такое изученіе должно стремиться. Эта идея, это сознаніе задачи, можетъ, какъ я смѣю думать, дать только знакомство съ антропологическими вопросами.

Д. Анучинъ.

*
* *

Пѣвецъ! оставь сегодня лиру,
Подругу жалобъ и скорбей!
Какое дѣло людямъ, міру
До пѣсни ропщущей твоей?
Смотри: въ холодномъ отупѣньи
Бездушный гибнетъ человѣкъ,—
Извѣдавъ все, въ оцѣпененьи
Померкшій догораетъ вѣкъ!
Могучій нуженъ нынѣ геній,—
Чтобъ голосъ грозный, громовой,
Высокихъ полный вдохновеній,
Надъ сонной грянулъ бы толпой
Укоромъ рѣчи благородной—
И этотъ сонъ прервалъ холодный!...
Забудь же ты свой стихъ безплодный....
Молись, чтобъ родину твою
Тотъ геній оживилъ суровый,
Чтобъ укрѣпилъ онъ силой новой
Поэтовъ робкую семью;
Чтобъ ты, пѣвецъ, больной и сирый,
Успѣлъ дотоль безвѣстной лирой
Воспѣть Мессію въ оный день,
Когда съ родного небосклона
Сбѣжитъ безцвѣтной ночи тѣнь
И Русь проснется обновленной....

1880 г.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Г. Алексѣевъ. Макіавелли, какъ политическій мыслитель. Москва. 1880.

Не смотря на то, что Макіавелли посвящено безчисленное множество сочиненій, труды этого мыслителя до сихъ поръ подвергаются самой разнообразной оцѣнкѣ, для которой, отъ времени до времени, отыскиваются и новые матеріалы. Книга съ вышеприведеннымъ заглавіемъ представляетъ попытку свести всѣ высказанные Макіавелли взгляды въ стройную систему міросозерцанія, освободить его окончательно отъ горькихъ упрековъ въ безнравственности.

«Макіавелли нигдѣ не излагаетъ своего міросозерцанія и не развиваетъ своихъ воззрѣній на мораль, религію и государство, говоритъ г. Алексѣевъ, а выставляетъ лишь отдѣльныя положенія и практическія правила». Только сопоставляя и вдумываясь въ эти положенія и правила, разбросанныя по многочисленнымъ сочиненіямъ Макіавелли, можно возстановить основныя философскія воззрѣнія, на которыхъ покоится все ученіе флорентинскаго секретаря.

«Міръ, по воззрѣнію Макіавелли, не гармоническій порядокъ, созданный любящимъ Творцомъ, это—хаосъ силъ, враждующихъ съ человѣкомъ. И среди этого міра, стоитъ одиноко человѣкъ, самая безпомощная тварь: плачемъ привѣтствуетъ онъ этотъ міръ страданій, отвратительнымъ хрипѣньемъ заканчиваетъ свое жалкое существованіе». Безотрадное основное положеніе Макіавелли, такъ формулированное г. Алексѣевымъ, должно было бы безповоротно опредѣлять въ ученіи Макіавелли отношеніе человѣка къ міру. Но, черезъ нѣсколько страницъ, русскій авторъ останавливается на роли *судьбы* въ исторіи. «Судьба, какъ ее понимаетъ Макіавелли,—какая-то стихійная сила, вмѣшивающаяся въ дѣла людей лишь въ эпохи броженія, въ эпохи всеобщихъ переворотовъ». Эта судьба не есть факторъ, постоянно присущій міровымъ явленіямъ, а лишь, по временамъ, нарушаетъ ихъ естественное теченіе событій. Мы не будемъ настаивать на противорѣчіи между двумя вышеприведенными мѣстами изъ сочиненій Макіавелли, такъ какъ противорѣчіе это ясно само собою. Макіавелли, по

справедливому замѣчанію г. Чичерина, не возвышался до сознанія философскихъ началъ*). Его сила въ области политической мысли.

Макіавелли чуждо понятіе племени, какъ цѣлаго, связаннаго единствомъ происхожденія. Заставила людей соединиться въ общежитіе исключительно общность интересовъ. Государство не выросло изъ семьи: люди первоначально жили разрозненно. Не безсознательный мотивъ родства, а свободная воля людей соединила людей въ государство. Нѣтъ, разумѣется, никакой нужды подвергать разбору этотъ взглядъ Макіавелли. Соединившись въ группы, люди остаются тѣ же, какое бы историческое прошедшее они не имѣли за собою, подъ какимъ бы политическимъ строемъ они не жили, на какомъ бы языкѣ не говорили, какую бы религію не исповѣдывали (36—37). Человѣчество не движется впередъ, а постоянно возвращается къ своей первоначальной исходной точкѣ. Государство само по себѣ не имѣетъ цѣли. Созданное всѣми и для всѣхъ, оно должно служить интересамъ всѣхъ. Цѣль государства — общее благо. Въ условіяхъ государственной жизни заключается сила, которая въ состояніи обуздать страсти людей *и воспитать въ нихъ гражданскія добродѣтели* (51). Однако «своекорыстныя влеченія людей коренятся въ самой природѣ человѣка, измѣнять которую не въ состояніи ни законы, ни учрежденія».

Политическое ученіе Макіавелли извѣстно русскимъ читателямъ изъ переводовъ двухъ сочиненій самого Макіавелли, изъ вышеупомянутой «*Исторіи политическихъ ученій*» г. Чичерина, изъ небольшой монографіи г. Жуковскаго (*Томасъ Моръ и Макіавелли*). Излагать, слѣдовательно, это ученіе здѣсь, даже въ краткихъ чертахъ, представляется излишнимъ. Въ книгѣ г. Алексѣева воззрѣнія италіанскаго мыслителя переданы съ замѣчательною полнотою и отчетливостью.

Вторая часть сочиненія молодаго московскаго ученаго посвящена разрѣшенію въ высокой степени важнаго вопроса: какъ и при какихъ условіяхъ сложились философскія и политическія воззрѣнія Макіавелли?

Макіавелли провелъ лучшую пору своей жизни на государственной службѣ. Возвращеніе во Флоренцію Медичи заставило его покинуть общественную дѣятельность. Но Макіавелли тяготился невольнымъ досугомъ. Всѣ помыслы его и въ изгнаніи были заняты государственными дѣлами. «Потребность его души—заниматься государственными дѣлами, мыслить и думать (?) о нихъ, натолкнула его на путь теоретическихъ размышленій о государствѣ» (111). Макіавелли—государственный дѣятель и Макіавелли—историкъ и политическій мыслитель воодушевлены однимъ и тѣмъ же чувствомъ — любовью къ отечеству. «Макіавелли не является въ своихъ политическихъ трактатахъ ученымъ, изучающимъ политическую жизнь независимо отъ какихъ бы то ни было практическихъ видовъ, онъ выступаетъ въ нихъ гражданиномъ и патріотомъ, пишущимъ свои трактаты въ

*) Исторія политическихъ ученій. I, 295.

виду тѣхъ вопросовъ, которые волновали современную ему политическую жизнь Италіи» (114). Цѣль изслѣдованій Макіавелли—выяснить причины недуговъ, которыми страдало его отечество, *и отыскать тѣ средства, съ помощью которыхъ они могли бы быть устранены*. «Потребности политической жизни Италіи вообще и Флоренціи въ особенности были для Макіавелли исходными точками его теоретическихъ изслѣдованій и эти потребности опредѣляютъ задачу его политическихъ трактатовъ» (115). Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ столь категорическимъ заявленіемъ г. Алексѣева, находится слѣдующее мѣсто въ его сочиненіи: «Въ Il Principe Макіавелли изучаетъ, а не проповѣдуетъ, онъ нигдѣ не высказываетъ своихъ политическихъ убѣжденій и его субъективное отношеніе къ выставляемымъ имъ правиламъ остается скрытымъ» (320—321).

Наперекоръ господствующему мнѣнію, г. Алексѣевъ утверждаетъ, что Макіавелли ближе къ сердцу принималъ интересы Флоренціи, чѣмъ интересы Италіи. Доказательство этому представляютъ самыя сочиненія флорентинскаго секретаря, гдѣ такъ много и часто говорится объ этой республикѣ. «Все ученіе Макіавелли о государствѣ есть ни что иное, какъ отвѣтъ на вопросъ, какъ должно быть устроено и управляемо государство, чтобы оно не впало въ тѣ ошибки, которыя погубили Флоренцію» (120).

Макіавелли, говоритъ г. Алексѣевъ, по самому складу своего ума былъ скептикомъ и трезво, и безпристрастно относился къ окружавшимъ его явленіямъ. Въ одномъ письмѣ Макіавелли, отъ 8 мая 1498 года, передается содержаніе проповѣдей Саванароллы и разсказывается о ловкихъ продѣлкахъ знаменитаго доминиканца. Г. Алексѣевъ не говоритъ намъ прямо, раздѣляетъ-ли онъ мнѣніе автора «*Князя*» въ данномъ случаѣ, но, судя по вышеприведеннымъ словамъ, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, и, на нашъ взглядъ, по этому г. Алексѣевъ впадаетъ здѣсь въ ошибку *).

Политическое ученіе Макіавелли открываетъ собою новый фазисъ въ исторіи политической мысли. Писатели среднихъ вѣковъ черпаютъ свою мудрость изъ Св. Писанія, твореній святыхъ отцовъ и сочиненій древнихъ писателей. Источникомъ политической мудрости Макіавелли являются: многосторонній личный опытъ, наблюденія надъ дѣйствительною жизнью и исторія. Вопросы политической жизни имѣютъ для него преобладающее значеніе. «Если онъ говоритъ о религіи и морали, то лишь для того, чтобы опредѣлить ихъ отношеніе къ государству; если онъ разсуждаетъ о религіозныхъ интересахъ, то лишь для того, чтобы выяснить ихъ служебную роль въ государствѣ» (174—175). Г. Алексѣевъ сильно преувеличиваетъ значеніе своего любимаго писателя. Закономѣрность соціальныхъ явленій, говоритъ онъ, объясненіе возникновенія государства потреб-

*) Etienne (Histoire de la littérature italienne, 1875) утверждаетъ, что безъ фанатизма Саванароллы не было бы понятно ученіе Макіавелли „l'excès de mysticisme de l'un produisit l'excès d'immoralité des autres". (Названное сочиненіе, стр. 283).

ностями человѣческой природы, воззрѣнія на мораль, какъ на результаты сожительства людей въ государствѣ, взглядъ на государство, какъ на учрежденіе, созданное людьми для защиты ихъ общихъ интересовъ, законъ соціальной борьбы и отношеніе государства къ этой борьбѣ, вліяніе климата, почвы, нравственнаго склада народа на его политическій строй,—все это «воззрѣнія, которыя чужды среднимъ вѣкамъ и которыя были впервые выдвинуты Макіавелли» (178—179). Многіе изъ этихъ вопросовъ были выдвинуты писателями древняго міра, многія изъ этихъ воззрѣній были высказаны предшественниками Макіавелли, италіанскими гуманистами *). Намъ кажется также нѣсколько смѣлымъ утвержденіе г. Алексѣева, что Макіавелли «первый примѣнилъ къ изученію политической жизни сравнительно-историческую методу», что его должно считать «отцомъ того направленія въ положительной наукѣ о государствѣ, которое породило труды Монтескьё» и его послѣдователей (209). «Макіавелли, совершенно справедливо говоритъ г. Чичеринъ, очевидно не имѣлъ понятія о развитіи человѣчества, о законѣ совершенствованія. Сыну XVI-го вѣка, который идеалъ свой видѣлъ въ древнихъ республикахъ, отклоненіе отъ первоначальнаго устройства представлялось не иначе, какъ упадкомъ» **). А идея послѣдовательной смѣны общественныхъ формъ и единообразія въ этомъ отношеніи между всѣми народами именно и составляетъ основаніе историко-сравнительнаго метода. Утвержденіе г. Алексѣева, что Макіавелли признаетъ *закономѣрность въ послѣдовательномъ развитіи и существованіи соціальныхъ явленій* (215) находится въ противорѣчіи со многими мѣстами ученія Макіавелли въ изложеніи самаго русскаго ученаго. «Исторія человѣчества не есть прогрессивное движеніе, разложеніе стараго, нарожденіе новыхъ силъ и ихъ развитіе» (35). «Большинство читателей находятъ удовольствіе въ разнообразіи тѣхъ случаевъ, о которыхъ повѣствуетъ исторія и не думаютъ о подражаніи имъ, считая подражаніе не только труднымъ, но и невозможнымъ, какъ будто небо, солнце, стихіи, люди измѣнились въ своемъ движеніи, въ своей природѣ и въ своемъ могуществѣ противъ того, чѣмъ они были прежде» (113). «Тотъ, кто этому не вѣритъ, тотъ пусть обратитъ вниманіе на событія, разыгравшіяся въ Ареццо, и сравнитъ ихъ съ событіями въ Ланціумѣ, о которыхъ намъ повѣствуетъ исторія....» (137—138) и т. д.—Гдѣ же тутъ признаніе *послѣдовательнаго развитія* общественныхъ явленій?

Наиболѣе интереснымъ отдѣломъ сочиненія г. Алексѣева, представляется его изложеніе и оцѣнка ученія Макіавелли о нравственности. Но, боясь выйти изъ предѣловъ библіографическої замѣтки, мы скажемъ только нѣсколько словъ по поводу этого отдѣла.

---

*) Ср., напримѣръ Georg Voigt: die Wiederbelebung des classischen Alterthums 1859, 411.

**) Ист. пол. ученій, I, 307.

«Нравственно поступаетъ, по Макіавелли, не тотъ, кто дѣйствуетъ по началу пользы, а тотъ, кто подчиняется нравственнымъ началамъ, какъ таковымъ» (244). «Основныя положенія утилитаризма, прежде чѣмъ въ защиту ихъ выступили Гельвецій, Гольбахъ, Бентамъ, были провозглашены Макіавелли, котораго и должно считать отцомъ моральныхъ теорій, защищаемыхъ въ наше время послѣдователями Конта. Между ученіемъ Макіавелли, утилитаризмомъ XVIII в. и позитивизмомъ XIX вѣка существуетъ несомнѣнная преемственная связь» (275). Намъ эта связь представляется довольно сомнительною. Положеніе, приведенное на страницѣ 244 труда г. Алексѣева, не согласно съ основнымъ положеніемъ утилитаризма, который не знаетъ нравственныхъ правилъ, *какъ таковыхъ*. Затѣмъ, альтруизмъ послѣдователей Огюста Конта и ученіе о нравственности Бентама, напримѣръ, находятся между собою не въ преемственной связи, а въ почти враждебномъ отношеніи.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько выдержекъ изъ послѣдней главы сочиненія г. Алексѣева: «Макіавелли—защитникъ политической свободы».

Лишь въ государствѣ, по ученію знаменитаго италіанскаго мыслителя, человѣкъ научается отличать добро отъ зла, любить ближнихъ, родину, дорожить идеальными благами. Но такое перевоспитаніе человѣка возможно только въ свободномъ государствѣ. «Можетъ-ли существовать для государства, восклицаетъ Макіавелли въ своей «*Исторіи Флоренціи*», болѣзнь пагубнѣе политическаго рабства? И какое лекарство необходимѣе излечивающаго государство отъ политическаго рабства»? Въ «*Князѣ*», утверждаетъ г. Алексѣевъ, Макіавелли не отступаетъ отъ этихъ высокихъ принциповъ: Il Principe есть теоретическое изслѣдованіе, а не практическое руководство будущему владыкѣ Италіи.

Съ послѣднимъ мнѣніемъ г. Алексѣева нельзя вполнѣ согласиться, какъ и съ нѣкоторыми прежде указанными. Но трудъ уважаемаго автора отличается такими выдающимися достоинствами, что мы обращаемъ на него особенное вниманіе нашихъ читателей. Начитанность и добросовѣстное, глубокое изученіе всѣхъ произведеній Макіавелли и его переписки, соединяются у г. Алексѣева съ замѣчательнымъ даромъ изложенія. Нѣкоторыя страницы книги читаются съ истиннымъ наслажденіемъ, и вся она согрѣта бодрымъ патріотическимъ одушевленіемъ. Увлеченіе геніальнымъ мыслителемъ такое понятное, хотя, къ сожалѣнію, рѣдкое у насъ явленіе, что самые недостатки разбираемаго сочиненія принимаютъ привлекательный характеръ, такъ какъ большая часть изъ нихъ происходитъ вслѣдствіе желанія освободить память великаго флорентинца отъ полузаслуженныхъ упрековъ.

В. Гольцевъ.

Значеніе крестьянъ въ русскомъ обществѣ во времена Русской Правды и разнообразныя названія крестьянъ въ XII—XV в. Историко-критическій очеркъ И. КАЛЬНЕВА. Одесса 1879.

Подъ такимъ заманчивымъ и длиннымъ заглавіемъ случайно встрѣтили мы брошюру провинціальнаго изданія.

Важность значенія крестьянъ не только въ историческомъ прошедшемъ, но и въ настоящемъ нашего общества такъ велика, что трудно не дать хоть краткаго отчета о каждой книгѣ, трактующей о судьбѣ крестьянскаго сословія. Такіе, однако, труды, какъ гг. Соколовскаго, Семевскаго и другихъ изслѣдователей вопроса въ новое время пріучили, конечно, читающую публику болѣе серьезно смотрѣть на его разработку въ исторіи.

Понятно поэтому, какъ мало можетъ быть интересно появленіе книгъ компилятивнаго содержанія, ничего почти не вносящихъ новаго, занимающихся безплоднымъ разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ, не имѣя подъ руками какихъ-нибудь новыхъ источниковъ. Авторъ сказанной книжки, кажется, долженъ быть причисленъ отчасти къ такимъ компиляторамъ, а отчасти къ мечтателямъ не всегда удачно, по немногимъ историческимъ даннымъ, воспроизводящимъ отдаленное прошедшее. Заманчивость заглавія, обиліе указаній на источники и литературу предмета (37 названій источниковъ и пособій) и добросовѣстное ими пользованіе подкупили съ начала насъ, хотя даже въ помѣщенномъ спискѣ книгъ можно было видѣть пробѣлъ въ отсутствіи такихъ важныхъ трудовъ по данному вопросу, какъ г.г. Владимірскаго-Буданова (его хрестоматія), Дювернуа, Соколовскаго и др., а внимательное чтеніе книжки убѣдило насъ въ ея малой оригинальности и основательности. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ самого труда г. Кальнева. Первая глава почти вся посвѣщена оправданію на основаніи лѣтописей и Русской Правды извѣстной мысли Бѣляева, что подъ именемъ крестьянъ въ древнемъ періодѣ русской исторіи должно разумѣть низшій классъ русскаго общества, обязанный нести общественныя повинности и извѣстный подъ общимъ именемъ смердовъ (стр. 2 и сл.). Входя въ довольно подробное объясненіе и развитіе этой мысли, авторъ, напр., говоритъ категорически, что между различными наименованіями смердовъ надо признавать и наименованіе—*рядовичъ*, разница котораго отъ смерда состояла въ томъ, что онъ сидѣлъ не на общинной землѣ, а на частной; хотя въ литературѣ существуетъ совершенно иное объясненіе слова *рядовичъ*, какъ распорядителя, надсмотрщика за работами, авторъ не подтверждаетъ своего мнѣнія ничѣмъ, кромѣ какъ ссылкою, что условія хозяевъ съ землевладѣльцами назывались порядными, отождествляя рядовича вполнѣ съ закупомъ (стр. 6). Далѣе, авторъ упрекаетъ ученыхъ, что они не причисляли холопей къ крестьянскому сословію и думаетъ излагать ихъ исторію вмѣстѣ съ исторіею крестьянъ (стр. 13). Мы бы ничего не сказали противъ этого желанія, но къ сожалѣнію высказанное очень рѣшительно, оно разрѣши-

лось едва на 2-хъ страницахъ (32—33), а потому и осталось безъ результата, давъ автору, впрочемъ, возможность высказать вѣрную мысль, что положеніе холопей во времена Русской Правды было лучше положенія закуповъ. Обращикомъ другихъ разсужденій автора можетъ служить, напр., такое мѣсто книжки, гдѣ авторъ говоритъ, что какъ скоро въ обществѣ устанавливается тотъ или другой взглядъ на относительную важность преступленій и пороковъ, этотъ взглядъ тотчасъ выражается въ формѣ закона, обычное право замѣняется положительнымъ. Намъ всегда казалось, что законъ, положительное право, долго бываетъ ничѣмъ инымъ, какъ санкцированнымъ обычнымъ правомъ, которое вовсе не замѣняется положительнымъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимаютъ теперь, а само есть законъ.... По-видимому, авторъ, выражаясь столь неточно, понималъ, однако, свою мысль именно такъ, какъ говоримъ мы, что видно изъ его сожалѣнія, что Русская Правда не есть вѣрное отраженіе обычнаго права Славянъ (стр. 15). Далѣе, авторъ, утверждая, что слово «смердъ» въ Русской Правдѣ въ большинствѣ случаевъ прилагается только къ крестьянамъ, которые поселились не на землѣ частнаго владѣльца, а на землѣ извѣстной общины, въ доказательство своей мысли приводитъ то обстоятельство, что Русская Правда, упоминая о смердахъ, говоритъ только о ихъ личныхъ правахъ, вовсе не касаясь ихъ поземельныхъ отношеній, а это—лучшее доказательство, что закону не было никакой надобности заниматься опредѣленіемъ этихъ отношеній, такъ какъ смердъ сидѣлъ на землѣ общины (стр. 16—17). Дальнѣйшее изложеніе книжки посвящено обозначенію главнѣйшихъ признаковъ, по которымъ различался по Русской Правдѣ смердъ отъ закупа, и эта часть намъ показалась болѣе интересною (стр. 18—31), хотя многіе вопросы нашего права, надъ которыми задумывалось столько ученыхъ, какъ напр., вопросъ о наслѣдствѣ смердовъ рѣшаются авторомъ, если и остроумно, то слишкомъ поспѣшно и съ малымъ фактическимъ обоснованіемъ. «Государство смотрѣло, говоритъ авторъ (стр. 21), на смерда, какъ на податную единицу, доходную статью; когда онъ умиралъ, оно теряло эту статью и какъ бы въ пополненіе убытковъ отъ смерти смерда для государства, его наслѣдство шло князю, хотя дочерямъ и выдѣлялась извѣстная часть на приданое.» Несомнѣнно, что князь получалъ наслѣдство послѣ смерда, какъ представитель общественнаго интереса, но надо замѣтить, что исключеніе дочерей отъ наслѣдства не только при братьяхъ, но и безъ братьевъ—общее явленіе древнѣйшихъ славянскихъ законодательствъ. Переходъ имущества смерда князю еще требуетъ много глубокихъ изысканій, если только стоитъ на немъ останавливаться. Новѣйшее объясненіе наслѣдованія послѣ смердовъ и бояръ дается г. Ключевскимъ въ его «Боярской Думѣ». Книжка г. Кальнева можетъ имѣть нѣкоторое значеніе для начинающихъ работать по русскому праву, какъ опытъ добросовѣстнаго и посильнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ интересныхъ вопросовъ.

a.

Уложеніе царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича и земскій соборъ 1648 — 1649 гг. Рѣчь на торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета, 5 ноября 1879 г. Г. ЗАГОСКИНА. Казань. 1879.

Съ чувствомъ нѣкотораго недовѣрія взялись мы за вышесказанную брошюру, главнымъ образомъ, потому, что въ ней, судя по заглавію, должно было найти отвѣтъ на одинъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ старины нашей, на вопросъ объ участіи земщины въ государственной дѣятельности во времена первыхъ Романовыхъ; между тѣмъ какъ молодой авторъ въ своихъ предыдущихъ сочиненіяхъ, напр., «О Боярской Думѣ», отчасти и въ «Исторіи права Московскаго государства» (томъ 1-й), мало пріучилъ насъ искать въ его трудахъ изображеній общественной жизни, духа учрежденій, а, напротивъ, всегда являлся прекраснымъ изобразителемъ внѣшняго государственнаго механизма, часто педантически воспроизводя всѣ его мелкія, маловажныя для юриста, подробности. На сей разъ авторъ отчасти отказался отъ своей обычной манеры и если не вполнѣ успѣлъ въ своей прекрасной задачѣ — выяснить долю участія «земли» въ дѣлѣ составленія Уложенія,— то это произошло болѣе всего потому, что печатные источники, которыми только и пользовался авторъ, не давали возможности представить полную и ясную картину, какъ составленія Уложенія извѣстною коммиссіею подъ предсѣдательствомъ князя Н. Одоевскаго, такъ и отношенія выборныхъ созваннаго вскорѣ земскаго собора къ проекту коммиссіи. Конечно, намъ не приходится распространяться здѣсь о значеніи Уложенія Алексѣя Михайловича не только для современной ему юридической жизни, но и для позднѣйшаго развитія русскаго законодательства, и мы замѣтимъ лишь, что вопросъ объ исторіи составленія и изданія этого памятника останавливалъ на себѣ вниманіе такихъ ученыхъ, какъ Бѣляевъ, Морошкинъ, Строевъ, Щаповъ, Кавелинъ, Сергѣевичъ и др. Но авторъ справедливо говоритъ, что только, главнымъ образомъ, благодаря новымъ, по направленію, трудамъ Щапова и Сергѣевича (стр. 6), особенно выдвинулся въ исторіи Уложенія важный вопросъ о степени участія земщины въ дѣлѣ его составленія и изданія. Г. Загоскинъ преслѣдуетъ разрѣшеніе того же вопроса. Что бы ни говорили объ исторіи Московской Руси, несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что верховная власть, при первыхъ Романовыхъ, отчасти благодаря смутному времени, отчасти въ силу другихъ органическихъ причинъ, стояла лицомъ къ лицу съ народонаселеніемъ, съ государственными чинами тогдашней Руси, подъ понятіе которыхъ подходили всѣ тѣ, которые, такъ или иначе, несли свою службу въ пользу государства*). Великія жертвы требовались со стороны

*) Авторъ приводитъ много важныхъ доказательствъ прямаго вліянія земщины на дѣла законодательства изъ эпохи XVI—XVII вѣковъ (стр. 19—27).

народа для утвержденія потрясеннаго строя и народъ, по справедливому выраженію автора, «въ *лицѣ земскихъ соборовъ*, собиравшихся въ критическія минуты государственной жизни, съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ клалъ ихъ на алтарь отечества» (стр. 8). Авторъ прекрасно рисуетъ далѣе картину «нестроенія государства» (стр. 8 — 11), а также указываетъ и на ту панацею отъ золъ, какую умѣли находить русскіе люди того времени — это обращеніе къ верховной власти различныхъ классовъ населенія, которое облекалось или въ форму челобитныхъ государю, или же въ форму петицій, заявлявшихся на земскихъ соборахъ. Отвѣтомъ на всѣ эти жалобы и явилось изданіе Уложенія 1649 г., въ предисловіи къ которому прямо сказано, что Уложеніе издается, чтобъ «государево *царственное* и *земское* дѣло утвердити и на мѣрѣ наставити, чтобъ тѣ великія дѣла впредъ были ничѣмъ нерушимы» (стр. 12). Извѣстный бунтъ 1648 г. только ускорилъ рѣшимость правительства (стр. 14) и черезъ 2 мѣсяца послѣ него были сдѣланы распоряженія о подготовительныхъ работахъ, для чего и назначена была знаменитая коммиссія изъ 5-ти лицъ (стр. 15—16). Важно далѣе, что одновременно съ назначеніемъ коммиссіи былъ созванъ соборъ, «чтобъ его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити» (стр. 17). Необыкновенно интересно было рѣшить вопросъ объ отношеніи собора къ дѣлу составленія Уложенія, такъ какъ въ литературѣ нашей существуетъ мнѣніе, что проектъ Уложенія, составленный коммиссіею, лишь читался земскому собору; а безмолвное согласіе выборныхъ людей, выразившееся пассивнымъ слушаніемъ проекта, и было санкціею Уложенія (стр. 29). Однако, труды Шпилевскаго, Щапова, а главное—проф. В. И. Сергѣевича поставили вопросъ иначе и доказали (особенно Г. Сергѣевича) участіе и инициативу выборныхъ людей въ составленіи 19 статей Уложенія. Г. Загоскинъ идетъ далѣе и прежде всего доказываетъ, что коммиссіи кн. Одоевскаго и не было поручено составленіе вполнѣ законченнаго законодательнаго сборника, какъ думалъ Строевъ (стр. 31 — 33). Далѣе, пассивное отношеніе членовъ земскаго собора къ проекту не могло существовать въ виду всеобщаго неудовольствія, въ силу котораго и былъ созванъ соборъ (стр. 35—36). Но, кромѣ этихъ отрицательныхъ доводовъ въ пользу активнаго участія собора въ дѣлѣ составленія, авторъ приводитъ и вѣскія положительныя данныя, слѣдуя, впрочемъ, здѣсь, главнымъ образомъ, по пути, намѣченному проф. Сергѣевичемъ. Онъ разсматриваетъ различныя, дошедшія до насъ, челобитныя выборныхъ людей государю, которыя были поданы во время обсужденія проекта Уложенія, сопоставляетъ ихъ содержаніе съ содержаніемъ статей, принятыхъ Уложеніемъ по вопросамъ, поднятымъ въ этихъ челобитныхъ и утвержденныхъ законодательнымъ порядкомъ, и полагаетъ, что эти, утвержденныя царемъ, челобитныя и дали содержаніе тѣмъ или другимъ статьямъ Уложенія по тѣмъ же самымъ вопросамъ. Таковъ общій пріемъ автора (стр. 41 и слѣд.), бла-

годаря которому онъ доводитъ число статей, составленныхъ при участіи выборныхъ собора, до 82 (стр. 56). Приведу одинъ примѣръ такихъ челобитій. Въ 1648 г. «били челомъ.... всѣ выборные люди отъ всей земли..., чтобъ государь указалъ у патріарха.... у монастырей и т. д.... вотчинныя земли взять на себѣ государя....» Челобитье было разрѣшено государемъ въ смыслѣ запрещенія пріобрѣтенія вотчинъ впредъ — и результатомъ этого, по автору, явилась такого же содержанія 42-ая статья XVII гл. Уложенія, которая притомъ и сама свидѣтельствуетъ, что она «уложена соборомъ» (стр. 45—47). Въ концѣ рѣчи авторъ, слѣдуя своей любимой манерѣ, пытается разрѣшить разные вопросы, касающіеся внѣшней, формальной стороны исторіи собора — продолжительности сессіи, порядка засѣданій и т. д.,—касается вопросовъ, когда впервые напечатано Уложеніе, сколько было его изданій и пр. и пр. (стр. 57—79). Однако, въ концѣ же рѣчи авторъ принужденъ сознаться, что вопросъ о составленіи и изданіи Уложенія можетъ быть вполнѣ рѣшенъ лишь по архивнымъ источникамъ (стр. 79), съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться, и намъ лишь остается высказать автору благодарность, что онъ — mieux tard que jamais—хоть въ концѣ второй части своей рѣчи, весьма скучно для торжественнаго акта написанной, пришелъ къ этой мысли. Изъ другой его брошюры «Столы Разряднаго Приказа» извѣстно, что авторъ работалъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи, почему нельзя не желать скорѣйшаго появленія въ свѣтъ его работы. Хорошо бы было, если бы въ этой работѣ мы узрѣли «душу живу» учрежденія, а не одно только то, въ какихъ палатахъ, долго ли и какъ сидѣли разные приказные московскіе люди....

α.

Gesammelte kleine Schriften von I. C. Bluntschli.

I. Band. Aufsätze über Recht und Staat. Nördlingen. 1879.

Эта книга содержитъ въ себѣ рядъ отдѣльныхъ статей извѣстнаго гейдельбергскаго профессора Блюнчли о правѣ и государствѣ; почти всѣ онѣ были помѣщены уже ранѣе въ различныхъ повременныхъ и другихъ сборникахъ; въ настоящее время, авторъ собралъ эти плоды болѣе чѣмъ двадцатилѣтней своей публицистической и профессорской дѣятельности въ отдѣльный сборникъ, при чемъ нѣкоторыя изъ статей являются въ новомъ, дополненномъ и переработанномъ видѣ. Мы не можемъ подробно останавливаться на этой книжкѣ, укажемъ лишь на нѣкоторыя статьи и добытые авторомъ результаты. Первая статья занимается вопросомъ о понятіи права, вторая—о развитіи права и правѣ на развитіе, третья — о правѣ и справедливости, четвертая—объ арійскихъ народахъ и арійскихъ правахъ. Эти четыре статьи составляютъ въ сущности развитіе одной мысли о жизни права. Право не есть нѣчто мертвое, оно развивается; оно врожденно человѣку и имѣетъ свое основаніе въ потребности и спо-

собности человѣка опредѣлять и охранять порядокъ общежитія; существуя во времени, какъ и самъ человѣкъ, измѣняясь вмѣстѣ съ историческимъ развитіемъ человѣчества, оно имѣетъ постоянный элементъ въ общественной природѣ человѣка. Всякое право служитъ человѣческой жизни и коренится въ самомъ человѣкѣ, помимо человѣческой личности оно немыслимо; но человѣческая личность не только правоспособна, но и правомочна. Каждая человѣческая личность имѣетъ неотъемлемое, прирожденное право на жизнь, а слѣдовательно, и на развитіе не только физическое, но и культурное; то и другое требуетъ правовой охраны, которая, въ первомъ случаѣ, выражается въ законахъ, оберегающихъ, напр., малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ отъ истощенія ихъ силъ вслѣдствіе неумѣренной ихъ эксплоатаціи, а во второмъ—въ государственныхъ учрежденіяхъ для народнаго образованія съ цѣлью наибольшаго его распространенія. Всякій законъ, препятствующій этому свободному развитію человѣчества—беззаконіе (Missrecht, Unrecht). Развитіе требуетъ свободы, и всѣ права на свободу (Freiheitsrechte), столь дорогія для современнаго человѣчества, суть лишь примѣненіе права на развитіе, таковы права свободы совѣсти, слова и печати. Подобно отдѣльнымъ людямъ, народы суть тоже личности;—они одарены, каждый, своеобразнымъ характеромъ, общимъ правосознаніемъ; поэтому законъ или договоръ, стремящійся воспрепятствовать развитію народа, противны понятію права, суть—безправіе, хотя бы они явились во внѣшней формѣ права. Будучи общественнымъ порядкомъ человѣческой жизни, право, призванное охранять и служить жизни народа, не можетъ препятствовать ей въ ея развитіи. Государственное устройство, исключающее всякое измѣненіе и, слѣдовательно, всякое совершенствованіе и развитіе есть безправіе, равно какъ и государственный договоръ, пренебрегающій необходимыми жизненными условіями государства. Публичное право имѣетъ цѣлью удовлетворять жизненнымъ потребностямъ народа и охранять его развитіе; оно создается правосознаніемъ народа, осуществляется волею народа, государственною волею, и защищается народными силами, какъ жизненное условіе народа. Поэтому оно само жизненно. Противно природѣ, чтобы мертвое порабощало живое, противно логикѣ, чтобы жизненное условіе препятствовало жизни. Право, какъ условіе жизни народа, должно соотвѣтствовать движенію народной жизни, препятствуя послѣднему, оно вызываетъ болѣзни общества и государства. Многія революціи и узурпаціи, разбивавшія существовавшія въ силу преданія государственныя устройства и насильственно вызывавшія новыя правообразованія, объясняются лишь тѣмъ, что существовавшая по преданію государственная форма не удовлетворяла болѣе новой стадіи народнаго развитія. Историческое право умираетъ вмѣстѣ съ истощеніемъ и утратою въ народномъ сознаніи обаянія тѣхъ живыхъ силъ, которыми оно было вызвано, и новыя, пробужденныя временемъ, силы вызываютъ къ жизни новое право, соотвѣтствующее новымъ требованіямъ времени.

Что касается правосознанія арійскихъ народовъ, то оно выражается въ слѣдующихъ общихъ всѣмъ этимъ народамъ элементахъ: сознаніе человѣческой личности, ея достоинства, чести и свободы, и распространеніе правъ личности на женщину; отсюда институтъ моногаміи и высокое значеніе семьи, органическій взглядъ на нее; далѣе—государственность арійскихъ народовъ, разработка ими идеала человѣчески организованнаго и человѣчески управляемаго государства, секуляризація государства, отдѣленіе его отъ церкви и установленіе своеобразной государственной формы—конституціонной монархіи.

Много интереснаго представляютъ далѣе статьи о религіозной свободѣ, о бракѣ, собственности, правѣ наслѣдованія и др. Въ авторѣ мы находимъ горячаго и краснорѣчиваго защитника мелкой поземельной собственности, налога на наслѣдства, при чемъ налогъ предлагается пропорціональный размѣрамъ наслѣдства и близости родства наслѣдниковъ къ умершему, отдѣленія сферы непосредственно государственной дѣятельности отъ сферы дѣятельности общества и устраненія чрезмѣрной правительственной опеки. Наконецъ, установивши ложность взгляда на бракъ, какъ на чисто договорное отношеніе и замѣнивши его необходимымъ требованіемъ восполненія человѣческой личности, авторъ разсматриваетъ исторію брака, постепенную секуляризацію законодательства о бракѣ, какъ институтѣ общественномъ, и наконецъ, современное положеніе вопроса о бракѣ, условіяхъ его заключенія и расторженія, при чемъ относительно послѣдняго высказывается въ пользу суда присяжныхъ. Всѣ статьи отличаются ясностью и легкостью изложенія, столь рѣдкими у нѣмецкихъ ученыхъ.

Р. У.

Краузе. Эразмъ Дарвинъ. Съ предисловіемъ Чарльса Дарвина. Л. 1879. (Erasmus Darwin. By E. Krause. Translated from the German by W. S. Dallas. With a preliminary Notice by Charles Darwin. Portrait and Woodcuts. L. Murray, 1879).

Эразмъ Дарвинъ, дѣдъ геніальнаго современнаго мыслителя, Чарльса Дарвина, былъ однимъ изъ замѣчательныхъ писателей и дѣятелей XVIII вѣка. Имени его нельзя обойти въ исторіи англійской литературы, какъ и въ исторіи филантропіи и науки. Но этого мало. Внимательно перечитывая сочиненія Эразма Дарвина, Краузе убѣдился, что въ нихъ разсѣяно множество идей, развитіе которыхъ, при помощи новыхъ и болѣе многочисленныхъ фактовъ, привело къ столь плодотворной эволюціонной теоріи его внука. Доказать этотъ выводъ и было задачею Краузе при составленіи имъ его критическаго очерка, появившагося недавно въ англійскомъ переводѣ, съ прибавленіемъ «замѣтки» Чарльса Дарвина,—замѣтки, которая, впрочемъ, занимаетъ почти двѣ трети всей книги и заключаетъ въ себѣ полную біографію замѣчательнаго писателя. Эразмъ Дарвинъ происходилъ изъ хорошей фамиліи и родился въ Эльстонъ-Голѣ, графствѣ Ноттсъ, 12 декабря 1731 года.

Первоначальное образованіе онъ получилъ въ одной школѣ, въ Честерфильдѣ, откуда поступилъ въ Сенъ-Джонскую коллегію въ Кембриджѣ, а затѣмъ въ Эдинбургъ, гдѣ изучалъ медицину. Въ 1756 году, получивъ дипломъ врача, онъ поселился въ Личфильдѣ, гдѣ скоро женился, но его жена умерла въ 1770 году. Вступивъ во второй бракъ въ 1781 г., онъ поселился въ Дарби, гдѣ и умеръ въ 1802 г. Съ ранняго возраста онъ имѣлъ, повидимому, страсть къ стихотворству и механикѣ, и, еще будучи юношей, занимался электрическими опытами, при помощи грубаго аппарата собственнаго изобрѣтенія. Съ юношескаго возраста онъ выказывалъ склонность къ вегетаріанизму и воздержанію отъ спиртныхъ напитковъ,—склонность, которая сдѣлалась у него впослѣдствіи правиломъ жизни. Не въ одномъ этомъ, впрочемъ, Эразмъ Дарвинъ выдѣлялся изъ среды своихъ современниковъ; онъ опередилъ ихъ также и во взглядахъ на санитарные вопросы. Онъ проводилъ мысль о запрещеніи хоронить въ чертѣ городовъ, доказывалъ необходимость раціональнаго леченія съумасшедшихъ, требовалъ реформы женскаго воспитанія, писалъ въ пользу уничтоженія рабства (торга невольниками) и это въ то время, когда все общество смотрѣло на рабство почти, какъ на божественное учрежденіе. Его небольшое сочиненіе о женскомъ воспитаніи было переведено на нѣмецкій языкъ и считалось одно время въ Германіи авторитетомъ; свои идеи онъ примѣнялъ и на практикѣ и, между прочимъ, училъ своихъ дочерей гимнастикѣ и плаванію. Онъ былъ радикаломъ въ политикѣ и деистомъ въ дѣлѣ религіи, хотя многіе изъ современниковъ и считали его атеистомъ. У него было много друзей, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ, въ томъ числѣ не мало замѣчательныхъ дѣятелей своего времени. Онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ своемъ околодкѣ и былъ особенно любимъ бѣдными и нуждающимися, отъ которыхъ получилъ прозваніе «благодѣтеля». Темперамента онъ былъ нѣсколько раздражительнаго, массивное лицо его было изрыто оспою, ходилъ онъ съ помощью костыля и, будучи нѣсколько заикою, считался однако однимъ изъ лучшихъ собесѣдниковъ своего времени. Въ Личфильдѣ онъ имѣлъ большую практику, и слава о немъ, какъ о хорошемъ врачѣ, дошла даже до короля Георга III, который приглашалъ его поселиться въ Лондонѣ; но Дарвинъ не былъ жаденъ до славы и денегъ, и предпочелъ болѣе покойный образъ жизни въ провинціальномъ городѣ. Любимымъ отдыхомъ его было занятіе садоводствомъ на участкѣ земли въ восемь акровъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ окрестностяхъ города и на которомъ онъ развелъ небольшой ботаническій садъ.—Наибольшій интересъ представляютъ однако для насъ его сочиненія, именно по ихъ отношенію къ эволюціонной теоріи. Есть основаніе думать, что еслибы Эразмъ Дарвинъ не избралъ для изложенія своихъ научныхъ идей стихотворной формы, его воззрѣнія и его значеніе, какъ мыслителя, были бы признаны гораздо раньше.

Сочиненія, въ которыхъ Э. Дарвинъ изложилъ свои теоріи и взгляды, были слѣдующія: во первыхъ, «Ботаническій садъ», въ двухъ частяхъ, изъ коихъ

одна носитъ заглавіе: «Любовь растеній» а другая—«Экономія растительности». Послѣдняя часть, хотя называется первой, вышла однако послѣ второй, первое изданіе которой относится, по всей вѣроятности, къ 1788 году. Затѣмъ слѣдовали: «Зооиомія», въ 1794 году переведенная скоро на нѣмецкій, французскій и итальянскій языки, «Фитологія», изданная въ 1800 году, и «Храмъ природы, или происхожденіе общества», сочиненіе, изданное уже черезъ годъ послѣ смерти автора. Въ Англіи, на всѣ эти произведенія смотрѣли долгое время какъ на поэмы, и разсѣянныя въ нихъ научныя воззрѣнія признавались только за поэтическія фантазіи. Какъ поэмы—они пользовались большою извѣстностью, которая въ наше время можетъ показаться даже удивительною. Такія лица, какъ Вальполь и Эджевортъ, отзывались объ нихъ съ восторгомъ, хотя пародія на «Любовь растеній», изданная подъ названіемъ «Любовь треугольниковъ», повидимому не мало повредила репутаціи оригинала. Кольриджъ придумалъ даже терминъ «Дарвинизація» для выраженія своего презрѣнія къ спекуляціямъ Дарвина—дѣда; а «Эдинбургское Обозрѣніе» отнеслось къ этимъ поэмамъ, какъ къ «невозможнымъ». Тѣмъ не менѣе, въ нихъ есть много блестящихъ мѣстъ, хотя изъ современныхъ читателей и наврядъ ли найдется такой, кто бы могъ наслаждаться чтеніемъ ихъ, какъ чисто литературныхъ произведеній. Но за то, для всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ прослѣдить исторію развитія научной теоріи, изученіе этихъ поэмъ можетъ представлять большой интересъ.

«Прочитывая сочиненія Эразма Дарвина», говоритъ Краузе, «я скоро убѣдился, что этотъ человѣкъ, одинаково замѣчательный, какъ филантропъ, врачъ, натуралистъ, философъ и поэтъ, былъ гораздо менѣе понятъ и оцѣненъ потомствомъ, чѣмъ онъ заслуживаетъ, сравнительно съ другими личностями, занимавшими подобное же положеніе. Нельзя не признать, впрочемъ, что самая замѣчательная его заслуга, какъ мыслителя, именно его широкій взглядъ на философію природы, былъ непонятенъ для его современниковъ; только теперь, по прошествіи столѣтія, благодаря особенно трудамъ одного изъ его потомковъ, мы получили возможность оцѣнить вполнѣ его удивительную прозорливость, доходившую почти до открытія въ области біологіи. Дѣйствительно, мы находимъ въ немъ тотъ же неутомимый духъ изслѣдованій и почти тѣ же біологическія тенденціи, какъ и въ его внукѣ, и мы можемъ по справедливости утверждать, что послѣдній, унаслѣдовавъ интеллектуальную мощь своего дѣда, исполнилъ начертанную и переданную имъ по наслѣдству программу.»

«Почти каждое отдѣльное сочиненіе Дарвина-младшаго можетъ быть поставлено въ параллель съ тою или другою главой сочиненій его предка: тайна наслѣдственности, приспособленія, предохранительныя приспособленія животныхъ и растеній, половой подборъ, насѣкомоядныя растенія, анализъ ощущеній и соціальныхъ импульсовъ, даже наблюденія надъ дѣтьми, все это составляло уже предметъ обсужденія Дарвина-старшаго. Но въ то же

самое время, мы замѣчаемъ и существенное различіе въ ихъ способахъ объясненія природы. Дарвинъ-старшій былъ Ламаркистъ, или, говоря точнѣе, Ламаркъ былъ Дарвиніянецъ старой школы, развившей далѣе и съ большей ясностью идеи Эразма Дарвина, такъ что, слѣдовательно, Дарвину мы обязаны положеніемъ первыхъ основъ полной системы эволюціонной теоріи». Уже въ «Ботаническомъ садѣ» встрѣчаются намеки на постепенное развитіе міра, подобное тому, какое представляетъ намъ постепенное развитіе отдѣльныхъ животныхъ и растеній изъ яйца и сѣмени. Въ «Экономіи растительности» находится, между прочимъ, одно пророческое мѣсто относительно силы пара, «котораго скоро заставятъ тащить баржи по рѣкамъ и кареты на сушѣ». Въ этомъ же сочиненіи описывается образованіе земли, изрыгнутой первоначально, какъ полагалъ Э. Дарвинъ, какимъ-то волканомъ на солнцѣ, образованіе земнаго ядра, осажденіе воды, образованіе облаковъ и т. д., причемъ авторъ касается также вопроса объ ископаемыхъ. Указавъ на тотъ фактъ, что большая часть ископаемыхъ морскихъ животныхъ, какъ напр., аммониты, не существуетъ въ настоящее время, и что, наоборотъ, существующія нынѣ животныя не встрѣчаются въ ископаемомъ состояніи, авторъ задаетъ вопросы: «Были ли всѣ аммониты истреблены во время образованія материковъ? Или многіе роды животныхъ погибли вслѣдствіе увеличенія числа ихъ враговъ? Или они продолжаютъ жить еще и теперь въ недостижимыхъ глубинахъ океана? Или нѣкоторыя животныя могутъ измѣнять постепенно свои формы и давать начало новымъ родамъ?» Какъ близко это послѣднее предположеніе подходило къ истинѣ! Какъ и въ томъ случаѣ, когда онъ высказывалъ догадки объ явленіяхъ миметизма (mimicry, подражанія) у растеній, или когда онъ обсуждалъ интересный вопросъ объ опыленіи цвѣтовъ и ихъ отношеніи къ насѣкомымъ,—Эразмъ Дарвинъ не дошелъ до полнаго открытія только вслѣдствіе недостаточнаго знанія фактовъ. Если бы онъ обладалъ тѣмъ же даромъ терпѣливаго наблюденія, какъ его внукъ, онъ бы несомнѣнно, по мнѣнію Краузе, приблизился много ближе къ истинѣ.

Основная идея «Зоономіи» заключается, по словамъ Краузе, въ томъ, что въ растеніяхъ и животныхъ дѣйствуетъ живая сила, которая, будучи одарена въ тѣхъ и другихъ чувствительностью, позволяетъ имъ самопроизвольно приспособляться къ условіямъ окружающаго міра; вслѣдствіе этого допущеніе врожденныхъ идей, божественно вложенныхъ импульсовъ и инстинктовъ становится лишнимъ, и даже процессъ мысли можетъ быть сведенъ къ основанной на точныхъ законахъ дѣятельности механическаго анализа и комбинаціи. Всѣ виды человѣческаго познанія ведутъ начало отъ чувствъ, дѣятельность которыхъ разсматривается, какъ главный источникъ знаній, подлежащій прежде всего изслѣдованію. Что касается до такъ называемыхъ врожденныхъ способностей животныхъ, то Э. Дарвинъ объясняетъ ихъ повторенными упражненіями мускуловъ подъ вліяніемъ ощущеній и раздраженій и сводитъ ихъ на первыя впечатлѣнія новорож-

денныхъ созданій. Дрожаніе отъ страха онъ производитъ, напримѣръ, отъ обливанія новорожденнаго ребенка холодною водою; плачъ — отъ перваго раздраженія слезныхъ железъ холоднымъ воздухомъ, или пріятными и непріятными запахами. Что гнѣвъ и ярость выражаются обыкновенно у животныхъ принятіемъ позъ нападенія, понятно, говоритъ Э. Дарвинъ, само собою. Происхожденіе улыбки и выраженія пріятныхъ ощущеній авторъ объясняетъ такъ же, какъ и происхожденіе чувства красоты волнистыхъ линій и округленныхъ поверхностей, удовольствіемъ первоначальнаго питанія, получаемаго ребенкомъ отъ мягкой и округленной материнской груди.»

Въ той же «Зоономіи» Э. Дарвинъ разсуждаетъ о наслѣдственной передачѣ особенностей организаціи чрезъ посредство сѣмени и яйца, составляющихъ части организма производителей, и даже развиваетъ идею о половомъ подборѣ, борьбѣ за существованіе и переживаніи способнѣйшаго. Говоря объ оружіяхъ (зубахъ, рогахъ и т. д.), которыми вооружены самцы животныхъ, и о происходящихъ между ними дракахъ изъ-за обладанія самками, онъ замѣчаетъ: «конечная причина этой борьбы между самцами заключается, повидимому, въ томъ, что болѣе сильныя и дѣятельныя животныя должны размножать видъ, который, вслѣдствіе этого, долженъ постепенно совершенствоваться.» Авторъ заключаетъ свои разсужденія слѣдующимъ длиннымъ періодомъ: «Если поразмыслить о томъ значительномъ сходствѣ, которое замѣчается въ строеніи теплокровныхъ животныхъ, и, съ другой стороны, принять во вниманіе тѣ значительныя измѣненія, которыя испытываютъ отдѣльныя животныя до и послѣ ихъ рожденія, и притомъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени, то будетъ не слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что въ тотъ громадный періодъ времени, который протекъ съ начала существованія земли и который обнимаетъ собою, можетъ быть, милліоны лѣтъ ранѣе начала исторіи человѣчества,—всѣ теплокровныя животныя могли произойти отъ одного первичнаго волокна, которое *Великая Первая Причина* одарила жизненностью (animality) и способностью пріобрѣтать новыя части, выказывающія новыя свойства, направляемыя раздраженіями, ощущеніями, пожеланіями и ихъ ассоціаціей,—другими словами, одарила способностью совершенствоваться, благодаря прирожденной имъ собственной дѣятельности и свойствамъ передавать, путемъ размноженія, эти пріобрѣтенныя усовершенствованія потомству, отъ одного поколѣнія къ другому, и такъ далѣе, безъ конца.»

Въ «Храмѣ Природы» Эразмъ Дарвинъ развиваетъ, между прочимъ, теорію всеобщей борьбы за существованіе, которая замѣчается, говоритъ онъ, повсюду: въ воздухѣ, въ водѣ и на землѣ. «Воздухъ, земля, океанъ, все это представляетъ одну сцену борьбы, одну великую могилу. Повсюду голодъ мечетъ стрѣлы смерти и воинствующій міръ есть ничто иное, какъ одна великая бойня.»

Приведенныхъ нами мѣстъ, полагаемъ, достаточно для того, чтобы признать вѣрнымъ заключеніе Краузе, что Э. Дарвинъ былъ первымъ мыслителемъ, предложившимъ и развившимъ теорію развитія органическаго міра,—заслуга, которая является еще болѣе блестящей, если ее сравнить съ колеблющимися и смутными попытками въ томъ же родѣ Бюффона, Линнея и Гёте. Теорія эта заключается въ признаніи силы, дѣйствующей въ самихъ организмахъ и стремящейся къ улучшенію ихъ положенія въ природѣ, причемъ результатомъ отдѣльныхъ импульсовъ, вызванныхъ личными потребностями, является совершенствованіе природы въ ея цѣломъ.»

Къ біографіи своего дѣда Ч. Дарвинъ приложилъ полную генеалогію семейства, представляющую большой интересъ по отношенію къ вопросу о наслѣдственной передачѣ умственныхъ способностей. Отецъ Чарльса Дарвина былъ Робертъ Уэрингъ Дарвинъ, третій сынъ Эразма Дарвина отъ его первой жены.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Россія вступила во второе двадцатипятилѣтіе царствованія Императора Александра II. Съ 1855 г. по 1880 г. произведенъ рядъ преобразованій, славнаго продолженія которыхъ русское общество ждетъ въ ближайшіе годы. День 19 февраля былъ торжественно отпразднованъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и по всему государству. Въ память царскаго юбилея пожертвованы весьма значительныя суммы и болѣе всего на народное образованіе. Воронежское губернское дворянство пожертвовало съ этою цѣлью 15,000 рублей для воспитанія дѣтей дворянъ. Московское губернское дворянство ассигновало 78,000 р. на учрежденіе тринадцати стипендій въ петровско-александровскомъ пансіонѣ-пріютѣ. Чрезвычайное владимірское дворянское собраніе постановило собрать капиталъ въ 18,000 р., на проценты съ котораго учредить три стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для дѣтей потомственныхъ дворянъ Владимірской губерніи. Оренбургская городская дума, желая ознаменовать двадцатипятилѣтіе царствованія Государя Императора, положила основать въ Оренбургѣ пріютъ для призрѣнія подкидышей. *Оренбургскій Листокъ* не сообщилъ, сколько дума предполагала израсходовать съ этою цѣлью. Калужское губернское дворянство постановило открыть въ Калугѣ пансіонъ и пріютъ для бѣднѣйшихъ дворянскихъ дѣтей, обучающихся въ классической гимназіи, реальномъ и техническомъ училищахъ. На приспособленіе для пріюта дворянскаго дома назначено 20,000 рублей; расходы на содержаніе пансіона предполагаются не выше 10,000 р. ежегодно. Тамбовское дворянство учредило двѣ стипендіи въ институтѣ и опредѣлило премію въ 5,000 рублей за лучшую исторію нынѣшняго царствованія. Петербургская городская дума открыла городской училищной коммиссіи кредитъ въ 12,500 рублей на послѣдовательное устройство 25 новыхъ начальныхъ училищъ. На ежегодное содержаніе этихъ училищъ назначено 46,500 р. Петербургская дума опредѣлила, кромѣ того, 10,000 рублей въ годъ на обученіе ремесламъ дѣтей городскихъ обывателей. Послѣдняя сумма, по постановленію думы, можетъ

быть и увеличена. Духовенство грузинской епархіи, по сообщенію газеты «*Кавказъ*», пожертвовало 25,000 р. на содержаніе стипендіатокъ имени Его Величества въ епархіальномъ женскомъ училищѣ въ Тифлисѣ. Рижское *Латышское общество* единогласно постановило собрать по подпискѣ капиталъ въ 100,000 рублей, на проценты съ котораго открыть и содержать сельско-хозяйственную и ремесленную школу. Вологодское губернское земское собраніе пожертвовало 30,000 рублей на пріобрѣтеніе дома для мѣстнаго реальнаго училища. Въ *Тверскомъ Вѣстникѣ* напечатано постановленіе дворянства Тверской губерніи объ учрежденіи трехъ стипендій въ одной изъ московскихъ *военныхъ* гимназій, для чего дворянствомъ пожертвованъ капиталъ въ 15,000 р. Тверское губернское земское (чрезвычайное) собраніе въ ознаменованіе двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора, какъ сообщаетъ газета «*Русскій Курьеръ*», открываетъ въ каждомъ изъ двадцати уѣздовъ губерніи народную начальную школу. На постройку училищныхъ зданій и на учебныя пособія земство назначило 35,000 рублей.

Нашъ списокъ пожертвованій на распространеніе образованія уже утомилъ читателя, а онъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ пожертвованій подобнаго рода. Любопытно было бы составить имъ полный перечень и опредѣлить ихъ общую сумму. Мы такъ мало знаемъ свое отечество, а знать его средства и нужды такъ настоятельно —необходимо, что на обязанности внутренняго обозрѣвателя лежитъ сообщеніе въ возможно-большемъ количествѣ самыхъ разнообразныхъ фактовъ. Читатели не посѣтуютъ на насъ за то, что изъ этихъ фактовъ не всегда на страницахъ «*Русской Мысли*» будутъ дѣлаться непосредственные выводы. Иной разъ самъ читатель ясно увидитъ, каково значеніе приводимыхъ свѣдѣній; въ другой же разъ сдѣлать какое-либо общее заключеніе на основаніи немногихъ, хотя и характерныхъ данныхъ, было бы неосторожно.

Обѣ столицы и нѣкоторые другіе большіе города Россіи, какъ Одесса и Рига, еще пользуются вниманіемъ общества; но наше провинціальное захолустье, наши губернскіе и уѣздные города, села и деревни жили, а въ большинствѣ случаевъ и теперь живутъ уединенною, замкнутою жизнью. Многихъ изъ нихъ еще не потревожило изобрѣтеніе Гуттенберга. Но за то въ каждомъ уголкѣ подымается тревога, когда въ печать попадаетъ извѣстіе изъ домашней жизни этого уголка, когда всплываютъ наружу грязныя продѣлки или баталическіе подвиги какого-либо обывателя. Въ № 266 «*Волги*» (7 января 1880 г.) напечатана корреспонденція изъ г. Царевококшайска, Казанской губерніи. Корреспонденту, который недавно переселился въ этотъ городъ, передавали, правда, по секрету, что писать оттуда не совсѣмъ безопасно. Прежняго постояннаго корреспондента «*Волги*» изъ Царевококшайска *допѣли* мѣстные тузы. До сихъ поръ, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ имперіи разыгрываются трагикомедіи, подобныя гоголевскому «*Ревизору*».

Невѣжество, то заносчивое и придирчивое, то рабски-приниженное, до сихъ поръ безобразитъ русскую жизнь. Въ г. Дмитровѣ, Московской губерніи, въ домѣ Раковой, живетъ старуха-знахарка, которая лѣчитъ отъ всѣхъ недуговъ, главнымъ-же образомъ отъ порчи. Порченые, являясь къ знахаркѣ, приносятъ обыкновенно водку. Водка эта выпивается врачемъ и больнымъ, а затѣмъ начинается самое лѣченье, состоящее изъ чувствительныхъ ударовъ вербой съ приличными случаю заклинаніями. Къ знахаркѣ обращается не одинъ только темный людъ. Къ ней посылаетъ за наговорной водой мировой посредникъ, къ ней прибѣгаетъ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, чтобы вылѣчиться отъ запоя.*) Въ г. Николаевскѣ, Самарской губерніи, 6 февраля текущаго года, отдѣленіемъ окружнаго суда разсматривалось дѣло объ убійствѣ колдуна, крестьянина Григорія Гомозкова.**) Въ убійствѣ этомъ сознался крестьянинъ той же деревни Ивановки, Табунщиковъ. Убилъ онъ Гомозкова, когда тотъ лежалъ пьяный, за ворожбу и за угрозы *испортить его до смерти*. Свидѣтели, въ томъ числѣ два мѣстныхъ священника, удостовѣрили, что Гомозковъ дѣйствительно слылъ за колдуна и многихъ испортилъ. Подсудимый Табунщиковъ, 33 л. объявилъ: «да, справедливо, я убилъ его, потому что онъ былъ колдунъ, людей портилъ. Всѣхъ людей портилъ; кого захочетъ, того и испортитъ. У меня дочку трехъ лѣтъ испортилъ». Табунщиковъ утверждалъ, однако, что билъ Гомозкова безъ намѣренія убить, въ пьяномъ видѣ. Свидѣтель крестьянинъ Климушинъ показалъ слѣдующее: «не хорошій былъ человѣкъ (Гомозковъ), людей портилъ, давалъ воды пить, либо что. Наговоритъ, и сейчасъ и начинаютъ родить—и мужики, и бабы». Въ поясненіе къ сказанному Климушинымъ, сельскій староста Давыдовъ добавилъ, что «начнутъ рожать (съ порчи) и мужчины, а разродиться не могутъ». Начальству не говорили: боялись колдуна. Не говорили и священнику: тотъ самъ зналъ. Свидѣтель Мазалкинъ поѣлъ кусковъ хлѣба, которые Гомозковъ вынулъ изъ сумы, и черезъ два часа сталъ родить. Съ мѣсяцъ мучился. Вылѣчилъ странникъ книгами: книги читалъ. По словамъ крестьянина Копытина, убитый колдунъ ударилъ много лѣтъ тому назадъ по плечу одну женщину; она сбѣсилась, да палецъ ему укусила,—н-ну, и стало съ того полегче. Нѣсколько другихъ крестьянъ подтверждало существованіе подобнаго рода случаевъ. Интересно показаніе старика-священника, о. Разсудова. Голосъ общій, говорилъ о. Разсудовъ, что Гомозковъ былъ дурной человѣкъ, повреждалъ здороваго. Всѣ его опасались, опасался и свидѣтель. «Все какое-то опасенье къ нему чувствуешь, и въ лицѣ у него что-то такое было». Всѣ рады, что избавились отъ него. «Въ церковь онъ ходилъ, продолжалъ о. Разсудовъ, къ себѣ меня принималъ, во всякое время, все исполнялъ». Ходили къ священнику испорченныя женщины; онъ со-

*) Одесскій Вѣстникъ, № 14.

**) Русскій Курьеръ, №№ 46-47.

вѣтывалъ имъ молиться, давалъ святой воды,—и полегче станетъ. Колдовствомъ Гомозковъ занимался издавна: батюшка состоитъ въ приходѣ 45 лѣтъ, а Гомозковъ *началъ* еще до него. Колдуна часто били, о. Разсудовъ часто пріобщалъ его, не надѣясь уже на выздоровленіе, «исповѣдывалъ его, продолжалъ свидѣтель, но о дѣлахъ его этихъ съ нимъ не говорилъ». Со смертью Гомозкова не было ни одного случая порчи. Крестьянинъ Воробьевъ заявилъ, что колдуна хотѣли разъ убить, побили хорошо, да онъ опять ожилъ.—Что ему?.. «Ну, да теперь-то не оживетъ, ничего»; при этихъ словахъ Васильевъ засмѣялся, засмѣялись и другіе крестьяне. Обвиняемый послѣ рѣчи товарища прокурора сталъ на колѣни и сказалъ: «я не съ тѣмъ чтобъ убить... въ пьянствѣ». Послѣ рѣчи предсѣдателя, Табунщиковъ вновь сталъ на колѣни, на этотъ разъ, молча. Присяжные вынесли оправдательный приговоръ.

Невѣжество и нищета порождаютъ цѣлую массу печальныхъ явленій. Приходится по-неволѣ настаивать на томъ, что, напримѣръ, пьянство среди русскихъ крестьянъ есть слѣдствіе горькой бѣдности и невозможности употребить свободное время на какое-либо другое удовольствіе. Въ «*Симбирской Земской Газетѣ*»*) приводится разсчетъ потребленія водки въ губерніи. Въ прошломъ году выпито въ этой губерніи 800,000 ведеръ водки, по 6 рублей за ведро. Полагая взрослое мужское населеніе въ 400,000 человѣкъ, получимъ 12 рублей на каждаго мужчину. Два ведра составляютъ 400 большихъ рюмокъ, то есть въ день на человѣка приходится съ небольшимъ по рюмкѣ. Благопріятный, повидимому, выводъ этотъ совершенно разрушается тѣмъ соображеніемъ, что пьетъ не все населеніе и пьетъ не постоянно. Пьютъ преимущественно по праздникамъ, въ городахъ и большихъ селеніяхъ. Александровское уѣздное земство выступило на борьбу съ этимъ зломъ, и средства, имъ предлагаемыя, заслуживаютъ полнаго сочувствія. Докладъ управы *объ уменьшеніи въ крестьянскомъ быту пьянства***) говоритъ, что сократить пьянство ни мѣрами строгости, ни мѣрами запретительными нельзя, потому что наслажденіе, доставляемое пьяницѣ виномъ, пересиливаетъ страхъ наказанія, мѣры же запретительныя не трудно обойти. Александровское земство предполагаетъ открывать по деревнямъ чайныя и съ этою цѣлью, черезъ губернское земское собраніе, обращается къ г. министру финансовъ съ просьбою объ удешевленіи патентовъ на чайныя.

Давно пора русскимъ образованнымъ людямъ обратить самое заботливое вниманіе на умственное и нравственное состояніе нашего крестьянства. Время не терпитъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣчаются явные признаки вырожденія населенія. Изъ Ошмянскаго уѣзда пишутъ въ *Ви-*

---

*) № 175, 10 февраля 1880 г.

**) Протоколы чрезвычайнаго александр. уѣзднаго земскаго собранія, 1879 г., Екатеринославъ.

*ленскій Вѣстникъ**): «Праздники у насъ прошли тихо, почти незамѣтно. Странно, что обычныя у крестьянъ игры и пѣсни почти совсѣмъ выводятся изъ употребленія. Притихли Коляды, праздникъ Купала почти забытъ; бѣлоруссы начинаютъ жить замкнутой, изолированной жизнью; остались одни только ряженья, пользующіяся пока любовью народа. Помимо всего, крестьяне наши чутко прислушиваются къ газетнымъ извѣстіямъ и разнымъ новостямъ дня, хотя, правду сказать, не вѣрятъ печатнымъ сообщеніямъ. Все любопытство ихъ сводится, главнымъ образомъ, къ тому, не пишутъ ли въ газетахъ что-либо про войну, которую они представляютъ себѣ въ видѣ огненной тучи,—ужъ коли идетъ, то и насъ не минетъ». Необходимо позаботиться, чтобы *цивилизація* коснулась нашего крестьянина по возможности менѣе своими отрицательными сторонами, чтобы она не внесла въ невѣжественную, но не рѣдко здоровую среду одного только разложенія, а для этого въ распоряженіи общества средствъ не мало. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средствами этими начинаютъ уже пользоваться. Такъ, *Голосъ*,**) со словъ варшавскихъ газетъ, сообщаетъ, что въ посадѣ Ордживалѣ, Опоченскаго уѣзда, въ самомъ непродолжительномъ времени предполагалось открыть *госпóду крестьянскую*, то есть клубъ для простаго народа, въ которомъ, кромѣ здоровыхъ, питательныхъ закусокъ, чая и кофе, будетъ устроена читальня. Это уже второй подобный клубъ въ русской Польшѣ. Первый былъ открытъ съ годъ тому назадъ въ посадѣ Новомъ Мѣстѣ помѣщицею, которая учредила тамъ и пріютъ для малолѣтнихъ дѣтей. Крестьянскій клубъ въ Новомъ Мѣстѣ оказываетъ чрезвычайно благодѣтельное вліяніе на простой людъ посада и его ближайшихъ окрестностей. *Екатеринбургская Недѣля****) получила интересную корреспонденцію, въ которой описывается любительскій спектакль въ Турьинскихъ рудникахъ, Богословскаго округа. Устроителемъ спектакля явился уважаемый всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ докторъ Михайловъ, который вступилъ съ этою цѣлью въ союзъ съ земскимъ фельдшеромъ, г. Петровымъ. Любители сыграли, въ зданіи мужской земской школы, «*Бѣдность не порокъ*» Островскаго. Простой людъ тѣснился въ училищной залѣ и приходилъ въ восторгъ отъ драмы. Тифлисскій *Обзоръ*****) передаетъ, что лѣтомъ прошлаго года у нѣсколькихъ лицъ, принадлежащихъ къ разнообразнымъ профессіямъ, явилась мысль устроить дѣло публичныхъ чтеній на правильныхъ основаніяхъ. До сихъ поръ чтенія эти имѣли случайный и безсистемный характеръ. *Обзоръ* напечаталъ выработанныя вышеупомянутыми лицами основныя положенія для комитета по устройству публичныхъ чтеній, которыя предполагаются на русскомъ, грузинскомъ,

---

*) Виленскій Вѣстникъ, № 14.

**) Голосъ, № 9.

***) № 4.

****) Обзоръ, № 383 (6 января 1880).

армянскомъ, татарскомъ и на другихъ языкахъ, если въ томъ представится надобность.

Мы боимся утомить вниманіе читателя массою фактовъ. И приведенныхъ, думается намъ, достаточно для того, чтобы убѣдиться въ возможности широкой дѣятельности образованныхъ людей на пользу народную. Если до настоящаго времени русскою интеллигенціею сдѣлано въ этомъ направленіи немного, то виновата тутъ наша безхарактерность, наша безличность. Что воспитало эту безличность,—другой вопросъ, о которомъ стоитъ поговорить отдѣльно. Отмѣтимъ покуда одинъ любопытный фактъ. Одесскій корреспондентъ «*Русскихъ Вѣдомостей*» пишетъ, что 9 февраля, въ биржевомъ залѣ города, былъ данъ семейный вечеръ въ пользу попечительства о недостаточныхъ студентахъ новороссійскаго университета. Къ крайнему удивленію корреспондента, публики явилось очень мало. «Интересуясь разъясненіемъ этого факта, продолжаетъ корреспондентъ, я говорилъ со многими лицами и, къ стыду нашей публики, узналъ, что весьма многіе удержаны отъ посѣщенія вечера сомнѣніемъ въ томъ, *дѣйствительно-ли благовременны теперь пожертвованія въ пользу студентовъ*. Въ кассѣ было получено даже анонимное письмо съ возвращеннымъ билетомъ и деньгами, въ которомъ авторъ находитъ неудобнымъ жертвовать въ пользу студентовъ и проситъ прилагаемые три рубля отдать на ночлежные пріюты.»

Несвоевременно жертвовать въ пользу учащейся молодежи, которая, страдая отъ голода и холода, стремится къ добру и знанію! Неумѣстно помогать студентамъ, которые гибли за Дунаемъ, въ Малой Азіи, которые ѣхали на борьбу съ чумою, теперь ѣдутъ на борьбу съ дифтеритомъ! Нѣтъ, по отношенію къ извѣстной части русскаго общества, до сихъ поръ справедлива горькая *дума* Лермонтова:

«Къ добру и злу постыдно равнодушны,
«Въ началѣ поприща, мы вянемъ безъ борьбы,
«Передъ опасностью позорно малодушны,
«И передъ властію презрѣнные рабы».

Но стихъ Лермонтова можетъ теперь заклеймить, какъ мы уже сказали, только извѣстную часть общества. Мы не разъ указывали и съ наслажденіемъ будемъ указывать на всякій почтенный трудъ, на всякую честную борьбу во имя общаго блага. Само собою разумѣется, что мы постараемся не пропустить и явленій противоположнаго рода. Заносимъ по этому въ наше обозрѣніе слѣдующій отрывокъ изъ корреспонденціи «*Смоленскаго Вѣстника*»*) Изъ города Бѣлаго въ эту газету пишутъ, что въ мѣстномъ клубѣ поссорились, по поводу игры въ стуколку, обычныя его посѣтительницы-дамы. «Этотъ скандалъ въ *благородномъ семействѣ*, говоритъ корреспондентъ, разрѣшился воспрещеніемъ въ помѣщеніи клуба

*) Смоленскій Вѣстникъ, № 11 (10 февраля 1880 г.).

недозволенныхъ закономъ карточныхъ игръ. И что-же? публика совершенно перестала посѣщать *благородное собраніе*, не желая убивать время за какимъ-нибудь преферансикомъ, и предалась излюбленной игрѣ у себя дома. Буфетчикъ клуба въ отчаяніи отъ крайней немногочисленности посѣтителей. Такія грустныя послѣдствія неосторожнаго распоряженія старшины пробуждаютъ въ послѣднемъ раскаяніе въ жестокомъ обращеніи съ любителями карточныхъ игръ, и мы почти ежедневно и отовсюду слышимъ отрадныя увѣренія, что въ непродолжительномъ времени стуколка въ клубѣ будетъ снова дозволена».

Счастливымъ обитателямъ города Бѣлаго необходима стуколка, чтобъ пріятно *убивать время*, какъ будто человѣческая жизнь безконечно велика, какъ будто нѣтъ другихъ интересовъ, для которыхъ это свободное время могло бы понадобиться. Мудрено обращаться, въ данномъ случаѣ, съ строгимъ осужденіемъ къ отдѣльнымъ лицамъ, даже къ обитательницамъ цѣлаго города. Недостатки общественнаго строя являются одною изъ главнѣйшихъ причинъ и нашего невѣжества, и нашей бездѣятельности. Для того, чтобы вырабатывались крѣпкая личность, сильный характеръ, необходима соотвѣтствующая обстановка. Въ Китаѣ, гдѣ господствуетъ мандаринство, гдѣ властвуетъ бамбуковая палка, обыкновенному человѣку по неволѣ приходится поставить руководящимъ правиломъ, что:

«Ниже тоненькой былиночки
«Надо голову клонить.

Россія, конечно, не Китай. У насъ не мандарины, а чиновники; бамбуковая палка не употребляется, потому что это не соотвѣтствуетъ ни нашимъ климатическимъ, ни нашимъ финансовымъ условіямъ. Но жить среднему русскому человѣку, не смотря на столь благопріятныя, по сравненію съ Небесной Имперіей, обстоятельства, если только онъ не благополучный россіянинъ, не Граціановъ и не Разуваевъ, все-же не легко. Отдѣльная личность можетъ, разумѣется, пробиться изъ мрака къ свѣту. Только къ чему безполезно растрачивать силы на борьбу съ искусственными препятствіями? Немного у насъ этихъ силъ и безъ того.

Мы далеки отъ мысли оправдывать недостатками общественнаго строя, всѣ недостатки русскаго человѣка. Безспорно, что формы политической жизни создаются и измѣняются людьми. Но старая форма, въ извѣстное время, теряетъ свое прежнее воспитательное значеніе..Духъ, когда-то въ нее вложенный, уже отлетѣлъ навсегда, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и преданность этой формѣ — горячее сочувствіе ей. Въ такихъ случаяхъ необходимо ввести въ общественное сознаніе новую идею, преобразовать въ томъ или другомъ отношеніи формы общежитія. Иначе наступаютъ печальныя явленія: распространяется стуколка, развивается вялость, равнодушіе къ вопросамъ государственной важности, хищничество, преступленія. Продлись подобное положеніе вещей, задержи надолго обветшалая форма но-

выя стремленія, новую мысль, и для страны наступитъ страшный кризисъ. То горькое недовольство жизнью, та смертельная тоска, которую римскій писатель назвалъ taedium vitae, taedium temporum, къ сожалѣнію, представляетъ въ исторіи повторяющееся явленіе. Это равнодушіе и эта тоска подточили громадное римское государство и обрушили его на головы *и охранителей*, и ихъ противниковъ....

Ложно истолкуютъ наши слова, если увидятъ въ нихъ оправданіе русской *всесословной вялости*, какъ выразился однажды г. Евгеній Марковъ. Обращаясь къ отдѣльнымъ лицамъ, мы горячо настаиваемъ на необходимости и возможности плодотворнаго, въ общественномъ смыслѣ, личнаго труда. У насъ въ рукахъ находится въ настоящее время разсказъ о дѣятельности одного, теперь уже умершаго человѣка, военнаго инженеръ-генералъ-майора, Никанора Потапьевича Мартынова. Покойникъ началъ службу съ званья нижняго чина, отличался въ боевыхъ дѣлахъ на Кавказѣ. Въ 1866 г. Н. П. Мартыновъ былъ переведенъ въ финляндскій военный округъ. *) Здѣсь онъ принесъ неоцѣнимую пользу образованію русскаго населенія княжества.

До 1870 г. въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ существовала только одна русская народная школа, незадолго предъ тѣмъ учрежденная и служившая какъ-бы пріютомъ для дѣтей бѣднѣйшаго класса. Русскимъ приходилось по этому отдавать своихъ дѣтей въ мѣстныя школы, въ которыхъ преподаваніе велось на финскомъ и шведскомъ языкахъ. Русскія дѣти, слѣдовательно, не могли основательно изучать роднаго языка и отечественной исторіи. Никаноръ Патапьевичъ принялъ самое живое участіе въ основаніи русской гимназіи и другихъ школъ. Онъ былъ членомъ особаго попечительства объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1871 г., учреждается русское благотворительное общество въ Финляндіи. Мартыновъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ распорядительнаго собранія этого общества, которое имѣетъ цѣлью выдавать пособія бѣднымъ учащимся дѣтямъ. Не смотря на ограниченное число нашихъ соотечественниковъ, благотворительное общество содержало въ 1875 г. 26 стипендіатовъ въ мужской гимназіи, давало ученикамъ гимназіи и другихъ школъ учебныя пособія, одежду и обувь, содержало школу для малолѣтнихъ и т. п. Въ сентябрѣ 1875 г., въ Гельсингфорсѣ была открыта русская женская прогимназія. Изъ благодарственнаго адресса, поднесеннаго покойному Мартынову въ день новаго 1876 г., оказывается, что въ учрежденіи прогимназіи онъ принималъ самое дѣятельное участіе, почему многоблагодарные отцы семействъ и поднесли Никанору Потапьевичу привѣтственный адрессъ. Двумя годами раньше, въ 1873 г., въ Гельсингфорсѣ же былъ основанъ дѣтскій садъ, для русскихъ, по системѣ Фребеля. Успѣхъ занятій въ саду былъ настолько великъ, что садъ принялъ участіе въ гель-

*) Мы заимствуемъ всѣ эти свѣденія изъ «*Виленскаго Вѣстника*» № 11.

сингфорской промышленной выставкѣ. Эксперты присудили русскому саду награду второй степени — бронзовую медаль «Но самая лучшая сторона дѣла заключалась въ той дружбѣ, съ которою жили собранныя дѣти, не смотря на различіе пола, возраста, сословія и національности, и въ той любви, которую дѣти питали къ саду, такъ что не быть одинъ день въ саду дѣти считали для себя наказаніемъ; по этой причинѣ обыкновенныя наказанія не были въ употребленіи». Н. П. Мартыновъ былъ предсѣдателемъ попечительнаго комитета, образовавшаго садъ. Пропускаемъ указанія на другія заслуги покойнаго дѣлу образованія русскихъ дѣтей въ княжествѣ.

Благодаря усиліямъ Мартынова и нѣкоторыхъ лицъ, въ теченіи 8 лѣтъ число учебныхъ заведеній (русскихъ) и число учащихся въ Финляндіи возросло до слѣдующей цифры: въ городѣ Гельсингфорсѣ—419 обоего пола, въ г. Выборгѣ—120 ч., въ г. Фридрихсгамѣ—50, въ г. Тавастустѣ—25, въ г. Або—41, всего въ 12 русскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1878 г. находилось болѣе 650 учащихся. Извѣстно, что жителей греко-россійскаго вѣроисповѣданія въ великомъ княжествѣ считается съ небольшимъ 36,000 ч., а русскихъ по племени только 6,100 ч. Слѣдуетъ прибавить, что въ русскихъ школахъ воспитывались какъ православные, такъ и католики, лютеране, іудеи. Все свое состояніе покойный Н. П. Мартыновъ завѣщалъ учебнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ, въ томъ числѣ 6,100 р. обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Вотъ жизнь, которая прошла безъ шума и блеска, которая оставила по себѣ добрую память и глубокій слѣдъ. Но много-ли такихъ людей? Газета «*Обзоръ*» даетъ намъ возможность привести противоположный примѣръ. Корреспондентъ этой газеты пишетъ изъ Нахичевани слѣдующее: (*Обзоръ*, № 442, 16 февраля текущаго года). Въ Нахичевани страшная нужда, даже голодъ. Городъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣетъ самоуправленія. Правительство убѣдилось въ необходимости создать хоть временное представительство мѣстныхъ потребностей. По приглашенію уѣзднаго начальника, состоялось предварительное совѣщаніе, затѣмъ мірская сходка. По приговору, подписанному огромнымъ большинствомъ мусульманскаго и армянскаго населенія, избраны были двѣ коммиссіи, одна изъ нихъ должна была получать пособія, заготовлять потребное для города количество хлѣба и раздавать его; другая имѣла цѣлью провѣрку дѣйствій первой. Выборы состоялись, но выбранные отказались отъ полномочія. Къ новымъ выборамъ явились препятствія, и все дѣло, какъ выражается корреспондентъ, кануло въ воду. Нахичеванскіе богачи пришли къ твердому убѣжденію, что имущіе отвѣтственны предъ правительствомъ за бѣдныхъ, если посадскіе, получивши пособіе, не возвратятъ его. «Будь, что будетъ, говорили богачи, а добровольно мы ни за кого не поручимся». Нѣкоторые изъ подобныхъ людей имѣли и особыя побужденія противодѣйствовать мѣрамъ, которыя должны были прекратить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить народную нужду. Астрологъ предсказалъ одному прелату огромное

состояніе, если онъ сохранитъ свой амбаръ до мая мѣсяца. Другой ага думаетъ за два халвара пшеницы купить будущій урожай съ посѣвовъ цѣлой деревни, и т. п. А голодъ въ Нахичевани достигъ ужасающихъ размѣровъ. «Мужчины, женщины, дѣти съ раздирающимъ сердце плачемъ бродили по улицамъ, не встрѣчая сочувствія. Люди труда, чернорабочіе, мелкіе ремесленники, садовники, пахари за ничтожную сумму предлагали закабалить себя законными договорами, чуть-ли не на всю жизнь, вѣчно работать въ пользу заимодавца, но напрасно: никто не раскошеливался». Благодаря непосредственному вмѣшательству правительства, продолжаетъ корреспондентъ, голодный людъ, въ настоящее время, кормится. Голодъ, какъ извѣстно, поражаетъ населеніе не въ одной Нахичевани, но и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Кавказа и Закавказья. Цѣнность пшеницы дошла въ предѣлахъ Эриванской губерніи до 120 руб. за холваръ. *) Изъ Зугдида въ *Обзоръ* пишутъ, что, въ нынѣшнемъ году, тамъ необычайно-суровая зима. Жители страдаютъ отъ недостатка дровъ и припасовъ. Нѣсколько полѣнъ дровъ, стоившихъ прежде 5 коп., продаются за 30—50 коп. Газета *Мшакъ* сообщаетъ изъ Шуши, что съ января мѣсяца тамъ стоятъ страшные морозы. Оспенная эпидемія все болѣе усиливается въ городѣ и его окрестностяхъ. Умираютъ не одни дѣти, но и взрослые. Въ Баку населеніе голодаетъ. Въ городѣ большое количество хлѣба; но цѣны все возвышаются, такъ какъ торговцамъ не приходитъ въ голову пожалѣть голодающихъ. Неурожай посѣтилъ въ прошломъ году и другія мѣстности Россіи. Въ *Новости* (№ 36) пишутъ изъ Стопницкаго уѣзда, что полнѣйшій неурожай ржи и картофеля заставляетъ опасаться ужасныхъ бѣдствій. Уже теперь (первыя числа февраля) крестьяне питаются исключительно свеклой, предназначенной собственно на кормъ скота. Почти въ половинѣ втораго донскаго округа, быть можетъ, десятки тысячъ людей голодаютъ съ августа мѣсяца. **) Изъ Царицына *Донской Голосъ* (№ 11-й) сообщаетъ, что Мариновка, Карповка и Бузиновка голодаютъ. Безденежье полное. Общественные запасы давно уничтожены. Наступленія весны ожидаютъ со страхомъ. Въ Ахтыркѣ (Харьковской губерніи) хлѣбъ и топливо сильно дорожаютъ, цѣны на мясо такія-же, какъ и въ Харьковѣ. Газета «*Русскій Курьеръ*» представила ужасающую картину положенія массы населенія на низовьяхъ Волги и Дона. Подтвержденіе справедливости сообщенныхъ въ этой газетѣ фактовъ мы видили въ корреспонденціи *Голоса****), въ которой говорится, что «во всей Астраханской губерніи, четырехъ пятыхъ частяхъ Саратовской губерніи и сѣверо-восточной части Области Войска Донскаго продовольствіе населенія собственнымъ хлѣбомъ окончилось, говоря безъ преувеличенія, вмѣстѣ съ уборкой полей. Въ Астраханской губерніи, въ данный моментъ (декабрь про-

*) Обзоръ, № 416. Корреспондентъ упрекаетъ въ бездѣятельности городскую думу.

**) Донской Голосъ, № 10.

***) Голосъ, № 320, (20 декабря 1879 г.).

шлаго года) стоимость пуда хлѣба приближается уже къ 2 руб.; въ Саратовской губерніи и въ Области Войска Донскаго къ 1 р. 50 коп. Цѣны, какъ видите, недоступныя крестьянскому карману». Въ Псковскомъ уѣздѣ*) множество крестьянъ нуждаются въ хлѣбѣ. Мука ржаная стоитъ въ Псковѣ уже 1 р. 30 к. пудъ.

Тяжело собирать подобныя извѣстія и мудрено въ виду ихъ согласиться съ «*Московскими Вѣдомостями*», которыя безъ устали твердятъ о цвѣтущемъ состояніи народнаго хозяйства, о развитіи благосостоянія среди сельскаго населенія. Не зачѣмъ закрывать глаза передъ горькою правдою.

Мы убѣждены, что Россія одолѣетъ всѣ невзгоды, что у нея впереди свѣтлое будущее. Однимъ изъ залоговъ этого желаннаго будущаго служитъ развитіе нашей провинціи. Мѣстная печать, не смотря на весьма неблагопріятныя условія, въ которыя она поставлена, быстро растетъ съ каждымъ годомъ. Одесскія, саратовскія и кавказскія газеты, во многихъ отношеніяхъ, не уступаютъ столичнымъ. Издаваемая на глубокомъ сѣверѣ «*Екатеринбургская Недѣля*» читается съ живымъ интересомъ. Общество наше видимо растетъ и стремится къ сомостоятельности и самодѣятельности. Въ мартовской книжкѣ московскаго *Юридическаго Вѣстника* помѣщены отчеты о любопытныхъ преніяхъ въ харьковскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Гласный Гордѣенко представилъ проектъ адреса въ отвѣтъ на правительственное воззваніе къ обществу, для борьбы съ преступной пропагандой. «Интеллигентныя и всѣ вообще сословія входящія въ составъ земства, говоритъ почтенный гласный, готовы знать и понять невѣдомыя имъ силы; но, къ сожалѣнію, они поставлены въ то положеніе, при которомъ они принуждены оставаться равнодушными къ своимъ (?) силамъ и общественнымъ средствамъ (?)». На нашемъ политическомъ горизонтѣ являются, какъ внутренніе враги, казнокрады, червонные валеты, міроѣды и т. п. Земства разрознены, между ними нѣтъ никакой связи, и даже въ каждомъ отдѣльномъ земствѣ, губернскомъ или уѣздномъ, нѣтъ корпоративнаго духа, который бы ихъ оживлялъ. Наши гласные, собираясь разъ въ годъ, въ узаконенное время, едва знаютъ другъ друга. Единомыслія нѣтъ между ними никакого. Къ собраніямъ они являются неподготовленными на предварительныхъ совѣщаніяхъ. Они собираются во имя земскихъ повинностей, для нихъ обязательныхъ. О дѣлахъ, чуждыхъ хозяйству и даже сельско-хозяйственныхъ, выходящихъ за предѣлы губерніи, мы не имѣемъ права говорить, о дѣлахъ же политическихъ мы боимся разсуждать. Общественнаго мнѣнія у насъ нѣтъ, такъ какъ оно не можетъ выражаться свободно и правильно. «Въ школахъ, правильно устроенныхъ, въ здравой системѣ образованія молодаго поколѣнія можно найти лучшее противоядіе лжеученіямъ и сдѣлать ненужными тѣ крайнія мѣры, которыми стѣсняется дѣятельность и самая мысль мирныхъ неповинныхъ граж-

*) Голосъ, Ibid.

данъ.» Не входя въ сужденіе о системахъ воспитанія, авторъ проекта указываетъ на странныя явленія, обнаруживающіяся и повторяющіяся въ учебныхъ заведеніяхъ: «гимназисты, четырнадцатилѣтніе мальчики, лишаютъ себя жизни, получивши неудовлетворительную аттестацію изъ греческаго или латинскаго языковъ, бросаются, какъ умопомѣшанные, на своихъ наставниковъ».*) Г. Гордѣенко говоритъ въ заключеніе, что *земство желало бы соединить всѣ свои силы не только для своихъ экономическихъ нуждъ, но и для всѣхъ нуждъ и пользъ государства, чтобы и въ настоящее трудное время, которое мы переживаемъ, оно могло быть дѣйствительно опорою правительства.*

Собраніе постановило: представить въ видѣ отвѣта отъ земскаго собранія на обращеніе правительства ко всѣмъ сословіямъ государства, по поводу революціонной пропаганды, извлеченіе изъ записки гласнаго Гордѣенка и самую записку.

Многія земства выражали желанія, подобныя изложеннымъ нами сейчасъ. Само правительство все болѣе и болѣе убѣждается въ необходимости установленія, между Верховною Властью и земствомъ живаго и правильнаго общенія. Множатся признаки такого отношенія правительства къ обществу. Въ послѣднее время, начальникъ верховной коммиссіи, графъ Лорисъ-Меликовъ, призвалъ къ участію въ засѣданіяхъ коммиссіи выборныхъ петербургскою городскою думою представителей. Эта мѣра, конечно, вызвана чрезвычайными обстоятельствами. Коллегіальное устройство исполнительной, въ широкомъ смыслѣ слова и, съ еще большимъ основаніемъ, полицейской власти, въ тѣсномъ смыслѣ, не одобряется теоріей и практикой. Коллегіальность и представительство должны ограничиваться законодательствомъ и судомъ.

Покончивъ съ злобою дня, я съ особеннымъ удовольствіемъ обращаюсь къ письму А. И. Кошелева, напечатанному въ февральской книгѣ «*Русской Мысли*». Письмо вызываетъ составителя внутренняго обозрѣнія на объясненія по самымъ существеннымъ вопросамъ. Написано оно въ такомъ тонѣ, что отвѣтъ является пріятною обязанностію. Г. Кошелевъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, только поиронизировалъ на мой счетъ; но я признаю полную законность этой иронiи, такъ какъ самъ подалъ къ ней поводъ нѣкоторою неточностію и, главное, краткостію своей статьи.

Возраженія г. Кошелева направлены на два пункта: на необходимость, мною высказанную, развитія у насъ личности и на непониманіе мною устройства и значенія общины. Буду отвѣчать на первое возраженіе.

«Личность въ человѣкѣ, кажется, достаточно, и даже черезчуръ сильно развита на западѣ, говоритъ г. Кошелевъ, а, между тѣмъ, довольства въ народѣ такъ мало, и очевиднымъ тому доказательствомъ служитъ все болѣе и болѣе распространяющійся соціализмъ-коммунизмъ». Я совершенно согла-

*) Юридическій Вѣстникъ, № 3 (1880), земскія извѣстія.

сенъ, что распредѣленіе имущества на Западѣ весьма далеко отъ идеально-справедливаго, хотя и не думаю, чтобъ благосостояніе русскаго крестьянина, какъ общее правило, было выше благосостоянія, напримѣръ, французскаго крестьянина, чтобъ благосостояніе нашего фабричнаго превосходило благосостояніе англійскаго рабочаго. Но это вопросъ, въ данномъ случаѣ, посторонній. Г. Кошелевъ приписываетъ всѣ экономическія и нравственныя невзгоды Запада крайнему развитію личности. «Эгоизмъ, въ настоящее время, въ цивилизованной Европѣ, достигъ, кажется, геркулесовыхъ столбовъ». Благотворительность является на Западѣ, по мнѣнію г. Кошелева, дѣломъ необходимости, ради умиротворенія бѣдствующаго люда и сохраненія за властвующими и богачами ими владѣемаго, а вовсе не изъ любви къ ближнему. Я могъ бы не возражать на эти замѣчанія. Допустимъ, что личность слишкомъ развита на Западѣ; развѣ это доказательство того, что она достаточно развита у насъ? И развѣ я гдѣ-нибудь защищалъ эгоизмъ западно-европейской буржуазіи? Но г. Кошелевъ приводитъ примѣръ Запада, какъ предостереженіе Россіи. Развитіе личности и развитіе эгоизма для него являются почти тождественными понятіями, и съ этимъ я не могу согласиться. Несомнѣнно, что Говардъ былъ высокоразвитою личностію, что подобною же личностію былъ Робертъ Оуэнъ, Уильберфорсъ, Ливингстонъ; трудно доказывать, что эти люди были крайними эгоистами. Подстановка подъ терминъ *личность* термина *эгоизмъ* спутываетъ вопросъ. Самъ г. Кошелевъ утверждаетъ, что *безъ личной дѣятельности, личной свободы, личной самостоятельности не можетъ быть и общинной дѣятельности, свободы и самостоятельности*. Разногласіе между внутреннимъ обозрѣвателемъ «*Русской Мысли*» и почтеннымъ оппонентомъ заключается только въ слѣдующемъ: А. И. Кошелевъ находитъ, что стремленія къ личной самодѣятельности и самостоятельности и безъ того сильны въ человѣкѣ, такъ что ихъ не надо и воспитывать, надо скорѣе подумать объ ихъ ограниченіи. Замѣчу прежде всего, что мой оппонентъ опять отожествляетъ личность и эгоизмъ. Знаменитый путешественникъ, полковникъ Пржевальскій, безспорно сильно развитая личность. Какая-же необходимость стѣснять его дѣятельность? Воспитаніе и общественныя учрежденія должны направлять личность къ достиженію цѣлей, которыя не противорѣчатъ общему благу; то же воспитаніе и тѣ же учрежденія должны развивать въ человѣкѣ стремленіе жертвовать своими интересами, при столкновеніи ихъ съ интересами ближняго,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но я утверждаю, что сильно-развитая личность, при разумномъ направленіи ея дѣятельности, принесетъ больше общественной пользы, обнаружитъ больше любви и самоотверженія, чѣмъ мало развитая, и едва-ли съ этимъ можно спорить.

Теперь возникаетъ вопросъ: дѣйствительно-ли у насъ мало развита личность, мало уваженія къ человѣческому достоинству, мало силы характера? Спѣшу оговориться, что имѣлъ при этомъ вопросѣ въ виду не народъ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. не крестьянское населеніе исключительно, но и

интеллигенцію нашу, наше купечество, и т. п. Г. Кошелевъ утверждаетъ, и я отчасти присоединяюсь къ его словамъ, что мы очень нуждаемся «*въ возстановленіи и улучшеніи нашей нравственности, сильно потрясенной вообще и почти вовсе разложившейся въ интеллигентныхъ слояхъ нашего общества*». Нравственное улучшеніе есть улучшеніе личности. Умѣнье стойко держаться завѣтныхъ убѣжденій и упорнымъ трудомъ содѣйствовать ихъ осуществленію до сихъ поръ плохо дается интеллигентному русскому человѣку. Развитія этихъ *личныхъ* качествъ мы и желаемъ представителямъ нашей образованности.

Переходимъ къ народу въ тѣсномъ смыслѣ. Неужели среди этого народа мы встрѣчаемъ достаточно уваженія къ личности, достаточно развитія самостоятельности и самодѣятельности? Обращаемся къ письму г. Кошелева: «*народъ нашъ принятъ нуждою, безграмотенъ, сперва и долгое время крѣпостнымъ правомъ, потомъ посредниками, а теперь исправниками и непремѣнными членами; онъ пріученъ къ всевозможнымъ самоуправствамъ и нарушеніямъ справедливости*». Я далекъ отъ мысли бросать каменья въ нашъ многострадальный народъ и охотно допускаю, что онъ безъ вины виноватъ. Но не согласится ли г. Кошелевъ со мною, что надо *отучить* народъ отъ самоуправства и нарушенія справедливости, чтобъ онъ и самъ не совершалъ подобнаго рода дѣйствій, да и другимъ не давалъ? Развейте въ крестьянинѣ полузаглушенное сознаніе своего человѣческаго достоинства, и эти печальныя явленія станутъ невозможными. А сознаніе личнаго достоинства, въ себѣ и въ другихъ, и есть одинъ изъ существенныхъ признаковъ *личности*.

Долженъ сознаться, что всѣ эти объясненія явились необходимыми по моей собственной винѣ, вслѣдствіе уже упомянутой мною крайней сжатости статьи въ первой книгѣ «*Русской Мысли*».

Перехожу ко второму возраженію А. И. Кошелева. «Не преобразовывать, не регламентировать нужно общинныя учрежденія или устройства, не превращать ихъ въ что-то иное; но необходимо намъ ихъ изучать и проникаться ихъ духомъ». Составитель внутренняго обозрѣнія «Русской Мысли» принадлежитъ къ числу защитниковъ общиннаго землевладѣнія и заявлялъ объ этомъ печатно. Нигдѣ и никогда онъ не высказывался въ пользу регламентаціи общины. Въ моей мысли *стоять за постепенное превращеніе общины въ свободный союзъ на основѣ общиннаго землевладѣнія* значитъ почти то же, чего желаетъ и г. Кошелевъ: «*общины должны развиваться и совершенствоваться, но сами собою и изъ своего собственнаго существа*». Мой почтенный оппонентъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Правда, теперь, по милости волостныхъ писарей и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, вводится бюрократизмъ и въ крестьянскомъ самоуправленіи; правда, теперь, въ угоду начальства, по требованію старшинъ, составляются странные, часто нелѣпые приговоры; но тутъ общины не при чемъ. Сила солому ломитъ. Сила — уму могила». Со-

вершенно справедливо, но когда же я обвинялъ общину? Настаивая на ея постепенномъ превращеніи въ свободный союзъ на основѣ общиннаго землевладѣнія, я разумѣлъ прежде всего освобожденіе ея отъ всяческихъ административныхъ стѣсненій и облегченіе выхода, а при извѣстныхъ условіяхъ и вступленія въ общину. «Неужели, спрашиваетъ г. Кошелевъ, и община должна превратиться въ такой (какъ артель) временный и произвольный союзъ? Въ общинѣ люди родятся, ростутъ и имѣютъ свою осѣдлость, своихъ родныхъ и общія съ ними связи и обычаи». Потому-то, отвѣтимъ мы г. Кошелеву, община и не можетъ превратиться въ временный и произвольный союзъ, а союзомъ свободнымъ стать можетъ. Если я навѣки замкнутъ въ общинѣ, то она представляетъ несвободный союзъ. Если мой переходъ въ другую общину обставленъ значительными затрудненіями формальнаго свойства, она опять не можетъ быть названа свободнымъ союзомъ. Связи, которыя являются результатомъ совмѣстной, *мірской* жизни, такъ крѣпки и многообъемлющи, что нѣтъ никакой надобности связывать членовъ *міра* еще путами формальнаго закона. А если эти связи расшатаны, то исчезло нравственное значеніе самого *міра*.

Послѣднихъ словъ не слѣдуетъ толковать въ смыслѣ желанія облегчить законодательнымъ путемъ разложенія общины. Государству, наоборотъ, необходимо предоставить общинѣ полный просторъ и не вмѣшиваться въ ея внутренніе распорядки. Мы потому и не употребили выраженія «*преобразованіе*», а сказали: *постепенное превращеніе*, т. е. свободное развитіе, безпрепятственное видоизмѣненіе общины въ силу измѣненій самой внутренней жизни *міра*. Общинное начало при этомъ не пострадаетъ. Мы рѣшительно высказываемся противъ отмѣны передѣловъ и образованія изъ мірской земли подворныхъ участковъ въ вѣчномъ пользованіи, безъ права ихъ отчужденія, какъ предлагали нѣкоторые.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе по поводу незаслуженнаго нами упрека, въ смѣшеніи общины (міра) и артели. На страницѣ, слѣдующей за тою, изъ которой г. Кошелевъ взялъ цитату, говорится, что существуетъ *другая* область (кромѣ земледѣлія), гдѣ личнымъ дарованіямъ и личной предпріимчивости открывается широкое поле, — это кустарные промыслы. Нѣсколькими же страницами далѣе я настаиваю на необходимости *артельнаго* устройства этихъ промысловъ. *Міръ*, построенный на общинномъ землевладѣніи, легко вмѣститъ въ себѣ и артель.

Думаю, что г. Кошелевъ удовлетворится, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми изъ моихъ объясненій и, во всякомъ случаѣ, сниметъ съ меня обвиненіе *въ высокомѣріи* и *высокомудріи*. «*Русская Мысль*» подходитъ къ явленіямъ народной жизни безъ всякихъ предразсудковъ, съ глубокою любовью къ крестьянину и рабочему, съ сильномъ сочувствіемъ къ міру. Ошибаться, конечно, мы можемъ; но кто въ этомъ не грѣшенъ? *) Приношу мою ис-

*) Въ этомъ провинился и чортъ, съ которымъ недавно бесѣдовалъ о „Рус-

креннюю благодарность г. Кошелеву за его письмо въ редакцію «*Русской Мысли*,» которое дало мнѣ возможность развить нѣкоторыя неясныя, какъ оказалось, мѣста внутренняго обозрѣнія январской книги.

Когда это обозрѣніе уже было написано, мы прочли въ *Новомъ Времени* статью г. Беллюстина, въ которой почтенный авторъ возстаетъ противъ людей, считающихъ народную вѣру въ колдуновъ только суевѣріемъ. Г. Беллюстинъ дѣлаетъ очень правдоподобныя указанія на то, что *колдуны* не рѣдко пускаютъ въ ходъ отравленіе различными травами и т. п. На эту сторону вопроса необходимо, дѣйствительно, обратить серьезное вниманіе; но народная вѣра въ причину порчи, въ источникъ могущества *колдуна* останется, конечно, суевѣріемъ.

В. Г.

Г. Министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ губернаторамъ (6 февраля 1880 года) слѣдующій циркуляръ: «На основаніи 1937 и послѣдующихъ статей II т. I ч. общ. губ. учр., изд. 1876 года, и Высочайше утвержденнаго 9-го марта 1879 года положенія Комитета Министровъ (Собран. узак. 1879 года, № 51, ст. 245), губернскія и уѣздныя земскія собранія, а на основаніи 2050 и послѣдующихъ статей того же тома и части, и городскія думы могутъ издавать обязательныя для мѣстныхъ жителей постановленія по предметамъ благоустройства и охраненія народнаго здравія.» Г. министръ внутреннихъ дѣлъ считаетъ необходимымъ обратить вниманіе губернаторовъ на то, что «издаваемыя земскими и городскими общественными учрежденіями постановленія могутъ достигать своей цѣли лишь тогда, когда будутъ въ точности исполняемы мѣстнымъ населеніемъ»; а потому г. министръ проситъ принять самыя дѣйствительныя мѣры, чтобъ чины полиціи имѣли самое строгое наблюденіе за точнымъ и неослабнымъ исполненіемъ издаваемыхъ земскими и городскими общественными учрежденіями обязательныхъ постановленій. (*Прав. Вѣстникъ*, № 33).

Предназначенный къ открытію въ городѣ Дубно окружный судъ для уѣздовъ Луцкаго, Владиміръ-Волынскаго, Ковельскаго, Ровенскаго, Дубенскаго и Кременецкаго, Волынской губерніи,—учреждается въ городѣ Луцкѣ. (*Прав. Вѣстникъ*, № 34).

Въ № 35 «*Прав. Вѣст.*» напечатано Высочайшее повелѣніе «о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, кои были приписаны къ олонецкимъ казеннымъ горнымъ заводамъ—александровскому и кончезерскому, а также бывшихъ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ въ горно-заводской дачѣ волозминскаго завода и бывшихъ мастеровыхъ кончезерскаго завода».

ской Мысли“ г. „Незнакомецъ“ *Новаго Времени*: онъ сообщилъ г. Суворину о какой-то бабельмандебской *почвѣ*, тогда какъ существуетъ лишь проливъ этого имени. Г. Суворину надо найти сколько-нибудь образованнаго собесѣдника.

Въ № 36 «*Правит. Вѣстн.*» помѣщенъ циркуляръ техническо-инспекторскаго комитета желѣзныхъ дорогъ «о порядкѣ снабженія минеральнымъ топливомъ желѣзныхъ дорогъ и прочихъ потребителей, получающихъ таковое черезъ посредство Козлово-Воронежско-Ростовской желѣзной дороги». Въ слѣдующемъ № правительственной газеты напечатанъ подобный же циркуляръ, относящійся ко многимъ другимъ желѣзнымъ дорогамъ.

Высочайшее повелѣніе предоставляетъ врачамъ, командируемымъ отъ общества *Краснаго Креста* для дѣйствій противъ дифтерита, нѣкоторыя служебныя права и преимущества. (*Прав. Вѣст.* № 40-й).

Въ № 42 «*Правит. Вѣст*». напечатанъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату объ облегченіи въ уплатѣ недоимокъ, пеней и начетовъ, въ ознаменованіе исполнившагося двадцатипятилѣтія царствованія. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, князь Дондуковъ-Корсаковъ назначается командующимъ войсками харьковскаго военнаго округа и временнымъ харьковскимъ генералъ-губернаторомъ.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства юстиціи о дополненіи статей 251 и 252 улож. о нак., св. зак., т. XV., ч. I., изд. 1866 года). *мнѣніемъ положилъ*: Въ дополненіе означенныхъ статей постановить: «когда распространеніе указанныхъ въ статьяхъ 251 и 252 сего уложенія преступныхъ воззваній, сочиненій или изображеній, или же означенное въ тѣхъ статьяхъ публичное произнесеніе рѣчей, послѣдовали въ средѣ войска, а равно когда упомянутыя выше объявленія, воззванія, сочиненія или изображенія составлены съ цѣлію распространенія ихъ среди военно-служащихъ, то наказанія, опредѣленныя за сіи преступленія, возвышаются на двѣ степени». Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 15-го января 1880 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. («Прав. Вѣстн., № 46).

Окончательно просмотрѣнный особою коммиссіею проектъ мировыхъ учрежденій Прибалтійскаго края будетъ внесенъ въ государственный совѣтъ не ранѣе предстоящей осени. (*Голосъ*, № 48).

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разсматривается вопросъ объ измѣненіи ст. 5 *Положенія*, касающейся устройства по крестьянскимъ дѣламъ, въ томъ смыслѣ, чтобъ *выборы непремѣнныхъ членовъ* уѣздныхъ присутствій были перенесены изъ губернскаго собранія въ собранія уѣздныя, съ оставленіемъ существующаго нынѣ порядка только въ случаѣ несостоявшихся въ уѣздѣ выборовъ (ibid).

Въ № 54 «*Голоса*» профессоръ Таганцевъ помѣстилъ весьма интересную статью о кодификаціонномъ вопросѣ (т. е. свободное продолженіе 1876 года). Какъ извѣстно, въ этомъ продолженіи явились такія и весьма важныя постановленія, содержаніе которыхъ вовсе не оправдывается предше-

ствующими узаконеніями. Г. Таганцевъ указываетъ, между прочимъ, на то, что такимъ путемъ право министра внутреннихъ дѣлъ запрещать временно печатаніе объявленій въ подцензурныхъ изданіяхъ распространено на изданія, изъятыя отъ предварительной цензуры. Уважаемый профессоръ полагаетъ, что сенатъ кассировалъ бы подобное распоряженіе въ случаѣ подачи жалобы на примѣненіе статьи 55 по прод. 1876 года къ изданіямъ, не подчиненнымъ предварительной цензурѣ.

Въ мартовской книжкѣ *Юридическаго Вѣстника* помѣщено извѣстіе о губернскомъ дворянскомъ собраніи въ Тулѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ телеграммой увѣдомилъ предводителя дворянства, что по Высочайшему повелѣнію, вторая часть 238 ст., предоставляющая губернаторамъ право утверждать или не утверждать предводителей дворянства въ ихъ должности, исключается изъ свода законовъ. Вторая часть 238 статьи была внесена въ сводъ не законодательнымъ, а кодификаціоннымъ путемъ, т.-е неправильно. Дворянство Тульской губерніи единодушно и съ восторгомъ приняло выработанный особою коммиссіею проектъ адреса Государю Императору по случаю двадцатипятилѣтія царствованія. «Мы глубоко вѣруемъ, Государь, говоритъ адресъ, что Всеблагій Промыслъ, столь чудно хранящій Васъ, укажетъ Вамъ и путь къ искорененію крамолы и измѣны и къ прочному установленію мира и благоденствія—Какъ указалъ его родоначальнику Вашему—излюбленному избраннику земли русской, который, говоря словами дорогой для насъ грамоты: «промыслимъ общимъ совѣтомъ призванныхъ лучшихъ людей великаго Россійскаго Царства, какъ Государству стоять крѣпко и непоколебимо». Дворянство Тульской губерніи считаетъ своимъ долгомъ заявить Государю, что и оно сумѣетъ достойно отозваться на подобный призывъ со стороны Верховной Власти.

ЗЕМСТВО.

Земское Обозрѣніе.

Продовольственный вопросъ и экономическое положеніе сельскаго населенія.

Результаты прошлогодняго урожая вновь выдвигаютъ на очередь важный вопросъ, въ послѣдніе годы такъ часто обращавшій на себя вниманіе земскихъ учрежденій и дѣлавшійся предметомъ ихъ особенной заботливости, — вопросъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія. По свѣдѣніямъ, до сихъ поръ опубликованнымъ, оказывается, что во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи населеніе лишено продовольственныхъ средствъ и нуждается въ пособіи. Въ губерніяхъ Астраханской, Самарской, Саратовской, Оренбургской, Псковской, Вологодской и Вятской урожаи были неудовлетворительны, а въ Харьковской, при среднемъ урожаѣ, нѣкоторыя мѣстности, особенно въ уѣздахъ Купянскомъ, Старобѣльскомъ, Зміевскомъ и Изюмскомъ, могутъ быть, вслѣдствіе дороговизны хлѣба, поставлены въ затруднительное положеніе въ продовольственномъ отношеніи. Изъ правительственныхъ сообщеній, помѣщенныхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», видно, что для снабженія населенія пострадавшихъ мѣстностей средствами для продовольствія и посѣва приняты надлежащія мѣры и что, въ большинствѣ случаевъ, оказались для этого достаточными мѣстныя средства — хлѣбные запасы и губернскіе продовольственные капиталы; только двумъ губерніямъ — Саратовской, наиболѣе пострадавшей, и Псковской — потребовалась помощь со стороны государства; первой, потребность которой, при наличномъ продовольственномъ капиталѣ въ 231.000 р., простирается до 684.246 р., разрѣшена ссуда изъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала, въ размѣрѣ до 454.000 р., а послѣдней разсроченъ на три года платежъ ссуды въ 78.000 р., отпущенной ранѣе, разрѣшенъ вновь отпускъ 90.000 р., и сверхъ того, открытъ авансовый кредитъ въ 185.000 р., такъ какъ обстоятельныхъ свѣдѣній о размѣрѣ дѣйствительно могущей потребоваться помощи еще не имѣется. Пособіе Псковской губерніи потребовалось потому, что мѣстныя средства, за раздачею, въ прежнее время, большей части губернскаго продовольственнаго капитала въ ссуды, почти совер-

шенно истощились: продовольственнаго капитала осталось на-лицо только 21.000 р. Точно также истощены мѣстныя продовольственныя средства и въ Екатеринославской губерніи, гдѣ не только весь продовольственный капиталъ, составлявшій сумму въ 281.860 р. 24 к., израсходованъ полностію на выдачу ссудъ, но съ этою цѣлью позаимствовано еще изъ общаго по имперіи капитала 136.801 р. 22 к. и изъ мѣстнаго страховаго — 22.817 р. За недостаткомъ суммъ, назначенныхъ на продовольствіе, губернское собраніе разрѣшило управѣ кредитъ въ 50.000 р. изъ страховаго капитала (въ наличности 218.054 р.) для отпуска славяносербскому и екатеринославскому уѣздамъ, ходатайствующимъ о ссудѣ на продовольствіе — первый 20.000 р., а послѣдній — 3.000 р.

Острая форма болѣзни, такимъ образомъ, миновала; населеніе, принятыми мѣрами, избавлено отъ голода, посѣвы обезпечены. Но достаточно-ли этихъ мѣръ для того, чтобы спасти населеніе отъ пагубныхъ послѣдствій постигшаго его бѣдствія, не повлечетъ-ли за собой нынѣшній неурожай разстройства крестьянскаго быта, отъ котораго крестьянину не легко будетъ оправиться? Факты, относящіеся до прежнихъ неурожаевъ, съ полной очевидностью свидѣтельствуютъ, что временная помощь, какъ она ни необходима, не въ состояніи поддержать крестьянское хозяйство; что продовольственныя ссуды не избавляютъ его отъ упадка, доходящаго, въ случаѣ повторенія неурожаевъ, до крайнихъ предѣловъ, какъ то было въ недавнее время въ губерніяхъ Самарской, Вятской и Херсонской. Положеніе населенія, въ такихъ случаяхъ, настолько ухудшается, что поправить его крайне трудно. Въ Херсонской губерніи, напр., въ 1873 году, по словамъ мѣстной губернской земской управы, «въ пострадавшихъ мѣстностяхъ долгъ крестьянскихъ обществъ въ имперскій и губернскій продовольственный капиталы простирается отъ 10 до 15 руб. на мужскую душу народонаселенія. Кромѣ того, этимъ же обществамъ предстоитъ и пополненіе своихъ общественныхъ запасовъ, что составитъ на душу еще отъ 8 до 10 руб. Такимъ образомъ, можно считать, что на душу приходится долга по обезпеченію продовольствія около 20 руб. Такое положеніе едва ли возможно назвать благопріятнымъ; выпутаться изъ него крестьянину почти нѣтъ силы.» Для уясненія этого положенія, управа приводитъ слѣдующій разсчетъ: «Разсмотримъ домохозяина Херсонскаго уѣзда, у котораго, напр., 3 души муж. пола. Надѣлъ такого домохозяина составляетъ $16^1/_2$ дес.; изъ нихъ онъ долженъ оставить $^1/_3$ подъ выгонъ и сѣнокосъ и только $^2/_3$, т. е. 11 дес. онъ можетъ обработать и засѣять. Средній благопріятный урожай въ Херсонскомъ уѣздѣ должно считать въ 4 четверти на десятину, за исключеніемъ сѣмянъ, что составляетъ 44 четв. со всего надѣла. Для прокормленія своего семейства онъ долженъ оставить 15 четв., такъ какъ при трехъ мужскихъ душахъ надо считать еще 2 женскихъ, ибо, по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, среднее число душъ обоего пола въ семействѣ надо считать въ 5 человѣкъ. За вычетомъ прокормленія, домохозяину, слѣдовательно, ос-

тается 29 четв.; если считать, что каждая четверть можетъ быть имъ продана по 6 р., то, слѣдовательно, имъ можетъ быть выручено 174 р. Эти деньги онъ долженъ распредѣлить такимъ образомъ: на уплату продовольственнаго долга 60 р., на уплату выкупныхъ платежей 24 р., на уплату податей и другихъ сборовъ около 10 р. на душу, итого съ 3 душъ 30 р., а всего домохозяинъ, при 3-душевомъ надѣлѣ, долженъ уплатить 114 р., и, такимъ образомъ, у него останется 60 р., или 12 р. на душу, для удовлетворенія остальныхъ нуждъ—на одежду, другіе суррогаты продовольствія, кромѣ хлѣба, и на содержаніе своего хозяйства. Это—положеніе хозяина, который можетъ обработать самъ собственный надѣлъ, т. е. у котораго есть хотя пара воловъ или лошадей; но тотъ, у котораго не имѣется этихъ принадлежностей хозяйства, получитъ еще менѣе дохода, такъ какъ, по установившемуся обычаю, онъ за обработку земли долженъ уступить половину своего надѣла тому, кто снабдитъ его орудіями обработки; такимъ образомъ, доходъ его будетъ не 174 р., а слѣдующій: онъ получитъ 22 четв. хлѣба, изъ котораго, за отчисленіемъ 15 четв. на продовольствіе, въ состояніи будетъ продать 7 четв., выручивъ за нихъ 42 р., что составитъ всего третью часть того, что онъ долженъ уплатить въ теченіи года и что не даетъ ему возможности пополнить одного продовольственнаго долга. Крестьянъ, находящихся въ такомъ положеніи, въ пострадавшихъ мѣстностяхъ смѣло можно считать $^2/_3$ и, такимъ образомъ, при благопріятныхъ даже обстоятельствахъ, $^2/_3$ населенія являются несостоятельными и неоплатными должниками. Въ неблагопріятномъ-же положеніи, т. е. въ случаѣ неурожая, они потребуютъ вновь пособія и, слѣдовательно, вновь пріобрѣтутъ долгъ, изъ котораго уже не въ состояніи ихъ будутъ вывести самыя благопріятныя обстоятельства. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, накопившіяся на нихъ недоимки должны быть сложены съ нихъ, что уменьшитъ продовольственный капиталъ, или-же долгъ ихъ долженъ быть разложенъ на предметъ обложенія, если земство не желаетъ допустить уменьшенія продовольственнаго капитала»*).

Еще болѣе мрачную картину положенія населенія, истощеннаго неурожаями, мы находимъ въ докладахъ Орловской, Вятской губерніи, уѣздной земской управы 1875 года. Этому году предшествовали два неурожая—въ 1873 и 1874 гг., и, при посѣщеніи волостей членами управы, во всемъ уѣздѣ, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей въ южной его части, оказалась «выходящая изъ ряда обычной несостоятельность сельскаго населенія.» Во всѣхъ волостяхъ «слышалась нужда въ хлѣбѣ, вездѣ недостатокъ его, охватившій большую часть населенія, питавшагося еще въ началѣ 1875 года овсомъ, превращеннымъ въ муку, которая, безъ отдѣленія отъ нея мякины, употреблялась для печенія хлѣба. Только болѣе зажиточные имѣли возможность къ такой овсяной мукѣ прибавлять часть

*) „Сборникъ Херсонскаго земства“ 1874 г. № 4, отд. II, стр. 6.

ржаной муки, другіе-же, на оборотъ, овсяную муку съ мякиной смѣшивали, для увеличенія количества хлѣба, съ сорными травами — куколемъ и метлицей, при чемъ, оканчивая запасъ овса, принимались за употребленіе части, оставленной на сѣмена; иные, наконецъ, — а такихъ было не мало, — лишившись послѣднихъ средствъ, прибѣгали къ послѣднему способу существованія — нищенству, не только отдѣльными семействами, но даже цѣлыми селеніями отправляясь въ уѣзды Нолинскій, Уржумскій, Глазовскій и Яранскій. Это, однако, еще была не послѣдняя степень бѣдности, такъ какъ для того, чтобы отправиться зимою въ другіе уѣзды, въ качествѣ нищихъ, необходимо имѣть зимнюю одежду, а семейнымъ и лошадь; не имѣющіе ни того, ни другого вынуждены были нищенствовать въ ближайшихъ, почти столько же бѣдствующихъ селеніяхъ» *). Изъ 305 семействъ въ 91 селеніи, лично посѣщенныхъ членомъ управы г. Булычевымъ, ушли сбирать, за неимѣніемъ уже послѣднихъ средствъ, 190 семействъ, или 62,3%. При такомъ положеніи, крестьяне были вынуждены продать послѣдній скотъ; по сопоставленіи свѣдѣній о количествѣ скота, собранныхъ въ 1875 г., съ такими же свѣдѣніями за предыдущій годъ, оказалось, что въ одиннадцати волостяхъ не досчитываются лошадей 1041, рогатаго скота 9415, овецъ 3362 головы. Весь этотъ скотъ, вѣроятно, пошелъ въ продажу, ибо падежа за это время въ уѣздѣ не было **). Разъ населеніе дошло до такого крайняго положенія, всякая ссуда, въ особенности краткосрочная, можетъ принести только временную пользу — спасти его отъ голода, но возстановить разрушенный строй хозяйства она не въ состояніи. Какъ бы хорошъ ни былъ слѣдующій урожай, онъ не можетъ доставить крестьянину достаточныхъ средствъ для уплаты ссуды и для пріобрѣтенія вновь рабочаго инвентаря—скота и проч., распроданнаго въ голодное время, а безъ скота въ мѣстностяхъ нечерноземныхъ разсчитывать на сколько-нибудь удовлетворительный урожай невозможно. Мало того, хозяинъ, вынужденный продать свой инвентарь, нерѣдко совершенно бросаетъ землю и волей-неволей дѣлается пролетаріемъ. «Въ объясненіе того, какимъ образомъ происходитъ «опущеніе» земли, крестьяне, по словамъ г. Орлова, обыкновенно приводятъ пословицу: «держи возжи, покамѣстъ въ рукахъ, а какъ выронишь—не скоро поймаешь». Какая-нибудь несчастная случайность заставляетъ крестьянина оставить безъ обработки свою землю, а разъ «запустивши», онъ, въ большинствѣ случаевъ, уже не въ силахъ бываетъ завести хозяйство вновь и раззоряется. Раззореніе крестьянское иногда начинается съ неважнаго обстоятельства: падаетъ, напр., лошадь, или же самъ крестьянинъ продаетъ ее осенью «по нуждѣ»; для покупки весной новой лошади онъ не имѣетъ возможности скопить нужныхъ средствъ, занять же на это денегъ негдѣ («ни

*) Журналы Орловскаго уѣздн. зем. собр. 1875 г., стр. 123.
**) Тамъ же, стр. 202—279.

у кого нѣтъ охоты давать денегъ бѣдняку»), безъ лошади же нельзя обработывать землю, а безъ этого нечѣмъ прокормить корову; приходится и съ ней разстаться, и вотъ крестьянинъ идетъ на фабрику или въ чернорабочіе, но получаемыхъ имъ денегъ хватаетъ лишь на то, чтобы прокормиться съ семьей: недостатки накопляются, а о скопленіи нужныхъ средствъ для заведенія собственнаго хозяйства вновь уже и думать нечего.... Крестьянинъ по неволѣ дѣлается безземельнымъ *). Въ 1876 году Одесская уѣздная управа докладывала собранію, что число просьбъ о ссудахъ на обсѣмененіе полей было мало, между прочимъ, потому, что многіе крестьяне «въ послѣдніе два неурожая вполнѣ распродали скотину и лошадей и не имѣли нужды просить ссуды, такъ какъ не могли посѣяться. за отсутствіемъ рабочаго скота» **).

При такихъ обстоятельствахъ, сама собою обнаруживается полная неудовлетворительность дѣйствующей у насъ системы народнаго продовольствія. Получивши свое начало въ то время, когда государство стремилось къ борьбѣ съ дороговизною, когда оно, говоря словами Императрицы Екатерины II, желало, чтобы «цѣна хлѣба въ его рукахъ была», система эта была разсчитана исключительно на поданіе временной помощи въ случаяхъ чрезвычайныхъ. Учрежденные, согласно устава 1834 г., сельскіе хлѣбные запасные магазины, наполняемые самимъ населеніемъ изъ избытка урожаевъ, представляютъ не болѣе, какъ палліативы, имѣющіе крайне ограниченное значеніе.

Несостоятельность этой мѣры обнаружилась очень скоро послѣ освобожденія крестьянъ. Получивъ право распоряженія магазинами, крестьяне разобрали находившійся въ нихъ хлѣбъ и затѣмъ дальнѣйшее пополненіе ихъ остановилось, частію вслѣдствіе недостаточности надзора и понужденія, главнымъ же образомъ, потому, что собираемый съ крестьянскихъ надѣловъ хлѣбъ, въ большинствѣ случаевъ, едва хватаетъ на продовольствіе семьи, а излишковъ, которые одни могли бы быть употреблены на пополненіе магазиновъ, не бываетъ.

По свидѣтельству земскихъ управъ, магазины почти повсемѣстно пусты; мѣстами даже самыя зданія ихъ уничтожились ***). Земскія учрежденія, въ вѣдѣніи которыхъ находится продовольственная часть, въ настоящее время, много трудились надъ изысканіемъ средствъ для приведе-

---

*) Сборникъ статист. свѣд. по Московской губ. Изд. Моск. губ. земства т. I, стр. 119.

**) Земскій Ежегодникъ за 1876 г., стр. 441.

***) По произведенной въ 1877 г. ревизіи хлѣбныхъ магазиновъ въ Нижегородской губерніи оказалось, что хлѣбъ освѣжается не ежегодно: есть магазины, въ которыхъ онъ хранится болѣе 25 лѣтъ; большинство зданій требуетъ ремонта, есть магазины, совершенно пустые; есть общества, не имѣющія совсѣмъ запасовъ; есть общества, у которыхъ показывается хлѣбъ въ наличности, но магазиновъ не имѣется. („Земскій Ежегодникъ“ 1876 г., стр.408). По свѣдѣніямъ,

нія этого дѣла въ порядокъ, но всѣ старанія ихъ не приводили къ желаннымъ результатамъ. Наконецъ, одно изъ земствъ придумало рѣшительную мѣру—усилить наказанія за небрежное храненіе хлѣбныхъ запасовъ, неправильное ихъ расходованіе и собираніе. Ходатайство по этому предмету было передано министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на обсужденіе всѣхъ земскихъ собраній и большинство послѣднихъ отнеслось къ нему вполнѣ сочувственно; многія требовали усиленія наказаній, причемъ нѣкоторыя выразили желаніе, кромѣ должностныхъ лицъ, привлекать къ отвѣтственности и сельскія общества (Царевококшайское, Михайловское, Вятское губернское), другія указали на необходимость установленія болѣе строгихъ способовъ взысканія ссудъ съ заемщиковъ: Вятское уѣзд. зем. собр., напр., признало необходимымъ «просить правительство, по отношенію къ лицамъ, уклоняющимся отъ уплаты ссудъ, примѣнить въ полномъ объемѣ установленныя 187—191 ст. Полож. 19 февраля 1861 г. мѣры взысканія за неплатежъ государственныхъ податныхъ сборовъ», въ число каковыхъ мѣръ входятъ, какъ извѣстно, и продажа движимаго имущества, и отобраніе надѣла, и отдача недоимщика въ заработки.... Но въ средѣ земскихъ собраній нашлись и такія, которыя взглянули на дѣло иначе, которыя причину опустѣнія магазиновъ усмотрѣли не въ слабости наказаній. По мнѣнію Рязанскаго губ. собр., въ измѣненіи мѣры наказаній надобности не представляется, «такъ какъ вся система народнаго продовольствія обветшала, ненормальна и непопулярна и должна быть замѣнена новою; при нынѣшней же системѣ, никакое измѣненіе въ законахъ не оградитъ хлѣбные запасы отъ неудовлетворительнаго ихъ состоянія». Черниговское губернск. собр. тоже высказалось противъ увеличенія наказаній, въ виду того, что предусмотрѣнныя закономъ правонарушенія вызываются «бѣдностью и недостаткомъ самосознанія въ обществѣ». Херсонское губерн. собр. заявило «о преждевременности усиленія взысканій за самовольную или неправильную раздачу хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ и о настоятельной необходимости

собраннымъ въ этомъ же году Моск. уѣздн. з. упр., изъ 330 селеній и 29.273 душъ, не обратившихъ еще запасы въ денежный капиталъ, не имѣютъ въ наличности запасовъ 17.640 душъ, или 60,2%, менѣе ¼ установленнаго количества имѣютъ 3.929 д., или 13,4%, отъ ¼ до ½—3.630 д., или 12,6%, и болѣе половины—3074 д., или 10,5%. Изъ числа селеній первой группы 70, съ 5799 душами, не имѣютъ и магазиновъ. (Жур. М. у. з. с. 1877 г., отчетъ упр., стр. 81). Въ Глазовскомъ у., Вятской губ., магазины истощены до крайности: хлѣбъ въ нихъ въ высшей степени неудовлетворительнаго качества, такъ что на продовольствіе его можно употреблять въ рѣдкихъ случаяхъ, а на посѣвъ онъ совсѣмъ не годится, такъ какъ крестьяне сбываютъ въ магазины худшій хлѣбъ. (З. Е. 1877 г., стр. 186). Въ Области Донскаго Войска магазины, въ большинствѣ случаевъ, оказались не годными для храненія, частію опустѣвшими, частію наполненными залежалымъ, испорченнымъ хлѣбомъ; недоимки накопились до огромныхъ размѣровъ (ibid, стр. 187).

принятія предупредительныхъ мѣръ, къ числу которыхъ должно быть отнесено составленіе и изданіе устава народнаго продовольствія» *).

Какую, въ самомъ дѣлѣ, можетъ принести пользу хотя бы жестокое наказаніе сельскаго старосты за непополненіе хлѣбныхъ запасовъ, если непополненіе это происходитъ отъ неимѣнія у крестьянъ хлѣба, который могъ бы быть засыпанъ; а недостатокъ хлѣба ощущается въ очень многихъ мѣстностяхъ. «По послѣднимъ свѣдѣніямъ статистическаго комитета,—говоритъ гл. кн. С. В. Волконскій въ поданной въ Рязанское губернск. собраніе 1878 г. запискѣ,—все населеніе Рязанской губерніи составляетъ 1.562.110 человѣкъ обоего пола; изъ нихъ сельскаго крестьянскаго населенія 1.377.092 чел. Всей пахатной земли въ губерніи 1.849.240 дес., въ томъ числѣ принадлежащей крестьянскимъ сельскимъ обществамъ 1.270.706 дес.; слѣдовательно, при трехпольномъ сѣвооборотѣ, крестьяне-общинники имѣютъ въ каждомъ полѣ по 423.568 дес. Средній урожай съ хорошей и дурной десятины, за исключеніемъ сѣмянъ, составляетъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ губернскою управою, 46 мѣръ ржи и 60 мѣръ овса; въ сложности годовой урожай съ крестьянскихъ полей приноситъ: ржи 2.435.516 четв. и приносилъ бы 4.176.760 четв. овса, еслибы яровыя поля не засѣвались другими, кромѣ овса, хлѣбами. 2.435.516 четв. ржи составляютъ по 14 мѣръ съ гарнцемъ на человѣка крестьянскаго населенія, въ обрѣзъ столько, сколько нужно на годичное прокормленіе. Мужскаго крестьянскаго населенія въ губерніи 672.767 человѣкъ; слѣдовательно, по закону, на обезпеченіе народнаго продовольствія (по одной четверти ржи и по получетверти овса на мужскую душу) должно находиться въ запасныхъ магазинахъ 672.767 четв. ржи и 336.383 четв. овса, или, при замѣнѣ этого количества хлѣба деньгами, нуженъ капиталъ въ 4.527.979 руб. Понятіе о томъ, насколько удобно и возможно хранить такой капиталъ, зависитъ отъ точки зрѣнія на свойство и характеръ учрежденій, которыя завѣдуютъ этой операціей и среди которыхъ они дѣйствуютъ. Экономическія же послѣдствія этого изъятія изъ средствъ народа такого большаго капитала врядъ ли могутъ быть признаны полезными даже въ виду обезпеченія его продовольствія. Что же касается до сбора хлѣба натурой въ размѣрѣ 672.767 четвертей ржи изъ 2.435.516 четв., то-есть четвертой части всего средняго урожая съ крестьянскихъ общественныхъ полей, то такое дѣйствіе равносильно постоянному содержанію народа въ недостаточномъ обезпеченіи его продовольствія, такъ какъ и полнаго средняго урожая, безъ вычета изъ него 672.767 четв., только въ обрѣзъ хватаетъ на пропитаніе. При такихъ условіяхъ, говоритъ кн. Волконскій, слѣдуетъ заботиться не о томъ, какими административными мѣрами заставить крестьянъ исполнять требованія закона, на практикѣ неисполнимаго, а о томъ, какія слѣдуетъ внести въ законъ измѣненія для дѣйствительнаго, а не фиктивнаго

*) Земскій Ежегодникъ за 1877 г., изд. В. Э. Общ., стр. 207—217.

обезпеченія народнаго продовольствія»*). Взамѣнъ существующей системы народнаго продовольствія, кн. Волконскій, въ другой запискѣ, представленной имъ,вмѣстѣ съ кн. Н. С. Волконскимъ, въ той же сессіи, предлагаетъ собранію и иную. По его мнѣнію, въ основаніе новаго порядка должно быть принято два начала: вопервыхъ, обезпеченіе народнаго продовольствія должно быть дѣломъ земскимъ, всесословнымъ; вовторыхъ, мѣры должны быть сообразованы съ нашимъ теперешнимъ экономическимъ положеніемъ. Исходя изъ этихъ началъ, кн. Волконскіе предлагаютъ такую организацію: «Такъ какъ единицами земскаго самоуправленія, говорятъ они, служатъ губерніи и уѣзды, то какъ въ губерніи, такъ и въ каждомъ изъ уѣздовъ должны быть образованы всесословные земскіе продовольственные капиталы: уѣздные для того, чтобы изъ нихъ раздавать ссуды нуждающимся, губернскій—чтобы приходить въ помощь уѣздамъ, когда у уѣздовъ средствъ не хватитъ. Для того, чтобы ссуды изъ уѣзднаго капитала не тратились зря и шли въ дѣло, а равно и для обезпеченія ихъ возврата земству, слѣдовало бы эти ссуды выдавать не иначе, какъ подъ имущественное обезпеченіе тѣхъ лицъ, кому онѣ выдаются. Обезпеченіемъ могло бы служить всякое недвижимое и даже движимое имущество. Для лицъ, которыя собственнаго обезпеченія представить не могутъ, можно бы установить выдачу ссудъ подъ ручательство не менѣе двухъ лицъ, имѣющихъ такое имущество, которое служило бы обезпеченіемъ уплаты. Наибольшій размѣръ ссудъ могъ бы быть опредѣляемъ земскимъ собраніемъ. Само собою разумѣется, что ссуды эти выдавались бы заемщикамъ безъ различія сословій. Этимъ способомъ, заключаютъ авторы предложенія, былъ бы обезпеченъ кредитъ для тѣхъ лицъ, которыя нуждаются въ пособіи временно», что же касается до такихъ, которыя нуждаются въ поддержкѣ постоянно, то кн. Волконскіе указываютъ на необходимость организаціи системы общественнаго призрѣнія, въ связи съ приходскими попечительствами**).

Изъ сказаннаго очевидно, что, признавая нецѣлесообразность существующей продовольственной системы, авторы записки сами, однако, стоятъ на одинаковой съ нею точкѣ зрѣнія, видя все спасеніе въ устраненіи временной нужды и не заботясь объ устраненіи причинъ, ее вызывающихъ. Повидимому, расширяя свою задачу, ставя продовольственную организацію на земскую, всесословную почву, они въ то же время значительно съуживаютъ кругъ ея дѣйствія. На основаніи нынѣшнихъ законовъ, право на ссуду изъ продовольственныхъ запасовъ—хлѣбныхъ и денежныхъ, имѣетъ каждый членъ общества, лишь бы онъ дѣйствительно нуждался въ пособіи; между тѣмъ, по мысли кн. Волконскихъ, продовольственная ссуда должна быть доступна только лицамъ состоятельнымъ, спо-

*) Журналы Ряз. г. з. с. 1878 г., стр. 56.
**) Тамъ же, стр. 443.

собнымъ представить имущественное обезпеченіе. Если принять въ соображеніе скудное имущественное положеніе крестьянъ, то окажется, что доступъ къ пользованію «всесословнымъ» продовольственнымъ капиталомъ будетъ закрытъ для самаго многочисленнаго изъ составляющихъ земство сословій. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ однимъ изъ авторовъ разсматриваемой записки,—кн. Н. С. Волконскимъ, оказывается, что большинство крестьянъ, изслѣдованнаго имъ, Раненбургскаго уѣзда обладаетъ самымъ ничтожнымъ достаткомъ и развѣ немногіе изъ нихъ имѣютъ возможность, надлежащимъ образомъ, обезпечить нужныя имъ ссуды. «Достатки крестьянина—говоритъ почтенный гласный въ своемъ докладѣ о ревизіи волостей Раненбургскаго уѣзда,—даже самаго зажиточнаго, такъ малы, что даже въ хорошій годъ ихъ только хватаетъ, чтобы справиться съ тремя задачами:—какъ скотъ прокормить, какъ подати уплатить и какъ самому сыту быть, а сберегать и откладывать на черный день рѣшительно нечего». При обходѣ дворовъ, автору встрѣтились такія явленія: «ни скотины на дворѣ, кромѣ исхудалыхъ и зазябшихъ лошадей, въ лучшихъ случаяхъ—кладушки на гумнѣ; риги и дворы раскрыты и разобраны на топливо; пустыя избы, въ перемежку съ биткомъ набитыми народомъ, ожидающимъ своей очереди лѣзть погрѣться на печку, на которой хватаетъ мѣста однимъ только дѣтямъ» *). При такомъ положеніи крестьянства, объ имущественномъ обезпеченіи продовольственныхъ ссудъ не можетъ быть и рѣчи. Но устраняя даже указанное, коренное неудобство предложенія кн. Волконскихъ, лишающее его, въ нашихъ глазахъ, всякаго значенія, нельзя признать, чтобы образованіе земскаго продовольственнаго капитала подвинуло дѣло впередъ, если за нимъ сохранится то же назначеніе, какое имѣютъ капиталы существующіе. Правда, такой капиталъ усилитъ средства, могущія послужить пособіемъ на случай крайней нужды, что весьма важно въ губерніяхъ, подобно Псковской и Екатеринославской, давно истощившихъ всѣ запасы, но будучи употребляемъ исключительно на выдачу ссудъ на посѣвъ и продовольствіе, онъ, во многихъ губерніяхъ, будетъ капиталомъ мертвымъ и окажетъ весьма мало пользы мѣстности. Насколько мало полезны существующіе продовольственные капиталы, при ихъ нынѣшнемъ положеніи, видно изъ примѣра Рязанской губерніи, населеніе которой наличнымъ губернскимъ капиталомъ пользуется въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. По словамъ самого кн. С. В. Волконскаго, всѣхъ ссудъ за девять лѣтъ было выдано 72.504 р. 90 к., т. е., среднимъ числомъ, по 8.056 р. 10 к. въ годъ, что составляетъ, при размѣрѣ капитала, къ 1875 году, въ 402.197 р. 27 к., всего 2%**). Тоже встрѣчаемъ и въ Московской губерніи. Здѣсь капиталъ, переданный земству въ размѣрѣ 272.413 р. 96 к.,

*) Доклады членовъ Рязанской губ. з. у. о ревизіи уѣздовъ. 1876 г. М. 1877, стр. 455.

**) Обзоръ земской дѣятельности Рязанской губ. за девятилѣтіе съ 1866 по 1875 г., стр. 51.

вслѣдствіе выгоднаго его помѣщенія, къ 1-му іюля 1874 г. возросъ до 493.079 р. 33¼ к.; ссудъ изъ него, выдаваемыхъ «только въ крайнихъ случаяхъ, когда необходимость удостовѣрена уѣздною управою», въ теченіи 6½ лѣтъ, отпущено 72.656 р. 85¾ к., т. е., среднимъ числомъ, по 11.177 р. 96 к. въ годъ, что составляетъ 2.2% капитала. Самая крупная выдача, въ 1872 г., простиралась до 50.274 р. 78½ к., но даже и въ этомъ году, принадлежащемъ къ числу самыхъ неурожайныхъ, четыре уѣзда ссудами не пользовались. Въ другомъ неурожайномъ году — 1877, было роздано только 18.143 р. Капиталъ между тѣмъ продолжалъ возрастать и къ 1 января 1879 г. составлялъ уже 626.277 р. 13½ к. (изъ нихъ въ ссудахъ и займахъ 113.771 р. 30 к.*). Ничтожное количество ссудъ, выдаваемыхъ изъ продовольственныхъ капиталовъ, отнюдь, однако, не доказываетъ, чтобы населеніе не нуждалось въ пособіи, напротивъ, въ Московской губ. крестьяне ежегодно дѣлаютъ весьма значительные займы, на условіяхъ, конечно, не столь льготныхъ, какъ ссуды изъ продовольственнаго капитала. Крестьянское населеніе одного Московскаго уѣзда, напр., по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Орловымъ, ежегодно занимаетъ у ростовщиковъ приблизительно 70.000 р., уплачивая, въ среднемъ выводѣ, по 40%, причемъ 60% займовъ имѣютъ цѣлью покупку сѣмянъ, 32% уплату податей, 3½% наемъ земли и 4½%—разныя другія нужды**). Между тѣмъ самъ Московскій уѣздъ обладаетъ отдѣльнымъ отъ губернскаго капиталомъ, образовавшимся отъ обращенія хлѣбныхъ запасовъ въ деньги, въ размѣрѣ, къ 1 января 1879 г., 50.818 р. 31 к., но изъ него, въ среднемъ выводѣ за четыре года—1875—1878—выдается ежегодно по 977 р. 64 к. ***). Причина такого страннаго явленія—крупныхъ крестьянскихъ займовъ на сторонѣ при существованіи значительнаго наличнаго общественнаго капитала—объясняется, съ одной стороны, затруднительностью, съ которой сопряжено полученіе ссудъ, вслѣдствіе сложности установленной закономъ 21 мая 1874 г., процедуры ихъ разрѣшенія, съ другой — правиломъ, въ силу котораго общественнымъ «хлѣбнымъ» капиталомъ (такъ же какъ и натуральными запасами) можетъ пользоваться только то общество, которому капиталъ этотъ принадлежитъ; наконецъ, цѣль, для которой могутъ быть выдаваемы ссуды, слишкомъ ограничена: какъ изъ губернскаго, такъ и изъ общественныхъ капиталовъ онѣ разрѣшаются только для продовольствія и обсѣмененія полей, въ случаѣ недостатка хлѣба, и не могутъ служить для удовлетворенія другихъ потребностей сельскаго населенія. Одна изъ такихъ, весьма настоятельныхъ

*) Обзоръ положенія земск. дѣла въ Московской губ., съ открытія земск. учр. по 1874 г., стр. 81 и слѣд., и Докладъ Московской г. з. у. по народному продовольствію 1879 г.

**) Назв. „Сборникъ стат. свѣд.“, т. I, стр. 134.

***) Журналы М. у. з. с. за 1876—1878 гг. и докладъ упр. по народн. продов. 1879 г.

потребностей была заявлена въ 1877 году Тверскому губернскому земскому собранію. Въ этомъ году, во многихъ селеніяхъ нѣсколькихъ волостей, а также у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, Бѣжецкаго уѣзда, выпалъ отъ чумы почти весь рогатый скотъ, и нѣкоторыя селенія обратились съ просьбою о ссудѣ на покупку скота. Признавая ссуды на этотъ предметъ крайне необходимыми для поддержанія хозяйства, Бѣжецкая уѣздная управа ходатайствовала объ отпускѣ изъ губернскаго продовольственнаго капитала 10.000 р., съ тѣмъ, чтобы пособіе было оказываемо не однимъ сельскимъ обществамъ, но и частнымъ владѣльцамъ. Губернское собраніе, не смотря на букву закона, признало возможнымъ удовлетворить это ходатайство по отношенію къ крестьянамъ и въ то же время поручило управѣ разработать вопросъ объ образованіи земскаго продовольственнаго капитала, ссудами изъ котораго могли бы пользоваться нуждающіеся безъ различія сословій *). Порученіе это, на сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не исполнено.

Такое расширеніе задачи продовольственнаго капитала составляетъ весьма важный шагъ впередъ, устраняя одинъ изъ недостатковъ существующей продовольственной системы, но, къ сожалѣнію, оно не практикуется другими земствами. Другое неудобство, указанное выше, и заключающееся въ томъ, что общественные запасы, хотя бы и не нужные для того общества, которому они принадлежатъ, не могутъ быть употребляемы для удовлетворенія нуждъ другихъ обществъ, было замѣчено въ прошедшемъ году харьковскимъ земствомъ. При обсужденіи способовъ пріобрѣтенія, на болѣе выгодныхъ условіяхъ, хлѣба для нуждающихся мѣстностей, собраніе признало необходимымъ допустить позаимствованіе хлѣба, или покупку его изъ сельскихъ магазиновъ однихъ уѣздовъ въ пользу другихъ, на установленныхъ для того основаніяхъ. Предположеніе это было представлено на разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое, признавъ изъясненную мѣру, по исключительнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, вполнѣ цѣлесообразною, входило по этому предмету въ комитетъ министровъ, по положенію коего, Высочайше утвержденному 25 января текущаго года, осуществленіе этой мѣры разрѣшено съ тѣмъ, 1) чтобы она имѣла примѣненіе лишь въ случаяхъ настоятельной потребности и не иначе, какъ съ согласія подлежащихъ сельскихъ обществъ; 2) чтобы позаимствованія хлѣба, подъ отвѣтственностью земства, были возмѣщены изъ перваго урожая; 3) чтобы при покупкѣ земствомъ хлѣба, вырученныя за него суммы были передаваемы въ вѣдѣніе уѣздныхъ земскихъ управъ, по принадлежности, соотвѣтственно принятому порядку храненія сельскихъ и общественныхъ капиталовъ; 4) чтобы передача означенныхъ суммъ крестьянамъ была допускаема не прежде, какъ по возмѣщеніи ими самими сдѣланныхъ для продажи позаимствованій, или же въ уплату за вновь купленный изъ новаго

*) Протоколы Тверскаго г. з. с. за 1877 г., стр. 70 и 362.

урожая хлѣбъ для пополненія магазиновъ, съ предоставленіемъ, въ семъ послѣднемъ случаѣ, въ распоряженіе крестьянскихъ обществъ собственно разницы между продажною и покупною цѣною хлѣба *). Приведенная мѣра, будучи распространена и на общественные продовольственные капиталы, гдѣ они есть, (въ Рязанской губ., напр. такихъ капиталовъ было въ 1875 году 543,630 р. въ 8 уѣздахъ, а въ Московской—въ 1879 году въ 8 уѣздахъ — 252,963 р. 22 к.) могла бы принести существенную пользу, ибо, въ такомъ случаѣ, селенія, не обладающія капиталами, могли бы пользоваться кредитомъ на выгодныхъ условіяхъ, не прибѣгая къ помощи ростовщиковъ, весьма часто раззорительной.

Какъ бы полезны сами по себѣ ни были приведенныя частныя мѣры, онѣ все-таки недостаточны для полнаго обезпеченія народнаго продовольствія, ибо недостатокъ продовольственныхъ средствъ, особенно рѣзко обнаруживающійся при неурожаяхъ, обусловливается не какими либо временными, случайными причинами, а общимъ строемъ экономическаго быта сельскаго населенія. Продовольственная ссуда, говорила въ 1872 г. назначенная Смоленскимъ губернскимъ собраніемъ коммиссія, «лишь мѣра паллиативная, такъ какъ, при существующихъ данныхъ, нѣтъ ручательствъ въ томъ, что даже въ ближайшемъ будущемъ, при первомъ неурожаѣ въ губерніи, мѣстное сельское населеніе, не уплативъ еще стараго продовольственнаго долга, и обремененное всевозможными громадными недоимками по разнымъ податямъ и сборамъ, не будетъ вынуждено снова, и еще, можетъ-быть, въ высшемъ размѣрѣ, прибѣгать къ новымъ правительственнымъ ссудамъ. Такой фактъ ставитъ и сельское населеніе, и земство губерніи, и самое правительство въ положеніе, далеко не нормальное» **) Справедливость такого мнѣнія подтверждается опытомъ Смоленской губерніи, хозяйственное положеніе населенія которой настолько подорвано, что даже обыкновенный неурожай ставитъ его въ крайне затруднительное положеніе.

«Не будучи въ состояніи поддерживать себя, въ данномъ случаѣ, заблаговременно и исподоволь приготовленными запасами, крестьяне, говоритъ гл. Д. Н. Потемкинъ, не могутъ обходиться безъ частныхъ займовъ, а иногда и безъ помощи правительства. Примѣръ мы видимъ въ неурожаѣ 1867 г., который ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ неурожайныхъ годовъ не отличался, а, между тѣмъ, повелъ не только къ затратѣ всего земскаго продовольственнаго капитала, но и къ обремененію губерніи, сверхъ того, громаднымъ займомъ, разрѣшеннымъ правительствомъ. Частные займы, безъ которыхъ, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, рѣдкій годъ обходятся, чрезвычайно тягостны по своимъ условіямъ. Вынужденные осенью уплачивать не только свои долги, но и 25—50% на сумму занятаго хлѣба или денегъ, крестьяне, даже въ годы урожайные, не всегда могутъ

*) Правительственный Вѣстникъ 1880, № 26.

**) Журн. 8 очер. Смоленскаго г. з. с. 1872 г., прилож.

удовольствоваться своимъ хлѣбомъ и, для поддержанія себя и своихъ семействъ, должны входить опять въ новые, въ той же мѣрѣ раззорительные долги. Многіе, такимъ образомъ, поставлены въ положеніе безвыходное».*)

Вотъ почему разрѣшеніе продовольственнаго вопроса, такъ часто выдвигающагося у насъ на очередь, не возможно безъ устраненія общихъ причинъ, вліяющихъ на неудовлетворительное положеніе крестьянскаго хозяйства. Пособія временныя, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, безъ сомнѣнія, необходимы, но кромѣ ихъ необходимы мѣры предупредительныя, направленныя къ устраненію причинъ, вызывающихъ эти чрезвычайные случаи. Именно такая постановка продовольственнаго дѣла была предложена гласнымъ Московскаго губернскаго земскаго собранія профессоромъ В. Н. Лешковымъ. Проводя, подобно кн. Волконскимъ, мысль объ образованіи земскаго продовольственнаго капитала, г. Лешковъ исходитъ изъ другой точки зрѣнія.

«Продовольственный сборъ, говоритъ онъ, разсчитанъ на то, чтобы въ данный моментъ нужды и крайности имѣть подспорье для устраненія опасности умереть отъ голодной смерти. Но, такимъ образомъ, мы вѣчно боремся только съ явленіями, съ извѣстными слѣдствіями причинъ, которыхъ здѣсь не касаемся. Стало быть, московская губернія будетъ вѣчно въ борьбѣ: запасы насъ спасли отъ той или другой бѣды, мы запасы уничтожили, опять ихъ нѣтъ; опять является бѣда—мы снова дѣлаемъ запасы и снова съѣдаемъ ихъ. Лѣтъ черезъ 7—8 повторяются эти бѣды, но онѣ могутъ повторяться и чаще. Мы признаемъ зло, но ничего не дѣлаемъ, чтобы устранить причины, которыя могутъ вести къ этимъ бѣдамъ, мы нисколько не уничтожаемъ ихъ дѣйствія, и намъ вѣчно будетъ грозить опасность». Причины зла различны. Какъ на таковыя, почтенный гласный указываетъ на недостатокъ нашихъ сельскихъ путей сообщенія и на упадокъ сельскаго хозяйства. «Говорятъ намъ, замѣчаетъ онъ, что сельское хозяйство у насъ въ Россіи не развивается потому, что существуетъ общинное владѣніе; но и помѣщики наши не могутъ похвалиться вполнѣ успѣшнымъ веденіемъ дѣла. Не отъ формы землевладѣнія зависитъ этотъ неуспѣхъ, а отъ другихъ причинъ—отъ отсутствія капитала. Можно будетъ придти на помощь нашимъ крестьянамъ и вообще землевладѣльцамъ въ ихъ сельскихъ предпріятіяхъ, съ тѣмъ капиталомъ, который будетъ собранъ въ губерніи со всѣхъ элементовъ земства. Теперь этого кредита не существуетъ, но этого рода учрежденіе могло бы быть полезно.» «Моя мысль—заключилъ г. Лешковъ—состоитъ въ томъ, чтобы образовать капиталъ, пригласивъ всѣ элементы земства участвовать въ образованіи этого капитала, который постоянно возрастая, могъ бы уничтожить причины зла, такъ какъ можно было бы что-нибудь сдѣлать и противъ самой причины неурожая».

---

*) Письмо къ предсѣдателю бывшей въ 1871 г. правительственной коммиссіи для изслѣдованія причинъ обѣдненія Смоленской губ., т. с. Гирсу. Ж. Смоленскаго г. з. с. 22 марта 1872 г. стр. 55.

Мысль эта, вполнѣ заслуживающая серьезнаго вниманія, не встрѣтила сочувствія со стороны собранія, которое ее не поняло или не захотѣло понять. Уже въ началѣ предсѣдатель собранія гр. А. В. Бобринскій пытался отклонить ее,—подъ тѣмъ предлогомъ, что записка г. Лешкова «касается не одной московской губерніи» и потому не можетъ подлежать обсужденію; но когда этотъ пріемъ оказался неудачнымъ, противъ нея было направлено другое оружіе. Предсѣдатель пустилъ ее на обсужденіе въ постановкѣ, не лишенной комическаго оттѣнка, заявивъ, что «В. Н. Лешковъ внесъ три предложенія: 1) обложить всѣ единицы обложенія московской губерніи въ пользу продовольственнаго капитала; 2) употребить этотъ капиталъ, кромѣ вспомоществованія, и на улучшеніе проселочныхъ дорогъ; 3) придти на помощь сельско-хозяйственнымъ предпріятіямъ»; затѣмъ заявленная мысль подверглась нападеніямъ, не касавшимся, впрочемъ, ея сущности. Возражали, что наличныхъ суммъ продовольственнаго капитала достаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей продовольствія, что земство не имѣетъ права дать этому капиталу другаго назначенія, кромѣ того, которое дано ему закономъ, что проселочныя дороги не находятся въ вѣдѣнія земства и т. д. Одинъ изъ гласныхъ—Д. Д. Голохвастовъ—призналъ это предложеніе «ошибочнымъ въ исходной точкѣ и неправильнымъ» не объяснивъ, впрочемъ, въ чемъ заключается ошибочность; другой — А. А. Оленинъ, заявилъ, что «предложеніе В. Н. Лешкова заключалось въ какомъ-то идеальномъ предложеніи, разрѣшать которое губернскому земству чрезвычайно трудно....» Ссылаясь на слова г. Голохвастова, что разсмотрѣніе этого предложенія неудобно въ виду войны (дѣло происходило въ январѣ 1877 г.), ораторъ рѣшительно восклицаетъ: «а я скажу, что это неудобно даже и въ мирномъ настроеніи и почти невозможно для осуществленія. Мы этимъ предложеніемъ только затрудняемъ собраніе». Что такъ смутило оратора, этого изъ его мало, впрочемъ, относящейся къ дѣлу, рѣчи не видно. Въ виду подобныхъ заявленій и очевиднаго нежеланія обсудить возбужденный вопросъ съ той серьезностью, какой онъ заслуживалъ, г. Лешковъ поспѣшилъ взять его назадъ, вѣроятно, для того, чтобы не «затруднять собраніе» *).

Столь недружелюбно принятое московскимъ земствомъ предложеніе ставило продовольственное дѣло совершенно правильно. Какъ мы уже сказали, краткосрочныя ссуды не могутъ принести существенной пользы въ тѣхъ случаяхъ, когда весь хозяйственный строй подорванъ, когда недостатокъ продовольственныхъ средствъ составляетъ явленіе не случайное, не временное, а постоянное. Разсматривая причины частыхъ неурожаевъ, мы найдемъ, что, въ большинствѣ случаевъ, онѣ обусловливаются упадкомъ хозяйства, истощеніемъ почвы. Неурожай, отъ котораго, въ настоящее время, страдаютъ нѣкоторыя части Саратовской губерніи, «кромѣ атмосферическихъ причинъ, при отсутствіи правильнаго сѣвооборота, обусловливался и хищническимъ способомъ хо-

*) Журналы Московскаго г. з. с. январь 1877 г., стр. 226—237.

зяйства. Приволжскіе крестьяне, въ полосѣ, шириною около 70 верстъ внутрь губерніи, пренебрегаютъ ржаными посѣвами, какъ не дающими имъ той денежной выгоды, какая получается отъ посѣва пшеницы въ урожайный годъ, и хотя неурожайные годы заставляютъ ихъ часть полей засѣвать рожью, но, затѣмъ, въ первый же урожайный годъ они, большею частью, бросаютъ посѣвъ ржи и обращаются снова къ яровымъ хлѣбамъ. Кромѣ того, при отсутствіи ржаныхъ посѣвовъ и по недостатку въ иныхъ мѣстахъ земли, большею частью, пшеница сѣется по пшеницѣ-же, и это продолжается въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ, такъ что, при сколько-нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, земля отказывается производить». (Правит. Вѣстн. 1880 г., № 18). Одинъ изъ наиболѣе страдающихъ отъ неурожая уѣздовъ—Мглинскій, Черниговской губерніи, по словамъ члена мѣстной губернской земской управы И. Г. Рашевскаго, «неминуемо долженъ сдѣлаться постояннымъ нахлѣбникомъ остальныхъ уѣздовъ губерніи, ибо разстройство его хозяйства —не временныя причины, а результатъ въ корнѣ неосновательнаго и немогущаго долго просуществовать экономическаго положенія. Почва либо песчаная, либо глинистая и суглинистая, производящая частыя вымочки, вообще мало плодородна, а, между тѣмъ, какъ извѣстно, выкупная плата несоразмѣрно велика. Обыватели изъ своего надѣла пользуются въ большинствѣ случаевъ только, такъ называемымъ, огородникомъ и пригородникомъ, которые засѣваютъ коноплей, свою-же землю для хлѣбныхъ посѣвовъ запахиваютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не удается взять съ извѣстной части сбора земли у крупнаго владѣльца, такъ какъ неудобряемыя никогда земли надѣловъ потеряли въ значительной степени способность производить; навозу едва хватаетъ на то, чтобы поддержать конопляники, эту единственную доходную статью ихъ скуднаго хозяйства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ко всѣмъ этимъ хозяйственнымъ невзгодамъ прибавляется еще то, что сельскимъ обществамъ приходится платить за такіе надѣлы, которымъ хозяевъ нѣтъ, которыхъ нѣтъ возможности удобрить и которые потому пустѣютъ. Недостатокъ въ рабочемъ скотѣ доходитъ до анекдотическихъ размѣровъ: двѣ, три семьи вмѣстѣ содержатъ одну лошадь; бываютъ примѣры того, что человѣку усиліемъ собственныхъ мышцъ приходится тягать соху» *). По свѣдѣніямъ, собраннымъ Высочайше учрежденной коммиссіей для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, въ Псковской губерніи «урожаи на крестьянскихъ поляхъ слабы и незначительны, вслѣдствіе недостатка удобренія и небрежности обработки пашни»; въ Калужской—«у крестьянъ, при ограниченности земельнаго надѣла, не можетъ быть рѣчи объ увеличеніи запашекъ, тѣмъ болѣе, что часть и этой земли остается нерѣдко незасѣянною, вслѣдствіе недостатка въ сѣменахъ;» въ Вятской—«поля крестьянскихъ хозяйствъ истощены не раціональнымъ пользованіемъ въ продолженіи столѣтій; исто-

*) Земскій Сборникъ Черниговской губ., 1875 г., №№ 9—10, стр. 28.

ценная и не особенно богатая почва въ большинствѣ уѣздовъ губерніи непремѣнно и постоянно требуетъ удобренія». Въ Сызранскомъ уѣздѣ, Симбирской губ., «многія мѣстности быстро подвигаются къ роковому истощенію почвы», такъ же какъ и въ Пензенской губерніи, гдѣ «производительныя силы земли съ каждымъ годомъ замѣтно истощаются; наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ лѣтъ доказываютъ, что земля съ каждымъ годомъ дѣлается непроизводительнѣе и трудъ хлѣбопашца менѣе и менѣе вознаграждается: урожай самъ 8—10 въ послѣднее время составляетъ исключеніе, а самъ 2—6 дѣлается явленіемъ обыкновеннымъ». Въ одномъ изъ уѣздовъ этой губерніи—Саранскомъ посѣвы уменьшаются, «потому что земля годъ отъ году выпахивается и, наконецъ, нѣкоторыя десятины оставляются, какъ не могущія дать дохода», хотя, впрочемъ, «число такихъ пока еще незначительно». О Тамбовской губерніи узнаемъ тоже: по свидѣтельству одного землевладѣльца Козловскаго уѣзда, «въ послѣдніе годы урожайность хлѣбовъ значительно уменьшилась по причинѣ истощенія почвы, почти неудобряемой, частыхъ засухъ и ощутительнаго измѣненія климата, происходящаго, вѣроятно, отъ повсемѣстнаго истребленія лѣсовъ. Греча, производившаяся прежде въ очень большихъ размѣрахъ, теперь сѣется въ весьма малыхъ». Переходя къ сосѣдней Рязанской губерніи, мы встрѣчаемъ тѣ же явленія: «незначительность удобренія полей, сравнительно съ ежегоднымъ посѣвомъ, почти господствуетъ повсемѣстно и ведетъ быстрыми шагами къ истощенію земли», говоритъ мировой судья Касимовскаго уѣзда; «въ Раненбургскомъ уѣздѣ урожайность хлѣбовъ нельзя назвать вполнѣ удовлетворительною, такъ какъ почти ежегодно, при урожаѣ озимыхъ, яровые плохи и обратно», свидѣтельствуетъ предсѣдатель Раненбургской уѣздной управы. «Урожайность хлѣбовъ постепенно уменьшается, какъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, гдѣ обработка земель производится крестьянскимъ скотомъ и орудіями, такъ и у самихъ крестьянъ, вслѣдствіе уменьшенія и истощенія рабочаго скота», показываетъ землевладѣлецъ Сапожковскаго уѣзда. Наконецъ, въ цѣлой группѣ уѣздовъ—Рязанскомъ, Зарайскомъ, Егорьевскомъ и Сапожковскомъ—«посѣвы вообще уменьшаются у помѣщиковъ—по недостатку скота, рабочихъ и капитала, у крестьянъ—по недостатку сѣмянъ, вслѣдствіе неурожаевъ. Въ четырехъ уѣздахъ Тульской губерніи—Алексинскомъ, Каширскомъ, Чернскомъ и Одоевскомъ «урожаи у крестьянъ противъ прежняго значительно уменьшились (почти на половину, по 5-лѣтней сложности), вслѣдствіе уменьшенія скота и, слѣдовательно, малаго удобренія почвы». Въ Брянскомъ уѣздѣ, Орловской губ., урожаи на крестьянскихъ земляхъ ниже, нежели на помѣщичьихъ, ибо «крестьяне почти не удобряютъ своей земли, по недостатку скота, такъ что удобренія у нихъ достаетъ только подъ коноплю и картофель», а въ Мценскомъ «посѣвы стали увеличиваться у помѣщиковъ и уменьшаться у крестьянъ, потому что крестьяне все больше и больше должаютъ помѣщикамъ и для уплаты долговъ берутъ обработывать

помѣщикамъ землю». Совершенно такое-же явленіе замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Харьковской губерніи, гдѣ посѣвы, тоже увеличиваясь у помѣщиковъ, распахивающихъ покосы, уменьшились у крестьянъ, «такъкакъ скота у нихъ стало меньше, а земли стали дороже» *).

Въ Самарской губерніи преобладающій тамъ яровой посѣвъ далъ въ 1851 г. самъ 5, въ 1861 г.—4,4, въ 1866 г.—3,8, въ 1871 г.—2,5; слѣдующіе годы, какъ извѣстно, было совершенно неурожайные и привели къ голоду. Такое же пониженіе урожайности замѣчается и въ Пермской губерніи, гдѣ, по свидѣтельству губернской управы, «сельское хозяйство въ прежнее время давало болѣе благопріятные результаты. Юго-западная окраина губерніи и все земледѣльческое Зауралье считались плодородными мѣстностями, но мало по малу эти мѣстности потеряли свою прежнюю славу, не смотря на то, что земледѣліе и теперь составляетъ въ нихъ главный промыселъ населенія и количество обрабатываемыхъ земель и посѣвовъ значительно увеличилось: періодическіе неурожаи, продолжающіеся (какъ недавно, въ зауральскихъ уѣздахъ), цѣлыя десятилѣтія, случаи голода, бывавшіе въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ этихъ частей губерніи, постоянное возрастаніе цѣнъ и даже ощутительная дороговизна предметовъ первой необходимости, производимыхъ на мѣстѣ — факты, показывающіе ненормальное состояніе сельскаго хозяйства, положительный упадокъ его, вслѣдствіе истощенія почвы, вызваннаго нераціональною культурою, которая, не будучи въ состояніи извлечь, при настоящихъ условіяхъ, прежнихъ урожаевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ годомъ ослабляетъ производительную силу почвы и готовитъ еще худшее будущее». И дѣйствительно, упадокъ этотъ подтверждается данными объ урожаяхъ, измѣнявшихся такимъ образомъ:

шестилѣтіе	съ	1843	г.	озимый	самъ	4	яровой	самъ $3^{5}/_{6}$
«	«	1849	г.	«	«	$3^{2}/_{3}$	«	« $3^{2}/_{3}$
«	«	1855	г.	«	«	$3^{5}/_{6}$	«	« $3^{1}/_{6}$
четырехлѣтіе	1863, 1866, 1871 и 1872	г.	«	«	3	«	«	3.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ урожая озимаго хлѣба въ третьемъ періодѣ, превышающаго цифру предшествовавшаго періода на $^{1}/_{6}$, средній урожай, какъ озимаго, такъ и яроваго хлѣба, постоянно и послѣдовательно уменьшается, исходя отъ самъ 4 и 3 $^{5}/_{6}$ до 3 **).

Всѣ приведенныя данныя указываютъ на одинъ, общій большей части Россіи фактъ, что земли истощились и, за недостаткомъ удобренія, сдѣлались малоплодородными, урожаи уменьшились и поэтому экономи-

*) Докладъ Коммиссіи. Приложеніе 1, отд. II, стр. 7, 10, 20, 23, 28, 29, 31, 34, 35, 36, 38, 39, 42.

**) Докладъ Пермской г. з. у. о современномъ состояніи сельскаго хоз. въ Пермск. губ. Сборн. Пермск. земства 1873 г., ноябрь—декабрь, стр. 866 и слѣд.

ческое положеніе земледѣльческаго населенія должно было ухудшиться. Уменьшеніе скотоводства у крестьянъ произошло въ послѣдніе годы почти во всѣхъ губерніяхъ, свѣдѣнія о которыхъ собраны коммиссіею; мѣстами уменьшеніе это весьма значительно: въ Ярославской губерніи, напр., «количество скота, послѣ введенія уставныхъ грамотъ, начало уменьшаться и уменьшается до сихъ поръ. До 1871 г. одинаково уменьшалось количество какъ крупнаго, такъ и мелкаго скота, и уменьшеніе это дошло (считая три головы мелкаго за одну крупнаго) до 22%; въ 1872 г. процентъ этотъ немного упалъ, но все еще составляетъ 21½. Теперь уменьшеніе крупнаго рогатаго скота пріостановилось (такъ какъ количество этого скота въ послѣднемъ году увеличилось), но уменьшеніе всѣхъ другихъ видовъ скота продолжается, что можно видѣть изъ слѣдующихъ, довольно вѣрныхъ, цифръ, собираемыхъ ежегодно чрезъ волости: въ 1861 г. было лошадей 197.426, крупнаго рогатаго скота 341.686, овецъ 363.522 и свиней 5.083; въ 1872 году—лошадей 144.350, крупнаго рогатаго скота 303.200, овецъ 214.832 и свиней 1.700. Считая три головы мелкаго за одну крупнаго, оказывается, что количество скота въ послѣднее десятилѣтіе уменьшилось съ 661.981 на 519.727 штукъ. **) Въ Нижегородской губерніи уменьшеніе скота въ послѣднія 12 лѣтъ составило 30%. Въ трехъ вотчинахъ гр. Орлова-Давыдова, находящихся въ Симбирской и Самарской губерніяхъ, количество скота, крупнаго и мелкаго, за время 1861 по 1867 г. уменьшилось на:

Въ вотч. Симб. г., сост. изъ 11 сел. и 3024 д. м. п. крупн. 33,5%. мелк. 53%.
« « « « 8 « « 3163 « « « « 31,6 « « 53,6 «
« Сам. г., « « 5 « « 1555 « « « « 20,4 « « 20,9 «

Въ Пермской губерніи уменьшеніе скотоводства, по свѣдѣніямъ мѣстной губернской управы, шло въ слѣдующемъ порядкѣ: приходилось:

	1 лошадь	1 корова	1 овца	1 свинья
въ 1851 году	на 2,5 жит.	на 2,9 жит.	на 1,8 жит.	6,4 жит.
« 1856 «	« 2,4 «	« 2,7 «	« 1,9 «	6,8 «
« 1861 «	« 2,5 «	« 2,0 «	« 2,0 «	7,3 «
« 1866 «	« 2,7 «	« 2,6 «	« 2,4 «	10,3 «
« 1871 «	« 2,7 «	« 3,0 «	« 2,2 «	11,8 «

На ряду съ общимъ уменьшеніемъ скотоводства, замѣчается возрастаніе числа крестьянъ-домохозяевъ, имѣющихъ мало скота, или совсѣмъ его неимѣющихъ и потому лишенныхъ возможности вести надлежащимъ образомъ

*) Указ. Сборн. Пермск. з., стр. 872.

**) Докладъ Ком., прил. 1, стр. 102. По подворной переписи, произведенной въ 1872 г., по распоряженію губернской управы, количество скота оказалось менѣе показаннаго, а именно: лошадей 132.543, крупнаго рогатаго 243.336, мелкаго — жеребятъ, телятъ и пр. — 280.420. «Записка о земскомъ выкупномъ банкѣ". Яр. 1879 г. стр. 3.

***) Тамъ-же стр. 107 и 148.

свое хозяйство. «Признакомъ самостоятельности крестьянскаго хозяйства, говоритъ В. И. Покровскій въ своемъ изслѣдованіи «о платежныхъ средствахъ населенія Тверской губерніи», является въ большинствѣ случаевъ количество рабочаго скота. Хозяинъ, имѣющій двухъ или болѣе лошадей, можетъ обработать столько земли, что произведеніями ея въ состояніи прокормить всю свою семью и даже продать часть продуктовъ для уплаты повинностей; хозяинъ, имѣющій одну только лошадь, не всегда можетъ обработать земли достаточно для прокормленія своей семьи; наконецъ, хозяинъ, вовсе не имѣющій лошади, долженъ считаться не имѣющимъ самостоятельнаго хозяйства». Распредѣляя домохозяевъ Тверской губерніи на указанныя группы, оказывается, что хозяева, имѣющіе по двѣ и болѣе лошади, составляютъ лишь 51%; затѣмъ—имѣющіе по одной лошади—29%, не имѣющіе ни одной—10% и бобыли—10%. Принимая каждые два бобыльскіе и безлошадные двора, вслѣдствіе малосемейности ихъ, по числу душъ, за одинъ крестьянскій дворъ, «можно заключить, что около 39% крестьянскихъ семействъ не имѣютъ самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства, и изъ нихъ около ¼, или 10% всего крестьянскаго населенія, составляетъ нашъ сельскій пролетаріатъ». По уѣздамъ число безлошадныхъ колеблется между 5.8%, въ Новоторжскомъ, и 16.3% — въ Тверскомъ *). Къ сожалѣнію, книга г. Покровскаго не даетъ свѣдѣній о томъ, въ какой промежутокъ времени образовалось столь значительное число безлошадныхъ хозяевъ. Недостатокъ этотъ можетъ быть пополненъ свѣдѣніями, сообщаемыми въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи» и относящимися до Подольскаго уѣзда. Изъ сравненія данныхъ о состояніи скотоводства въ этомъ уѣздѣ за 1869 и 1877 года оказывается, что «измѣненіе количества скота въ разныхъ слояхъ крестьянства произошло въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: часть домохозяевъ стала содержать скота гораздо болѣе, сравнительно съ 1869 годомъ, другая, большая часть осталась совсѣмъ безъ скота, т. е. число домохозяевъ, не имѣющихъ, въ настоящее время, ни лошади, ни коровы, значительно увеличилось съ 1869 г. Такъ, по Подольскому уѣзду на 1000 домохозяевъ было имѣющихъ:

	по 1 лош.	бол. 1 лош.	неим. лош.
въ 1869 году	476	178	346
» 1877 »	394	190	416

И такъ, въ то время, какъ на каждую 1.000 двѣнадцать домохозяевъ увеличили въ своемъ хозяйствѣ количество лошадей, 70 домохозяевъ, имѣвшихъ въ 1869 г. по одной лошади, обратились въ безлошадныхъ. Иначе сказать: изъ 476 домохозяевъ, имѣвшихъ въ 1869 г. по одной лошади, 12 имѣли возможность, въ теченіи восьми лѣтъ, завести по двѣ и болѣе лошадей, а 70 дворовъ совсѣмъ лишились лошадей, и, такимъ обра-

*) Протоколы засѣданій Тверскаго губ. з. с. за 1878 г. Приложеніе, стр. 146 и слѣд.

зомъ, увеличили собою процентъ безлошадныхъ, равнявшійся въ 1869 году 34.6%, а къ 1877 г. возросшій до 41.6%, т. е. число безлошадныхъ увеличилось на 7%. Такое же измѣненіе произошло и въ подворномъ распредѣленіи коровъ: изъ 1000 домохозяевъ имѣли:

	1 кор.	бол. 1 кор.	неим. кор.
въ 1869 г.	530	200	270
» 1877 »	470	225	305,

т. е. число дворовъ, имѣющихъ, въ настоящее время, болѣе одной коровы, увеличилось, сравнительно съ 1869 годомъ, на 25, наоборотъ, число дворовъ, имѣвшихъ въ 1869 г. въ своемъ хозяйствѣ по 1 коровѣ, уменьшилось въ то же время на 60; за выключеніемъ изъ послѣдняго числа 25 дворовъ, увеличившихъ въ своемъ хозяйствѣ количество рогатаго скота, остальные 35 дворовъ лишились послѣдней коровы, и такимъ образомъ, число домохозяевъ, неимѣющихъ коровъ, съ 27.2% возросло до 30.5%, т. е. увеличилось, сравнительно съ 1869 г., на 3.3%*).

Уменьшеніе количества скота и возрастаніе числа крестьянъ-домохозяевъ, совершенно таковаго не имѣющихъ, указываютъ на упадокъ крестьянскаго хозяйства и благосостоянія. Проявленіе такого упадка въ большей части Россіи подтверждается и другими данными. Въ Орловской губерніи, напр., благосостояніе крестьянъ, по свидѣтельству мѣстной губернской управы, несомнѣнно упадаетъ. «Одинъ изъ существенныхъ признаковъ обѣдненія крестьянъ, говоритъ управа, это то, что единственный получаемый ими доходъ отъ земли недостаточенъ на покрытіе расходовъ, чрезъ что недоимки на нихъ съ каждымъ годомъ возрастаютъ. Такъ, къ 1 октября 1873 г. числилось за ними подушной подати, оброчныхъ и общественнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ, государственнаго земскаго сбора и выкупныхъ платежей 2.336.777 руб., къ 1 октября 1874 г. — 2.111.664 р., 1875 года — 2.299.612 р. и къ 1 октября 1876 г. — 3.422.114 р., слѣдовательно, противъ 1873 г., недоимки увеличились на 1.085.337 руб. Кромѣ того, на крестьянахъ состоитъ въ недоимкѣ продовольственнаго капитала 258.549 руб., страховаго сбора 241.000 р., земскаго сбора не менѣе 200.000 руб. и выданной изъ запасныхъ магазиновъ ссуды хлѣба: озимаго 445.270 четв. и яроваго 236.375 четв., переведя которую на деньги, получится 2.965.481 р., итого 3.665.030 р., а всего—7.087.144 руб., что составитъ на каждую ревизскую душу 11 р. 80 коп.—сумма, равняющаяся почти годовому платежу повинностей». Одну изъ главныхъ причинъ такого положенія управа видитъ въ неурожаяхъ. «Почва Орловской губерніи, говоритъ она, исключая Елецкаго, Ливенскаго и Малоархангельскаго уѣздовъ, гдѣ удобреніе необходимо въ незначительномъ количествѣ, требуетъ сильнаго удобренія; но такъ какъ крестьяне, по неимѣнію средствъ на покупку необходимаго въ хозяйствѣ скота, и по недостат-

*) „Сборникъ", изд. Московскаго губ. земства. Т. II, М. 1878; отд. II, стр. 18.

ку сѣнокосныхъ угодій для его продовольствія, не въ состояніи держать его, то почва не получаетъ никакого почти удобренія, почему и постепенно истощается». Послѣдствіемъ истощенія земли, а также и неудовлетворительности способовъ ея обработки, является уменьшеніе урожаевъ. «Въ черноземныхъ уѣздахъ губерніи, въ 1874 году, урожай озимыхъ хлѣбовъ былъ отъ самъ 5 до самъ 9, яровыхъ отъ 3 до 7; въ нечерноземныхъ—озимыхъ отъ 3 до 4½, яровыхъ отъ 1½ до 2½; въ 1875 году, въ черноземныхъ—озимыхъ отъ 4 до 5½, яровыхъ отъ 2 до 3; въ нечерноземныхъ—озимыхъ отъ 1 до 3, яровыхъ отъ ½ до 1½, въ нѣкоторыхъ же уѣздахъ яровые окончательно пропали; въ 1876 г. въ черноземныхъ — озимыхъ отъ 3½ до 5, яровыхъ отъ 4 до 8; въ нечерноземныхъ — озимыхъ отъ 2 до 3, яровыхъ отъ 2 до 3½». Разсчитывая средній доходъ и расходъ крестьянской семьи, управа выводитъ, что «расходъ крестьянина превышаетъ доходъ на 10 р. 75 к., въ дѣйствительности же онъ превышаетъ значительно болѣе, такъ какъ многія потребности въ хозяйствѣ неуловимы». Убѣдительное подтвержденіе паденія крестьянскаго хозяйства Орловская уѣздная управа видитъ въ весьма высокомъ процентѣ смертности: въ хлѣбородной Орловской губерніи ежегодно умираетъ 1 изъ 23 жителей, тогда какъ въ бѣднѣйшихъ кварталахъ Лондона одинъ смертный случай приходится на 25; «изъ числа всѣхъ родившихся у насъ умираетъ на 1-мъ году жизни 24%, тогда какъ въ тотъ же періодъ времени въ сосѣдней намъ Пруссіи умираетъ только 15%.»

При такомъ положеніи, въ которомъ находится значительная часть нашего сельскаго населенія, когда бытъ крестьянина, даже при нормальныхъ условіяхъ, не обезпеченъ, когда истощеніе почвы и упадокъ скотоводства угрожаютъ съ каждымъ годомъ все большими и большими невзгодами, продовольственныя ссуды —денежныя или хлѣбныя — оказываются совершенно недостаточными. Современное положеніе на столько серьезно, что ограничиваться палліативомъ, временною помощью, невозможно: нужны мѣры рѣшительныя, которыя содѣйствовали бы подъему народнаго благосостоянія и вывели бы наше крестьянство изъ его безвыходнаго положенія. Вопросъ о такихъ мѣрахъ былъ возбужденъ уже многими земствами и съ ихъ работами мы познакомимъ нашихъ читателей въ слѣдующемъ обозрѣніи.

*) Докладъ Орловской г. з. у. объ упадкѣ благосостоянія крестьянъ Орлов. губ. 1876 г.

Одно изъ земствъ Приволжскаго края. *)

(очеркъ).

II.

Выполненіе повинностей, расходовъ и дѣлъ.

Изъ 848 т. рублей, истраченныхъ Карсунскимъ земствомъ, — 405 т. употреблено на выполненіе обязательныхъ повинностей, что составляетъ 48% всѣхъ расходовъ этого земства; — 321 т. (37½%) израсходованы на покрытіе расходовъ необязательныхъ и 122 т. (14½%) составляютъ расходы по управленію дѣлами земства. Изъ этого слѣдуетъ, что только одна треть расходовъ Карсунскаго земства употреблена на тѣ нужды и потребности, по отношенію къ которымъ земство является полновластнымъ хозяиномъ и самостоятельнымъ распорядителемъ. Выражая собою размѣръ самостоятельной дѣятельности земства, земскіе необязательные расходы, вмѣстѣ съ тѣмъ, могутъ служить отчасти мѣриломъ производительности земскихъ тратъ, ибо, въ большинствѣ случаевъ, затрогиваютъ предметы имѣющіе жизненное значеніе для данной мѣстности, служащіе, или, по крайней мѣрѣ, предназначающіеся служить удовлетворенію ея насущныхъ нуждъ. Всѣ прочіе расходы, за исключеніемъ, конечно, обязательнаго расхода по содержанію путей сообщенія, какъ бы добросовѣстно земскія учрежденія къ нимъ не относились, не удовлетворяютъ нуждъ собственно земства, затрогиваютъ ихъ только косвенно и, по справедливости, могутъ быть разсматриваемы, какъ бремя хотя необходимое, но тяжело на земствѣ лежащее.

*) Первую главу этого очерка см. въ 2 кн. „Русской Мысли“.

Вотъ ежегодное соотношеніе вышеуказанныхъ трехъ категорій расходовъ въ бюджетѣ Карсунскаго земства:

	Обязат.	Необязат.	По управл.		Обязат.	Необяз.	По управл
1866.	»	»	6.т.	1874.	34.	22.	7.
1867.	»	8. т.	6.	1875.	26.	31.	9.
1868.	1. т.	9.	6.	1876.	28.	33.	11.
1879.	13.	21.	7.	1877.	42.	31.	10.
1870.	16½.	12½.	5.	1878.	50.	29.	12.
1871.	35½.	23½.	7.	1879.	43.	35.	11.
1872.	39.	17.	7.	1880.	41.	37.	11.
1873.	36.	12.	7.				

Преобладаніе, въ три первые года, необязательныхъ расходовъ надъ обязательными произошло вслѣдствіе того, что въ то время большинство обязательныхъ повинностей отправлялось или натурою, или губернскимъ земствомъ. Только въ двухъ годахъ 1875—76, обязательные расходы совершенно правильно уступили первое мѣсто производительнымъ тратамъ земства. Самое неправильное соотношеніе расходовъ было въ 1872 г., когда Карсунское земство издержало 39 т. на обязательныя повинности и всего 17 т. на удовлетвореніе потребностей необязательныхъ.

Изъ 405 т. рублей обязательныхъ расходовъ 171 т. издержана на содержаніе мировыхъ посредниковъ, уѣздныхъ присутствій, разъѣзды полиціи и слѣдователей, квартиры становымъ, жандармамъ, урядникамъ, исправнику, помощнику исправника и т. п. Къ этой и безъ того громадной суммѣ слѣдуетъ добавить расходъ губернскаго земства на подводную повинность съ 1866—1870 г. включительно и на содержаніе въ тѣ же года гражданскаго управленія, а также на квартирную повинность въ 66 и 67 гг. и на содержаніе уѣздныхъ присутствій и непремѣннаго члена въ 75 и 76 гг.

На содержаніе гражданскаго управленія въ 1880 г. земское собраніе ассигновало 6 т. Расходъ этотъ составляютъ: 1½ т. на содержаніе канцеляріи уѣзднаго воинскаго присутствія; 2/т. на жалованье непремѣнному члену и 1 т. р. исправнику и становымъ на наемъ десятниковъ. На подводную повинность назначено 12 т. Она отбывается двоякимъ способомъ: содержаніемъ земскихъ лошадей на 15 пунктахъ (отъ 4 до 12 лошадей на каждомъ), что обходится около 10 т. въ годъ и уплатой прогоновъ по выдаваемымъ ѣдущими чиновниками ярлыкамъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пунктовъ нѣтъ и гдѣ земство вошло въ соглашеніе съ содержателями вольныхъ лошадей. Такъ повинность эта выполняется съ тѣхъ поръ, какъ въ 1871 году она переведена на счетъ уѣзднаго земства, съ тою только разницею, что въ 1877, 1878 и 1879 годахъ судебные слѣдователи вмѣсто лошадей получали отъ земства на разъѣзды по 750 рублей каждый. Не смотря на то, что этими деньгами съ избыткомъ покрывались ихъ разъѣздные расходы (въ Карсунскомъ уѣздѣ на эти деньги можно сдѣлать 8½ т.

верстъ), оба мѣстные слѣдователи ежегодно одолѣвали собраніе просьбами о прибавкѣ, пока, наконецъ, собраніе, желая избавиться отъ этихъ домогательствъ, постановило прекратить выдачу слѣдователямъ разъѣздныхъ денегъ и возить ихъ на пунктовыхъ лошадяхъ, для чего прибавить на пунктахъ 10 лошадей. Такимъ образомъ, въ 1880 году пунктовыхъ лошадей земство будетъ имѣть не 83, какъ то было въ предшествовавшіе года, а 93. На квартирную повинность, по смѣтѣ, назначено около 2½ т. руб., а именно: исправнику на отопленіе и освѣщеніе 200 р. (онъ имѣетъ казенную квартиру); помощнику исправника на наемъ квартиры, отопленіе и освѣщеніе 300 р., двумъ становымъ 600 р., двумъ слѣдователямъ 480 р., жандармамъ 60 р. и двѣнадцати урядникамъ 740.

Ежегодный расходъ на содержаніе мировыхъ судебныхъ учрежденій колеблется между 12 и 15 т.; на устройство и содержаніе мѣстъ заключеній—отъ 250 р. до 1000. Мировыхъ судей 5, въ первые года было 6. Каждый изъ нихъ получаетъ по 2000 рублей. Въ общей сложности дѣлъ у всѣхъ пяти мировыхъ судей ежегодно набирается до 3000. Это количество дѣлъ могло бы быть разрѣшаемо тремя судьями, такъ какъ, за вычетомъ 115 праздничныхъ дней и дней, проводимыхъ судьями въ засѣданіяхъ съѣзда, останется 250 дней для разбора дѣлъ въ ихъ камерахъ, стало быть, пришлось бы по 4 дѣла въ день, что совсѣмъ немного, такъ какъ тѣ же судьи назначаютъ не рѣдко по 10 и 15 дѣлъ на одинъ и тотъ же день. Правда, существуетъ требованіе, чтобы на каждыя 13 т. душъ населенія приходился бы одинъ мировой судья, но требованіе это и въ настоящее время не выполняется, такъ какъ въ Карсунскомъ уѣздѣ на пять мировыхъ судей имѣется около 90 т. жит. м. пола и, по всей вѣроятности, Сенатъ, въ виду малочисленности дѣлъ, не отказалъ бы въ разрѣшеніи сократить число судей. На это возражаютъ, что Карсунскій уѣздъ великъ и при трехъ мировыхъ судьяхъ камеры ихъ были бы слишкомъ удалены отъ нѣкоторыхъ мѣстностей уѣзда. Но и теперь такое отдаленіе существуетъ, благодаря тому, что уѣздъ дѣлится на участки неправильно, сообразно только мѣсту нахожденія усадебъ мировыхъ судей; есть мѣстности, которыя отдалены отъ камеры своего судьи на 60 и болѣе верстъ; слѣдовательно, жители ничего не потеряли бы, если бы судей было три, а не пять, — разстояніе отъ камеръ сравнительно съ нынѣ существующимъ не увеличилось бы. Тремъ судебнымъ приставамъ тоже дѣлать нечего, — совершенно довольно было бы двухъ. При такихъ сокращеніяхъ числа судей и приставовъ, земство ежегодно сохранило бы около 5000 р.; а со времени открытія мировыхъ учрежденій это составило бы экономію въ 60 т. рублей.

Для заключенія по приговорамъ мировыхъ судей существовало сперва два, а потомъ одно только помѣщеніе въ городѣ, въ земскомъ домѣ. Крестьяне, обыкновенно, содержались при волостныхъ правленіяхъ. Мѣстный губернаторъ нѣсколько лѣтъ настойчиво хлопоталъ, чтобы порядокъ этотъ былъ измѣненъ, чтобы въ уѣздѣ было устроено еще другое помѣщеніе,

такъ какъ имѣвшееся было недостаточно, а содержаніе приговоренныхъ судьями, въ помѣщеніяхъ, назначенныхъ для заключенія по приговорамъ волостныхъ судовъ—неправильно. Дѣло доходило до Сената, который согласился съ губернаторомъ и обязалъ Карсунское земство исполнить его требованіе. Въ настоящее время, второе помѣщеніе устроено въ селѣ Базарномъ Сызганѣ. На это израсходована часть той суммы, которая образовалась изъ штрафныхъ денегъ и въ количествѣ около 4 т. рублей поступила въ распоряженіе Карсунскаго земства. Такъ какъ денегъ этихъ ни на что другое тратить нельзя, то непонятнымъ остается этотъ споръ земства съ губернаторомъ. Чего добивалось собраніе, такъ упорно отказываясь отъ ничего нестоющаго ему надлежащаго устройства мѣстъ заключеній?

Дорожная повинность до 1871 года отправлялась натурою, затѣмъ ее переложили на деньги, а въ 1874 году содержаніе сооруженій на почтовыхъ трактахъ передано губернскому земству и на обязанности уѣзднаго осталось только исправленіе полотна почтовыхъ дорогъ, что производится подрядчиками и обходится земству по 600 рублей въ годъ.

Война возложила на земство, хотя и временный, но весьма значительный обязательный расходъ, по выдачѣ пособій семействамъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ изъ запаса и ратниковъ ополченія. Изъ доклада земской управы очередному собранію послѣдней сессіи видно, что съ 1 апрѣля 1877 года, выдано пособій 1127 семействамъ на сумму 32 т. р. Семейства эти состояли изъ 1030 женъ призванныхъ и 2015 дѣтей. Для доплаты пособій въ смѣту на 1880 годъ внесено 5 т. рублей. Такимъ образомъ, Карсунскому земству повинность эта обойдется въ 37 т. рублей. Кромѣ того, въ началѣ войны, губернское земство на тѣ же пособія въ Карсунскомъ уѣздѣ выдало 5 тысячъ рублей. Все вмѣстѣ составляетъ 42 т. Если эту выдачу сравнить съ выдачей, напримѣръ, въ Московскомъ уѣздѣ, гдѣ при большемъ числѣ жителей выдано всего около 5 т., то нельзя не прійдти къ заключенію, что Карсунское земство въ отбываніи этой повинности было слишкомъ щедро. Пособія выдавались сперва членами управы непосредственно, а потомъ, въ сессію 1877 года, собраніе для каждой волости назначило уполномоченныхъ изъ числа своихъ гласныхъ и мѣстныхъ жителей. Уполномоченные эти, по доставленнымъ имъ спискамъ, дѣлали провѣрку дѣйствительности нужды и выдавали ярлыки, по которымъ предъявительницамъ управа уплачивала деньги, чрезъ волостныя правленія. Каждый уполномоченный на дѣло смотрѣлъ по своему: кто былъ слишкомъ скупъ, кто слишкомъ щедръ. Послѣднее преобладало, вытекая изъ желанія возможно скорѣе отдѣлаться отъ возложеннаго порученія и докучанія солдатокъ. Хотя произведенный расходъ и великъ, но Карсунское земство обязано своей управѣ тѣмъ, что онъ не достигъ баснословныхъ размѣровъ, до которыхъ довела бы ихъ небрежность нѣкоторыхъ уполномоченныхъ. Многіе изъ нихъ представляли

въ управу такіе итоги мѣсячныхъ выдачъ, которые вынуждали ее дѣлать новую провѣрку, чрезъ своихъ членовъ, послѣ чего, нерѣдко, выдачи уменьшались болѣе, чѣмъ на половину.

Расходы по управленію дѣлами земства, обыкновенно, вносятся въ земскія смѣты, въ рубрику расходовъ необязательныхъ; но сами по себѣ, по своему характеру и назначенію, они составляютъ совершенно самостоятельную категорію земскихъ тратъ, сравненіе которыхъ съ остальными необходимо для уясненія вопроса о правильности дѣйствій и направленія того или другаго земства. Карсунское земство на управленіе своихъ дѣлъ израсходовало, какъ мы видѣли, 122 т. р. Ежегодно расходъ этотъ колебался между 5 и 12 т. рублей. Въ отношеніи его Карсунское земство не вышло изъ предѣловъ благоразумія. Предсѣдатель управы до 1875 года получалъ всего 1 т. рублей въ годъ, а теперь получаетъ 1500 р. Члены получаютъ по 1000 р. Ихъ было прежде два, а теперь три. Разъѣзды и предсѣдатель, и члены должны были производить на свой счетъ,—только съ прошлаго года собраніе разрѣшило выдавать имъ прогоны. Секретарь управы получаетъ 600 р., бухгалтеръ получалъ прежде 600, а теперь—900. Около 900 рублей уплачивается ежегодно въ казначейство за храненіе земскихъ суммъ и веденіе окладныхъ книгъ. Около 1500 рублей израсходовано на работы коммиссіи по распредѣленію земель на разряды и 2500 р. уплачено Петербургской фирмѣ «Счетоводъ» за повѣрку счетовъ управы со дня ея основанія, за составленіе отчета за 1878 годъ и за введеніе въ управѣ счетоводства по тройной русской системѣ Езерскаго. Остальной расходъ по управленію составляютъ: содержаніе канцеляріи, покупка канцелярскихъ принадлежностей, книгъ, бланковъ, печатаніе земскихъ изданій и т. п.

Переходимъ къ расходамъ необязательнымъ. Это наиболѣе интересная сторона земской дѣятельности, ибо здѣсь мы встрѣчаемся съ дѣлами несуществовавшими до земской реформы, какъ, напримѣръ, дѣло народнаго здравія и дѣло народнаго образованія. Каждое земство имѣетъ свои излюбленные предметы необязательныхъ расходовъ. У Карсунскаго такимъ предметомъ служитъ народное здравіе. На него употреблена четвертая часть всѣхъ расходовъ этого земства и $^2/_3$ его необязательныхъ расходовъ. По годамъ расходъ на медицинскую часть распредѣляется такъ:

1866	—	1871	14	1876	17
1867	7 т.	1872	11	1877	22
1868	8	1873	6	1878	20
1869	13	1874	17	1879	22
1870	9	1875	24	1880	22

Въ первомъ году по введеніи Земскаго Положенія, больница Приказа Общественнаго Призрѣнія оставалась въ завѣдываніи городскаго управленія, и, со стороны земства, всѣ мѣры по медицинской части ограничивались сообщеніями управы уѣздному врачу о появлявшихся въ уѣздѣ эпидеміяхъ и уплатой ему прогоновъ, взыскивавшихся потомъ съ сельскихъ обществъ.

Въ концѣ 1866 года, разъясненъ былъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ вопросъ о Карсунской больницѣ, въ томъ смыслѣ, что больница эта должна находиться въ завѣдываніи земства, а не города. Одновременно съ этимъ, уѣздное земское собраніе постановило: имѣть на своемъ иждивеніи трехъ врачей, трехъ фельдшеровъ и трехъ акушерокъ. Одинъ изъ врачей долженъ былъ завѣдывать больницей, находившейся въ городѣ, другіе два—жить въ уѣздѣ. Всѣ они должны были практиковать разъѣздной способъ леченія, даже врачъ завѣдывавшій больницей. Вслѣдъ затѣмъ, между земствомъ и городомъ поднялся новый споръ объ обязанности города давать помѣщеніе подъ больницу. И, на этотъ разъ, министерство рѣшило спорный вопросъ въ пользу земства, объяснивъ, что, хотя зданіе, въ которомъ помѣщалась больница Приказа Общественнаго Призрѣнія принадлежитъ городу, но городъ обязанъ въ этомъ ли зданіи или другомъ отводить помѣщеніе для земской больницы. Тогда земство предложило городу откупиться отъ этой обязанности за 2000 рублей, которые оно предполагало употребить въ число 6 т., уплачивавшихся тогда за купленный имъ домъ, который, между прочимъ, предназначался и для больницы. Городъ согласился и уплатилъ эти 2 т.; но такъ какъ весь купленный земствомъ домъ понадобился для помѣщенія съѣзда мировыхъ судей, то земство, въ 1870 году, купило у города за $1^1/_2$ т. р. старое больничное зданіе, ремонтировало его и помѣстило въ немъ больницу, находящуюся тамъ и до сихъ поръ. Въ 1868 году, Симбирское губернское земство передало уѣзднымъ распоряженіе семикопѣечнымъ душевымъ на медицинскую часть сборомъ, платимымъ крестьянами удѣльнаго вѣдомства. При содѣйствіи мировыхъ посредниковъ, Карсунскому земству удалось убѣдить и остальную часть крестьянскаго населенія уѣзда обложить себя такимъ же сборомъ. На деньги, доставленныя этимъ сборомъ, управа содержала по волостямъ фельдшеровъ и оспопрививателей и пріобрѣтала медикаменты.

При такой формѣ врачебной организаціи, существовавшей до 1874 года, земство истратило 68 тыс. р., не считая врачебнаго сбора, о количествѣ котораго вѣрныхъ свѣдѣній въ управѣ не имѣется. Изъ этой суммы 23 т. пошло на содержаніе медицинскаго персонала; $36^1/_2$ т. — на содержаніе больницы; 8 т. — на покупку медикаментовъ и 500 р. на пріобрѣтеніе инструментовъ. Врачи получали по 1200 р., фельдшера — отъ 150 до 240 р., акушерки—по 240 р. въ годъ. Медикаменты покупались управою частью въ Москвѣ, частью въ Карсунской вольной аптекѣ. На этотъ предметъ управа тратила деньги очень щедро: въ одномъ 1871 году она купила медикаментовъ на 5700 рублей, изъ коихъ 1800 р. заплачены изъ земскихъ суммъ, а 3900 — изъ врачебнаго сбора. Въ 72 и 73 годахъ при больницѣ была устроена аптека, въ которой лекарства приготовлялись фельдшеромъ, подъ наблюденіемъ врача. Изъ этой аптеки снабжались волостные фельдшера и производился отпускъ частнымъ лицамъ по заготовительнымъ цѣнамъ.

Земское собраніе не было удовлетворено такимъ ходомъ медицинскихъ дѣлъ въ уѣздѣ и въ 1872 году составило коммиссію, которой поручило выработать проектъ новаго устройства медицинской части. Въ докладѣ этой коммиссіи земскому собранію той же сессіи, между прочимъ, читаемъ:

«До сихъ поръ собиралось много денегъ на медицинскую часть, но пользы отъ этого не видѣлось. На докторовъ ассигновались деньги, но докторовъ этихъ почти никогда не было, а положеніе ихъ было непрочное и пользы приносить они не могли. Единственная земская больница, организованная неправильно, принимала много больныхъ сверхъ возможности, соединяла заразительныхъ больныхъ съ другими и тѣмъ приносила болѣе вреда, чѣмъ пользы. Больницей этой пользовались, по большей части, сифилитики, солдаты и арестанты; собственно же жители уѣзда не могли вполнѣ пользоваться больницей, по ограниченности ея размѣра и нецентральности ея положенія. Содержаніе этой больницы стоило и стоитъ большихъ денегъ. Оставаться далѣе при этомъ жалкомъ и дорогомъ устройствѣ медицинской части было бы, по мнѣнію коммиссіи, болѣе чѣмъ непростительно. Устроить медицинскую часть на твердыхъ и приносящихъ дѣйствительную пользу основаніяхъ слѣдуетъ, елико возможно, скорѣе, дабы впредь не тратить, по примѣру прежнихъ лѣтъ, безполезно и безслѣдно деньги земскихъ людей, которые деньги платили, но врачебной помощью не пользовались.»

Для новой организаціи коммиссія предложила принять слѣдующія основанія:

Леченіе должно быть производимо врачемъ или подъ его наблюденіемъ; раіонъ дѣятельности врача не долженъ быть великъ; для установленія болѣе правильнаго и въ успѣхѣ дѣла лично заинтересованнаго контроля надъ дѣйствіями медицинскаго персонала должны быть призваны мѣстные жители къ участію въ управленіи земско-медицинской организаціей уѣзда; въ виду невозможности чрезмѣрно увеличивать и безъ того тяжелые налоги, земскія траты на медицинскую часть дополнять обращеніемъ къ частной благотворительности.

На этихъ основаніяхъ было проектировано слѣдующее устроеніе:

Карсунскій уѣздъ подраздѣлялся на 11 санитарныхъ участковъ, въ составъ которыхъ входило по двѣ волости; медицинскій персоналъ каждаго участка составляли: врачъ, акушерка и фельдшеръ; въ участкѣ предполагалось имѣть лечебницу съ шестью кроватями для каждой волости.

Участками имѣли завѣдывать участковые санитарные комитеты, состоявшіе изъ членовъ непремѣнныхъ и почетныхъ. Первыми имѣли право быть: мѣстные священники, волостные старшины, въ городскомъ участкѣ городской голова и участковые врачи, вторыми — всѣ лица обоего пола, пожелавшія платить на нужды комитета не менѣе 25 рублей въ годъ. Члены комитета избирали изъ своей среды предсѣдателей оныхъ.

Изъ предсѣдателей участковыхъ комитетовъ и участковыхъ врачей предположено было составить главный санитарный комитетъ, долженствовавшій состоять подъ предсѣдательствомъ одного изъ предсѣдателей участковыхъ комитетовъ, избиравшагося на эту должность прочими членами этого комитета. На обязанность главнаго комитета возлагалось главное завѣдываніе врачебнымъ дѣломъ во всемъ уѣздѣ, выдѣлявшимся, такимъ образомъ, изъ вѣдѣнія управы.

Денежныя средства, потребныя для покрытія нуждъ этой организаціи, по проекту, слагались: изъ выдаваемыхъ земствомъ каждому участковому комитету, ежегодно, по 1.500 р. на жалованье медицинскаго персонала и единовременно столько же на устройство лечебницы, душеваго на медицинскую часть сбора съ сельскихъ обществъ, членскихъ взносовъ и пожертвованій.

Земское собраніе проектъ этотъ одобрило и приняло; но симбирскій губернаторъ, усмотрѣвъ въ немъ такія основанія, кои не опираются на существующія законоположенія и требуютъ правительственнаго утвержденія, представилъ его на разсмотрѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Медицинскій департаментъ нашелъ введеніе проектированнаго Карсунскимъ земствомъ устроенія врачебной части желательнымъ, полезнымъ и разрѣшилъ введеніе его въ видѣ опыта, впредь до изданія разработываемыхъ министерствомъ общихъ по имперіи правилъ по врачебной части, съ которыми проектъ Карсунскаго земства, по мнѣнію департамента, имѣлъ много общаго. *) При этомъ департаментъ нашелъ нужнымъ сдѣлать въ проектѣ слѣдующія измѣненія:

Священники, городской голова и волостные старшины могутъ быть членами участковыхъ санитарныхъ комитетовъ не иначе, какъ съ ихъ согласія и съ разрѣшенія ихъ начальства.

Члены санитарныхъ комитетовъ, наблюдая за выполненіемъ мѣстными жителями закономъ установленныхъ мѣръ для огражденія народнаго здравія, виновныхъ въ нарушеніи постановленій закона не привлекаютъ къ отвѣтственности сами лично, а ограничиваются сообщеніемъ о томъ земской управѣ или подлежащимъ властямъ.

Главный санитарный комитетъ долженъ быть учрежденіемъ совѣщательнымъ.

Принявъ эти измѣненія, земское собраніе, 1 октября 1873 года, постановило ввести проектъ въ дѣйствіе; но такъ какъ средства, предназначавшіяся участковымъ комитетомъ, оказались недостаточными, то, бывшее за тѣмъ въ январѣ 1874 года, экстренное земское собраніе нашло возможнымъ допустить, въ случаѣ надобности, сокращеніе числа участковъ съ 11 до 6, съ тѣмъ, чтобы при такомъ сокращеніи остающіяся денежныя сред-

*) Отношеніе симб. губерн. правленія, полученное карс. зем. упр. 24 сент. 1873 г.

ства распредѣлялись между организуемыми комитетами сообразно числу входящихъ въ участокъ волостей и съ возложеніемъ на комитеты обязанности устраивать участковыя лечебницы, такъ чтобы въ нихъ имѣлось не менѣе 6 кроватей на каждую волость. По постановленію того же собранія, были составлены и отпечатаны «правила для руководства членовъ санитарныхъ комитетовъ Карсунскаго уѣзда», которыми и руководились при введеніи новой организаціи въ началѣ 1874 года. Объ этомъ управа въ своемъ докладѣ очередному собранію того года, говоритъ слѣдующее:

«Въ настоящемъ году открыто шесть санитарныхъ участковъ. Во всѣхъ открытыхъ участкахъ устраиваются лечебницы. Врачи есть въ четырехъ участкахъ, фельдшера и акушерки—почти во всѣхъ. Леченіе идетъ, по заявленіямъ предсѣдателей комитетовъ, въ большихъ размѣрахъ и съ видимой пользой для народа. Люди, одержимые болѣзнію, сами являются въ комитеты (?) съ требованіемъ о леченіи, даже изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ еще не открыты участки; значитъ, народъ самъ сознаетъ необходимость и пользу отъ леченія, а это еще больше убѣждаетъ, что начатое въ наилучшихъ направленіяхъ дѣло по врачеванію не должно бы упадать, но, напротивъ, развиваться къ лучшему и идти путемъ твердымъ. Дѣятельность комитетовъ заслуживаетъ вниманія, не смотря на довольно ограниченныя ихъ средства по содержанію лечебницъ съ медицинскимъ персоналомъ; комитеты сами изыскиваютъ эти средства, жертвуя и своимъ достояніемъ, неутомимо вмѣстѣ съ тѣмъ заботясь о наивозможно лучшемъ устройствѣ врачеванія; любовь и преданность къ дѣлу—вотъ наиглавнѣйшія жертвы (?) со стороны гг. членовъ комитетовъ, въ чемъ управа убѣдилась при обозрѣніи дѣйствій комитетовъ, на основаніи § 5 правилъ и, если подобная дѣятельность комитетовъ, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не будетъ подорвана, то въ недальнемъ будущемъ наша медицинская часть будетъ въ образцовомъ состояніи.»

Такъ говорила управа въ 1874 году. Прошелъ послѣ того одинъ только годъ, вмѣсто шести организовалось девять участковъ и та же управа, разссорившись съ санитарными комитетами, вмѣсто панигирика бьетъ на нихъ собранію челомъ и въ докладѣ своемъ, въ 1875 г., говоритъ:

«Участковые комитеты отказываются исполнять требованія земской управы, опираясь на главный комитетъ, который въ свою очередь не только не исполнилъ ни одного требованія управы, но всѣми средствами старался парализировать ея дѣятельность. При такихъ отношеніяхъ, контроль надъ правильнымъ расходованіемъ весьма серьезной суммы, отпускаемой ежегодно земствомъ на санитарную часть въ уѣздѣ, становится положительно невозможнымъ. Между тѣмъ, затрачивая такія значительныя суммы на народное здравіе, земство въ правѣ желать, чтобы санитарная часть въ уѣздѣ была устроена удовлетворительно. До свѣдѣнія управы отвсюду доходитъ ропотъ о томъ, что все это устройство придумано не для простаго народа. Крестьянину трудно добиться врачебной помощи; земскіе врачи отказыва-

ются отъ посѣщенія больныхъ изъ простаго народа, требуя ихъ личной явки за совѣтами въ лечебницу. Трудно-больной, конечно, не въ состояніи исполнить этого требованія. И вотъ, говорятъ, что все это устройство существуетъ только для удобствъ предсѣдателей санитарныхъ комитетовъ. Всматриваясь въ причины неудовлетворительности санитарнаго устройства, нельзя не прійдти къ убѣжденію, что главная причина этой неудовлетворительности заключается въ томъ, что дѣло задумано и поставлено слишкомъ широко. Земское собраніе опредѣлило завести сперва 11 участковъ,—заведено девять. Правила, изданныя для руководства членамъ санитарныхъ комитетовъ, въ числѣ прочихъ ихъ обязанностей, возлагаютъ на нихъ призывъ къ помощи частной благотворительности. Опытъ не оправдалъ этихъ разсчетовъ. Комитеты должны были обратиться къ другимъ средствамъ,—нѣкоторые изъ нихъ подняли подушный сборъ съ крестьянъ съ 7 на 20 коп. Это вызвало со стороны крестьянъ ропотъ, но дѣлу помогло мало. И такъ, прежде всего предстоитъ устранить разсчетъ на частную благотворительность. Но тогда содержаніе санитарныхъ участковъ земство должно принять на свой счетъ Если же сохранить существующій порядокъ вещей, то земству прійдется расходовать не 20 т., а вдвое или даже втрое болѣе этой суммы. Другаго ничего не представляется, какъ сократить число участковъ. Но одного сокращенія санитарныхъ участковъ недостаточно, чтобы устранить существующее неудобство. По мнѣнію управы, нужно, кромѣ того, переустроить существующую организацію на иныхъ началахъ. Главный санитарный комитетъ представляетъ собою совершенно ненужную инстанцію, которая до сихъ поръ служила только во вредъ правильныхъ отношеній участковыхъ комитетовъ къ управѣ. Участковые комитеты, въ свою очередь, не могутъ быть правильными органами земства. Допустивъ для завѣдыванія санитарной частью вмѣсто уполномоченныхъ изъ своей среды лицъ, допускаемыхъ 59 ст. Положенія о земскихъ учрежденіяхъ,—цѣлыя учрежденія, земское собраніе учредило между ними еще какія-то инстанціи и допустило совершенно противное смыслу Положенія отношеніе этихъ учрежденій къ управѣ. Новая организація должна быть во всемъ согласна съ Положеніемъ и основана на немъ. Управа полагала бы: 1) упразднить главный санитарный комитетъ, какъ инстанцію совершенно безполезную; 2) участковымъ комитетамъ дать слѣдующую организацію: а) предсѣдателей, избранныхъ изъ среды земскаго собранія, и б) членовъ, существующихъ нынѣ, съ совѣщательнымъ голосомъ. При такой организаціи, предсѣдатели участковыхъ комитетовъ были бы тѣми уполномоченными отъ земскаго собранія, о которыхъ говоритъ 59 ст. Земскаго Положенія. Отношенія ихъ къ управѣ опредѣлялись бы 111 ст. Земскаго Положенія, по которой они бы подлежали ревизіи управы. Вотъ, единственно возможная организація, которая не исключаетъ въ дѣлахъ земства и частную дѣятельность и вмѣстѣ совершенно согласна съ Земскимъ Положеніемъ. Столкновеніе и недоразумѣніе сдѣлаются невозможными.»

Выслушавъ этотъ докладъ, собраніе постановило: главный санитарный комитетъ закрыть; обязанности его возложить на управу; число участковъ сократить съ 9 на 8; участковые санитарные комитеты переименовать въ участковыя врачебныя попечительства.

Такое переименованіе совершенно правильно: ничего похожаго на санитарное устройство, въ Карсунскомъ уѣздѣ, никогда не было. Но затѣмъ, если требовались измѣненія въ разсматриваемой организаціи, въ чемъ нельзя не согласиться съ управой, то, во всякомъ случаѣ, не въ видѣ совершеннаго уничтоженія главнаго органа этой организаціи, такъ какъ уничтоженіе его передало все врачебное дѣло всецѣло и исключительно въ руки управы,—учрежденія во многихъ отрасляхъ этого дѣла совсѣмъ некомпетентнаго. Собраніе вдалось, такимъ образомъ, изъ одной крайности въ другую; отъ совершеннаго отчужденія управы оно перешло къ возложенію исключительно на нее такихъ обязанностей, для выполненія которыхъ нерѣдко нужны спеціально-научныя свѣдѣнія.

Въ такомъ видѣ земско-медицинская организація просуществовала до 1 января текущаго года. Въ теченіе этого времени, собраніе учредило при одномъ изъ попечительствъ осенній телятникъ, а при другомъ — медицинскую библіотеку. Безпорядки, происходившіе въ попечительствѣ, завѣдывавшемъ городскимъ участкомъ и городской больницей, вынудили собраніе закрыть это попечительство, больницу передать въ непосредственное завѣдываніе управы, а волости, входившія въ составъ Карсунскаго участка, присоединить къ сосѣднимъ. Такъ образовались тѣ семь врачебныхъ участковъ, на которые, въ настоящее время, дѣлится Карсунскій уѣздъ. Тѣмъ временемъ, правила, изданныя въ 1874 году для санитарныхъ комитетовъ, оказались неудовлетворительными, неполными, сбивчивыми и, въ сессію 1877 года, собраніе окончательно отмѣнило ихъ, а для составленія новаго устава земско-медицинской организаціи составило коммиссію изъ всѣхъ предсѣдателей участковыхъ попечительствъ и предсѣдателя управы, съ предоставленіемъ коммиссіи права приглашать къ участію въ ея трудахъ тѣхъ, кого она найдетъ нужнымъ. Коммиссія пригласила всѣхъ участковыхъ врачей.

Работы коммиссіи, если такъ можно назвать два-три шумныхъ засѣданія, вполнѣ подчинились вліянію элементовъ ея личнаго состава. Предсѣдатели участковыхъ комитетовъ усердно и настойчиво стремились внести въ новый уставъ все то, что могло упрочить прежній хаотическій порядокъ вещей, допускавшій безконтрольное расходованіе ежегодно 20 т. р. земскихъ денегъ и тысячъ десяти общественныхъ, крестьянскихъ. Хотя управа слишкомъ умѣренно пользовалась своимъ главенствомъ надъ попечительствами и, желая во что бы то ни стало ладить съ предсѣдателями попечительствъ, недостаточно слѣдила за ихъ дѣйствіями, тѣмъ не менѣе, въ коммиссіи господствовало желаніе снова поставить управу вдали отъ врачебнаго дѣла, обособить возможно болѣе врачебныя попечительства отъ

земства, отъ земскихъ учрежденій, сдѣлать ихъ полновластными и безконтрольными распорядителями земскихъ суммъ и подчинить исключительно ихъ усмотрѣнію все дѣло народнаго здравія. Приглашенные въ коммиссію врачи, поддерживая во всемъ предсѣдателей своихъ попечительствъ, сами по себѣ, проводили только то, что клонилось къ установленію разныхъ удобствъ ихъ службы. Въ коммиссіи только и велась рѣчь о разныхъ правахъ, объ обязанностяхъ никто не говорилъ и не думалъ. Предсѣдатель управы смотрѣлъ на дѣло съ своей точки зрѣнія и, не ожидая отъ работъ коммиссіи чего либо путнаго, составилъ свой проектъ устава и для проформы внесъ его въ коммиссію. Коммиссія съ негодованіемъ отвергла этотъ проектъ и въ своемъ докладѣ земскому собранію говоритъ о немъ слѣдующее:

«Уставъ предсѣдателя управы обременялъ бы только попечительства и предсѣдателей тѣмъ, что подъ предлогомъ соблюденія интересовъ земства вводился новый контроль надъ дѣйствіями попечительствъ, предсѣдателей и врачей, а именно, устраивался при каждомъ попечительствѣ особый совѣтъ изъ лицъ, избираемыхъ земскимъ собраніемъ, и предоставлялось управѣ право вмѣшиваться во всѣ внутреннія дѣла попечительствъ, такъ что предсѣдатели и врачи были бы обременены огромною перепискою; а попечительства могли бы, въ случаѣ желанія управы, какъ объяснено въ § 53 сего устава, быть даже закрытыми, а лечебницы взяты въ хозяйственное распоряженіе управы. Ознакомившись съ духомъ устава предсѣдателя управы, нарушающаго прочность врачебныхъ попечительствъ, многіе члены послѣднихъ потеряли бы то теплое сочувствіе къ дѣлу народнаго здравія, какимъ оно проявлялось попыпѣ со дня введенія попечительствъ.»

Для характеристики дѣйствій и направленія коммиссіи приводимъ 53 § проекта устава, представленнаго предсѣдателемъ управы и который такъ не понравился коммиссіи,—вотъ его содержаніе:

«Въ случаѣ важныхъ упущеній, сдѣланныхъ какимъ-либо изъ участковыхъ врачебныхъ попечительствъ, или такихъ неправильныхъ его дѣйствій, которыя могутъ нарушить успѣшный ходъ врачебныхъ дѣлъ въ уѣздѣ или участкѣ, врачебный совѣтъ (а не управа) можетъ временно пріостановить дѣйствіе того попечительства и, до ближайшей сессіи земскаго собранія, передать дѣла этого попечительства въ вѣдѣніе земской управы или одного изъ предсѣдателей участковыхъ попечительствъ.»

§ 20 того же проекта указывалъ, что врачебный совѣтъ имѣлъ состоять подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя управы изъ членовъ управы, всѣхъ предсѣдателей попечительствъ и участковыхъ врачей. Стало быть, тутъ не могло быть и рѣчи объ опасности для попечительствъ быть закрытыми, по произволу управы. Вся суть недовольства коммиссіи на проектъ заключалась въ боязни установленія правильнаго контроля надъ дѣйствіями попечительствъ. Вотъ больное мѣсто, вотъ пугало нашихъ общественныхъ учрежденій! Халатность и безконтрольность милы на-

шему сердцу и горе ихъ супостатамъ! Въ борьбѣ за нихъ не останавливаются даже передъ очевидной, наглядной ложью.

Отвергнувъ проектъ предсѣдателя управы, коммиссія представила собранію свой «проектъ устава санитарныхъ попечительствъ Карсунскаго уѣзда». Въ проектѣ этомъ санитарнаго ничего нѣтъ, да и другаго чего мало. Весь онъ заключается въ дословномъ повтореніи существовавшихъ прежде «правилъ», отвергнутыхъ земскимъ собраніемъ въ 1877 году, съ добавленіемъ нѣсколькихъ параграфовъ, трактующихъ о правахъ (все о правахъ!) врачей на отпуска, болѣзни, жалованье, эмиритуру и т. п. Часть эта разработана подробно; но за то, что касается до обязанностей, то о нихъ говорится въ общихъ фразахъ, тамъ, гдѣ эту непріятную сторону дѣла обойдти нельзя или неудобно. О внутреннемъ содержаніи, наружномъ построеніи и подробностяхъ этого проекта, распространяться не будемъ, такъ какъ онъ, благодаря Бога, не введенъ, а намъ бы при такомъ подробномъ разсмотрѣніи его пришлось бы столкнуться со слишкомъ большими нарушеніями логики, грамматики и здраваго смысла *).

Отвергнутый коммиссіей, проектъ предсѣдателя управы былъ внесенъ симъ послѣднимъ въ собраніе отъ имени земской управы.

Проектъ этотъ болѣе выработанный, болѣе подробный и обстоятельный, чѣмъ проектъ коммиссіи, съ своей стороны, грѣшилъ слишкомъ большою сложностью проектированной имъ организаціи. Когда механизмъ такъ сильно скрипитъ, какъ скрипѣла въ Карсунскомъ уѣздѣ врачебная организація, то лучше, чтобы механизмъ былъ проще, чтобы колесъ въ немъ было меньше.

Такимъ образомъ, въ собраніи очередной сессіи 1878 года, появилось два проекта земско-медицинской организаціи. Собраніе ни одного изъ нихъ не утвердило, а передало ихъ въ ту же коммиссію, пополнивъ ея составъ всею управою и обязавъ ее изъ двухъ проектовъ составить одинъ общій. Истекшій послѣ того годъ значительно умиротворилъ и коммиссію, и управу, — сдѣланы были обоюдныя уступки, результатомъ которыхъ явился «уставъ земско-медицинской организаціи Карсунскаго уѣзда», утвержденный собраніемъ въ послѣднюю очередную сессію. Это утвержденіе губернаторомъ не опротестовано и вошло въ законную силу. И по наружному построенію и по внутреннему содержанію, новый уставъ есть ни что иное,

---

*) Дабы такое заключеніе не было голословнымъ, приводимъ § 13 сего проекта:

„Дѣятельность попечительствъ сосредоточивается въ общихъ собраніяхъ членовъ". Или, напримѣръ, 6 пунктъ 12 §:

„Согласно формы медико-санитарной статистики, выработанной согласно предыдущаго пункта, врачи обязательно ведутъ свою отчетность".

Весь этотъ проектъ напечатанъ въ земскомъ изданіи озаглавленномъ: „постановленія Карсунскаго уѣзднаго земскаго собранія сессіи 1878 г.",—смотр. стр. 114—120.

какъ уставъ, проектированный предсѣдателемъ управы, но съ нѣсколько упрощеннымъ механизмомъ организаціи. Онъ подраздѣленъ на слѣдующія двѣнадцать главъ:

I. Положенія общія.

II. Устройство врачебныхъ участковъ.

III, IV и V. Органы управленія:

а) ихъ составъ, б) ихъ права и обязанности, в) способы и порядокъ выполненія ими возложенныхъ на нихъ обязанностей.

VI. Служащія лица.

VII. Лечебныя заведенія.

VIII. Способы врачеванія. Акушерство. Оспопрививаніе.

IX. Врачебныя пособія и вспомогательныя учрежденія.

X. Анти-эпидемическія мѣропріятія.

XI. Денежныя средства. Дѣлопроизводство. Отчетность.

XII. Регламентація.

Изъ одного уже перечня главъ устава можно видѣть, что онъ выработанъ довольно систематично и затрогиваетъ всѣ отрасли дѣла. Что же касается до нововведеній и измѣненій, имъ вносимыхъ, то главнѣйшія изъ нихъ заключаются вотъ въ чемъ:

Предсѣдатели попечительствъ избираются земскимъ собраніемъ, а не самими попечительствами изъ числа ихъ членовъ, какъ то было прежде. Избираются они изъ гласныхъ или лицъ, имѣющихъ право быть гласными. Кромѣ предсѣдателей, земское собраніе избираетъ на каждый участокъ по два уполномоченныхъ, въ число непремѣнныхъ членовъ попечительства. Священники исключены изъ числа лицъ, имѣющихъ право быть непремѣнными членами. Говорятъ, что мѣра эта вызвана тѣмъ, что они поступали въ члены попечительствъ, не съ цѣлью принести пользу дѣлу, не въ интересахъ своихъ паствъ, а исключительно для доставленія своимъ родственникамъ мѣстъ врачей и акушерокъ и для покровительства затѣмъ ихъ нерадѣнію. Но эта положительная неправда. Быть можетъ, священники, какъ и прочіе члены, пользы дѣлу принесли мало, потому ли что не могли или потому, что не хотѣли, объ этомъ мы не споримъ; но положительно утверждаемъ, что въ Карсунскомъ уѣздѣ, до сихъ поръ, не было ни одного земскаго врача, ни одного фельдшера и ни одной акушерки, которые были бы въ родствѣ съ какимъ либо мѣстнымъ священникомъ. На священниковъ указываютъ, какъ на источникъ ссоръ и недоразумѣній, происходившихъ въ попечительствахъ; между тѣмъ, въ Карсунскомъ попечительствѣ, наиболѣе въ этомъ отношеніи отличившимся, за что оно и было закрыто, не было ни одного священника. Браниться и ссориться будутъ и безъ священниковъ; но разъ существуютъ попечительства, на которыя возложена забота объ охраненіи здравія мѣстныхъ жителей, разумнѣе было бы оставить въ ихъ средѣ священниковъ, имѣющихъ въ своихъ рукахъ, многія отрасли необходимой для попечительствъ

мѣстной статистики и поставленныхъ, по своимъ обязанностямъ, въ возможность лучше и скорѣе другихъ знать, по крайней мѣрѣ, частные случаи мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Новый уставъ не ограничиваетъ, какъ было прежде, участіе земства въ расходахъ попечительствъ какою-либо опредѣленной, на-обумъ взятою цифрой, а указываетъ болѣе правильное ассигнованіе, сообразно потребностямъ и въ размѣрѣ, ежегодно устанавливаемомъ земскимъ собраніемъ. Не послужитъ ли это къ избавленію, на будущее время, сельскихъ обществъ отъ обложенія ихъ душевымъ на медицинскую часть сборомъ? Пора смотрѣть на дѣло народнаго здравія, какъ на дѣло общее,—всего земства, а не исключительно крестьянское.

Что же касается до общаго направленія новаго устава, то мы напрасно искали бы въ немъ чего либо похожаго на санитарное дѣло. Есть, правда, въ уставѣ цѣлая глава, трактующая объ анти-эпидемическихъ мѣропріятіяхъ, но въ ней говорится о мѣрахъ противъ появившихся уже эпидемій, и собственно не о мѣрахъ, а о томъ, кто кого, какъ и какъ скоро долженъ о появленіи ихъ увѣдомлять, когда о томъ узнаетъ. Затѣмъ, всѣ должны принимать «*нужныя мѣры*». Двумя словами все будто сказано, а для дѣла слова эти остаются пустыми и ничего незначащими. Кто будетъ принимать эти *нужныя мѣры*?—Участковые врачи? А больница, а сотни больныхъ неэпидемическихъ? Кто дастъ средства?—Попечительства? Но они ели-ели сами существуютъ. Да и не дѣло это маленькихъ попечительствъ, не дѣло это и уѣздныхъ земствъ, и правильно поступило Карсунское, не внеся въ свою организацію санитарнаго элемента. Санитарное дѣло должно всецѣло принадлежать губернскимъ земствамъ, у которыхъ есть на то и средства, и возможность управлять, руководить дѣломъ на пространствѣ цѣлой губерніи, а не одного уѣзда или участка, граничащими съ уѣздами, неимѣющими санитарнаго устроенія и служащими гнѣздами заразъ. Въ этотъ смыслѣ, предсѣдатель Карсунской Земской Управы дѣлалъ представленіе Симбирскому губернскому собранію въ сессію 1878 года, но собраніе на это представленіе не обратило никакого вниманія. Въ прошломъ 1879 году правительство дало земству право изданія обязательныхъ постановленій относительно мѣръ противъ эпидемій, но ни Симбирское губернское, ни Карсунское уѣздное правомъ этимъ до сихъ поръ не пользовались и, такимъ образомъ, санитарное дѣло, въ данной мѣстности, есть дѣло будущаго, въ настоящее же время мы не видимъ ничего похожаго на него. А, между тѣмъ, пока санитарное устройство не получитъ надлежащаго развитія, вся земская медицина будетъ жалкое и уродливое дѣло, толченіе воды, напрасная, непроизводительная трата большихъ денегъ. Санитарно-эпидемическое устроеніе медицинской организаціи губернскаго земства и помогающее ему врачебное, практически-лечебное устроеніе по уѣздамъ, вотъ, по мнѣнію нашему, сочетаніе вполнѣ правильное, могущее удовлетворить и широкимъ, на наукѣ основаннымъ, задачамъ искорененія зла

въ его причинахъ и источникахъ и чувству человѣколюбія, недозволяющему безучастно проходить мимо частныхъ, единичныхъ случаевъ человѣческихъ страданій.

На удовлетвореніе въ текущемъ 1880 году нуждъ вновь регламентированной медицинской организаціи, Карсунское земское собраніе ассигновало 22,400 р. Сумма эта распредѣляется такъ:

16500 р, на нужды попечительствъ;
1000 р. на принятіе мѣръ противъ эпидемій и эпизоотій;
800 р. на содержаніе оспеннаго телятника;
100 р. на медицинскую библіотеку и
4000 р. на содержаніе больницы въ г. Карсунѣ.

Послѣдняя статья расхода есть вполнѣ непроизводительная трата, это—обязательная часть необязательнаго расхода. Закрыть больницу, въ которой лечатся исключительно солдаты и арестанты — земство не можетъ, не имѣетъ права, а она ему вовсе не нужна. Земство предлагало эту больницу городу въ даръ, но городъ потребовалъ отъ земства придачи по 3 т. р. въ годъ. На этомъ пока дѣло и остановилось.

Мы, по возможности, подробно разсмотрѣли дѣятельность Карсунскаго земства по дѣлу народнаго здравія, на которое оно потратило и денегъ много, и заботъ не мало. Оглядываясь, затѣмъ, на шестилѣтнюю дѣятельность учрежденныхъ этимъ земствомъ врачебныхъ попечительствъ, мы, къ сожалѣнію, не видимъ никакихъ слѣдовъ работъ, труда и заботъ о народномъ здравіи. Быть можетъ, все это и было, но мы не находимъ никакихъ цифръ, никакихъ свѣдѣній о положеніи дѣла, о ходѣ врачеванія, о способахъ врачеванія, о томъ, куда и на что истрачены попечительствами 144 т. руб. земскихъ денегъ и тысячь 50 крестьянскихъ. Тѣ отчеты попечительствъ, которые имѣются въ управѣ, не суть отчеты, а какое-то безсвязное, безсистемное наполненіе графленной бумаги и то графленной не по одному образцу, а какъ кому вздумалось и когда вздумалось. Мы видѣли взглядъ попечительствъ на контроль и отчетность. По понятіямъ предсѣдателей попечительствъ, требованіе отъ нихъ отчетовъ есть стѣсненіе и равносильно личному оскорбленію. Мы видѣли стремленіе попечительствъ обособиться отъ земства, отъ земскихъ учрежденій, — стать какими-то особыми, самозарождающимися, ни съ чѣмъ связи неимѣющими, но отовсюду деньги берущими учрежденіями. Если же мы углубимся въ дѣло каждаго попечительства, если при этомъ посѣтимъ участки и участковыя лечебницы, то увидимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ обставлены довольно хорошо, обстроились, обшились, кой-чѣмъ обзавелись, но за то въ другихъ участкахъ ничего нѣтъ, кромѣ неисчерпаемыхъ ссоръ и дрязгъ. Все это наводитъ на мысль, что, если децентрализація врачебной помощи безусловно необходима, то управленіе врачебной организаціи должно быть, до извѣстной степени, централизовано и сплочено и, что если идея объ учрежденіи детальныхъ, спе-

ціальное назначеніе имѣющихъ земскихъ органовъ, сама по себѣ хороша, ибо органы эти, при правильномъ установленіи ихъ, могутъ служить обратной, такъ сказать, связью земскихъ учрежденій съ мѣстнымъ населеніемъ,—то примѣнять её слѣдуетъ съ крайней осторожностью, ибо, въ противномъ случаѣ, польза отъ нея, какъ мы видѣли выше, замѣняется смутой и безподрядкомъ.

Затѣмъ, обращаемся къ другимъ дѣламъ Карсунскаго земства.

Б. Н. Н.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Русская политика въ Азіи.

Движеніе Россіи на Востокъ ясно опредѣлилось во второй половинѣ XV вѣка.

Въ 1476 г. была завоевана Пермь; въ 1502 пала Золотая Орда; въ 1552 г. взята Іоанномъ Грознымъ Казань; въ 1556 г. присоединено къ Россіи Астраханское царство, а спустя менѣе чѣмъ сто лѣтъ Россія владѣла уже всей сѣверной Азіей, исключая Камчатки. Дальнѣйшее распространеніе русской власти остановили Китайцы.

Нерчинскимъ трактатомъ, заключеннымъ въ 1689 г., мы даже уступили Китаю часть завоеванныхъ нами земель и съ этого времени до текущаго столѣтія, русская граница въ Азіи не измѣнялась.—Наша уступчивость по отношенію къ Китаю въ XVII и XVIII столѣтіяхъ обусловливалась, главнымъ образомъ, ложнымъ представленіемъ о силахъ и средствахъ, которыми располагала Поднебесная Имперія. Принимая вызовъ Европы, мы смиренно сносили не только угрозы, но даже и оскорбительныя выходки китайскихъ министровъ. Только въ пятидесятыхъ годахъ правительство поняло, что нѣтъ основанія опасаться Китая и что, напротивъ, послѣдній долженъ заискивать въ насъ. Россія настоятельно потребовала тогда заключенія торговаго трактата. Кульджинскимъ договоромъ 1851 г. установлены правила для торговыхъ сношеній съ Кульджей и Чугучакомъ и признано за Россіей право имѣть консуловъ въ Китаѣ.

Айгунскимъ трактатомъ 1858 г. весь лѣвый берегъ Амура (земли уступленныя китайцамъ по Нерчинскому трактату) присоединенъ къ Россіи. Вполнѣ сознавая свою слабость, пекинское правительство совершенно измѣнило свой образъ дѣйствій по отношенію къ Россіи, трактатами Тянъ-цзинскимъ и дополнительнымъ Пекинскимъ опредѣлены права русскихъ купцовъ въ Китаѣ, и Россіи предоставлено право имѣть консуловъ въ открытыхъ для торговли портовыхъ городахъ Китая. Болѣе полутораста лѣтъ мы не считали возможнымъ потребовать, для обезпеченія своихъ торговыхъ

интересовъ, малѣйшей уступки отъ китайскаго правительства; измѣнивши же свою политику, Россія менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ достигла такихъ результатовъ, о которыхъ недавно еще и не смѣла мечтать. Правда, благопріятному для насъ исходу переговоровъ съ китайскими министрами много способствовали западно-европейскія правительства, едва не разрушившія Манджурскую Имперію, но Россія не слѣдовала примѣру этихъ правительствъ, и мы добились уступокъ отъ министровъ богдыхана не силою оружія, а переговорами; поэтому-то въ шестидесятыхъ годахъ мы пользовались особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ Китая.

Два послѣднія десятилѣтія Китаю пришлось переживать тяжелыя минуты. Въ 1864 году вспыхнуло возстаніе мусульманъ въ восточномъ Туркестанѣ. Занятое междоусобной войной на Юго-Востокѣ, правительство богдыхана не въ силахъ было съ успѣхомъ бороться съ мусульманами. Дунгане захватили города Урумчи, Манасъ и Турфонъ; въ Кульджѣ (Илійской провинціи) образовалось Таранчинское султанство, а Кашгаръ (Джитымаръ), подпалъ подъ власть предпріимчиваго коканскаго генерала Якубъ-бека. Китайцы, не имѣя возможности бороться съ возстаніемъ, обратились за содѣйствіемъ къ русскимъ властямъ, но Россія, не желая возбуждать неудовольствія мусульманъ, предпочла отклонить эту просьбу. Министры богдыхана рѣшились тогда обратиться къ нашему представителю при пекинскомъ дворѣ, но и это ходатайство китайцевъ не имѣло успѣха. Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ возстаніе усиливалось. Русская торговля несла громадныя потери; цвѣтущіе и населенные округа превращались въ пустыни. Китайцы гибли въ Кульджѣ и Кашгарѣ сотнями тысячъ. Русскія факторіи въ Кульджѣ и Чугучакѣ (Тарбогатаѣ) были разрушены. Правильныя торговыя сношенія съ Китаемъ чрезъ возстанія провинцій сдѣлались немыслимы. Наконецъ, возстаніе начало грозить даже нашему главному торговому пути въ Китай. Вслѣдствіе этого Россія признала необходимымъ оказать нѣкоторое содѣйствіе китайскимъ властямъ. Мы предложили китайцамъ совмѣстное занятіе Илійской долины. Но это предложеніе было отвергнуто пекинскимъ правительствомъ. Между тѣмъ, сами обстоятельства вынудили насъ подчинить своей власти Кульджу. Крайне враждебное отношеніе къ Россіи кульджинскаго султана и неоднократныя нападенія тарангинскихъ отрядовъ на нашу границу заставили генерала Колпаковскаго начать непріязненныя дѣйствія противъ Кульджи. Въ нѣсколько дней борьба была окончена и султанъ безусловно сдался русскому отряду. Мы сдѣлались невольными владѣльцами Или. Почти одновременно съ извѣстіемъ о занятіи Колпаковскимъ Илійской долины пришла телеграмма изъ Пекина, что китайское правительство не желаетъ совмѣстнаго съ нами занятія Кульджи. Россія была вынуждена оставить за собою Или; но, прежде чѣмъ подобное рѣшеніе могло быть сообщено китайцамъ, послѣдніе, получивъ, вѣроятно, свѣдѣнія о нашемъ вступленіи въ Кульджу, выразили согласіе принять отъ Россіи эту провинцію. Министры богдыхана поспѣшили отправить высокаго

сановника съ незначительнымъ эскортомъ для занятія долины Или. Со стороны Россіи, для веденія переговоровъ съ этимъ сановникомъ, былъ командированъ генералъ-маіоръ Богуславскій, нашъ бывшій драгоманъ посольства въ Константинополѣ.

Отказавшись отъ совмѣстнаго съ Россіей занятія Кульджи и предоставивъ намъ однимъ покорять эту провинцію, китайцы должны были подчиниться тѣмъ требованіямъ, которыми мы обусловили передачу имъ этой провинціи. Китайскій сановникъ, отправленный для принятія Кульджи, не имѣя возможности удовлетворить этимъ требованіямъ, вынужденъ былъ отказаться отъ надежды выполнить возложенное на него порученіе. Россія требовала, чтобъ онъ обезпечилъ намъ спокойствіе въ Или и чтобы было сдѣлано нѣкоторое исправленіе границъ. Такъ какъ происходившіе въ г. Вѣрномъ переговоры не привели китайцевъ къ желательнымъ результатамъ, то пекинское правительство мало-по-малу начало выражать намъ свое неудовольствіе. Многія законныя требованія русскихъ властей не удовлетворялись. Русскіе купцы за разграбленные караваны не получали вознагражденія. Китайскіе чиновники неправильно взыскивали съ русскихъ двойные налоги; наконецъ, недобросовѣстность китайскихъ властей достигла такихъ размѣровъ, что съ одного изъ пароходовъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли незаконно истребована была значительная пеня и, не смотря на всѣ представленія нашего посланника, китайцы отказались вознаградить Общество.

Даже за оскорбленіе, нанесенное русскому офицеру чоганъ кегенемъ, духовнымъ главою калмыковъ, мы не могли добиться удовлетворенія. Китайцы, видимо, желали дать понять, что недовольны Россіей. Опасаясь, что русское правительство пожелаетъ оставить Кульджу за собою, они какъ бы хотѣли дать намъ почувствовать тѣ неудобства, которымъ мы подвергаемся въ случаѣ отказа возвратить имъ долину Или. Министры богдыхана неоднократно возбуждали вопросъ о передачѣ Или; но Россія продолжала поддерживать тѣ требованія, которыя были предъявлены при переговорахъ въ Вѣрномъ, т. е. чтобы китайцы предварительно обезпечили свою власть въ мусульманскихъ провинціяхъ. Для подчиненія своей власти этихъ провинцій, пекинское правительство рѣшилось, наконецъ, прибѣгнуть къ исключительнымъ мѣрамъ. Была сформирована многочисленная армія и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока продолжалась борьба съ мусульманами, правительство не останавливалось ни передъ какими расходами для обезпеченія успѣшнаго исхода войны. Не смотря на недружелюбное къ намъ отношеніе китайцевъ, Россія не считала удобнымъ отказать имъ въ поддержкѣ и значительная часть провіанта для арміи Цзо-цзунъ-Тана была доставлена Россіей, согласно разрѣшенному купцу Каменскому подряду. Быть можетъ безъ нашей поддержки китайцы не имѣли бы возможности подчинить мусульманъ. Не смотря на отчаянное сопротивленіе дунганъ, главные центры возстанія, Урумца и Манасъ, были взяты китайцами, ко-

торые оказались кровожадиѣе мусульманъ: десятки тысячъ послѣднихъ были ими вырѣзаны. Сломивъ сопротивленіе дунганъ, Цзо-цзунъ-Танъ двинулся противъ Кашгара, владѣлецъ котораго, Якубъ-бекъ, приготовляясь къ борьбѣ, прибѣгалъ къ притѣсненіямъ и поборамъ, вслѣдствіе чего потерялъ расположеніе и довѣріе народа. Не будучи поддержанъ народомъ, онъ оказался не въ силахъ бороться съ китайцами; а послѣ его смерти, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, не было даже сдѣлано серьезной попытки остановить побѣдоносное шествіе китайцевъ. Достаточно было незначительнаго отряда войскъ Цзо-цзунъ-Тана, чтобы занять бывшую столицу Якубъ-бека.

Подчинивъ своей власти главные центры мусульманскаго возстанія, правительство богдыхана, естественно, обратило свое вниманіе на Илійскую долину, отпаденіе которой отъ Поднебесной Имперіи было однимъ изъ послѣдствій этого возстанія. Но не смотря на все желаніе возстановить свою власть въ Или, оно должно было задержать войска Цзо-цзунъ-Тана на границѣ Кульджи. Снова начались дипломатическіе переговоры о передачѣ Или; китайцы, ссылаясь на наше обѣщаніе, отдать имъ эту провинцію, когда они обезпечатъ свою власть въ возставшихъ провинціяхъ, требовали немедленнаго исполненія этого обѣщанія; Россія возражала, что, соглашаясь въ принципѣ на возвращеніе имъ Кульджи, она не можетъ приступить къ переговорамъ по этому вопросу, пока всѣ наши законныя требованія не будутъ исполнены; а за послѣднее время накопилось не мало претензій къ китайскому правительству.

Придавая особенное значеніе обладанію Кульджи, правительство богдыхана рѣшилось, наконецъ, отправить для переговоровъ по всѣмъ возбужденнымъ вопросамъ, и въ особенности кульджинскому, чрезвычайнаго посла, снабдивъ его широкими полномочіями. Выборъ палъ на Чунъ-Хау, бывшаго генералъ-губернатора Манджуріи, ѣздившаго уже однажды въ Европу для принесенія извиненія французскому правительству, по случаю происходившихъ въ Тянь-Цзинѣ убійствъ. Выказанный Чунъ-Хау тактъ, во время его пребыванія во Франціи, а также его выдающійся умъ, служили китайскому правительству залогомъ благопріятнаго для него исхода переговоровъ.

Вопросъ о Кульджѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ возбуждавшій живой интересъ въ печати и обществѣ, несомнѣнно имѣетъ большое значеніе для насъ, такъ какъ съ этимъ вопросомъ связаны наши существенные интересы въ Азіи. Противъ возвращенія этой провинціи Китаю высказывалось не только большинство нашей періодической прессы, но и многіе вліятельные правительственные кружки. Нѣкоторые изъ доводовъ, приводимыхъ противниками возвращенія Кульджи, нельзя не признать весьма и весьма вѣскими. Илійская долина дѣйствительно представляетъ одну изъ самыхъ плодородныхъ и богато надѣленныхъ природою мѣстностей Азіи;—для западнаго Китая она долгое время была главною житницей, но, кромѣ

плодородной почвы и прекраснаго климата, Или обладаетъ также и минеральными богатствами. Разработка залежей каменнаго угля и рудъ можетъ доставить, со временемъ, значительныя выгоды. Насколько вообще благопріятны условія этой провинціи для процвѣтанія, лучше всего свидѣтельствуетъ та степень благосостоянія, до которой достигла Кульджа въ послѣдніе годы китайскаго владычества. Многочисленные населенные города, громадныя постройки, обширная торговля, все это (не существующее уже теперь) несомнѣнно доказываетъ, что, со временемъ, Кульджа будетъ одной изъ самыхъ цвѣтущихъ провинцій Средней Азіи. Кромѣ того, Илійская долина имѣетъ для Россіи и нѣкоторое стратегическое значеніе. Владѣя Кульджей, мы бы имѣли естественную и прочную границу по хребту Тянь-Шань, тогда какъ, возвративъ Китаю Или, должны будемъ удовлетвориться искусственной границей.

Но какъ не существенны доводы, высказываемые противъ уступки Кульджи, есть много не менѣе существенныхъ причинъ, побуждавшихъ Россію рѣшиться возвратить Китаю эту провинцію. Во первыхъ, отказавшись отдать Илійскую долину, послѣ того какъ Китайцы выполнили поставленныя нами условія для передачи имъ этой провинціи, мы поступили бы вопреки нашей традиціонной политики въ Азіи, гдѣ Россія постоянно дѣйствовала откровенно и честно. Въ Азіи довѣряютъ обязательствамъ русскаго правительства и разрушить теперь это довѣріе не въ нашихъ интересахъ. Конечно, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, было бы возможно объяснить нашъ отказъ продолжительнымъ занятіемъ Россіей этой провинціи и тѣми реформами, которыя введены уже нами: заселеніемъ Кульджи русскими, и другими подобными условіями, хотя и не выдерживающими серьезной критики, тѣмъ не менѣе могущими, въ случаѣ надобности, служить намъ оправданіемъ. Но, кромѣ невыгоднаго для русской политики подрыва довѣрія къ принятымъ нами на себя обязательствамъ, есть еще и другія не менѣе важныя причины, побудившія Россію согласиться на уступку Кульджи. Послѣдствіемъ рѣшительнаго отказа выполнить данное бывшимъ представителемъ Россіи въ Пекинѣ генералъ-маіоромъ Влангали обѣщаніе—возвратить Илійскую долину, былъ бы дипломатическій разрывъ между Пекиномъ и Петербургомъ, что неблагопріятно отразилось бы на нашей торговлѣ съ Китаемъ.

Достаточно намъ было заявить китайцамъ, что Или возвращена будетъ только условно, чтобы вызвать серьезныя затрудненія для нашей торговли. Какихъ же послѣдствій мы должны были ожидать въ случаѣ разрыва дипломатическихъ сношеній. Какъ не незначительны наши торговые обороты съ Поднебесной Имперіей, тѣмъ не менѣе они много способствуютъ процвѣтанію окраинъ. Если не принимать въ разсчетъ нашей торговли съ Монголіей, то мы ввозимъ ежегодно въ Китай товаровъ на сумму отъ трехъ до четырехъ милліоновъ рублей и преимущественно ввозъ производится чрезъ сухопутную границу. Вывозимъ же мы ежегодно, въ среднемъ вы-

водѣ, приблизительно, на 12 милліоновъ рублей, главнымъ образомъ, чай, котораго чрезъ сухопутную границу доставляютъ въ Россію слишкомъ на 5 милліоновъ рублей. Не подлежитъ сомнѣнію, что серьезныя недоразумѣнія, которыя бы возникли въ случаѣ нашего отказа возвратить Кульджу, значительно бы сократили торговые обороты съ Китаемъ и вынудили бы многихъ торговцевъ совершенно прервать всѣ сношенія съ китайцами. Конечно, со временемъ, сношенія между обоими государствами возобновились бы, но для возстановленія нашей торговли потребовались бы годы и чрезвычайныя условія.

На принятое нами рѣшеніе выполнить данное министрамъ богдыхана обѣщаніе, должна была вліять также и представлявшаяся возможность открыть новые обширные рынки для русскихъ товаровъ. По заключенному съ Чунъ-Хоу трактату, Россія получаетъ право свободной торговли во всемъ застѣпномъ Китаѣ. Послѣдствія этой статьи Петербургскаго трактата могутъ имѣть для Россіи въ будущемъ громадное значеніе. Право свободной торговли въ этой части Поднебесной Имперіи даетъ намъ возможность сбывать тамъ свои товары на милліоны рублей, не опасаясь конкурренціи другихъ государствъ. Какъ бы не понизили цѣну англійскіе и нѣмецкіе фабриканты на свои мануфактурныя произведенія, достигая застѣпнаго Китая, они должны на столько вздорожать, вслѣдствіе установленныхъ въ Китаѣ внутреннихъ пошлинъ—лицзина, что русскіе товары, не смотря на свою относительную дороговизну, все-же будутъ доступнѣе мѣстному населенію. При томъ русскія мануфактурныя произведенія, по своей добротѣ, значительно превосходятъ западно-европейскія и если бы не сравнительно высокая цѣнность ихъ, то они бы съ успѣхомъ могли конкуррировать съ англійскими и во внутреннемъ Китаѣ. Что значительный сбытъ русскихъ товаровъ будетъ вполнѣ обезпеченъ въ застѣпномъ Китаѣ лучшимъ доказательствомъ служитъ наша торговля съ Калганомъ.

Калганъ, гдѣ, благодаря лицзину, англійскія мануфактурныя произведенія не могутъ конкуррировать съ нашими, служитъ до настоящей минуты главнымъ рынкомъ для сбыта русскихъ товаровъ. Китайскими и русскими торговцами туда доставляется ежегодно разнаго товара на три милліона. Къ сожалѣнію, продавцами въ Калганѣ являются почти исключительно китайцы, дѣлающіе закупки на русской границѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1876 г. китайскими купцами ввезено туда на 2,700,000, а русскими только на 200,000—преимущественно драгоцѣнныхъ металловъ. Главный предметъ сбыта въ Калганѣ — это шерстяныя ткани: сукна мизерецкія и драдедамъ, которыхъ въ 1876 г. доставлено было изъ Россіи приблизительно на 800,000 р.; затѣмъ бумажныя ткани: плисъ вальвергъ, нанка и пр. на 950 т., пушной товаръ на 480,000 р. и кожевенный на 200,000 рублей.

Вотъ главные предметы сбыта на Калганскомъ рынкѣ. Многіе изъ этихъ товаровъ могутъ имѣть успѣшный сбытъ и на другихъ китайскихъ рын-

кахъ. Поэтому-то на нашу Калганскую торговлю должно быть обращено особенное вниманіе всѣхъ лицъ, интересующихся развитіемъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ.

Въ настоящее время, Великобританское правительство крайне озабочено открытіемъ новыхъ рынковъ для англійскихъ мануфактурныхъ произведеній и Англія готова принесть многія жертвы лишь бы расширить кругъ сбыта товаровъ. Министры королевы Викторіи хорошо понимаютъ, что тѣмъ большее число рынковъ будетъ доступно для англійскихъ произведеній, тѣмъ болѣе будетъ обезпечено благосостояніе Великобританіи. Естественно, что Россія тоже должна была обратить вниманіе на представлявшійся ей случай обезпечить за собою въ Азіи нѣкоторые рынки. Правда, наше фабричное производство не можетъ быть сравнено съ англійскимъ, но тѣмъ не менѣе мы всегда умѣли удовлетворять требованіямъ азіатскихъ народовъ, и если наша торговля въ послѣднее время упала, то по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ. Англійская конкурренція, съ которой наши фабриканты не въ силахъ бороться, отняла у насъ въ Азіи большую часть потребителей и значительно сократила наши торговые обороты. Недавно еще многія русскія фабрики заняты были выдѣлкою тканей для Поднебесной Имперіи, теперь же сукна, напримѣръ, поставляются почти исключительно двумя фабрикантами: Бабкинымъ и Тюляевымъ. Не говоря уже о сравнительной съ Англіей дороговизнѣ выдѣлки тканей, стоимость ихъ значительно повышается также и отъ провоза сухимъ путемъ, тогда какъ англичане доставляютъ свои товары на корабляхъ. Но несомнѣнно, что если бы въ благопріятныхъ условіяхъ для развитія русской торговли стоялъ не одинъ только Калганъ, но и другіе города Китая, то многіе наши фабриканты завязали бы торговыя сношенія съ китайцами.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Россія, при переговорахъ о Кульджѣ, должна была принять во вниманіе выраженную китайскимъ правительствомъ готовность предоставить русскимъ купцамъ право свободной торговли въ застѣнномъ Китаѣ.

Рѣшеніе Россіи возвратить китайцамъ Кульджу обусловливалось, слѣдовательно, не только желаніемъ строго слѣдовать традиціонной политикѣ и выполнить принятое на себя обязательство, но и тѣми выгодами, которыя представлялось возможнымъ извлечь изъ новаго договора съ Китаемъ. Крайне неблагопріятныя для русской торговли усложненія, грозившія возникнуть въ случаѣ отказа исполнить данное обѣщаніе, также должны были имѣть вліяніе на это рѣшеніе. Но, кромѣ вышеизложенныхъ соображеній, нельзя не обратить вниманіе и на дѣйствительное значеніе Кульджи. Какъ не плодоносна долина Или и какія богатства не скрываются въ Кульджинскихъ горахъ, но Россія владѣетъ уже теперь многими мѣстностями, ни въ чемъ не уступающими Или, какъ въ близъ лежащихъ къ Кульджѣ областяхъ, такъ и въ Ферганѣ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на благопріятныя условія, мѣстности эти не заселяются, что было бы желательно, и

трудно представить даже себѣ, когда они могутъ достигнуть той степени благосостоянія, какой достигла долина Или въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Экономическія условія Китая не имѣютъ ничего общаго съ экономическими условіями Россіи. Вслѣдствіе густоты населенія въ первомъ, въ Кульджу прибывала постоянно масса переселенцевъ и только благодаря этому условію населеніе Илійской долины быстро возростало. Плодородіе же края давало возможность легко прокормить всѣхъ переселенцевъ. Китайцы, свободные отъ земледѣлества, обратились къ ремесламъ и общее благосостояніе провинціи быстро возвысилось. Естественно, что эта провинція имѣетъ громадное значеніе для Китая; но мы, страдающіе недостаткомъ рукъ даже въ хлѣбородныхъ русскихъ губерніяхъ, не можемъ имѣть на Кульджу тѣ же виды, которые имѣетъ на нее въ настоящую минуту Китай. Поэтому нельзя не признать, что наши экономическіе интересы не требуютъ удержанія Кульджи. Также мало имѣютъ значенія въ данную минуту и стратегическія соображенія о значеніи Кульджи. Какъ не важно владѣть хорошею стратегическою позиціей, но если не представляется надобность пользоваться выгодами своего положенія, то едва ли возможно придавать этому особенное значеніе, а по отношенію къ Китаю мы именно находимся въ такомъ положеніи. Пройдетъ много лѣтъ прежде чѣмъ можно будетъ серьезно говорить объ опасности, которая грозитъ намъ отъ Китая въ Средней Азіи. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, какъ неосновательны всѣ предположенія о китайскомъ нашествіи. Отдаленная отъ Китая степями Гоби и Дунганскими землями, Или не можетъ служить для наступательныхъ цѣлей китайскаго правительства. При томъ же сообщенія съ этой провинціей такъ затруднительны, что ожидать съ этого пункта наступательнаго движенія со стороны китайцевъ положительно немыслимо. Имъ самимъ будетъ трудно, если не невозможно, удержаться при малѣйшемъ усиліи Россіи вытѣснить ихъ изъ Кульджи. Впрочемъ, вообще всякое серьезное вооруженное столкновеніе между Россіей и Китаемъ такъ мало правдоподобно, что едва ли слѣдуетъ принимать во вниманіе подобную случайность. Желать или ожидать войны Россіи съ Китаемъ могутъ только или зазнавшіеся китайскіе сановники, подобные Цзо-Цзунъ-Тану, побѣдителю Кашгара, не знакомые съ европейскими войсками и позабывшіе уроки пятидесятыхъ годовъ, или же черезъ-чуръ уже воинственные русскіе офицеры. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ наши непріязненныя отношенія къ Китаю ограничатся отдѣльными вооруженными столкновеніями, такъ какъ ни мы, ни китайцы не можемъ вести наступательную войну. Конечно, вообще желательно бы было избѣгнуть столкновенія, но если бы и случилось что либо подобное, то пострадали бы отъ этого преимущественно китайцы. Послѣдствіемъ столкновенія съ Россіей было бы возстаніе мусульманъ въ только что покоренныхъ китайцами провинціяхъ и, въ данномъ случаѣ, сочувствіе Россіи было бы, понятно, на сторонѣ послѣднихъ. Если мы еще недавно явно выражали желаніе, чтобы китайцы снова воз-

становили свою власть въ Дунганскихъ городахъ и Кашгарѣ, то къ этому побуждали насъ наши собственные интересы. Порядокъ вещей, установившійся послѣ изгнанія китайцевъ, въ этихъ сопредѣльныхъ съ Россіей провинціяхъ, неблагопріятно отразился на нашей торговлѣ; а мусульманское владычество, видимо, препятствовало развитію торговыхъ сношеній съ Китаемъ. Кромѣ того насъ озабочивало также вліяніе на Кашгаръ остъ-индскаго правительства. Но если бы надежды Россіи на возможность обезпеченія нашихъ торговыхъ интересовъ, при водвореніи китайцевъ въ мусульманскихъ провинціяхъ, не оправдались, то мы будемъ вынуждены оказывать поддержку мусульманамъ. Россія окажетъ поддержку мусульманамъ также и въ томъ случаѣ, еслибъ китайцы пожелали нарушить тѣ права, которыя предоставлены намъ послѣднимъ трактатомъ. Пекинское правительство, конечно, понимаетъ это, и необезпеченность его положенія въ Кульджѣ и Восточномъ Туркестанѣ служитъ намъ лучшей гарантіей добросовѣстнаго выполненія китайцами условій трактата.

Заключая новый трактатъ съ Китаемъ и удовлетворяя его требованіямъ, мы вправѣ были разсчитывать, что миролюбивая и прямая политика петербургскаго кабинета произведетъ благопріятное впечатлѣніе въ Пекинѣ и послѣ того какъ наиболѣе озабочивающія оба государства недоразумѣнія будутъ устранены, представится возможность придти къ соглашенію и по другимъ вопросамъ, имѣющимъ для Россіи существенное значеніе, но, по политическимъ соображеніямъ, не затронутымъ при переговорахъ съ Чунъ-Хоу, такъ, напримѣръ, по вопросу о плаваніи по р. Сунгари, впадающей въ Амуръ. Китайцы, не смотря на первую и вторую статьи Айгунскаго трактата*), оспариваютъ у насъ право судоходства по Сунгари и препятствуютъ нашимъ торговымъ сношеніямъ по этой рѣкѣ, основываясь на томъ, что по-манджурски Сунгари называется также часть р. Амура и что въ трактатѣ говорится не о притокѣ Сунгари, а именно объ

*) 1) Лѣвый берегъ рѣки Амура, начиная отъ рѣки Аргуты до морскаго устья р. Амура, да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства; а правый берегъ, считая внизъ по теченію до рѣки Уссури,—владѣніемъ Дайцынскаго государства: отъ р. Уссури далѣе до моря, находящіяся мѣста и земли, впредъ до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣніи Дайцынскаго и Россійскаго государствъ. По рѣкамъ: Амуру, Сунгари и Уссури могутъ плавать только суда Дайцынскаго и Россійскаго государствъ; всѣхъ же прочихъ иностранныхъ государствъ судамъ по симъ рѣкамъ плавать не должно. Находящихся по лѣвому берегу рѣки Амура отъ рѣки Зеи на югъ, до деревни Хормолдзинъ, Манджурскихъ жителей оставить вѣчно на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства, подъ вѣдѣніемъ Манджурскаго правительства съ тѣмъ, чтобы Русскіе жители обидъ и притѣсненій имъ не дѣлали.

2) Для взаимной дружбы подданныхъ двухъ государствъ дозволяется взаимная торговля, проживающимъ по рѣкамъ Уссури, Амуру и Сунгари подданныхъ обоихъ государствъ, а начальствующіе должны взаимно покровительствовать на обоихъ берегахъ торгующимъ людямъ двухъ государствъ.

этой части Амура. Хотя русскіе пароходы иногда поднимаются по р. Сунгари, но до настоящей минуты намъ не удалось еще завести правильныхъ торговыхъ сношенія ни съ однимъ изъ городовъ, лежащихъ по теченію этой рѣки, такъ какъ мѣстныя власти строго воспрещаютъ жителямъ пріобрѣтать что-либо отъ русскихъ купцовъ. Если бы вопросъ о Сунгари былъ разрѣшенъ въ благопріятномъ для Россіи смыслѣ, то это могло бы имѣть для нашего При-амурскаго края громадное значеніе. Не смотря на всѣ усилія правительства, судоходство по Амуру находится до настоящей минуты почти въ томъ же неудовлетворительномъ положеніи, какъ и въ шестидесятыхъ годахъ. Причина слабаго развитія судоходства по Амуру заключается, главнымъ образомъ, въ малонаселенности края и пока не увеличится число потребителей по Амуру, до тѣхъ поръ едва ли правительство достигнетъ своей цѣли. Но ожидать возростанія населенія въ При-Амурской области пришлось бы долгіе годы,—если бы не представлялась возможность значительно способствовать этому, добившись отъ китайскаго правительства признанія за нами, согласно Айгунскому трактату, права свободной торговли по Сунгари. Населенная Манджурія представляется такимъ выгоднымъ рынкомъ, что можно разсчитывать на значительный сбытъ товаровъ по Сунгари. Стоящія же тамъ низкія цѣны на хлѣбъ вызовутъ его вывозъ оттуда въ значительномъ количествѣ. Усиленіе судоходства по Амуру стоитъ, слѣдовательно, въ непосредственной связи съ открытіемъ для насъ Сунгари и въ случаѣ, если договоръ, заключенный съ Чунъ-Хоу, будетъ ратификованъ, мы можемъ надѣяться, что китайцы, со временемъ, согласятся признать правильность нашего толкованія Айгунскаго трактата.

Но будетъ-ли ратификованъ этотъ договоръ?—Послѣднія извѣстія заставляютъ серьезно опасаться, что пекинское правительство, если и не откажется формально ратификовать его, то весьма вѣроятно прибѣгнетъ къ какимъ-нибудь уловкамъ. Бывшій китайскій посолъ Чунъ-Хоу имѣлъ отъ своего правительства широкія полномочія и трудно предположить, чтобы, принимая наши условія, онъ не былъ увѣренъ въ одобреніи совѣта министровъ. Поэтому извѣстіе о преданіи суду Чунъ-Хоу за государственную измѣну невольно возбуждаетъ вопросы: не считаютъ-ли министры богдыхана полезнымъ пожертвовать Чунъ-Хоу для того, чтобы снять съ себя передъ народомъ отвѣтственность за тѣ уступки, которыя намъ были сдѣланы бывшимъ китайскимъ посломъ въ Петербургѣ и на которыя несомнѣнно они сами изъявляли согласіе. Обвинивъ Чунъ-Хоу въ государственной измѣнѣ и, быть можетъ, казнивъ его*), они, тѣмъ не менѣе, по всей вѣроятности, признаютъ обязательнымъ для себя трактатъ. Воз-

*) Въ то время, когда уже были набраны эти строки, предположеніе, высказанное въ нихъ, оправдалось: Чунъ-Хоу, какъ извѣстно читателямъ, поплатился головой за исполненіе возложенной на него миссіи.

можно также, что несговорчивость, высказываемая теперь китайскими министрами отчасти вызывается и вліяніемъ англійскаго правительства, которое крайне было недовольно условіями трактата.

Но если бы вопреки ожиданіямъ, министры богдыхана, убѣдившись въ безплодности своихъ дипломатическихъ уловокъ, сочли возможнымъ категорически отказать въ ратификаціи трактата, то русское правительство будетъ поставлено въ необходимость тоже прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ рѣшительнымъ мѣрамъ и окончательно присоединить Кульджу къ Туркестанскому округу, объявивъ китайцамъ, что, въ виду ихъ отказа выполнить трактатъ, мы считаемъ себя свободными отъ данныхъ Китаю обѣщаній возвратить Кульджу. Какъ ни прискорбно будетъ прибѣгать къ подобному образу дѣйствій, но иначе дѣйствовать намъ не позволяютъ ни наше достоинство, ни наши интересы. Честная, но мягкая и колебательная политика не приведетъ Россію въ Азіи къ благопріятнымъ для нея результатамъ. Поэтому малѣйшая уступка, сдѣланная, въ настоящее время, китайцамъ, можетъ имѣть для насъ плачевныя послѣдствія. Въ Азіи должны понимать, что Россія, выполняя обязательства, требуетъ и отъ другихъ народовъ такого-же отношенія къ принимаемымъ ими на себя обязательствамъ и, въ случаѣ надобности, готова поддерживать свои права силою оружія.

Силою, довѣріемъ народа и золотомъ можно достичь въ Азіи громадныхъ результатовъ. Первому и второму условію Россія всегда удовлетворяла, но къ золоту намъ никогда еще не приходилось прибѣгать. Тѣмъ не менѣе и при первыхъ двухъ условіяхъ, Россія съ успѣхомъ поддерживала и распространяла свое вліяніе, замѣняя въ случаѣ надобности золото—угрозой.

Исторія нашихъ сношеній съ средне-азіатскими ханствами можетъ служить этому лучшимъ доказательствомъ.

Но прежде чѣмъ достичь до границы организованныхъ средне-азіатскихъ государствъ, Россія должна была выдержать продолжительную борьбу съ полудикими кочевниками. Башкиры первые приняли русское подданство; но это не препятствовало однако имъ дѣлать набѣги на русскія села, пока не была установлена на р. Ялкѣ Оренбургская линія.

Оренбургская и сибирская казацкія линіи оказали намъ большія услуги, сдерживая наплывъ кочевыхъ народовъ, населявшихъ громадныя степи, лежащія между средне-азіатскими ханствами и этими линіями. Только въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія Россія рѣшилась упрочить свое вліяніе по этимъ линіямъ и начала возводить укрѣпленія въ киргизскихъ степяхъ.

На восточномъ берегу Каспійскаго моря заложено было Ново-Александровское укрѣпленіе. Десять лѣтъ спустя возведены были укрѣпленія Оренбургское на рѣкѣ Тургаѣ, Уральское на рѣкѣ Иргизѣ и, наконецъ, близъ устья Сыръ-Дарьи основано Аральское укрѣпленіе. Наше движеніе впередъ имѣло весьма благодѣтельное вліяніе на степь и остановило набѣги кочев-

никовъ. Подчиненіе киргизовъ русской власти можно считать нашимъ первымъ шагомъ въ глубь Средней Азіи. Высказанное нѣкогда Петромъ Великимъ мнѣніе о киргизахъ свидѣтельствуетъ о дальновидности этого государя: «хотя-де оная Киргизская орда» говорилъ Петръ, «степной и легкомысленный народъ, токмо-де всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная орда ключь и врата».

Хивинцы первые поняли значеніе сдѣланныхъ Россіею въ степи пріобрѣтеній и тотчасъ же начали противъ насъ непріязненныя дѣйствія, но, терпя постоянныя неудачи, вынуждены были временно прекратить нападенія. Два другіе сосѣда, Коканъ и Бухара, первое время не препятствовали нашему утвержденію въ устьяхъ Сыръ-Дарьи, но впослѣдствіи коканцы послѣдовали примѣру хивинцевъ и, пользуясь выгоднымъ стратегическимъ положеніемъ Акъ-мечети, долго держали въ страхѣ все населеніе степи. Интересы Россіи не позволяли оставить безнаказаннымъ крайне враждебный намъ образъ дѣйствій коканцевъ. Противъ Акъ-мечети, въ 1852 г., отправленъ былъ значительный отрядъ съ артиллеріей; но комендантъ коканской крѣпости, прославившійся впослѣдствіи, кашгарскій владѣлецъ Якубъ-бекъ, отбилъ приступъ русскихъ. Только въ слѣдующемъ году нало это передовое укрѣпленіе коканцевъ и было переименовано въ фортъ Перовскій.

Съ движенія на Акъ-мечеть начались постепенно сближенія оренбургской линіи съ сибирской. Необходимость слитія этихъ линій для обезпеченія нашего положенія въ Средней Азіи, сознавалась почти всѣми оренбургскими генералъ-губернаторами, но никто не рѣшался приступить къ выполненію задачи. Между тѣмъ, при существовавшихъ условіяхъ, мы не были въ силахъ охранять нашу границу отъ случайныхъ набѣговъ и не могли обезпечить наши торговыя сношенія съ ханствами.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, представленъ былъ генералъ-адъютантомъ Безакомъ проектъ объединенія линій, при чемъ высказано было мнѣніе о необходимомъ занятіи Ташкента. Генералъ Ковалевскій присоединился къ мнѣнію генералъ-адъютанта Безака, но генералъ-губернаторъ Западной Сибири Дюгаммель высказался противъ занятія Ташкента. Въ особомъ Высочайше утвержденномъ Комитетѣ по средне-азіатскимъ дѣламъ, разсматривавшемъ проектъ Безака, рѣшено было не приступать къ объединенію двухъ линій, а ограничиться лишь мѣрами, необходимыми для огражденія нашихъ киргизовъ отъ набѣговъ другихъ кочевниковъ.

Но обстоятельства такъ настойчиво требовали съ нашей стороны движенія впередъ, что, не смотря на постановленіе Комитета, Россія съ каждымъ годомъ подвигалась все далѣе и далѣе въ глубь Азіи. Рекогносцировки превращались въ походы. Въ 1864 г., взяты были Туркестанъ и Ауліета, и оренбургскій отрядъ соединился съ сибирскимъ. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, полковникъ Черняевъ занялъ Ташкентъ и присоединилъ его къ русскимъ владѣніямъ.

Наше движеніе впередъ совершилось при необыкновенныхъ условіяхъ: центральныя власти постоянно противились этому движенію, а, между тѣмъ, сила вещей заставляла всѣхъ тѣхъ, кого отправляли изъ Петербурга, дѣйствовать вопреки полученнымъ въ столицѣ инструкціямъ.

Только послѣ взятія Ташкента, противъ Россіи выступаютъ Бухарцы. Генералъ Романовскій, смѣнившій Черняева, быстро занялъ бухарскіе города—Ходжентъ, Ура-Тюбе и Джюзакъ. Вслѣдъ затѣмъ изъ всѣхъ новоприобрѣтенныхъ земель составлено было особое генералъ-губернаторство и туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ.

Начальнику Туркестанскаго округа даны были чрезвычайныя и широкія полномочія: — ему было предоставлено право вести переговоры и заключать трактаты со всѣми средне-азіатскими независимыми ханствами.

Вскорѣ по своемъ прибытіи въ Туркестанъ, генералъ-адъютантъ Кауфманъ заключилъ мирный договоръ съ коканскимъ ханомъ. Подобныя же условія были предложены и бухарскому эмиру; но послѣдній, не испытавъ достаточно силу русскаго оружія, надѣялся уклониться отъ нашихъ предложеній. Желая воспользоваться предполагавшимся отъѣздомъ генералъ-губернатора для начатія непріязненныхъ дѣйствій противъ Россіи, эмиръ тайно готовился къ войнѣ. Но генералъ-адъютантъ Кауфманъ предупредилъ бухарцевъ и, въ короткое время, почти безъ потерь, овладѣлъ лучшею частью ханства и священнымъ для мусульманъ г. Самаркандомъ. По мирному договору, заключенному нами съ Бухарой, къ Россіи присоединены были Катты-Курганскій и Самаркандскій округа. Съ этого времени, владѣтели Кокана и Бухары стали въ зависимое положеніе по отношенію къ Россіи; вполнѣ независимымъ оставалось только ханство Хивинское, которое, пользуясь своей недоступностью, продолжало тревожить набѣгами наши границы. Какимъ громаднымъ вліяніемъ мы пользовались въ Азіи въ то время, свидѣтельствуетъ дѣло каратегинскаго бекства, изъ-за котораго едва не возникла кровавая распря между Коканомъ и Бухарою. Только благодаря вмѣшательству туркестанскаго генералъ-губернатора, было избѣгнуто серьезное столкновеніе между этими средне-азіатскими ханствами.

Между тѣмъ, крайне враждебный къ намъ образъ дѣйствій хивинскаго хана неблагопріятно вліялъ и на наши отношенія къ другимъ средне-азіатскимъ владѣтелямъ. Обстоятельства вынуждали Россію распространить свое вліяніе на юго-востокъ. Но только когда всѣ мирныя средства войдти въ соглашеніе съ Хивой были испробованы и не было уже надежды склонить хивинскаго хана исполнить наши требованія, т. е. воспретить своимъ подданнымъ грабить нашихъ киргизовъ и предоставить русскимъ купцамъ право торговли въ Хивѣ, мы рѣшились прибѣгнуть къ силѣ. Не смотря однако на наши серьезныя приготовленія къ походу, ханъ, видимо, не опасался движенія русскихъ въ Хиву и продолжалъ уклоняться подъ разными пред-

логами отъ исполненія нашихъ требованій. Продолжительные переговоры съ Хивой не привели насъ ни къ какимъ результатамъ. Россія была вынуждена снова прибѣгнуть къ силѣ.

Непріязненныя дѣйствія хивинцевъ относительно Россіи отчасти обусловливались, впрочемъ, высадкою русскихъ войскъ въ Красноводскомъ заливѣ. Вызванное необходимостью открыть ближайшія торговыя пути къ средне-азіатскимъ ханствамъ и упрочить наше вліяніе на киргизъ, оно принято было въ Хивѣ какъ нѣчто враждебное ханству и еще болѣе усложнило наши отношенія къ хивинскому правительству.

Въ 1873 г., двинуты были въ Хиву три отряда: изъ Туркестана, изъ Оренбургскаго генералъ-губернаторства и изъ Закавказья. Красноводскій же отрядъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, не могъ принять участія въ походѣ. Всѣмъ извѣстны блестящіе результаты Хивинской экспедиціи. Послѣ разгрома, ханство было поставлено въ положеніе подобное Кокану и Бухарѣ. Впослѣдствіи же внутреннія смуты заставили хивинскаго хана искать защиты Россіи противъ своихъ подданныхъ и, благодаря этому обстоятельству, въ настоящее время, владѣтель Хивы сталъ въ полную зависимость отъ насъ.

Изъ сдѣланнаго выше краткаго очерка движенія Россіи внутрь Средней Азіи видно, что движеніе это не есть слѣдствіе строго обдуманнаго плана, а вызывалось почти совершенно непредвидѣнными обстоятельствами. Въ настоящее время, правительство сознаетъ, вѣроятно, что никакіе договоры съ средне-азіатскими народами и владѣтелями не могутъ быть прочны, если только не поддерживаются ежеминутно вооруженною силою, и что даже сознаніе хановъ въ необходимости выполнять принятыя ими на себя обязательства не можетъ служить намъ гарантіей упроченія спокойствія въ Азіи. Средне-азіатскія правительства подъ давленіемъ толпы, которая никогда не въ состояніи вполнѣ уяснить себѣ послѣдствія сдѣланнаго ею шага, нерѣдко бываютъ вынуждены дѣйствовать вопреки своимъ соображеніямъ и получающіеся отъ этого результаты, конечно, не благопріятно вліяютъ на положеніе какъ этихъ правительствъ, такъ и самихъ хановъ.

Для того, чтобы избѣжать періодическаго повторенія волненій въ трехъ ханствахъ, подпавшихъ подъ наше вліяніе, Россія должна была содержать въ Туркестанскомъ округѣ значительныя силы и постоянно поддерживать дѣятельныя сношенія съ ханами. Но, не смотря на всѣ принятыя нами предосторожности, вспыхнуло возстаніе въ Коканѣ. Правда, въ значительной степени оно обусловливалось не нашими ошибками, а самоуправствомъ бывшаго коканскаго хана, тѣмъ не менѣе потребовалось со стороны Россіи вооруженное вмѣшательство, и такъ какъ нельзя было поручиться, что съ возстановленіемъ хана будетъ упрочено спокойствіе, то Коканъ, или Ферганскую область, рѣшено было окончательно присоединить къ русскимъ владѣніямъ. Это былъ нашъ послѣдній шагъ въ глубь

Средней Азіи. Установленную теперь границу можно считать почти обезпеченной отъ всякихъ вторженій и только туркменскія владѣнія, лежащія между Хивой, Персіей и нашимъ Закаспійскимъ отдѣломъ, продолжаютъ напоминать собою находившіяся за Оренбургской линіей степи прошедшаго столѣтія.

Упрочивъ свое вліяніе въ Бухарѣ и почти подчинивъ себѣ хивинскаго хана, который готовъ даже во всякое время отречься отъ престола, Россія приблизилась къ границамъ Авганистана. Это движеніе Россіи вызвало серьезныя опасенія въ англійскомъ обществѣ. Еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ начались переговоры между Россіей и Англіей по вопросу о распредѣленіи вліянія въ Средней Азіи, но вполнѣ благопріятныхъ результатовъ не было достигнуто, хотя князь Горчаковъ, при свиданіи въ 1869 г. съ лордомъ Кларендономъ, откровенно сказалъ, что мы преслѣдуемъ въ Азіи только торговые интересы.

Впрочемъ, результаты переговоровъ, происходившихъ въ Баденѣ, дали основанія надѣяться на мирное улаженіе всѣхъ грозившихъ возникнуть тогда недоразумѣній.

Англійское правительство желало установить въ Средней Азіи нейтральную полосу (Zone neutre), далѣе которой не должно быть распространяемо вліяніе съ сѣвера Россіи и съ юга Англіи. Это предложеніе нами не было принято и соглашеніе состоялось на взаимномъ обѣщаніи Россіи не вмѣшиваться въ дѣла Авганистана, а Англіи—въ дѣла Бухары. Почти независимыя владѣнія Меймене, Кундузъ и Балкъ признаны были Россіей также внѣ сферы нашего вліянія. Большей уступчивости русское правительство, конечно, не могло выказать.

До С.-Стефанскаго договора, Россія строго руководствовалась въ своей средне-азіатской политикѣ условіями соглашенія, состоявшагося между петербургскимъ и с.-джемскимъ кабинетами. Но послѣ того, какъ Англія явно начала высказывать враждебное настроеніе по отношенію къ Россіи, вслѣдствіе отказа кн. Горчакова допустить обсужденіе конгрессомъ всѣхъ статей договора, и разрывъ съ Великобританіей казался неизбѣжнымъ, мы были вынуждены озаботиться о мѣрахъ для обезпеченія союза Авганистана. Весною 1877 г. отправлено было изъ Петербурга въ Авганистанъ чрезвычайное посольство, во главѣ котораго находился генералъ Столѣтовъ.

Въ какомъ же положеніи находился тогда Авганистанъ?

Въ семидесятыхъ годахъ, между Россіей и Англіей было условлено, что всякія серьезныя недоразумѣнія въ Средней Азіи должны быть отклоняемы Россіей, при посредствѣ вліянія послѣдней на Бухару, и Англіей, благодаря ея вліянію на Авганистанъ, но въ дѣйствительности вліяніемъ пользовалась только Россія. Ширъ-Али-ханъ съ каждымъ годомъ становился все болѣе враждебнымъ относительно Англіи. Вслѣдствіе этого неудовольствіе индійскаго правительства противъ эмира достигло такихъ размѣровъ, что ему прекращена даже была выдача субсидій. Занятіе англичанами Кветты —

ключа къ Боланскому проходу, и отказъ ихъ продолжать выдачу пособій Авганистану окончательно возстановило противъ нихъ Ширъ-Али-хана. Въ то время, когда отправлено было посольство генерала Столѣтова, отношенія между остъ-индскимъ правительствомъ и авганскимъ эмиромъ были на столько натянуты, что столкновеніе между ними казалось неминуемымъ. Инструкціи, которыми былъ снабженъ генералъ Столѣтовъ, остаются до нынѣ канцелярскою тайною, хотя англійскіе государственные люди и заявляютъ, что генераломъ Робертсомъ найдена въ Кабулѣ дипломатическая переписка русскаго посольства съ Ширъ-Али-ханомъ. Впрочемъ, достовѣрность этого извѣстія крайне сомнительна. Тѣмъ не менѣе и не видя той переписки, можно сказать, что русское правительство, отправляя высокопоставленное лицо въ Авганистанъ, должно было преслѣдовать какія нибудь цѣли. Вопросъ заключается лишь въ томъ, принимала-ли Россія относительно Авганистана какія либо обязательства?

Обнародованныя недавно въ Синей книгѣ сообщенія, сдѣланныя преемникомъ Ширъ-Али-хана, Якубъ-ханомъ, главнокомандующему англійской арміей, касательно политики своего отца по отношенію къ Россіи и Англіи, нѣсколько освѣщаютъ значеніе посольства Столѣтова; но тѣмъ не менѣе, по мнѣнію самого Робертса, всѣ вопросы, возбужденные посольствомъ, недостаточно выяснены. «Въ 1869 г., передавалъ Якубъ-ханъ, отецъ мой вполнѣ готовъ былъ связать свою судьбу съ вами. Онъ испыталъ много невзгодъ, прежде чѣмъ утвердиться на престолѣ Авганистана, и пришелъ къ выводу, что лучшее средство, удержать за собой пріобрѣтенное, заключается въ союзѣ съ англійскимъ правительствомъ. Онъ не получилъ отъ лорда Майо такого большаго запаса оружія и амуниціи, какъ онъ надѣялся, но не смотря на это, вернулся въ Кабулъ удовлетворенный и оставался въ такомъ положеніи до поѣздки Нуръ-Мухамудъ-шаха въ Индію, въ 1873 г. Это посѣщеніе измѣнило дѣла. Сообщенія, получаемыя отъ Нуръ-Мухамудъ-шаха, во время его пребыванія въ Индіи, и докладъ, привезенный имъ съ собою по возвращеніи, убѣдили моего отца, что онъ не можетъ больше надѣяться получить отъ англійскаго правительства ту помощь, въ которой онъ нуждается, и съ этого времени онъ обратилъ свое вниманіе на идею о союзѣ съ Россіей. Вамъ извѣстно, чѣмъ это кончилось. «Когда отецъ мой получилъ отъ индійскаго правительства письмо, увѣдомляющее его, что британская миссія отправляется въ Кабулъ, онъ прочелъ его въ Дурбарѣ. Члены русскаго посольства присутствовали тутъ же. По окончаніи чтенія, полковникъ Столѣтовъ всталъ, поклонился эмиру и попросилъ разрѣшенія оставить Кабулъ. Если ему позволятъ, то онъ безъ промедленія отправится въ Ташкентъ и донесетъ о положеніи дѣлъ генералу Кауфману, который увѣдомитъ о томъ русское правительство и, такимъ образомъ, будетъ произведено давленіе на Англію. Онъ обѣщалъ вернуться черезъ шесть недѣль или два мѣсяца и убѣждалъ эмира сдѣлать все, что въ его силахъ, чтобы тѣмъ временемъ не допустить англійскую миссію достигнуть Кабула.»

Изъ приведеннаго разсказа Якубъ-хана ясно видно, что между авганскимъ эмиромъ и генераломъ Столѣтовымъ происходили дипломатическія переговоры; но, въ какой бы формѣ эти переговоры не происходили, не подлежитъ сомнѣнію, что мы не совѣтовали эмиру доводить свои недоразумѣнія съ остъ-индскимъ правительствомъ до полнаго разрыва. Вопервыхъ, подавать подобные совѣты было противно интересамъ Россіи, такъ какъ мы не могли не предвидѣть плачевнаго для Авганцевъ исхода борьбы съ Великобританіей, въ особенности же должны были это понимать военные спеціалисты, подобные Столѣтову и Разгонову, имѣвшіе случай близко ознакомиться съ авганистанскою арміею, во вторыхъ же, послѣ Берлинскаго конгресса, Россія искренно желала избѣгать всѣхъ недоразумѣній и волненій въ Европѣ и Азіи. Ненависть къ Англіи слишкомъ далеко завлекала Авганскаго эмира, тогда какъ надежда его на поддержку Россіи не оправдалась. Печальный для Ширъ-Али-хана исходъ англо-авганской войны имѣлъ неблагопріятное вліяніе и на наше положеніе въ Средней Азіи. Сближеніе съ Россіей и за тѣмъ быстрое паденіе эмира невольно возбуждало сомнѣніе въ искренности нашего образа дѣйствій и даже вызывало серьезныя подозрѣнія въ вѣроломствѣ Россіи. Но крайне невыгодное для насъ впечатлѣніе, произведенное гибелью Ширъ-Али-хана, почти уже разсѣялось теперь. Къ сожалѣнію, послѣдствія войны, вызванной опрометчивымъ шагомъ Авганскаго эмира продолжаетъ постоянно обращать всеобщее вниманіе на Авганистанъ и вынуждаетъ насъ зорко слѣдить за совершающимися въ этой странѣ перемѣнами.

Россія непосредственно не заинтересована въ авганскихъ дѣлахъ и мы бы могли уклониться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь Авганистана, если бы въ насъ не возбуждало опасеніе чрезмѣрное усиленіе Англіи. Упроченіе вліянія Англіи отъ Хайберскаго прохода до Герата было бы крайне неблагопріятно для нашихъ интересовъ. Не говоря уже о неудобномъ для насъ въ этомъ случаѣ подчиненія вліянію Великобританіи персидскаго правительства, которое, вслѣдствіе страха потерять Хороссанъ, сдѣлалось бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ англичанъ, намъ это невыгодно и потому еще, что послѣдніе получили бы тогда возможность серьезно угрожать Россіи, какъ чрезъ Бухару, такъ и чрезъ Мервъ. Легкость, съ которой увлекаются азіятцы заманчивыми обѣщаніями, можетъ служить англичанамъ лучшимъ ручательствомъ успѣха тѣхъ происковъ, къ которымъ они прибѣгнутъ въ случаѣ покоренія Авганистана.

Безпристрастно слѣдя за движеніемъ Россіи въ глубъ Азіи, нельзя не признать, что всѣ ея завоеванія вызывались необходимостью обезпеченія ея торговыхъ интересовъ. Ни политическія, ни стратегическія соображенія почти не играли никакой роли въ нашемъ поступательномъ движеніи. Можно съ увѣренностью сказать даже, что Россія не преслѣдовала завоевательныхъ цѣлей въ Азіи. Были исключенія, конечно, и, въ послѣднее время, желаніе завоеваній для расширенія владѣній проявляется въ нашихъ

военныхъ кружкахъ; но тѣмъ не менѣе въ общемъ русскую политику въ Азіи нельзя упрекнуть въ завоевательныхъ стремленіяхъ.

Вотъ что говоритъ о русской политикѣ въ Азіи нѣмецкій писатель фонъ-Гельвальдъ: «Несомнѣнно, что цѣль Россіи—торговая гегемонія въ Азіи; Россія исполняетъ дѣйствительную миссію постоянно, внося въ Азію европейскую цивилизацію. Мы не можемъ не признать, что, расширяя кругъ человѣческихъ знаній, вводя новыя племена въ семью цивилизованныхъ народовъ, Россія приноситъ высшую пользу, какую когда либо извлекалъ міръ изъ войны» *).

Именно въ виду этихъ то соображеній, было бы крайне прискорбно, если бы Россія, вслѣдствіе перемѣнъ въ Авганистанѣ, была теперь поставлена въ необходимость измѣнить свою политику, а это не только возможно, но и весьма вѣроятно. Въ случаѣ занятія Авганистана англичанами, намъ будетъ положительно не до цивилизаторскихъ идей (о которыхъ, впрочемъ, надо признаться, мало заботились второстепенные исполнители правительственныхъ предначертаній). Придется уже заботиться объ обезпеченіи власти въ нашихъ средне-азіатскихъ провинціяхъ. Россія должна будетъ распространить свои владѣнія до англійской границы, т. е. присоединить Бухару, сѣверную часть Авганистана и Мервъ. Дѣйствуя рѣшительно, мы отнимаемъ у англичанъ орудіе, которымъ впослѣдствіи они могли бы воспользоваться противъ насъ. Намъ поэтому несравненно выгоднѣе стоять лицомъ къ лицу съ противникомъ. Конечно, только крайность можетъ заставить Россію такъ дѣйствовать. Хотя намъ и желательно было бы этого избѣгнуть, но тѣмъ не менѣе возможно, что въ данномъ случаѣ положеніе Англіи будетъ едва ли болѣе благопріятно, чѣмъ наше. Мусульманское населеніе Туркестанскаго края не питаетъ къ намъ особенно дружественныхъ чувствъ, но ихъ нерасположеніе къ русскимъ нельзя даже сравнивать съ тою глубокою ненавистью, какую имѣютъ къ англичанамъ индійцы и авганцы. Передовой пунктъ великобританскихъ владѣній населенъ храбрымъ и воинственнымъ народомъ—авганцами, чего нельзя сказать о бухарцахъ (сѣверная же часть Авганистана сравнительно слабо населена). Наконецъ, наши азіатскія владѣнія граничатъ съ имперіей, тогда какъ Остъ-Индію отдѣляетъ отъ Англіи громадное пространство....

Всѣ эти соображенія, въ томъ случаѣ, если наши владѣнія будутъ граничить съ англійскими,—должны неоспоримо имѣть большое значеніе; но въ интересахъ цивилизаціи было бы желательно, чтобы какъ Англія, такъ и Россія позаботились о пріисканіи средствъ къ устраненію недоразумѣній.

Есть слухи, что нашему новому представителю при лондонскомъ дворѣ поручено возобновить переговоры о соглашеніи съ Англіей. Если справедливы эти слухи, то Россія, съ своей стороны, сдѣлала уже шагъ къ мирному разрѣшенію спорныхъ вопросовъ въ Средней Азіи. Интересы Россіи

*) Die Russen in central Asien.

заставляютъ насъ потребовать отъ Англіи, чтобы она удовлетворилась Гондамакскимъ трактатомъ и только, при этомъ условіи, можетъ быть серьезно обсуждаемъ вопросъ о соглашеніи; т. е. чтобы оба государства обязались не распространять своего вліянія далѣе извѣстныхъ границъ, оставляя самостоятельными тѣхъ средне-азіатскихъ владѣтелей, земли которыхъ будутъ отдѣлять русскія владѣнія отъ англійскихъ. Въ этомъ случаѣ, мы приблизительно возвратились бы къ тому положенію, которое было установлено въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Вопросъ же о Мервѣ совершенно не долженъ быть затронутъ, при переговорахъ съ Англіей.

Къ сожалѣнію, агрессивная и завоевательная политика, которой слѣдуетъ теперь с.-джемскій кабинетъ, мало даетъ надежды на благопріятный исходъ переговоровъ, въ особенности же, если мы исключимъ изъ переговоровъ мервскій вопросъ; хотя въ прежнемъ соглашеніи съ Англіей ни слова не упоминается о туркменскихъ степяхъ. Въ настоящее время, когда англичане начинаютъ заботиться даже о судьбѣ ахалъ-текинскаго племени, мервскіе туркмены не могутъ быть покинуты ими, тѣмъ болѣе, что обладаніе Мервомъ даетъ, по мнѣнію многихъ компетентныхъ ученыхъ, такую же позицію по отношенію къ Герату, какую занимаетъ Кандагаръ. Въ Англіи отчасти даже преувеличиваютъ значеніе Мерва и этимъ лишь возможно объяснить тотъ интересъ, который возбуждаетъ этотъ туркменскій пунктъ въ политическихъ кружкахъ Великобританіи. Опасенія за судьбу Мерва вызвали со стороны с.-джемскаго кабинета даже оффиціальный запросъ. Бывшій нашъ посолъ въ Лондонѣ, на сдѣланный ему лордомъ Салисбери вопросъ касательно намѣреній Россіи овладѣть Мервомъ, категорически заявилъ, что подобнаго намѣренія не существуетъ. Сообщая въ депешѣ лорду Дефферину, отъ 9 іюля 1879 г., о своихъ переговорахъ съ гр. Шуваловымъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ между прочимъ писалъ: «Русскій посолъ сказалъ мнѣ, что правительство было извѣщено имъ о намекѣ лорда Салисбери, что Англія съ неудовольствіемъ будетъ взирать на военныя операціи, которыя въ своихъ послѣдствіяхъ будутъ угрожать Мерву, или захватятъ часть владѣній Персіи, и посолъ увѣрилъ меня, что императорское правительство не имѣетъ такихъ намѣреній, которыя вели бы къ тому или другому результату. Онъ заявилъ, что настоящая экспедиція направлена противъ текинскихъ туркменъ, и если она будетъ успѣшна, то результатомъ ея будетъ, вѣроятно, сооруженіе цѣпи постовъ для соединенія Красноводска съ Чикишляромъ кривою линіею, крайняя точка которой будетъ отстоять отъ Мерва не ближе какъ на 250 верстъ. Гр. Шуваловъ присовокупилъ, что онъ совершенно не вѣритъ существованію среди какой бы то ни было части русскихъ государственныхъ людей желанія придвинуться къ Мерву. Онъ даже замѣтилъ, что если бы задуманъ былъ проектъ занятія Герата, какъ ступеньки къ Индіи, то Мервъ не лежитъ на ближайшей дорогѣ между Каспійскимъ моремъ и Ератомъ.»

Въ тотъ самый день, какъ отправлена была изъ Лондона эта депеша, между управлявшимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретаремъ Гирсомъ и англійскимъ посломъ въ Петербургѣ происходилъ разговоръ тоже по вопросу о Мервѣ. Г. Гирсъ также отрицалъ намѣреніе русскаго правительства занять теперь Мервъ, но въ менѣе категорической формѣ, чѣмъ представитель Россіи въ Лондонѣ. «Онъ удостовѣрилъ меня, пишетъ лордъ Дефферинъ маркизу Салисбери въ депешѣ, отъ 16 іюля, — положительнымъ образомъ, что русское правительство вовсе не имѣетъ намѣренія идти на Мервъ и что цѣль его единственно состоитъ въ прекращеніи грабительства туркменскихъ племенъ въ сосѣдствѣ съ Каспійскимъ моремъ. Онъ присовокупилъ, по собственному желанію, что при производствѣ этихъ движеній отданы строжайшія приказанія уважать границы персидскихъ владѣній. Я спросилъ г. Гирса, полагаетъ-ли онъ, что русское и англійское правительства согласны между собою относительно точныхъ предѣловъ границы Персіи. Г. Гирсъ отвѣчалъ, что онъ полагаетъ существованіе такого согласія, хотя внутри страны, нѣтъ сомнѣнія, находится много terra incognita.» Разговоръ, происходившій между тѣмъ же англійскимъ дипломатомъ и совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ барономъ Жомини далъ Дефферину еще менѣе благопріятные результаты; подготовленный запросомъ англійскаго посла управляющему министерствомъ, а также сообщеніемъ гр. Шувалова, баронъ Жомини хотя и подтвердилъ желаніе Россіи ограничиться занятіемъ Ахалъ-Текинскаго оазиса для прекращенія грабительства туркменъ, но присовокупилъ, пишетъ лордъ Дефферинъ, «что хотя мы не намѣреваемся идти на Мервъ или сдѣлать что либо, могущее быть истолковано угрозою для Англіи; но Англія не должна себя обманывать въ томъ, что результатъ нашихъ нынѣшнихъ дѣйствій именно доставитъ намъ базисъ для послѣдующихъ операцій противъ Англіи, если британское правительство, занятіемъ Герата, будетъ угрожать настоящему нашему положенію въ Центральной Азіи. Я отвѣчалъ барону Жомини, что я не полагаю, чтобы въ настоящее время существовалъ вообще вопросъ о занятіи Герата британскими войсками и что, по моему мнѣнію, для Англіи и Россіи было бы весьма не трудно придти къ соглашенію, которое на будущее время устранило бы подобныя раздражительныя подозрѣнія, естественно въ настоящее время возникающія съ слухами о движеніяхъ русскихъ войскъ къ востоку отъ Каспійскаго моря и которыя, нѣтъ сомнѣнія, отражаются вреднымъ воздѣйствіемъ на отношенія между двумя правительствами даже въ европейскихъ дѣлахъ.»

Въ то же время, въ органѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, Journal de S.-Pétersbourg, появилась статья, въ которой мы поддерживали право Россіи занять Мервъ, если потребуютъ того наши интересы. Взгляды русскаго правительства на Мервъ вполнѣ выяснились въ разговорѣ, происходившемъ въ половинѣ минувшаго августа между статсъ-секретаремъ

Гирсомъ и лордомъ Деффериномъ. Въ депешѣ отъ 26 августа, англійскій посолъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ, что «г. Гирсъ сослался на выраженія, въ которыхъ г. Стэнгонъ (товарищъ министра остъ-индскихъ дѣлъ) сообщилъ палатѣ общинъ увѣренія, доставленныя правительству ея величества о томъ, что императоръ не имѣетъ намѣренія направить на Мервъ военную экспедицію, нынѣ сформированную генераломъ Лазаревымъ на другой сторонѣ Каспійскаго моря. Г. Гирсъ намекнулъ, что по его мнѣнію, г. Стэнгонъ, въ своихъ объясненіяхъ, зашелъ слишкомъ далеко, что, хотя, онъ мнѣ сказалъ, что движеніе на Мервъ не задумано русскимъ правительствомъ и не входитъ въ его настоящую программу, однако онъ не думалъ при этомъ подразумѣвать, чтобы, при другихъ обстоятельствахъ и въ виду непредвидѣнныхъ случайностей, занятіе Мерва не сдѣлалось необходимымъ. *Русское правительство никогда не имѣло намѣренія торжественнымъ обѣщаніемъ, даннымъ навсегда, обязаться никогда не двигаться на Мервъ.* Я отвѣчалъ ему, что я надѣюсь, что замѣчанія, сдѣланныя имъ нынѣ мнѣ, не имѣютъ намѣренія поколебать добродѣтельный характеръ его прежнихъ удостовѣреній по этому предмету, что Его Величество самъ изволилъ увѣдомить меня, что нѣтъ и вопроса о движеніи русскихъ на Мервъ, и я сообщилъ эти удостовѣренія вашему сіятельству, и не смотря на только что услышанное отъ него, я не полагаю, чтобы ему поручено измѣнить его. Г. Гирсъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не желаетъ, чтобы его замѣчанія были истолкованы подобнымъ образомъ и я могу оставаться спокойнымъ,—Мервъ не составляетъ цѣли экспедиціи генерала Лазарева.» По всей вѣроятности намѣренія русскаго правительства относительно Мерва и въ настоящее время не измѣнились.

Подготовляемая экспедиція въ Ахалъ-Текинскій оазисъ, начальникомъ которой называютъ генералъ-адъютанта Скобелева, не можетъ ни въ какомъ случаѣ имѣть цѣлью занятіе Мерва. Не говоря уже о политическихъ, затрудненіяхъ, которыя легко могли бы вызвать наше движеніе на Мервъ этому движенію препятствуютъ и экономическія соображенія. Экспедиція, предпринятая изъ Туркестанскаго округа или отъ Закаспійскаго отдѣла, потребовала бы такого значительнаго скопленія войскъ, что не было бы никакой возможности доставить достаточное количество продовольствія. Но если предполагать даже, что, при чрезвычайномъ напряженіи силъ, мы бы могли разрѣшить эту задачу удовлетворительно, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что недостатокъ перевозочныхъ средствъ не позволилъ бы передвинуть войска въ Туркменскій оазисъ. По всей вѣроятности, и для сформированія экспедиціи въ Ахалъ-Текинскій оазисъ придется бороться съ многочисленными затрудненіями; мыслимо ли же, чтобъ отрядъ могъ теперь же пройти до Мерва. Когда же мы будемъ владѣть кочевьями текинцевъ, то ихъ владѣнія послужатъ намъ базисомъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Мерва и занятіе послѣдняго не будетъ уже представлять тѣхъ затрудненій, на которыя приходится наталкиваться въ настоящее

время; въ виду этого-то, статсъ-секретарь Гирсъ и не могъ связывать Россію обѣщаніями не занимать Мерва.

Въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ, мы постоянно предпринимали незначительныя экспедиціи противъ текинцевъ, но до прошлогодняго неудачнаго похода войска наши ни разу не проникали далѣе Кызымъ-Арвата. Впрочемъ, необходимость занять прочное положеніе въ степи вполнѣ была сознана только въ послѣднее время; первой попыткой къ достиженію этой цѣли былъ походъ 1878 г. генерала Ламакина къ Кызымъ-Арвату, кончившійся, какъ извѣстно, неблагопріятно для насъ. Имѣя укрѣпленный пунктъ у устья Атрека-Чакишляръ, мы со времени занятія этой мѣстности могли бы постепенно далеко подвинуться въ степь, но, къ сожалѣнію, этого не было сдѣлано. Приходится сразу наверстывать потерянное время. А, между тѣмъ, обстоятельства теперь менѣе благопріятствуютъ намъ, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вопервыхъ, текинцевъ, по слухамъ, снабжаютъ оружіемъ; во вторыхъ, пріобрѣтеніе перевозочныхъ средствъ съ каждымъ годомъ становится все затруднительнѣе. Послѣднія экспедиціи погубили до пятнадцати тысячъ верблюдовъ и цѣны на этихъ животныхъ значительно возвысились. Но еслибы правительство пожелало купить значительную партію верблюдовъ, то, даже не смотря на возвышенную цѣну, оно едва ли могло бы достать необходимое число этихъ животныхъ, еслибы не прибѣгло къ угрозамъ. Туркмены-іомуды, населяющіе прибрежье Каспійскаго моря и постоянно поставлявшіе русскимъ верблюдовъ, послѣ неудачнаго исхода прошлогодней экспедиціи, опасаются мести текинцевъ и вслѣдствіе этого рѣшительно отказываются исполнять наши требованія. Понятно, что такъ дѣйствовать вынуждаетъ ихъ страхъ; но тѣмъ не менѣе подобный образъ дѣйствій іомудовъ можетъ поставить насъ въ крайне затруднительное положеніе. Придется выписывать перевозочныя средства изъ Персіи, а можно ли получить оттуда потребное число верблюдовъ—пока еще вопросъ. Если же наши поставщики и могли бы закупить въ прилегающихъ къ туркменскимъ степямъ персидскихъ округахъ необходимое число этихъ животныхъ, то нельзя поручиться, что намъ будутъ даны средства доставить ихъ къ формируемому экспедиціонному отряду. Вообще, должно признать, что пріобрѣтеніе потребнаго для отряда числа верблюдовъ составляетъ едва ли не одинъ изъ самыхъ трудно разрѣшимыхъ вопросовъ. Вслѣдствіе этого-то, и былъ возбужденъ даже вопросъ о проведеніи желѣзной дороги отъ Каспійскаго моря до Кызымъ-Арвата. При движеніи въ Ахалъ-Теке нужно перевозить не только боевые припасы и продовольствіе для войска, но и кормъ для верблюдовъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кормъ можетъ потребоваться. Слѣдовательно, выполненіе задачи, возложенной на текинскій экспедиціонный отрядъ будетъ зависить настолько же отъ стратегическихъ соображеній начальника отряда, насколько и отъ его административно-хозяйственныхъ способностей.

Успѣшный исходъ экспедиціи находится въ прямой зависимости также и отъ образа дѣйствій персидскаго правительства. Въ прошедшемъ году,

тегеранскій кабинетъ выразилъ готовность, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать Россіи къ покоренію Текинскаго оазиса и, дѣйствительно, нѣкоторая часть провіанта была пріобрѣтена нашими поставщиками въ персидскихъ предѣлахъ. Но мы были вправѣ ожидать бо́льшаго содѣйствія отъ персидскихъ властей. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, недостатокъ готовности оказать намъ поддержку отчасти объясняется крайне враждебнымъ къ Россіи настроеніемъ бывшаго Астрабадскаго генералъ-губернатора принца Джанзуса. Теперь же, когда на мѣсто этого принца генералъ-губернаторомъ Астрабада назначенъ сторонникъ Россіи, Миръ-Пенджъ-Кули-ханъ, то надо надѣяться, подвѣдомственныя ему власти выкажутъ большее къ намъ расположеніе. Но Россіи недостаточно заручиться содѣйствіемъ астрабадскихъ властей. Намъ необходимо имѣть также союзниковъ въ Буджнурдскомъ и Кучанскомъ илъханіяхъ, владѣнія которыхъ граничатъ съ туркменскими степями. Въ прошедшемъ году, эти полунезависимые владѣтели были, повидимому, дружественно расположены къ Россіи и если бы мы заняли Текинскій оазисъ, то получили бы отъ нихъ часть продовольствія. Правда, тегеранское правительство, съ своей стороны, предписало обоимъ илъханіямъ оказывать содѣйствіе русскому отряду, но это предписаніе осталось бы мертвою буквою, если бы сами илъханіи не имѣли желанія поддерживать Россію въ борьбѣ съ ахалъ-текинцами. Терпя отъ нападеній туркменъ, они, естественно, не могутъ питать къ намъ дружественныхъ чувствъ. Но, опасаясь подобно іомудамъ мести текинцевъ, владѣтели Буджнурда и Кугана избѣгаютъ необходимости явно содѣйствовать намъ. Тѣмъ не менѣе въ Буджнурдѣ были подготовлены значительные запасы хлѣба и еслибы ни неудачный исходъ сраженія при Денгиль-Тепе, то, быть можетъ, намъ пришлось бы воспользоваться этими запасами.

Какъ будетъ въ текущемъ году дѣйствовать персидское правительство, по отношенію къ нашей экспедиціи противъ Туркменъ, трудно сказать что-нибудь опредѣленное, но надо полагать, что образъ его дѣйствій теперь болѣе выяснится. Персіяне или употребятъ всѣ усилія, чтобы помочь намъ, или же постараются воспрепятствовать благопріятному для Россіи исходу экспедиціи.—Будущій образъ дѣйствій тегеранскаго кабинета находится въ прямой зависимости отъ разрѣшенія гератскаго вопроса.

Съ гератскимъ вопросомъ связанъ вопросъ о преобладаніи въ Персіи англійскаго вліянія, и поэтому-то разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ должно отразиться и на нашей экспедиціи противъ туркменъ. Если Россія съумѣетъ разстроить происки великобританскихъ министровъ, то дружескія отношенія между нами и Персіей еще болѣе упрочатся и она будетъ оказывать намъ содѣйствіе. Если же, напротивъ, англійскія предложенія заставятъ тегеранскій кабинетъ измѣнить той политикѣ, которой онъ руководствуется, то мы должны будемъ смотрѣть на Персію, какъ на нашего противника и, слѣдовательно, ожидать отъ нея непріязненныхъ дѣйствій.

Сношенія между Россіей и Персіей начались еще во второй половинѣ XVI вѣка, но до текущаго столѣтія эти сношенія были далеко не дружественныя. Персія съ неудовольствіемъ смотрѣла на стремленіе Россіи завязать непосредственно торговыя сношенія съ Индіей, и, по возможности, старалась препятствовать этому. Подстрекаемые Англіей, персіяне въ началѣ XIX столѣтія даже вступили въ открытую борьбу съ нами, но результаты войны были для Персіи неблагопріятны. По гюлистанскому трактату 1813 г., мы получили Дагестанъ, Карабахъ, Дербентъ, ханства: Кубинское, Бакинское и друг., Гурію, Мингрелію и Абхазію. По туркменгайскому договору 1828 г. Персія уступила Россіи ханство Эриванское и Нахичеванское *).

Съ 1828 г. персидское правительство не возобновляло болѣе непріязненныхъ дѣйствій противъ Россіи, но русское вліяніе въ Персіи упрочилось лишь несравненно позднѣе. Утративъ надежду разширить свои владѣнія на западѣ, персидское правительство тѣмъ съ большей энергіей занялось подготовкой почвы для пріобрѣтеній на востокѣ. Естественно, лучшимъ пріобрѣтеніемъ оно находило Герать, имѣющій громадное торговое значеніе и могущій доставить значительный доходъ. Понятно, что присоединеніе къ Персіи подобной мѣстности улыбалось правительству шаха. Персіяне, неоднократно, пытались овладѣть Гератомъ, но каждый разъ наталкивались на англійскіе интересы и были вынуждаемы великобританскимъ правительствомъ отказаться отъ намѣренія присоединить Герать къ Персіи. Какъ только персидскія войска подступали къ Герату, англичане безъ объявленія войны занимали Бендеръ-Буширъ. Подъ давленіемъ великобританскаго правительства, шахъ вынужденъ былъ, въ 1857 г., подписать обязательство, которымъ отрекся за себя и за своихъ преемниковъ отъ правъ на Герать. Но съ этого времени и до минувшаго года, вліяніе англичанъ въ Персіи постоянно ослабѣвало. Въ послѣдніе годы, въ Лондонѣ даже серьезно были озабочены возраставшимъ въ Тегеранѣ вліяніемъ Россіи.

Неудачный исходъ войны, начатой Ширъ-Али-ханомъ съ Англіей и сложившееся въ Азіи убѣжденіе, что мы отчасти отвѣтственны въ этой неудачѣ, должно было произвесть въ Тегеранѣ крайне неблагопріятное для насъ впечатлѣніе; но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если бы гандамакскій договоръ не былъ нарушенъ, то Англія немного бы выиграла въ Персіи. Къ сожалѣнію, положеніе, созданное авганскою войной, вызвало такія значительныя усложненія, что великобританское правительство, недавно еще противодѣйствовавшее стремленіямъ тегеранскаго кабинета овла-

*) Ст. III. Его величество, шахъ персидскій, отъ своего имени и отъ имени своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ, уступаетъ Россійской Имперіи въ совершенную собственность ханство Эриванское по сю и по ту сторону Аракса, и ханство Нахичеванское. Вслѣдствіи сей уступки, его величество, шахъ обѣщаетъ не позже шести мѣсяцевъ, считая отъ подписанія настоящаго договора, сдать россійскимъ начальствамъ всѣ архивы и публичные документы, относящіеся до управленія обоими вышеозначенными ханствами.

дѣть Гератомъ, въ настоящее время, не прочь оказать ему поддержку для достиженія этой цѣли.... Вопросъ только—какое вознагражденіе потребуетъ Англія за эту услугу? Не обойдется ли это вознагражденіе дороже, чѣмъ можетъ стоить Гератъ и примыкающіе къ нему округа? Можно съ увѣренностью сказать, что с.-джемскій кабинетъ дешево не уступитъ Персіи Герата. Еще въ 1809 г., Англія требовала за союзъ отъ правительства шаха обѣщанія не вступать ни въ какіе условія и договоры съ европейскими державами. Весьма вѣроятно, что и, въ настоящее время, она предъявитъ подобное же требованіе къ Персіи; но однимъ подобнымъ требованіемъ Англія не удовлетворится. Вообще же, надо полагать, что условія, которыя пожелаетъ поставить Персіанамъ Великобританія, будутъ преимущественно направлены противъ Россіи. Но этому-то гератскій вопросъ существенно затрогиваетъ теперь наши интересы.

Персидское правительство надѣется извлечь изъ Герата не столько политическія, сколько финансовыя выгоды и однимъ изъ мотивовъ, побуждающихъ тегеранскій кабинетъ охотно выслушивать предложенія представителя Великобританіи въ Персіи, сэра Томсона, служитъ надежда пополнить страдающую хроническимъ дефицитомъ персидскую казну. Но выслушивая англійскія предложенія, правительство шаха, конечно, забываетъ о благопріятныхъ для Персіи результатахъ той политики, которой оно руководствуется въ послѣднее время. Не смотря на свое громадное вліяніе въ Тегеранѣ, Россія ни разу не пользовалась Персіей для своихъ цѣлей. Какъ ни было выгодно намъ имѣть ея союзникомъ въ послѣднюю войну, но не смотря на полную готовность шаха оказать намъ содѣйствіе, Россія рѣшительно отклонила услуги Персіи, не желая подвергнуть своего союзника случайностямъ войны. Мы никогда не стремились эксплоатировать Персію и это въ Тегеранѣ должны понимать. Напротивъ, Россія по возможности старалась упрочить правительство шаха и при заключеніи мира съ Портой мы также не забыли нашего союзника. Турція уступила Персіи по берлинскому трактату провинцію Котуръ. Но безкорыстная политика Россіи, по видимому, забывается и желаніе извлечь выгоды, даже въ ущербъ своему собственному достоинству, побуждаетъ персидскихъ министровъ вести переговоры съ Англіей; какъ не прискорбенъ этотъ фактъ, тѣмъ не менѣе въ настоящее время нельзя сомнѣваться въ немъ. Даже оффиціальное «Русское Всеобщее Агентство» вполнѣ подтвердило его *).

Но не смотря на неоспоримую бѣдность Персіи и скудность казны, все же экономическое положеніе ея далеко не безнадежно. Правда, за послѣдніе годы уровень всеобщаго благосостоянія замѣтно понизился въ Персіи, однако торговые ея обороты еще очень значительны; торговый балансъ

*) Желательно бы было, чтобы русское правительство категорически заявило въ Тегеранѣ, что занятіе Герата на условіяхъ предложенныхъ Англіей возбудитъ враждебныя отношенія между Россіей и Персіей. *Редакція.*

Персіи ежегодно достигаетъ сорока милліоновъ руб. Изъ этого числа около двадцати милліоновъ приходится на долю Тавриза и только съ небольшимъ пять милліоновъ на Каспійскіе порта. Не смотря на обѣдненіе страны, число потребителей иностранныхъ произведеній не только не уменьшается, а даже возрастаетъ, что свидѣтельствуетъ о развитіи потребностей у персіянъ. Главными предметами ввоза въ Персію служатъ мануфактурныя произведенія и сахаръ. Сукна поставляютъ преимущественно англійскія, нѣмецкія и австрійскія фабрики, при посредствѣ греческихъ и армянскихъ конторъ, двумя путями: чрезъ Малую Азію и чрезъ Закавказье.

Россія принимаетъ сравнительно незначительное участіе въ этой торговлѣ. Мы ввозимъ ежегодно въ Персію приблизительно слишкомъ на два милліона руб., но въ 1877 г. ввозъ изъ Россіи, вслѣдствіе войны въ Малой Азіи, значительно усилился и нами доставлено было товару на сумму до четырехъ милліоновъ руб. Съ 1823 г., т. е. со времени заключенія туркестанскаго мира, вывозъ товара изъ Россіи въ Персію никогда не достигалъ еще такихъ размѣровъ и по всей вѣроятности наши торговые обороты съ этимъ государствомъ снова уменьшатся. Есть много условій, которыя препятствуютъ развитію торговли Россіи въ Персіи; впрочемъ устранить нѣкоторыя изъ нихъ зависитъ отъ насъ. Доставка товара съ иностранныхъ заводовъ и фабрикъ въ Тифлисъ, вслѣдствіе транзитныхъ правилъ, обходится дешевле, чѣмъ доставка изъ Россіи до Тифлиса, а такъ какъ и обработка сыраго матеріала заграницей дешевле, чѣмъ у насъ, то, естественно, нашимъ промышленникамъ трудно бороться съ иностранными. Транзитныя правила, правда, поддерживаютъ Поти-Тифлисскую желѣзную дорогу, но подрывъ, который дѣлаютъ намъ въ Персіи иностранные товары, едва ли вознаграждается тѣми выгодами, которыя извлекаются изъ транзита. Единственный предметъ торговли, который сбываетъ Россія въ Персію въ значительномъ количествѣ, это рафинированный сахаръ.

Права, предоставленныя русскимъ купцамъ въ Персіи особымъ торговымъ актомъ, заключеннымъ въ 1828 г., давали намъ возможность вполнѣ подчинить себѣ персидскіе рынки, но мы не умѣемъ ими воспользоваться и наша торговля съ Персіей не развилась. Тяжелыя же для Персіи условія отдѣльнаго туркменчатскаго акта о торговлѣ препятствовали развитію въ этомъ государствѣ собственной промышленности. Согласно III ст. *) акта 1828 г., Персія не имѣетъ права взимать съ привозимыхъ изъ Россіи товаровъ болѣе 5% таможеннаго сбора. Другія государства,

*) Ст. III. Для доставленія торговлѣ обоюдныхъ подданныхъ выгодъ, составляющихъ предметы прежнихъ договоровъ, положено: съ товаровъ, привозимыхъ въ Персію или вывозимыхъ изъ сего государства россійскими подданными, а равно съ произведеній Персіи, привозимыхъ въ Россію чрезъ Каспійское море или чрезъ сухопутную границу, и съ россійскихъ товаровъ, тѣми же путями вывозимыхъ изъ имперіи персидскими подданными, взимать пошлину, какъ и прежде, по 5% со ста, единажды навсегда, при ввозѣ или вывозѣ тѣхъ

заключившія позднѣе торговые трактаты съ правительствомъ шаха, выговорили и себѣ право ввозить свои товары въ Персію на условіяхъ, установленныхъ актомъ 1828 г.

Наплывъ иностранныхъ мануфактурныхъ произведеній въ Персію объясняется, слѣдовательно, дешевизною перевозки и правомъ почти безпошлиннаго ввоза всѣхъ товаровъ. Поэтому, чтобы расширить наши торговые обороты на персидскихъ рынкахъ, намъ надо устранить эти условія. Но для достиженія благопріятныхъ результатовъ потребуются годы, а, между тѣмъ, легко можетъ случиться, что въ непродолжительномъ времени англійское вліяніе сдѣлается преобладающимъ въ Персіи и правительство королевы Викторіи, конечно, позаботится тогда объ освобожденіи Персіи изъ-подъ торговаго вліянія Россіи. Понятно, что послѣдняя станетъ въ этомъ случаѣ въ зависимость отъ Англіи. Сдѣлавшись политическимъ союзникамъ Великобританіи, Персія по-неволѣ должна будетъ подчиниться ея торговому вліянію.

Едва-ли возможно усомниться въ гибельныхъ для Персіи послѣдствіяхъ подобнаго шага, но видно недостаточно поучителенъ примѣръ Турецкой имперіи, быстро распавшейся, благодаря своему союзу съ Великобританіей.

Изъ краткаго очерка нашей политической дѣятельности въ Азіи видно, что Россія постоянно преслѣдовала на Востокѣ одни лишь торговые интересы и если бывала вынуждаема прибѣгнуть къ оружію, то только благодаря вѣроломству своихъ азіатскихъ сосѣдей.

Но пораженія, наносимыя Россіей нашимъ сосѣдямъ на востокѣ, не образумливали ихъ и мы, вопреки желанію, должны были дѣлать все новыя и новыя завоеванія, такъ какъ всякая уступка Россіи *) считалась за признакъ слабости и вызывала лишь одни затрудненія.

Такимъ образомъ, силою обстоятельства, Россія постепенно подвигалась въ глубь Азіи. Но никакія блестящія побѣды не измѣняли нашей политики. Мы, попрежнему, старались избѣгать завоеваній и только стремились обезпечить за собою торговое вліяніе въ Азіи.

Сдѣланныя за послѣдніе тридцать лѣтъ Англіей завоеванія въ Азіи и намѣреніе ея захватить теперь Авганистанъ и Персію побуждаютъ Россію измѣнить свою традиціонную политику. Движеніе впередъ и рѣшительная политика могутъ въ настоящее время потребоваться уже не для обезпеченія торговыхъ интересовъ, а для пріобрѣтенія такого положенія, которое дало бы намъ возможность съ успѣхомъ бороться съ Англіей.

товаровъ, не подвергая уже оные, послѣ сего, никакой таможенной пошлинѣ. Если Россія признаетъ нужнымъ учинить по таможенной части какія-либо новыя распоряженія и постановить тарифы, то обязуется пошлину по пяти процентовъ со ста, выше сего установленную, сохранить безъ всякаго прибавленія.

*) Примѣръ ганжинскій трактатъ.

Влад—овъ.

Издатель **В. Лавровъ.**
Редакторъ **С. Юрьевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛѢСОВОДСТВО

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ

И

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

въ 1880 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками каждая не менѣе 10 листовъ, а **Газета** еженедѣльно въ 4 д. л. большаго формата, въ 16 страницъ или 32 столбца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ:	Безъ пересылки и доставки.	Съ доставкою на домъ въ Петербургѣ.	Съ упаковкою и пересылкою въ другія мѣста.
Журналъ	4 р.	4 р. 50 к.	4 р. 50 к.
Газета	3 »	4 » — »	3 » 90 »
Журналъ вмѣстѣ съ Газетою	7 »	8 » 50 »	8 » 15 »
На полгода:			
Журналъ	2 » 20 к.	2 » 45 »	2 » 50 »
Газета	1 » 70 »	2 » 20 »	2 » 20 »
Журналъ вмѣстѣ съ Газетою	3 » 70 »	4 » 45 »	4 » 35 »

Съ доставкою за границу: **Журналъ** на полгода 2 р. 70 к., на годъ 5 р. **Газета**: на полгода 2 р. 25 к., на годъ 4 р. 10 к.

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться съ своими требованіями **исключительно** по слѣдующему адресу: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» и «Земледѣльческой Газеты» (Большая Садовая, № 44). Въ Петербургѣ подписка принимается въ редакціи, въ коммиссіонерствѣ «Работникъ», при сельско-хозяйственномъ музеѣ министерства государственныхъ имуществъ (Соляной переулокъ) и почти во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ — въ коммиссіонерствѣ «Работникъ» (Театральная площадь, д. Бронникова) и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ).

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ

„ТИФЛИССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1880 году.

Съ 1-го января будущаго 1880 года „**Тифлисскій Вѣстникъ**“ будетъ издаваться **ЕЖЕДНЕВНО, не исключая** ни понедѣльниковъ, ни послѣпраздничныхъ дней, при участіи нынѣшняго состава редакціи.

Вслѣдствіе увеличенія числа номеровъ газеты, подписная цѣна на газету нѣсколько измѣняется. Годовая подписка назначается: въ Тифлисѣ (съ доставкою на домъ)—12, съ пересылкою по Имперіи—13, съ пересылкою по почтовому союзу—18 руб.

СРОКИ:	Въ Тифлисѣ съ доставкой.		По Имперіи.		По почтовому союзу.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
На 12 мѣсяцевъ	12	—	13	—	18	—
» 6 »	6	50	7	—	9	50
» 4 мѣсяца	4	50	5	—	7	—
» 3 »	4	—	4	50	5	50
» 1 мѣсяцъ	1	50	2	—	2	50

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Тифлисъ, въ редакцію „**Тифлисскаго Вѣстника**“.

Въ Тифлисѣ подписка принимается, кромѣ конторы газеты (Эриванская площадь, д. № 3), въ газетномъ агентствѣ Шавердова.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ **1880** ГОДУ

ЖУРНАЛА МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

Возобновленный съ 1878 года „Журналъ м. п. с.“ будетъ издаваться и въ предстоящемъ году по слѣдующей программѣ:

а) Оффиціальная часть и срочныя публикаціи, подъ названіемъ «*Указатель правительственныхъ распоряженій по министерству путей сообщенія*»—*еженедѣльно;*

б) Неофиціальная—*ежемѣсячно.*

Подписная цѣна полнаго экземпляра «Журнала» съ «Указателемъ *за годъ*—**9** р. съ пересылкою и **8** р. **40** к.—безъ пересылки; *за полгода*: **5** р. съ пересылкою и **4** р. **50** к.—безъ пересылки.—Служащимъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія допускается разсрочка подписной цѣны по третямъ года.

Подписная цѣна: одной оффиціальной части, т. е. «Указателя», *за годъ*—**2** р. **40** к. безъ пересылки и доставки, а съ пересылкою—**3** р.; *за полгода*—**1** р. **60** к. безъ пересылки и **1** р. **85** к. съ пересылкою одной неофиціальной, т. е. «Журнала» безъ «Указателя»—**6** р. *за годъ* съ пересылкою и доставкою, безъ пересылки—**5** р. **40** к.; *за полгода*—**3** р. **50** к.

Подписка принимается въ зданіи м. п. с. **въ общей журнальной части**, гдѣ производится и продажа **отдѣльныхъ экземпляровъ** изданія **за истекшій годъ**: «Журналъ»—по **1** р. за книжку, «Указатель»—**25** к. за №.

Примѣчаніе: Какъ подписныя деньги, такъ и за отдѣльные экземпляры, отнюдь не должны быть высылаемы и представляемы въ министерство, а вносятся самими подписчиками въ мѣстныя казначейства, для причисленія къ доходамъ м. п. с. § **7** ст. **1** смѣты сего министерства; въ редакцію же (департаментъ общ. дѣлъ м. п. с., по Фонтанкѣ, № 99) должны быть присылаемы **только квитанціи** во взносѣ сихъ денегъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1831 ГОДУ **ВАЗА.** СУЩЕСТВУЕТЪ 48 ЛѢТЪ

Женскій литературный рукодѣльно-модный иллюстрированный журналъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями.

24 номера журнала, **12** рукодѣльно-модныхъ и **12** литературныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, разныя извѣстія и т. п.).
1000 политипажей въ текстѣ.
24 модныя гравюры.
12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ.
21 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.
6 листовъ раскрашенныхъ узоровъ.
Карманный календарь на 1880 годъ.

Возрастающій съ каждымъ годомъ успѣхъ журнала даетъ релакціи возможность увеличить цѣнность и изящество премій.— Преміи, предназначенныя для 1880 года, выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ. Желающіе могутъ видѣть ихъ въ редакціи.

Каждый подписчикъ 1880 года получитъ ШЕСТЬ ПРЕМІЙ, а именно:

1) БАРХАТНЫЯ золотомъ вышитыя туфли (вышивка исполнена по заказу редакціи настоящими серебряными черезъ огонь вызолоченными нитями).
2) ДВѢ олеографич. картины (pendant) заграничной работы.
3) КОРЗИНКА для туалетнаго стола. Тисненая вырѣзка изъ золоченной канвы. Часъ работы.
4) БОЛЬШАЯ ПОДУШКА для дивана. Роскошный букетъ. Матеріалъ полный для букета и для фона. Узоръ для исполненія раскрашенный и въ натуральную величину.
5) ВЫШИВКА для бювара на французской канвѣ. Матеріалъ полный и узоръ раскрашенный. Полевые цвѣты.
6) ЗАКЛАДКА для книги съ тисненой виньеткой и вышивкой (Souvenir).

Преміи выдаются и разсылаются всѣ заразъ: городскимъ—въ Январѣ, иногороднымъ подписавшимся въ ноябрѣ — въ январѣ. Подписавшимся въ декабрѣ—въ февралѣ. Позднѣйшимъ подписчикамъ въ теченіи февраля и марта.

Разсрочка допускается чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ премій . . . **7** р. — к. (безъ перес. **6** р. — к.) **Съ ПРЕМІЯМИ 5 руб. дороже.**
На полгода безъ премій. . **4** р. — к. (безъ перес. **3** р. **40** к.) На укупорку премій редакція
На 3 мѣсяца безъ премій . **1** р. **80** к. (безъ перес. **1** р. **41** к.) проситъ высыл. 42 к. марками.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „ВАЗА“. Лештуковъ пер., д. № 13.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ГИГІЕНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„ЗДОРОВЬЕ“

Органъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Издаваемый подъ редакціей профессора Гигіены въ Императорской Медико-хирургической Академіи А. П. Доброславина, при ближайшемъ участіи профессоровъ Гигіены въ университетахъ Казанскомъ, Кіевскомъ и Харьковскомъ—И. П. Скворцова, В. Л. Субботина и А. И. Якобія, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. Е. Андреевскаго, докторовъ Архангельскаго, Гюбнера, Эрисмана и др.

Въ наступающемъ 7-мъ году изданія Редакція журнала «Здоровье» имѣетъ въ виду слѣдовать прежней программѣ — распространять въ популярной формѣ изложенія гигіеническія истины и предлагать обществу наиболѣе цѣлесообразныя мѣры для охраненія здоровья. Какъ и прежде, всѣ стороны быта—гигіена дѣтей, воспитанія, школьной жизни, гигіена взрослыхъ въ различныхъ отрасляхъ профессіи, гигіена казармъ, больницъ и др. общественныхъ учрежденій, городовъ, ихъ ассенизація, вопросы дезинфекціи, медикополицейскія мѣры для охраны доброкачественности пищи, воды, напитковъ и пр. не менѣе важные отдѣлы здравохраненія будутъ изложены въ общедоступной формѣ. Кромѣ того журналъ постоянно заботится о сообщеніи свѣденій, касающихся санитарной дѣятельности земствъ и городскихъ управленій, равно какъ и о санитарныхъ новостяхъ заграничной литературы. Библіографическія указанія о всѣхъ новыхъ книгахъ по гигіенѣ тоже найдутъ въ журналѣ свое мѣсто, какъ и въ прошедшіе годы. Всѣ труды и протоколы Общества охраненія народнаго здравія помѣщаются въ журналѣ «Здоровье.»

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За годъ съ пересылкой, **5** руб., за полгода съ пересылкой, **3** руб.

Гг. служащіе подписываются чрезъ своихъ казначеевъ.

Иногородные адресуютъ деньги и требованія въ редакцію, помѣщающуюся на Выборгской сторонѣ по Нижегородской улицѣ, № 4, въ зданіи Императорской Медико-Хирургической Академіи, а городскихъ подписчиковъ просятъ обращаться въ контору журнала, въ типографію Н. А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8.

СЪ ИЗДАНІЯ ВЪ 1880 ГОДУ

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНАГО ЖУРНАЛА
„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

(годъ третій).

Въ 1880 году «Историческая Библіотека» будетъ выходить при участіи тѣхъ же лицъ, по той же программѣ и въ тѣ же сроки.

Программа: романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія; историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи и матеріалы.

Согласно съ намѣченною цѣлью, редакція помѣщала и будетъ помѣщать въ журналѣ своемъ тѣ произведенія, которыя, при литературномъ достоинствѣ, совершенно вѣрны и исторической истинѣ. Содержаніе журнала 1879 года, включая и печатающееся для послѣднихъ выпусковъ: бѣллетристическаго содержанія — Семейство Шалонскихъ (изъ семейныхъ преданій 12 года), Е. Туръ; Новгородскій погромъ, ист. пов. Политковскаго; Очерки древне-римской жизни, Т. Симонса; Престолъ и Монастырь (хроника-романъ 1682—1689 г.) Ш-б-скаго; Клирошане (сцена), Б. Б.; Переписка папы Климента XIV съ Карлино Бертинаци, Соколова; Съ русскимъ каравановъ, Н. Огородникова; Жанна де-Монфоръ, ист. пов. Витта; Воспоминаніе изъ Кавказской боевой жизни, Горюнова; Разсказъ плѣнника (изъ Хивинской экспедиціи), Д. И. Минаева; За живой изгородью (вандейская война), ист. пов. Витта; Семинаристъ, Богословскаго; Новгородскія Былины, Авенаріуса; ученаго содержанія—Флоренція въ XIV в., ист.-кул. очеркъ, Красноперова; Очеркъ Провансальской поэзіи любви, Деларю; Описаніе Московіи по реляціямъ Карлейля, Павловскаго; Арсеній архіеп. Элассонскій, Оглоблина; Пугачевскій бунтъ по Кастеру, Деларю; Индусы и Будда, Новоселова; Сервантесъ, покойн. проф. Селина; Тюремный вопросъ, Никитина; Основныя эпохи въ исторіи Англіи, Павлова и мн. друг., не считая мелкихъ статей. Въ будущемъ же году (редакція предполагаетъ увеличить объемъ книгъ) будутъ помѣщены, кромѣ многихъ другихъ, слѣдующія произведенія: Царскій выборъ, ист. пов. Политковскаго, Тѣни Прошлаго (Биронъ и Волынскій), хроника-романъ Шубарскаго (псевдонимъ) автора «Престолъ и Монастырь», Аттика по Дункеру, матеріалы для русской исторіи XVIII в., Послѣдніе Стюарты, нѣсколько переводовъ лучшихъ иностранныхъ историческихъ сочиненій и др.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к., съ перес. 8 руб. Подписка принимается въ редакціи (Бол. Садовая, д. 121, кв. 12) и въ книж. магазинѣ Я. Исакова, гос. дв., № 24. Иногородные благоволятъ адресовать въ Петербургъ, въ Редакцію журнала «Историческая Библіотека» (Бол. Сад., д. 121). *Гг. Подписчики текущаго года получаютъ всѣ вышедшіе нумера.*

Готовится къ печати и выйдетъ въ свѣтъ около 15-го числа будущаго мая мѣсяца

СКОМОРОХЪ,

ВТОРОЙ АЛЬМАНАХЪ «БУДИЛЬНИКА» на 1880 ГОДЪ:

изящный томикъ in-8° (форматъ альманаха «Будильника» 1879 года); **болѣе 150 столбцовъ текста** (стихи и проза); краткій календарь-мѣсяцесловъ на текущій годъ (къ первымъ 500 экземплярамъ, кромѣ того, будетъ приложенъ отрывной листъ святцевъ на 1880 годъ и, къ нему, отпечатанная золотомъ обложка: «календарь-портмонне»); рисунки (жанры) гг. **Лебедева, Малышева, Чичагова, Залѣсскаго и Кланга** (всего семь рисунковъ, роскошно отпечатанныхъ въ два тона.) Подписка будетъ приниматься въ главной конторѣ редакціи „Будильника“ (Москва, Леонтьевскій пер., домъ Мичинера)—ТОЛЬКО ДО 15 АПРѢЛЯ, въ виду слѣдующаго:

каждый подписчикъ, выславшій, вмѣстѣ съ подписными деньгами, свою фотографическую карточку (подробности см. ниже), найдетъ въ „Альманахѣ“

свой собственный портретъ

(конечно—не каррикатурный), исполненный на камнѣ гг. Кланговъ или Чичаговымъ и отпечатанный, въ форматъ полной страницы книги, на превосходной тонкой бумагѣ. На оборотѣ фотографической карточки **обязательно** должны находиться: имя, отчество, фамилія и адресъ подписчика. По отпечатаніи портрета, карточка возвращается заказчику въ цѣлости. Такъ какъ заготовленіе, можетъ быть, нѣсколькихъ тысячъ портретовъ потребуетъ не мало труда и времени, то Редакція и проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ: по возможности ускорить требованія.

Заказы на одни портреты (безъ «Альманаха») не принимаются.

Подписная цѣна—2 руб., съ перес. 2 р. 20 коп. за экз.

Выславшіе **десять** рублей, получаютъ **пять** экз. „Альманаха“ и олеографію съ картины Кизля: „Лѣнивка“—БЕЗПЛАТНО.

Цѣна „Альманаха“ безъ портрета—1 р., съ перес. 1 р. 20 коп.

Подробныя рекламы—см. въ «Будильникѣ.»

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 ГОДУ

ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ.

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

„Врачебныя Вѣдомости“ будутъ выходить въ 1880 году безъ предварительной цензуры.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гигіены, извѣстій о событіяхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарнаго, земско-врачебнаго дѣла, разсмотрѣніе и обсужденіе профессіональныхъ и общественныхъ вопросовъ—вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи **„Врачебныхъ Вѣдомостей“**. Прошло уже четыре года, какъ начали выходить **«Врачебныя Вѣдомости»**, восполняя дѣйствительный пробѣлъ спеціальной прессы — отсутствіе такого періодическаго органа, который-бы имѣлъ своими задачами бытовые, корпоративные и общественные вопросы, и неуклонныя стремленія газеты дать мѣсто самостоятельнымъ, независимымъ мнѣніямъ, заботы о точности выходовъ газеты и объ удовлетвореніи существенныхъ потребностей врачей, разъединенныхъ на огромномъ пространствѣ, не остались безслѣдны. Наши попытки образовать наконецъ органъ русскихъ врачей встрѣчены сочувственно и внимательно товарищами по наукѣ и профессіи. Это выразилось значительно увеличивающимся количествомъ самостоятельныхъ, научныхъ и бытовыхъ сообщеній, большимъ участіемъ врачебныхъ силъ въ разсмотрѣніи многихъ вопросовъ жизни и быта, многими указаніями, направленными къ газетѣ, чѣмъ она пользовалась съ благодарностью въ видахъ дѣла, интереса и пользы читателей. **«Врачебныя Вѣдомости»** не щадилѝ усилій, чтобы дать читателямъ, въ возможно сжатой формѣ, безъ лишнихъ размазываній, какъ выводы современныхъ научныхъ изслѣдованій, такъ и заключенія, вытекающія изъ явленій жизни, руководясь главнымъ образомъ *практичностью* первыхъ и полезностью послѣднихъ. Насколько газета успѣла выполнить свои задачи, конечно, судить могутъ сами читатели; но тѣмъ не менѣе она вправѣ указать, что всегда и во всемъ преслѣдовала принципы свободы профессіи, улучшенія ея положенія въ смыслѣ улучшенія положенія ея членовъ, ратовала за свободу личности и труда, находя для того основы въ наукѣ и точныхъ ея указаніяхъ. Желанія ея и въ этомъ направленіи расширить свои отдѣлы получили наконецъ удовлетвореніе. **„Врачебныя Вѣдомости“** ввели справочный отдѣлъ о свободныхъ врачебныхъ вакансіяхъ въ земствахъ и пр., сдѣлавшійся впослѣдствіи источникомъ для помѣщенія объявленій въ другихъ медицинскихъ изданіяхъ. Земскія и др. учрежденія отнеслись къ этому сочувственно и **„Врачебныя Вѣдомости“** имѣли возможность сообщать *своевременно* о многихъ мѣстахъ для врачей. Въ виду удобствъ читателей газета на будущій годъ приняла мѣры къ большему расширенію и этого отдѣла. — Въ 1880 г. **«Врачебныя Вѣдомости»** будутъ выходить по той же программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣсяца.
Безъ пересылки.	6 р.	4 р.	2 р.
Съ пересылкой и доставкой. . .	8 »	5 „	3 „

Подписка принимается: въ *Петербургѣ*—въ конторѣ редакціи **„Врачебныхъ Вѣдомостей“**, Владимірская 7, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ подписку и иныя требованія исключительно въ контору редакціи **«Врачебн. Вѣдом.»**

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ПРОДАЮТСЯ:

РУКОВОДСТВО КЪ КЛИНИЧЕСКОМУ ИЗСЛѢДОВАНІЮ И ДІАГНОСТИКѢ

проф. Р. Гагена, въ русскомъ переводѣ. **Цѣна 60 коп, въ коленкор. перепл. 75 коп.**

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ ПРОШЛУЮ ВОЙНУ.

П. Шликаго. **Цѣна 1 р. 75 к., съ пересыл. 2 р., веленев. и коленкор. перепл. 3 р.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 ГОДУ

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ шесть разъ въ годъ, книжками отъ 20 до 25 листовъ, подъ редакціею *проф. Володимірова* и Тов. Об.-Пр. Сената *Н. Деппа*.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ.	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города	9 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА, платятъ за журналъ и за рѣшенія:

съ доставкой въ С.-Петербургѣ	13 р.
съ пересылкой въ другіе города	13 р.

РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА разсылаются немедленно по выходѣ отдѣльныхъ листовъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 р. съ достав. въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго права», въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекой, а въ Москвѣ—на Никольской улицѣ.

Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію «Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 2 линія, домъ № 7.

Подписка на 1880 годъ продолжается на тѣхъ же условіяхъ.

Вторая книга журнала (Мартъ—Апрѣль) выйдетъ 1-го Апрѣля. Въ ней будутъ помѣщены: 1) Узаконеніе и распоряженіе правительства. 2) Личный составъ. 3) Протоколы уголовнаго отдѣленія С.-Петербургскаго юридическаго общества. 4) О незаконнорожденныхъ, *А. Кистяковскаго*. 5) Кандидаты на судебныя должности (вопросъ судебной политики). 6) Стокгольмскій конгрессъ, *И. Таганцева*. 7) Научная обработка исторіи права въ русской литературѣ, *М. Липинскаго*. 8) О выдачѣ преступниковъ, *Н. Латышева*. 9) О состязательномъ процессѣ по уставу гражд. суд. 1864 г. *Проф. Окольскаго*. 10) Библіографія гг. *Гольмстена*, *Даневскаго*, *Таганцева и Володимірова*. 11) Практика русскаго суда: а) о кассаціонныхъ поводахъ по дѣлу Ландсберга; б) опредѣленія общаго собранія С.-Петербургскаго окружнаго суда; 12) Судебная хроника: Памяти стараго суда (Саратовскій процессъ), *И. Левенсона*. 13) Замѣтки: а) Подлежатъ ли несовершеннолѣтніе отдачѣ въ исправительныя отдѣленія? б) Имѣютъ ли окружные суды право возбуждать преслѣдованія? в) Могутъ ли кандидаты на судебныя должности нести судейскія обязанности? г) Можетъ ли судъ постановлять о вводѣ во владѣніе имѣніемъ, если въ основаніе просьбы о вводѣ представлена межевая книга съ планомъ? *Г. Вербловскаго*. 14) Разныя извѣстія. 15) Объявленія (Всего въ книгѣ 28 листовъ).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

ВЪ 1880 ГОДУ

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ),

ВЪ ПРОГРАММУ КОТОРОЙ ВОЙДУТЪ:

I. Отдѣлъ статей и изслѣдованій по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II. Отдѣлъ общихъ политическихъ извѣстій и политическія телеграммы. III. Хроника или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV. Отдѣлъ хроники о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V. Фельетонъ. Въ немъ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI. Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной, желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также разнаго рода частныя объявленія. VII. Прибавленіе къ „Оренбургскому Листку“.

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“.

Этотъ отдѣлъ выходитъ по четвергамъ безплатно и заключаетъ въ себѣ: политическія телеграммы, дневникъ мѣстныхъ происшествій, календарныя свѣдѣнія и разнаго рода частныя объявленія.

Примѣчаніе. „ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“ выходитъ въ форматѣ половины обыкновеннаго листа.

Газета „**Оренбургскій Листокъ**“ выходитъ по вескресеньямъ, а „**Листокъ Объявленій**“ по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію съ „Прибавленіемъ“ **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкой и пересылкой.

Редакція покорнѣйше проситъ лицъ, знающихъ мѣстный край, присылать ей какъ статьи и изслѣдованія, такъ и сообщенія свои, касающіяся мѣстной жизни, съ какой бы то ни было ея стороны. Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать: въ Оренбургъ, въ редакцію газеты „**Оренбургскій Листокъ**“, Перовская улица, домъ № 33, близъ театра, при типографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ—Издатель **Ив. Евфимовскій-Мировицкій.**

ОПЕЧАТКИ

въ Январской книгѣ:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
77	2 снизу	Болѣе далекіе и болѣе знающіе, иностранцы	Болѣе далекіе и болѣе знающіе иностранцы
80	3 сверху	неизмѣнимы	незамѣнимы
101	13 „	едва не насквозь	едва ли насквозь

Въ Февральской книгѣ журнала въ Политическомъ Обозрѣніи страница 62 помѣчена 61, а 61 страница—62.

f 112,- + 4%

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 322 742 170